

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1857–1916):
СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ
И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ

АНТОЛОГИЯ

Издательство Томского университета
2015

УДК 070(571.16)(091)(075.8)

ББК 76.003(2Рос-4Том)я73

П 27

С о с т а в и т е л и:

Н.В. Жилиякова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета,

В.В. Шевцов, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета,

Е.В. Евдокимова, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

Р е ц е н з е н т ы:

Жирков Г.В., доктор филологических наук, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций С.-Петербургского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ

Родигина Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета

Периодическая печать Томской губернии (1857–1916):

П27 становление журналистики и формирование регионального самосознания / Сост.: Н.В. Жилиякова, В.В. Шевцов, Е.В. Евдокимова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 2.: Антология. – 524 с.

ISBN 978-5-7511-2371-0

DOI 10.17223/978-5-7511-2371-0

Антология текстов из газет и журналов, издаваемых в Томской губернии дореволюционного периода, позволяет непосредственно познакомиться с наиболее значимыми публикациями сибирских авторов, оценить методы их журналистской работы и уровень публицистического мастерства, определить типологическую специфику органа печати, его роль и значение в процессах самоидентификации сибирского общества.

Предназначена для студентов, обучающихся по магистерской программе «Сибирские исследования» по направлению подготовки 03.06.00 – История; магистерской программе «Социальная антропология и этнология» по направлению подготовки 46.04.03 – Антропология и этнология; бакалаврской программе по направлению подготовки 42.03.02 – Журналистика.

УДК 070(571.16)(091)(075.8)

ББК 76.003(2Рос-4Том)я73

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.

*Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»,
грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009*

ISBN 978-5-7511-2371-0

© Томский государственный университет, 2015

© Н.В. Жилиякова. Составление, 2015

© В.В. Шевцов. Составление, 2015

© Е.В. Евдокимова. Составление, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

При подготовке антологии составители прежде всего обращали внимание на программные редакционные выступления, которые, как правило, публиковались в первом номере нового издания: в них обозначалось своеобразие нового проекта, формулировались цели и задачи, определялась потенциальная читательская аудитория. Представлены также статьи, по которым можно определить типологическую специфику органа печати, увидеть особую точку зрения автора, оценить жанровые особенности текста, познакомиться с основными темами сибирской печати.

Материалы антологии объединены в четыре части, в особый раздел вынесены материалы неофициальной части «Томских губернских ведомостей».

В большом объеме также представлена периодика Новониколаевска: здесь в большей степени отражены газетные жанры, в том числе информационные, корреспонденции, передовые статьи и т.д. таким образом, антология дает полноценный «срез» периодической печати Томской губернии.

Авторы благодарят за поддержку своих коллег и надеются, что антология станет очередным этапом в серии подобных изданий, представляющих широкой публике журналистику отдельных российских регионов.

Часть 1

ПЕРВАЯ ТОМСКАЯ ГАЗЕТА «ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1850–1860-е гг.)

Томские губернские ведомости

Статейка для немногих (1858. № 13)

От нашей газеты, от наших губернских ведомостей, пожалуй что многие, но вернее всего немногие, будут требовать Бог знает чего, будут смотреть свысока на помещаемые статьи, судить-рядить вкривь и вкось. Но газета не должна этого пугаться. Она еще младенец; а младенец умный не бывает труслив. Дайте время, дайте срок... Многого и обещать нельзя, здесь не столица, а губернский город – провинция. К тому же с назначения города губернским едва только минуло 50 лет. Когда же еще было птенцу опериться и парить в апогее литературной славы? Самое название губернских ведомостей представляет ограниченную раму, чрез которую не может перескакивать всякий вид беллетристики, дозволяемой литературным и политическим газетам. Да и вообще здесь трудно находить предметов исторических, которые бы сохранялись в архивах и могли служить главными и достоверными источниками для разных полных и подробных описаний. Известно, что наши архивы снабжали целыми столбцами и кипами бумаг историографов Миллера, Фишера и других, многое утратили от времени, недостатка внимания или истребились огнем, истлели от сырости, сделались пищею мышей; всех причин не перечтешь. Но главное то, что при частных преобразованиях Томска из воеводского управления в уездное городское, провинциальное, областное и снова уездное старые архивные дела передвигались и в Тобольск, и в Енисейск, даже в Кольвань. До 1822 г. еще виднелись дела, писанные столбцами в Кузнецке, но после уже этого года взято их несколько бывшими начальниками и вероятно разошлись по рукам. Что же осталось в нашем губер-

ском архиве, которого самые старые дела не восходят даже далее года? Осталось ровно почти ничего по части исторической, по части любопытной старины, или в других отношениях, что могло бы составить интерес губернских ведомостей. Поневоле обратишься к живым памятникам – томским старожилам, и на их рассказах, весьма недостаточных и полученных также от дедов и отцов, иногда нужно основывать какой-нибудь, по возможности, по-видимому любопытный очерк. Но и эти живые памятники старины исчезают. Никто из них не вел ни томской летописи, ни записок каких-нибудь, хоть бы и с грехом пополам, ни даже обыкновенного дневника. Теперь судите, как трудно, чтобы Томские губернские ведомости сосредотачивали на своих страницах постоянно, всегда любопытные статьи. Конечно, надобно довольствоваться и тем, что имеем при наглядности в настоящее время, при желании и стремлении к тому, чтоб иметь еще труды тех, которые не поспеют делиться ими. Не будем строги к этим трудам; не будем слишком уж разборчивы и прихотливы, а по присловью: *всякое деяние благо*; всем статьям и статейкам, обработанным вполне или необработанным, найдется свое место. Опять-таки нужно сказать, что на всех не угодишь:

«У всякого свой вкус: Кто любит дыню, кто арбуз», иначе: *Chaque Varon a sa fantasie*. Да не подумают многие, или немногие, что мы слишком уже односторонни, что хотим черпать мудрость для губернских ведомостей только из старых архивных дел, да и тут видим знаки препинания. Нет, наша губерния весьма разнообразна. Один отдел географического положения ее неисчерпаем, топография и этнография почти нетронуты, а умный взгляд статистика, а постоянные наблюдения, а технологические разрешения вопросов, применимые к местности и выражаемые удобопонятным языком для большинства публики, и вообще сообщение разного рода полезных сведений по части сельского хозяйства и домашнего быта, и прочие иные тому подобные статьи весьма удачно ложились бы на листки губернских ведомостей и составляли бы всегдашний и постоянный интерес для читателей, как потребителей, необходимо нужных при издании местной газеты. Но где же производители всех вышеозначенных статей и статейек? Вот где не только точка с запятой, но и совершенная точка. Что же за причина существующей апатии? Ищите этого не в недостатке умных и образованных людей, а скорее в нежелании и лени. Слышишь иногда, с грустью, отзыв некоторых, что в ведомостях следовало бы поместить и то, и это, что есть у них подготовленные вчерне тетрадки, да лучше послать в столичные ве-

домости, или в какой-нибудь специальный периодический журнал, или вот такое-то известие в губернских ведомостях, или очерк, или описание не совсем грамотно и даже бестолково. Просили и молили бы мы этих господ указателей для общей пользы исправлять ошибки и пополнять недостатки сообщением интересных статей. От общего лишь соревнования и стремления поделиться сведениями в какой бы отрасли науки ни было зависит успех неофициальной части. Ждем, по крайней мере, от этих критико-указателе-писателей в других газетах и журналах превосходных их статей, да и там не находишь. Они сочиняют на словах, а не на бумаге. Поневоле повторишь слова одного поэта, давным-давно когда-то отпечатанные:

Критиковать не мудрено,
Да глупы в критиках нападки:
Иной бы рад писать умно,
Да голова-то в беспорядке.

Да простят мне правду-матку. Конечно, и не прибегая к исторической старине найдется многое кой-чего и из современной жизни Томской губернии. Возьмите, например, цены на разные потребности в разных округах, но сообразите, но сравните и отыщите причины или возвышения, или понижения их в разное время года. Обратитесь к развитию или упадку промышленности, к стремлению улучшить пути сообщения, водворить успехи просвещения и цивилизации. Все это в статистическом виде и любопытно и полезно. В заключение этого скажу еще одно слово правды. Не обогатятся ли наши листки, если б умный и просвещенный взгляд коснулся нашей администрации, нашего мирного и благотельного управления и разных преобразований, ко благу Западной Сибири совершенных и совершаемых постепенно прозорливым и попечительным ее Начальником, который водворил порядок и на окраинах Киргизских степей юга, и в снегах и тундрах Березовско-Обдорских неприступного Севера. Да, эта статья еще не начиналась. Мы слишком скромны. Газеты других стран давно бы звучали. А мы смиренно идем к светлой цели, указуемой нам мудрым Правительством. Одно сравнение прошедшего и настоящего житья-бытья Западной Сибири заняло бы много газетных страниц, как неистощимый предмет рассказов во всех сословиях нашего общества, и память о настоящем благотельном управлении Западной Сибири не умрет никогда.

Заангарский Сибиряк

Кое-что о Семипалатинске (1858. № 42)

Во всяком месте и городе найдется много такого, что заслуживает описания или, по крайней мере, покажется не лишним для людей любознательных. Не всякий может побывать везде, видеть всё иному не дозволяют обстоятельства, а многим и самые средства. Если вы, читатель мой, человек любознательный, любите ходить, – удостойте прогулкой и наш городок! В комнатах душно и не хочется сидеть. Освежительный, чудный воздух, лунная, очаровательная ночь – все к вашим услугам. Правда, по улицам много песку, тяжело идти, вы не привыкли. Но это ничего – скоро привыкнете! Возьмите на час терпения – и всё будет хорошо. Городок наш имеет свои особенности. Он расположен, как видите, на ровной местности и делится на четыре части: на сам город, где живут преимущественно русские, помещаются лавки, базар и другие принадлежности торговли. Далее, во второй части, найдете много отличных и хороших домов. Некоторые из них построены в стиле современной архитектуры, но таких немного. В вечернюю прогулку, да и, пожалуй, и днем, вы здесь почти никого не встретите; все тихо и носит печать какого-то уныния; вам самим, смотря на эту тишину, делается неловко, чего-то не достает, вы спрашиваете себя – почему? и не можете дать ответа. Наконец, пред вашими глазами является несколько мечетей и вы узнаете, что это отделение, так называемая Татарская слобода. Здесь вы останавливаетесь перед одним домиком; он близок к развалинам; вы сосредоточили на нем всё свое внимание; рассматриваете его со всех сторон и, наконец, говорите: это что-то в китайском вкусе. Вот и другой, совершенно похожий на первый. Такое наблюдение наскучило, утомило вас. Для разнообразия начинаете считать мечети: их оказывается пять. Одни построены давно, другие только с иголочки или, правильнее, с топора. Последние, очень недурной архитектуры. Ныне мусульмане затевают довольно большую каменную мечеть, остановка, кажется, за планом: кирпич давно готов.

Житье-бытье здешних татар больше чем монотонное; с русскими большой дружбы не ведут; простую водку редкие употребляют; но для бальзама, наливок и других настоек забывают закон пророка.

В этой же слободе живут и ташкенцы, покинувшие свою родину, и торгующие здесь бесплатно и беспоплинно. Одежда их обыкновенная – татарская, только по халатам застегиваются роскошными

поясами, которые вышиты самыми лучшими шелками и украшены серебряными пряжками с насечкою в роде черкесской, а иногда с дорогими камнями. На голове, как и татары, они носят чалмы, белого и зеленого цвета, – более белого. Известно, что зеленые чалмы имеют право носить только те из мусульман, которые ведут свой род от Мухаммеда. Действительно, таких увидите немного. Но если в каждом городе, где существуют ташкенцы, встретить хотя бы по два таких, то великий пророк не беден родней! Ташкенцы очень любят пиво и мед, и страстные поклонники золотой и серебряной монеты. Из любопытства я посещал некоторые татарские дома. Все они пропитаны невыносимым мыльным запахом, который душу выворачивает наизнанку; достаточно полчаса, чтобы уйти оттуда с головной болью. Главное угощение их чай и фрукты, как-то: урюк, кишмиш, фисташки и яблоки. Первые привозятся из китайских пределов, последняя с Капала, и виноград, стоящий здесь от 15 до 20 к. за фунт; он получается зимой, мерзлый и от того не очень вкусен.

Лакомое и самое любимое кушанье татар «пилав», в роде нашего жаркого, приготовляемое из свежей баранины, обложенной вареным сарацинским пшеном, смешанным с изюмом. Я пробовал его, и он мне очень понравился. Но мысль о неопрятности приготовления заставила умерить аппетит. Русские, которые сжились с ними, не обращают на это никакого внимания – кушают с наслаждением и даже нарочно приезжают к знакомым татарам в гости и просят не угощать их ничем более, кроме этого кушанья.

Все-таки жизнь татар чрезвычайно скучна и монотонна. Какая причина тому: собственное ли нежелание их подвинуться вперед и сбросить с себя флегматическую лень, или в этом виновата Азия, бросившая как на них, так и на русских, здесь родившихся, свой отпечаток? – положительно сказать трудно, но кажется, последнее будет верно.

Праздники свои все мусульмане проводят в молитве, еде и сне. И хорошо: «кто спит, тот не грешит»... Единственная отрада женщин – катанье по улицам. Эти вечные затворницы и рабыни закрытые фатами, осмеливаются тогда открывать свои нос и глаза.

Все татары любят музыку, и у многих есть органы и шарманки. Дети их (мальчики) серьезные, – полагаю, потому, что лет с пяти их отдают в школу (татарских школ здесь шесть), где они преимущественно изучают свой Алкоран – чем и оканчивается лет в 14, и даже ранее, их образование. Я пробовал говорить некоторым отцам се-

мейств, что бесполезно было бы знать им и русскую грамоту; но они смотрели на меня недоверчиво. Трое, убедившись, отдали своих детей в здешнее училище. Какие же способности! Ни слова по-русски, – и в три дня выучились читать. Вообще, татары народ с дарованием, умны, понятливы и восприимчивы. Но чтобы двинуть эту массу вперед, – нужно силу и ловкость.

Теперь перейдемте к третьей части города. Это крепость, следы которой до сего времени сохранились, именно: каменные ворота и валы; остальное все уничтожено временем.

Последняя часть города носит название казачьей слободы, потому что населена казаками. Полуразвалившиеся дома их исправлены заботами бывшего полкового командира Мисарожа и приведены в опрятность. При проезде в Семипалатинск по казачьим форпостам вы встретите такую же опрятность, такие же однообразные, красивые и чистенькие домики казаков, как и в Семипалатинске. Они весело посматривают на нас из-за деревьев, насаженных перед окнами, – и манят к себе погостить. Казаки должны быть благодарны г. Мисарожу за то, что живут в таких чистеньких домиках. Что касается киргиз, живущих в городе, то они и работники, и слуги, но беззаботны и ленивы до того, что если бы киргизу была возможность не мыслить, он воспользовался бы ею с наслаждением. Эта азиатская лень еще яснее и разительнее отражается на тех из них, которые приезжают в город за какими-нибудь потребностями. Степной киргиз ни шагу не сделает без лошади, так что некоторые, за неимением лошадей, седлают коров, и это им не кажется смешным или уродливым.

В узких, выразительных и черных глазах их просвечивают коварство, хитрость и злость, которыми так щедро одарила их природа. Одежда их оригинальна. Ни в какое время года не покидают они своих остроконечных меховых шапок, у всех без исключения покрытых матерью алого цвета. Верблюд друг и слуга киргиза: на нем он перевозит весь дом и тяжести свои; с ним отдыхает после трудов, и кроткое животное во всем послушно своему господину. Здешний верблюд двугорбый; одногорбых я не видал, да, кажется, и нет их. Всех подробностей о киргизах пока еще не знаю, а потому и ограничусь тем, что имею. Надеюсь нынешним летом посетить степи, постараюсь вникнуть в их жизнь и во всё, что их касается, а пока, чем богаты, тем и рады.

Вергунов

Несколько слов о воспитании (1862. № 42)

Сколько написано бумаги о воспитании, сколько напечатано проектов, – а между тем мы идем все тем же путем, старым, неудобным и, вдобавок, медленным. Бумага, исписанная на проекты, если и принесла пользу, то разве только типографиям, да доставила пищу журналам. Появление в печати каждого проекта о народном образовании влекло за собой ряд толков pro и contra, приходивших к одному и тому же печальному результату, что проект не предлагает ничего нового, практически применимого, словом – ничего. Что-же это значит? Потребность образования чувствуется во всех слоях общества, правительство предлагает разнородные меры в образовании народа, показывая ему всю пользу и выгоды его, а дело между тем весьма медленно продвигается вперед. Один из энергичных деятелей просвещения и современных педагогов, граф Л.Н. Толстой, в журнале своем «Ясная Поляна» за январь месяц текущего года спрашивает: «Что более законно – противодействие или самое действие; нужно ли сломить противодействие или изменить действие?». Каждый ученик идет теперь в класс с такою же охотой, как невольник негр идет на работу: у него иногда 5 уроков, каждые по 2 листа, часто содержащих в себе одни сухие формулы, смысла которых он большей частью не понимает. Да и существует ли возможность выучить на память 10 листов, иногда с 3 часов пополудни, положим, среды, до 9 часов утра четверга? В состоянии ли учитель, при всем своем старании, быть сколько-нибудь полезным ученикам, в какие-нибудь 1 ½ часа, назначенные для урока. Он может или объяснить по известной форме ученикам урок, которого никто не понимает, потому что каждый ученик занят в это время прошлым уроком, думая «авось либо спросит учитель», и поэтому бояться развлечь себя слушанием объяснения нового урока; или же учитель проведет 1½ часа в спрашивании урока. В последнем случае все силы учеников сосредоточатся на мысли – как бы не сбиться и объяснить урок слово в слово. Может ли ученику нравиться наука в такой отяготительной форме? Прошло то время, когда думали прельщать учеников похвальными листами; теперь дайте свободную дорогу желанию – учиться так, как того хочет молодое поколение. При этом случае приведу опять слова графа Толстого в отношении учителей: «учитель всегда невольно стремится к тому, чтобы выбрать самый для себя удобный способ пре-

подавания. Чем способ преподавания удобнее для учителя, тем он неудобнее для учеников. Только тот образ преподавания верен, которым довольны ученики». Кто не согласится с тем, что эти немногие слова заключаются в себе более истины, чем многие велеречивые проекты. Иначе и быть не может. Каждый учитель непременно должен приносить в жертву интересам просвещения свои собственные интересы в преподавании. Учителя иногда сваливают вину неудачного преподавания на бедность нашей учебной литературы: они говорят, что каждый учебник не более как конспект, что если учитель и объяснит ученикам урок в более обширном виде, нежели он представлен в книге, то все-таки ученик забудет это объяснение, так как он не может повторить его дома. Но разве необходимо повторение? Няня рассказывает 6-летнему ребенку сказку, и он так хорошо ее запомнит, что никогда не забудет. Ведь проявляется же в детях охота к музыке, к живописи; она может так же точно проявиться и относительно изучения истории, словесности и других наук. Если ученик имеет исключительную охоту к известному кругу предметов, то трудно привлечь его насильно к другим. Дайте ему дорогу, пусть его молодая душа сама себе изберет путь; вступивши раз на этот путь, он никогда уже не сойдет с него; лучше быть специалистом, чем энциклопедистом. Дело педагога – только поощрять это направление и таким образом развить в воспитанниках уважение к науке. Г. Орбинский в публичных своих лекциях проводил противоположность в образовании англичан и французов. Первые, из признания господства ума и уважения в творениях человеческого духа, учатся по 19 лет в учебных заведениях; вторые же учатся из-за какой-нибудь ленточки. В последнем мы перещеголяли французов.

Наша гимназия – это цейхгауз для склада вещей; дом, куда родители стараются сбыть своих детей, чтобы избавить их от домашних сцен. Сколько в них воспитанников, сидящих по три года в одном и том же классе: редкий из них оканчивает курс; другие по большей части пускаются в жизнь из 5 класса. И чем же кончает свою карьеру подобная молодежь? Если бы наши гимназии давали какое-нибудь специально-научное воспитание, чтобы ученик был твердо уверен в собственных силах, чтобы по окончании курса он чем-нибудь мог быть полезен обществу как гражданин, тогда и гимназии были бы полнее, и учащиеся были бы деятельнее. Посмотрите, сколько у нас немцев, которые с успехом преподают русский язык. Пусть же,

с другой стороны, какой-нибудь Сидоров или Карпов заявит желание давать уроки немецкого языка: сколько будет насмешек над ним, да и найдет ли он место! Грустно, что и в обществах, и в проектах о воспитании – везде проглядывает предубеждение, что из нас не может быть ничего путного.....

(О.В.)
Ив. Федоров

Томск, 18 сентября (1864. № 37)

Очень давно уже в наших ведомостях не появлялось под настоящей рубрикой ни слова, ни строчки; но не думаем, чтобы это было таким заметным явлением, о котором бы стоило теперь вести речь и объяснять причины, почему дело обстоит так, а не иначе. По совести сказать, хотя и в обиду собственному самолюбию, нам уже хорошо известно то внимание, которым пользуются губернские ведомости среди местного общества, равно как и то положение, которое занимают они вообще пред судом всего русского читающего люда. Поэтому совершенно рационально поступим мы, если скромно отстраним от себя всякие подробные объяснения по поводу долговременного молчания. Для нас будет совершенно довольно и того, если скажем, что подобное ощущение с нашей стороны скорее всего можно приписать боязливому опасению за бесполезную трату времени на составление статей, или вовсе нечитаемых, или по крайней мере не имеющих никакого влияния на заведенный у нас порядок вещей, чем какому-нибудь другому основанию. Говорить без всяких последствий, без всякого отзыва со стороны общества о лучшем устройстве пожарной части, о лучшем устройстве мостовых, о необходимости уездной корреспонденции, о лучших порядках в торговле мясом, говорить как будто шутя, для собственного удовольствия, для нескутного препровождения времени, говорить, положим, и не всегда строго обдуманное, не всегда практически верные предположения и мысли, но все-таки говорить голосом вопиющего в пустыне и не встретить ни одного замечания, ни одного отклика, в котором бы кто-нибудь выразил свое сочувствие к поднятым общественным вопросам: – воля ваша! – это такое дело, после которого невольно посмотришь на себя, как на человека, «секущего воду» или усердно «переливающего из пустого в порожнее». Отчего,

в самом деле, никто до сих пор не сказал ни слова по поводу статьи о прислуге в Томске, тогда как этот предмет слишком близко касается наших материальных интересов и устная речь о нем так нередко слышится среди частных бесед? Отчего до сих пор так упорно держится обычай колоть среди базара телят и возить публично на окровавленных шкурах говядину, хотя подобными картинами, как мне удавалось слышать, возмущаются даже простые кухарки? Отчего никто не поддержал, никто не отверг гласно, кроме одного сделанного лично автору замечания, возможности вымостить камнем наши торговые площади, хотя каждый в отдельности томский житель глубоко недоволен грязью наших базаров? Отчего все это? – От того, что мы любим поговорить, любим удовлетворять этой человеческой потребности, любим задаваться высокими космополитическими и философскими вопросами и ниспускаться, пожалуй, от них до мелочей обыденной своей общественной жизни, но только непременно окружая себя при этом несколькими слушателями, говорить только устно, вслух, как будто с целью насладиться звуками собственного голоса. Нет, господа, дела общественные делаются не так. Как вы ни ратуйте среди нескольких избранных лиц, ваше ораторство и останется одним только ораторством; вы «шумите – и только», как говорит Репетилов. Если мы действительно сколько-нибудь проникнуты общественными интересами, если мы точно желаем, чтобы наша общественная жизнь и деятельность подвигались вперед в постепенном ряде улучшений, то мы не должны выражать своих симпатий и антипатий одними гостиными восклицаниями, одним шумом на словах, а должны стараться заявить свое мнение публично, дать ему ход за пределы кружка своих знакомых в среду целого общества и отстаивать свое убеждение, свой взгляд не громким голосом, не выразительными жестами, а серьезным печатным словом, высказанным спокойно и твердо, без гнева и увлечения. Ведь, в самом деле, сколько в среде нашего общества есть лиц, способных владеть пером и сочувствующих всему доброму и хорошему в устройстве общественной жизни; а много ли у нас было статей, в которых бы высказали они публично свои стремления поддержать общественные интересы?!.. Кто следил за составом наших ведомостей в течение последних двух лет, тот, конечно, скажет, что подобные статьи появлялись в них не более как редкость. Взгляните в один из следующих номеров наших ведомостей, где будет напечатан пере-

чень статей неофициальной части за 1863 год, и вы увидите, какая это горькая правда.

Может быть, вы думаете, господа, что губернские ведомости не стоят того, чтобы в них заявлять свои серьезные убеждения и стремления: ошибаетесь! В этом-то ложном взгляде и кроется причина того, что наши ведомости, при недостатке в них разнородных статей, мало расходятся и мало читаются. Стало быть ведомости не виноваты только тем, что они губернские, а виноваты те, кто смотрит на них с пренебрежением и вместо того, чтобы поддерживать местный, возможный по условиям провинциальной жизни орган гласности, или спокойно отделяется одними ораторскими речами, или же жаждут чтения столичных газет и им только дают право разбирать наши домашние дела, вовсе не подозревая того, что в этом случае иногда прямо идут против своего высказываемого устно стремления – развивать областную жизнь и не поддерживать одной исключительной централизации. Доказывать это фактами в настоящее время нет надобности. Разверните любую столичную газету и вы увидите в ней целый ряд дельных выписок из разных губернских ведомостей, на долю которых выпала лучшая судьба в сравнении с нашими ведомостями и в которых слышится голос не одного только или двух лиц, но многих членов общества, знакомых с теми или другими местными предметами и явлениями. Очевидно, такие ведомости читаются, и читаются с интересом, и статьи их находят себе отзывы не только среди местного общества, но и в столицах. Если же до сих пор подобной судьбы не выпало нашим ведомостям (Впрочем из лучших статей их были не только перепечатки в обыкновенных столичных изданиях, но даже и перевод одного отрывка в главном политическом органе нашего правительства – в *Journal de St. Peterbourg*), и если некоторые общественные вопросы, поднятые в них, как будто совершенно прошли незамеченными, то это единственно зависело от того, что в них высказывал почти только один человек свое мнение. А ужели вы, господа, не знаете того простого положения, что для возбуждения лучшей мысли и лучшей деятельности общей массы населения наших городов необходим не слабый только голос какого-нибудь малоизвестного отдельного лица, а строгое и постоянное, с позволения сказать, *долбление* со стороны многих и, пожалуй, еще влиятельных лиц. Мясник наш не поймет грязи своих поступков и не опомнится до тех пор, пока ему не укажут на целый ряд людей, им недовольных. Наши общественники

точно так же будут с бранью и ругательствами месить грязь под своими ногами, пока не доведут их до необходимости позаботиться об уничтожении ее или потоком одних нападков, или же внушением начальственным. Что это действительно делается у нас так, а не иначе, – присмотритесь только и прислушайтесь к нашим собраниям общественников. Заранее, на домах, они еще рассуждают очень здраво и основательно, уговариваются порой защищать те или иные общественные интересы, изъявляют готовность отстоять их всею силою своей воли; а между тем в самом собрании, в самую критическую минуту и окажется, что они «только шумели», как говорит Репетилов. Громкие голоса при подаче мнений нередко увлекают у нас скромное большинство, как это и было, по дошедшим до нас рассказам, при обсуждении вопроса об имущественном распределении мещанских податей. Есть у нас мещане – бобыли, едва достающие себе насущный хлеб, есть мещане – торговцы и промышленники, имеющие в обороте десяти-двадцати и тридцатитысячные капиталы. Понятно само собою, что равномерно распределять между тем и другим родом мещан окладные подати составляет вопиющую несправедливость, но несмотря на то в собрании общественников мнение капиталистов одержало верх, и они, как люди правые и сильные, успели увлечь за собой других и умели весьма выгодно для своих полных карманов приравнять себя в количестве податей с горькими бедняками. Думаете ли вы, что у них хотя сколько-нибудь вопияла при этом совесть и нечисто дельце обделано ими только потому, что любовь к деньгам пересилила нравственные побуждения: ничуть не бывало! Об этом никто не говорит, вероятно, даже никто не думает: так-де уж должно быть, чтобы «на бедного Макара и шишки валились». А попробуйте этим же самым людям, у которых так глубоко улеглись эгоистические, расчетливые интересы и так слабо, и так мимолетно выплывают наружу нравственные, человеческие стремления, – попробуйте вовремя, заблаговременно и в нескольких статьях внушить сознание о необходимости равномерного распределения налогов и о пользе, доставляемой бедняку сложением с него лишнего целкового нечувствительной заменой его со стороны состоятельного мещанина, – и вы увидите, что настойчивое слово нескольких членов общества не пройдет даром. Слабая партия бедняков, ознакомившись заранее в печати со взглядом на предстоящий вопрос лучших членов общества, без сомнения, не так легко уступит свои защищаемые гласно права, а с другой стороны, и сильные кри-

куны не отважатся на публичный позор и не пойдут против заявленных очевидных истин... Впрочем, чего же лучшего искать для доказательства верности высказанных мыслей, как не настоящий факт. Мы же можем еще ручаться за безукоризненную его верность и точность, как не очевидцы, а только лица, слышавшие о нем рассказы; все-таки думаем, что никто не скажет нам по поводу нашей статьи ни слова и никто не даст обществу возможности поверить справедливость факта. Правы мы в своей статье ли не правы – до этого как будто никому нет дела.

Что ж, господа, ужели все это не достаточная побудительная причина к тому, чтобы мы молчали довольно долгое время? Не покривим мы совестью и самоуважением, если скажем теперь, что, не произнося пока ни слова о наших общественных явлениях, мы между прочим именно ожидали слова других и думали, что наше молчание подаст им повод присовокупить свою речь к поднятым вопросам. Но, – увы! Как видите, наше желание не оправдалось, и как ни странными, быть может, покажемся мы опять со своими одиночками, никем не поддерживаемыми возгласами и убеждениями, все-таки мы намерены снова поднять голос и, отбросивши лень и выжидания, говорить опять не только уже о нашей городской жизни, но по возможности о всем, что только случается замечательного по губернии и о чем доходят до нас официальные сведения. Может быть, мы теперь еще более, чем словоохотливые ораторы, будем находить «шумящих» людей, характеризуемых Репетиловым, однако пусть наше слово идет своей дорогой. Ведь, в самом деле, жаль нам оставлять без внимания такие, например, явления, как небрежность в поддержке порядочного устройства города. Посмотрите-ка на нашу, так красиво отделанную *Воскресенскую гору*, посмотрите, как она рушится и как, видимо, никто не замечает этого! *Не пожалейте же, господа, небольшой суммы на поддержку довольно дорогого устройства горы и не дайте ей возможности дойти до прежнего безобразия или же в будущем году не заплатите за ее поправку во многократ большими капиталами, чем теперь!!!.*

Вот видите, что нам приходится теперь употреблять уже более крупный шрифт в тех местах своих статей, на которые мы хотели бы обратить хоть какое-нибудь внимание губернского общества. Дайте же, пожалуйста, господа, ваших статей в наши ведомости и поддержите их в интересах разработки многосторонних вопросов нашего слишком малоизвестного края!

Быть может вы стесняетесь еще тем, что труд ваш для губернских ведомостей останется не вознагражденным: поверьте, что подобное положение немедленно должно окончиться вместе с развитием интереса содержания самих ведомостей. Чем более в них будет помещаемо статей, тем более, конечно, будут они распространяться в обществе и тем более будет у них средств к уплате вознаграждения. Это так ясно, как нельзя себе представить ничего яснее. А требовать себе безусловно платы прежде представления статьи в редакцию – согласитесь сами – дело довольно странное. Ведь есть же у нас в России прекрасное издание «Чтений в обществе истории и древностей российских», в котором многие искренние любители дела помещают свои очень серьезные труды, хотя это издание и не дает им никакого вознаграждения. Где же после этого наши-то благородные, направленные к пользе общества побуждения?!..

Что выйдет из нашего предложения, – не знаем. Пусть, кому угодно, проходит его мимо, не обращая внимания, пусть явятся желающие указать нам на неуместные стремления: к встрече того и другого мы совершенно готовы, но, разумеется, примем с благодарностью только последнее.

Д. Кузнецов

Сибирь в 1-е января 1865 года (1865. № 1)

Vive la mort и да водрузится будущее!

Момент наступления нового года есть всегда момент радостных ожиданий и лучших надежд человека, так понимают его все и всегда. Люди торжественно и весело встречают его, забывая мгновенно и без сожаления год старый, как будто сбрасывая с плеч своих тяготившую их до сих пор ношу. Кажется, что бы мог дать человеку этот день, от которого начинают считать новые 365 дней или день, в который земля свершила свой круговорот около солнца? Какая произошла перемена в нашей внешней жизни в этот день? Никак. Улучшился ли быт наш? Исполнилось ли какое-нибудь наше заветное желание? Нисколько. Следственно, что же нам праздновать! А между тем в этом радостном ожидании нового года видна глубоко разумная черта человеческого духа. Прошлое до сих пор не удовлетворяло человека. Это нам доказывает грустная история человечест-

ва, полная заблуждений, ошибок и бедствий, та история, об которой сказал один политический мыслитель: *I histoire ... est martyrologe des nations*. Рядом с этим постоянное стремление к лучшему удовлетворению своих потребностей и к большему материальному благосостоянию в будущем было и есть основным принципом для человека по элементарным законам прогресса природы. Человеку нечего радоваться за прошлое; оно ему мало дало, мало удовлетворяло его; он стремится удовлетворить себя в будущем, а потому и весело бежит к нему навстречу и радостными поцелуями поздравляет друг друга с его наступлением.

В этом случае человечество осталось верно себе, верно прогрессивному закону, лежащему в его натуре и увлекающему его вперед и вперед. В момент наступления нынешнего 1865 года мы также подвергаемся этому закону, мы также безжалостно сбрасываем с своих плеч минувший год и с трепетной надеждой на лучшее ждем нового. И нам также говорит наступающий новый год: «вперед!». Смотри же на наше прошлое, мы не пожалеем его. Что нам дало оно? История Сибири только открывает нам печальную картину нашей прошлой жизни. С самого завоевания Сибири она встречает громадные препятствия своему развитию и всестороннему удовлетворению своих потребностей. Начиная с громадных трудностей и тяжелой борьбы с природой, перенесенных народом нашим при завоевании и заселении новой земли, и кончая недавним прошлым, мы не увидим ярко-светлых сторон в нашей жизни. Жизнь Сибири в 1-й исторический период с развития представляет ряд неустойчивостей, бедствий и страшных злоупотреблений тогдашних властей. Воеводские грабежи, самодовольный правед народом, деспотические притеснения, проявившиеся в пытках и казнях, заставили много перенести горя сибирское население. Эти вековые притеснения положили тяжелую печать на сибиряков. Забитое общество, угнетенный народ долго не мог оправиться и зажечь самобытную жизнь; обезличенное, рабское, оно не могло вдруг с любовью заняться своими интересами и было парализовано в своей самодетельности. И до сих пор мы не могли оправиться, и до сих пор мы страдаем отсутствием самобытности. Наше общество не есть плотная масса, стремящаяся к соблюдению интересов своего края, оно не является инициатором и антрепренером в делах общественных, а живет разъединено, как будто ничто его не связывает, как будто оно не имеет никаких общественных интересов и даже лишено любви к своей родине.

Посмотрите, было ли хоть одно предприятие, которое сосредотачивало бы все силы Сибири? Было ли предприятие, которое бы одинаково интересовало всех сибиряков? Было ли хоть одно дело общественное всей Сибири? Нет, его не было. Губернии Сибири ничем не связаны, города стоят, как чужестранные, деревни чужды друг другу, общего интереса у них нет. А между тем наш молодой край во многом нуждается, что бы должно делаться общими силами всего сибирского населения, что бы должно быть обдуманно коллективным умом всей Сибири, ибо интересы всей страны одинаковы. Наша страна, раскинутая на 280.000 кв. миль, лежит в запустении, как мертвый труп. Целые тысячные пространства представляют безмолвные пустыни, не оживленные жизнью, без городов и деревень, без всякого населения или только с редко разбросанными кочующими инородцами. Кто видел, кто исследовал эти пустыни и дремучие урманы с их вековыми хвоями и необозримо колеблющимися синими волнами лесных вершин? Кто подумал об их заселении и культуре? Составлялись ли у нас колонизационные общества для заселения страны подобно американским торговым компаниям и бразильским обществам капиталистов? Думали ли сами сибиряки о необходимости колонизации и о ее выгодах для Сибири? Нет, об этом наше общество не думало. Промышленное развитие наше невысоко. Сибирь пользуется всем привозным, у нас нет мануфактур, и заводы ничтожны, мы пьем, едим и одеваемся чужими произведениями, мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы, простаки-труженики, надуваемые разными спекулянтами в роде московских мануфактуристов. Подумало ли наше общество, чтобы стать экономически самостоятельным, создавши свои мануфактуры, чтобы гарантировать себя от обмана и при экономическом обмене произведений получать для потребления хорошие продукты, а не гнилье московской грошовой фабрикации.

Сибирь славится минералогическими богатствами, но эти богатства не разрабатываются и часто поставлены вне возможности разрабатывания. Наши сокровища покуда для нас мертвый капитал в недрах скупой природы, и они тогда только будут сокровищами, когда будет приложен к ним труд и знание, а о приложении последнего к ним мало думаем. Население Сибири, дошедши до 4000.000 жителей, еще крайне неустроенно в отношении образования. У нас есть города, в которых нет ни одной школы, как, например, Колывань, а в деревнях, где и есть школы, так содержимы для проформы.

Можно видеть часто деревни, обладающие одними вывесками сельских школ без учеников и учителей. Практические американцы, основывая поселение, строят первым долгом церковь и школу. Китай имеет в каждой деревушке сельское училище, даже наши киргизы почитают необходимым при нескольких юртах иметь грамотного татарина для обучения детей и содержать его на общий счет, а наши деревни и этого обыкновения не имеют.

Редкие наши города имеют публичные библиотеки, скудно поддерживаемые, что доказывает нелюбовь к чтению нашего общества. Во всей Сибири нет ни одной частной типографии, нет даже книжных лавок, как будто умственная жизнь чужда Сибири и ее городские жители более нуждаются в винных погребках, чем в великом изобретении Гуттенберга. В прошлом наши интересы никогда не выражались обществом, да оно и не имело для этого своего литературного органа. Целые столетия сыпались на Сибирь самые жестокие обвинения. Сибирь называли тундрой, неспособной ни к какой культуре, на нее смотрели, как на место для каторжников, у нее отнимали всякую надежду на самобытное развитие народных сил, ей пророчили Лапландскую будущность и обрекали ее народ на коснение среди тундр, подобно эскимосам. Словом, у сибирского народа отнималось его будущее, оспаривалось общечеловеческое право на цивилизацию и убивалась сама святая надежда на разумно-человеческое существование! И что же, подал ли кто голос в защиту нашей страны? Защитил ли право на разумную жизнь нашего народа? Произнес ли кто-нибудь надежду на лучшее будущее Сибири? Нет, Сибирь оставалась безмолвною, бесстрастно-холодною, как ее зимние поля, мертвенно раскинувшиеся на бесконечных пространствах. Прошлое Сибири открывает нам нашу мариологию, печальную, безмолвно-страдальческую судьбу нашего народа, невежественное состояние нашего населения и отсутствие самобытной жизни в стране; это прошлое нам не за что любить, мы о нем можем только жалеть. Пусть же оно умирает, и мы восклицаем «Viva la mort и да водрузится будущее!». В будущем наши надежды, в будущем осуществление заветных идеалов наших. Наступает время, когда Сибирь должна подумать о своих интересах и своем будущем. Настает время, когда она должна предъявить права свои на цивилизацию, доставшуюся в удел всему человечеству без климатических привилегий и ограничений. Пусть Сибирское общество

соединится от Урала до Восточного океана, чтобы создать новую жизнь Сибири, начнет жить умственной жизнью и заботиться о своем самобытном всестороннем развитии. Современному Сибирскому обществу предстоит покуда создание обществ грамотности для образования своих членов, устройство школ и публичных библиотек, заведение своего литературного органа для разработки интересов своей родины и, наконец, водружение великого народного знания – Сибирского университета – посредством народно-сибирских пожертвований.

Сибирь до сих пор имела мало нравственных средств для своего развития. Сибирские юноши, уезжая в университет, безжалостно покидали навсегда свою родину. Таким образом, Сибирь, лишаясь своих умственных сил, не вознаграждалась вполне наезжими образованными людьми, чуждыми краю.

Мы призываем в интересах страны нашей образовывающееся сибирское юношество в Российских университетах возвращаться на родину для служения ей. Ему принадлежит разработка и исследование девственной страны нашей, ему принадлежит воспитание и образование своих земляков и создание того заветного будущего, в которое заживет страна наша лучшей жизнью. Мы надеемся, что образованное сибирское юношество с горячей патриотической любовью, с гражданским самопожертвованием начнет святой труд на благо своей родины. Этими надеждами мы начинаем новый год, самыми святыми надеждами, и желаем, чтобы скорей осуществились эти надежды, скорей начался приход грядущего, в котором мы видим занимающуюся зарю Сибири.

Н. Ядринцев

Сибирь перед судом русской литературы (1865. № 9)

Едва ли есть на свете страна, подобная Сибири, о которой бы существовали столь смутные и столь разнообразные мнения.

С давних пор Сибирь была то предметом увлечений и похвал, предметом радостных надежд и мечтаний, когда народ составлял о ней самые благоприятные представления, доходившие иногда до сказочных идеалов; то вдруг делалась предметом разочарования, порицаний и обманутых надежд. В этой исторической судьбе есть много трагического. Сибирь считали то богатой страной, изобилующей дорогими зверями, полной минералогических богатств, удобной

для торговли и промышленности, страной для широкой и правильной жизни, то отзывались о ней, как о холодной и бесплодной тундре, с убогими городками и кочующим населением инородцев, не способной ни к земледельческой культуре, ни к экономическому процветанию.

Часто слово «Сибирь» страшно звучало в ушах русского человека; с ним сопряжена была самая грустная идея, самая мрачная картина. Ему виделась снежная страна, где в горных рудниках томятся люди, обреченные на каторгу, среди неволи, цепей и глухих страданий. Наконец, в России можно было встретить людей, которые относительно Сибири были в совершенном неведении и, увидя сибиряка, спрашивали с любопытством: «А что, это большой город – Сибирь?».

Все эти мнения характеризуют крайнее незнание страны, причиной которого, разумеется, был недостаток и неудовлетворительность сведений, получаемых из книг.

Книги, издававшиеся о Сибири, были редки и серьезны, и читались одними учеными специалистами, каждым по своему отделу. Популярных сочинений почти вовсе не было. Если и попадались журнальные статьи о Сибири, то взгляды, проводимые в них, были далеко неверны и неудовлетворительны по случаю малоисследованности страны. Даже до сих пор не установилось в литературе правильного мнения о Сибири. Вся литература об этой стране представляет только сырой материал для будущих историков, географов, этнографов, статистиков и других ученых.

Как ни ошибочны воззрения на Сибирь в русской литературе, но они несколько характеризуют нам исторические переходы страны и служат отражением ее жизни, раскрывают нам те вопросы, которые возбуждает историческая жизнь ее.

До завоевания о Сибири, как и о всей Азии, ходили самые темные слухи, как в Европе, так и в России. Рассказы, прикрашенные вымыслами Плано-Карпини и Марко Поло в XIII столетии, не могли дать определенного понятия о северных азиатских странах. Россия тоже сама плохо знала Зауралье; новгородские купцы, несмотря на то, что с XI столетия имели торг с сибирскими инородцами, не проникали внутрь страны и довольствовались пограничными сношениями. Сведения русских царей и народа об Югории и Обдории, как назывались сибирские земли, были чрезвычайно малы. По самой загадочности страны народ уже мог воссоздавать о ней разные фантастические представления и увлекаться этими представлениями. На-

род любит представлять себе мифические страны довольства и счастья в противоположность горькой действительности. Этим проявляется его натура, жаждущая лучшей жизни. И Сибирь является колонией, куда славянский народ пришел создать себе новую, лучшую жизнь.

Община Ермака указала дорогу переселениям. Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра. Народ бежал, чтобы избавиться от притеснений воевод, от официальной приписки к городам, от тяжелой подати и бюрократизма. Раскольники шли сюда сохранить свою веру в скитах, промышленники – добыть мехов, торговцы свободно торговать с сибирскими инородцами. Эти побуждения, руководившие народом, показывают самобытное народное стремление и чисто народный взгляд на Сибирь, как на страну, где должны развиться самобытно и свободно народно-славянские силы. Открытие новых стран изумляло всех. Край поразил громадностью своих пространств, обилием рек и лесов, богатством рыбы и дорогих зверей.

Вот что пишет сибирский летописец Савва Есипов в 1636 г. о нашей стране: «Дивно убо есть: какими Божиими судьбами рекам тамо бысть? Вода камень тверд раскопа – и бысть реки пространны и прекрасны зело, в них же воды сладчайшие и рыбы различное множество; на исходищах же сих рек дебрь плодovitа на жатву и скотопитательные места пространны зело».

Это было время удивления стране и завоевателям. Летописцы рассыпались в хвалах: одни Ермаку, другие Строгановым, время, когда Ермак доходил в устах народа до мифического героя, занимая место знаменитого богатыря Ильи Муромца.

Правительство начало смотреть на Сибирь, как на страну, из которой оно будет извлекать богатый доход в казну. Московские государи вслед за завоеваниями взяли исключительное право на себя на мягкую рухлядь и считали Сибирь Государевою вотчиной.

По мере утверждения русских в новой земле заводились торги с покоренными инородцами и пограничными народами; в 1675 г. отправляется экспедиция Спафария в Китай. Видны на торговлю с азиатскими народами дают Сибири еще более весу. Пушные промыслы более и более распространяются. С каждым шагом промышленники и авантюристы открывали новые, неведомые земли, приближаясь к Восточному океану.

Страна возбуждала сильный интерес к исследованиям, и с Петра I в нее засылается ряд ученых экспедиций: Мессершмидт, Букебаум, Беринг, Делиль, Гислин, Синд и другие путешественники один за другим объезжают нашу страну.

До какой степени занимала Сибирь, мы видим в «Ежемесячных Сочинениях» – академическом журнале, издававшемся при Екатерине. Этот журнал полон статьями о Сибири, излагающими великие открытия в ней, героические завоевания и несметные богатства. В это-то время составляется пословица: «Сибирь – золотое дно», и нашей стране предсказывается блестящее будущее. Как ни были лестны эти воззрения на Сибирь, но они составили резкий контраст с действительностью. В то время, когда удивлялись героическим подвигам и мечтали о ее громадном значении, народ принужден был преодолевать огромные трудности и страшные лишения. Через двести с лишним лет мы видим в стране малочисленное население, разбросанное на громадном пространстве, только что удовлетворяющее своим первым потребностям, довольствуясь мелкой промышленностью. Мы видим бедные городки, разоренные возмутительными насилиями и грабежами наезжих воевод и злоупотребляющих властью губернаторов. Край малонаселенный, притесненный и бедный, каким его застал Сперанский. Горькое положение страны открылось! Не до хвалений и мечтаний было перед этим нищенствующим краем, перед этим стонущим и угнетенным народом; панегирики на время должны были замолнуть.

Сибирь вступила в XIX столетие. Наш век ознаменовался еще большими исследованиями края, и в том числе знаменитым открытием золотых приисков. Замечательные естествоиспытатели и путешественники посещают Сибирь, в том числе такие ученые, как географ Гумбольдт, минералог Розе, микролог Эренбург, известный ботаник Карл-Фридрих Ледебург.

Европейские минералогические кабинеты наполняются редкими сибирскими минералами, ботанические сады – роскошными произведениями алтайской и даурской флоры. Сибирь снова привлекает к себе внимание. Открываемые в ней минералогические богатства утверждают за ней снова репутацию богатейшей страны, и присоединение Амура и Заилийского края дает повод возникнуть новым смелым надеждам и широким мечтам о ее будущем.

Это было, так сказать, «renaissance» панегиристов Сибири.

Амурские панегиристы отличались особым жанром в литературе: как известно, у них был даже свой орган в Сибири, теперь уже прекратившийся, «Амур». Они описывали необыкновенные красоты этого края, его громадное промышленное значение, и их мечты гуляли по всей ширине Восточного океана. Часто и тут, впрочем, отрывали их от фантазий и указывали им горькую действительность люди положительные. В русской литературе г. Завалишин-старший в особенности разоблачал эти фантазии и нередко указывал страшные катастрофы, случившиеся при первой колонизации Амура. Русская критика в лице Добролюбова тоже отозвалась недоверчиво к амурским хвалителям.

Последним панегириком Сибири служит книга, наверное, известная сибирякам, это «Описание Западной Сибири» Ипполита Завалишина. Она носит один общий колорит со всеми панегириками Сибири, сведенными только в один свод. Мы обратим на нее внимание, потому что в ней панегирик дошел до верха комического.

Страна в ней описывается эдемом, над которым плавают оссианов щит вместо луны. Поля покрыты шелковисто-мягкими, влажно-бархатистыми и густо-сочными травами, реки и леса населены наядами и дриадами. Описание сибирских лесов очень часто пародирует американскую природу с той только разницею, что на место львов, тигров и барсов являются на сцену медведи, зайцы и белки, на место какаду и попугаев – наши перепелки и глухари, на место крокодилов и аллигаторов – скромные ящерицы, впрочем, разевающие пасти и обнюхивающие путешественников. Часто этому туристу представляются такие страсти, перед которыми должны падать ниц, как действительно и пал автор на реке Туе при виде лесного пожара.

По словам панегиристов, страна цветет и благоухает, люди там какие-то аркадские пастушки, все чиновники – гениальные администраторы, и даже наши исторические лица им представляются испанскими гидальго, как романтическим уездным барышням. Несмотря на все свои высокопарности, эти панегирики носят тот же характер, как губернские ведомости Гоголя, которые описывали красу садика, насажденного мудрым начальником, под тенью которого отдыхают мирные граждане.

Мечты и предположения панегиристов даже фантастичнее маниловских. Им ничего не значит провести телеграф в С.-Франциско, построить железную дорогу по всей Сибири, наполнить порты Восточного океана судами со всего мира и, наконец, завое-

вать Азию. Панегиристы в особенности любят завоевания. Они предвидят столкновения сибиряков с англичанами в Индии и так серьезно простирают виды на Китай, что можно подумать, что они метят в Богдыханы.

Все эти господа со своими медовыми писаниями не столько исследуют страну, сколько романтизируют, не столько мыслят, сколько фантазируют. Достаточно обратиться к действительности, чтобы разрушить все их картонные строения; и в самом деле, посмотрите, какую грустную еще картину представляет Сибирь! Большая часть ее представляет только пустыни, бесконечно раскинувшиеся степи да непроходимые темные хвой; малочисленное население на каждом шагу в борьбе с девственной природой. Мы видим, что часто нуждой и бедностью пестреют богатые поля ее. Промышленность в зачатке своего развития. Страна от земледельческой едва переходит к заводской промышленности. Минералогические богатства Сибири лежат большей частью неразработанными. Умственный уровень Сибири на низшей степени; образованием сибиряки принуждены пользоваться, уезжая далеко-далеко от места своей родины. Самая история немного дала радостных минут сибирякам: первые заселения и неустойчива заставили упитаться слезами молодую землю, на которую пришел народ искать себе счастья и довольства. До сих пор не может сказать Сибирь, что счастьем и радостью полна жизнь ее; напротив, как место ссылки, она часто оглашается стонами, полными человеческого горя и несчастья.

Итак, где же совершенство, которое приписывают Сибири? Где экономическое процветание? Где ее богатства? Где знание? Где наука? Где счастье? Где радости?.. Это-то грустное положение страны заставило развиваться другому взгляду, совершенно противоположному взгляду панегиристов. Многие, видя в Сибири ссыльную колонию, малонаселенную, бедную, невозделанную, решили бросить роковой приговор в ее неспособности к полному развитию гражданской жизни и экономическому процветанию. В Европе Сибирь всегда была на таком счету; знаменитый экономист Адам Смит говорит о ней, что эта страна всегда была страной варварства и бедности, какою, говорит, мы встречаем ее и теперь. Реки ее неудобны к торговому сообщению, будучи отделены огромными пространствами, а море покрыто льдами.

Сперанский, заставший Сибирь в жалком состоянии, точно так же отзывался о ней. Сибирь есть просто Сибирь, говорит он в пись-

ме к своей дочери, т.е. место для ссылки, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии, но не место для жизни, для устройства собственности твердой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле.

Вслед за тем в русской литературе 40-х годов явился г. Герсеванов, отнимавший всякое значение у Сибири. Он говорит, что суровый климат, изолированное географическое положение страны, физическое образование и произведение и полудикое устройство пограничных стран, все заставляет предполагать, что она надолго остается пустыней.

Это воззрение осталось не без приверженцев. Оно даже сохранило представителей до настоящего времени. В 1862 году в одном из лучших русских журналов явилась статья г. Шелгунова «Сибирь на большой дороге», которая напомнила нам нашего старого знакомого г. Герсеванова.

Г. Шелгунов описывает Сибирь самой холодной страной в свете. Сибиряка он сравнивает, по влиянию физических условий, с лапландцем. Он говорит, что при одном уровне цивилизации сибиряка и русского жизнь русского будет выше и разнообразнее жизни сибиряка. В стране он не находит ни малейших признаков богатства. Сибирскую торговлю он считает не имеющей значения и думает, что Сибирь никогда не может быть экономически самостоятельной. Он говорит, что для земледельческой промышленности в Сибири мало задатков, и считает только $\frac{1}{4}$ всего пространства Сибири годною для возделывания.

В этих отзывах звучат старые ноты порицателей Сибири.

Как несправедливы порой бывали и бывают отзывы этих порицателей Сибири относительно ее настоящего положения, настолько же они несправедливы и неосновательны относительно ее будущего. Порицатели, начиная со Сперанского, видя настоящее в плохом свете, заключали о ее плохом будущем, и заключали ложно. Г. Шелгунов впал в ошибку, свойственную всем порицателям Сибири.

Порицатели, видя Сибирь малонаселенной, говорят, что это пустыня, которая ничем не привлекает к себе и которая едва ли заселится. Между тем настоящая малонаселенность показывает, что у нас колонизация не была совершена на свободных началах; Сибирь была только штрафной колонией. Порицатели видят суровость климата и физических условий и говорят, что мы должны, подобно лапландцам, покоряться природе, упуская из виду, что некогда цивилизация покорит природу и уравнивает благосостояние народов.

С тех пор как человечество знанием и наукой восторжествовало над природою, нет стран, не способных к развитию! Сибирь же занимает умеренный пояс, пояс, наиболее благоприятный для развития цивилизации, как замечает один из замечательнейших историков нашего времени, Бокль. Вычисленные г. Шелгуновым неудобные пространства для земледелия нисколько не делают страну неспособной к жизни. Там, где нельзя заниматься земледелием, будут заниматься заводской и фабричной промышленностью; обмен произведений уравнивает развитие всех стран. И с этой стороны мы не видим опасности для Сибири; ничто нам не дает права думать о ее неспособности к полному развитию.

Недаром в Сибирь пришла самая энергичная и предприимчивая часть русских людей; недаром эти люди делали завоевания, открытия и почти три столетия работали по лесам и пустыням новой земли. Г. Шелгунов говорит, что сибиряк покорялся природе и не делал ничего, чтобы победить ее. Но история Сибири разве не перед нами, разве не перед нами эти герои прошлого, как Дежнев, предвосхитивший великое открытие Беринга, Прончищев с молодой женой огибающий Таймырскую землю, Исаков, в утлой лодке объезжающий Новую Землю, купец Шалауров, погибший в смелой борьбе с природой, и сотни других. Нет! все, что мог сделать народ русский в Сибири, он сделал с необыкновенной энергией, и результат трудов его достоин удивления по своей громадности. Покажите мне другой народ в истории мира, который бы в полтора столетия прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем? Нет, вы мне не покажете такого народа!

Все, что ни сделал народ русский в Сибири, было выше сил его, выше исторического порядка вещей. Чего ему недоставало до сих пор — это знания и науки, при посредстве которых бы он устранил условия, задерживающие его развитие. Но будущая история ему даст и это.

Теперь же, когда самая трудная минута пережита, когда край должен вступить на поприще более широкой экономической деятельности и самобытного развития, не время отнимать у него значение и ругаться над его будущим. Вот почему мы считаем долгом стать в оппозицию русским публицистам, унижающим Сибирь.

4000000 народа ждут лучшей жизни, 4000000 народа ждут своего счастья в новой стране и своего благосостояния. Мы верим в силы этого народа, мы уверены, что он сумеет создать свое лучшее будущее и стать таким же цивилизованным народом, как и все прочие народы мира.

Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса?

Эта роль должна принадлежать местной литературе, которую до сих пор наша бедная Сибирь не имеет. Издание сибирского журнала теперь бы могло иметь огромное значение и влияние на развитие страны. Создание местной литературы будет зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития масс. Местная журналистика будет исследовать нашу страну, разрабатывать ее вопросы, предьявлять ее интересы и укажет то будущее, которое будет состоять не в завоеваниях, как утверждают панегиристы, а в создании цивилизации для своего народа, которая вместе с торговлей будет иметь влияние на весь Восток и Азию. День ото дня мы ждем, что мир должен связаться братской любовью, взамен прежней исторической вражды; ибо, как принципом древнего мира и государств были война, завоевание и рабство, так принципом нового мира будет мир, цивилизация и свобода! Может быть, скоро настанет век,

Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

И в этой семье народ Сибири будет таким же цивилизованным народом и Сибирь такую же богато развитой экономически, как и все прочие.

Будущая счастливая судьба народов мира доступна и нашей стране. Никакие хулы не отнимут у нас лучшего будущего, и мы твердо уверены, что и наше солнце скоро взойдет!..

Н. Ядринцев

Гражданское увлечение Сибири (1865. № 16)

Несколько лет уже сибирское общество занято мыслью о своем университете. В литературе обнаруживались голоса за учреждение, вне литературы слышались возгласы против. Первые прослыли за передовых людей своей страны и за будителей сибирского общества, но так как своими воззваниями нисколько не подвинули дело вперед, то и встречаются вторыми с улыбкой сострадания. Постараемся в настоящей статье расследовать, по-

чему это дело остается в своем первоначальном виде, отчего оно не двигается и может ли двинуться...

Разыскания, как увидим ниже, приведут нас также к улыбке сострадания над теми увлекающимися молодыми сибиряками, которые думают из одних звуков построить дорогое учреждение. Но не следует из этого подумать, чтобы мы, вместе с противниками сибирского университета, считали это учреждение преждевременным для Сибири. Ни малонаселенность ее, ни малочисленность ее сынов, учащихся в столичных университетах, по нашему мнению, не могут служить поводом к отрицанию настоятельной необходимости для Сибири в высшем учебном учреждении. Необходимость университета для Сибири настоятельнее, чем для других областей России, которые также не имеют его; и вообще ни одна область, как Сибирь, так не нуждается в увеличении процента, который приходится в общем бюджете на народное образование. Это потому, что Сибирь – страна без привилегированных сословий. – В тех странах, население которых исключительно состоит из демократии, этот процент бывает всегда значителен; так, например, в Швейцарии из 11.960.000 всех расходов на народное образование идет 4.500.000, т.е. 37,62% всей суммы расходов; в Масачусетсе, в 1845 г., при 900.000 жителей, на народное образование употреблен 1 млн дол. (Кольб, Сравнительная Статистика). Причина этого обстоятельства лежит в том, что где нет привилегированного сословия, там менее бывает распространено высшее домашнее образование. В Сибири очень заметно отсутствие домашнего образования; в целой стране здесь нельзя указать на дом, который мог бы дать своим детям домашнее воспитание, равное университетскому; уж если где менее возможно такое явление, как Бокль, получивший самое разнообразное воспитание помимо школы, так это в Сибири. Поэтому-то ее администрация до настоящего времени пополняется людьми высшего образования из Европейской России, что стоит ей ежегодно около 60.000 руб. сер. лишних (Том. губ. Ведомости. № 7 и 8). Точно так же и другие, конечно, отрасли народной жизни, как, например, промышленность, должны платить этот излишек; правда, промышленные люди не имеют обыкновения приманивать к себе людей с высшим образованием двойною платой; зато промышленность теряет именно на ту сумму, на какую скупятся промышленники; и для всей-то страны выходит, как будто и в промышленности она уплачивает столько же лишних денег, как и в ад-

министрации. И до тех пор этот порядок будет существовать, пока не будет увеличен расход на народное образование.

Для того, чтобы решить, насколько мечтания увлекающихся пропагандистов идеи о сибирском университете отзываются утопией, мы сначала посмотрим, сколько будет стоить сибирский университет, а потом обсудим меры к его осуществлению – благотворительность и обязательный налог.

Бюджеты русских университетов простираются от 150.000 до 350.000 р.с. Возьмем самый умеренный бюджет Дерптского университета, около 150.000 р.с. Это будет ежегодный расход на университет. Кроме того, на первое обзаведение необходимо около 250.000 р.с. (Здание для помещения университета в сибирском городе будет стоить около 60.000 р.с.; библиотека из 5.000 томов около 25.000 р.с.; затем остаются еще физический кабинет-лаборатория и ботанико-зоологический музей. Мы не кладем расходов на клинику и анатомический театр). Итак, на первое обзаведение нужно будет 250.000 р.с. и потом ежегодно до 150.000 р.с.

Откуда взять эти деньги? Прежде всего, оптимисты уповают на частную благотворительность; было также сделано предложение городским обществам назначить налог в пользу университета. Следовательно, два средства – добровольные пожертвования и обязательный налог.

Но напрасно оптимисты рассчитывают на добровольные пожертвования; на них плохая надежда. По нашему мнению, тем господам, которые могут жертвовать, нет личного интереса разоряться в пользу народного образования. Нужно не знать философии капиталистов, чтоб возлагать надежду на их участие в сооружении высшего учебного заведения; капиталист и другим не посоветует, и сам не даст своим детям высшего воспитания; он рассуждает, ведь не Бог знает с какой грамотой я нажил свое состояние и вон какой домину выстроил себе; а нажить еще надо побольше ума, детям же нашим приходится только сохранить нажитое, следовательно, ума и совсем не надо. И того, кто вознегодовал бы после таких рассуждений, следовало бы назвать человеком непроницательным, ибо аргументатор обнаруживает большой смысл, говоря таким образом, потому что действительно развитый ум не наживать учит, а учит, как жить, не наживая капитала. Может ли капиталист иначе рассуждать о пользе наук. Рассчитывать поэтому на благотворительность не следует; об этом свидетельствует и то молчание сибирских

благотворителей, которым они отвечали на приглашение к пожертвованиям, сделанное им г. Ядринцевым на литературном вечере в Омске в 1863 г.

Но к благотворительности можно прибегнуть только для основания университета; постоянное же содержание его, конечно, должно быть разложено уже на все население, т.е. последнее должно быть обложено особым налогом. Посмотрим же теперь, насколько можно рассчитывать на установление такого налога, имеем ли мы столько денег, чтобы нашелся лишек в пользу университета.

Сравнивая наше крестьянство с великороссийским, нельзя не сознаться, чтобы сибирское крестьянство живет лучше русского. Нам приводилось близко знакомиться с крестьянским бытом в Рязанской и Калужской губерниях; прежде всего, при сравнении избы русского крестьянина с избой сибирского бросается в глаза бедность железа в первой; здесь, вместо железных ковшей, вы находите деревянные «корцы», остатки первобытной лесной жизни; вместо железных скоб у дверей – деревянные ручки; у сараев деревянные замки. Мануфактурные изделия в России, в особенности у крепостных крестьян, не успели вытеснить самодельщину; русские крестьяне ходят «в самодельные лапти обуты» и в самодельных шляпах крестьянки; носят холщовые кики и запоны, собственноручно расшитые для красоты разноцветной бумагой; в Сибири шляпа вытеснена картузом, а лапти сапогами; в костюме крестьянок господствуют платок и ситец; оттого в России дольше сохраняется национальная одежда, представляющая необыкновенное областное разнообразие; в Сибири же свирепствует мода. Сибирь до того приучена к мануфактурным изделиям, что даже деревянной посуды не точила сама, а покупала ее на Ирбитской ярмарке. Мы находимся в таком же отношении к Московской мануфактуре, как прежде, да и до сих пор отчасти, относятся Северо-Американские Штаты к Ланкаширу. Мы сбываем значительное количество сырья и часто его же получаем обратно в обработанном виде; главнейший промысел наш, продукты которого идут во внешнюю сибирскую торговлю, это – скотоводство. Обширные девственные луга наших рек дают нам средства воспитывать множество скота, не тратя на уход за ним больших трудов. Кожа и масло отправляются на Ирбитскую ярмарку даже с альпов Алтая; в душистой же флоре наших лугов находит источник наше пчеловодство, продукты которого, мед и воск, также отправляются на Ирбитскую ярмарку. Эти посредственные продукты наших лугов составляют более чем 9/10 всего нашего

сбыта на Ирбитской ярмарке. Кожи наши обрабатываются на заводах восточной России, а сибирское масло распространяется далее и даже доходит до Константинополя.

Всех сельских продуктов и пушенных товаров Сибири на Ирбитской ярмарке 1861 года сбыто на 8.419.000 руб. сер. (Памятная книжка Пермской губ. за 1863 год). Куплено же Сибирью на той же ярмарке мануфактурных и колониальных произведений

Русских – на 14.241.100 руб. р.с.

Европейских – на 18.945.500 р.с.

Всего – на 33.186.600 р.с.

На Никольской ярмарке в 1864 году было продано сибирских произведений на 745.650 р.с. (Тобольские ведомости, за 1865 год). Куплено же Сибирью мануфактурных произведений

Русских – на 317.650 р.с.

Европейских – на 50.500 р.с.

Всего на 368.150 р.с.

Всего Сибирь сбывает на 9.164.650 р.с.

Приобретает же мануфактурных изделий – на 33.554.750 р.с.

Излишек – 24.390.100 р.с.

Откуда берет Сибирь деньги на этот излишек покупаемых ею мануфактурных изделий против своего собственного сбыта? Между прочим этот излишек приобретается на деньги, получаемые Сибирью за драгоценные металлы. В 1861 году в Сибири было вымыто 1333 пуда (Календарь на 1864 г.); следовательно, Сибирь за золото, по 12.000 р.с. за пуд, получила 15.996.00 руб. сер. Серебра доставляется Сибирью около 1000 пудов, что по оценке Гумбольдта стоит 3.293.907 руб. ассигнациями, т.е. 940.973 руб. сер. (Путешествие по Алтаю, Щуровского, стр. 27). Кроме этого, Сибирь выручает несколько за провоз чаев из Кяхты на Нижегородскую ярмарку и мануфактурных произведений из России в Кяхту. Чаев на Нижегородскую ярмарку привозится из Кяхты до 50.000 ящиков, следовательно, 100.000 пудов; из Западного Китая вывозится до 40.000 пудов (Историко-статическое обозрение торговых сношений с Китаем А. Корсака). Полагая по 3 р.с. за провоз через Сибирь, за провоз всех 140.000 пудов Сибирь получает 420.000 р.с.; положим, что столько же она получает и за произведения московской мануфактуры, идущие в Китай и Среднюю Азию; следовательно, за провоз транзитных товаров она получает ежегодно 840.000 руб. сер. И так Сибирь имеет денег

За сырые продукты, сбываемые на двух больших ярмарках, Ирбитской и Никольской, – 9.164.650 р.с.

За золото – 15.996.000 р.с.

За серебро – 940.973 р.с.

За провоз транзитных товаров – 840.000

Итого 26.941.623 р.с.

На эти деньги она приобретает мануфактурных изделий:

На Ирбитской ярмарке на 33.186.600 р.с.

На Никольской ярмарке на 368.150 р.с.

Всего 33.554.750 р.с.

Разница между этими двумя суммами 6.613.127 р.с.

Этот остаток отчасти пополняется уплатой Сибири за тайно продаваемое золото, отчасти вовсе не пополняется, а на остальную сумму мы берем товаров в кредит, т.е. берем в долг до будущей ярмарки. Мы не брали в расчет цифр по Нижегородской ярмарке; но думаем, что эти последние данные увеличили бы только сумму, на которую мы берем в кредит. Правда, главная масса пушнины везется на Нижегородскую ярмарку, что доставляет Сибири около 2.000.000 р.с., но, по всей вероятности, мануфактурных произведений закупается на ней на несравненно большую сумму.

С каждым годом кредит растет, то есть с каждым годом мы меньше и меньше становимся в состоянии приобретать мануфактуру за наличные деньги. И это не потому, что мы с каждым годом менее производим; наше производство увеличивается, но растут цены на мануфактурные товары, тогда как цены на сельские продукты почти вовсе не возвышаются.

Теперь рассмотрим другие расходы Сибири.

О бюджете целой Сибири мы не имеем сведений; но недавно напечатанный бюджет Томской губернии за 1861 год дает нам некоторую возможность к заключениям. Томский бюджет состоит из следующих элементов:

Доходы:

Прямые налоги – 1.181.716

Косвенные налоги – 1.256.369

Остальные доходы – 88.066

Всего – 2.527.233

Расходы:

На содержание губернских учреждений – 638.000

На содержание общегосударственных учреждений – 1.889.200
Всего 2.527.200

Раскладывая 1.889.200 р. на число душ в Томской губернии, на каждую душу придется около 5 р. 35 к. Следовательно, со всего сибирского населения, которое в 1858 г. состояло из 2.163.699 д.м.п., придется заплатить на содержание общегосударственных учреждений 11.575.70 р.с.

Итак мы должны ежегодно заплатить

За мануфактурные произведения – 33.554.750 р.с.

На содержание общегосударственного управления – 11.130.330 р.

Всего – 45.130.350 р.с.,

Имея всего в кармане 26.941.623 р.с. (источники, из которых автор заимствовал свои цифры, означены им выше).

А не надо забывать, что, во-первых, мы опустили данные по Нижегородской ярмарке, которые значительно увеличат наш расход, во-вторых, что мы отказываемся от вычисления некоторых статей, выплачиваемых нами Европейской России. Так, например, мы не беремся определить, сколько теряет Сибирь чрез абсентеизм золото-промышленников; мы не высчитываем также ту разницу, которая существует между ценой пушнины и золота и серебра, по которой они поступают в казну, от той цены, которая определилась бы для них на свободном рынке. Наконец, мы не высчитываем, какая разница происходит между налогообательной способностью сибирского и русского крестьянина от разности в отношении, которая существует между прямым и косвенными налогами.

В Томской губернии прямые налоги составляют 1/3 всех доходов; вероятно, в восточной части это отношение несколько изменяется вследствие значительного таможенного дохода в Кяхте; но вообще нужно предполагать, что прямые налоги развиты несравненно более, чем в Европейской России, где они составляют 30 %; другой порядок в этом отношении мог бы значительно облегчить производительный класс Сибири, в то время как страсть к парижским модам в Петербурге обложена налогом чрез таможенную пошлину, у нас богатые дамы могут предаваться роскоши и выписывать из Петербурга, т.е. дальше чем Петербург из Парижа, уборы, шляпы, экипажи и проч., нисколько не платя за эту прихоть.

Сообщаемые нами факты ясно, нам кажется, показывают, что сибирский народ и без того платит по силе обстоятельств более, чем

народ Европейской России. Надо было бы удивляться, отчего он, при этом ненормальном положении его финансов, не станет беднее русского крестьянина, и откуда берет средства, чтобы жить еще в роскоши, сравнительно с европейско-русским крестьянином, если бы, с другой стороны, не было ясно видно благотворное влияние девственной неистощимой почвы Сибири. И невольно думаешь, как бы он был еще богат, не железные бы еще ковши и деревянные семеновские ложки покупал он, если бы установилось более нормальное отношение нашего колониального рынка к московским мануфактурам.

Мы думаем, что данные, приведенные нами, достаточны, чтобы убедить кого угодно в излишнем увлечении тех утопистов, которые предлагают обложить сибирское общество новым налогом в пользу университета. Не пустые же нам карманы обложить этим налогом. И сколько бы ни зывали эти господа к сибирскому обществу, оно не в состоянии будет откликнуться на этот благородный призыв, ибо он похож на воззвание к нищим составить подписку в пользу бедных.

Надемся, что нас не заподозрят в осуждении самой мысли о сибирском университете. Мы задали себе только задачу рассмотреть вопрос, теперь занимающий всех образованных сибиряков, со стороны его исполнимости, и, выполняя эту задачу, нам кажется, что мы открыли, что сторонники этой идеи избрали такой путь к ее осуществлению, по которому они этого никогда не достигнут.

Гр. Потанин

Желать ли в Томске театра? (1868. № 17)

Так в ненастные дни,
Занимались они,
Делом.

Распространился слух, что иркутская драматическая труппа, с которой жители Томска познакомились прошлой осенью, в скором времени вновь посетит наш город и даст здесь несколько представлений. Слух этот принят многими с удовольствием. Несмотря на далеко не удовлетворительное исполнение пьес этой труппой, жители Томска не могут не вспомнить с благодарностью о приятных минутах, которые доставляла им игра *некоторых* артистов, принадле-

жащих к труппе г-на Краузе. Так, умная, полная естественности и неподдельного чувства игра г-на Петрова, веселый и непринужденный комизм г-на Шулинского вызывали часто вполне заслуженные рукоплескания. Г-жа Смирнова со своим молодым, еще невыработанным талантом, часто находила путь к нашему сердцу, – симпатичными нотами искреннего чувства, которые звучали в ее голосе, г-жа Терци пленяла своею благородной игрой; г-жа Сабурова своим прекрасным пением заставляла нас поневоле мириться с ее слишком иностранным акцентом. Одним словом, мы не вправе отрицать достоинства некоторых артистов помянутой труппы. Публика относилась к ним сочувственно; из чего же вправе заключить, что здешнее общество поддержало бы театр, если бы у нас открылись постоянные драматические представления, конечно, с условием, чтобы труппа была улучшена: при нынешнем же ее составе невозможно хорошее исполнение ни одной серьезной пьесы. Искусная игра 3–4 лиц не может примирить нас со слишком плохим исполнением ролей других актеров. Многие не верят, чтобы постоянная труппа могла существовать в Томске, и предсказывают по примеру прошедшего, – что после 15–20 представлений интерес к ним упадет, удовольствие приестся и театр останется пуст. Однако надо принять в соображение: во-первых, неудовлетворительный состав игравших у нас до сих пор трупп; во-вторых, отсутствие в публике привычки к театру, привычки, приобретаемой только при постоянном пользовании этим удовольствием и обращающейся в скором времени в потребность, в-третьих, само помещение театра. Надо признаться, что только отчаянный любитель решится идти в наш театр, где он рискует быть пронизанным холодом, сыростью и сквозным ветром, рискует задохнуться в коридоре от угара, чада и табачного дыма, рискует отсидеть себе ноги, вскарабкавшись на немилосердные табуреты, поставленные в ложах. Еще одно обстоятельство, невыгодное для публики: это – слишком высокая для провинциального театра цена ложам. Не всякий в состоянии заплатить 6 р., чтобы доставить своему семейству удовольствие быть в театре. Необходим еще один ярус с ценой в 3 рубля за ложу.

Говорят, что один из здешних капиталистов задумывает построить новый, каменный театр и заключить контракт с антрепренером на несколько лет, чтобы доставить нашему обществу возможность постоянно пользоваться театральными представлениями. Испольть ему! – Радуемся этому слуху, хотя он есть не более, чем слух. В го-

роде, где нет ни книжной лавки, ни устроенной библиотеки для чтения, ни литературных вечеров, ни театра, ни концертов, в городе, где высшая потребность ума человеческого – потребность нравственной пищи, – остается неудовлетворенною, понятны те безобразные явления общественной жизни, на которые надо смотреть, как на отчаянные и невежественные попытки разнообразить скуку и монотонию провинциальной жизни. Человеку нужен отдых, нужно развлечение; а когда окружающая его среда не дает ему ни одного облагораживающего, возвышающего ум удовольствия; когда по своей неразвитости он не находит ресурса в самом себе, – он падает нравственно, прибегая к недостойным развлечениям, падает все ниже, ниже, пока не ударится совершенно в грязь. Будь у нас библиотека, театр, имей публика возможность послушать увлеченное чтение, хорошую музыку, – понятия многих, вероятно, возвысились бы здесь о том, что удовольствие, достигаемое омерзительными подметными письмами, скандалами, клеветой и пасквилями, показалось им пошло и бесчестно. Быть может, люди, желающие, чтобы их считали порядочными, не бросались бы с жадностью, составляющий симптом нравственного растления, на подобные гнусные приманки их праздному любопытству, быть может, не так легко нашлись бы охотники принимать на себя бесчестную роль разносчиков и распространителей пасквилей, и лица, дорожащие своей честью, не находили бы удовольствия слушать их. Как знать? Быть может, клевета на честных людей внушала бы отвращение, и вид честного человека не заставлял бы некоторых из его сограждан вертеться подобно бесу перед заутреней и выливать на него нечистый поток своей желчи; быть может... но остановимся на этих предположениях, нам не нужно увлекаться догадками, что в нашем обществе живы здоровые и благородные инстинкты, в этом нет сомнения, на это есть тысяча доказательств; притом же никто и не обвиняет все общество; на него не может и не должен быть укор, заслуженный отдельными личностями. То теплое сочувствие, которое каждое честное и доброе дело находит в нашем обществе, та готовность, с которой оно спешит на поддержку всякого полезного учреждения, служат доказательством, что много доброго, искреннего чувства живет в его среде, и если много сил пропадает в нем от невежества, праздности и односторонности, если много умов приняло дурное направление, это еще не доказывает, что при успехе просвещения у нас будут продолжаться те уродливые явления общественной жизни, которые смущают и огор-

чают всякого благомыслящего человека. Это равнодушие к пороку, это снисхождение к низостям, это злорадство, с которым встречается всякая клевета, падающая на чистого человека, это удовольствие, с которым читаются произведений кабачного красноречия, – все это происходит, *главное*, от недостатка просвещения, и *отчасти*, от отсутствия чистых и облагораживающих душу развлечений. Да, мы потрудимся над честным делом, если устроим у себя библиотеку, откроем книжную торговлю, учредим театр, сделаем его доступным и для самых небогатых тружеников, не ведающих теперь чистых и высоких наслаждений благородного искусства, литературы, поэзии; узнав их, они их полюбят, привыкнут к ним, наконец, эта привычка обратится в потребности, – и тогда понятия очистятся, нравы смягчатся – это не утопия, это факт, который подтверждают жизнь и история. Конечно, и тогда, как теперь, будет много дурных людей, и тогда, как теперь, будут распространяться клеветы, но их встретит отпор здорового, благородного общественного мнения. Бесчестное будет называться бесчестным, как оно называется везде, где уважается человеческое достоинство.

X

Первый книжный магазин в г. Томске (1873. № 20)

Большее или меньшее развитие книжной торговли, обыкновенно, служит верным признаком большего или меньшего развития просвещения в населении известной местности. Явление весьма понятное. Спрос на какой-нибудь товар устанавливается потребностью в нем, и чем больше эта потребность, тем больше спроса, а вследствие того – больше появляется этого товара на известном рынке. Книги – тоже товар, и как спрос на него зависит от степени просвещения того населения, которое составляет потребителей известного рынка, то естественно, что наличная масса книжного товара должна необходимо обозначать степень потребности в нем, или, другими словами, степень просвещения населения известной местности.

В Томске, до нынешнего года, книжной торговли совершенно не существовало. Отмечаем этот факт как факт весьма замечательный в истории нашей цивилизации. Вывести из него надлежащее заключение предоставляем другим; но, чтобы вывод не был односторонен,

считаем не лишним сказать, что в Томске 25 тыс. жителей, что, по положению своему, он составляет центральный рынок Сибири и что вообще торговля в нем идет довольно бойко.

Начало книжной торговли в нашем городе положено в начале нынешнего года открытием Сибирского книжного магазина Михайлова и Макушина. Скромное объявление об этом открытии было помещено в 9 № Губернских Ведомостей, и Томская публика, без сомнения, с любопытством прочла его. Но мы считаем долгом заявить со своей стороны, что магазин представляет в действительности гораздо больше, нежели обещает объявление. В настоящее время в нем находится до 2 тыс. изданий, по всем отраслям знаний, собственно для продажи и до 3 тыс. для чтения. Особенно хорош и значителен выбор книг по детской и педагогической литературе. Из числа русских газет и журналов здесь получают все, наиболее распространенные. Кроме того, в магазине имеется значительный запас глобусов, географических карт, классных письменных принадлежностей, разных пособий для наглядного обучения детей и т.п. Словом, первый наш книжный магазин в состоянии удовлетворить, и при том на самых сходных условиях, самые разнообразные требования публики.

Нельзя не выразить искренней благодарности г.г. Михайлову и Макушину за то, что они, не жалея ни трудов, ни издержек, поспешили первые удовлетворить одной из самых необходимых потребностей более просвещенной части населения Томска. Но при этом нельзя не пожелать, чтобы сочувствие нашей читающей публики к столь полезному предприятию не ограничивалось одними словами, а проявилось на самом деле.

Кн. Н. Костров

О состоянии женщин между инородцами Томской губернии. Этнографический очерк (1873. № 24)

В 1854–1859 гг. доктор Густав Клемм издал в Дрездене довольно обширное сочинение о женщинах под названием: «Культурно-исторические изображения состояния и влияния женщин в различных странах и веках». По занимательности предмета, по легкости изложения, по многочисленности собранных и искусно сгруппированных в нем фактов это сочинение вполне заслуживало бы перево-

да на русский язык. Только русскому переводчику представилась бы необходимость сделать к своему труду значительные прибавления о состоянии женщин в древнем русском обществе и о состоянии между нашими многочисленными и разноплеменными инородцами, потому что Клемм, вероятно, по малодоступности для него источников, коснулся этого предмета довольно поверхностно. Оно и неудивительно: мы можем еще указать на одно или два сочинения в нашей исторической литературе, посвященные состоянию собственно наших русских женщин в древнем обществе, но что касается положения женщин между инородцами, то сведения об этом разбросаны в стольких разнообразных и часто редких сочинениях, что составление свода заключающихся в них фактов представляет и для русского писателя труд весьма нелегкий; для иностранного же он едва ли возможен. Со своей стороны, желая сколько-нибудь помочь в этом деле будущему переводчику Клемма, мы постараемся представить в настоящей статье все известные нам сведения о состоянии женщины между инородцами Томской губернии. Труд наш, конечно, не будет представлять ничего особенно нового; но, по крайней мере, он будет составлять свод достоверных сведений по настоящему предмету.

Инородцы Томской губернии состоят преимущественно из аборигенов страны. По своему происхождению они разделяются на три племени: 1) *Финское*, 2) *Самоедское* и 3) *Тюркско-Монгольское*. Самоедское племя, как известно, составляет переход от Финского к Тюркско-Монгольскому.

К Финскому племени из аборигенов губернии принадлежат Остяки.

Знаменитый исследователь Финских народов Кастрен причисляет Остяков к Угорской ветви финского племени. До его исследований все ученые полагали, что Остяки занимают в Томской губернии весь Нарымский край; но Кастрен первый доказал, что они обитают здесь на весьма незначительном пространстве и немногочисленны. Он отводит им только одну водную систему Васюгана, за исключением ее притока Чижапки; что же касается численности Остяков, то она простирается не свыше 1090 душ обоого пола.

Остяки, живущие по Васюгану, сильно придерживаются язычества и боясь образования и цивилизации от глубоко укоренившегося убеждения, что всякое со стороны пришедшее просвещение уничтожает их национальность и делает их русскими. Будучи большею частью крещены, Остяки за тем ничего уже не хотят знать о христи-

анстве, потому что уверены, что нельзя быть истинным христианином, не сделавшись русским. Вообще, Остяки, из-за опасения утратить свою национальность, не покидают лесов и пустынь, недоступных для иноземной цивилизации, потому что реки, ведущие к их жилищам, недоступны никакой правильной коммуникации, поэтому Остяки и плавают по ним в своих челноках.

Васюганские Остяки занимаются почти исключительно рыболовством и звероловством. Они ведут доселе полукочевой образ жизни, переменяют жилища каждую осень и весну, а зимой отправляются далеко в леса охотиться. Они живут в жалких юртах из бревен, торфа и древесной золы. Во всех этих юртах из бревен нет ни полов, ни окон – первые заменяются сеном, рогожами, оленьими шкурами; вторые – отверстием в стене, закрываемым льдом, пузырем, шкурою; иногда это отверстие делается и в крыше. В бревенчатых юртах бывает или очаг в углу или место для огня посредине. Первый употребляется преимущественно зимою, второе – летом. В торфяных юртах или землянках живут только зимою и потому они всегда со снегом. Юрты из бересты – летние жилища Остяков, и поэтому в них в середине есть место для огня.

Интересен взгляд, которым Остяк окидывает вообще незнакомца вначале. Это взгляд охотника, надеющегося на добычу и в то же время опасющегося, как бы самому не сделаться жертвою. В этом взгляде выражается желание слабого существа обезопасить себя и, если возможно, овладеть своим противником. Это проявляется, впрочем, и во всем обращении Остяка. Все в нем хитрость и обман, притворное смирение и покорность. Он беспрестанно толкует о Боге и великом Государе, расхваливает избранных Царем и Господом, жалуется на свою бедность и на убытки, которые терпит от поселенцев. Но лишь только разговор коснется предметов, кажущихся Остяку подозрительными, он тотчас прикидывается глупым, бестолковым, жалким. Впрочем, некоторая степень скрытности действительно есть в характере Остяков; все же остальное – мелкая хитрость, крайнее смирение и жалкий вид – маска, надеваемая при случае и вскоре сбрасываемая, и тут Остяк становится простым, прямым, честным сыном природы, немного только угрюмым, грубым и упрямым.

Этой шероховатости характера соответствует и внешность Остяка. Паллас описывает ее таким образом: «росту они больше среднего и малого, сложения слабого и сухого, лица почти все неприятного,

бледного и плоского, только никаких нарочных фигур на лице не имеют. Волосом рыжеваты или на русые похожими, кои у мужчин вокруг головы висят космами, что их еще пуще обезображивает; в женском поле, особливо кои в летах, редко находятся хорошие». «К этому описанию, – говорит Кастрен, – я должен прибавить, что белолицых и белокурых Остяков я встречал, конечно, много, но еще больше смуглых и черноволосых. Впрочем, Остяки вовсе не принадлежат к безобразнейшим сибирским племенам, между ними не встретишь таких плоских носов, узких глаз и уродливо широких скул, как у Тунгусов и Монголов; они гораздо ближе к племени Финскому, самоедскому и тюркскому. Впрочем, надо сказать, что их тип не выработался, вероятно, вследствие смеси с инородными племенами». Что касается до одежды, то обыкновенная, верхняя одежда их как у мужчин, так и у женщин – нечто в роде полукафтання или пальто, похожее на финское *мекко*, только покороче последнего. Будничное полукафтання это из грубой ткани; праздничное – из сукна или из какой-нибудь другой, более тонкой материи, по большей части синего или зеленого цвета; воротник и отвороты непременно другого цвета, и, сверх того, некоторые, для большей красоты, окаймляют его еще красным сукном или мехом. Оно всегда, по крайней мере, в будни, стягивается широким кожаным поясом, за которым заткнут нож с черенком, обложенным оловом. Мужчины носят высокие, остроконечные шапки, с широкими, свешивающимися на уши лопастями. Женский головной убор состоит из длинного, спускающегося до пяток платка, оставляющего шею большею частью обнаженной; иногда однако он обертывает ее особенным боа из беличьих хвостиков. Перчатки шьются из разноцветных оленьих шкур или суконных полосок. Щеголихи убираются множеством ожерельев и разного шитья бусами на воротник, обшлагах, перчатках, башмаках и поясе; к сему последнему, к длинным фальшивым косам и головному платку они прицепляют еще железные, жестяные и медные бляшки, – вероятно, для того, замечает Кастрен, чтобы звоном и бряканьем их обратить на себя внимание молодых парней, т.е. покупателей.

Слово «покупщик» употреблено здесь не случайно: невеста у Остяков покупается, как всякий другой товар, и причина этому та, что женщина у них не только рабыня в самом тесном смысле, но, мало того, она считается существом нечистым и живет в самом глупом пренебрежении.

При рождении женщина не получает никакого имени: весь свой век она слывет под названием *ими* – баба.

В юрте женщины обыкновенно сидят поодаль от мужчин и, смотря по присутствию здесь родственников, с закрытым или открытым лицом, а сообразно этому, обернувшись спиною к огню или нет. Известно, что у Остяков искони ведется обычай, что невестка не должна показывать лица свекру, жена младшего брата – старшему, внучка – деду. Эти родственные отношения лишают женщин иногда необходимого света и теплоты в юрте.

Во время какого-нибудь пира, особенно если есть гости, женщины не смеют ничего тронуть и едят только то, что осталось от мужчин.

Во время обыкновенных менструаций женщина не только не смеет спать с мужем, но и прикасаться к его одежде.

Она никогда не смеет прикасаться к рыболовным или охотничьим снарядам, потому что в таком случае улов рыбы или зверя будет неудачен.

Точно так же пренебрежена и ничтожна личность женщины и в то время, когда отец, брат или какой-нибудь другой родственник продаст ее тому, кто более даст. Ее собственные желания, если она осмелится иметь их, не имеют при этом никакого значения.

(Продолжение будет)

Часть 2

ЗАРОЖДЕНИЕ ЧАСТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1880-1890-е гг.)

Томск

Сибирская газета

От редакции (1881. № 1)

Необходимость печати местной, провинциальной перестала уже быть вопросом. Она признана столичной печатью, в которой раздаются горячие голоса в ее защиту, и доказывается возникновением в настоящем году многочисленных изданий в разных местах России. Русское общество все более и более проникается убеждением в неотложной необходимости тщательного и всестороннего изучения народного и общественного быта, орудием которого должна сделаться печать. Эта громадная работа не может быть по силам одной столичной печати; ее заслуги перед русским обществом неоспоримы и велики: она сделала возможным зарождение местной печати, воспитав в читающем обществе потребность в книге, в газете, и она будет первенствовать так же естественно, как первенствуют в стране крупные центры политической, общественной и научной жизни; но с развитием местной жизни, с умножением читающего и думающего люда в провинции, ее столбцы становятся тесными для массы фактов, выдвигаемых действительностью. Все, что появляется из провинции в столичной печати, имеет характер отрывочный, случайный: это – или необычайные происшествия, или общие и неопределенные итоги. Для местного читателя сведения эти почти ничего не дают; читая газету, он все-таки живет главным образом Петербургом или Москвою, как в былое время столичное образованное общество жило и волновалось почти исключительно европейскими событиями.

Все, чего не может сделать столичная печать для провинции, становится делом печати местной. Непрерывно наблюдать движение

местной жизни, возбуждать к ее нуждам внимание и интерес местного же общества, указывать в ней такие стороны, над которыми с любовью могли бы работать молодые силы, наконец, способствовать всеми силами проявлению на месте самостоятельной умственной жизни – таковы должны быть ее цели. Трудны были первые шаги провинциальной печати. Непривычка к гласности, к контролю общественного мнения создала ей многих врагов; в лучшем случае ее терпели, как необходимое зло; обыкновенно же ее притесняли.

Пожелаем теперь, чтобы учреждение Высочайше утвержденной Комиссии для пересмотра законов о печати не прошло для нее бесследно, чтобы существование местной печати было основано на праве, а не на снисхождении, и чтобы в глазах местного общества местная печать стала учреждением столь же признанным и необходимым, как и школа.

Цели, намеченные выше, будут и нашими целями. Народное просвещение в Сибири, положение и нужды сибирского крестьянина и инородца, и скорейшая перестройка старого, дореформенного порядка, начатая в Сибири введением нового городского положения, будут главными задачами, над которыми «Сибирская газета» будет преимущественно трудиться. Мы не забудем также давать отчет читателям о тех явлениях в политической и научной жизни Запада, которые будут иметь общечеловеческий интерес. Но в Сибири, научное исследование которой только еще начинается, редакция газеты может себе поставить еще следующую задачу: стать посредником между отдельными исследователями и наблюдателями и российскими учеными учреждениями. Мы будем очень рады, если в редакцию «Сибирской газеты» будут присылаться предметы, не имеющие отношения к злобе дня, но важные и интересные для истории и этнографии Сибири, например, древние рукописи, археологические находки и т.д. Некоторые из них могли бы быть описаны на страницах газеты, другие же – пересланы в ученые общества и учреждения или сохранены в Томске для кабинетов будущего Сибирского университета. Точно так же мы всегда с удовольствием постараемся ответить на каждый полученный нами научный вопрос или справку.

Итак, дело у «Сибирской газеты» будет, и дело большое. Но будут ли силы? Вот вопрос, смущающий каждую провинциальную газету. Немногочисленность литературных работников всегда дает себя чувствовать в провинции и отзывается прежде всего на литера-

турном достоинстве статей. Но мы думаем, что провинциальная газета должна прежде всего стремиться к содержательности, к обилию в ней местных фактов и местных мыслей, а при этом условии сотрудником газеты может быть всякий, кто ей сочувствует; одни могут принести статьи, другие же, и их большинство, пусть сообщают в газету факты, указывают вопросы, дают предложения, не заботясь о том, что они могут быть нескладно изложены; облечь их в литературные формы есть уже дело редакции, которое она и исполнит, насколько сумеет.

Мы верим, что для сибирского общества, долго жившего исключительно личными интересами, настала, наконец, пора объединиться около одного высшего интереса – посильного служения благу всего сибирского края. Будем единодушны в стремлении к нему, и пусть это единодушие скажется в том содействии газете, о котором мы сейчас говорили и в котором мы видим главное условие ее успеха.

P.S. Для облегчения корреспондентов и местных исследователей редакцией составлена программа, в которой систематически изложен ряд вопросов, касающихся различных сторон сельского и городского быта. Желающим программа будет высылаться редакцией бесплатно.

Центр или провинция? (1881. № 40)

В среде сибирской молодежи, получающей высшее образование в Петербурге, поднят, как нам пишут, вопрос: где, по окончании курса, с большею пользою для родины можно приложить и свои знания, и свой труд – в центре, т.е. в Петербурге, или же непосредственно на родине?

Вопрос этот имеет огромное значение не для одних только сибиряков, он касается одинаково и вятичей, и саратовцев, и владимирцев, и вообще всей провинциальной молодежи. То или другое решение его отразится в будущем на провинциях в сторону их оживления или упадка, смотря по тому, которая из традиций возьмет перевес – централистская или областная.

Преобладание центра, как известно, явилось не вдруг: областные течения вели долгую, упорную, но безуспешную борьбу за существование с своим счастливым и более сильным противником, прежде чем покорились необходимости сделаться пассивными орудиями

последнего, часто даже для преследования целей, совершенно противоположных их интересам. Впрочем, областные стремления к самобытности, утратив прежнюю резкость, еще не прекратились. До сих пор у нас не могло случиться чрезмерного развития центра на счет провинций, благодаря только существованию общины; но если этот последний оплот областной самостоятельности исчезнет, тогда усиление центра может подойти с такою же быстротою, как в западной Европе. Поясним нашу мысль. Основное, рабочее, наиболее производительное население России – крестьянство, живет земледелием, оно привязано к земле и держится ее крепко; общинное землевладение спасает крестьянина от окончательного обезземеливания; он не может с такою легкостью, как частный собственник-земледелец, даже в трудные минуты своего существования, разменять обрабатываемый им участок земли на кредитные билеты, предлагаемые услужливым кулаком. Только крайняя нужда заставляет крестьянина уходить от сохи на заработки в большие города и в столицу; но, уходя, он все-таки не отказывается от земли, он оставляет на ней свою семью, которая продолжает обрабатывать ее. При малейшей возможности крестьянин покидает город и возвращается к сохе. Привычка, нравы, обычаи, родство, поверья и проч. делают ему дороги деревню, волость, губернию, где он родился и провел свое детство: поэтому даже в крупных промышленных центрах мы замечаем прилив и отлив рабочего населения, то есть крестьяне, из которых формируется контингент заводских и фабричных рабочих, большею частью не остаются на заводах и фабриках навсегда, а уходят, послужив некоторое время, обратно в свои деревни, заменяясь новыми, которые, в свою очередь, опять возвращаются на родину, и т.д. Безземельного же, чисто фабричного рабочего, пролетария в смысле западноевропейском у нас сравнительно мало. И покуда крестьянство наше не обратится в безземельных батраков и пролетариев, до тех пор в России не будет такого страшного прогрессивного развития капиталистического промышленного производства, какое мы видим на Западе, и вместе с ним, как необходимого следствия, – преобладания одного какого-нибудь центра.

Возвращаясь к вопросу, поднятому сибирской молодежью, мы считаем не лишним напомнить нашим читателям литературный спор, возникший в 1875 году между областниками и централистами о значении провинциальной печати. Централисты (наиболее рьяный – г. Мордовцев) старались доказать, что провинциальная печать

не может существовать. Все, что есть талантливое, дельного, богатого знаниями, говорили они, стремится покинуть провинцию и направляется в Петербург, где открываются широкие горизонты для мысли, обширное поле для деятельности. Сравнительно с провинцией Петербург, видите ли, со своей лихорадочной политической, общественной и литературной жизнью неудержимо несется вперед и не дает погаснуть таланту; напротив, он захватывает в своем шумном, прогрессивном движении всех, жаждущих деятельности и предоставляет им массу средств для всестороннего развития. Университет, академии, лицей, библиотеки, ученые и литературные кружки, обилие журналов и газет, довольно заметная типографская деятельность, – все это не может не увлекать, не может не действовать возбуждительно на нервную систему, не может не содействовать созданию художественных типов, широких обобщений, светлых понятий и т.д., и т.д. ...

Что же могли противопоставить такой блестящей, полной умственного движения жизни защитники областной самостоятельности? Ужели принять брошенную поэтом характеристику, – что «там, в глубине России, там вековая тишина»! – за нормальный, естественный порядок вещей и, признав центр призванным пользоваться всеми благами цивилизации на счет провинций, на этом успокоиться. А если прибавить к вековой тишине, царящей в провинциях, – вековые лишения, вековую работу, не покладая рук, вековое невежество, и все это поставить на счет умному, талантливому, цивилизованному центру – картина будет полнее, но насколько желательна она? Вот вопрос.

По поводу выставленных централистами доказательств за неизбежность преобладания одного умственного центра (тогда речь шла только о печати), один из областников, г. Гациский, писал следующее: «Вы утверждаете, что провинциальная печать не имеет под собой реальной почвы. Да, это так, если не имеет под собой реальной почвы и сама провинция; но областное земство, администрация, школа, суд и т.д., и т.д., – разве все это не реальная почва?.. Разве провинциальная печать не может иметь своего мнения, и не по одним областным, но и по государственным вопросам, разве решение государственных вопросов никогда не принадлежало провинции, разве, наконец, не провинция *суть* всей силы и бессилия *своего центра* (с вашей точки зрения), бесчисленного множества *своих центров* (с моей)? Что-нибудь одно: или в стране ум, словом, вся

интеллигенция, вся сила в самом обширнейшем смысле слова сосредотачивается и может быть сосредоточена только в одном центре, а все остальное представляет гигантского олуха, перед которым знаменитый Прокоп – сосуд всевозможных совершенств, или задача прогресса заключается в возможно большем его распространении, о пределах которого и рассуждать-то в настоящее время неблагоприятно.

Мы протестуем только против поглощения провинций одним центром, писал далее г. Гациский, против непризнания за провинцией ее человеческих прав, мы, наконец, протестуем, потому что в самой жизни видим основания для своего протеста. В данном случае, говоря о провинциальной печати, можно прибавить, что лет 20 тому назад мы не протестовали, потому что и не подозревали возможности такого протеста. Мы даже не требуем никакой помощи активной, мы желали бы помощи отрицательной, чтобы нам не мешали... Едва ли подлежит спору, что даже самое сильное правительство не в состоянии совладать с мертвящими, парализующими все его благие действия последствиями чересчур сильной централизации; при ней в столице могут быть собраны все гении страны, и все-таки деятельность их, хотя бы и самая напряженная, будет бесплодна» («Смерть провинции или нет?» А.С. Гациского. Нижний Новгород. 1876 г.).

Все, сейчас нами приведенное, говорилось и писалось в 1875–76 годах по поводу провинциальной печати. Прошло шесть томительных лет, условия провинциальной печати не изменились, но она сумела в эти шесть лет завоевать себе известное, довольно прочное положение, сумела, несмотря на разные препятствия, поднять свой голос в защиту местных, областных интересов, а серьезной и основательной разработкой местных вопросов обратила на себя внимание даже гордых своим исключительным положением центральных органов. Мы имеем в виду «Южный край», «Зарю», «Одесскую правду», «Сибирь», «Обзор», «Волжско-Камскую газету» и др. Отчасти благодаря веяниям времени, отчасти местным органам печати в последнее время в провинции вообще, и в Сибири в частности, стали обнаруживаться такие проявления общественной деятельности (например по школьному делу), о которых нельзя было и думать лет 10 назад. Явился большой спрос на книги и газеты, появляется критическая оценка явлений окружающей действительности, заявляются новые требования. Теперь именно нужнее, чем когда-либо, люди знания, которые бы без корысти отдали себя на служение обществу в тех сферах жизни, где деятельность людей

знания необходимее. Народ невежествен, безграмотен, умирает беспомощно от всевозможных эпидемий, – нужны учителя и доктора; народ не может культивировать надлежащим образом землю, бороться с девственной природой – нужны агрономы; дороги прокладываются вновь и исправляются самым первобытным способом, с затратой массы времени и рабочих рук – нужны инженеры; кустарные промыслы идут при помощи первобытных орудий – требуются ученые техники; одним словом, какую бы сферу народного труда вы не затронули, везде потребуется помощь людей знания, потребуются руководители, бескорыстно, горячо преданные делу. Мы не могли не обобщить вопроса, поднятого нашими соотечественниками, мы не могли ограничиться одной только Сибирью, потому что и в провинциях России, хотя и в меньшей степени, чувствуется тот же недостаток в людях с высшим образованием. Но что же выиграет провинция, если все получившие высшее образование останутся в Петербурге, увлекшись эфемерной тенденцией – принести провинциям больше пользы, работая в столице. На какой почве придется им работать с этой целью в Петербурге? Нам кажется, что резонных доводов в пользу подобного образа действий не представят даже самые отъявленные централисты. Лично для каждого, конечно, *приятнее* оставаться в центре готовой цивилизации, чем ехать в глушь, на трудную, полную лишений работу пионеров этой самой цивилизации, хотя бы даже и в родном краю; но раз вопрос ставится принципиально, так личным вкусам, эгоистическим стремлениям не должно быть места. Нам очень часто приходится слышать о пагубном влиянии провинции на молодежь, приезжающую сюда из столиц; многие считают провинцию омутом, в котором люди или спиваются по кругу, тупеют, утрачивают идеалы, или становятся заурядными кулаками. Все эти соображения о действии среды на характер отдельных лиц не могут относиться к людям с сильной волей и выработанными твердыми убеждениями; такие люди поедут в провинцию с целью воздействовать на среду, и никогда никакая среда, стоящая ниже их по развитию, не переломит их убеждений. И чем больше будет таких людей в провинции, тем легче будет борьба со злом, тем дружнее и скорее пойдет общая работа обновления родного края. Чтобы суметь с пользой для всего населения применить областное земское самоуправление (введение которого в Сибири стоит на очереди), нужно стараться о более

равномерном распределении знаний в массах, нужно прийти на помощь и содействовать повышению экономического благосостояния народа. То и другое скорее достигнется, если у нас образуются свои областные умственные центры, и чем больше будет таких центров, тем лучше. Вот в чем, по нашему мнению, состоят задачи провинциальной интеллигенции.

Выбор улусного головы (Картинка из якутской жизни) (1882. № 3)

Трескучий январский мороз. Тишина возмутительная. Из всех тридцати или сорока дымовых труб города В-ска густой дым валит клубом и, едва поднявшись на аршин вверх, сейчас же под давлением атмосферы сворачивает в сторону, точно по направлению ветра. На дворе ни единой души, – ведь еще только 10 часов утра, а в это время в наших местах еще и солнце не показалось, – впрочем, на западе, на горах, видны красно-золотистые отблески – верный признак, что скоро из-за гор восточной стороны покажется на один час красное солнышко, именно красное, а не яркое, – не яркое до того, что на него можно смотреть, как на луну, не поморщившись и не моргнувши глазом.

Тишина нарушилась скрипом от ходьбы и окликами: «Капсьё, догор!» (Сказывай, товарищ) – Тох, да гох капсье, барыта ючюгей! (нет ничего, все хорошо); оклики и скрипы все чаще и чаще; это «князья» собираются в окружное полицейское управление для выбора улусного головы. И скрипы снова замолкли, тишина по-прежнему гробовая...

Канцелярская комната полицейского управления.

За тремя покосившимися и шатающимися из стороны в сторону столами сидят писцы и усердно фабрикуют разного рода донесения, отношения, предписания.

В отворенной в коридор двери стоят, переминаясь с ноги на ногу, около 20 человек «князей». Около получаса стоят они, изредка перешептываясь между собой и с дежурными казаками.

Дверь из «присутственной» комнаты отворилась, – вышел исправник. «Князья» начали отвешивать поклоны (очень частые киванья головой), а исправник, прохаживаясь в промежуточном пространстве между скрибами и князьями, начал монотонно и надтреснутым голосом держать такую речь:

– «Вот вы съехались за делом и, вместо того, чтобы сейчас же явиться к начальству и посоветоваться о своих делах, узнать, что от вас требует начальство (на слове – начальство – ударение), вы шляетесь по хотонам, рассказываете друг другу сказки, да играете в карты. Многие из вас совсем молодые, молокососы, – для этих старые князья должны бы служить примером и заставлять их следовать хорошим обычаям, а между тем все вы – и старые и молодые, все ничего не понимаете и не стараетесь посоветоваться и выслушать у начальства то, чего хочет начальство... Вам, например, теперь нужно выбрать улусного голову, – а кто из вас приходил к начальству спросить, кого желает начальство избрать головою? Никто!..

«Так слушайте же: я назначаю вам для выборов: кандидата по голове, Ефимова, Новоселова и Слепцова. Из этих четырех кандидатов вы и выбирайте себе голову».

Исправник кончил и приказал казаку перевести князьям свою речь. Казак начал переводить, всячески стараясь, и жестами и тоном, передать все тонкости внушительной речи исправника, который во все это время ходил по-прежнему по комнате, победоносно покручивая усы и самодовольно, но начальнически заботливо улыбаясь.

Казак кончил.

Из робкой толпы робко выступает один князь и, кланяясь, начал было:

– Улахан тоен! (ваше высокородие), мы желаем иметь головой Покатилова...

Исправник сделал нетерпеливое, сердитое движение.

– Начальство сказала вам, кого вы должны выбрать – вот и выбирайте. Покатилова начальство не желает – это вы знайте! Завтра приходите все в управу, позовем священника, отслужим молебен и... чтобы непременно состоялся выбор, иначе я продержу вас еще месяца два, пока от губернатора не придет решение на вашу просьбу.

Не успел еще казак перевести этой речи, как исправник ушел в «присутствие», а «князья» робко вышли из «полиции» и молчаливо расходились по юртам и хотонам, скрипом своим на время нарушая гробовую тишину заполярного города...

Юрта улусной инородческой управы. Те же князья сидят молча на лавках. Письмоводитель прерывает молчание расспросами об улове пушнины, рыбы... От улова в текущем году перешли к «старым», хорошим, конечно, годам, перешли по ассоциации идей и к воспоминаниям о старом голове Покатилове. Долго, несколько

трехлетний служил Покатилов головой и вдруг... Начали рассказывать, как Покатилов наотрез отказал о взыскании с якута в пользу русского торговца незаконных процентов; как за этот отказ разбился не только торговец, но и сам улахан-тоен. Пошли рассказы о том, как Покатилов не взял тухлой муки, насильно розданной в управы для раздачи в долг якутам и т. под.

Рассказы прекратились пришествием исправника и причта.

Отслужили молебен.

Улахан-тоен снова держал речь, в которой, между прочим, характеризовал выставленных кандидатов, и в особенности Ефимова.

«Князья», низко кланяясь, просят единогласно о Покатилове.

Исправник взглядом, голосом, всей своей осанкой дает понять, что о Покатилове не может быть и речи... Томительное безмолвие... Письмоводитель напоминает о выборах и выбранным оказался Ефимов...

Вечер в улусной юрте. Князья все до единого пьяны. Сидят парно, обнявшись и рассказывают друг другу о доблестях Покатилова, о Ефимове же говорят только, что богатый «берт» (очень), богатый «кизи» (человек).

В тот же вечер состоялся пьяный бал и в доме одного из обывателей В-ска, но на этом пьяном бале из якутов присутствовал один только нововыбранный улусный голова; говорят даже, что он хозяйничал на этом бале...

А уложение о сибирских инородцах совсем иначе трактует о выборе улусных и наследных старост!

Якутофил

Ночь на Новый год (Новогодний фантастический рассказ) (1884. № 1)

Егор Попов был типичный сибиряк: сложен кряжом, вынослив, терпок, не речист, к шутке склонен мало, увлекался туго, выгоды своей не упускал и держался за все цепко; образование уважал, но, так сказать, – платонически, ибо копейку уважал еще более; любил угостить других и сам угоститься, но пьян бывал редко. Вообще говоря – человек средних способностей, но себе на уме. Это не был лучший или наиболее симпатичный тип сибиряка, но наверное – самый распространенный.

Егор Попов был вдов и вдовел давно. Единственный сын его учился в Казани. В месте теперешнего своего пребывания Попов поселился очень недавно: он едва успел поставить живой сруб на две половины и житье его еще носило на себе характер новизны и примитивности. Жил он один, держа только стряпку и работника. Он успел завести уже кое-какие торговые делишки на месте и предполагал три дня назад выехать для торговых же дел на ярмарку, как его остановили придирки заседателя к паспортам: его и его людей. Эти придирки, разрушая все его планы, крайне раздражили его. Вообще очень мало склонный к обобщению и отвлечению, он в настоящую минуту чувствовал смутное недовольство всем складом жизни и не прочь был пофрондировать, пофилософствовать и повольнодумничать. Вот уже около двух часов лежал Егор Попов на диване вверх брюхом, докуривая папиросу, методически, медленно, в несколько приемов плевал на окурки, бросал его под диван, несколько времени лежал вздыхая, затем вставал, проводил рукой по своей круглой, как арбуз, голове, подходил к простеночному столу, где стоял графин с водкой и рюмка, и выпивал. Затем аккуратно сплюнув, ложился снова. В стенах здорового сруба от времени до времени слышался сухой стук: то сибирский дед Морозко постукивал по бревнам снаружи. Но в самом доме было тепло и уютно, хотя как будто чрезмерно тихо.

– «Борохло, а не жизнь! – думал Егор Иннокентьич, хлопая глазами. – Ну что толку?.. Ну, был я когда-то чиновником, и мельницу держал, и по винной части... Теперь вот торговые обороты. А что толку?.. Ну, деньги, ну, хорошо... Да ведь и купить-то на них при своем невежестве никакого удовольствия, кроме этого не сумеешь!». Егор кинул косою взгляд на графин с водкой, стоявший на простеночном столике, с неудовольствием плюнул и на некоторое время прервал свои размышления. «И для чего наживаешь? – начал он. – Для того, чтобы первый куроцап под тем или иным предлогом облупил тебя, как яичко! А выгодно будет, так, облупивши, еще и съест – за тем дело не станет!.. Взять, опять, эту самую «житейскую политику»: унижения-то сколько! – Ах язви тебя!» – и ему вспомнилось, как исправник, от которого фактически зависело, допустить ли его к выгодным торгам, на предварительной выпивке стал над ним куражиться и даже, обмакнув палец в рюмку, вымазал Попову водкой нос; но он, Попов, все стерпел... Вспомнилось ему также, как известный во всей округе кляузник Тишка Грязных долго

приставал к нему: «Ты скажи, нет, ты скажи только, – подлец я или нет?» – и хотя Егор Иннокетъич до глубины души, до полного от- вращения был убежден, что «подлец», – однако из опасения нажать в этом неутомимом ложном доносчике врага ответил со сладкой улыбкой: «Какой же подлец, Тихон Парфентъич, – кто ж это может сказать?!..». Егор нетерпеливо повернулся на своем диване.

«И все одно и тоже... – продолжал он свои размышления. – Ей богу! Одурь даже возьмет, вчера водка, нынче водка, завтра водка, через неделю, через год, коли не околеешь, – все та же водка... только всего и есть! Ах чтоб те язвило!»

«Хоть бы в новом году что-нибудь новенькое... На иной бы ма- нер жизнь сложилась... Недаром же поздравляют! *С новым годом! С новым счастьем!* Хорошо бы! Чтобы, значит, обновилась жизнь; совсем бы заново стала! Хорошо бы! Чего лучше! А что ж? – может быть и будет?!..» Егору Иннокетъичу до того понравилась эта мысль, что он улыбнулся, посмотрел на большие старинные часы в деревянном футляре, прислоненные к стене, на которых стрелки приближались к полуночи, затем медленно поднялся, подошел к простеночному столику, налил рюмку водки, опрокинул в гор- ло, методически отер усы, провел рукой по круглой голове и об- ратившись к часам, словно к новому году, с улыбкой проговорил: «Просим милости!».

В ту же минуту часы стали бить, а с улицы послышались отчаян- ные вопли. Егор Иннокетъич подошел к окну и сквозь щель запертой на болт ставни различил, что у самого дома один человек жестоко колотил и топтал ногами другого. «Ах, язва какая! Ведь убьет, того гляди!» – пробормотал Попов и нужно сказать правду, что в этом восклицании выразилось не столько негодование на дикую расправу или страх за человеческую жизнь, сколько опасение того, что у его квартиры окажется «мертвое тело»: «тогда и не развяжешься с ним!» Егор Иннокетъич наскоро надел полушубок, схватил револьвер и со всею торопливостью, к какой были способны его медлительный нрав и громоздкая фигура, – направился на улку. Луна светила ярко и он ясно рассмотрел нападавшего; необнаженною шашкой тот на- носил удары по чему попало. Егор Иннокетъич узнал лежавшего: это был крестьянин Никодим Быстрых, подававший на бывшего три жалобы.

– «Отец родной, помоги! – взмолился он, заметив Попова. – Ни за что погибаю! Видит Бог – ни за что! Ох, батюшки, ох!..».

«Я тебе помогу, – кричал в свою очередь, в ярости расправлявшийся, продолжая побои. – Ах ты мужлан! Властей не признавать? Шапки не ломать? Я тебе покажу, мразь этакая, как грубить! Я тебе припомню, как жаловаться!».

– «Будь милостив, добрый человек, вступись!» – хрипел Никодим, не сводя умоляющих глаз с Егора Иннокентьича. Но Попов, твердо помня исконную сибирскую поговорку – «с сильным не борись, с богатым не тяжись» – сразу осел, как только увидел, с кем имеет дело, и даже отошел в сторону.

Наконец блюститель устал. Пнув мужика в последний раз ногой, он отряхнулся, но еще не положил гнева на милость.

«Вишь, жалобщик! – шипел он. – погоди! Я тебя доведу! Говорят – давай коней, так давай!» – и, взбешенный, он направился к дому Быстрых.

Такой оборот дела словно придал жизни обессилевшему Никодиму. Охая, поднялся он с земли и еще раз со слезами обратился к Попову: «Друг! Заставь за себя Бога молить! Пойдем со мной! Не дай ему разорить мужика. Не моя очередь! А он теперь назло загонит моих коней! Пойдем! Или в тебе человечесьей души нет?! Или в тебе ума нет?! Нынче ты за меня вступиться боишься, так завтра он тебя самого съест! Пойдем, будь друг».

Но Егор Иннокентьич только махнул рукою и молча возвратился к себе. Сосредоточенный, словно съезжившись, снова подошел он к графину и снова опрокинул в себя рюмку. Затем сел на диван и стал смотреть на часы: что за странность – двенадцати еще не было! Попов встал и для большей убедительности подошел вплоть к часам: точно, двенадцати нет! «Да, вот оно что: стало быть, новый-то год еще впереди! Это хорошо. Надо быть, я даве ошибся... Это хорошо! ...Впереди, впереди! Просим милости, просим милости!» – снова проговорил Егор Иннокентьич вслух, с улыбкою кивая часам головой.

И опять по этому его слову обе стрелки соединились вверху циферблата, часы зашипели и звонким молодым звоном пробили 12 раз. Одновременно с последним ударом из другой половины дома слышался говор. Егор Иннокентьич удивился, взял свечу, перешел сени и отворил дверь. Посреди кухни стоял бывший приисковый рабочий Николай в рваном пальто немецкого покроя и в совершенно невозможных пимных опорках, из дыр которых выглядывала насланная для тепла солома. С ним разговаривал рослый мужик. Несколько далее стояла третья фигура – то был грязный, скуластый,

узкоглазый инородец. При входе Попова все трое поклонились. На печи спала работница, на скамье работник, и оба взапуски храпели.

«Что надо?» – спросил Попов.

«Новоселы будем... из Рязанской губ., – отвечал рослый мужик. «Охота в соседи к тебе, барин. Ну, и насчет срубу да коровенки, – требуется... Наслышаны об милости вашей... – тут мужик поклонился, – что есть продажное. Ну и заявилися, значит... – мужик снова поклонился и стал заискивающе глядеть на Егора Иннокентьевича.

– «Есть, есть; приходи днем, посмотришь Пестрю – корову, да близ овина сруб».

«Да уж мы даве осмотрели, признаться, не в обиде тебе, барин. За ценой все дело. Только, как вот мы теперь, значит, поистратились, то не будет ли милости твоей погодить на нас уплату? Вечные за тебя бы молеельщики были!»

Попов подумал и затем проговорил: «Сруб двадцать руб., а корова – семнадцать. До весны подожду, а там, коли денег не будет, – отработаешь».

Мужик замылся. «Ровно как не по-соседски... – проговорил он наконец, перебирая в руках шапку, – сруб-то вся цена – восемь руб., да и за Пестрю больше не дадут».

«Кому нужно, даст» – заметил Попов, методически раскуривая папиросу.

«Да уж как не нужно: вот! – мужик провел рукой по горлу, – Только не по-соседски...» – и он усиленно заморгал глазами.

«Не по соседски! Не по-соседски! – повторил Егор Иннокентьевич, с неудовольствием возвышая голос. – Очень мне нужно твое соседство! не глянется, так и не приселяйся!...»

– «Рад бы не приселяться, да ведь не от радости и сюда пришли... А ты бы то подумал, барин, – внезапно оживился новосел, – что всякий лишний рабочий человек твоей земле прибыток! Какой же ты будешь своей родине радетель, и где твой ум будет, ежели ты меня принять не хочешь? Ты думаешь, жадность-то много тебе даст? Только слепой ты через нее станешь, верь моему слову!»

«Да ты что за учитель нашелся? Ступай, откуда пришел!» – крикнул Попов и не стал с ним больше разговаривать. – «Ты что?» – обратился он к инородцу. Тот показал знаком, что желал бы разговаривать один на один. «Ну, ступай сюда», – ответил Егор Иннокентьевич и вышел в сени, держа в руке свечу. Инородец последовал за ним и едва затворил за собой кухонную дверь, как припер ее спиной.

– «Ты человек, я человек... Жить хочу... Света хочу... правды... учиться хочу...» – пролепетал он таинственно, и в его черных, блестящих глазах мелькнуло мучительно-напряженное, выжидательное выражение.

Егор Иннокентьевич молча долго глядел на него, как глядят на человека, который стал заговариваться. Потом ему стало смешно.

«А пышнина есть?» – спросил он.

Иноходец подозрительно оглянулся. Затем быстро вытащил из-за пазухи богатейшую черную лисицу и несколько голубых песцов. Глаза Попова разгорелись. Он быстро шагнул в комнату, схватил с ближайшего подоконника полный полуштоф и подал его иногородцу со словами «Вот тебе и жизнь, и свет, и правда – все тут!». К величайшему изумлению Попова скуластый гость его не только не набросился на водку, но укоризненно покачал головой и молча быстро вышел вон. Егору стало смертельно жаль упущенных мехов и он мигом выскочил вслед за диковинным иногородцем, крича: «Постой! Куда же ты? погоди!»... Но тот точно сквозь землю провалился. Егор постоял-постоял и, сумрачный, возвратился в кухню: самохода уже не было. Как только скрипнула дверь, Николай выпрямился и сделал шаг к Попову.

– «К вашей милости!»

– «Ну?»

– «Уступите нам ваш прииск, Егор Иннокентьевич!»

– «То есть как? кому уступить? как уступить? Не понимаю я чего-то...»

– «Да артели. Старательская артель у нас составила; народ все настоящий, не слабый народ. Мы, значит, примем от вас прииск и весь инвентарь; потом уплатим стоимость инвентаря; ну, а золото уж на себя будем вырабатывать; коли вам угодно с нами работать, и вас в артель примем».

Попов глядел на Николая во все глаза и не мог решить, кто из них двоих сошел с ума?

– «Мы бы и помимо вас, отдельно бы на себя заявили прииск, есть местечко, найдено; да только взяться-то с чем, капитала нет. Так как же, Егор Иннокентьевич?»

– «Да ты очумел, что-ли? – спросил наконец Попов. – С чего это я стану вам свой прииск и свой капитал отдавать?»

– «Позвольте, Егор Иннокентьевич!» – торопливее прежнего заговорил Николай, убедительно прижимая руку к сердцу. – Позвольте

вам доложить: ведь земля, что же земля? – ведь она Божья! И ведь она только руками человеческими дает что-нибудь; а сама-то по себе, хоть распробогатая будь, золота-то ведь она из себя не выкинет. Если насчет приисковых расходов, так уж вы их, Егор Иннокентьевич, давно выбрали на золоте. За инвентарь мы вам заплатим в лучшем виде, Егор Иннокентьевич. Вот вы изволите говорить: капитал! Так ведь он не с неба же вам упал и не своими руками вы его сделали, а уж это дело известное: работник выработает в день, скажем, на 5 рублей, а хозяин ему дает 50 к., остальные 4 с половиной берет себе; из этого и составляется капитал».

«Уйдешь ты отсюда, или нет, язва!» – крикнул Попов, выйдя из всякого терпенья и наступая на Николая. Николай попятился и вышел через противоположную дверь. Егор Иннокентьевич разбудил стряпку, велел ей вздуть самовар, затем возвратился в свою комнату, и предварительно осмотрев все входные двери, застегнул их на крючья.

«Черти! – бормотал он. – Из-за них нового года чаркой не встретишь!». С этими словами Попов подошел вновь к графину, налил рюмку и, придя от созерцания ее в благодушное и несколько игривое настроение, обратился к часам, с тем чтобы в их лице приветствовать новый год. Обратился ... и готовая опрокинуться в горло рюмка осталась неподвижною в его руке. Что за чертовщина, в самом деле: стрелки опять показывали *без пяти* двенадцать! Не веря более своим глазам, Егор открыл часовой футляр и пощупал циферблат на цифре XII, направо и налево от нее: точно, не было еще полуночи. Егор задумался. Но сколько он не думал, ничего из этого не выходило, и в конце концов он решил, что самое лучшее – плюнуть. Он так и сделал, после чего успокоился.

«Все-таки новый-то год должен же притти, – рассуждал Егор Иннокентьевич, лежа на диване, – непременно должен! Право, это очень интересно. Вот пять минут пройдет и настанет все новое... все новое... все новое... Ну, теперь пора!» – и Егор Иннокентьевич весь обратился в ожидание. Действительно, часы в третий раз пробили 12; стрелки показали полночь. Вместе с тем послышался стук снаружи в окно.

– «Кто там?» – крикнул Егор изнутри.

– «Здесь живет Егор Иннокентьевич Попов?» – чуть слышно долетел снаружи вопрос.

– «Здесь. Что надо?».

– «Я привез ему письмо от сына».

Егор заторопился, растормошил работника и скоро в его комнате уже сидел вместе с ним за чайным столом молодой человек с энергичными и резкими чертами крайнего брюнета. Сам Попов читал письмо сына.

«Я узнал, – писал между прочим восемнадцатилетний юноша, – о подкладке некоторых из твоих торговых дел. Я и вообще-то с торговлей могу мириться лишь в силу того, что в данную секунду не введены еще в жизнь более правильные способы обмена; *такая же "торговля"*, какую подчас ведешь ты, – извини за откровенность – просто *беззастенчивое обирательство*, и я должен сказать тебе, что если ты не можешь наживать денег иначе, то я принужден буду отказаться от твоей денежной помощи, а может быть, и от сношений с тобою: я не могу жить на награбленные деньги, и для меня слишком тяжело краснеть за отца»...

«Вот как нынче птенцы-то к родителям пишут! – произнес с горечью отец, методично складывая и запятывая снова в конверт сыновнее письмо. – Старайся для семейства, наживай для своего кровного; а он возьмет да и ошелмует тебя! Еще и приказание отцу напишет: не смей больше по любви своей родительской поступать, скотина!».

– «Мне кажется, – возразил приезжий, – что родители совершенно напрасно считают своей заслугой устройство детям материального благосостояния *всякими средствами...*»

«Так-с, – перебил Егор Иннокентьевич; он чувствовал правоту возражения, но тем более неловким становилось положение Егора Иннокентьевича и тем обиднее все это ему казалось. Он взглянул искоса на собеседника и самоуверенный вид последнего раздражил его еще более. – Вижу, вижу я, – продолжал он саркастически, с нехорошей, неискренней улыбкой, – что стары мы стали, глупы, не понимаем ничего!»...

– «А что же, если по правде-то сказать, так и, действительно, мало что понимаете...» – и молодой человек вдался в критику всех сфер нашей современной жизни; он говорил резко, беспощадно... Егор Попов ничего не мог возразить брюнету; но тем более страдало его мелкое самолюбие. В конце концов он почувствовал ненависть к своему собеседнику – страстное желание чем-нибудь отомстить ему... за что? – Попов не отдавал себе отчета: на самом же деле просто за ряд неприятных ощущений, *косвенной* причиной которых был этот приезжий.

– «А вы знаете ли, милостивый государь, что за такие речи можно ответить?» – спросил Егор Иннокентьевич с злорадным бахвальством.

– «Как не знать! – отвечал брюнет и с насмешливой улыбкой прибавил: – Теперь остается вам только *присвидетельствовать*...»

– «Да-с, остается»... – произнес вне себя Егор Попов, обводя комнату ищущим взглядом. Взгляд его остановился на двери: в нее входил тот самый блюстителъ, который недавно колотил Никодима... Откуда он взялся? зачем пришел? – Егор Иннокентьевич не разбирал: он прямо обратился к нему со словами: «Вот не угодно ли-с!» – и указал наотмашь на приезжего. Тот молча кивнул головой с видом человека, которому все уже известно, вынул из портфеля бумагу, открыл чернильницу, немного посопел (он был тучен) и стал строчить... Через несколько минут брюнета увели из комнаты. Егор Попов остался один.

Нельзя сказать, чтобы он чувствовал себя хорошо. Он действовал под влиянием раздражения. Но по мере того, как оно улеглось, Попов чувствовал все живее, какую нестерпимую пакость он сделал. Он ходил по комнате и на душе у него становилось все хуже. Спасаясь от собственных мыслей, он старался сосредоточить свое внимание на чем-нибудь внешнем и снова обратился к часам. Опять-таки стрелки не показывали еще полуночи!

«Да что же это такое?! – крикнул Егор во весь голос: – Придет сегодня *новый* год, или нет?!»...

В ту же секунду обе часовые стрелки с шумом и лязгом соединились на цифре XII, но боя не последовало, а вместо того из часового футляра послышалось насмешливое, раздражающее нервы хихиканье. Егор почти побежал к футляру и распахнул его: ничего особенного не было, но в движении воздуха, произведенном взмахом дверки, послышались, словно вздох, слова: «Не придет к тебе новый год, не придет! не придет!».

«Почему не придет?» – закричал Егор, сам не понимая, что он говорит и пятясь к дивану.

Но тут произошло нечто еще более необычайное. Егору Попову показалось, что перед ним уже не циферблат настенных часов, а круглое, белое, осклабившееся лицо, от которого висит не маятник, а виляет, дразня, высунутый язык; противная улыбка этого лица все расширялась, узенькие глаза суживались и, наконец, голосом, похожим на тиканье часов, заговорило: «Новый год, какой ты призывал, – с новым счастьем, – много раз приходил к тебе

нынче; он являлся к тебе в виде мужика, просившего защиты, но ты отступился от него; он приходил к тебе в виде новосела, инородца и рабочего, но ты обошелся с ним по-старому и выгнал его; он посетил тебя в виде честной, независимой мысли, но ты не вынес ее правды и сам знаешь, что сделал с нею...

Так-так!

Ты сам

Себе враг!

Экий срам!

Тик-так!

Тик-так!!>...

Иван Брут

Томск, 26 мая (1885. № 21)

Есть ли необходимость в новом органе печати, посвященном сибирским делам, спрашивает вновь появившаяся в Томске газета «Сибирский вестник»? Есть ли в нем необходимость, спросим и мы, когда, по заявлению того же «Сибирского вестника», «существующие местные издания представляют собой лучшие стремления образованной части сибирского общества и дают верную и добросовестную характеристику сибирской действительности»?

Мы этот вопрос ставим серьезно и категорически и, как читатель убедится из всего нижеследующего, без всякой предвзятой мысли, без опасения, например, за свое собственное существование и без тому подобных низменных целей. Что, в самом деле, может заставить издавать новый еженедельный орган и не для какого-нибудь уголка обширной Сибири – в чем может и быть действительная потребность – а посвященный вообще сибирским делам, когда потребность в печатном слове только что начинает пробуждаться здесь, когда у существующих трех органов сибирской печати едва набирается 3000 подписчиков у всех вместе, когда громадное большинство читающего сибирского населения выписывает иллюстрированные издания ради карикатур и картинок и в местных газетах читает по преимуществу корреспонденции и статьи, относящиеся до своего угла? Вероятно, есть какая-нибудь, и очень серьезная, причина появления нового органа? «Сибирский вестник» утверждает, что такая

причина есть. Надеясь «по многим вопросам идти рука об руку с сибирской печатью», он выставляет *иную основную тенденцию*, как «необходимый» повод к появлению новой газеты.

«Иная основная тенденция» заключается в том, что «Сибирский вестник» «не может смотреть на Сибирь, как на окраину, связанную с Европейской Россией исключительно внешнею связью, как на страну, у которой должны быть свои особые пути и средства внутреннего развития и которой внутри себя предстоит найти элементы для более правильного гражданского существования». Напротив, газета убеждена (и глубоко!), что «все будущее Сибири неразрывно связано с будущим всей России, и что Сибирь только и может развиваться на общерусских основаниях, путем последовательного применения к ней условий существования всего русского государства». Газета идет далее и утверждает, что «говоря о Сибири и России, нельзя называть первую колонией, а вторую метрополией, ибо эти термины вносят в местное общество явную путаницу понятий, которую надо, *наконец*, устранить».

Теперь наши читатели знают «иную основную тенденцию», которую намерен проводить «Сибирский вестник». Разберемся, и тогда видно будет, кто вносит путаницу понятий. Во-первых, кто, когда и где говорил об «исключительно внешней связи» России с Сибирью? Смеем уверить, что ни наша газета, ни все другие, посвященные Сибири, об этом не говорили, так как сепаратистские стремления в этой печати места не имели. Но мы не будем останавливаться на этих не совсем деликатных приемах установления «иных тенденций». Новая редакция не хочет принять в соображение, что люди, сгруппировавшиеся около органов сибирской печати, одушевлены любовью к своей родине, что они радуются развитию Сибири, имеющей на то законное право. Ничем другим, как только этим объясняется, например, почему для иного образованного сибиряка так чувствительна утрата Костомарова. Костомаров был великий человек, со дня своего вступления в гражданскую жизнь и до могилы неизменный носитель идеи областности, всеми силами своего великого духа стремившийся к самобытному развитию дорогой ему Украины, хотя, наверное, он и не думал о «внешней связи» Украины с Россией. Если редакция «Сибирского вестника» припомнит или пороется в трудах Костомарова, то она узнает, как много может сделать один человек, одушевленный такой идеей, на пользу развития своего края. Но такие же или подобные результаты – если не всем дано быть

Костомаровыми – достигаются, если несколько человек, одушевленных идеей общности, одушевленных патриотическими чувствами, будут работать заодно, будут воспитывать поколения своих сограждан в этом направлении. Несомненно, что для того, чтоб работать с успехом на пользу какого-нибудь края, необходимо его изучить, но хорошо изучить несколько областей, районов одному человеку не под силу, и потому и бывает обыкновенно, что местом своей деятельности человек избирает какой-либо определенный район, и как самый ему близкий, конечно, родину. Это все элементарные понятия, но, к сожалению, о них нужно говорить, потому что, сказать откровенно, «Сибирский вестник» не уяснил себе даже того, что должно, по его мнению, составлять основную тенденцию этого органа. Доказательства этому налицо. «Какая же, говорит эта газета, Сибирь колония России, когда большинство населения Сибири ни по языку, ни по религии, ни по главным основам экономического быта не отличается от большей части населения России». «Кто принес сюда соху и плуг?», наивно вопрошает «Сибирский вестник». «Кто построил первую церковь, кто заставил массу туземцев отказаться от родной речи, от поклонения идолам, от кочевой жизни?» и т.д. Прежде чем перейти к дальнейшим курьезам передовой статьи «Сибирского вестника», остановимся на частностях по поводу выписанных вопросов. Сибирь представляет такие характеристические особенности, сложившиеся в силу характерных условий, действовавших в течение веков, что пока обратила на себя внимание ученых именно с этой стороны. Географические, климатические, этнографические, экономические и др. условия природы и жизни совершенно отличные от таковых же условий России, создали здесь все иное, особенное, «отличающееся от большей части населения России». Не дальше как в последней книжке «Вестника Европы» такой основательный ученый, как Пыпин, в статье о «Задачах этнографии» говорит о «сибирском типе», о необходимости изучения его, как и других типов, начало которым дало, может быть, несколько племен. Это значит, что «сибирский тип», если заняться его изучением, представит свои не только этнографические особенности, но и лингвистические и даже антропологические, как ни устойчив вообще тип с анатомической точки зрения. Уж если произошли такие перемены, давшие право на существование особому типу с точки зрения ученого, то ясно, что были и свои могучие условия, проводящие грань между Сибирью и Россией. Уверение же газеты на счет того,

что массы туземцев отказались с приходом русских и от родной речи, и от идолов, и от кочевой жизни – совсем не верно. Если б мы захотели на этой почве дать литературный турнир газете, так мы могли бы привести в пример как раз обратные явления: кому, например, неизвестно объякучивание русских, которые разучиваются говорить по-русски, теряют свой облик, усваивают все обычаи и культуру подлежащего, по идее «Сибирского вестника», вымиранию якута? Кто не знает в Сибири, как иные православные христиане, жадно внимая звукам шаманского бубна, ждут от шамана исцеления и всяческих благ, ставят «изыхов», посвященных духу, и проч. Скажем кратко – ни от речи родной, ни от идолов, ни от кочевой жизни масса инородцев не отказалась. А что массы инородцев вымерли и вымирают, что от некоторых народностей – и все благодаря гуманному обхождению – остались лишь одни воспоминания, это факт, достойный размышления.

Но «Сибирский вестник» настойчиво спрашивает: «почему Сибирь колония»? «Где в ней те коренные *туземные* элементы, которые могли бы развиваться независимо от гражданских и общественных успехов России»? Признаться, эта фраза была для нас неожиданным сюрпризом. Устанавливая свою особую точку зрения и «иную тенденцию», отрицая значение терминов «колония» и «метрополия» для Сибири и России, «Сибирский вестник» вводит свое понятие о колонии, как об агрегате «коренных туземных элементов, могущих развиваться независимо от метрополии». Для новой газеты исторические примеры значат очень мало. Была колонией Англии Северная Америка, колонией Испании – Южная Америка, есть колонии и теперь у той же Англии, Испании, Франции и в последнее время у Германии. Да разве они потому колонии, что там развиваются и процветают «туземные элементы, развивающиеся независимо от метрополий»? Колонии образовались и образуются потому, что избыток населения какой-либо страны искал выхода в силу таких или иных неблагоприятных условий существования – в Сибирь проникла новгородская вольница, потом здесь нашли себе приют избежавшие кары закона, затем старообрядцы, крепостные, вообще люди, не стерпевшие гнета и стеснений, и уж потом правительство стало само селить вольных переселенцев, а наконец, воспользовалось Сибирью как местом ссылки в громадных размерах, а теперь сюда едут вольные переселенцы, прижатые к стене земельным стеснением. Почему же Сибирь не колония, когда все признаки колонизации на-

лицо? И всегда колонист нес с собою плуг, строил церковь, пути сообщения и проч., это иначе и быть не может. Мы сами не изучали, правда, вопроса вообще о колониях и в частности о том, есть ли Сибирь колония России или нет, но достоверно то, что не публицисты существующей сибирской печати, как полагает «Сибирский вестник», выдумали эту историю. Компетентные ученые и писатели работали специально по вопросу о колониях и они установили, во-первых, признаки колонии, многообразные типы этих колоний, разобрали условия их развития, процветания, падения, выделения в особые нации и государства. Таковы, например, французские писатели Рошер, Леруа Болье и другие, которые, не обинуясь, признали Сибирь за колонию; таковою же признавали ее и русские государственные люди.

Мы почти целиком цитировали всю первую часть замечательной статьи «Сибирского вестника», который затем уверяет, что «исходя из приведенных исторических оснований», он горячо будет поддерживать развитие внутренней связи между Россией и Сибирью. Со свойством «исторических оснований» газеты мы уже познакомили читателей, остается поговорить о способах развития «внутренней связи» между Сибирью и Россией с точки зрения «Сибирского вестника». Не видя опасности для Сибири от постройки железной дороги, от вывоза сырья из Сибири, от устройства морского пути из Сибири в Европу, газета проводит оригинальные экономические взгляды: не сомневаясь, что с устройством железной дороги между Сибирью и Россией усилится вывоз сырых продуктов отсюда и усиленная добыча их для вывоза же, газета без всяких объяснений говорит, что «потом, с развитием промышленности, увеличится добыча продуктов и для местной обработки», причем, нимало не стесняясь, заключает, будто «история учит», что «таким путем шло экономическое развитие всех государств Европы». Смеем уверить почтенную газету, что экономическая наука считает такое положение ненормальным, вынужденным неблагоприятными для страны условиями. Если история учит нас, что, например, Испания и даже Англия проводили в колониях политику вывоза драгоценных металлов, мехов и проч., смотрели на них с меркантильной точки зрения как на свой специальный рынок для сбыта мануфактуры и проч., то они жестоко были за эту политику наказаны; и экономическая наука первую Англию заставила отказаться от политики меркантилизма.

Напрасно «Сибирский вестник» иронизирует, будто сибирская печать желала обнести Сибирь китайской стеной, – что и ею понимается как синоним застоя, – напротив, эта печать утверждала, что, для усиления продуктивной жизни страны необходимо устройство внутренних путей сообщения, как путей, облегчающих и потому усиливающих обмен продуктов; как путей, с устройством которых должны явиться новые рынки, оживиться спрос и предложение, расширяться и самые потребности. По формуле же «Сибирского вестника», за усиленным вывозом преемственно начинается обработка продуктов на месте! Напротив, если я могу получить с устройством внешних путей фабрикат дешевле, чем имею его теперь, то что меня заставит заняться его выработкой, особенно если я его никогда не вырабатывал и делать не умею; на этом-то основании и покоится покровительственная система. – Опасности ни в железной дороге, ни в морском пути сибирская печать не видит, ибо первое сооружение главной цели – вывоза – не достигает, а второе и вовсе неосуществимо; но здесь для нас важен принцип самый, которому следуют, и те громадные средства, которые можно бы употребить с большею пользой, например, для развития внутренних путей. Сам же «Сибирский вестник» ужасается, «какая масса продуктов пропадает здесь без пользы для населения». Они и при сибирско-российской железной дороге будут пропадать, потому что к конечному пункту этой дороги попасть не отовсюду будет легко. Иной бы и занялся пчеловодством, сельским хозяйством, устроил бы завод и т.д., да как рассчитает, во что ему обойдется одна доставка меду, воску, хлеба на «ближайший» рынок, как сообразит, что от завода надо прокладывать один путь за дровами, другой – за рудой, третий за хлебом, четвертый – чтобы свезти на рынок, так и увидит, что близко локоть, да не укусишь, и наверху лежат богатства, да взять их мудрено.

Кроме всего этого, «Сибирский вестник» делает упрек сибирской печати за то, что она не занимается «обсуждением трудов местных административных учреждений, касающихся устройства, управления и нужд Сибири», но предвидя, что газете могут на это возразить, во-первых, невозможностью добыть поименованные труды, а во-вторых, указать на цензуру как на препятствие к свободно-му обсуждению, газета, вместо категорического ответа, украдкой кивает на Петра. Она говорит: «А как столичная печать узнает столичные новости»? Что же касается цензуры, то с ней «Сибирский

вестник» не видит препятствия, «надо только, говорит, уметь писать так, как писали лучшие публицисты 30 и 40-х годов». Во-первых, сибирская печать всего признавала за трудами местной администрации значение и не только не игнорировала их, но всячески старалась с ними ознакомиться. К сожалению, все попытки редакторов в этом направлении разбивались о канцелярскую тайну, в которой держались даже печатные «труды» и «проекты». Достать эти труды, конечно, можно, но... Путь добывания трудов административных учреждений мы не признаем для себя удобным. Что касается цензуры, то уж и говорить ли об этом? Заметим, однако, что уж если такие опытные литераторы, как сотрудники, положим, «Отечественных записок», «Порядка», «Московского телеграфа», «Наблюдателя», на днях получившего второе предостережение, не умели писать как следует, то куда же нам-то?..

Нам остается отметить еще характерную особенность «Сибирского вестника», и наш ответ на поставленный в начале статьи вопрос будет кончен. «Сибирский вестник» заранее отказывается от преимущественно обличительного направления (?), так как «корреспонденции и статьи этого рода имеют узко местный характер и для большей части читателей не представляют интереса». Этот материал газета предполагает копить для бытовых картинок (Не в роде ли уж тех, что попали в первый номер?). В этих словах подводится мина под сибирскую печать, носящую обличительный характер.

Мы уже имели честь объяснять нашим читателям, и не один раз, почему мы не можем отказаться от обличения. – Не для культуртрегеров, которых выбрасывает за борт России, издаются сибирские газеты, даже не для тех образованных людей, которые имеют средства и возможность полнее удовлетворять потребности ума и сердца, а для той среднего образования сибирской массы, которую нужно познакомить с краем, в котором она живет и который любит. Сибирь, наводненная ссылкой, имеющей такое губительное влияние на ее коренное граждански неразвитое население, нуждается в защите... По этой и по другим причинам сибирская печать не может отказаться от обличения (хотя термин «Сибирского вестника» «обличительное направление» и не имеет смысла). Являясь легко доступным каждому средством восстановить поправленное право и честь, сибирская печать полагает, что обличение может иметь сдерживающее влияние, может обнаружить такие застарелые пороки, для устранения которых необходимы

радикальные средства. Не скроем, что на этом пути печать не всегда умела избегать ошибок и очень крупных промахов и причиняла, может быть, немало неприятностей людям по милости злоупотреблявших доверием редакции корреспондентов, но эта печать и не отказывалась от исправления своих ошибок, раз они были признаны. Это показывает, что не страсть, не каприз заставляет сибирскую печать смотреть на обличение как на средство сдерживать разнуздавшуюся злую волю, а та сумма условий существования Сибири, та стадия развития, на которой находится сибирское общество. Пройдет эта пора, обновится Сибирь новыми учреждениями, вырастет умственно и окрепнет нравственно население, и тогда обличительная струя сибирской печати перестанет бить таким сильным ключом. Да, наконец, и теперь нельзя сказать ни про нашу газету, ни вообще про сибирскую печать, чтобы она отводила чрезмерно много места обличению. Стоит просмотреть сибирские газеты, чтобы убедиться, что в них довольно есть материала всякого другого, кроме обличительного.

Итак, основные тенденции новой газеты довольно шатки, особенно для первого номера. Ни одно из положений не позволяет подступиться к нему с анализом, – то оказывается неверным, другое несостоятельным. Аргументация до такой степени слабая, что, признаемся, мы ожидали большего.

«Сибирский вестник» в начале своей передовой статьи касается двух обвинений, которые он слышал по своему адресу; первое обвинение в том, что газета эта предпринимается с целью противодействия существующей сибирской печати, второе – что «Сибирский вестник» газета, находящаяся под особым покровительством администрации, начальства. Мы в распространении того и другого предположения участия не принимали, но и не имеем достаточно оснований, чтобы сказать, что эти предположения неосновательны.

Пусть не посетует читатель на нас за то, что мы долго остановились на «руководящей» статье «Сибирского вестника», – это необходимо было потому, что «иная основная тенденция» только сбивает с толку и вносит путаницу понятий. Что касается полемики с новой газетой, то мы заниматься ею не намерены, чтоб не давать лишнего повода иному читателю тешиться процессом борьбы между органами печати, которая легко может отодвинуть на задний план и заслонить насущные задачи сибирской печати.

Томск, 16 февраля (1886. № 7)

«Караул, грабят!»! Вот слова, которые раздаются теперь почти повсеместно в Сибири, и особенно в узле сибирской уголовной ссылки – в Томске. Ссылка – самое больное место для жителя Сибири. Какую страшную массу зла принесла она краю, об этом свидетельствует сибирская уголовная хроника, как официальная, так и неофициальная, заносющаяся на страницы местных органов печати. Жизнь, честь, имущество – все дорогое и заветное отнимается и разрушается этой уголовной ссылкой без малейшего сострадания. Отовсюду несутся дружные вопли и стоны о совершенной отмене ссылки в Сибирь, об избавлении края от зла, принимающего все большие и большие размеры. *Прекращение ссылки – насущный вопрос настоящего времени для Сибири...*

Всякий, проживший в Сибири год, два, три, неизбежно должен убедиться, что ссылка в Сибирь перестала быть наказанием, а сама страна перестала быть пугалом. И вольные, и невольные поселенцы здесь так же хорошо обживаются и устраиваются, как в большинстве местностей Европейской России, даже больше того – масса этих поселенцев, получив свободу, вовсе не желает возвращаться из Сибири и остается здесь навсегда. Какое же это наказание, что же это за средства исправления для преступного элемента, который в Сибири находит более благоприятную почву для всякого рода преступной деятельности?

Уголовная ссылка повсеместно в Сибири лежит тяжелым бременем на крестьянстве, которое обязано платить разные повинности ради этой ссылки, обязательно принимать в свою среду порочных членов, часто платить за них, кормить ежегодно 30000–50000 бродяг, шляющихся по сибирским закоулкам. Ссылный, прошедший школу острога и этапа, – плохой работник, плохой гражданин. Ему одна дорога – торная, знакомая, путь преступлений. Это так на деле и выходит. Стоит взять даже те неполные сведения о происшествиях, что печатаются в Губернских Ведомостях, чтобы видеть, что убийства, грабежи, кражи, изнасилование, подделка фальшивых денег, драки и ссоры, где играет роль ножовщина, – все совершается почти исключительно уголовными ссылными или при ближайшем их участии. А как разоряют крестьян конокрадство, поджоги, грабежи на больших дорогах; во что обходятся им розыски, облавы, след-

ствие, про то знает мужицкая грудь и подоплека. С другой стороны, если разобрать положение иного ссыльного, то что ему остается делать как не грабить и воровать? Ни приюта у него нет, ни средств к жизни, ни заработка. Приведут его сюда и выпустят на все четыре стороны – чем хочешь, тем и промышляй. И промышляют. В деревне ссыльному тесно, скучно, слишком он на виду у всех. Вот он и тянется в город, едва только его препроводят оттуда в деревню по этапу, быстро находит товарищей и орудует. Томск в настоящую минуту находится положительно в осаде от этого уголовного сброда, который рыскает по улицам и, как голодная собака, с опасностью для жизни, рвет где и что может. Удача, безнаказанность самых отчаянных грабежей и нападений разжигает охоту грабителей и создает промысел.

Грабят на улицах города, врываются в магазины и дома вооруженные люди. Для томича револьвер стал теперь такой вещью, без которой он не может ступить шагу. Что тут делать?

Но, кроме этих, уголовная ссылка дает нам других негодяев, интеллигентных, – разных проворовавшихся кассиров, адвокатов, интендантов, червонных валетов. Эти артисты сплываются в Сибири в настоящую черную банду и, благодаря ловкости, светскому лоску, образованию, заводят знакомства, связи с людьми разных поколений, проникают в учреждения и сами, оставаясь в стороне, умеют влиять на кого нужно, направлять дела и обдывать их в своих личных целях. Орудие их не револьвер и крюк, а ловкое мошенничество, подлог и донос непосредственно или при помощи некоторых органов печати. Как первая категория ссыльных деморализует темную массу народа, грабит и убивает, так вторая – растлевает все грамотное и интеллигентное, а с помощью казуистики, подлогов и ловких мошеннических приемов переводит чужое достояние в свои карманы.

Вот чем страшна Сибири ссылка, и вот в каком положении находится несчастное сибирское население.

Сибирская администрация, конечно, знает все это и ей, в видах справедливости, надлежит засвидетельствовать пред правительством, до какой степени необходима отмена ссылки в Сибирь, иллюстрировав свои представления цифрами из уголовной хроники Сибири. Другая мера – преобразование сибирской полиции, в руках которой так много сосредоточено дел, выходящих из сферы ее компетенции. Третья мера – введение мирового суда. Но все это жела-

ния, осуществления которых долго ждать. Преступления же, совершающиеся чуть не ежедневно в Томске, требуют немедленных мер для ограждения жизни и имущества обывателя. Нам кажется, следовало бы немедленно очистить все притоны Томска от населяющего их сброда, быстро и строго судить всех попавшихся в нападениях и грабежах на улицах и в домах и, наконец, воспользоваться для ночных патрулей солдатами местного батальона.

Так жить, как нам приходится, невозможно.

Томск, 22 марта (1886. № 12)

Для Западной Сибири наступает та переходная пора, когда сельское население начинает опасаться за свои земли и с тревогой взирать на усиливающийся переселенческий поток. Развеять эти тревоги и в особенности расчистить место новым пришельцам может только правильно поставленное поземельное устройство.

Сибирь еще сильно нуждается в добровольных переселенцах и потому обязана позаботиться об них, хотя настолько, чтобы дать им место. Эти люди труда, помимо всяких других соображений, нужны краю, чтобы хоть отчасти уравновесить вред, причиняемый ссыльнопоселенцами. В настоящее время, однако, мы видим, что настолько беспрепятственно, конечно, в силу существующей системы ссылки, внедряется в среду сибирских землевладельцев навязываемый им порочный элемент ссыльных, настолько же встречает препятствия полезный элемент, т. е. добровольные переселенцы. Правда, что заселение последних не так просто и легко, как это делается с первыми, но и не так трудно, чтобы нельзя было предотвратить бесприютного шатания переселенцев по Сибири и, что ужаснее, возвращения их обратно на родину. Очень часто от этих несчастных людей приходится слышать, что они не нашли свободной земли для самостоятельного поселения, а в существующие села и деревни их или не принимают, или требует огромной платы. Да возможно ли, скажет иной читатель, чтобы в Сибири не найти свободной земли для поселения? Раскройте календарь и вы увидите, что, например, пространство Томской губернии заключает 747,819 кв. верст, а сельское население (обоего пола) той же губернии составляет 1,024,882 человека, следовательно, на одну квадратную версту приходится около $1\frac{1}{3}$ чел., или на 3 кв. вер. 4 чел. Это ли не про-

стор!?! Положим, в этом просторе слишком много мест не земельческих, тем не менее и годных к обработке земель хватило бы для населения, по крайней мере, вдвое большего против настоящего, а выходит как-то так, что иная партия переселенцев в несколько десятков человек не найдет места в необъятной Сибири. Приходят такие скитальцы в какое-нибудь просторное и хорошее место и вдруг узнают, что в целой волости, в районе которой находится это место, нет ни пяди свободной земли, так как таковая размежевана без остатка между существующими селениями. Поселиться бы в этих селениях, да за приемку общества требуют значительной платы деньгами, не говоря уже об угощениях водкой. И вот, если переселенцам нечем заплатить этой контрибуции, то приходится идти дальше... Конечно, если бы знали эти скитальцы, что местные общества большей частью наделены землей на двойное число душ и именно с целью приселения новых пришельцев, да если бы к тому же они нашли такую власть, которая помогала бы, побудила бы сельское общество принять их в свою среду, то им не пришлось бы долго скитаться, но в том-то и дело, что узнать этот секрет и найти такую власть в большинстве случаев переселенцы не в состоянии. Не в лучшие обстоятельства попадают безденежные переселенцы и в местах немезжеванных. Обыкновенно они застают все лучшие места занятые местными жителями. Какая-нибудь незначительная деревенька занимает округу, имеющую в поперечник 30–40 верст. Мало-мальски солидный хозяин считает своей обязанностью засеять ежегодно десятин 50 хлебом, да на вдвое большем пространстве накосить сена. Ничего, что каждый год $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$ часть посева он не успевает собрать и эта часть пропадает бесполезно под снегом; ничего, что каждый год из 1000 или более копен покошенного им сена половина сгниет как торопливо и не во время сложенная.

Поземельное устройство, кроме того, что заставит потесниться местных земледельцев и дать место новым пришельцам, будет одной из побудительных причин к переходу от существующего хищнического хозяйства к более рациональному методу землепользования. Но устройство устройством, практиковавшееся же до сего времени размежевание волостей мы считаем работой более чем бесполезной. Назначенный в прошлом году переселенческий отряд, как известно, не только занимается образованием переселенческих участков, но и производит ограничение крестьянских наделов; насколько основательно поставлено отрядом дело наделения крестьян – нам мало из-

вестно. Судя, однако, по тому, что для отряда эта работа имеет второстепенное значение, и что на выдачу каких-либо актов на надельные земли отряд не уполномочен, можно заключить, что производимое отрядом ограничение крестьянских наделов еще не последнее. Но доколе же будет это продолжаться?

Самая норма надела в Сибири еще не выработана, принято же наделить по 18 десятин на ревизскую душу, как и на каждого из ссыльнопоселенцев. В законе такой нормы для Сибири, сколько нам известно, не существует, взята же она из Устава о благоустройстве в казенных селениях (т. XII, ч. 2). Из 18 десятин собственно в надел дается 15 десятин, да 3 десятины считается на прибылые души. Но, прежде всего, справедливо ли принять одинаковую норму надела на всю Западную Сибирь. В такой «дистанции огромного размера» не могут быть повсюду одинаковые условия хозяйства, которое волею-неволею должно находиться в зависимости от многих неустранимых влияний, как-то большей густоты населения, климатических и топографических особенностей каждой местности и проч. Таким образом, в видах справедливости следовало бы установить для каждой местности, с резко очерченным характером, особую норму надела. Раз это будет сделано, мы считаем своевременным, чтобы наделение крестьян сопровождалось выдачей актов на владение ею. Самое наделение целесообразно производить не на ревизские души, как это ныне делается, а на наличные, подобно тому, как наделяют теперь в Европейской России крестьян при поселении их на казенных землях, на правах 12-летней аренды.

Понятно, разработать основания и программу поземельного устройства сибирских крестьян – дело нелегкое, но, во всяком случае, обязанность эта лежит на местных учреждениях, а не на столичных. Последние, получая от первых образцы канцелярской стилистики, хотя бы и с цитатами из соч. Рошера, Леру-Болье и др., не могут знать нужды края. Разумное устройство крестьян и толковое образование переселенческих участков, несомненно, принесет краю огромную пользу, и потому желательно, чтобы такие дела не делались вполноту. Лица, которым поручат исполнять их, должны служить населению и краю, а не наоборот, и должны помнить, что для государства важнее удовлетворительное наделение крестьян, чем выкройка лишнего арендного участка в ущерб наделению.

Говоря о Западной Сибири, нельзя не обратить внимание и на восточную половину ее, во многих местностях которой столь же ну-

ждаются в поземельном устройстве. Соседний с Томской губернией Минусинский округ, славящийся хлебородностью и обилием способных к обработке земель, мог бы быть теперь же включен в район действий переселенческого отряда.

Фельетон «Сибирской газеты». В толпе (1886. № 9)

В голове сибирского обывателя с понятием о фельетонисте неизбежно связано представление о развеселом малом, который по всякому поводу шутки шутит. Кроме того, для фельетониста считается обязательным идти нога в ногу с ходом обыденной жизни. Правду сказать, совмещение обеих задач в иные моменты – как, например, настоящий – до такой степени трудно осуществимо, что едва ли бы их предъявил обыватель одновременно, если бы несколько предварительно подумал. Ну, вот теперь у нас пост, «дни печали и покаяния». В качестве «эха современности» фельетонист не может не принять сего не только к сведению, но и к руководству; не может тем более, что если он этого не сделает, то сейчас найдется добровольный «сих и оных дел мастер», который доложит: «так и так, постов не соблюдает». Я не хочу этим сказать, чтобы от того мог пострадать фельетонист или обыватель; ибо хожалый, которому будет сделан доклад, – мудр и понимает, что сих и оных дел мастер делает свои доклады «когда надо и когда не надо». Поэтому хожалый может и прикрикнуть на докладчика: «брысь, паскуда!..», и тот уползет в подворотню до новой пакости. Но зачем хожалого беспокоить? – я вот о чем говорю. Ведь у него свое дело есть. Ему – побожески-то рассуждая – надо за кошевками да крючниками следить; ему надо ворованное разыскать; ему надо смиренного обывателя от пьяного и дебошира защитить; ему надо заблудшую скотину изымать; ему надо за тем наблюсти, чтобы на улицу падали не выбрасывали и назьму не налили; ему надо на пожаре помочь; ему надо повестки разнести... да Господи Боже мой – и не перечтешь всего! Если же, вместо того, заставить его изучать «Московским Ведомостям» и «Сибирскому Вестнику» внутренние вопросы и воспитывать «в принципах благоразумной свободы», а тем временем крючники будут ловить человек, четвероногие беспрепятственно разбредутся по городу, пожары не

найдут себе препон и подлежащие следствию «сих и оных дел мастера» не получают повесток, то что же это будет?!..

Я, однако, несколько отвлекся. Я вел речь к тому, что коль скоро фельетонисту, в качестве «эха современности», надлежит на посту вести себя степенно, то как с этим совместить развеселое настроение? «Сибирский Вестник», конечно, скажет на это, что стоит сибирским фельетонистам питаться от чечевичной похлебки российских газет – и задача легко разрешится; ибо, получая газеты не ранее 2 недель по их выходе, сибирский фельетонист почерпнет из них масляничное настроение, когда у нас уже наступит пост. Но и с этим я никак не могу согласиться, ибо в нынешнем году февральские №№ российских газет наполнены совсем не веселою материей: все они толкуют о смерти и похоронах Ивана Сергеевича Аксакова. И как многие из них толкуют!..

Решительно ничего нет веселого в той участи, которой, между прочим, подвергается каждый усопший, составляющий достояние общественных симпатий. Чую великий труп, всевозможное воронье слетается к нему тучами и начинает... хвалить! «Не поздоровиться от этаких похвал!»

По натуре Иван Сергеевич был весьма способный, правдивый, убежденный, сильно чувствующий и упорный человек. У него слово не расходилось с мыслью, а дело со словом, – хотя бы при этом он рисковал остаться одиноким, вызвать град насмешек со стороны людей, пользующихся уважением, или гнев и преследование людей сильных. Ему недостаточно было знать про себя, что белое – бело, а черное – черно: нет, он чувствовал потребность привести к тому же пониманию и других; мало того: он стремился осуществить в общественной сфере все меры, которые с своей точки зрения считал необходимыми для торжества идеи, за которую стоял. По содержанию своих убеждений это был самый ярый русский патриот-национал и отчасти (как следствие этого) – панславист. Стремясь к торжеству русской нации во всех сферах, он, конечно, должен был нередко отождествлять русскую нацию с современным русским государством (так как никакая нация не может достигнуть внешнего господства иначе, как организованная в государство), а некоторые принадлежности этого государства принимал за черты народного русского духа, наравне с такими, действительно, сохранившимися издревле чертами его быта, как общинное владение землею и артель. Кроме того, рассматривая русский народ как нацию, он, как и всякий

национал, упустил из виду, что нация состоит из различных слоев населения, экономические и иные интересы которых отнюдь не одинаковы. Так, например, «покровительство национальной промышленности» в форме высоких пошлин на известные иностранные произведения весьма выгодно для русских фабрикантов и заводчиков; но для всей массы, покупающей их произведения, – они возвышают цену последних. Поэтому, говоря о национальных (или «народных»), как выражается Аксаков, русских интересах, Ив. Серг. нередко говорил, в сущности, об интересах отдельных русских сословий, вовсе не составляющих большинства населения. Понятно, что мирозерцание Ивана Сергеевича, как цельная система, за исключением горсти его приверженцев, не удовлетворяло никого. Будучи неоднократно лишаем права издательства, получая предостережения за свою стойкость и независимость, покойный Аксаков в то же время подвергался упрекам со стороны наших литературных представителей интересов трудящейся массы в неправильном освещении народных интересов.

И однако, как только разнес телеграф весть о кончине Ивана Сергеевича, всеми почувствовался известный пробел в современной общественной русской жизни, и общие симпатии к покойному громко высказались с самых различных, можно сказать, противоположных сторон. Которую же из двух, бегло намеченных, сторон своих заслужил Иван Сергеевич эти симпатии и уважение? Личными ли качествами своими или содержанием проповедуемых идей?

Мне кажется, на этот счет не может быть сомнений. Если в качестве представителя национального русского чувства собственного достоинства Аксаков и имел много сочувствующих, особенно когда в роли такого представителя выступал на защиту угнетенных славянских народностей, то еще неизмеримо более внушал он уважения просто как неподкупный журналист и смелый, самостоятельный человек. В борьбе против зла недостаточно одной чистоты убеждений – нужна еще способность отстоять их, способность смель, держать в направлении этих убеждений; иначе последние уподобятся таланту, зарытому в землю «ленивым рабом». Способность эта ценна в человеке даже помимо содержания его убеждений, ибо она-то именно представляет единственный оплот добрых общественных инстинктов против злых. Вот эту-то независимость ценил и уважал в Аксакове каждый русский. Рассматривая окружающие события с точки зрения мирозерцания, с которым в целом лишь немногие

могли согласиться, Аксаков, однако, нередко рассматривал их так, что оказывал общественному самосознанию неоцененные услуги, и вот за это-то уважали его не только друзья, но и враги.

Постоянным читателям «Сибирской газеты» известно, что три года тому назад она горячо нападала на высказанную И.С. Аксаковым в печати уверенность в том, что Сибири университет не нужен. Рассадник интеллигентных сил родной страны – как представляет себе сибирское население Сибирский университет – слишком дорог каждому сибиряку, для того чтобы не принять к сердцу заявлений, имеющих тенденцией лишит Сибирь этого рассадника. Вот почему «Сибирская газета» в то время не только возражала Ив. Сергеевичу, но возражала страстно и, может быть, не без жестокости. Однако при первой грустной вести о кончине И.С. редакция ее поспешила телеграммой выразить свои симпатии памяти усопшего и свои сожаления по поводу понесенной русским обществом утраты. Точно так же поступили и другие органы печати, не разделявшие воззрений покойного. Некоторые мадьярские и немецкие газеты, имевшие в нем наиболее страстного и упорного противника не на одном только журнальном поприще, почтили, однако, его могилу словами уважения.

Казалось бы, чего еще хотеть самым горячим его приверженцам и почитателям его памяти? Если сторонники и единомышленники высказывают усопшему уважение и симпатии – это в порядке вещей, каков бы ни был его нравственный облик. Но что может быть прекраснее и заманчивее, когда и противники высказывают то же?

Да, все это прекрасно. Но воронье-то ведь не имеет понятия об истинной красоте. Воронье может только каркать «во все воронье горло», полагая, что оно поет, а действительно каркает. «Аксаков видел в славянах не единоплеменников только, но и, главным образом, единоверцев», произносит одна газета, и очень довольна, что «похвалила» замечательного покойника. Другие, подобные же старатели, противопоставляют покойного «разрушительному кличу Белинского»! Третьи тычут в нос читателя «дворянством» Ивана Сергеевича, с ужимкой сообщая, что ныне-де осталось одно купечество да разночинцы!.. И все это говорится – в похвалу и возвеличение! Эти господа не понимают, до чего подобные разглагольствования не вяжутся с истинным патриотизмом, перед которым все звания равны, до чего они, наконец, неприличны ввиду того, что огромная масса поклонников и непосредственных денежных пособников Аксакова в славянских делах принадлежит именно к недворянам. Они не

понимают, что примешивание вероисповедного вопроса к совершенно чуждой ему области национальности ставило Ивана Сергеевича в ложное положение относительно некоторых славянских народностей, например чехов, и даже относительно несомненных сынов самой Руси: ведь могут быть, и действительно были, есть и будут самые настоящие русские, не знающие иного языка, кроме русского, горячо любящие свою родину, радующиеся радостями и болеющие ее болезнями, которые, однако, не желают менять веру своих предков, остаются лютеранами, католиками, евреями, магометанами. Что же – им, как иноверцам, надо, стало быть, отказать в праве считать Русь своей матерью и трудиться на ее пользу? Не значит ли это вносить рознь в среду ее сынов? Да, наконец, логически развивая антагонизм между иноверием и русской народностью, не приходим ли мы к необходимости порабощения одной славянской нации другою?..

Ничего этого литературное и общественное воронье не понимает и каркает во все воронье горло на могиле честного человека и энергичного бойца за правду, как бы он ее не понимал... Конечно, на могиле все можно каркать, – могила нема...

Спит, навеки непробудная,
Сила мощная в гробу.
Грудью смелою не выступит
Больше витязь на борьбу.
А, бывало, в дни тяжелые
Он, бесстрашен, прям и смел,
Речью искренней, могучею,
Точно Божий гром, гремел.

(Из стихотворения «Русского Курьера»)

Вот и «Сибирский Вестник» украсился по случаю смерти Аксакова траурною каймою и мотивировал свою печаль именно грустным сознанием, что слишком уж мало в современной нашей журналистике честности и убежденности. А между тем... вопрос о происхождении корреспонденции «из Томска», напечатанной в № 25 «Моск. Вед.», все еще того... не перестает занимать умы... И хотя в № 17 текущего года синица «Сибирского Вестника» и похвалилась «доказать», что корреспонденция эта «не могла исходить» ни от одного из лиц, входящих в состав его редакции, однако –

«Наделала синица славы,
А моря не зажгла».

Прежде всего, эта хорошо насвищенная литературная птица очень удачно показывает фантастичность якобы фактической подкладки сообщений «Московских Ведомостей» и вздорность их обобщений. За это мы весьма ей благодарны. Что касается самого метода защиты, то он поражает младенческой невинностью: весь он сводится к тому, что, не изменяя логике и добросовестности, редакция «Сибирского Вестника» (или кто-либо из ее членов) не могла написать злосчастной корреспонденции «Моск. Вед.». Против этого никто и не спорит. Но беда (для синицы) заключается в том, что логичность и добросовестность редакции «Вестника» составляют отнюдь не аксиому, на которой можно строить дальнейшие рассуждения, а искомую величину, существование которой взялась доказать госпожа синица. Обвинение против заподозренных в инсинуациях лиц (или лица) в том и состоит, что автор (или авторы), отлично сознавая фантастичность известных «фактов» и лживость их освещения, тем не менее употребил (и) то и другое, чтобы «допечь» ненавистных людей, а может быть, и для того, чтобы «увидеть вновь места родные».

«Отрицаясь» от прорицаний московской пифии, синица взваливает ответственность за авторство на какого-то услужливого медведя... Но кто же сей таинственный незнакомец? Этот вопрос вызывается не праздным любопытством и не зудом литературного сыска, а естественным в каждом порядочном человеке стремлением представить себе вероятное происхождение кляузы, чтобы не осудить таким образом невинного, вместо виновного. Итак, кому, спрашиваю я, во всем Томске, придет охота писать ложный донос или давать для него материалы, распинаясь за благородство и здравомыслие ссыльных героев? Если бы восхваление не было связано с кляузой, то можно бы приписать его добродушию человека, искренне считающего этих героев исправившимися и потому старающегося восстановить их доброе имя. Но всякий ложный доносчик, действуя из-за ожидания подачки, не станет распинаться за затмившиеся светила: это вовсе невыгодно.

Госпожа синица обращается также к вопросу о том, чем объясняется благоговение «М.В.» к «С. В-ку», и отвечает: «теми сплетнями, которые были пущены в ход по отношению к нашей газете сибирскими патриотами, да, кроме того, целым рядом недоразумений и видимостей. По моему мнению, это объясняется гораздо естественнее. Сама синица справедливо утверждает, что «розыски по кра-

мольной части», особенно по части «польской интриги», да еще связанной с «нигилизмом» и «сепаратизмом» – всегда составляли излюбленные занятия «М. В-ей». С своей стороны «Сиб. Вестн.» в № 17 за прошл. год (стр. 12) заявил: «У себя дома, в среде различных местных патриотов, Россия никаким расположением не пользуется; не говоря о польских патриотах, которым уже на роду написано жить юношескою надеждой на то, что Россия в один прекрасный день провалится и тогда наступит для Польши великий день блаженства и счастья, наше бедное государство и у других патриотов своего отечества не в авантаже обретается»; в № же 23 (стр. 11 и 12) представляет, в картине, такое «воздействие слова» «Сибирской газеты» на подростков, что они, считая своих родителей за позорных капиталистов, порвут с ними дружеское единение. Как же, спрашивается, «Моск. Ведомостям», читая все это (и еще многое другое, на что у меня нет места), не усмотреть в «Сиб. Вестн.» родственной души?

Теперь «Сибирский Вестник» старательно и решительно «отрицается» такого родства душ; это уже не то, что «Мысли вслух» № 14, оканчивающиеся мрачным напоминанием о людях, желающих «перевернуть мир вверх ногами»... Что ж, и то прогресс...

Простой смертный

Томск, 4 мая (1886. № 18)

Положение сельского учителя в России, вообще, скорбно и безотраднo; но во много крат оно плачевное и невыносимое в Сибири! Нас заваливают жалобами и сообщениями по поводу угнетенного и подневольно-рабского положения этого полезного сеятеля на нашей тощей народной ниве. Работая, как вол, чуть ли не весь день, с утра до вечера, нищенски вознаграждаемый (100–200 руб. в год), сельский учитель подвергается на каждом шагу разным нравственным невзгодам. Кто-кто только не считает себя в праве притеснять и преследовать его, кто не считает себя «призванным» подставлять ногу сельскому учителю при каждом удобном случае! Нам неоднократно уже приходилось давать на страницах нашей газеты место летописям этих, поистине, страстотерпцев земли русской. Теперь в нашем портфеле накопилось немало писем из разных уголков Сибири, в которых обыватели выступают с протестами во имя челове-

ческого достоинства народного учителя. Основной колорит всех этих протестов один и тот же: там волостные писаря, старшины, да кучка мироедов травят учителя за то, что он не поет в унисон с ними, и пускают в ход всевозможные средства, чтобы «выжить» не по сердцу пришедшегося им педагога; здесь законоучитель, пользуясь болезнью сельской учительницы, «начинает писать начальству доносы, задевая нравственную сторону жизни» учительницы, а когда та, по выздоровлении, не спешит к батюшке с визитом, то он, усматривая в оном «дерзость» со стороны «развратницы», клянется в своем кружке «стереть с лица земли, сокрушить просветительницу, чтобы другим неповадно было». Третий обыватель жалуется, что «нет ни одной козьявки, которая не давала бы знать себя учителю», что «священнику мало быть законоучителем, ему хочется быть хозяином и контролером училища», а когда его притязания встречают отпор со стороны учителя, то он «принимается возбуждать крестьян» против него. Из 4-го места нам жалуется, что из-за происков разных мелких деспотов совершается непрерывная перетасовка учителей: «донесет какой-нибудь субъект вроде З., что такой-то учитель не почтителен, ибо не в пояс кланяется, а только голову нагинаяет, и шабаш – учитель слетел!». И т.д. и т.д.

Поистине трагическое и невозможное положение! Призванный просвещать темную массу, вносить хоть луч света в кромешную тьму, плотно окутывающую мировоззрение народа, сельский учитель с первых же шагов убеждается в том, что ему необходимо расстаться со своими «иллюзиями и мечтами»; с первых же шагов он должен убеждаться в том, что при малейшей попытке с его стороны соблести в неприкосновенности свое человеческое достоинство, исполнять свои обязанности сообразно своим убеждениям и понятиям о долге, он рискует превратиться в мишень для гнусных изветов, пошлых насмешек и возмутительных оскорблений. С первых же шагов он видит себя во враждебном стане, видит себя окруженным со всех сторон врагами опытными, искусившимися во всевозможных гнусностях и пошлостях. Мир житейский оказывается в самом радикальном противоречии со всеми лучшими стремлениями, какие наполняют его юную душу! И вот, более слабые сразу опускают руки, ими овладевает уныние, они становятся тише воды, ниже травы, машинально вступают в сделку со своими врагами и идут в компромисс со своей совестью. Кто сильнее, пробует бороться, пытается отстаивать свое нравственное «я», пробует защищать свои права. Но,

увы! И ему слишком скоро приходится убеждаться в том, что он затеял неравную борьбу, и... видит себя вынужденным ретироваться с поля битвы, теснимый своими недругами, или бросая «добровольно» то дело, которому он намерен был посвятить свою жизнь! Жутко становится, как подумаешь столько молодых сил, полных идеальных стремлений, энергии, горевших страстным желанием отдать себя всецело служению своему народу и своей родине, погибали в глуши одиноко, ни для кого незаметно – с гнетущей болью и отчаянной тоской в душе. «Меня губят!», восклицает один из многих, чуя приближение момента торжества своих врагов: «несмотря на смешную нелепость, агитация принесла свои плоды опытным в деле обморочивания темного народа: доверие подорвано, уважение к моей личности также, даже чувствуемая многими благодарность к моей жене за ее бескорыстный труд заменилась посеянным опытной рукой подозрением!.. Но им мало этого, им нужно выжить, выкурить нас!». И они, действительно, «выживают», действительно, «выкуривают» лучших из этих тружеников! «Невеселая выходит картина школы!» – восклицает обыватель в одном из имеющихся у нас писем. «Придешь ты, бедная, от недостатка знающих учителей, которых выживут ожиревшие люди, в то первобытное состояние, из коего ты начала было выбираться, и снова попадешь в руки не так давно ушедших «унтеров»; а тебе, изгнанный, честный труженик-учитель, придется припомнить вопрос Некрасова: *«Сеятель знаний на ниву народную! Почву ты, что ли, находишь бесплодную?»* В прошлом году один из интересующихся положением народного образования в Сибири жаловался, что в Забайкалье слишком часто в учителя народной школы попадают люди неподготовленные, не владеющие даже четырьмя правилами арифметики, не имеющие понятия о педагогике и поселяющие в учащихся отвращение к умственному труду и самые несообразные нравственные понятия; при этом автор заметки с грустью восклицал: «отчего же к высокому званию учителя не стремятся оканчивающие курс в средних учебных заведениях и отчего эти господа предпочитают захиреть, теряя все признаки полученного образования в каких-нибудь канцеляриях: извольте, однако, «стремиться к высокому званию», когда при малейшем намерении не терять «признаков полученного образования» вы становитесь добычей хищников и негодяев?!».

Да, наша народная школа, – это важнейшее и самое дорогое наше достояние, – переживает весьма трудный кризис. Оставаться при этом равнодушными зрителями – невозможно, преступно. Мы толь-

ко-только принялись насаждать грамотность в нашей народной массе. В 50 губерниях Европейской России, в начале 80-х годов, в двадцати двух тысячах начальных школах из двенадцати миллионов детей школьного возраста обучалось только около одного миллиона, и процент учащихся не превышал 1,29, – когда в Европе он составлял 12,3%! В нашей же Сибири процент учащихся составляет всего 0,38, – и в то время как в Европейской России обучался один из двенадцати человек школьного возраста, – в Западной Сибири обучался лишь один из двадцати одного. В 1883 г. в 223 начальных школах Томской губернии обучалось 7.148 чел., между тем как детей школьного возраста не могло быть (при населении в 1.134.148 жит.) менее 170,200 чел. В Енисейской губернии, в том же году, при населении в 426.000 жителей детей школьного возраста было не меньше 63.000, а между тем в пятидесяти начальных школах обучалось лишь 1500 чел.! Вообще, процент учащихся в Сибири, не только сравнительно с Европой, а даже сравнительно с губерниями Европейской России, поражает своей ничтожностью: в Тобольской губернии – 0,5; в Томской – 0,55; а в Якутской области – 0,17! В то время как в прибалтийских губерниях приходится один грамотный на 19 жителей, в губерниях с земскими учреждениями 1 на 168, в губерниях, не имеющих земских учреждений, – 1 на 471, в Сибири приходится 1 грамотный на 664 человека всего населения! Еще более печальная картина получилась бы, если бы мы имели под рукой нужные данные для вычисления процента учащихся женщин, для начального образования в селах, можно сказать, вовсе не существует. Недостаток в школах и в грамотных людях в Сибири вообще настолько очевиден и так резко бьет в глаза, что вряд ли наличность его нуждается в доказательствах. «В Сибири», говорит Ядринцев, «есть целые волости, не умеющие ни читать, ни писать, и только немногие имеют понятие о том, что делается за околицей». Из статистических данных брошюры И. Савинкова («Несколько слов о народном образовании в связи с религиозно-просветительным делом в Епархии») оказывается, что если бы мы вздумали предоставить возможность посещать школу всем детям школьного возраста, то в одной Енисейской губернии пришлось бы открыть еще более 1000 школ, т.е. понадобилась бы еще, по меньшей мере, тысяча учителей! Недостаток учителей вообще дает себя чувствовать на каждом шагу. О Якутской области, например, в официальном отчете сообщалось: «В области недостаток начальных народных школ, в существующие

или открытые школы невозможно приискать способных учителей по весьма ограниченному содержанию, им назначенному, сравнительно с ценами, существующими теперь на все вообще потребности». Казалось бы, что при подобных условиях нам следовало бы дорожить своей школой, следовало бы как можно бережнее относиться ко всякому мало-мальски способному и честному сельскому учителю: мы же поступаем как раз наоборот! Мы обращаемся с ним, как с пешкой, и ставим его в полнейшую зависимость от любого Держиморды! Например, из той же Енисейской губернии в печать проник несколько лет назад следующий факт: «в с. Белое (Енис. окр.) попал учителем воспитанник Краснояр. Учит. Семинарии Черепанов. Честный по натуре, он не примкнул к местным кулакам и не низкопоклонничал перед заседателем Л., за что попал немедленно под опалу. Заседатель принялся систематически преследовать его и в конце концов предписал Бельскому волостному правлению созвать сход и побудить его составить приговор о нежелании иметь Черепанова учителем и о прекращении выдачи ему жалования, ибо Черепанов-де «положительно далек от пользы службы», ведет «развратный» образ жизни и т.д., и т.д. Созвали сход, прочли ему бумагу господина заседателя, и под диктовку кулаков составлен был приговор в желательном смысле...». Так обращаются с учителями там, где их так мало, где еще, по отчету губернатора за 1872 г., в семи первоначальных училищах учение не производилось за неимением учителей!

Если мы искренно преданны народной школе, если возгласы наши насчет святости миссии народного учителя не фарисейская фраза, мы обязаны возможно скорее позаботиться освободить этого труженика из-под гнетущей опеки волостных писарей, заседателей и т.п. Необходимо также озаботиться об улучшении материального быта сельского учителя, о поднятии его авторитета, под который вечно подкапываются разные темные силы...

Театральные итоги (1887. № 9)

«Что дал только что подсчитанный дирекцией театральный сезон»? – вопрос этот кажется не только законным, но даже обязательным его финалом. В самом деле, что дал он антрепризе, что дал он артистам, что дал он публике?

Г. Королеву он дал, включая доход от вешалки и буфета, 27 330 р. валового сбора. Выключив отсюда 3829 р., поступившие в пользу артистов от бенефисных спектаклей, 18187 р. 50 к. на содержание и проезд труппы, 3800 р. за музыку, 350 р. на освещение и отопление и 417 р. платы драматическому обществу за право постановки пьес, – получим остаток в 746 р., из которого еще надо выключить расходы по сцене (декорации, декоратор, машинист и пр. – 2557 р. 50 к.), на библиотеку (470 р.) и костюмы (1000 р.); но так как все это будет служить, по крайней мере три года, то собственно на истекший сезон надо отнести не более 1342 рублей. Итак, материальных выгод г. Королев не получил никаких: он не получил даже ничего за пользование театральным зданием и понес 596 р. чистого убытка на текущих расходах.

Недобор зависел, несомненно, частью от плохого расчета самой дирекции в постановке театрального дела, частью от промахов режиссера. Так, например, нам известно, что А.А. Ауэрбах брался за 4000 р. держать весь сезон театральный оркестр, причем нескольких музыкантов обязывался выписать из Германии. Каждому понятно, что при таком оркестре и при таком дирижере, как г. Ауэрбах, могли бы идти оперетки и, может быть, отрывки из опер, – а при этом условия сборы были бы иные. Между тем все дело у г. Королева с г. Ауэрбахом разошлось из-за 200 р. и бенефиса: г. Королев никак не хотел предоставить дирижеру весь сбор с бенефиса, хотя это ни на копейку не увеличивало затрат дирекции, а предлагал два бенефиса с правом на половинный сбор в каждом.

На промахи режиссера в подборе репертуара, постановке пьес, составе мужского персонала труппы мы указывали много раз. Здесь прибавим только, что в некоторых случаях жалованье законтрактрованным артистам вовсе не соответствовало их силам. Так, супруги Александровы получали 200 р., тогда как такой артист, как покойный Топорков, с женою получали всего 180 р.

Как бы то ни было, публика в последний вечер сезона выразила искреннюю и вполне заслуженную благодарность г. Королеву: на ту сумму, какая им отпущена была в распоряжение г. Корсакова, можно было иметь хорошо подобранную труппу, и не вина г. Королева, если подбор был неравномерен.

Из 22 человек, составлявших труппу, было 10 артисток, 11 артистов и 1 суфлер, не дослуживший до конца сезона. Наибольшее жалованье получали: г-жи Киселева, Строгова (по 300 р.) и Рудольф

(250 р. в месяц); гг. Кравченко (с женою – 325 р.) и Корсаков (300 р., в том числе 100 – как режиссер). На недостаток внимания и радушия со стороны публики г.г. артисты пожаловаться не могут. Оно выразилось очень яркими чертами. Встреча артистов аплодисментами при первом выходе на сцену и взрывы рукоплесканий во время самого действия, как известно, не в обычае у нас; но в последний сезон практиковались довольно часто. У публики явились свои любимцы (г.г. Кравченко, покойный Топорков, большую симпатию завоевал себе и г. Николаев) и любимицы (г-жа Мондшейн, а также – у разных групп – г-жи Киселева и Строгова). Из бенефисных спектаклей, которых было 20, по крайней мере половина дала хорошие сборы. Наибольшие пришлось на долю г. Корсакова (19 ноября – 952 р. 80 к.), г-жи Киселевой (9 февр. – 917 р. 30 к.) и г-жи Строговой (20 января – 774 р. 40 к.). Подарков и букетов в этот сезон поднесено так много, как давно не бывало; особенное внимание выказано было г-жам Киселевой и Мондшейн, затем – г-же Строговой. Г-жи Тенишева и Рудольф также удостоились поднесений. Из мужского персонала труппы только г.г. Корсаков, Соболев, Ленский-Самборский и Николаев не получили подарков, из которых наиболее крупный поднесен был г. Кравченко.

Надо, впрочем, признаться, что проявление симпатий и антипатий публики к артистам по временам обличало недостаток опытности и такта. Мы были свидетелями того, как господа, которым правила общежитийской вежливости должны бы быть известны, в первом ряду кресел умышленно поворачивались спиной к вызванной артистке, забывая, что артистка, как бы на их взгляд она плоха не была, не перестает быть женщиной, и потому невежливость по отношению к ней является грубостью. О неумении выразить г. Корсакову заслуженное неодобрение мы уже говорили. Нельзя не отметить и того факта, что г.г. Пальмин и Александров получили подарки, а прекрасная комическая старуха г-жа Косяковская и талантливый г. Николаев – нет. Последнее объясняется отчасти тем, что они не имели бенефисов. Но вполне сознательное отношение к заслугам артистов нашло бы возможным поощрить этих добросовестных и талантливых исполнителей помимо бенефисов, и было бы осмотрительнее в поощрении бездарного и безголосого г. Александрова и г. Пальмина. Г. Пальмин заслуживал поощрения за свою старательность, поднесением же ему Шекспира, или подарков «за роль Чацкого» оказывается ему очень плохая услуга: моло-

дой артист поддерживается на совершенно ложной дороге, для которой у него нет способностей.

Сценический труд распределялся между артистами очень неравномерно. Вообще говоря, мужчины играли чаще женщин: наибольшее количество ролей (110) сыграно г. Самборским; г.г. Пальмин и Николаев сыграли каждый 102 раза; покойный Топорков только по 14 декабря (в 48 спектаклях) исполнял 59 ролей; на долю г. Звездича пришлось 98 ролей и г. Александрова – 86. Таких цифр нет вовсе среди исполнительниц. Наибольшее число ролей сыграно из них г-жами Тенишевой и Рудольф (84 роли каждую), участвовавшими как в драматических, так и в водевильных пьесах. Г-жи Косяковская (67 ролей) и Мондшейн (64 роли), как не имевшие дублеров, также потратили немало сил. Г-жа Киселева, репертуар которой по качеству своему требует большой их затраты в каждой роли, выступала на сцене 59 раз. Второстепенные женские персонажи, благодаря их многочисленности (г-жи Кварталова, Топоркова, Александрова и Кравченко), играли немного (от 38 до 52 р.), тогда как мужчины, имеющие приблизительно одинаковые репертуары, несмотря на их немногочисленность, играли гораздо чаще: г. Звездич 98 р., г. Фелонов 81 р., г. Корсаков 67 р. и г. Ржевский 51 р. Всех менее в этом сезоне играла г-жа Строгова – всего 36 раз.

Если не считать одного спектакля, отмененного за отсутствием публики, то сезон выразится в 89 спектаклях. Распределяя состав их по содержанию, увидим, что публике было предложено: трагедия, драма и подобные им произведения (включая и отрывки) 78, комедий 31, водевилей 50, «опер» 2, «феерий» 1, опереток 17 и дивертисментов 15.

Собственно, и «опера», и «оперетка», и «феерия» – существовали только по названию, ибо последнюю возможно ставить лишь при громадных денежных затратах, для первых же нужен хороший дирижер и оркестр; у нас ничего этого не было, и даже «оперетка», несмотря на прекрасный голос г. Кравченко и шикарную манеру петь г-жи Тенишевой, вырождалась всегда во что-то довольно жалкое. В немзыкальной и серьезной части репертуара почти полное отсутствие Островского, столь близкого и понятного нашей публике, пренебрежение Гоголем и Грибоедовым, невозможность поставить «Свадьбу Кречинского», отсутствие лучших пьес Алексея Потехина (не надо смешивать с Николаем Потехиным, автором «Мертвой Петли» и т. п.), не говоря уже о пьесах, почерпнутых из иностран-

ных литератур, – сказывалось очень чувствительно. Система дирекции ставить все новые и новые пьесы, пренебрегая ансамблем, подготовкой и сценической обстановкой, нам кажется совершенно ложною. Необычайный успех в России малоросских трупп, не имеющих особенно выдающихся талантов и играющих перед чуждою публикой, показывает, какое громадное, подкупающее значение имеет выработка ансамбля, забота об обстановке и такое отношение к делу, при котором обращено внимание даже на последнего выходного актера. Мы уверены, что у нас тщательная с внешней и внутренней стороны постановка каких-нибудь десяти пьес в сезоне вполне возможна и выгодна: она подняла бы престиж театра и приучила бы публику посещать одну и ту же пьесу два и три раза ради повторения уже испытанного удовольствия. Остальной затем репертуар мог бы идти тем же порядком, что и теперь.

Репертуар в значительной мере зависит от состава труппы; вот почему сам собой напрашивается вопрос: что было в ней в прошлом году такого, что выгодно отличало ее от прежних?

Прекрасный голос, внутренний огонек и несомненный талант г. Кравченко заставляют быть благодарным за его приглашение. Но это актер начинающий, с заметным недостатком школы, воображения и общего образования, а потому круг его творчества пока невелик и подчас г. Кравченко однообразен. В игре г. Михайловского, напротив, видна школа, но мы опасаемся, что если он не будет заботиться о своем общем развитии, то внутренний смысл многих ролей и задачи искусства останутся ему недоступными и он обратится в неудачного фотографа внешних черт. Приглашенный на маленькие роли г. Николаев выделился быстро своими способностями, и надо удивляться, что ему не дано было 75 р. на будущий сезон, как он того хотел. Затем весь остальной мужской персонал труппы состоял либо из умных и не лишенных таланта полезностей, либо из добросовестных, а частью и бесцеремонных бездарностей. Было по несколько актеров на одно и то же амплуа, и некому было играть иных входящих в него ролей. О сошедшем со сцены Топоркове не говорим.

Но есть у дирекции в прошлый сезон специальная заслуга; это – приглашение госпожой Киселевой и Мондшейн. Мы не говорим ничего о госпожах Строговой и Рудольф, ибо, хотя обе, несомненно, хорошие артистки, но принадлежат к тому типу, который не составляет новости для томской публики: г-жа Вельская, на-

пример, была ничуть не слабее каждой из них, в некоторых ролях даже сильнее. Но г-жа Киселева представляет собою исполнительницу с такими силами и такого типа, каких мы здесь за пять лет еще не видали: она не довольствуется проявлением своего собственного огня и собственных ощущений в подходящих обстоятельствах, но обдумывает роль, старается (и успевает) объективироваться в ней и отделать реально каждую частность, каждую мелочь. Это по преимуществу актриса-реалистка. Ее внутренний огонь, внешней реализм и разнообразие таланта проявлялись очень наглядно и в роли французской аристократки, и в роли сенной девушки, и в роли загнанной образованной матери, и в роли крестьянки, и во множестве других ролей. Было выражаемо курьезное мнение, что нерусское происхождение г-жи Киселевой не позволяет ей играть хорошо бытовые роли. Смешно возражать против такого мнения по существу; достаточно сказать, что г-жа Киселева изучала роль Лизаветы (в «Горькой Судьбине» Писемского) под руководством лучшей в России актрисы на бытовые роли, лучшего сценического знатока крестьянского быта – госпожи Линовской. Г-жа Мондшейн имеет все задатки подобной же артистки; но ее артистическая карьера еще вся впереди; пока сфера проявления способностей значительно уже, чем у ее сестры; но сила драматического огня, задушевность и простота поражают и теперь. С течением времени работа над собой должна придать ей более разнообразия, и тогда из нее выйдет очень сильная актриса. Обоих артисток публика оценила, полюбила, и мы, конечно, не ошибемся сказать, что ангажемент этих двух артисток она ставит дирекции в специальную заслугу.

Томск, 21 мая (1888. № 38)

Много раз осторожное, даже опасливое отношение «Сибирской Газеты» к вопросу о проведении через Сибирь «великого железного пути» перетолковывалось. Напрасно мы объясняли, что вполне признаем пользу улучшенных путей сообщения и лишь опасаемся, что в стране, не имеющей ни собственной промышленности, ни достаточного населения, ни сети внутренних сухопутных дорог и водных путей, проложение из конца в конец ленты рельсов в 5 ½ тысяч верст может оказаться преждевременной затеей, не вызванной действительными потребностями, которая поэтому может лечь тяжелым

бременем на государственную казну и на экономический быт населения, не достигнув тех ближайших целей, для которых рельсы прокладываются. Не далее, например, как в 1887 году, в передовой статье номера 8, мы говорили: «железные дороги – могучее орудие развития страны, но, как средство сильно действующее, способное совершенно изменить экономические отношения края, оно требует величайшей осмотрительности в применении... Кроме всего прочего, оно требует затраты громадных капиталов, возврат которых гадателен. Если вместо них в настоящее трудное для казны время затратить десятую долю вычисленной суммы («Московские Ведомости» исчисляли ее в 180 миллионов, генерал Проценко в 400 миллионов руб.) в течение тех же пяти лет (которые определялись на окончание дороги) на колонизацию края и создание внутренних путей сообщения, то, во-первых, внутренняя производительность страны возросла бы в громадной степени; во-вторых, увеличение населения Приморской области облегчит его защиту в случае китайского вторжения; в-третьих, тот самый вопрос дороги можно будет, при существовании внутренних путей сообщения, поставить на реальную почву».

Несмотря на эту, вполне ясную, кажется, речь, нас обвиняли в китаизме, недомыслии и невежестве, противопоставляя нам не имевшие никакой реальной основы вычисления количества будущих грузов и стоимости дороги да вполне фантастические представления о топографии Сибири.

С тех пор прошло довольно времени. Начались железнодорожные изыскания. Мы радовались в нашей новогодней статье этому факту, так как он, ничего не предрешая, ставит вопрос на реальную почву: мы знаем, что от изысканий иногда до постройки дорог проходит не один десяток лет, иногда изыскания убеждают только в неосуществимости задуманного; а между тем после них, во всяком случае, и о стоимости пути, и его вероятной доходности можно уже судить не на основании одних только собственных желаний, как то делали наши оппоненты.

Ввиду всего этого мы с особым удовольствием поделимся с нашими читателями взглядом на сибирскую железную дорогу, высказанным известным профессором Э. Ю. Петри, человеком, которого, надеемся, нельзя заподозрить ни в китаизме, ни в недомыслии, ни в невежестве. 19 апреля в собрании VII отдела Русского технического общества почтенный ученый сделал доклад на тему: «Народона-

селение Сибири и великая восточная железная дорога». «В жизни народов первая железная дорога, – так, по словам «Новостей», начал свое изложение профессор, – представляет явление высокой важности. Для молодых, но уже прочно вступивших на путь цивилизации народов, как, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, рельсовые пути становятся пионерами культуры, они всюду создают, ускоряют жизнь во всем разнообразии. Иное дело страны, экономически неразвитые, какова, например, Сибирь: в них железная дорога является даром роковым; она может оживить страну, но может и погубить, истощить, убить ее. Естественны, поэтому, мнения сибиряков о необходимости сначала устроить внутренние пути сообщения. Заметив, что исчисленные на сооружение великой восточной дороги 300 млн руб. всегда могут легко возместиться, докладчик считал несравненно более важным выяснить размер и состав грузового движения на будущей дороге, который определяется одним в 65, а другим в 165 млн к. Само направление сибирской дороги представляется вопросом весьма трудным, его нужно решать с точки зрения интересов современной и будущей Сибири. Если провести дорогу в северном направлении, где в настоящее время сосредоточено сибирское (русское) население, то будет ли она отвечать потребностям будущей Сибири, когда центр страны переместился южнее, к «странам великого будущего»? Наоборот, при южном направлении пути мы создадим большие затруднения по постройке дороги и в финансовом отношении, заставив и население перебраться туда. Поэтому, – говорил почтенный докладчик, – мое мнение, высказанное уже в моих работах, таково, что великая восточная дорога в настоящее время может быть несвоевременной, и что было бы целесообразнее начать в Сибири постройки мелких местных дорог, связав их впоследствии в одну общую непрерывную сеть».

Далее г. Петри высказал несколько интересных соображений о значении железной дороги для инородческого вопроса. Хотя нет закона, в силу которого полудикие инородцы должны вымирать, тем не менее немало их погибло, другие сильно надломлены; но в Сибири есть и «выживающие народы», способные к самостоятельной жизни, к развитию, например, киргизы, якуты, буряты и др. Можно опасаться, что с проведением железной дороги шансы их на «выживание» значительно понизятся под влиянием усилившейся соседней культуры, хотя есть и противные примеры (негры, казанские татары). В заключение докладчик коснулся той роли, которую вос-

точная дорога может играть в будущих отношениях России с азиатскими соседями – Китаем, Корей и Японией, а также того значения, которое выпадет на долю Азиатской России в отдаленном будущем, когда Великий Океан сосредоточит вокруг себя экономические интересы всего земного шара, сделается «средиземным морем» будущего. Все это обуславливает блестящую роль Российским владениям в Азии и заставляет пожелать возможно осторожного и внимательного отношения к нашей колониальной политике.

Томск, 22 июля (1888. № 55)

Давнишние, постоянные желания Сибири, заветные, дорогие мечты наши исполнились; долгое и терпеливое ожидание увенчалось, наконец, радостным успехом! Нам не жаль ни мучительных тревог, пережитых нами, ни потерянного даром времени, ни тех прямых и косвенных обид, которыми осыпали нас, не жаль потому, что мы счастливы, потому что душа полна живейшею радостью: мы охотно и всецело позабываем все то горькое и нехорошее, что связано с историей открытия у нас столь долго ожидаемого университета.

Сибирское общество очень часто называют невежественным, малокультурным, и мы, к величайшему нашему сожалению, должны признать известную долю истины в этом, говоря по совести, обидном утверждении. Но посмотрите, однако, на это невежественное сибирское общество! Почти все слои его, почти все его члены, без различия звания и положения, ждут, как величайшего праздника, открытие дорогого и родного университета, а до этого все с напряженным вниманием и интересом следили за развитием университетской идеи, радовались, когда шансы открытия делались более или менее вероятными, и болели душой, когда появлялись печальные известия, не предвещавшие скорого осуществления заветной мечты. Можно сказать без всякого преувеличения, что трудно найти теперь в Сибири сколько-нибудь разумного человека, все мысли и чувства которого в этот великий и торжественный день не были бы обращены в сторону Томска, к тому его уголку, где стоит прекрасное здание, в котором с осени закипит жизнь и начнется великое дело образования нашего молодого поколения.

Откуда эта всеобщая радость, это единоедушное желание иметь у себя высший рассадник науки? Что такое университет для малообразованного купца, для еле грамотного ремесленника, для каждого, не знавшего никогда прелестей университетской жизни? Что нам, одним словом, Гекуба и что мы Гекубе! «Если мы сами не образованны, – так формулирует каждый из нас всю жгучую потребность для Сибири высшего образования, – то пусть, по крайней мере, наши дети будут счастливее нас, пусть они, по крайней мере, сделаются образованными и способными принести родному краю всю ту пользу, какую только может принести ему честный человек, вооруженный всеми средствами науки».

Университет имеет, действительно, громадное значение в жизни народа. Он является не только местом, где молодежь получает высшее образование, формирует свое научное и общественное мирозерцание, но, вместе с тем, рассадником науки в полном смысле этого слова. Задача его далеко не исчерпывается воспитанием юношества. Он должен, кроме того, двигать вперед и развивать науку; он должен явиться центром, в котором и вокруг которого будут сосредотачиваться умственные интересы данной местности. Проникшись интересами общечеловеческой науки, он обязан не только не забывать интересов местных, но должен отдавать им большую часть своих сил, тем более, если дело касается такой страны, как Сибирь, которая лишена была до сих пор всестороннего научного изучения и исследования. В этом отношении нашему молодому университету предстоит чрезвычайно широкая и плодотворная задача. Наш край давно ждет добросовестных и подготовленных исследователей, а кто же лучше, полнее и осмысленнее может выполнить эту необходимую работу, как не университет?

Таким образом, основание и открытие этого высшего научно-образовательного учреждения удовлетворит, надо надеяться, многим различным насущным потребностям и нуждам нашей обширной окраины. Новый храм науки воспитает достаточный контингент молодых людей, столь необходимых на всех поприщах нашей мало еще устроенной жизни; он будет возбуждать и питать научный интерес в нашем обществе, так нуждающемся в понятии своего умственного и нравственного уровня; будет давать тон и направление деятельности образованных людей, употребляющих свои усилия на изучение и всестороннее исследование нашего края; будет объединять разрозненные работы отдельных исследователей, наконец, он привлечет

в наш бедный интеллигентными людьми край массу новых и свежих научных сил, воспитает массу молодых людей, которые приедут из разных уголков России и которые, поближе познакомившись с нами, не будут уже, быть может, пугаться дикости нашей жизни, как теперь, и пожелают оставаться в Сибири, заменяя постепенно собою разного рода искателей приключений, наводняющих ныне нашу окраину.

Мы уверены, что в Сибири немало людей, которые будут ревностно и деятельно относиться к интересам открывающегося у нас университета. Мы уверены, что в наших глухих местах немало не только таких симпатичных читателей, о которых рассказывает в помещенном ниже этюде Д.М. Мамин, но немало и таких людей, которые вполне отчетливо и ясно представляют себе необходимость и полезность в нашем крае умственного центра, объединяющего и направляющего все отдельные начинания в области народного образования.

Если между сибирским обществом, жаждущим света, просвещения, и университетом установится та живая связь и то духовное общение, которые являются лучшим залогом развития общества, то этот первый в Сибири университет, действительно, сделается гордостью и святынею для всякого разумного человека, дорожащего судьбами своей родины.

Так пожелаем же всякого успеха и благополучия нашей дорогой alma mater, пожелаем, чтобы этот высший рассадник научного образования доблестно выполнил все те надежды, которые возлагаются на него сибирским обществом, и сумел своей деятельностью вызвать у населения ту любовь и то высокое уважение, каких заслуживает храм науки, честно и добросовестно исполняющий свои святые обязанности.

Сибирский вестник

Томск, 15 мая (1885. № 1)

Есть ли необходимость в новом органе печати, посвященном, главным образом, сибирским делам? Не достаточно ли для полного отражения сибирской жизни уже существующих местных изданий, представляющих собою лучшие стремления образованной части сибирского общества и дающих верную и добросовестную характеристику сибирской действительности?

Ответы на эти два вопроса, прежде всего, должен дать «Сибирский вестник», появление которого на свет божий вызвало весьма разнообразные толки и предположения. Одни готовы видеть в нашей газете орган, основанный с целью противодействия «существующей честной местной прессе», другие подозревают в «Сибирском вестнике» издание официальное, предпринятое в целях местной администрации.

И то, и другое предположение обязывают нас в первом же номере, по возможности, ясно и определенно высказать наши намерения.

Мы всегда признавали и признаем заслуги сибирской печати, и вовсе не для предвзятой борьбы с нею основали «Сибирский вестник». По многим вопросам мы, вероятно, пойдем с нею рука об руку, но основная тенденция нашей газеты будет иная. Мы не можем смотреть на Сибирь, как на окраину, связанную с Европейской Россией исключительно внешнею связью, как на страну, у которой должны быть свои особые пути и средства внутреннего развития, и которой исключительно внутри себя предстоит найти элементы для более правильного гражданского существования. Напротив, мы глубоко убеждены, что все будущее Сибири неразрывно связано с будущим всей России, и что Сибирь только и может развиваться на общерусских основаниях, путем последовательного применения к ней условий существования всего русского государства. Мы идем далее и утверждаем, что, говоря о Сибири и России, нельзя называть первую *колонию*, а вторую *метрополию*, ибо эти термины, примененные к Сибири и России, вносят в местное общество явную путаницу понятий, которую надо, наконец, устранить. В самом деле, какая же Сибирь колония России? Большинство населения главных четырех губерний Сибири ни по языку, ни по религии, ни по главным основам своего экономического быта ни в чем не отличаются от большей части населения всей России. Все трехсотлетнее существование Сибири, как составной части русского царства, представляется сплошным утверждением в ней общерусской гражданственности, и не путем какого-либо насилия, а в силу исторической необходимости, в силу естественного успеха высшей культуры. Раскинутые на необозримых и никому не ведомых пространствах, аборигены Сибири, остатки которых мы видим и теперь в местных инородцах, не могли устоять против храбрых русских пришельцев, водворивших в Сибири русское владычество; не могли они помешать и дальнейшему развитию здесь русского элемента. Кто принес сюда соху и плуг? Кто построил здесь первую православную церковь? Кто за-

ставил массу туземцев отказаться от родной речи, от поклонения идолам, от кочевой и первобытной жизни? Кто занес сюда первые зачатки ремесел, торговли, промышленности, правильного государственного и общественного устройства? Все это сделали: или русский крестьянин, или русский священник, или русский кустарь, или русский купец, или русский чиновник. Все эти – хорошие или дурные, это другой вопрос – пионеры русской культуры в Сибири пришли в дикую, неизвестную страну и постепенно превратили ее в русскую *провинцию*, такую же, как и многие другие провинции России, которые никто не называет колониями. Почему же Сибирь колония России? Где в ней те коренные туземные элементы, которые могли бы развиваться независимо от гражданских и общественных успехов России? И не заключается ли все будущее настоящего инородческого населения Сибири в полной ассимиляции его с русским населением нашей окраины?

Исходя из приведенных исторических оснований, мы горячо будем поддерживать каждый новый шаг на пути к возможно большему развитию внутренней связи между Сибирью и Европейской Россией. Никакой экономической опасности для Сибири мы не видим ни в постройке Сибирской железной дороги, ни в вывозе из нее сырых продуктов, ни в стремлении найти надежный и верный морской путь из Сибири в Европу. Напротив, только с постройкою железной дороги, которая соединит Сибирь с главными рынками России, разовьется сначала вывозная торговля, а затем и местная промышленность, и с нею вместе внутренние пути сообщения, по которым пока, кроме хлеба и китайского чая, возить нечего. Морской путь, в свою очередь, если удастся упрочить его, откроет для сибирского сырья не только русские, но и иностранные рынки, и также, без сомнения, окажет свое влияние на развитие местной промышленности. Полагать, что вывоз сырья вредно отзовется на экономическом хозяйстве Сибири – значит, по нашему мнению, закрывать глаза на настоящее положение нашей окраины. Кто не знает, какая масса продуктов пропадает здесь без всякой пользы для населения, какие громадные пространства прекрасной земли остаются необработанными потому, что обработка их не окупает труда, или потому, что нет рабочих рук, нет населения, нет сравнительно небольших углов Сибири? С расширением рынков для сбыта усилятся переселения, а с увеличением рабочих рук увеличится и добыча продуктов, сначала для вывоза, а потом, с развитием промышленности, и для местной обработки.

История учит нас, что таким путем шло экономическое развитие всех государств Европы; почему же Сибирь должна составить в этом отношении какое-то особое исключение и обнести себя неприступною китайскою стеною? Если, скажем кстати, вековой вопрос о покровительственной системе и свободе международной торговли остается неразрешенным до наших дней, если многие серьезные экономисты возражают против разумности каких-либо искусственных стеснений даже в международных торговых сношениях, то уж, конечно, не может быть и речи о покровительстве сибирской промышленности охранением сибирского сырья от внутренних рынков России.

По этим, весьма важным для Сибири вопросам местная печать или не высказывалась вовсе, или намекала на такие суждения, с которыми согласиться русскому человеку, живущему и работающему в Сибири, чуждому местного исключительного взгляда на нужды края, решительно невозможно. В этом отношении «Сибирский вестник» займет свое особое место в сибирской печати, усвоив вышеизложенную точку зрения на экономические интересы Сибири.

Относительно вопросов управления наша газета, исходя из той же основной мысли, будет желать возможно скорейшего применения к Сибири реформ вечной памяти Великого Преобразователя России, Императора Александра Николаевича. Реформы эти обещаны нам с высоты трона в следующих словах депеши, которою государь Император изволил ответить на всеподданнейший адрес Иркутской Думы по случаю трехсотлетия Сибири: «Отдаленный этот край близок моему сердцу. Его благосостояние, развитие его естественных богатств и правильное устройство его управления составляет предмет постоянных Моих забот. Надеюсь, что со временем, с Божьею помощью, обширный и богатый Сибирский край, составляющий уже три столетия нераздельную часть России, будет в состоянии, нераздельно же с нею, воспользоваться одинаковыми правительственными и общественными учреждениями, благами просвещения и усилением промышленной деятельности на общую пользу и во славу дорогого нашего отечества».

Эти знаменательные слова – лучшая программа будущего России, и наша газета сочтет себя счастливою, если окажет посильное содействие к возможно скорейшему достижению предначертанной цели. В этих видах «Сибирский вестник» надеется пополнить весьма существенный пробел, замечаемый в местных изданиях. По недостатку ли места, за обилием ли обличительного материала или вслед-

ствие особого взгляда на задачи провинциальной периодической печати мы почти не встречаем в сибирских газетах сколько-нибудь обстоятельного обсуждения трудов здешних административных учреждений по разъяснению многих вопросов, касающихся устройства, управления и нужд Сибири. Между тем отзывы местных властей по всем общим вопросам представляют, конечно, очень большой интерес. Оставаясь никому не известными, все эти мнения и отзывы получают свою оценку в центральных управлениях, помимо всякого участия в обсуждении предлагаемых мер местной печати и общества. Нам скажут – как же узнавать, что и когда местная администрация пишет в Петербург? Да и возможно ли свободное обсуждение ее предположений в подцензурной газете? На первый вопрос мы ответим также вопросом: А как узнает столичная печать все административные новости? Значит, можно. Можно, думаем мы, и говорить о целесообразности или непригодности предположений администрации. Писать можно о многом, но, при известных условиях, надо уметь писать так, как умели делать это лучшие русские публицисты тридцатых и сороковых годов, то есть отказать от раздражающего и резкого тона, от излишней односторонности и от чрезмерной густоты красок.

Игра в данном случае вполне стоит свеч. Ни одна реформа не была и не будет применена к Сибири без предварительного запроса – возможна ли она, по мнению местной администрации; ответ последней может или подвинуть, или отдалить реформу. Голос печати, и *непреренно местной*, в таких вопросах имеет громадное значение; она *должна знать*, о каком вопросе и когда идет речь и какое мнение о той или другой мере высказано администрацией, чтобы вовремя обсудить его спокойно, без задора, с достоинством и серьезно; только таким путем она приобретет необходимое доверие и авторитет в газетах центрального правительства и столичной печати; только тогда она будет оказывать действительное влияние на ход местных административных и общественных преобразований.

Эту часть своей задачи «Сибирский вестник» будет стремиться выполнить всеми зависящими от редакции способами.

Итак, для новой газеты есть настоящее дело, а следовательно, и полное право на существование наряду с действующими органами местной печати. Мы можем разойтись с ними по многим вопросам, высказать разные мнения, но враждовать во что бы то ни стало мы, с своей стороны, не намерены и не сомневаемся, что нам всем тесно в Сибири не будет.

Теперь о нашей мнимой официозности. Мы решительно недоумеваем, откуда могло возникнуть такое, скажем прямо, нелепое предположение. Редактор «Сибирского вестника» ни в каких обязательных отношениях с местной администрацией не состоит и вполне от нее независим. Столь же независима будет и наша газета, основанная исключительно с целью создать в Сибири искренний и правдивый орган русских людей, не разделяющих одностороннего и предвзятого взгляда на Сибирь, как на страну, в которой имеет право действовать только тот, кто в ней родился, и в которой нет места по праву человека, явившегося сюда из другой части России, хотя бы интересы Сибири были ему дороже, чем многим ее кореным сыновьям.

Единственно от чего «Сибирский вестник» отказывается заранее – этот от преимущественно обличительного направления. Большинство статей, заметок и корреспонденций этого характера имеют слишком узко местное значение, для большей части читателей не представляют почти никакого интереса. Между тем обличительный материал занимает так много места, что его уже не остается для более важных статей. Поэтому, пока «Сибирский вестник» не может выходить чаще одного раза в неделю (хотя имеет право издаваться до трех раз в неделю), он будет соразмерять весь находящийся в его распоряжении материал так, чтоб один отдел не утеснял других. При этом мы всегда отдадим предпочтение статье или заметке по какому-нибудь общему вопросу перед корреспонденцией от том, что заседатель А. ограбил писаря Б. в селе В. и т.д. Мы будем копить подобные факты как основу для подробного и серьезного обсуждения замеченного в нескольких местах явления, как иллюстрации к нашим беседам с читателями, как фактический аргумент в пользу той или другой мысли. Передаваемые в связной форме, эти факты, в отдельности имеющие весьма небольшой интерес, представляют или бытовую картинку, или вполне доказательную характеристику более или менее общего явления. Сокращая, таким образом, обличительный отдел, мы вовсе не отказываемся от немедленного разоблачения крупных злоупотреблений, своевременное устранение которых входит в прямую задачу местной газеты. Напротив. Мы первые всегда будем готовы указать на те злоупотребления, – в каких бы сферах они не были замечены, – которыми, действительно, задеты общественные интересы. Мы только не будем обращать общего внимания на факты, имеющие частное и личное значение. Для охранения интере-

сов отдельных лиц есть другие пути, кроме печати; к ней можно прибегать лишь в крайних, чрезвычайных случаях, когда, быть может, и «Сибирский вестник» найдет уместным, в виде исключения, вступить за частное поправное право.

Нам остается сказать несколько слов о нашем взгляде на полемику. Мы понимаем и допускаем публичный спор единственно на почве общих вопросов и принципов; ни на какие личные нападки, вызываемые по большей части уязвленным самолюбием или чрезмерным самомнением и верою в собственную непогрешимость, мы, из уважения к нашим читателям, отвечать не будем. Всякие личные препирательства, интересные, может быть, для участвующих в них, нисколько не любопытны для большинства читателей и вызывают совершенно справедливые нарекания за бесцеремонное обращение редакции с публикой, выписывающей газету не для того, чтобы знать, с кем редактор последней в мире или в неприязни. Вероятно, конечно, что «Сибирский вестник» когда-нибудь и будет вызван на личное объяснение, но можем уверить наших читателей, что это случится лишь в каком-нибудь совершенно исключительном случае, когда молчать будет уже решительно нельзя, то есть когда молчание может быть истолковано против газеты даже ее друзьями.

Мы высказались. Теперь публика знает, с кем она имеет дело и что она встретит в «Сибирском вестнике». Насколько выполнены будут наши задачи – покажет будущее, а пока мы начинаем с хорошим предзнаменованием: первый номер нашей газеты выходит в день годовщины подписания указа об учреждении Сибирского университета (16 мая 1878 года). Ничего лучшего мы не желаем, как посылить служить развитию местного общественного самосознания, которому призван содействовать и будущий храм высшей науки.

Ссылный еврей-контрабандист в тоге сибирского патриота (1887. № 23)

Томск, 21 февраля

В два года своей деятельности «Сибирский вестник» стал крупным фактором общественной сибирской жизни. Потрудившись по мере сил и внешней возможности над приведением в порядок сму-

щенной и спутанной местной общественной мысли, мы не могли не считать себя нравственно удовлетворенными тем вниманием и сочувствием, которое все более и более выражает нашей газете и ее стремлениям лучшая, наиболее образованная, чуткая к нуждам края часть сибирского общества. Злоба наших врагов растет по мере того, как «Сибирский вестник» приобретает большее значение и больший район читателей, разделяющих основные воззрения нашей редакции на главные вопросы местной жизни. Квасной сибирский патриотизм, если и не потерял еще окончательно всех его близоруких приверженцев, то, по крайней мере, разоблачен и потерял девять десятых кредита, которым он раньше пользовался, благодаря старым органам здешней печати, сделавшей из этого патриотизма своего рода сибирский коран, обязательный для всех правоверных сибиряков. Мы первые громко, открыто восстали против проповеди сибирской замкнутости, против невежественного взгляда на экономические интересы края, против нелепой теории, по которой Сибирь должна развиваться как-то особенно, вне общих законов человеческой культуры, против извращенной идеи областности, сводимой здешними патриотами к тому, чтобы в Сибири «были свои, сибирские губернаторы». Мы первые не затруднились разоблачить мнимые ученые заслуги столпов сибирского гения, мы первые дали должную оценку всей этой недостойной игре в науку со стороны людей, имеющих с ней очень мало общего и эксплуатирующих в свою личную пользу незнакомство действительных деятелей науки с отдаленным и малоисследованным краем. Лишенные сколько-нибудь серьезного научного образования, знающие две-три умные книжки, несколько научных имен и вооруженные беспредельной беззастенчивостью и небольшим лексиконом научных терминов, эти ловкие господа втирают очки своим мнимым знанием условий жизни нашей окраины и пользуются положением знатоков сибирских дел в среде людей, не имеющих о Сибири уже никакого личного понятия. Располагая тремя печатными органами, в Петербурге, Томске и Иркутске, они взаимно выдают друг другу печатные дипломы на ученость и знание сибирских нужд, поддерживая свой авторитет мелкими обличениями здешних неурядиц и злоупотреблений и объясняя последние малым развитием областного начала и зависимостью сибирской действительности от угнетающих ее приезжих, «навозных» элементов. Десять лет сряду покойно и безмятежно царствовала эта

«сибирская печать», путая и местное общественное сознание, и столичную печать, и ученые общества.

С основанием «Сибирского вестника» настало начало конца этой пагубной для громадной русской окраины политики людей неискренних, малообразованных, замкнувшихся в идее узкой сибирской областности и экономического застоя, забивших себе в голову китайскую программу, во главе которой стоит требование: «Сибирь – для сибиряков». Раздался иной голос, прямо противоположный, ратующий за предоставление нашему краю всех средств для широкого экономического и умственного развития, с сердечным радушием приветствующий появление на сибирском горизонте каждого нового способного, умного, деятельного и честного человека, не справляясь о месте его рождения, чуждый сибирской китайщины, свободный в своих суждениях о местных делах и нуждах от всякой предвзятой, задней мысли, поставивший себе целью – способствовать, в пределах возможности, развитию местной общественной мысли в направлении, наиболее желательном для благосостояния массы населения Сибири, помогать местному обществу в определении его ближайших умственных и экономических интересов и в разрешении общих вопросов местной жизни на почве науки и исторического опыта.

Задолго до появления первого номера нашей газеты, около которой сгруппировался кружок людей, искренне и горячо разделяющих ее основные воззрения, представители старой сибирской печати, по камертону, данному их главою из Петербурга, начали вести систематическую облаву против нового органа местного публичного слова. Раздраженные неожиданным для них успехом «Сибирского вестника», они не перестают до сих пор бороться с ним всеми доступными для них средствами и более возлагают надежду на повторение заведомой клеветы – будто наша газета есть орган уголовной ссылки.

Мы долго молчали; два года мы ждали, что эти господа устыдятся когда-нибудь своей сознательной лжи, что между ними найдется хотя бы один порядочный человек, который растолкует им всю гнусность этого приема. Но, по-видимому, наши ожидания напрасны, и мы решились, наконец, сбросить маску с одного из главных деятелей сибирского патриотизма, показать публике – кто именно громче других позволяет себе безнаказанно обзывать десятки честных людей «уголовными героями».

Да, маску прочь! Довольно играть в жмурки, господа «патриоты»; мы знаем, что вам эти маски выгодны, что вы бьете в данном случае на *известную вам отлично* литературную порядочность «Сибирского вестника», уважающего литературные псевдонимы, гнушающегося розысков о том, кто, что и где пишет, и ни разу не коснувшегося вашего прошлого. Вы считаете себя гарантированными от применения к вам ваших приемов полемики и литературной борьбы. Но всему есть пределы и границы. Вы перешли их в уверенности, что и это пройдет вам безнаказанно, и на этот раз ошиблись. Ваш «сибиряк» – г. Чудновский – позволил себе такую дерзкую выходку против нашей газеты, которая вам даром не пройдет. Этот господин решился публично, на обеде, данном в Омске казачьими офицерами путешественнику Потанину, объявить «Сибирский вестник» органом «уголовных героев».

Его выходка против сотни сотрудников-сибиряков «Сибирского вестника», во главе которого стоит полноправный русский дворянин, воспитанник московского университета, гласный городской думы, выходка, оскорбительная для всех читателей нашей газеты, преподносится публике «Сибирскою газетой» без малейшей оговорки, как верный отклик мнения господ Ядринцева, Адрианова и К^о.

Кто же сам г. Чудновский и как он явился в Сибирь?

Перед нами явление – в высшей степени характерное для уяснения себе того хаоса понятий, среди которого мы живем, и при котором только и возможно, что честный человек, положивший и свои знания, и свои скромные средства на общее дело, публично шельмуется вместе с этим делом каким-то евреем-контрабандистом, прикрывающимся тем, что он судился с людьми, пострадавшими за свои убеждения. Он, видите ли, – не «уголовный герой», не «навозный цивилизатор», не «культуртрегер», он – желательный сотрудник господ Адрианова и Ядринцева, он – источник истинного света и прогресса! Его заслуги перед Сибирью велики и обильны: его гроша медного не стоящая компиляция премируется красноярской думой; его посылает географическое общество в ученую (??) экспедицию; его зовут на торжественные обеды; его здоровье пьют громко и публично; ему – почет и слава, о его прошлом никто и не подумает справиться, потому что сам Ядринцев простил ему его прегрешения, сам Потанин поднял бокал за продолжение его полезной деятельности!.. Ловкий, услужливый еврейчик сумел угодить старой сибирской печати, этим путем

превратился из ссыльного еврея в «сибирского патриота», и теперь уже сам зовет «уголовными героями» людей, не желающих молиться на его благодетелей.

Не сомневаемся, что вся лучшая часть сибирского общества с негодованием отнесется к выходке г. Чудновского и по достоинству оценит отношение к ней «Сибирской газеты». Г. Чудновский – типический экземпляр той клики, которая, в предсмертной агонии, выпускает против «Сибирского вестника» ссыльного «жупела» и думает этим средством возвратить себе утраченное значение. Вот почему мы остановились так долго на омском происшествии, видя в нем факт, имеющий общественный интерес.

***Фельетон «Сибирского вестника». Чем мы живы.
В Томске (1888. № 54)***

Летом нынешнего года город Томск вдруг остался совсем без местной газеты: 2 мая был приостановлен «Сибирский вестник», а в июле месяце та же участь постигла и «Сибирскую газету». Газетное дело в Сибири сравнительно дело новое, и до этого случайного совпадения закрытия обеих томских газет наше общество не давало себе отчета в том, до какой степени местные газеты стали для нас потребностью, постоянной и неотложной, стали крупным серьезным фактором нашей общественной жизни. Незаметно для самого себя, сибирский грамотный обыватель привык находить в своих местных изданиях живой отголосок окружающей его ближайшей действительности, ключ к ее пониманию и сознательному отношению к прошедшему, настоящему и будущему существованию громадной русской окраины, едва начинающей приобщаться к общей культурной жизни Европы. Столичная печать далеко; она смотрит на наши местные, небольшие, на ее взгляд, дела или глазами случайного корреспондента, или же сквозь старые, давно потускневшие от времени очки. Понять и должным образом осветить нашу простую местную жизнь для столичной печати труднее и недоступнее, чем обнять смысл сложного политического и общественного интереса любой европейской страны. И нет ничего удивительного в том, что серенькая жизнь Сибири до сих пор представляет своего рода загадку, правильное разрешение которой возможно только на месте, вблизи местных условий и интересов. Кто читает внимательно столичные газеты, тот знает, как мало, во-первых, попадает в них известий

о Сибири, а во-вторых, каковы в большинстве случаев эти известия и их освещение. Кобургский, Криспи, Вильгельм и Бисмарк, их думы, стремления и замыслы гораздо интереснее, важнее для столичного журналиста, чем Сибирь с ее маленькими на вид горестями и радостями, и для последних на огромных листах нет зачастую десяти свободных строчек. С другой стороны, чтобы понимать нас, надо не только нас увидеть, проехаться по нашим полям, тайгам и поговорить с пассажирами на пароходе и ямщиками, но надо жить среди нас и быть ежеминутно в курсе нашей местной жизни. А это доступно лишь местному публицисту. Вот вам живой, недавний пример:

В «Гражданине» появилось, с месяц тому назад, в виде передовой статьи письмо «недавно бывшего в Сибири» автора по поводу открытия нашего университета. В этом письме прямо говорится, что университет в Сибири будет орудием для достижения целей сибирского сепаратизма!!! Автор все еще не может отрешиться от боязни глупого призрака, созданного мальчишечьими мечтаниями кучки сбитых с толку гимназистов шестидесятых годов. Ни один разумный человек в Сибири уже давно не верит в эту нелепую идею, ибо нельзя же, не потеряв здравого смысла, заносить нож на самого себя и разрезать себя пополам. Вся культурная современная Сибирь отлично сознает, что она есть не что иное, как та же Европейская Россия, плод ее крови и ума со всеми слабостями и достоинствами «метрополии». Так называемый сепаратизм перестал быть даже литературной игрушкой, и о нем у нас уже не только всерьез не говорят, но даже им и не шутят. Открытие университета в Томске здесь приветствовали именно как могучее орудие для развития и укрепления вековой народной связи Сибири с Россией путем научного единения, научных задач и стремлений. Более сильного, верного и крепкого оплота против единичных, затаенных помыслов о сепаратизме, если таковые и гнездятся еще в мечтах отдельных лиц, и представить нельзя. Местный серьезный публицист это понимает, а «вольный турист» «Гражданина» и не подозревает, как смешны и забавны кажутся нам его патриотические опасения!

* * *

Все сибирские газеты имеют определенную программу, определенные взгляды на местные общественные дела, задачи и их выполнение. В среде читателей наших газет существуют свои партии, но

сибиряк слишком умен, чтобы замкнуться в исключительность партийных интересов. Сам живой человек, он ищет живого же слова, живой мысли, и совсем не редкость встретить лиц, выписывающих все сибирские издания. Сибирский обыватель, близкий и далекий, считает себя обязанным поделиться с газетой фактами жизни и даже местным их пониманием. От газеты он требует и защиты, и представительства его интересов. Мало того, только газете, и ей одной, сибирский человек вполне верит, зная, что она его не продаст, и душу свою положит за его обиду. Все сибирские органы печати явились созданием лиц, не имевших больших средств, настоящих литературных работников. Мы привыкли знать, что редакции сибирских газет так бедны, что собственно оплачиваемого редакционного труда почти и не было. Этот труд был исключительно идейный, и несен был не хлеба ради, а во имя гражданского долга перед страной, ради ее культурного будущего. Большинство корреспондентов тоже писало бесплатно, зная, что в редакции нет лишнего гроша. И вот это «взаимное одолжение» и создало то, что между сибирскими газетами и их читателями образовалась тесная и прочная связь. В этом крепком союзе лежит корень той исключительной силы и живучести сибирской печати, которые все должны признать. От того местная печать так и страшна противообщественным элементам, от того эти элементы всегда готовы ополчиться и навредить человеку, прикосновенному к газетному делу.

Но... уже закрытие «Сибирского вестника», совершенно неожиданное, произвело большое впечатление среди его постоянных читателей и даже врагов. Хотя наш редактор отлично знал обо всех интригах против «Сибирского вестника» и принимал возможные меры, чтобы предупредить это печальное событие, но все-таки для громадного большинства факт приостановки был полною неожиданностью. Когда же закрыта была и «Сибирская газета», город очутился в потемках. Во всей яркости предстал налицо факт, что нормальное течение сибирской жизни уже совершенно невозможно без помощи независимого печатного органа. Все, что боялось света и как тать искало тьмы, ожило, почувствовало свободу от немедленного публичного осуждения. И друг, и враг публично сознались, что для них газета необходима как бескорыстный защитник правды, совести и закона. Надо было пережить полтора месяца от закрытия «Сибирской газеты» до возобновления «Сибирского вестника», чтобы почесть себя вполне удовлетворенным за весь тот каторжный труд, за

всю брань и обиды, которые лились на нашу голову непрерывной струей в течение трех лет. Да, мы можем сказать, что у нас нет ни ненавистника, ни равнодушного читателя. У нас есть верный, избалованный, истинный друг-читатель, который, наконец, понял и надолго усвоил себе уверенность, что печать работает ему на пользу. Последняя неделя и день выхода «Сибирского вестника» был для нас, скромных работников, таким праздником, память о котором мы сохраним вечно. <...>

Отношение столичной печати к внутренним делам (1888. № 79)

Томск, 8 ноября

«Большая» русская печать совсем забыла, по-видимому, что есть на белом свете такая страна, которая именуется Сибирью. Целые месяцы проходят, и вы не встретите в главных столичных газетах ни одной строчки, посвященной нашей окраине. Крупнейший факт последнего времени – открытие томского университета, факт, имеющий, бесспорно, общегосударственное значение, вызвал лишь обычные, «приличные случаю» приветствия, и затем вся печать дает «Гражданину» князя Мещерского полную свободу подкапываться под новое учреждение, едва отвоеванное во имя просветительных задач русского народа на востоке.

То же мы видим и на другом наиболее серьезном и важном сибирском вопросе – о проведении в Сибири и по Сибири железной дороги. В самый важный, решительный момент разговаривает опять один князь Мещерский, и разговаривает без малейшего отпора со стороны остальной печати, занятой гораздо более болгарскими и сербскими делами, чем своими собственными, от разрешения которых в том или другом смысле зависит ближайшее благосостояние России. Один князь Мещерский вкривь и вкось толкует о сибирских делах, к нему стекаются заявления лиц, «недавно бывших в Сибири» или «приехавших из Сибири», и бесстрашный издатель «Гражданина» охотно дает им место в своей газете, сопровождая эти заявления собственными рассуждениями, имеющими претензию на ознакомление «русской публики» с интересами и нуждами громадного далеко-го края. По странной случайности, «Гражданин», на беду Сибири,

явился отголоском местных невежественных взглядов на пути развития нашей окраины, взглядов, против которых «Сибирский вестник» ополчился со дня своего основания. Читая тирады князя Мещерского об университете, о железной дороге, невольно вспоминаешь былые рассуждения местных патриотических изданий, проповедовавших, что университет должен дать ученых «сибиряков», что железные дороги вредны для края, что «кнутик» – прекрасный промысел, без которого придорожное население Сибири пропадет с голоду, и т.д. Правда, только в князе Мещерском, этом добровольном апостоле невежества и застоя, наши так называемые сибирские патриоты и могли найти последователя и поборника их невежественных тенденций: это вышло в порядке вещей, и кто из них провел друг друга – князь ли Мещерский патриотов, или патриоты князя Мещерского – все равно, как безразлично и то, кто из них вынесет из этого единомыслия полезное поучение. Важно одно – что это характерное единомыслие не прошло бесследно для местного образованного общества, что оно раскрыло, наконец, глаза всем, кто еще мог думать, что интересы Сибири охраняются ее литературными сынами и их пришлыми сотрудниками, для которых все средства хороши, раз они ведут к смуте в понятиях и стремлениях нетвердых людей. В этом отношении «Гражданин», обнаружив против своей воли единство помыслов русского обскурантизма с сибирским партикуляризмом, принес большую пользу, осветил лишний раз путь, по которому должно развиваться местное общественное самосознание, если оно желает обеспечить Сибири умственное и экономическое развитие. Мы имеем новое подтверждение того, что программа «Сибирского вестника», от которой в равной мере чураются князь Мещерский и г. Ядринцев, была и остается тем единственным путем, по которому шло и идет историческое развитие современной культуры, вне которого наша окраина обречена на вековое запустение.

Здесь, на месте, это, слава Богу, начинают понимать все более и более. Но этого, к сожалению, недостаточно: для Сибири важно, чтоб в тех сферах, куда местная печать проникает мало, где читаются преимущественно столичные газеты, установился возможно более правильный взгляд на местные, сибирские интересы. Для этого необходимо более живое, упорное и понимающее дело слово общей печати, на обязанности которой лежит дать энергичный отпор пуб-

лицистам «Гражданина», показать публике все невежество последних и весь вред, который может принести Сибири их нелепая проповедь. Но наша печать, следя за каждым ничтожным шагом короля Милана и Фердинанда Кобургского, забывает о серьезных внутренних делах и оставляет князю Мещерскому полную свободу судить и рязить о них, как ему заблагорассудится.

Не спорим, случайно и изредка наши большие газеты посвящают тому или другому внутреннему вопросу свое благосклонное внимание, но уже одна случайность подобных статей уменьшает их значение, по крайней мере наполовину. Публика, привыкая к преобладающему содержанию газеты, все свое внимание сосредотачивает на внешних событиях и не интересуется редкими – по большей части длинными и тяжеловесными – статьями по внутренним делам. И статьи эти, вне исключительных случаев, проходят незамеченными, не оставляя никакого следа в понимании обществом ближайших внутренних интересов страны. В прошлом году, кажется, этот упрек был сделан ежедневной печати газетою «Неделя», и сделан совершенно справедливо. Многие крупные вопросы русской жизни не остались бы спорными поныне, не висели бы на воздухе, если бы печать взялась за их обсуждение с тою же последовательностью, с таким же упорством и с таким же вниманием, с какими обсуждаются ею вопросы иностранной политики. Остановимся на наиболее интересующем нас в данный момент вопросе о сибирской железной дороге. Дело начеку, изыскания произведены, столичная печать об этом знает. И ни одна газета, кроме враждебного дороге «Гражданина», не обмолвится ни единым словом о том, как лучше вести задуманную линию, откуда выгоднее ее начать, верны или неверны рассуждения князя Мещерского об этом общегосударственном пути. Повторяя в сотый раз, какие задачи лежат на России в Болгарии, не грешно бы вернуться хоть один раз к спору о пользе и вреде сибирской дороги, помочь русскому обществу разобраться в этом большом деле накануне его разрешения, тем более что местная печать держится в данном вопросе двух прямо противоположных мнений. Или столичная печать не может дать по этому делу определенного взгляда? В таком случае она недостойна быть руководительницей общественных дел и не должна претендовать на авторитет в важных государственных вопросах. Одно из двух: или русские публицисты понимают и сознают задачи внутреннего прогресса, или они умеют

только изливать бессильную и дешевую злобу на короля Милана и ему подобных людей. На последней роли наша печать едва ли помирится, а если нет, то ее обязанность более серьезно относиться к внутренним местным делам, прислушиваться к отзывам провинциальной печати и поддерживать последнюю не двумя-тремя словами, сказанными вскользь, а серьезным, толковым и дельным обсуждением местных вопросов именно тогда, когда они стоят на очереди. Дождемся ли мы такого отношения к нашим нуждам со стороны большой печати – вот вопрос, от которого зависит развитие авторитета местных деятелей печатной мысли. Пока этого нет, местное общество тем сильнее должно дорожить своими органами, которые делают тяжелое и трудное дело, без малейшей иногда помощи со стороны влиятельной столичной печати, в среде которой «Гражданин» является зачастую единственным отголоском местного мнения, и нельзя удивляться, что мнение это, как бы нелепо оно ни было само по себе, находит приверженцев. Этим мы, жители русской провинции, всецело обязаны нашим большим органами печати.

Сон газетчика конца века (1892. № 150)

Ночь... Где-то вдали часы глухо пробили двенадцать, а я все еще писал. Проворно бегало перо по бумаге, легко и свободно ложились строчки мелкими рядами. Я был в ударе. Едкие намеки, злые сравнения и язвительные уколы лились неудержимым каскадом. Наконец я кончил фельетон, отбросил перо и самодовольно начал перелистывать исписанные страницы. Статья была положительно хороша, только мала.

– Пустяки сушие придется получить, – подумал я. – Разве авансом попросить?

И мне живо представилась сутуловатая фигура управляющего конторою редакции, проворно вскрывающего груду денежных пакетов; весело чикают ножницы у него в руках, и стройные колонны красных, синих, зеленых и желтых бумажек растут с каждою минутою; весь пол давно уже побелел от пустых конвертов.

– Не даст... А будь у меня своя газета, все это было бы мое!..

Я встал из-за стола, прошелся по комнате и залпом выпил две рюмки рябиновки.

– Ну, стал ли бы я пить тогда эту кислятину?.. Никогда! – думал я, пережевывая кусок бокшейну.

А внутренний голос, как Агасферу, шептал мне: «Ты еще не издатель, так пиши, пиши же, пиши!».

Но писать я не стал и, раздевшись, лег в постель, придвинул к себе пачку последних газет и рассеянно начал пробегать объявления. Иллюстрированные издания щедро рукою расточали в них обещания наградить полными собраниями сочинений русских классиков и огородными семенами, научными сборниками и стенными календарями, модными выкройками и олеографиями в 32 краски. Имена современных писателей, которыми гордится страна, красовались в рекламах лубочных изданий...

– Да разве же я не мог бы составить такого же объявления, не мог бы обещать олеографию еще длиннее, еще шире? Судьба положительно несправедлива ко мне, – думал я, засыпая.

И снилось мне...

* * *

На дворе залаяла собака; в сенях послышались чьи-то шаги; столб морозного воздуха ворвался в комнату и незнакомый голос явственно произнес:

– Г. Восемь!

Я встал с дивана. Предо мною стоял почтальон.

– Потрудитесь получить, – сказал он мне, протягивая большой пакет.

– Из главного управления! – радостно воскликнул я, порывисто срывая обложку и быстро пробегая содержание полученной бумаги; но не успел я дочитать ее до конца, как бросился к нему на шею и, прильнув к грязной шинели, радостно зарыдал, беспрестанно повторяя:

– Я редактор!.. я редактор!.. мне разрешили издавать газету!..

Скоро, однако, я сообразил, что редактору-издателю «Зеркала», газеты политики, литературы, финансов, коммерции и общественной жизни, не следует унижать своего достоинства и, приняв величественную позу, я сказал почтальону:

– Заверните на днях и получите...

Прежде всего нужно достать денег, подумал я. Да это пустяки. С тех пор как редактировать газеты начали заводчики и в писание передовиц ударились лабазники, – литература стала считаться солидным коммерческим предприятием, и в кредите, конечно, отказа

не будет. Гораздо затруднительнее вопрос: как заманить сотрудников с громкими именами. Не пойдут, скажут: «Не хотим купаться в грязных помоях, да к тому же еще не иллюстрированных». Разве с авансом поспешить к ним навстречу?

– Никогда! – воскликнул я, – мой девиз: «Никаких авансов»! Да, я обойдусь и без них.

Внезапная мысль озарила мой ум. Сердце радостно забилося: затруднительный вопрос был решен. Я вскочил с дивана, взял листок почтовой бумаги и написал письмо своему приятелю, волостному писарю.

«Любезный Иван Семенович!

Недавно ты уговорил крестьян продать каменноугольные залежи за сто рублей. Надеюсь, что ты так же дешево сумеешь выполнить и мое поручение, а состоит оно в нижеследующем: подыщи мне, пожалуйста, между недоимщиками крестьян, а еще лучше ссыльно-поселенцев со следующими именами: Петра Боборыкина (в крайнем случае можно Пахома или Памфила), Сергея Терпигорева и Александра или Алексея Михайлова. Как только отыщешь требуемых лиц, благоволи выслать их ко мне этапным порядком. Не желая оставаться у тебя в долгу, я отвожу в редактируемой мною газете для тебя 200 строк, на которых ты и можешь воздать себе хвалу по собственному усмотрению. За излишек против назначенного размера тебе будет выслан счет, как за объявление на первой странице.

Искренне преданный тебе Восемь, редактор-издатель большой ежедневной газеты "Зеркало".

P.S. Если встретится несколько однофамильцев, то предпочтение следует отдать лишенным всех прав состояния».

Прекрасно, продолжил я размышлять, передовые статьи и фельетоны я буду вырезать и наклеивать сам, а мои именные сотрудники будут их подписывать. Я знаю, что завистливые газетчики забросят меня грязью и будут утверждать, что эти лица вовсе не работают в «Зеркале»; но тогда можно будет засвидетельствовать их подписи надлежащим порядком, и враги будут посрамлены. На этой почве я неуязвим.

Вот беда: в музыке я мало смыслю, ну, да это пустяки: театральные и музыкальные рецензии можно поручить писать самому антрепренеру. Кому же, как не ему, знать лучше светлые и темные стороны своей труппы? Навязывать ему свои мнения, стеснять свободу выражений я не буду, пусть платит по пятаку со строки и пишет,

что хочет. У него будут сборы, а у меня доход. Оба довольны будем. А узнают о моих порядках, так и иногородние антрепренеры сотрудничать начнут.

Другое дело «магазинная хроника», – этого отдела я не выпущу из своих рук: к нему у меня с детства есть особое призвание. Зайдешь в магазин – от хозяина привет и ласковая улыбка, низкие поклоны от приказчиков всеми уважаемому редактору. Остановишься на пороге и глубоко вдохнешь в себя воздух, а потом медленно уронишь:

– А ведь, кажется, воняет...

– Что вы-с, помилуйте-с! У нас недавно санитарная комиссия все товары-с керосином дезинфицировала.

– Гм! ...А это что? Омары?

– Омары-с.

– В соку?

– Так точно-с. Прикажете завернуть?

– Заверни, любезный! ...Рокфор?

– Рокфор-с. Прикажете отрезать на пробу? – подобострастно спрашивает приказчик.

– Что? У меня нет собак...

В эту минуту хозяин и подбегает к оторопевшему приказчику и тихо шепчет ему:

– Завертывай, болван, весь: смерть не любит, когда не по целому куску дают.

Я принимаюсь закуривать сигару и делаю вид, что не слышу разговора, но через минуту спохватываюсь и говорю хозяину:

– А насчет вина-то я и позабыл...

– Не извольте беспокоиться, – отвечает он, – в санки уж положен кулечек-с...

– То-то же... да, пожалуйста, не вздумайте мне счет послать: терпеть этих счетов не могу.

– Помилуйте-с, мы эти порядки знаем.

– Хорошо, хорошо! До свидания!

Я сажусь в сани и уезжаю писать отзыв о товарах... Нет, решительно никому не уступлю этого отдела!

А для «справочных сведений» нужно будет подыскать толковых сотрудников. Этот отдел – больное место всех газет: кроме дел, назначенных к слушанию в судах да списка недоставленных телеграмм в нем решительно ничего не бывает; но я не пойду по избитой дороге. Газета должна высоко держать свое знамя, должна свято обере-

гать подписчиков от обмана. Справочным сведениям у меня будет посвящена вся третья страница, их я разобью на несколько рубрик: «адвокаты», «врачи», «педагоги» и т.д. N.N. защищал дело такого-то и проиграл его 1 декабря. X.X. лечил Y.Y.; больной скончался такого-то числа. Z.Z. готовил сына U.U. в пятый класс, ученик провалился по всем предметам. Публика должна знать: кого надо избегать, кого нужно остерегаться. Конечно, быть слишком строгим и карать постоянных клиентов газеты за мимолетные промахи и ошибки не следует. Ну, да это само собою разумеется.

Тут самый серьезный отдел – объявления. Тут я думаю внешнюю форму позаимствовать у «Московских ведомостей». В самом деле, какой получится эффект, когда подписчики увидят на четвертой странице мою собственную фигуру во всем редакторском величии. Надо мною будет надпись аршинными буквами: «Я покупаю», а по бокам:

Семгу – у Н.Г. Гадалова

Серебряные портсигары – у И.Г. Гадалова

Белье и платье в трактире Косолапова,

Пиво и водку в Солдатской слободке, в мелочной лавке...

Кто устоит против этого соблазна?..

Мысль положительно хорошая; но загонять объявления, этот «двигатель торговли», на последнюю страницу все же не следует. Не лучше ли распределить их равномерно по всем отделам? Например, в «Городской хронике» будет сообщено, что Иван Иванович откусил ухо Ивану Никифоровичу и сам остался с половиною бороды. Тут и печатай объявление: «Бальзам Бормани от всевозможных ран» и «Тополин – вернейшее средство для ращения волос». Или в отделе «Театр и музыка» будет рассказано о трагической смерти от чахотки молодой героини. Здесь и поместить объявление г. Гюйо о дегтярных пилюлях. С одной стороны, рекламы будут лучше запечатлеваться в памяти читателей, с другой – заказчиков можно будет заставлять оплачивать текст газеты.

Сомневаться в моем организаторском таланте положительно нельзя, и «Зеркало» ждет блестящая будущность. Пусть клеветают завистливые газетчики, пусть обвиняют меня в бесцеремонном обращении с литературной собственностью, я не буду просить у них снисхождения: из их нападок, из их ругани я скую себе новое могучее орудие для распространения своей газеты. Ну, обличат меня в плагиате... что же тогда? Расшаркаюсь перед подписчиками, заяв-

лю, что был введен в заблуждение своим Пахомом Боборькиным, а сам черкну несколько слов ближайшему начальству. Разве решатся отказать руководителю общественного мнения, редактору большой ежедневной газеты в ничтожной услуге? Никогда!.. И в следующем же номере явится подробное описание экзекуции над нашим уважаемым беллетристом П. Боборькиным. Тут уж сам князь Мещерский не устоит и примется восхвалять мою энергию и рекламировать «Зеркало». Станут ко мне, как ручьи в океан, со всех сторон подписчики стекаться, и розничная продажа достигнет до ста тысяч экземпляров в день. Тогда я устрою «зал депеш» с маркитантскими закусками для подписчиков и выпишу себе повара от Оливье. Хорошо, шельмец, готовит стерлядки по-американски...

– Ну, что вы взяли своими обличениями? – крикнул я воображаемым врагам и... проснулся.

Свеча уже догорела, и обертка пылала красноватым светом. Часы показывали половину седьмого. Я зажег лампу и сел за стол; но долго я еще не мог принятьсь за работу и все повторял:

– Так это сон! так это сон! ... А счастье-то было так близко, так возможно.

Восемь

Томские губернские ведомости

Наши задачи (Необходимое объяснение) (1882. № 39)

Расширение Неофициальной части «Томских губернских ведомостей» не прошло незамеченным. Некоторые органы столичной печати отнеслись к нам весьма сочувственно и напечатали, может быть, даже слишком лестные отзывы о первых номерах обновленного издания. Из местных частных газет иркутская «Сибирь» встретила нас приветливым словом, а «Сибирская газета» промолчала. Это отношение печати как бы показывало, что цели и задачи нашей деятельности понятны, и нам нет надобности разьяснять их, тем более что и местная читающая публика уже обнаружила интерес к нашему намерению – сделать «Губернские ведомости» полным и живым изданием.

Но в последнее время прямо во враждебные отношения стало к нам петербургско-сибирское издание – «Восточное обозрение», подозревающее в нас какие-то задние цели и не затруднившееся да-

же напечатать, что наша газета «прикрывает всевозможные темные дела» и является органом местных богатых промышленников. Это побуждает нас объясниться.

Мы не имели в виду ни конкурировать, ни тем менее враждовать с местною частною печатью; мы отлично понимаем, что области частного и официального печатного органа имеют каждая свои отдельные пределы, и задача этих органов взаимно дополнять, а не враждовать между собою. «Губернские Ведомости» *обязательно* выписываются всеми присутственными местами, должностными лицами и волостными правлениями губернии. Много лет сряду все эти учреждения платили казне деньги и получали взамен, кроме официальных распоряжений, или ведомости о происшествиях (через два-три месяца после самых происшествий), или случайные отрывочные статистические известия, в отдельности имеющие очень небольшой интерес, или какое-нибудь бесконечное путешествие, может быть, и очень любопытное, но когда оно печатается по столбцу в неделю, то едва ли удобочитаемое.

Такой состав Неофициальной части «Губернских Ведомостей» не отвечал ни требованиям закона, ни интересам обязательных подписчиков губернской газеты, вызывая справедливые указания частной печати на необходимость расширить содержание неофициальной части губернского органа (см. «Восточное обозрение». № 6).

Во многих городах Европейской России «Губернские Ведомости» издаются полнее многих провинциальных частных газет (в Харькове, Казани, Саратове, Варшаве, Киеве, Калуге, Кишиневе, Пензе, Архангельске, Самаре, Уфе, Оренбурге и других городах). Были периоды, когда и сибирские (Тобольские и Томские) «Губернские Ведомости» составлялись интересно; но в последнее время дело это было запущено и не останавливало на себе внимания местного начальства.

Настоящей редакции Томской губернской газеты было предложено заняться Неофициальной частью и попытаться сделать ее интересной для местного читателя. Мы охотно согласились, уверенные, что принимаемся за дело полезное, имеющее будущность, и что личные качества г. Начальника губернии гарантируют нас от требований, противных чести и совести порядочного журналиста. В усилении местного печатного слова мы видели общий культурный успех, и пишущий эти строки думал и думает, что расширение Неофициальной части «Губернских Ведомостей» увеличит привыч-

ку к чтению в той среде, куда частная печать проникает еще очень мало, а официальная посылается обязательно.

Губернская газета поставлена в возможность пользоваться всеми местными географическими, топографическими, этнографическими и другими материалами, которыми частные издания мало пользуются. Между тем все эти материалы имеют свое значение, и разработка их должна составить одну из главных задач «Губернских Ведомостей». Не меньший интерес для местного читающего общества имеют и все труды здешних административных учреждений по разрешению и разъяснению многих вопросов, касающихся Сибири, ее устройства, управления и ее ближайших нужд. Труды эти до сих пор оставались не известными никому, кроме центральных управлений, куда они стекались и где получали свою оценку, помимо всякого участия в обсуждении предлагаемых мер печати и общества. Печатаение, в извлечениях, трудов местных правительственных учреждений – вторая и тоже очень важная задача «Губернских ведомостей».

Наконец, из состава неофициальной части местного правительственного органа нет никакого ни законного, ни логического основания исключать текущую хронику фактов, совершающихся в Сибири, в России и за границей. Напротив, текущий отдел придает «Губернским Ведомостям» общий современный интерес и приучает захолустного читателя следить за ходом общечеловеческой жизни.

Таковы наши задачи. Все, что было до настоящего времени напечатано в нашей газете, или не выходило из пределов простого фактического сообщения, или было извлечено из официальных материалов. Мы сделали известными публике взгляды местной администрации на вопросы о судебной реформе, об организации переселений, об улучшении быта золотопромышленных рабочих, об улучшении системы казенного хозяйства – все это самые жизненные для Сибири вопросы, и весьма важно узнать, как относятся к ним здешние правительственные органы.

Закон воспрещает «Губернским ведомостям» какую бы то ни было полемику. Только поэтому мы оставляем без ответа все заявления «Восточного обозрения» по существу затронутых нами вопросов. Без всякого намерения вести полемику опровергли мы некоторые сообщения «Восточного обозрения», касающиеся, например, постройки сибирского университета. Если наше опровержение вышло несколько резко, то, говорим это прямо, потому, что от «Восточного обозрения» мы менее всего ожидали нападков на строитель-

ный комитет в таком деле, где, собственно говоря, не было ни выбора, ни выхода. Мы были и остаемся убежденными, что комитет обеспечил постройку университета кирпичом наивыгоднейшим способом; мало того, здесь, на месте, нам виднее, что *другого верного способа* добыть кирпич *не было*; строить свой кирпичный завод было бы и рискованно, и дорого; отдать же всю судьбу постройки *одному* заводу Даниловых, даже по самому строгому контракту, было бы уже совсем неблагоприятно. Наше мнение, конечно, для «Восточного обозрения» необязательно, но для каждого издания обязательно, думаем мы, точность и верность передачи напечатанных фактов, мнений и мотивов. Отсутствием этих условий в корреспонденции «Восточного обозрения» и неправильным освещением деятельности Комитета, а *не чем-либо иным*, и объясняется реакция нашего опровержения. Мы знаем, что строительный комитет работает при самых неблагоприятных условиях местности, и думаем, что он вправе ожидать нравственной поддержки, а не нападков со стороны людей, которым, по их словам, интересы Сибири близки и дороги. Напрасно «Восточное обозрение» думает, что мы защищаем комитет потому, что «близко стоим к нему». Редакция «Губернских Ведомостей» не имеет никаких отношений ни с комитетом, ни с гг. Цибульским и Михайловым. С последним редактор «Неофициальной части» даже ни разу в жизни не виделся. Мы защищаем комитет потому, что видим и знаем, с какою массою неизвестных в России, затруднений ему приходится бороться и как, действительно, тяжело вести большое строительное дело даже в центре Сибири. Можно, конечно, не соглашаться с ним, можно находить то или другое его действие неудачным, но нет данных набрасывать на эти действия тень недобросовестности и чуть ли не злоупотреблений.

Отвечая на наше возражение, «Восточное обозрение» перенесло беседу на такую личную почву, на которой никакой дальнейший разговор на страницах «Губернских ведомостей» немислим.

Мы напечатали в извлечении постановление губернского по городским делам присутствия о винных складах и высказали, что вполне разделяем мнение присутствия, что городская дума не вправе переносить склады, законно разрешенные и отвечающие требованиям питейного устава, за город. «Восточное обозрение» объявило нас за это органом складчиков и решило, что мы «прикрываем всякие темные дела», мешаем «борьбе сибирских городов с местными кулаками». Чисто юридический вопрос, в котором, конечно, могут быть

два противоположные, однако добросовестные мнения, благодаря невозможному полемическому приему, остается, таким образом, открытым, а публике предлагаются голословные обвинения противника в неблаговидном образе действий. От такой полемики мы отказались бы, если бы и имели на нее право.

Мы кончили. Теперь наши задачи выяснены, и мы можем уверить наших читателей, что никакая неправда, никакое темное дело *не могут* найти себе защиты на страницах нашей газеты. Мы можем ошибаться, но сознательной поддержки неблаговидным стремлениям, от кого бы они не исходили, никогда не окажем.

Корш Е.

Сибирские служебные привилегии (1882. № 42)

Со второй половины прошлого века «для предупреждения недостатка в способных и достойных чиновниках в Сибири», как говорилось в указе 1765 года, правительством принимались различные меры, в числе которых занимают выдающееся положение служебные привилегии. Первоначально они заключались в том, что все чиновники, отправляющиеся на службу в Сибирь, производились в следующий чин до статского советника включительно; им выдавались прогоны, а по прибытии на место годовой оклад жалованья. Канцелярским служителям сокращался на половину срок на получение первого чина. В 1822 году предполагалось преимущества эти заменить усиленными пенсиями и раздачей земель, но последовала ревизия Сперанского и затем целый ряд законодательных мер о преимуществах службы в Сибири, которые в настоящее время для губерний Западной Сибири состоят в следующем: уроженцам внутренних губерний, едущим на службу в Сибирь, выдаются двойные прогоны и годовой оклад жалования; служба на получение пенсий считается 3 года за 4, так что вместо 35 лет для полной пенсии нужно прослужить 26 лет; кроме того, жалованье через каждые пять лет службы увеличивается на $\frac{1}{4}$, так что через 20 лет получается двойной оклад. Существуют преимущества и в отношении отпусков: чиновники, уроженцы внутренних губерний, увольняются на 4 месяца с сохранением содержания. Кроме того, и для детей их установлены особые

льготы: они помещаются в учебные заведения на казенный счет с выдачею прогонов для доставления их в эти заведения.

Таковы преимущества, существующие ныне; они в общих чертах существовали и прежде, и потому можно сказать, что сделан весьма продолжительный, более чем вековой опыт «привлечения достойных чиновников» путем служебных привилегий. Любопытно подвести итоги добытых этим опытом результатов.

Мы проследим их проявление в различных учреждениях края.

В общем строе сибирских учреждений управления крестьянские и инородческие не заключают в себе непосредственно чиновничьего элемента, и, стало быть, о составе их в настоящей статье не может быть и речи. В порядке восходящем стоят затем окружные учреждения: полиция, суд первой степени, почтовые, телеграфные и другие. Здесь чиновники занимают все должности и, без преувеличения можно сказать, возбуждают и ныне, как возбуждали в течение ста лет, жалобы и неудовольствия обывателей и крутые меры начальства в виде удаления от должностей, не говоря уже о предании суду и других взысканиях. Всем известно, что состав низшего чиновничества в Сибири крайне неудовлетворителен, что людей нет, и самые добросовестные и благонамеренные деятели высшей администрации должны поневоле назначать на должности лиц, не отвечающих самым скромным требованиям ни по умственному развитию, ни по подготовке, ни по нравственным качествам. Невоздержанность, грубость в отношении к населению, лихоимство и небрежность в исполнении своих обязанностей так распространены в среде низшего сибирского чиновничества, что противоположные средства представляют более или менее редкие исключения. Не многим лучше и состав служащих в губернских учреждениях: медленность, запущенность делопроизводства, а часто и неправильное направление его – все это – не редкость и не исключение, а обычное явление, происходящее от полного равнодушия чиновников к своему делу, отсутствия сознания долга и неустойчивых понятий о чести. Если в последнее время не появляется резких примеров того, чтобы из скромного губернского чиновника внезапно образовался крупный промышленник, то весьма недавняя история края может представить таких примеров множество: являлись и винокуренные заводчики, и пароходовладельцы, обладатели дорогостоящих крупчатых мельниц, имели заводы кровных рысаков, золотые промыслы и проч. Даже главное управление края не было свободно от упреков, и об

этом, теперь уже упраздненном учреждении было известно, что в некоторые эпохи его существования там даже продавались места.

Таким образом, все чиновничество края представляло всегда много сторон весьма темных и в общем было крайне неудовлетворительно. Очевидно, стало быть, что вековой опыт привилегий не дал того, чего желал законодатель: «достойных», и факт этот был констатирован государственным советом, который в 1878 году высказал, что в Сибири, несмотря на привилегии, все отрасли управления не обеспечены от недостатка сведущих, образованных, преданных делу и способных чиновников. Явление в высшей степени интересное и настолько важное, что вызывает необходимость тщательного обсуждения причин его происхождения.

Один из бывших генерал-губернаторов Западной Сибири так объяснял это: «Большую часть пришлого элемента чиновничества, – писал он министру – едущего в Сибирь на службу ради выгоды и преимуществ, составляют люди необразованные, непригодные во внутренних губерниях к какому-либо занятию, не нашедшие дела вне Сибири или по слабости умственных сил не выдержавшие там конкуренции более талантливых, или же вынужденные оставить службу во внутренних губерниях по предсудительности их действий, или, наконец, такого рода чиновники и дворяне, которым необходимо поправить по тем или другим причинам расстроенные дела временною отлучкою на окраины и получением пособия от казны.

Этот пришлый люд, не имеющий в себе элементов, способных улучшить и освежить местные силы, приносит существенный вред краю особенностями своего положения: одни, видя в службе сибирской лишь способы наживы, стремятся, не теряя времени, достичь своей цели; другие считают время, остающееся до срока, когда можно будет покинуть Сибирь без возврата полученных от казны денег, и обе категории мало занимаются своим делом и скоро покидают места, оставляя после себя массу неоконченных дел. Остаются надолго только те, кто в расчете на прибавочное жалование находят более выгодным продолжать службу в Сибири, не надеясь по степени образования найти места внутри России.

Нет сомнения, что есть истинно достойные и образованные люди, желающие добра краю и служащие ему вполне добросовестно, но они представляют едва заметное исключение; к тому же такие люди, в силу особых неблагоприятных обстоятельств, свойственных

сибирскому быту, нередко уезжают обратно даже с возвратом полученного от казны пособия.

«Привилегированное положение пришельцев не может, наконец, не влиять на местных уроженцев удручающим образом: люди при одинаковых достоинствах, занимающие одинаковые должности, оказываются поставленными в совершенно различные условия в отношении вознаграждения, которое может быть вдвое больше для одного, нежели для другого. Примириться с такой несправедливостью трудно, и практика жизни показывает, что примирения и не бывает. Молодые люди, прошедшие на родине среднюю школу, уезжают для продолжения образования в столицы и университетские города и на родину не возвращаются, ибо не пользуются привилегиями уроженцев внутренних губерний. Уезжают из Сибири и те, которым, хотя не удастся пройти высшую школу, но которые по умственному развитию, предприимчивости и талантливости надеются найти себе лучшее служебное положение внутри России, а на долю Сибири остается только и местная, и пришлая посредственность».

Таким образом, по словам того же генерал-губернатора, Сибирь представляет то редкое явление, что существующие средние учебные заведения и установленные преимущества сибирской службы для привлечения образованных и пригодных к делу людей способствуют отливу из Сибири живительных сил, лишая тем самым страну совершенно естественного и надежного элемента для занятия должностей по всем частям управления и на всех поприщах разнообразной частной деятельности, в замену которых приезжают сюда не имеющие ничего общего с интересами страны искатели счастья, люди полуобразованные и нередко сомнительной нравственности.

Весьма естественно, что при таком положении дел возникло сомнение в целесообразности существующих правил о служебных преимуществах, а затем и мысль об их совершенной отмене. Сколько стоили казне эти преимущества, вычислить трудно, но, по собранным, например, министерством народного просвещения сведениям за один год, издержки казны простирались за этот год до 167 тысяч рублей.

Если припомнить, что опыт продолжается более ста лет, то цифра издержек представится поражающею. В самое последнее время в Томске было два случая назначения чиновников из внутренних губерний в одно из здешних правительственных учреждений, причем

сумма выдач, сделанных назначенным чиновникам, равнялась почти половине годового содержания всего учреждения!!

Без сомнения, отмена привилегий, о которой в последнее время много говорилось в печати, принесет значительные сбережения казне, а учреждение высшего учебного заведения в крае вернее и скорее поведет к достижению цели, о которой более ста лет хлопотало правительство и, к сожалению, безуспешно.

Томский справочный листок

От редакции (1894. № 1)

Служить по мере сил уяснению духовных и материальных нужд пятидесятитысячного населения г. Томска, знакомить это население с состоянием и ходом собственного городского хозяйства, отмечать и поддерживать печатным словом светлые явления нашей жизни и порицать недостойное, развивать в обществе интерес к городским общественным делам и укреплять в нем принцип самоуправления в пределах, указанных законом, – вот цель издания «Томского справочного листка». Она мирит нас с ограниченностью программы, она дает нам и веру в полезность Листка, и надежду на сочувственный прием вновь народившегося печатного органа со стороны местного населения.

Полученные редактором-издателем Листка, в бытность его в Петербурге, приветственные телеграммы и письма от некоторых жителей Томска при известии о разрешении Листка дают нам основание заключить, что вновь народившийся печатный орган и желанный, и могущий быть полезным для нашего города.

Редакция смеет думать, что Листок будет полезен не для одних жителей Томска. Наш город, как университетский, обладающий солидными научными силами, как место различных центральных управлений и как большой торгово-промышленный пункт, должен иметь, несомненно, интерес для значительного района Сибири и в проявлениях своей жизни, хотя, в некоторых случаях, может служить образцом для некоторых мест. Верно и полно изображая нашу жизнь и все желательные улучшения в ней, Листок, надеемся, сослужит службу не одному городу Томску.

Страницы Листка открыты для всякого, кто хочет честно и нелицеприятно преследовать намеченную нами цель.

Не имея возможности ответить лично и письменно на полученные мною пожелания успеха Листку, считаю своим долгом в настоящем номере выразить мою глубочайшую благодарность всем моим доброжелателям.

Редактор-издатель П. Макушин

Библиография (1894. № 1)

«Книга, – говорит Белинский, – есть жизнь нашего времени. Она вводит в душу разного рода впечатления». «Из впечатлений слагается идеал, а идеал служит посредником и проводником между мыслью и деятельностью, камертоном деятельности» (Кавелин). Поэтому крайне необходимо, чтобы родители и воспитатели были вполне убеждены, что чтение книги будет никак не вредно для детей. Дурные книги – это «интеллектуальный яд, они портят ум» – так выразился Шопенгауэр. Что же читать? Как сделать выбор той или другой книги? – вот вопросы, которые часто затрудняется разрешить иной взрослый, желающий приобрести книгу не только для себя, но и для детей.

В «библиографическом отделе» мы постараемся давать беспристрастную оценку появляющихся в печати новых книг. На первый раз обращаем внимание на новую серию народных изданий, выпущенных в свет книжным складом г-жи Калмыковой под девизами: «Жизнь прежде и теперь» и «Силы природы и труд человека», всего 8 книжек.

В книжке «На краю гибели» заключается два рассказа, написанных очень живо. В одном из них читатель знакомится с тяжелыми условиями жизни рыболовов на Каспийском море; рассказан случай с казаками-рыболовами, унесенными на льдине в открытое море. В другом рассказе рисуется перед читателем трагическая картина гибели человека, по неосторожности попавшего в топкое болото.

Книжка «Из жизни запорожских казаков» дает ясную картину запорожской сечи и ее жизни: выбор атамана, поход казаков на турок и набег татар. Простым, понятным и интересным языком изложено возникновение казачества и его значение в нашей исторической жизни.

«На празднике у древних римлян». Небольшое предисловие этой книжки знакомит читателя с жизнью римлян во времена республики и с возникновением рабства. Содержание составляет описание кро-

вавых игр и забав в римском цирке. В конце книжки приложено стихотворение Лермонтова «Умирающий Гладиатор».

«Как я провел субботу и воскресенье в немецкой деревне». В удобопонятной форме автор выясняет читателю всю нелепость многочисленных поверий и примет, присущих простым людям и зачастую являющихся точкой отправления в тех ужасных проявлениях темных народных масс, которые встречаются в годы общественных бедствий: голода, мора и т.п. Вместе с тем автор рисует деревенскую жизнь в Германии, указывающую на то, что немецкий крестьянин достиг уже некоторой степени культуры, до которой далеко еще нашей деревне.

«Как борются люди со страшными врагами своими – чумой, оспой и холерой». В первой половине книжки отрывок из романа Загоскина «Кузьма Рощин»: Москва во время чумы 1771 года. Во второй половине читатель знакомится с чумными и холерными эпидемиями, указывается на Индию и Египет, откуда эти болезни распространяются. Вместе с тем в книжке приведена история возникновения оспопрививания и выяснено значение его в деле предохранения от заболеваний натуральной оспой. В общем, книжка является очень поучительной и полезной.

«Под волнами морскими». Описание жизни фризов, обитателей прибрежных островов немецкого моря, ведущих на своих неприветливых островах трудную, полную опасностей и невзгод жизнь, составляет содержание этой книжки.

«Какие есть на земле растения и какая от них польза человеку». Общедоступным языком и в удобопонятной форме дано описание растений: риса, пальм, банана, хлебного дерева, картофеля, папируса, хинного дерева. Кроме того, выяснена польза, приносимая человеку тем или иным растением, и указано важное значение сохранения лесов. Рассказана также история проникновения картофеля и хлопчатника из Америки в Европу.

В последней книжке «Уральцы-рыболовы» проводится та мысль, что «велики наши природные богатства, но чтобы их сохранить, чтобы ими пользоваться, нужны уменье, наука и заботы. При отсутствии же у нас этих условий правильного ведения хозяйства мы не только не пользуемся в полной мере выгодами наших естественных богатств и не умножаем их, но, наоборот, расхищаем их и тем готовим печальное наследство будущим поколениям».

Несомненное достоинство всех перечисленных книжек – ясность и простота изложения, облегчающая доступность его значительному кругу читателей. Каждая книжка снабжена на обложке недурно исполненным рисунком, соответствующим содержанию книжки. Если к этому прибавить дешевизну издания – цена книжек «Под волнами морскими» и «Уральцы-рыболовы» – по 3,5 копеек каждая, остальные по 2 коп., четкость печати, размер в 24–50 страниц, то можно надеяться, что они найдут место и в школе, и в сельской библиотеке, как занимательное и полезное чтение.

Б.

Томский листок

Сибирь в прошлом и настоящем (1896. № 1)

Сибирь в 1895 году. В течение минувшего 1895 года Сибирь представляла собой одну из тех территорий нашей обширной империи, на которую было обращено особенное внимание как правительства, так и частных лиц. Ни в один год из всех 300 лет своего исторического прошлого существования Сибирь не подвергалась такой массе всестороннего исследования, как именно в этом году. Целый ряд комиссий и отдельных лиц, как по поручению правительства, так и по собственной инициативе, посетили в 1895 году нашу окраину с ясно поставленными целями и строго определенными программами, имея в виду изучение той или другой стороны ее жизни, тех или других ее богатств. О каждой такой комиссии и разных лицах, командированных в Сибирь с каким-либо специальным поручением, мы давали необходимые сведения на страницах нашей газеты. С наступлением нового года считаем все-таки далеко не излишним дать нашим читателям цельный обзор правительственной деятельности по отношению к Сибири.

Ближайшей причиной того внимания, которое оказано Сибири с разных сторон в 1895 году, послужила, главным образом, строящаяся с изумительной быстротой великая Сибирская железная дорога, 2713 верст готового пути между Челябинском и Красноярском и несколько сот верст в Южно-Уссурийском крае дают ясное представление о той заботливости, какую вкладывает правительство в это колоссальное дело. Несмотря, однако же, на всю быстроту сооружения (в 1893 г. 386 верст, в 1894 – 942 версты

и в 1895 г. – 1385 верст только на Средне- и Западно-Сибирских участках), в 1895 году по высочайшему повелению посетила Сибирь особая комиссия под председательством товарища министра путей сообщения генерал-лейтенанта Петрова, сформированная специально для изучения на месте вопросов, касающихся осуществления сибирской железной дороги, а равно для осмотра и успешного направления работы на ней. Далее, для обеспечения строящейся железной дороги минеральным топливом, по распоряжению министерства земледелия и государственных имуществ в районе этой дороги произведены геологические исследования и разведочные работы по изысканию каменного угля, каковые исследования и увенчались полным успехом. Открытые в Акмолинской области залежи каменного угля, поражающие своей грандиозной мощностью, обещают дать такое громадное количество топлива, которого хватит, по крайней мере, на 100 лет для всей Сибирской железной дороги. Не менее богатые залежи угля найдены также в Томской губернии, причем мощные пласты его доходят до самого магистрала. Павлодарский и Каркаралинский уезды Семипалатинской области также поражают богатым содержанием каменного угля, и там уже заявлено некоторыми частными лицами для разработки его более 35 площадей, из которых каждая составляет 4 кв. версты. Но не одна Западная Сибирь богата содержанием каменного угля. Местонахождения его непрерывно обнаруживались и в Восточной Сибири до самого Владивостока, так что в этом отношении сибирскую железную дорогу можно считать вполне и на многие сотни лет обеспеченной.

Из других комиссий, посетивших в минувшем году Сибирь, нельзя не отметить особо комиссии тайн. сов. Тихеева по отводу переселенческих участков в районе строящейся железной дороги. Проходя иногда по пустынным местностям этот путь не может не нуждаться в населении, вследствие чего и приняты меры к тщательному изучению таких местностей на предмет заселения наиболее годных из них для земледельческой культуры частью той массы переселенцев, которая ежегодно притекает в Сибирь из пределов Европейской России. Для этой цели работают в течение круглого года особо сформированные отряды, разбросанные по всей линии железной дороги, и, надо полагать, что дело это ведется с не меньшим успехом, так как результаты этих трудов уже начинают принимать реальную форму, хотя бы в виде ведомости,

составленной в 1895 г. о переселенческих участках Мариинского и Томского округов Томской губернии правительственным агрономом В.Г. Бажаевым. В этой ведомости заключены описания 74-х несполна заселенных или свободных переселенческих участков, образованных Западно-Сибирским переселенческим отрядом и Томской временной партией включительно до 1893 года. Ведомость дает в табличной форме сведения о расстоянии переселенческих участков от сел, окружного города и т.д., о количестве десятин земли, удобной и неудобной, о количестве свободной земли, о ближайшей лесной даче с строевым лесом, о наиболее надежных на данном участке хлебах и, наконец, краткое описание естественных и хозяйственных условий, с заключением о степени пригодности участков для заселения. При наличии подобных сведений о свободных землях и в других местностях Сибири случавшиеся прежде бесцельные скитания переселенцев с одного места на другое едва ли будут повторяться в будущем. Поэтому дальнейшей деятельности переселенческих отрядов в том же направлении нельзя не пожелать возможно полного успеха.

Между прочим, нельзя обойти молчанием и тот факт, что в минувшем году постройка Сибирской железной дороги не ограничилась проведением только магистральной линии, а приступлено было также, согласно высочайшему повелению, к сооружению двух ветвей: от Томска до Поломошной и от Иркутска до Лиственничной станции на Байкале. Цель сооружения обеих ветвей ясна: в первом случае – сохранить за Томском приоритетное значение среди сибирских городов в торгово-промышленном отношении, а во втором – сократить обходной кругобайкальский путь прямым сообщением через озеро Байкал. Впоследствии, конечно, дело дорожного строения в Сибири не ограничится только этими двумя ветвями – будут проведены и другие, для соединения более значительных южных городов Сибири с магистральной линией. Но более или менее отдаленное исполнение таких предположений будет находиться, во всяком случае, в прямой зависимости от развития промышленных сил этих городов и их округов, к чему должно направить все свои усилия население их, вооружившись умственным образованием и солидными знаниями по всем отраслям местной промышленности.

О блудных детях прессы (1896. № 268)

Под таким заголовком один из лучших поволжских органов печати – «Самарская газета» – в № 258 поместила фельетон г. Г-ва, в котором делает должную оценку тем литературным приемам, каких придерживается «Сибирский вестник» в газетной полемике. Ввиду недобросовестности «Сибирского вестника» в полемике по поводу Второвской истории и студенческого вопроса «Томский листок» воздержался от ответа, предоставив сказать свое мнение другим органам печати, стоящим вне местных условий. Надежды нас не обманули, и мы встретили сочувственные отклики нашим тенденциям и безусловно отрицательное отношение к «Сибирскому вестнику» в «Восточном обозрении», «Сибирском листке», «Волгаре», «Нижегородском листке» и др. Не желая обременять читателя выдержками из вышеупомянутых газет, мы приводим ныне отзыв одного из лучших поволжских органов печати – «Самарской газеты», которая в № 258 поместила фельетон г. Г-ва под вышеуказанным заголовком.

В дополнение к сделанной нами недавно выдержке из газеты «Степной край» считаем небезынтересным привести и отзыв «Самарской газеты» о «Сибирском вестнике».

«Один из бытописателей Сибири, – пишет г. Г-в, – выразился так: «в Сибири все проще».

То, что мы находим в «Европейской России» замаскированным, облеченным в стыдливые одежды, – там, в далекой Сибири, выступает обнаженным.

И газеты там «проще», и отношения их к обывателю проще, и полемика их не оставляет сомнения на счет своей примитивности.

Вот, например, в Томске издаются две газеты: «Томский листок» и «Сибирский вестник».

«Томский листок», поскольку можно судить из его скромных номеров, газета приличная, в которой общественная жизнь Сибири часто находит себе верную оценку и будируется.

«Сибирский вестник» – газета обывательская. Она подлаживается под тон того класса, который больше всего дает подписчика. Поэтому торгово-промышленные люди и вообще сытая, обеспеченная часть населения часто находит в «Сибирском вестнике» горячего выразителя своих мнений.

Так, например, когда известный сибирский фабрикант Второв (Г. Г-в, очевидно, не знает мелких подробностей Второвской исто-

рии) без всякого основания ополовинил жалование своим 50 приказчикам и при первом их протесте начал увольнять «недовольных», «Сибирский вестник» лицемерно восклицал: «Что же было делать почтенному Второву? Сегодня он удовлетворяет приказчиков жалованием, завтра они потребуют участия в прибылях» и т.д.

А «почтенные» коммерсанты почитывают и одобряют.

Поднял «Томский листок» вопрос о помощи нуждающимся студентам томского университета, с упреком говорил о неотзывчивости общества, позволяющего чуть ли не умирать с голоду лучшим из своей молодежи, – «Сибирский вестник» разразился по этому поводу целым фельетоном, в котором высказывает, что студенты... не стоят общественного внимания.

И опять выступают на сцену образчики обывательского лицемерия и обывательской казуистики:

«Студенту дают дорогих профессоров, роскошные аудитории, лаборатории, кабинеты и пр., но не дают ему хлеба, не дают платья, и студент – надежда государства, – говорят некоторые... Пусть так. Но позвольте вас спросить: что было бы с тем обществом, государством, в котором люди до 25, даже 27-летнего возраста пребывали бы на общественных хлебах, а средняя продолжительность жизни человека в этом обществе или государстве колебалась бы от 30 до 40 лет?

Я думаю, потребовалось бы очень непродолжительное время, чтобы все это общество или государство целиком очутилось у кого-нибудь на хлебах из милости, раз этот кто-нибудь нашелся бы».

Так и виден в этих милых рассуждениях «почтенный» Кит Китыч. И со статистикой он обращается, как душа пожелает, и государству умаление он видит в малейшем желании помочь голодному, неимущему.

Рассуждения, подобные этим, редко приходится, к счастью, встречать в печати, но они тем характернее.

Из помощи недостаточным студентам он делает такой вывод: что было бы с государством, если бы все молодые люди до 25-летнего возраста «пребывали бы на общественных хлебах», то есть имели бы «дорогих профессоров», «роскошные аудитории, лаборатории, кабинеты и даже пищу и одежду»?

Орган Кит Китычей и не подозревает, что такое государство было бы в этом отношении образцовым. В нем имели бы возможность получать высшее образование все молодые люди – цель, к которой европейская цивилизация стремится!

Сибирские Кит Китычи и их орган этого не подозревают, и в их воображении рисуется умаление государства. Особенно с точки зрения их своеобразной статистики. Откуда они узнали, что средняя продолжительность жизни от 30 до 40 лет?

Томский обыватель обыкновенно очень сердится на «газетчиков», отмечающих недостатки его общественной жизни. Он их ругает, ругает грубо, по-площадному. Он даже не прочь поинсинуировать на них и даже доносит.

И «Сибирский вестник», верный своему девизу, счел своим долгом «полемизировать».

Но что это за полемика!..

Далее, делая выдержку из фельетона Невидимки, полного ругани и инсинуаций, г. Г-в заключает:

«В этой тираде так и чувствуется молодец, вышедший на порог лавки и «честящий» недруга.

Рот его разинут широко, словечки забористые; он и отца, и свекра, и приятеля недруга припутает; он не полезет в карман за бранью.

Есть тут еще одна черточка, до которой обыватель редко доходит. Здесь у г. Невидимки обнаруживается некоторое знакомство с литературой, то есть, вернее, с тем, что называется печатным доносом.

Такова физиономия «Сибирского вестника» – этого «упрощенного» обывательского органа.

В настоящее время, когда провинциальная печать начала развиваться, когда провинция уже начинает привыкать к газете, к чтению, приведенный образчик газеты должен служить грозным *memento mori* для многих провинциальных органов.

Когда два человека, даже две общественные категории приходят в тесное соприкосновение друг с другом, бывает одно из двух: или высший по развитию спускается до низшего, или поднимает его до себя.

«Сибирский вестник» спускается до обывателя.

Результаты этого, как видит читатель, очень плачевны.

Горе провинциальной прессе, если она последует этому примеру!

Она погубит себя, она лишится того руководящего значения, какое может иметь более развитый человек на менее развитого.

А между тем, как видит читатель, есть органы, которые имеют тенденцию быть выразителями «обывательских» взглядов или берут бесшабашный тон столичной бульварной прессы.

Это очень опасный путь, на котором можно потерять и то, что уже добыто провинциальной прессой с большим трудом...

Память Императрицы Екатерины II Великой (1896. № 238)

Сегодня исполнилось ровно 100 лет со дня смерти Императрицы Екатерины II, последовавшей 6 ноября 1796 года. Всесторонняя и изумительно энергичная деятельность этой государыни известна более или менее каждому мало-мальски грамотному человеку. Поэтому мы не будем останавливаться на тех проявлениях этой деятельности, которые касались общегосударственных интересов, а напомним нашим читателям лишь о тех из них, которые касались населения обширной сибирской территории.

Вступив на престол в 1762 году, Екатерина уже в следующем 1763 году издает манифест относительно переписи инородцев в Сибири, причем через весь манифест проходит красной нитью ее горячее желание взять эту часть населения отдаленной страны под свое непосредственное покровительство. Повелевая всем верноподанным «обходиться с ясачными (инородцами) ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но ниже малейших убытков», манифест в то же время грозит строжайшей карой всем тем, кто «дерзнет чинить ясачным народам грабительства и разорения». В этом, разумеется, направлении и были изданы Екатериной все дальнейшие ее законоположения, касающиеся сибирских инородцев. Но, не ограничиваясь заботой об устройстве инородцев в экономическом плане, императрица пыталась в управление Сибири нести и такие идеи, которые бы способствовали и нравственному их возрождению. Так, по исследованию известного знатока Сибири, покойного Н.М. Ядринцева, Екатерина видела в Сибири обширную инородческую колонию и решила дать ей права подчиненного царства. Она принимает меры к улучшению быта инородцев, обещает бухарцам создать из них особую торговую думу для целой Сибири, с делопроизводством на бухарском языке, уничтожает казенные монополии, наконец, наименоывает Сибирь «царством», дает ему особый герб с двумя соболями и чеканит особую сибирскую монету.

В Тобольске символом царской власти, под покровительством которого считается это инородческое царство, поставлен был трон, на котором сибирский наместник принимал свидетельство верноподданства от хана средней киргизской орды и остяцких князей. Конечно, было странно видеть, говорит Ядринцев, что край, все более и более заселяемый русскими, вдруг как бы об-

ратно назван был инородческим царством, с предоставлением особенного покровительства и даже автономии инородцам. Но это объясняется не столько тем, что Екатерина Великая хотела обратить Сибирь в первобытные формы татарского царства, сколько ее реформаторскими планами, которые находились в связи с преобразованиями во всей империи и которые не могли не коснуться и Сибири. Во всяком случае, она скорее пробовала здесь создать нечто в роде отдельного и местного управления, наподобие колониальных европейских правительств. Но план этот не был окончательно приведен в исполнение и не был завершен, а обрывком от него осталась в Сибири обширная наместническая власть, обладая которою уже первый наместник сибирский, вместо того, чтобы стоять на ступенях трона, учрежденного в Тобольске и напоминавшего власть одной монархини, взобрался сам на него, и таким образом возвел себя как бы в царское достоинство, то же произошло и в деле управления» (Ядринцев. Сибирь как колония. С. 339).

Тем не менее, заботы императрицы Екатерины были распространены не на одних инородцев, но и на русское население Сибири. Заботы эти коснулись всех сторон местной общественной жизни и выразились в реформировании управления, в улучшении народного быта, в урегулировании торговли, в улучшении положения ссыльных, в законоположении о народном здравии, в распространении народного образования и т.д. Нам нет надобности входить в разбор законодательной деятельности императрицы в этом направлении – желающие могут ознакомиться подробно с этим предметом, руководствуясь «Хронологическим перечнем важнейших данных из истории Сибири» И.В. Щеглова, из полного собрания узаконений, но мы все-таки не можем не заметить, что весь ряд законодательных работ мудрой царицы, касающихся сибирского населения, был проникнут духом высокой справедливости и гуманности, и не ее вина, если не все ее предначертания были проведены в жизнь так, как она желала. В этом кругом виноваты недобросовестные исполнители ее воли, главной охраной беззаконности которых служили отдаленность края и отсутствие хороших путей сообщения, еще долгое время и после смерти ее тормозившие правильное развитие умственной, нравственной и экономической жизни сибирского населения.

Сибирская жизнь

От редакции (1897. № 235)

За последние 10–15 лет провинциальная печать завоевала себе почетное место в газетном и журнальном мире. Теперь мало найдется голосов, которые отрицательно относились бы к значению и роли провинциальной печати в общественной жизни. Лучшие люди науки и литературы, безупречные общественные деятели всегда смотрели на провинциальную печать не только как на отрадное явление пробуждающегося общественного самосознания известного района, но и как на большую общественную силу, с которой, если она находится в чистых руках, приходится серьезно бороться местным темным дельцам и с которою охотно рука об руку идут все те, кому искренно дороги интересы родного края.

Сибирская печать, в семье провинциальных газет, по чистоте и стойкости своих убеждений, по серьезности и содержательности, занимает одно из первых мест, сколько бы не говорили о некоторых печальных явлениях ее недавнего прошлого. Между тем нельзя не принять во внимание особо неблагоприятных обстоятельств, при которых приходится работать сибирскому газетному миру. Разбросанность населенных административных и промышленных пунктов затрудняет живой обмен мыслей и взглядов интеллигентных работников, недостаточность самой интеллигенции и отсутствие широкой общественной жизни в связи с грубым взглядом местных темных сил на газетного работника не могут невыгодно не отразиться на ведении газеты. Редакции трудно найти истинно мужественных, независимых, надежных и дельных сотрудников и корреспондентов, трудно составить всегда полный жизни, энергии и своевременности помещаемых в нем известий номер газеты.

Но данный момент в жизни Сибири представляется благоприятным для газетной деятельности в том отношении, что в ней в настоящее время совершается большой экономический переворот, резко и быстро изменяются бытовые условия, замечается подъем духа у интеллигенции, и эти новые явления сибирской жизни возбуждают живой интерес не только местного населения, но и Центральной России, и заграницы. Шестнадцать лет назад, Сибирь всюду восторженно праздновала трехсотлетие завоевание страны Ермаком. Но те триста лет были завоеванием территориальным,

административным и отчасти только научным. Все наши «землепроходцы», каковы Ермак, Хабаров, Поярков, Муравьев-Амурский и другие, были лишь герои приобретения новых земель и покорения новых народностей. Что же касается культурного завоевания минувших к этому времени трехсот лет, то мы в этой области не Бог весть как далеко ушли.

Теперь же проведение сибирской железной дороги, открытие университета, основание технологического института и целого рода средних, по большей части специальных учебных заведений, появление нескольких газет с определенным направлением, основание и живая деятельность многочисленных научных, просветительских, благотворительных и иных обществ, открытие новых судебных учреждений, непосредственные сношения с заграничными рынками, образование крупных промышленных предприятий – наложило неизгладимую печать на экономические и бытовые условия страны, дало видный отпечаток на умственной ее физиономии и выдвинуло особенно резко целый ряд чрезвычайно важных вопросов, как, например, вопросы: об учреждении и организации земства в Сибири, вопросы взаимоотношения инородческой и русской культуры и культуры желтой расы на Дальнем Востоке, проблема земельных отношений крестьян и переселенцев, отношений рабочих и вновь зарождающейся крупной промышленности, о более правильной и научно организованной эксплуатации разных богатств страны и так далее.

Многие из этих вопросов существуют давно и давно служат предметом деятельного обсуждения местной печатью. Однако теперь наступило время, когда обсуждение их желательно не только с точки зрения настоятельной необходимости их разрешения для данной местности, но и с точки зрения интересов общего населения жизни Сибири, далеко раскинутые части которой с проведением железной дороги, с развитием пароходных сообщений вступили в более тесную и близкую связь между собой.

Эти условия и заставили нас выйти из узких рамок чисто местных интересов небольшого района, которым ограничивался «Томский листок». Жизнь к газете стала требовательнее, само общество стало с большим интересом наблюдать за течением этой жизни. Где же почерпать те силы и ту энергию, которые нужны, чтобы вести теперь сибирскую газету? Только в нравственной

поддержке общества, в его доверии, в его сочувствии к нам мы ищем эти силы и эту энергию. С этой только надеждой мы и выступаем с «Сибирской жизнью».

Осип Осипович Незеваев (1898. № 44)

I

Представьте себе фельдфебеля николаевских времен, лет 45, роста несколько выше среднего, широкоплечего, с высокой грудью, густыми усами и баками, высоким лбом и редкими всклокоченными волосами. Толстые мясистые губы, широкий нос, глупые и тупые заспанные глаза и ямочка на гладко выбритом подбородке.

Вы, пожалуй, скажете: «Нам совсем не интересен какой-то фельдфебель» и брезгливо отвернетесь. Не торопитесь делать такие заключения; это совсем не фельдфебель, это – почтеннейший надворный советник и кавалер Осип Осипович Незеваев. Фельдфебельского в нем только и есть, что фигура, походка и происхождение.

После этого, надеюсь, у вас явится желание ближе познакомиться с почтенным господином. Хорошо, слушайте.

Начну с одежды. (Ведь читателю необходимо иметь пред собой фигуру героя такую, как она есть, без неточностей. Это именно я и хочу сделать). Одевался Осип Осипович в суконные сюртук и брюки. И тот, и другие были, правда, не первой свежести; борты и воротник сюртука лоснились, как долго не чищенные голенища, рукава потрепались, а локти в недалеком будущем подавали надежду «прорубить окна» на свет Божий.

Уважаемый герой наш совсем не был толст (так себе), а между тем фалды его сюртука сзади расходились. Благодаря этой, довольно неприятной причине, он хотел сшить себе новый сюртук. Но как обладателю недюжинного ума, ему не пришлось привести этот план в исполнение и непроизводительно потратить деньги. Дело было легко исправимо: стоило только фалды пришить одну к другой. К удивлению своему, уже сделавши это, Осип Осипович заметил, что в дело были употреблены суровые нитки.

Да не подумает читатель, что Осип Осипович напрасно потратил и время и материал. Этот умный человек крепко держался мудрой английской пословицы – «время – деньги» – и где только

возможно применял ее. Неудивительно, что и здесь он нашел очень простой исход: суровые нитки, ясно выделявшиеся на черном фоне сюртука, были вымазаны чернилами – и готово. Не правда ли, хитро и умно? Не в обиду будь сказано читателю, не всякий из вас догадался бы это сделать.

Касаться остальных частей туалета Осипа Осиповича я нахожу нескромным. Упомяну только о полукруглых выемках у каблука на панталонах. Какой-то шутник в злобе на Осипа Осиповича за проигрыш ему в эфиопа, сказал, что изъян этот сделали собаки, почуяв какой-то запах. Но ведь мало ли что говорят.

За модой Осип Осипович не гнался и носил сорочку с высоким стоячим воротничком в перемену с такой же с отложным воротничком и черную узкую ленточку, повязанную бантиком. В этом он был либерал!

Какое, однако, слово я позволил себе сказать, господа! Либерал! Да услышь это Осип Осипович, он бы за оскорбление чести меня к суду подтянул! Отозвался так о человеке, никогда не представлявшем собою лица, которое называют этим словом, боявшимся не только говорить, но и думать что-нибудь выходящее из рамок повиновения и благонамеренности. До чего доводит иногда увлечение! Лучше уверить вас, для восстановления истины, что, не говорю в Томске, губернии или даже Сибири, – в целой России едва ли есть и мог быть другой такой же благонадежный человек, как он. Сам редактор «Московских Ведомостей» не может в этом отношении быть ему равным, несмотря на то, что имеет чин действительного статского советника.

В чем же, спросите вы, выразились эти заслуживающие похвалы и награждения достоинства Осипа Осиповича? И почему он всего «надворный»?

А потому, господа... Впрочем, об этом говорить не будем, скажем только, что чувства Осипа Осиповича «бескорыстны и добровольны».

Благодаря тому, что Осип Осипович держался мудрого старинного девиза: «гни других, чтобы себе было легко», ему хорошо жилось при жалованье в 1500 руб. + доходы служебные. Деятельность Осипа Осиповича состояла в проверке счетов и расчетов, в подписке разных отношений и поручений. Я говорю «подписке» потому, что составление лежало на обязанности его помощника и писцов. И тот, и другие слишком наострились сочинять эти поручения и проч.,

чтобы не утруждать Осипа Осиповича черной работой (выражаясь по-канцелярски).

II

Впрочем, я описал еще не все нравственные качества Осипа Осиповича. Это был человек, никогда никого не любивший, всем старавшийся сделать гадость, всегда действовавший из-за спины других, на все смотревший с точки зрения личной пользы, недалеко-видный в умственном отношении. Особенно же он не любил молодежь последнего десятилетия. Эта ненависть в нем таилась из-за того, что все эти «глупые мальчишки», как он мысленно их называл, часто «перечили» ему и позволяли говорить по его адресу колкости и насмешки.

Но зато как блаженно, как приятно чувствовал Осип Осипович себя в среде своих подчиненных, в десятом отделе! Блаженное состояние не покидало его во все время занятий, если, со своими грубостями, не попадался какой-нибудь «мальчишка». Какой почет и уважение к его персоне видел он в подчиненных, торопившихся на разрыв предупредить каждое желание начальника. А главное, никто никогда ни слова, пока он в комнате, как будто в рот воды набрали. На вопросы же Осипа Осиповича, обращаемые к служащим его отдела, те старались отвечать, не считая себя способными и достойными говорить о чем-нибудь со своим начальником, сознавая его превосходство.

Если же хотите наглядно познакомиться с тем, где, как и при каких обстоятельствах стараются выказать – как Осип Осипович свои таланты, так и подчиненные его свою преданность и почтение, перенесемте мыслью в то учреждение, которое своею службою осчастливил господин Незеваев.

Большая, высокая, светлая и чистая комната в каменном казенном доме. Когда мы войдем в нее из коридора, прямо перед нами торчит... цыц, не то сказал... сияет лик Осипа Осиповича, сидящего за столом с зеленым сукном. У стола стоят два мягких стула, на которые... Виноват, господа, может быть, вы устали и хотели бы присесть и отдохнуть? И не думайте об этом: Осип Осипович не приглашит вас, хотя бы вы пришли и по делу. Ему особенное удовольствие доставляет видеть пред собой стоящего человека, имеющего дело – тем более. Впрочем, делается исключение для лиц, «абонировавших» кресло на известное время...

Но оглянитесь по сторонам. По правую руку Осипа Осиповича за столом у окна сидит бледный господин низкого роста, с рыжей бородкой и голубыми глазами и что-то строчит очень усердно, так что на всю комнату слышен скрип пера. Это агент по продаже каких-то книг каким-то лицам, точно не знаю, справиться не успел. По левую руку, бок о бок со столом Осипа Осиповича стоит еще стол, за которым сидят два брюнета: один в пиджаке и фантазии, с масляной физиономией, другой – в форменной тужурке и сорочке. Первый, ближе что, – в учреждении зовется «незеваевскими умами», – это Матвей Матвеевич Гусяткин; обратите на него ваше внимание в то время, когда взгляд его устремлен на Осипа Осиповича! Какое выражение восторга, выражение почтения и сознания собственной мизерности прочтете вы в этой физиономии! А когда Гусяткин говорит с Осипом Осиповичем, посмотрите – слюнки текут по его толстым губам, он захлебывается от счастья, от прилива восторженных чувств! Говорили, будто Матвей Матвеевич до такой степени старался услужить своему начальнику, что в большие праздники, дни, когда у Осипа Осиповича были гости, или в именины, он ходил к нему подавать гостям кушанья, а потом мыл посуду. Впрочем, чего не говорят досужие языки! Изредка вы услышите приятный певучий голос Осипа Осиповича, когда он зовет кого-нибудь из служащих своих. Сознывая их ничтожность перед собой, он всегда звал их по фамилиям, исключая своего помощника и брюнета в тужурке, напр. Гусяткин! Кабелин! Егоров и т.д.

Я вижу по вашему выражению лица, дорогие читатели, как вам неприятно быть здесь. Вы утомлены, несмотря на малое время, проведенное здесь, ошеломлены, хотя ничего особенного не случилось, удивлены не тем, на что хотели подивиться; наконец, вы не удовлетворены, хотя пред вами были такие богатые для наблюдений типы. Я замечаю, что вы расстроены, возмущены, потрясены, – Бог с вами, простите, если не угодил!..

III

Еще необходимо предупредить вас о следующем. Если вам нужно будет к Осипу Осиповичу «по делу», забудьте на время, что в городе много воров и непременно возьмите с собой портмоне с деньгами. Дело ваше не всегда «выгорит», если вы, придя к Осипу Осиповичу, не остановитесь в дверях и после низкого поклона не скажете, не обращаясь ни к кому в особенности: «Можно видеть Осипа Осиповича?».

Если вы сделаете это, – будьте спокойны за ваше дело, не волнуйтесь, Осип Осипович попросит вас в приемную и «дело будет в шляпе». Помните, что если он скажет что-нибудь непотребное, но добавит, что говорит это «из принципа», – не прерывайте его и не давайте понять, что вы ничего не поняли из его слов. Это поведет лишь к ухудшению дела. И если из «принципа» придется вынуть портмоне, то не скупитесь.

Осип Осипович общественный деятель. Я высказал ранее, что он сторонник «Московских Ведомостей» и поэтому враг всякой общест-венности. Теперь я должен оговориться, что бывают исключения в тех случаях, когда участие в каком-нибудь обществе приносит ему поль-зу. Так, напр., в последнее время он был распорядителем «компания по продаже онучек», цель которой состояла в том, чтобы заготавливаемые подлежащими местами по 2 коп. пара онучки продавать по 6 коп., а выручаемые деньги выдавать кому-то (к сожалению, не помню, кому именно) в пособие. Случилось как-то так, что все деньги поступали в «распоряжение» распорядителя. Те лица, в пользу которых деньги взи-мались, о растрате сумм напечатали в газете и наделали немало хлопот и кучу неприятностей бедному надворному советнику.

Он любил иногда поговорить о политике, почерпая заграничные известия из «Нивы» и «Живописного обозрения», которые читал аккуратно, как говорится, ел эти журналы. Выражение «ел» можно до некоторой степени понимать в буквальном смысле, так как унося домой №№ журналов, редко их возвращал. Он весьма точно разби-рался в франко-русском союзе, провидя в нем «надежду славы и до-бра». Глубоко в душе нося эту надежду, он плевать хотел на козни коварной Англии и угрожал Германии в недалеком будущем раз-громом, если она будет продолжать такую политику. Константино-поль, а с ним и Балканский полуостров он давно присоединил к Рос-сии и постоянно ожидал известия, что наконец-то зазнавшуюся Японию хотя бы проучить. По его мнению, из «принципа» следовало бы все это сделать. Далее этого идти, кажется, некуда...

Не преувеличивая, я описал вам душевный склад Осипа Осипо-вича. Конечно, в таком небольшом очерке нельзя сказать всего, что следовало бы сказать. Белинский сказал: для меня человек – ничто, убеждения человека – все. Придерживаясь того же воззрения, я не описывал домашний быт Осипа Осиповича, да и всякому известна домашняя жизнь чиновника. Лучше Гоголя едва ли кто опишет ее.

Задача этого очерка – показать читателю, что до сих пор еще сохранились гоголевские чиновники, вопреки сложившемуся мнению, что все эти Тяпкины-Ляпкины, Сквозники-Дмухановские и пр., и пр. перевелись.

Насколько это удалось мне, – предоставляю судить беспристрастному читателю, но еще раз подтверждаю, что Осип Осипович – лицо не вымышленное, а взято с натуры, и едва ли в таких господах ощущается недостаток.

Яренский К.

Дорожник по Сибири и Азиатской России

От редакции (1899. № 1)

С 1895 года редактор-издатель настоящего издания начал выпускать ежегодно в свет «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России».

В такой книге ощущался давно уже недостаток.

Сибирь с каждым годом все более и более привлекает к себе внимание всего образованного мира. Интерес к ней увеличился особенно с постройкой великого Сибирского железнодорожного пути. Привлекают внимание и вообще все азиатские окраины России.

Поэтому издание «Путеводителя по Сибири и Средне-Азиатским владениям России» явилось необходимым и своевременным, и вышеупомянутый «Путеводитель», представлявший первую попытку в этом роде, заслужил одобрительные отзывы, помещенные в различных периодических изданиях, и ныне уже вступил в четвертый год своего существования.

Но, ввиду обширности Сибири и азиатских владений России, издатель «Путеводителя» не имел возможности помещать в одной книге, не увеличивая тем ее ценности и вследствие этого делая ее менее доступной для большинства, более подробные описания городов, селений и проч., и вынужден был часто ограничиваться при описании той или другой местности только отрывочными, так сказать, календарными сведениями, почему читатель, пользующийся «Путеводителем», иногда не мог ознакомиться вполне с необходимыми для него городом или местностью, что являлось недостатком издания.

Для устранения-то этого недостатка, которым вообще страдают большинство книг справочного характера, независимо от «Путево-

дителя по Сибири» (выход последнего будет продолжаться по-прежнему ежегодно) и предпринято настоящее повременное издание «Дорожника по Сибири и Азиатской России».

Помимо того – условия жизни в Сибири и Азиатской России за последние 4–5 лет подвергаются частым изменениям (ввиду, например, постройки железной дороги; введения судебной реформы; открытия университета в Томске и пр.); почему при ежегодном издании «Путеводителя» многие сведения, уже вскоре по выходе его, делаются запоздалыми. Этой запоздалости, конечно, легче избежать в «Дорожнике», выходящем книжками до 6 раз в год.

В книжках «Дорожника», кроме справочных сведений о железнодорожных, водяных и сухопутных (смотря по времени года) путях сообщения, будут помещаться возможно подробные описания городов, селений и вообще местностей, как Сибири и Азиатских владений России, так и стран, сопредельных с ними, равно лежащих на путях, ведущих в азиатские окраины, минеральных источников и пр., согласно программе, выше сего напечатанной.

Описания эти будут иллюстрироваться видами местностей, изображением замечательных памятников, портретами выдающихся личностей в жизни Сибири и вообще Азиатской России и т.д.

Затем – часть каждой книжки займет французский текст, в котором будут сообщаться различные путеводительские сведения, небезыңтересные для иностранцев в видах ознакомления с Сибирью и Азиатскими владениями России.

Таким образом, по окончании каждого года из 6 книжек «Дорожника» составитя объемистый том, и подписчики будут иметь возможность более подробно ознакомиться с Сибирью и Азиатскими владениями России.

Из числа справочных сведений – в первой книжке мы помещаем сообщения о железнодорожных путях, как ведущих в Сибирь и в Азиатскую Россию, так и существующих в них. В следующих книжках дадим дополнения к ним, в которых встретится надобность, и описания сухопутных и водяных путей.

Просим наших читателей указывать как на все замеченные ими неполноты и ошибки в «Дорожнике», так и на желательные, по их мнению, изменения в нем.

Все указанное мы примем к сведению и будем стараться исправлять недосмотры и ошибки и по возможности пополнять обнаружившиеся пробелы.

Часть 3

ЖУРНАЛИСТИКА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1900-1909 гг.

Томск

Вестник Сибирской железной дороги

Зачем? (1903. № 11)

Под таким заглавием получили мы небольшое письмо с линии, в котором автор задается вопросом: зачем создан наш печатный орган и что он может дать железнодорожной публике?

«Вы обещаете, – говорится в письме, – беспристрастное, правдивое освещение фактов из нашей жизни, обещаете статьи в защиту интересов жизней железнодорожной братии. Просите широко высказываться о наших делах и делишках? Но возможно ли это, исполнимо ли? Ведь, если сказать правду, то нет ни одной станции, ни одного разъезда, словом, нет уголка, где жилось бы хорошо, спокойно и каждый, исполняя свое дело, мог безмятежно ложиться и просыпаться утром, будучи уверен в завтрашнем дне. Разве мало обид, несправедливостей, вопиющей несправедливости, творится на линии, а сказать о ней нельзя. Нельзя, потому что, если я скажу ее – «гусей раздразю», а раздразивши их – хуже будет! «До Бога высоко, до Начальника дороги – далеко, а ближайшее начальство спит, тревожить-то его боязно!».

Так говорит автор письма «Зачем?», мрачно рисуящий себе картину житья-бытья линейных служащих, для которых местное ближайшее начальство кажется теми гусями, которых опасно дразнить.

Ответ на заданный вопрос несложен – затем, скажем мы, чтобы путем печатного органа создать для служащих такую обстановку, при которой спящему «барину» не всегда удобно было бы спать и не видеть того, что делается вокруг.

Создали для того, скажем мы дальше, чтобы сделать того же Начальника дороги, о котором автор говорит, как о чем-то далеком, недостижимом, – поближе; пролить больше света, внести побольше ясности в те запутанные взаимные отношения, которые создаются на

линии. Сделать всеобщим достоянием, подвергнуть суду общества, его контроля такие органы, действия которых теперь известны только очень ограниченному числу лиц. Да, может встретиться и такая правда, о которой, действительно, неудобно будет говорить печатно, делать достоянием массы, но большая часть правды найдет себе место на столбцах нашей газеты, которая, действительно, искренно желает посвятить себя служению и защите нашей железнодорожной братии.

Печатное слово – могучий фактор в руках того, кто, относясь к нему с уважением, умеет им пользоваться, направлять его.

Затем, ответим мы автору письма, мы создали печатный орган, чтобы создать в его лице хорошего, беспристрастного, нелицеприятного помощника для всех лиц, власть имеющих на дороге, которые захотят прислушиваться к голосу общественного мнения, мнения, которое теперь нам совершенно неизвестно, и поделиться им негде.

Затем, скажем мы дальше, чтобы постараться дать служащему такую обстановку, при которой вопрос, что будет завтра, отойдет в вечность.

Мы идем дальше, есть еще одна цель, и цель хорошая. В свободное от занятий время попробуем писать, делиться своими мыслями с другими – это принесет и нам, и читателю существенную пользу и, может быть, несколько скрасит наше серенькую захолустную жизнь, которая разнообразится теперь партиями в винт, веселыми пирушками да попойками. А чтобы практически доказать сомневающемуся автору безусловную полезность печатного органа – мы расскажем сейчас маленький инцидент, может быть, мало заслуживающий общественного внимания по своей мелочности, но ведь вся жизнь наша состоит из мелочей! Если бы участники этого инцидента жаловались начальству, обвиняемому пришлось держать ответ перед одним-двумя лицами, окончилось бы дело каким-нибудь выговором, теперь же ему придется дать объяснение своего поступка обществу, товарищам, а не захочет, значит, он молчаливо признает свою виновность и, вероятно, в будущем будет несколько осторожней.

Вот этот маленький и пустой инцидент: начальник одного разъезда и некоторые служащие на нем, желая выписать газету «Вестник Сибирской дороги», обращаются к начальнику соседней станции с просьбой принять следуемую за газету плату для отсылки по принадлежности, как указано самой редакцией. Посылают служащие деньги и между ними один дорожный мастер, но начальник станции деньги не принял, бросил их назад посланному и притом выразился

весьма оскорбительно и дерзко по адресу дорожного мастера. Об этом свидетельствуют два подписавшиеся лица и спрашивают, как же поступить им, чтобы выписать газету. Ответ на последний вопрос дан уже в ответах редакции, объяснение же поступка господина начальника, который не только не принял деньги, чем нарушил распоряжение Начальника дороги, но еще позволил себе некорректную выходку по адресу дорожного мастера, мы прочтем на столбцах нашей газеты, вероятно, в непродолжительном времени.

В заключении же заметки скажем еще тому же автору, что опасения его за собственное существование как «корреспондента» совершенно неосновательны.

Повторяем, что фамилия авторов статей будет известна только Начальнику дороги и секретарю и ни в каком случае не будет выдана ближайшему начальству.

По-видимому, эти обстоятельства, действительно, заставляют агентов несколько удерживаться от сообщений с линии и тем лишают возможности уделять ей должное место, но мы вполне уверены, что ни на чем не основанное предубеждение это со временем исчезнет, и служащие откликнутся наконец на призыв к совместной работе.

Томск, 10 апреля (1903. № 15)

13 марта исполнился месяц со дня выхода нашего издания, и теперь уже можно кое-что сказать по поводу отношения к органу со стороны агентов дороги, судя по тому материалу, который поступает в редакцию.

Начать с того, что интеллигентный класс нашего железнодорожного мира, очевидно, из осторожности присматривается и прислушивается к газете и не принимает пока почти никакого активного участия в деле издания.

Он как бы находится в выжидательном положении и, крайне скептически относясь к начинаниям небольшой группы, старается выяснить направления и идеалы газеты, испытать устойчивость ее взглядов.

Что будет дальше – сказать трудно, но, констатируя такой факт, редакция относит его к крайне печальным явлениям, так как условия существования и успех развития всякого печатного органа кроются прежде всего в поддержке со стороны интеллигентных и интеллектуальных сил, в особенности на первых шагах его существования.

Некоторая же часть нашей железнодорожной публики совершенно неверно поняла цели и назначение издания.

Прежде всего ее смутило то обстоятельство, что под газетой подписывается в качестве редактора Начальник дороги, почему каждой печатной строке придается значение официального документа – будь то передовая статья, игривый фельетон или же какое-нибудь аллегорическое письмо в редакцию.

Они не могут и не хотят отделить личность редактора от Начальника дороги и, следя с напряженным интересом за всяким выходящим номером, спешат реально осуществить те идеи и положения, которые автор статьи старается развить и разработать для подготовки почвы в будущей деятельности.

Отсюда, естественно, вытекают нежелательные недоразумения и осложнения, заставляющие редакцию быть крайне осторожной и жертвовать таким материалом, который, при других условиях, был бы принят с благодарностью.

Нельзя, конечно, отрицать, что в неблагоприятно сложившихся условиях железнодорожной службы кроется, конечно, причина крайней отзывчивости ко всякому теплому слову, направленному к улучшению быта служащих, тем не менее такая страстность, горячность сильно тормозят правильное развитие только что народившегося органа.

По большей части эта именно группа лиц тоже ничего не вносит и не будет, вероятно, вносить в издание, а останется в ряду добросовестных и аккуратных ее читателей.

Правда, она выделяет из своей среды довольно большой процент авторствующих лиц, но все их писания носят такой субъективный характер, они так размениваются на мелочи, что печатание их произведений не может быть допустимо на столбцах уважающего себя издания.

Кругозор их ограничивается только тем, что они видят вокруг себя, ощущают, чувствуют. Личные повседневные дразги и мелочи они возводят в степень общественных интересов и думают, что каждый с таким же напряженным вниманием будет следить за ходом какой-нибудь маленькой борьбы между двумя отдельными лицами, с каким следят за ней сами участники этой ссоры.

Несмотря на кратковременное существование газеты, редакционная корзина переполнена уже подобными сообщениями лиц.

Есть правда еще один тип сотрудников, появившийся с первых же дней выхода издания.

Собственно говоря, это люди, не имеющие ничего общего с идеями, с живым правдивым словом, с газетой. Это тип своего рода доносчиков, преследующих личные интересы и нашедших довольно остроумную вылазку для доведения до сведения «кому сие ведать надлежит» всяких пошлостей помимо своего непосредственного начальства и часто прямо на это начальство.

Процедура несложная, стоит только написать какой угодно донос, озаглавить его, словом, придать вид статьи и адресовать непосредственно на имя редактора.

Таким образом, министерский приказ, по смыслу которого нельзя подавать жалоб помимо своего непосредственного начальства, обойден, и если донос не будет даже напечатан, то во всяком случае цель достигнута.

Начальник дороги прочтет, и у него, вероятно, останется известное впечатление.

На такой почве может развиваться конечно нежелательное фискальство, грязная клевета и ложь.

Но авторы этих писаний сильно разочаруются, узнав, что Начальник дороги, за недосугом, все адресованные ему как редактору «Вестника Сибирской дороги» письма нераспечатанными отправляет к секретарю, который, конечно, принимает все меры, чтобы избежать издание от таких господ.

«Пасквилянты» не обращают внимания на заявление редакции, что все рукописи должны быть направлены по известному адресу, и шлют свои творения, рассчитывая на известный эффект.

Так же адресуются и всякие жалобы, может быть, и основательные. Причем и тут придуман ловкий обход. Жалоба начинается так: «Милостивый государь, господин редактор», а затем излагается суть дела без видимого даже намека о желательности печатать.

Остановливаясь на этих нежелательных явлениях, можно только сожалеть, что в среде железнодорожников находятся лица, пытающиеся печатное слово сделать орудием мелкой, пошлой мести, клеветы и доноса.

Печально, что публика, по-видимому, сочувственно встретившая выход в свет газеты, так скоро поспешила воспользоваться именно отрицательными сторонами этого симпатичного начинания и так мало внесла пока своей лепты в общую работу издания.

Сибирский вестник

Фельетон «Сибирского вестника».

Быть или не быть сибирскому областничеству?

(1905. № 177, 178)

Я поместил в «Сибирском вестнике» (№ 130) статью «Областничество и «Восточное обозрение». В ответ на нее в «Восточном обозрении» появилось две статьи, одна г. Dieudonne (№ 143), другая под заголовком «Сибирские очерки» (№ 174). Пока постараюсь ответить на последнюю статью.

Она начинается словами: «В 130 № «Сибирского вестника» появилась обширная статья Г.Н. Потанина. С глубоким интересом мы прочитали ее и с полным разочарованием оставили».

Я тоже сделал честь своему противнику, внимательно отнесся к каждой строчке его статьи, и... остался очень доволен! Не потому доволен, чтобы она была красиво или убедительно написана; она построена на нелепом представлении о предмете спора, местами фактически неверна, местами, кажется, неосмотрительна в выборе фактов для доказательств¹. И не потому я доволен, что дефекты, о которых я говорю, обеспечивали мне легкое одоление противника. Не потому, а сейчас я объясню почему.

Сыр-бор разгорелся из-за того, что в «Сибирском вестнике» сказано было об иркутской газете, что она служит благородной защитницей сибирских интересов, хотя и не может быть такой же выразительницей дум и желаний Сибири, какую она была под редакцией Ядринцева. Что тут обидного для газеты? Естественно, что новый редактор, не уроженец Сибири, не мог заменить для нее Ядринцева, не мог брать тех нот, которые давались Ядринцеву без фальши. Конечно, и пришлый человек может полюбить страну такою сильною любовью, какую ее не любил иной настоящий сын Сибири, но для того, чтобы иметь право на уважение страны, это не есть неременное условие; для этого достаточно, не имея этого чувства в самом себе, уважать его, в ком оно есть. «Сибирский вестник» не имел на-

¹ В такой неосмотрительности, может быть, следует упрекнуть «Восточное обозрение» за ссылки на купцов, которые на хабаровском съезде высказались против порто-франко во Владивостоке. Газета имела право сослаться на этот факт только в том случае, если эти купцы были сибирские патриоты и защищали свое мнение, опираясь на интересы Сибири, а если это делали они из-за своих личных интересов, то какой смысл имеет этот факт в споре об областничестве.

мерения своим замечанием об иркутской газете уязвить ее; в этом замечании выразилась только тоска по той ноте, которая звучала в газете при Ядринцеве и теперь не звучит; хотелось об этом заявить перед сибирским обществом, сознавая, что много есть читателей, которые думают, что иного тона, кроме того, каким говорит «Восточное обозрение» о сибирских делах, и не может быть. Дело кончилось бы благополучно, если бы «Восточное обозрение» ответило: «Да, мы знаем, что мы не можем вполне заменить Ядринцева, но думаем, что с достоинством занимали пост, на который нас поставила судьба, и сибирское общество ответит нам благодарностью и не скажет, что мы осквернили место, которое нам уступил Ядринцев». Но «Восточное обозрение» приняло наше замечание за укор и осердилось.

Перелистывая «Восточное обозрение» за последние 10–15 лет, вы не найдете места, из которого было бы видно, что редакция сочувствует идее местного патриотизма, апостолом которого был Ядринцев, и сочувствуют той группе людей, которая объединена этим чувством, то есть сибирскому областничеству.

Но не найдете и такого места, где бы «Восточное обозрение» ясно выразило свое отрицательное отношение к этому направлению. Можно было думать, что оно относится благосклонно, можно было и сомневаться в этом. Но после собственных признаний «Восточного обозрения», сделанных в последней статье, теперь для сибирских читателей ясно, как на это дело смотрит иркутская газета. У ее редактора всегда была «определенная физиономия, ничего общего с областничеством не имеющая». Областничество, по мнению газеты, праздная мысль, и сибирское общество может прекрасно обойтись без этого «гарнира», как образно выразилась газета. Это теория без корней в стране, «беспочвенная» теория, хотя и невинная, но все-таки вредная, потому что мешает единению соотечественников, которое теперь так нужно. Словом, то, чем Ядринцев хотел оживотворить сибирское общество, на что он смотрел, как на общественный цемент, «Восточное обозрение» в припадке своей откровенности вышвырнуло в окно. Читатель, пятнадцать лет читавший газету, изумлен и говорит: так вот оно что! «Восточное обозрение» развернуло свой флаг; прежде мы видели только его цвет, теперь прочитали, что на нем написано.

Но все это было раньше неизвестно. Для нас был совершенной неожиданностью этот форменный разрыв дипломатических сноше-

ний «Восточного обозрения» с сибирским областничеством. Поэтому понятно, что нас тревожило опасение, как бы начатая нами полемика с «Восточным обозрением» не была объявлена желанием набросить тень на иркутскую газету, подорвать уверенность читателя в преданности газеты или, по крайней мере, в доброжелательном отношении к областничеству.

Что если бы «Восточное обозрение», вместо того чтобы уничтожать областничество, заявило, что оно всегда было другом областничества и наш поход против него не может ничем объяснить, кроме коварства? Как было бы трудно нам тогда защищаться! Вот почему я был доволен этими признаниями иркутской газеты. Я избавлен от необходимости защищаться от обвинения в излишней подозрительности. Но в глубине души, конечно, я огорчен таким поворотом газеты, которая за всем тем все-таки оказала большие услуги правосознанию сибирского населения.

Так как я не считаю себя убежденным новой статьей иркутской газеты и продолжаю думать, что сибирское областничество не пустой звук, а направление серьезное, имеющее будущее, то я пересмотрю все положения, вновь выставленные моим противником.

«Восточное обозрение» находит мои мысли об областничестве туманными. Я готов признать, что я не сумел ясно изложить свои мысли, но «Восточное обозрение» обвиняет в туманности не меня одного, а, по-видимому, и других моих единомышленников. Автор начинает свою статью словами: «Маленькая группа сибиряков постоянно туманно указывала нам на отступление от традиций Ядринцева». Туманным кажется «Восточному обозрению» вообще областничество. Иркутская газета не раз просила сибирских областников изложить ясно свои взгляды, но так ничего от них и не добились.

Я не понимаю, почему «Восточное обозрение» пристаёт ко мне с этим требованием. Областническая тенденция давно проводилась в русской литературе Костомаровым, Драгомановым и Щаповым; сочувствие к ней нередко высказывал Пыпин; еще ранее федерализм разрабатывался и в западноевропейской литературе. Пусть изложение в устах сибирских областников туманно, могло бы «Восточное обозрение» обратиться к корифеям доктрины и найти у них, чего оно от меня требует, потому что сибирское областничество ведет свое начало от упомянутых историков и от их тенденции не отклонилось. Но «Восточное обозрение» непременно хочет послушать меня, как будто я что-нибудь могу сказать новое, другое.

Можно подумать, что тут или просто тактический прием: назвать противника туманным – несколько очков выигрыша вперед; читатель скажет: «Туманны? Значит, сам не знает, чего хочет». Или действительно «Восточное обозрение» в затруднении понять меня. Я более склонен думать последнее. Оно в затруднении, но не потому, что мое изложение туманно, а потому, что оно само не проницательно.

Постараюсь еще раз пуститься в разъяснения; может быть, на этот раз моя попытка увенчается лучшим успехом.

«Восточное обозрение» потому не понимает своих противников, что не сумело составить себе верного представления о сибирском областничестве. Его представления о предмете ошибочно, что я сейчас и покажу.

«Восточное обозрение» убеждено, что областничество обуславливается единственно этнографическими особенностями населения; где их нет, «Восточное обозрение» не допускает областничества. В последней своей статье, направленной против «Сибирского вестника», «Восточное обозрение» говорит: «Малороссия имеет свою историю, свои традиции, свой эпос, свою поэзию, свой язык. Вот почему, несмотря на тесное сближение с Великороссией в политическом и гражданском отношении, она не могла утратить своей особенности и работа областного самосознания в ней никогда не прекращалась. Вот почему, несмотря на то что украинофильство не имело своего органа в Киеве, мы все же знаем основные черты этого течения. А вот с сибирского областничества чуть не насильно приходится срывать закутывающую его чадру и все-таки отходить с неудовлетворенным любопытством. И это понятно. Вся история Сибири и ее культура была задворками общерусской истории и культуры; ее язык, ее песни и поэзия, ее, наконец, русское население – это слегка видоизмененные продукты чисто русского происхождения. Вот почему такой областник, как Ядринцев, формулируя областные потребности и нужды, писал: «Они состоят в распространении на Сибирь гражданских прав, которыми пользуются уже подданные Европейской России».

«Восточное обозрение» хочет сказать, что Малороссия имеет право проводить областническую тенденцию, а Сибирь нет; она и впредь должна остаться на задворках общерусской жизни. Даже когда сибирский областник упоминает о малорусском областничестве, «Восточное обозрение» восклицает: «Те! Очень смелое сравнение!» («Восточное обозрение». № 174. С. 2). Как бы Малороссия не обиделась!

Не останавливаясь пока на этом месте, приведу еще другое из этой же статьи:

«Едва ли кто станет отрицать, что культурный рост европейских народов сказался яркой склонностью к выработке одного, *в основных чертах* (курсив «Восточного обозрения») типа. Между современным складом типа промышленной жизни, права, искусства, между современными фигурами предпринимателя и рабочего – в России, Германии или Англии гораздо меньше различий, чем это было даже сто лет тому назад. И пределов этого сближения при все возрастающем общении предуказать нельзя. Тем более это вероятно для Сибири, русское население которой находится в непрерывной и глубоко проникающей связи с коренной Россией. Дух же областничества – в особенности, в разъединении. Но по мере развития совершается и другой процесс – разъединение частей той же области на основе разработки их частных особенностей. Якутская область, забайкальские буряты, степные киргизы не могут вылить свой быт в одну форму. Мы не берем на себя смелости предрешать картину того отдаленного будущего, когда приобщенный культуре инородец примет активное участие в жизни Сибири, но не можем не допустить, что этот выход на сцену будет сопровождаться расчленением теоретического сибирского областничества на целую группу племенных индивидуальностей, тем более жизненных, что в основе их заложен тот духовный (особые культура, религия, быт) фактор, которого абсолютно лишено теоретическое областничество».

Из этих выдержек для читателя ясно, как «Восточное обозрение» смотрит на условия возникновения областничества. Где есть этнографические особенности, там и место областничеству; где их нет, там и места нет. У малороссов свой язык, и они могут иметь удовольствие увлекаться областничеством; могут и якуты, киргизы и буряты, потому что и они имеют свой язык, а русское население своего языка не имеет, – какое же тут областничество? В редакционной заметке, помещенной в № 168 «Сибирского вестника», было уже указано, что этот взгляд слишком узок; я разделяю это мнение редакции, да и прежде всегда его держался; разделяли его и сибирские областники с самого зарождения сибирского областничества. Сибирские областники никогда не считали себя обязанными принимать в расчет отсутствие этнографических особенностей; кроме них, есть другие особенности, экономические и правовые, которые могут обусловить появление областнических течений; наконец, их могла бы

вызвать даже простая территориальность, при отсутствии каких бы то ни было особенностей. «Восточное обозрение», конечно, знает, что социологии известен вопрос о территориальных границах для социальных групп помимо всяких традиций.

Сибирские областники, или, как они себя прежде называли, – сибирефилы, особенную важность даже придавали этому различию сибирского областничества от малорусского («Восточное обозрение» строго нам запрещает сопоставлять Сибирь с Малороссией, но мы просим его позволить нам делать это, потому что не находим другого более удобного средства, чтобы наилучшим образом ознакомить наших читателей с нашим воззрением на предмет). Ядринцев иногда в шутку говорил, что он завидует малороссам: у них есть свой язык. Но это обстоятельство нисколько его не обескураживало, и если он говорил это, то хотел этим сказать одно, что будь у Сибири это условие, легче было бы ему убеждать людей с шаблонным воззрением на вопрос в роде, например, воззрения «Восточного обозрения», для которого язык – условие, *sine qua non*. Отсутствие этнографических особенностей, которые «Восточным обозрением» считаются столь необходимыми, то обстоятельство, что у Сибири нет традиций в религии и ее историческая жизнь коротенькая, не только не удручало сибирских областников, а, напротив, ободряло; оно подогревало их надежды на лучшее будущее их родины. Они думали, что в молодом обществе, в обществе без традиций легче будет водворить новые формы жизни. Как Герцен отмечал в отличие от Западной Европы, что в России нет замков, так сибирефилы, с таким же чувством удовлетворения, любили говорить, что в Сибири нет «дворянских гнезд», нет традиционных для помещичьих семейств «липовых аллей».

Передовая русская печать того времени, когда зарождалось сибирское областничество, вела яркую войну против национализма; отчасти это было вызвано тем, что лозунг национализма был провозглашен в Европе ненавистным Луи-Наполеоном, чтобы оправдать свои кровопролитные военные авантюры; отчасти это было нужно для отпора славянофильству; аргументировался этот поход против национализма тем, что национальные распри влекут за собой кровопролития в угоду политическим мечтателям, во имя принципов, бесплодных для общечеловеческого прогресса. Уважая это направление русской журналистики, сибирские областники с удовольствием усматривали, что самую природоу вещей национализм вычеркнул из

их программы. Они видели в этом желанное преимущество перед другими областничествами, в том числе и перед малорусским, и радовались, что они если не совсем застрахованы от излишеств увлечения внешними признаками особности от остального человечества, от так называемого квасного патриотизма, то, по крайней мере, более освобождены от этих увлечений сравнительно с другими обществами. Малорусское областничество, собственно, есть национальное движение; чтобы не давать повод смешивать сибирское течение с национальным движением, сибирские публицисты стали употреблять термин «областничество», который потом прижился и в общей русской литературе. Необходимо различать эти два слова; «Восточное обозрение» до сих пор не научилось различать их.

Если мы пересмотрим статьи Ядринцева и других сибирских областников, то мы убедимся, что умы их были заняты исключительно обсуждением самых насущных потребностей страны; они проводили в литературе отмену ссылки, меры против абсентеизма, меры к промышленному развитию края, протестовали против насаждения помещичьего хозяйства в Сибири, против создания в Сибири дворянского сословия; они настаивали на сохранении демократического строя сибирского общества. Все это цели серьезные, вызывающие уважение и не подлежащие легкомысленному глумлению. Зачем же «Восточное обозрение» отнимает у сибирского областничества право на бытие, зачем глумится над ним, когда это областничество в лице своего основателя, главным образом, уже оказало стране некоторые важные услуги? Оно поставило вопросы, которые если не вполне, то отчасти разрешены верховной властью: отмена ссылки, открытие университета, введение главного суда; поставило и провело путем печати в областное сознание.

Ядринцев оставался всегда выдержанным в пределах того русского направления, к которому одной стороной примыкал, которому отдавал свободную, не пожертвованную Сибири, часть своего сердца. Нельзя указать ни одного места в его произведениях, где бы заметно было высокомерное, преувеличенное мнение о духовных задатках Сибири; он смотрел трезво на факты сибирской жизни. К нему сочувственно относился Пыпин, немало поработавший над разрушением вздорных политических стремлений. Немало сочувствия к нему высказывал и Н.К. Михайловский; и это последнее особенно замечательно. Ядринцев не был централист и последнему противопоставлял свое областничество, но глава русского центра-

лизма не находил сибирского областника излишним членом в боевых рядах русской публицистики. В этом можно убедиться, развернув страницы Михайловского, посвященные памяти Ядринцева в сборнике «На сибирские темы».

Статьи «Восточного обозрения» против «Сибирского вестника» хромают именно потому, что приписывают сибирскому областничеству то, что ему не свойственно. «Восточное обозрение» воображает, что сибирское областничество построено на тех же началах, что и малорусское, и волнуется. Где же у нас для этого язык, где исторические традиции, где этнография? В первой статье против «Сибирского вестника» («Восточное обозрение». № 102) «Восточное обозрение» говорит, что Ядринцев наполнял свою газету этнографией и другим научным материалом. Не смею настаивать, но мне сдаётся, что «Восточное обозрение» думает, что и Ядринцев, и я придавали этому занятию областническое значение; Ядринцев загружал газету этим материалом, а я недоволен, что нынешняя редакция пренебрегает этим материалом. По крайней мере, мое впечатление от статьи было такое, будто мне дают понять, что я, упрекая «Восточное обозрение» в том, что оно уклонилось от ядринцевского направления, это уклонение вижу в том, что газета не дает места статьям об этнографии. Иначе зачем такое горечью проникнутое заключение статьи: «Сам Ядринцев не стал был заполнять газеты этнографией в такое время, как наше. Это значило бы просто убить газету. К самоубийству мы склонности не чувствуем». Редакция может успокоиться. И не думал жалеть о том, что в газете нет этнографии! И в уме что есть не было! Конечно, Ядринцев, если отдавался занятиям этнографией и археологией, то это было такое же его личное пристрастие, как его страстишка к галстукам с большим бантом, и ничего руководящего для сибирской программы он в этих занятиях не искал.

Незнакомство с подлинной историей сибирского областничества, ложное представление о его природе, небрежное отношение к хронологии делают статьи «Восточного обозрения», направленные против «Сибирского вестника», наполненными ошибками.

Желая убедить читателя, что сибирское областничество было естественно тридцать лет назад, а теперь его пора прошла, «Восточное обозрение» передает свидетельство Шелгунова о своего рода моде на сепаратизм, которую увлекалась в 60-х годах молодежь; были сепаратизмы волжский, новгородский, архангельский. «Восточное обозрение» поясняет: «В эти странные формы выливалась потреб-

ность местного самоуправления; земства тогда не было». Все это неверно. О новгородском и архангельском сепаратизме не слышал, а о волжском я знаю немного. Прежде всего, это вовсе не сепаратизм, если под этим словом разуместь политическое отделение края от империи. Дело шло не более как о пробуждении в местном населении интереса к материальным и духовным нуждам края не только низшего, но и высшего порядка, словом – волжское областничество, и сепаратизмом такие течения называла реакционная печать. Проводилось это областничество в «Камско-Волжской газете» – и только со второго года издания, а уж в первый год издания земские учреждения существовали, и в газете принимал участие секретарь вятского земства. Следовательно, назревшая потребность самоуправления была уже удовлетворена, когда началось издание органа волжского «сепаратизма», и если в этом явлении что сказалось, то не «назревшая потребность» в земстве, а неудовлетворенность земской реформой, ограничившей компетенцию учреждения только областью хозяйства и не охватившей высшие духовные интересы. «Восточное обозрение» думает, что сибирское областничество вызвано к жизни подражанием этим шелгуновским сепаратизмам, но оно ошибается; сибирское областничество старше шелгуновских, и последние появились, когда сибирские сепаратисты уже отсидели свои сроки тюремного заключения за свой сепаратизм.

Если бы «Восточное обозрение» прежде всего установило различие между национальным движением и областничеством, то оно не нагородило бы такой пуганицы, которая бросается в глаза в статье. В Малороссии, вследствие сохранившейся особенности, работа областного самосознания никогда не прекращалась, и поэтому мы знаем основные черты этого течения, говорит «Восточное обозрение», но в чем заключаются эти основные черты, своим читателям не выдает, тоже оставляет под «чадрой». А вот в Сибири этнографической особенности нет, и все дело пошло иначе; здесь областное самосознание преобразилось в распространение гражданских прав; такой областник, как Ядринцев, и тот сказал: иначе нельзя, ничего не поделаешь!

Читатель в недоумении. «Восточное обозрение» что-то, видимо, противопоставляет, но действительно ли эти вещи противоположные – для него вопрос. Он видит, что на одной стороне пропасти какие-то «особые черты»; что это за черты, пока знает только «Восточное обозрение», а читатель не знает; на другой стороне пропасти гражданские права. Поверим на слово «Восточному обозрению», что

эти черты и гражданские права вещи противоположные, но разве по ту сторону пропасти, на которой «Восточное обозрение» гражданских прав не указывает, нет тенденций приобретать гражданские права?

Не исчезла ли пропасть, отделившая Сибирь от Малороссии? Правда, хотя гражданские права оказались и тут и там, все-таки «особые черты» только на одной стороне, но ведь, что они такое – Аллах веда-ет, а может быть, они выеденного яйца не стоят, а гражданские права – вещь важная; на самом-то важном, значит, две страны сошлись.

Нам хотелось бы узнать, на каком основании «Восточное обозрение», не признающее за сибирским областничеством права на бытие, не отказывается употреблять однако выражение «областное самосознание» применительно к Сибири? Областное самосознание предполагает область; в области есть население; оно пробудилось и начинает сознавать свои интересы, общие в пределах области; это самосознание распространяется только до пределов области и за пределы не переходит; иначе оно не было бы областным – за пределами действует самосознание другой области. Лица, в которых пробудилось это самосознание, и есть областники; а если они самоорганизуются с целью разрабатывать это самосознание, это и будет областничество. «Восточное обозрение», отрицающее областничество, не последовательно, если употребляет это выражение. Оно впадает в эту непоследовательность потому, что отрицает то, что все-таки существует; оно отрицает организм, но то и дело запинаясь о его члены.

Неверно «Восточное обозрение» излагает судьбу сибирского областничества и тогда, когда говорит о старом и новом областничестве. Никакого деления на старое и новое в действительности нет. Под старым «Восточное обозрение» понимает областничество Ядринцева; по мнению иркутской газеты, оно еще ничего себе; одна только мутная струя была в нем – этнография, а в остальном оно имело смысл для своего времени; нужно было завоевать отмену ссылки, университет; но теперь все это даровано, и сибирское областничество должно прекратиться, как будто все, чего желал Ядринцев, осуществилось, и как будто новые поколения сибирской интеллигенции не имеют права заявить новые требования. Новое областничество, по-видимому, мое. Оно отличается от старого тем, что основывает право на свое существование исключительно на экономических и правовых особенностях, тогда как старое опиралось и на этнографические. «Восточное обозрение» хорошо знает, что я всегда шел рука об руку с Ядринцевым, и потому надо понимать слова «Восточного

обозрения» так, будто я был старым областником, но одно в старом областничестве отбросил, другое прибавил – и вот таким путем образовалось новое областничество. Но я настаиваю, что никакого нового областничества нет; мое областничество то же старое, ядринцевское. И напрасно «Восточное обозрение» упрекает меня, будто я не разобрал и смешал старое с новым; и смешивать было нечего. Никакой разницы между ним нет; и Ядринцев также основывал свое областничество исключительно на одних экономических и правовых особенностях. Если после Ядринцева произошли некоторые перемены в сибирской программе, то не в основах, на которых и покоится областничество. Жизнью сняты с очереди вопросы об отмене ссылки и открытии университета; допущенные прежним режимом несправедливости устранены, но разве это освобождает сибирское общество от обязанности бдительно следить, чтоб на месте старых не возникли новые несправедливости. Устранены внешние покровы областного вопроса, под которыми он скрывался, ядро вопроса осталось. Ссылка отменена, но разве колониальная политика, неравенство областей устранены из русской жизни вполне? Университет открыт, но разве не возникает теперь вопрос более важный для области – как превратить эту школу в областное учреждение, то есть в такое, которое не было бы бюрократическим придатком сибирской жизни, получающим импульс вне области, а было бы соединено с местным населением живыми связями, питалось бы нервным соком этого населения?..

Желая убедить своего противника, что в будущем областные особенности увеличатся, я изложил свой взгляд на будущее развитие культурной жизни. «Восточное обозрение» по этому поводу говорит, что общий ход развития несколько сложнее, чем представляет его г. Потанин, и вместо той картины, которую дал, предлагает свою. Нельзя сказать, чтобы его работа вышла менее топорна, чем моя. Я говорю, что жизнь стремится к разнообразию. «Восточное обозрение», наоборот, в ходе развития видит яркую наклонность к выработке единого в основных чертах типа. Хотя ниже оно и говорит, что рядом с этим процессом идет другой – разъединение, но это разъединение оно видит между русскими и инородцами, а не в русской среде, то есть не в той же среде, где происходит и объединение; поэтому я могу выразиться, что «Восточное обозрение» видит в ходе развития одной данной народности только *одну* наклонность – к объединению. Не понимаю, почему ход развития в представлении

«Восточного обозрения» сложнее, чем в моем, настаивающем на одновременном стремлении культуры и к объединению, и к разнообразию в среде одной и той же народности, как это читатель увидит ниже. Подробнее свой взгляд «Восточное обозрение» высказывает следующим образом:

«Между современным складом типа промышленной жизни, права, искусства, между современными фигурами предпринимателя и рабочего – в России, Германии или Англии гораздо меньше различий, чем это было даже сто лет тому назад». Далее говорится, что тем более вероятно это для русского населения Сибири. А еще далее: «но рядом с объединением происходит и разъединение. В будущей сибирской жизни это выразится обособлением бурят, якутов и киргиз».

Трудно уловить и усвоить мысль противника, а выражение «склад типа промышленности» или «склад типа искусства» и совсем не переваривается. Относительно «склада типа искусства» мне бы хотелось сказать, что искусство стремится не к объединению, а к разнообразию.

Прежде была одна немецкая школа живописи, а теперь Германия знает школы дюссельдорфскую, мюнхенскую, берлинскую; прежде мы знали только русскую школу, теперь намечается различие между петербургской и малорусской. Но это мое указание было бы возражением тому, кто утверждал бы, что живопись стремится к выработке единого типа, и я не знаю, годится ли оно, как возражение против выражения: «склад типа искусства», потому что – что под этим выражением «Восточного обозрения» скрывается, я не понимаю.

Я тоже разделяю мнение, что эволюция цивилизации сопровождается двумя процессами одновременно – стремлением к единообразию и стремлением к обособлению. Но что становится однообразным, что стремится к разнообразию, где воцаряется единство, где растет несходство? Бесспорно научные истины становятся общими для всех, но искусство дробится по областям; умы объединяются, а темпераменты расходятся. Всякий темперамент, всякий представитель расы путем полового союза вводит свои наследственные черты в общение с чуждыми элементами и иногда не восстанавливается в потомстве в своем чистом виде, а усложняется новыми привошедшими элементами. Потомки представляются более сложными комбинациями, чем предки. У каждого представителя человечества в одной области духовной деятельности окажется стремление

к единству, в другой – к несходству. Поэтому о русском населении Сибири можно сказать, что в известной области духовной деятельности оно проявит обособление, а не стремление к единству, а о киргизах и пр. можно сказать, что у них найдется область, в которой они явятся на пути к объединению.

С той позиции, на которой я стою, областничество представляется силой обособляющей только для некоторых сторон быта, особенно в сфере чувства, но оно не мешает объединению в сфере науки; поэтому напрасно «Восточное обозрение» выразилось о нем так: «Дух областничества – в особности, в разъединении». Это клевета на св. Духа.

По-видимому, обособление русского населения, о котором говорят областники, «Восточным обозрением» понимается в преувеличенном виде. Областничеству, кажется, приписывается надежда на образование из русского населения особой народности. Никогда такой мысли не было.

Сибирские областники довольно безучастно относились к указаниям Пыпина, что в русском населении Сибири замечается образование нового типа, признавая за этим указанием только академический интерес, не более. Они всегда желали, чтобы сибирские крестьяне в будущем начали говорить русским литературным языком, чтобы они знали Пушкина и Толстого, Белинского и Михайловского. Особенности, о которых они говорят, должны проявиться только в творчестве. Так как они не мечтали никогда затмить другие области успехом своего творчества, то их надежды и желания нельзя назвать заносчивыми и преувеличенно фантастическими. Не отрицаем, что областничество может принять уродливые, смешные формы, но нельзя же из-за этих ненормальных отклонений упразднить все областничество.

Указание «Восточного обозрения» на непрерывные и глубоко проникающие (русское население Сибири) связи, которым противопоставляется дух областничества – дух особности, разъединения, и фраза, что областники, выдвигая свой вопрос в такое время, как наше, вносят разъединение в интеллигенцию, раскрывают симпатии иркутской газеты, которые ей хотелось бы усвоить и нам. Ей не нравится наше зрение, ограниченное сибирскими горизонтами. И когда зашла речь о будущем на сибирской почве разграничения симпатий, то наш противник потерял прежний тон снисходительной насмешки и начал делать строгий выговор. Из этого я заключаю, что хотя он

и говорит, что областничество – вещь туманная, но столкновение с туманной теорией, очевидно, вызвало ощущение прикосновения к чему-то совершенно реальному.

Воззрение «Восточного обозрения» на сибирское областничество выяснилось: старое областничество отжило; сам Ядринцев, передавая газету, от него отказался и ограничил свою программу только распространением в Сибири гражданских прав. Новое областничество в своей программе тоже ясно выставляет только одни гражданские права; это делает и само «Восточное обозрение», но областники недовольны и требуют какой-то непонятной присяги областничеству. «Защита интересов Сибири, говорит «Восточное обозрение», возможно без ненужной гарнировки их смутным и поныне беспочвенным областничеством». Вот до какой степени «Восточное обозрение» обесценивает сибирское областничество. Это что-то совершенно не нужное для области, какая-то праздная забава каких-то чудаков.

Мы на разных языках говорим с «Восточным обозрением». До какой степени эта газета меня не понимает, показывает то место, где приведено письмо Ядринцева к редактору газеты. Это место – главный *garpus* статьи. Вот что тут написано:

«Насколько мало придавал значение ему (областничеству) сам Ядринцев, свидетельствует письмо его к И.И. Попову, в руки которого переходила газета: «Я верю, что патриотизм – великая сила. Она дает пищу сердцу, она дает веру. Сохраните же эту реликвию, эту святыню газеты (то есть той газеты, которую издавал сам Ядринцев). Вы должны были полюбить Сибирь, пожалеть ее и отнестись к ней сердечно. Хорошо обличать, но не нужно негодовать на всю страну, на весь народ. Вот об этой любви и мягкости к народу я прошу вас. В остальном споемся». Г.М. Лемке резонно называет это «завещанием девиза газеты». В этом девизе нет ни слова об областничестве в потанинской концепции, хотя будущий редактор имел уже тогда совершенно определенную физиономию, с областничеством ничего не имеющую общего». Это для нашего спора с «Восточным обозрением» очень важное письмо. Любопытны комментарии к нему. Это место лучше всего показывает, как «Восточное обозрение» мало понимает, чего мы от него добиваемся. Вдумаемся в это письмо! Чего хотел Ядринцев от будущего редактора газеты?

Письмо кончается словами: «В остальном мы споемся». Ядринцев хотел сказать, что та часть программы, которая касается распространения гражданских прав в Сибири, будет выполнена будущим

редактором прекрасно. Но в программе Ядринцева был еще один пункт, особенно дорогой для него. Он называет его «святыней газеты». Ясно как день, что это за святыня: это любовь к Сибири. «Вы должны полюбить Сибирь», наставляет своего преемника основатель сибирского областничества. «Я верю, что патриотизм – великая сила!». Нет ни малейшего сомнения, что речь идет ни о каком другом, как о сибирском местном патриотизме, другими словами, о сибирском областничестве! «Вот об этой любви и мягкости к народу я прошу вас!». И опять несомненно, что Ядринцев говорит единственно о сибирском крестьянстве. И «Восточное обозрение» имеет смелость утверждать, что в этом отрывке из письма и тени нет областничества. А что же этот местный патриотизм, как не областничество? Ведь в нем, в этой любви к Сибири, которую Ядринцев старался насаждать, правильно выразиться – облегчать ее выражение, давать ей правильное направление, вкладывать в нее серьезное, гуманное содержание – и заключается вся суть сибирского областничества.

С трогательной робостью сибирский патриот вверил свое дорогое дело новому редактору. Если человек патриот, то его не просят и не умоляют, а Ядринцев умолял. Не сомневаясь относительно гражданских прав, он колебался относительно местного патриотизма. Он знал определенную физиономию редактора, может быть, знал, что она ничего общего не имела с областничеством, но это не аргумент для «Восточного обозрения», чтобы утверждать, что Ядринцев знал, кому передает газету, и должен был заранее знать, что с нового редактора нечего ожидать областнической окраски. В письме звучит робкая надежда, что новый редактор, если и был до сих пор равнодушен к областничеству, то, получив в свои руки издание, служившее органом страны, втянется в новую роль, «полюбит Сибирь», пожалеет ее и отнесется к ней сердечно, всецело отдаст ей свое сердце, как отдавал сам Ядринцев.

Как понятна тревога Ядринцева в этих словах: «Хорошо обличать, но не нужно негодовать на весь народ». Ведь в этих словах опять та же мольба о мягком, любовном, прощающем отношении к сибирскому населению. Хорошо обличать, хорошо воспитывать в читателе ненависть к злу и другие отрицательные чувства, когда они ведут к всеобщему благу, но не надо забывать и положительного чувства. А то все ненавидеть да ненавидеть, наконец и устанешь ненавидеть, а ведь «тому уж сердцу не любить, которое устало ненавидеть».

Неужели «Восточное обозрение» отрицает категорию людей, которые любят свою страну, неужели это чувство кажется ему смутным? «Восточное обозрение» хочет кастрировать Сибирь в такое время, когда наступает свобода для проявления не одного официального чувства, когда наступает свобода для демонстрации всех вариаций чувства, таящихся до сего времени в глубине народной души. «Восточное обозрение» хочет наложить запрет на всякое другое чувство, кроме того, которое ему самому свойственно; вместо одного официального чувства оно хочет навязать другое, которое при изменившемся режиме может тоже попасть в официальные.

Я не могу себе представить, чтобы редактор, в течение пятнадцати лет издававший для края газету, или обозреватель местной жизни, в течение семи лет непрерывно трудившийся над критикой этой жизни, не приобрел, наконец, специфического чувства к краю и его населению. Конечно, оно не может проявляться так сильно, как сосанное с молоком матери, но все-таки должно иметь достаточно силы, чтобы понимать подобное чувство в других и становиться ко всему в правильные отношения. Я думаю, если «Восточное обозрение» пишет так, то пишет вопреки своему внутреннему голосу, пишет потому, что запуталось в своих теоретических соображениях. Или оно свое упорство в труде питает единственно любовью к своей газете? Я не допускаю этого. Или оно питается любовью к большому социальному телу и не может питаться любовью к части этого тела, к тому же старается принудить и нас, и не хочет допустить, чтобы мы любили целое и, кроме того, любили бы еще отдельно часть его? Но на каком основании?

Было бы глупо требовать от газеты, чтобы она кричала о своей любви к стране. Читатель не нуждается в фальшивых нотах. Но сибирское общество вправе требовать, чтобы печатный орган страны относился с уважением к проявлениям областного чувства. Правда, случаи, когда приходится волей-неволей высказаться, радуясь ли за область или испытывая горечь уязвленного областного чувства, представляются не часто, но 15 лет – срок порядочный, и не может быть, чтоб сибирское общество за этот срок не могло определить, равнодушно или нет «Восточное обозрение» к области и традициям Ядринцева, уберегло ли оно «святыню» Ядринцева. Трудно допустить, чтоб за это время «Восточному обозрению» не представлялось такого испытания?

Но после добровольных признаний «Восточного обозрения» сделалось для его и наших читателей все ясно. И едва ли после всего этого оно будет по-прежнему думать, что продолжает дело Ядринцева, что оно соблюло его завещание. Со своим новым признанием не становится ли оно «посторонним телом» в общественном организме Сибири?

«Восточное обозрение» старается укрыться от наших нападений под флагом единения общественных сил, столь необходимого в такое время, как наше. Мы вносим рознь. Но эти страхи напрасны. Разлад вносят партии, доводящие свои принципы до непримиримости; областничество же не партия, а союз партий. Как вопрос о переустройстве всего государства примиряет все партии в государстве, так при обсуждении судеб областности все местные партии должны объединиться. В сердцах людей всех партий коренится объединительное начало – это любовь к своей области. Это то самое начало, о котором писал Ядринцев в письме к будущему редактору «Восточного обозрения» и которое он умолял положить в основу направления этой газеты. Вокруг знамени, на котором написано это «завещание» Ядринцева, должны собраться все сибирские партии, а если их еще нет, то все сибирские кружки, организации. Это единственная база для существования партий в области, она самая реальная, и все другие уступают ей в реальности. В этом воззвании Ядринцева, повторяем, вся суть сибирского областничества; об этом начале только и речь в нашем споре с «Восточным обозрением».

Или «Восточное обозрение» это-то глубоко внедренное в природу человека и ничем неискоренимое чувство, способное совершать чудеса, его-то и отрицает, его-то и называет «гарниром»? «Восточное обозрение» хочет заглушить у сибиряков их любовь к своей родине. Пусть попробует? Не вызовет ли оно этим только крушение своего престижа в стране? Нет, не «Восточному обозрению» с его сухой фразеологией задавить глубоко заложенное в человеке чувство, которое до поры до времени живет скрыто в населении, но в эпоху свободы способно сразу выйти наружу, быстро разгореться и заблистать ярким светом.

Окончательный приговор, вынесенный сибирскому областничеству «Восточным обозрением», такой: областничество – пустая, чудаческая, несерьезная затея; это уже в 70-х годах была *qui pro quo*, а теперь вещь совершенно не нужная; но в 70-х годах это еще было туда-сюда, а теперь она совершенная бессмыслица. В сущности, это

общественное течение выражает собою скромное желание сибирского общества введения в Сибири земства; в эту форму выливается назревшая потребность обслуживания местных нужд местными силами. «Восточное обозрение» надеется, что введение земства, удовлетворив эту потребность, «подрежет оставшиеся еще корни областничества». А высшие духовные нужды, введение которых не предоставлено земским учреждениям, ограниченным правом распоряжаться только земским хозяйством? Кто вдохновляет «Восточное обозрение» укреплять в умах сибиряков такие трезвые мысли? Едва ли читатели «Восточного обозрения» примирятся с таким обстриженным самосознанием, едва ли согласятся и впредь оставаться на задворках общерусской жизни и едва ли найдут, что иркутский публицист был вправе отнестись с такой nonchalance [беззаботностью] к своим литературным противникам? Конечно, «Восточное обозрение» не против того, чтоб на Сибирь распространились выработанные на западе условия общественной жизни. Оно даже говорит, можно для обслуживания общесибирских вопросов дать Сибири и особые учреждения. Мимоходом что значит, что к этому заявлению «Восточное обозрение» прибавило слова: «но это бесконечно далеко от областнической мечты». Логически не вытекает из идеи областничества, что ли, или это и не снилось областникам? Однако об этом в печати заявлено ранее «Восточного обозрения» именно областниками.

Возвращаюсь к прерванной мысли. Я говорю, что «Восточное обозрение» тоже желало бы осыпать Сибирь благодеяниями общественного благоустройства, но оно требует, чтобы областники без затей примкнули к трезвому направлению, к которому принадлежит само «Восточное обозрение», и оставили бы в покое свое беспочвенное, лишенное корней в стране областничество.

Оно предлагает не союз, а поглощение. Неужели «Восточное обозрение» не может понять, что можно устроить дело без поглощения? Областники не желают образовать враждебный «Восточному обозрению» лагерь; они хотят только, чтобы их допустили участвовать в двух лагерях; в том, к которому принадлежит «Восточное обозрение», и в особом, своем. Ведь программы обоих лагерей одни, расходятся они только в одном пункте, который Ядринцев назвал «святыней своей газеты»; он мог бы назвать иначе: святыней своего сердца! «В остальном мы споемся!» Статья Н.К. Михайловского, о которой сказано выше, превосходно научает, как следует отно-

ситься к чувству, которого в себе не имеешь и которое для себя не считаешь обязательным, но которое в других, выросших в иной обстановке, необходимо признать естественным.

Г. Потанин

Томские губернские ведомости

От редакции (1905. № 43)

С сегодняшнего дня при Томских губернских ведомостях, кроме официального отдела, появляется и неофициальный. Ведомости будут выходить два раза в неделю: по средам и воскресеньям.

Программа неофициального отдела.

1. Передовые статьи, касающиеся политико-экономических вопросов, связанных с жизнью всех сословий, а особенно крестьян Западной Сибири.

2. Крестьянское законоведение.

3. Известия из городов, волостей, сел и деревень Томской губернии, касающиеся:

а) торговли и промышленности;

б) школы средней и преимущественно начальной крестьянской;

в) переселенческого дела;

г) санитарных вопросов;

д) суда;

е) урожая хлебов, трав;

ж) промыслов и

з) разных других бытовых сторон жизни.

4. По Европейской и Азиатской России.

5. За границей.

6. Беллетристика: повести, стихотворения.

7. Этнография Томского края: народные песни, легенды, обряды и пр.

8. Смесь.

9. Из области крестьянского хозяйства.

10. Вопросы и ответы.

11. Частные объявления

Огромной важности предстоящие реформы в обновленной России на основании Высочайше дарованного Государем Императором манифеста от 17 октября сего года, реформы, имеющие быть уста-

новленными Государственной Думой как закон, будут предметом особенного внимания Томских губернских ведомостей.

Разные вопросы жизни и особенно Томского края будут освещаться и обсуждаться правдиво и беспристрастно.

Читатели неофициального отдела, особенно крестьяне, найдут много полезных сведений и могут знать о том, что делается на белом свете.

Просим живущих в Томской губернии господ крестьянских начальников, священников, дьяконов, врачей, фельдшеров, учителей и учительниц городских и сельских школ и всех, желающих быть нашими сотрудниками, присылать свои корреспонденции и тот материал, который соответствует нашей программе.

В ближайшем номере намерены дать сведения о состоянии начального образования в Томской губернии за 1904 год, заимствуя материал из статистических данных, основанных на числах. Числа, как показатели того или другого вопроса, многое освещают, иногда радуют, а часто и печалят. Обращаемся с просьбой к тем лицам, которые могут высказать свое мнение о том, как и при каких условиях можно в непродолжительном времени достигнуть всеобщего начального образования в Томской губернии. Этому вопросу вследствие его важности будет отведено подобающее ему место.

Страшные дни в Томске (1905. № 43)

Помещаем только что полученную корреспонденцию «Нового времени» о страшных днях, бывших в Томске с 20 по 23 октября. Она может служить интересным дополнением к тому, что печатали в Томске и другие газеты об ужасных днях.

Страшные кровавые дни пережил Томск с 20 по 23 октября. Только теперь, когда нервы несколько успокоились от потрясающих впечатлений, представляется возможным дать хотя бы краткий отчет о пережитых ужасах.

Признаки развивающейся грозы начали появляться с начала октября, когда в университете, на многолюдных митингах (сходках) в присутствии массы посторонних лиц, стали говориться резкие, возбуждающие речи.

Газеты 15 числа не вышли. Забастовки носили почти исключительно насильственный характер; по городу ходили толпы забас-

товщиков, предводительствуемые агитаторами, и снимали рабочих, торгующих и служащих в правительственных и общественных учреждениях, прибегая в некоторых случаях к механической и химической обструкции. Почти в то же время забастовали служащие в управлении Сибирской железной дороги. Движение по дороге прекратилось.

17 октября утром забастовали ученики реального училища, которые в тот же день прекратили занятия во всех средних учебных заведениях.

18 октября утром громадная толпа народа, в которой преобладала учащаяся молодежь, устроила уличную демонстрацию и с пением песен революционного содержания направились к зданию коммерческого училища Цесаревича Алексея. Здесь демонстрацию встретили и рассеяли казаки, причем несколько учащихся были избиты нагайками.

По поводу этого избиения учащихся вечером того же 18 октября, в присутствии многочисленной публики, состоялось бурное заседание городской думы, на котором между прочим было постановлено потребовать увольнения полицмейстера Никольского, если же губернатор не исполнит этого требования, то ходатайствовать перед министром внутренних дел об увольнении самого губернатора; прекратить отпуск от города денег на содержание местной полиции; организовать собственную городскую охрану; потребовать освобождения из тюрьмы всех заключенных по политическим делам.

На следующий же день полиция была снята с постов, и город остался без охраны. Воцарилось полное безначалие.

Между тем в здании местного театра, общественного собрания и в зрительном зале народного дома общества попечения о начальном образовании устраивались многолюдные митинги, на которых произносились возбуждающие речи, призывающие народ к бунту, к вооруженному восстанию, открыто производился сбор на приобретение оружия, составлялись проекты об арестовании губернатора, об удалении архиерея.

Власти прибывали в полнейшем бездействии.

Утром 19 октября по городу был расклеен высочайший манифест 17 октября, но манифест не принес желаемого успокоения. Положение ухудшалось. Речи на митингах становились все резче, вызывающе. Председательствовал на большинстве митингов местный врач, еврей Броннер. Евреи вообще принимали особенно деятельное

участие в митингах. На утреннем митинге 19 октября назначено было, как это гласили многочисленные расклеенные по городу прокламации Томского комитета российской социал-демократической рабочей партии, приступить к созданию органа революционного самоуправления. На этот митинг отправились, между прочим, некоторые гласные во главе с городским головою. Выборы революционного самоуправления состоялись, и избранными оказались в большинстве евреи.

Это обстоятельство подлило масло в огонь. В народе началось глухое брожение. На улицах собирались толпы и толковали, что они не желают, чтобы ими жиды управляли. Грозовая туча нависла над городом, а власти все бездействовали.

Наступил ужасный день 20 октября.

С утра в мещанской управе собралось местное мещанское общество, которое решило устроить патриотическую манифестацию, отслужить молебен по поводу дарованных манифестом 17 октября милостей и на митинге в театре заявить вожакам революционной партии, что оно не желает подчиниться самозваному «революционному самоуправлению». К томским мещанам присоединилась громадная толпа народа, взяли два портрета Государя Императора, и народная процессия с пением гимна и криками «ура», «да здравствует Император Николай II» двинулась вверх по Почтамтской улице.

У здания городской думы манифестация остановилась. Здесь в это время происходило заседание. Узнав, что в думе находится несколько лиц из состава революционной партии, толпа выбила стекла в здании и двинулась далее. Дорогой встретили несколько человек, которые, как передают, оказали неуважение к Царскому портрету. Толпа избивала их. Здесь же пали первые жертвы этого ужасного дня: инспектор Северного страхового общества П.Г. Яропольский и мастер колбасной фабрики Фильберт.

У здания архиерейского дома толпа вновь остановилась и отправилась к преосвященному депутацию с просьбой отслужить благодарственный молебен по поводу дарования Высочайшего манифеста. Епископ направил народ в кафедральный собор, обещая тотчас же прибыть туда.

Толпа направилась к собору. Часть вошла в храм, значительная же масса заправила Соборную площадь и окружающие ее тротуары. Было 2 часа дня.

Что произошло далее, опишу со слов очевидца.

Толпа стояла тихо, никого не задевая. Вдруг на Почтамтской улице показалось шедшая стройными рядами вновь сформированная городская милиция. Подойдя к зданию управления Сибирской железной дороги, милиция выстроилась и без всякого видимого повода сделала залп из револьверов по совершенно безоружной толпе. Несколько человек пали. Толпа с криками ужаса разбежалась. Некоторые направились в близлежащие казармы за солдатами.

Вскоре показалась дежурная рота, расположившаяся в ограде собора. Один из милиционеров направился к солдатам и просил их удалиться. В ответ на это милиции было предложено сложить оружие. Последовал отказ. Тогда милиция была предупреждена, что войска будут действовать огнестрельным оружием.

Солдаты, выставив ружья сквозь решетку ограды, стали целиться. Милиционеры быстро скрылись в подъезде железнодорожного управления. За ними последовала часть публики.

В это время прибыли казаки, и ободренная толпа, схватив камни, палки из окружающей площадь ограды и вообще что попало, осадила здание управления и стала выбивать стекла и ломать рамы. Народ озверел и начал избивать всякого, высказавшего сочувствие осажденным и пытавшегося уговорить толпу. Появились хулиганы, которые дочиستا обирали избитых.

Власти и войска бездействовали. Явившийся губернатор своими убеждениями не мог ничего поделать. Офицеры пытались было уговаривать засевших в здании выйти оттуда, обещаясь увести их под прикрытием войск в безопасное место. Но лишь осажденные показывались в дверях управления, как толпа набрасывалась на них и избивала до смерти. Все-таки под прикрытием солдат удалось спасти и увести немало народа из осажденного здания.

Между тем время от времени из окон управления раздавались револьверные выстрелы. Толпа свирепела все более и более. Полное бездействие властей давало широкий простор народному самосуду.

Было около 6 часов вечера. Озверевшая толпа решила на ужасное, бесчеловеческое дело: она решила поджечь здание, живьем сжечь осажденных в нем. Переломали мебель, сложили из нее костры в нижнем этаже здания, облили откуда-то взятым керосином и подожгли.

Нет слов на человеческом языке, чтобы описать все происшедшие затем ужасы. Языки пламени поднимались выше и выше. Осажденные задыхались от дыма. Многие выбрасывались из окон и

разбивались или добивались толпой. Многих показавшихся в окнах, вылезавших на крышу и спускавшихся по водосточным трубам солдаты, принявшие сторону толпы, пристреливали из винтовок. Некоторым все-таки удалось спастись благодаря офицерам и солдатам, не потерявшим еще человеческого облика. Немало, однако, сгорело и погребено под обрушившейся крышей здания. Что творилось в это время в здании – едва ли возможно описать. Очевидцы, спасшиеся последними, описывают страшные сцены. Говорят, пристреливали друг друга, чтобы не сгореть живыми; некоторые покончили жизни самоубийством. Сколько человек погибло в сгоревшем здании – определить невозможно. Во всяком случае, их немало. В службах пути и тяги, помещавшихся в злополучном здании, в настоящее время не досчитывают более ста человек, не считая опознанных среди трупов.

Кровавая расправа со студентами и вообще лицами, заподозренными в участии в революционной организации, продолжалась и на следующий день, когда в анатомический покой было доставлено несколько трупов.

В этот же день, 21 октября, начался погром еврейских магазинов и лавок. Толпа вообще была страшно обозлена на евреев, принимавших деятельнейшее участие в местной революционной организации и в значительном числе попавших в списки самозванного революционного управления. Разгромлены и ограблены почти все находящиеся в городе еврейские магазины и лавки. К погрому готовились совершенно открыто, о нем говорили вслух в присутствии полиции, о нем знал весь город... Но власти молчали и бездействовали. Еврейский погром продолжался и утром 22 октября и только днем на улицах появились казаки и отряды пехоты, разгонявшие буйствующие толпы громил и грабителей, город постепенно стал успокаиваться.

21 же октября был совершенно разгромлен дом томского городского головы А.И. Макушина, которого народ почему-то подозревал в сочувствии и содействии местной революционной партии. Подозрение вряд ли основательно...

Кровавые дни надолго останутся в памяти томичей...

Н. Томский

Достоверно известно, что 20 и 21 октября легко и тяжело ранено 86 человек, убито и погребено 57 человек, без вести пропало 12. Эти 12 человек, вероятно, сгорели.

Прим. ред.

Томск, 10 июня (1907. № 43)

Без прошедшего нет будущего, а потому крик наших «освободителей» – «отречемся от старого мира» – есть нелепость и остается гласом даже не вопиющего в пустыне, а просто потерявшего здравый смысл, невежественного российского «освободителя». Всякое государство, если оно желает идти вперед по пути мирного развития и сохранить свою жизнеспособность, не может не считаться со всей работой предшествующих поколений, это государство создавших, оберегавших и поддерживающих. Установившийся веками и созданный, как у нас в России, самим народом государственный строй, существо и свойство Верховной Власти в России не могут быть уничтожены в мгновение ока и одним росчерком пера. Проведение в жизнь манифеста 17 октября 1905 г. требовало огромной творческой работы со стороны таких выдающихся своими дарованиями государственных людей, каких в этот исторический момент у нас как раз не оказалось. Настоящее предстояло связать с прошедшим, укрепить и осветить все лучшее, что в нем имелось, и утратить то, что было в нем дурно.

Манифестом 17 октября предоставлялось широкое поле деятельности в этом направлении. К сожалению, манифест был понят ложно. Правящие сферы и более умеренные элементы сочли его «конституцией», а революционные круги усмотрели в нем этапный пункт для водворения в Российской империи социально-демократической республики. Россия раскололась на десятки партий, в большинстве революционных, с партией так называемой народной свободы, или кадетов, во главе.

Из умеренных политических партий заслуживает внимания так называемая партия центра, или «Союз 17 октября», вмещающий в своих рядах как истинных монархистов, признающих, что и после 17 октября *историческая* власть Русского Государя остается по-прежнему самодержавной и неограниченной, так и «строгих» конституционалистов, которые, выражаясь вульгарно, носятся со своей «конституцией» как с писаной торбой. «Союз 17 октября» ставит, как известно, главной задачей укрепление законности и порядка, для чего необходимо, по мнению партии, чтобы Россия управлялась на началах *конституционной* монархии. Это значит, что «Союз 17 октября», защищая монархический принцип и указывая в своей программе на историческое значение Верховной Власти Русского Монарха, тем не менее признает эту власть отныне уже ограниченной и

лишенной возможности даже в критический момент жизни государства выполнить эту свою историческую миссию и поступить согласно велениям разума и в сознании лишь ответственности перед Господом Богом и своею совестью, памятуя исторические заветы великого царственного служения Русских государей благу русского народа. Противоречие, на наш взгляд, несомненно.

3 июня Государственная Дума второго созыва была не только распущена, но был издан и новый избирательный закон единоличной властью Государя Императора, т.е. помимо законодательных учреждений.

Было в высшей степени интересно знать, как отнесется к этому акту Державной Воли политическая партия, которая как-никак, а кое-что лепетала и об историческом значении в России Царской Власти. Все это так или иначе создавало общие пункты соприкосновения «Союза 17 октября» с Союзом русского народа и прочими истинно монархическими организациями. Но это соприкосновение было только кажущееся. Конституционное доктринерство, навязчивые конституционные идеи, вообще «конституция» лишали и лишают «Союз 17 октября», как русскую политическую партию, необходимой жизненности и едва ли сулят ей крупный успех в будущем. Партия политических Маниловых продолжает оставаться верной своим «панским пунктам», она продолжает отцветать, не успевши расцвести, и умирать медленной смертью.

Воззвание «Союза 17 октября» по поводу ныне опубликованного акта Государя Императора как нельзя более убеждает нас в справедливости сказанного выше. В воззвании этом говорится следующее:

«Центральный комитет «Союза 17 октября», парламентская фракция союза и группа членов Государственного Совета выработали воззвание союза, где указывается, что члены второй Думы, принадлежащие к союзу, прилагали все силы к охранению и укреплению Думы во всех ее конституционных начинаниях и действиях. Первопричиною, виновницею нового потрясения русской жизни, выразившегося в роспуске Думы, явилась деятельность непримиримых врагов нашего молодого правового строя, их кровавые деяния по всему простору необъятной родины и их преступная деятельность внутри самой Думы. Союз с грустью признается, что возвещаемые манифестом 3 июня изменения избирательного закона, осуществляются не тем путем, какой предусмотрен основными законами; *оценку этого акта считает преждевременною, а необходимость*

его прискорбной. Призывает к дальнейшему совершенствованию законным путем всего дарованного Монархом, призывает к лишению народного доверия тех, кто злоупотребляет им, взяв на себя тяжкую ответственность за новую беду потрясенной страны. Каковы бы ни были новые условия выборов, члены союза будут неизменно следовать своим заветам, стремиться избирать в Думу людей, преданных конституционному монархическому строю, мирному развитию, благу и величию России» (Курс. наш).

Что за эзоповский язык! Почему оценка акта Державной Воли считается лишь преждевременной, а необходимость его «прискорбной»? «Союз 17 октября» призывает (кого?) «к дальнейшему совершенствованию законным путем всего дарованного Монархом». Значит, Высочайший акт об избирательном законе незаконный акт? Но ведь сам Государь говорит о нем в своем манифесте следующее:

«Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского Царя дано право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена нам Власть Царская над народом Нашим. Перед престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской»

Но о чем же, однако, печалются политические Маниловы? О чем грустят? О том, что государь император, являясь в народном сознании по-прежнему воплощением государственного единства, служа неразрывной связью преемственно сменяющихся поколений, священным стягом, вокруг которого в минуту грозной опасности собирается народ русский*), решил положить конец революционным сборищам в Таврическом дворце изданием нового избирательного закона, который должен будет сделать Русскую Государственную Думу русской и по духу? О чем же, спрашивается, тут скорбеть? О чем грустить?

Застрыв в «конституционном» тупике, центральный комитет «Союза 17 октября», очевидно, грустит о том, что при издании нового избирательного закона обошлись без Государственной Думы и поступили *не конституционно*. Но как же было поступить иначе? Ведь третья, четвертая и т.д. Госуд. Дума, избранная по старому избирательному закону, неизбежно продолжала бы оставаться все тем же сборищем революционеров, ни к какой законодательной деятельности не способных и даже враждебных ей. Ведь у нас и так уже, благодаря неудачной организации народного представительства,

парализована законодательная деятельность в государстве, и этот паралич в конце концов мог затянуться на целые годы!

Но кому же не известно, что никакое государство не может жить и развиваться, когда в нем перестают функционировать законодательные учреждения?

Это ли желательно?

Наконец, если уж на то пошло, то ведь и «конституция» для России, а не Россия для «конституции»!

Полагаем, что вышеприведенное воззвание «Союза 17 октября» едва ли может быть встречено с тем же сочувствием, на какое авторы его, по-видимому, склонны рассчитывать.

* Пункт 2-й возвания «Союза 17 октября» при образовании партии в 1905 году.

Сибирские известия

От редакции (1905. № 1)

В великий исторический момент русской жизни начинают «Сибирские известия» свою посильную работу на пользу родины. 6 августа Высочайшим манифестом возведено о преобразовании нашего государственного строя: русский народ призван к участию в государственном строении. «Государство Российское, говорится в Манифесте, созидалось и крепло неразрывным единением Царя с народом и народа с Царем. Согласие и единение Царя и народа – великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей, и является отныне залогом ее единства, независимости и целостности, материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем... Ныне настало время призвать выборных людей от всей земли русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление – Государственную Думу, коей предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов».

Таким образом, ныне «пало то средостение, которое веками скрывало Царя от народа и народ от Царя». Русскому народу дана возможность непосредственно, чрез своих представителей, чрез сво-

их «лучших, доверием общественным облеченных» людей, доводить до сведения Верховной Власти назревшие потребности жизни.

Манифест, как этого и можно было ожидать, не удовлетворил некоторую часть нашей передовой интеллигенции, мечтавшую, оставив в стороне многовековые исторические традиции русского народа, сразу, с места в карьер, пересадить на нашу почву западноевропейский конституционализм. Вековые исторические устои остались ненарушенными, основные законы Российской Империи сохранены неприкосновенными. Связь с прошлым и духом народа не порвана. Это обстоятельство придает особую важность великому мудрому историческому акту. И избранники России в будущей Государственной Думе проникнутся, конечно, этим духом народности и исторических традиций, памятуя, что русский народ проходил более или менее благополучно через тяжкие исторические испытания только благодаря своей духовной мощи, своим национальным традициям и началам. На национальных началах великого русского народа, началах народности и единения со своим Царем создан его культурно-исторический тип, на них зиждется историческая преемственность его развития. Полного разрыва с прошлым в данный момент не может и не должно быть. Русскому народу не свойственны идеи и приемы немецкой социал-демократии, французского или испанского коммунизма, английской аристократии и т.п. Проповедь космополитического интернационализма и борьбы за инородческие идеалы на счет национальных русских – чужды сердцу русского народа.

И вот на незыблемых национальных началах мудро строится здание народного представительства. Манифест 6 августа лишний раз подтвердил на деле, что правомерная самодержавная власть русского Монарха отнюдь не исключает возможности самых широких реформ, направленных ко благу русского государства и народа.

Теперь избранным доверием населения русским людям предстоит великая задача непосредственно послужить русскому народу по мере своих сил и умения. Чтобы выполнить с честью эту великую историческую задачу, все общественные элементы должны отбросить в стороны разъедающую их рознь и соединить свои усилия в деле устройства русской земли. Не беспорядки и забастовки, в какой бы то ни было форме, не убийства из-за угла, не борьба с правительством во что бы то ни стало, а лишь *порядок, законность и производительный мирный труд* – одни могут вывести нашу родину на истинный путь из ее современного хаотического состояния. Дейст-

вительные, а не воображаемые нужды народа, беспристрастная оценка истинного положения вещей, а не идеологическое политиканство – вот что нам необходимо прежде всего.

Действуя на этой национальной и законной почве законными средствами мы можем и должны охранить и расширить сферу наших личных и общественных прав, которые уравниют всех нас перед законом, которые обеспечат нам необходимые в гражданском общежитии: свободу совести, веры, слова, печати, союзов, собраний.

С этой точки зрения законности и порядка мы и постараемся давать на столбцах «Сибирских известий» беспристрастную оценку явлений нашей общественной жизни и потребностей страны.

Сибири, само собою разумеется, мы будем уделять первое и главное место. Особое внимание мы обратим на вопрос о сибирском земстве, долго ожидаемом лучшей частью сибирского общества, введение которого на нашей окраине возвещено, наконец, Высочайшим рескриптом на имя Иркутского военного генерал-губернатора графа Кутайсова. Мы убеждены, что с введением земской реформы быстро начнут совершенствоваться все стороны жизни нашей окраины и что государство и общественность в своем взаимодействии откроют Сибири широкий путь для ее интеллектуального и экономического развития. И возродится наша дорогая родина, и старая, всем известная мечта сибиряка возрастет в общественной самодеятельности и принесет обильные плоды.

Газета обращается с просьбой к молодым интеллигентным силам, разделяющим наши взгляды и готовым отнестись сочувственно ко вновь нарождающемуся в Сибири органу печати, не отказать ему в своем посильном содействии в разработке вопросов русской жизни вообще и сибирской в особенности.

Маленькие письма о маленьких делах.

Письмо 1 (1905. № 15)

«Маленькие письма»... Под таким заглавием, как всем известно, издатель «Нового времени», талантливый публицист и литератор А.С. Суворин печатает свои обзоры и отзывы о современных событиях. Сознаю, что я заимствую у г. Суворина его оригинальное заглавие и, так сказать, прямо начинаю с литературного плагиата. Но

я оправдываю этот свой плагиат, во-первых, тем, что ученые, литературные, «конституционные» и иные плагиаты теперь в моде и в «духе времени», а во-вторых, заимствовав у г. Суворина его заглавие «Маленькие письма», я все-таки добавил: «о маленьких делах»... А это очень важно. Вам, читатель, разумеется, известно, что суворинские «маленькие письма» часто говорят о делах огромной важности, и говорят с таким талантом, на который я, маленький сотрудник маленькой провинциальной газетки, и не претендую. Я просто время от времени намерен беседовать с вами о маленьких местных делах с самым маленьким талантом, а, может быть, и без всякого таланта. Конечно, свою бездарность я мог бы, пожалуй, и скрыть от вас, представ перед вами в образе так называемой светлой личности, «передового ума» и вообще человека с самым что ни на есть современным направлением и с отменно «симпатичными» взглядами, но чувствую, что и на это сравнительно пустое комедианство у меня не хватит умения.

Первое маленькое дело, о котором я намерен повести с вами беседу в своем первом письме – это маленькая затея 19 гласных нашей Думы об отсрочке предстоящих новых выборов, на которых, надо думать, их прокатали бы «на вороных». Эти 19 отцов города подали в Думу заявление, в котором просили возбудить перед начальством ходатайство об отсрочке выборов на 1 год и о продлении таким образом срока полномочий нынешнего состава гласных, отнюдь не справляясь с желанием избирателей. Мотивами для такого странного и неожиданного заявления со стороны 19 гласных послужили, с одной стороны, вопиющие недостатки действующего городского положения, чуть ли не попирающего все божеские и человеческие права, а с другой – прилив трогательно-нежных чувств к угнетенной национальности, представителям которой тоже очень хочется принимать участие в городском управлении. Как бы то ни было, но ни дефекты действующего городского положения, ни обуявшие 19 сердобольных гласных симпатии к угнетенной национальности в качестве мотивов к возбуждению подобного рода ходатайства, в особенности ввиду предстоящей выработки нового городского положения, никого, кроме самих авторов заявления, убедить не могут. В ряде статей, помещенный в «Сибирских известиях», вопрос этот выяснен достаточно основательно.

Но как же это? Ведь до сего времени, читатель, мы с вами пребывали в блаженной уверенности, что по части свободомыслия, сво-

бодолубия и самой непримиримой ненависти к «бюрократии» наши гласные могли бы побить всероссийский рекорд. Но вдруг оказывается, что на закон им просто наплевать, а до общества, их избравшего, решительно никакого дела нет. Главное – начальство. Лишь бы начальство уважило их ходатайство, нарушающее основной закон городской «конституции».

Как известно, в заседании Думы 16 сентября махинация 19 гласных прошла закрытой баллотировкой большинством 18 голосов против 13. Тщетно противники деловым, спокойным и придиричвым тоном возражали против этого легкомысленного «билля». Все их спокойные и толковые возражения вызывали только благородное негодование в душе нашего думского Бебеля – г. Шипицына, который и обрушился на них всей тяжестью своего довольно-таки любопытного красноречия. Боже, как этот человек говорил! Как язвительно обзывал он пятерых своих противников «пятью ораторами», хотя они не имели ни малейшей претензии на ораторское искусство. А вот сам г. Шипицын, действительно, ораторствовал, что называется, для ораторствования и наговорил целый короб таких вещей, которые прямого отношения к делу отнюдь не имели. Это был какой-то поток истерично-банально-либеральных фраз, закончившихся возгласом, что «нам-де предоставлено право изменять законы». Такой, по меньшей мере, отчаянный аргумент вызвал смех. Вообще к заявлению своих оппонентов о необходимости соблюдать закон г. Шипицын отнесся точь-в-точь как относился к этому один щедринский помпадур, который, когда входил в свое губернское правление, то косился в сторону полки со сводом законов...

Но как же, однако, объяснить себе столь неожиданный образ действий нашей Думы, проявившей, как известно, столько сочувствия в сторону «общественной самодеятельности» и потратившей такую уйму денег на неоднократную посылку в качестве депутатов того же г. Шипицына и других на разного рода столичные съезды? Как вообще можно объяснить себе такое двуликое тяготение, с одной стороны, к «общественной самодеятельности», а с другой – к бюрократии? Мне кажется, что ларчик открывается, в сущности, довольно просто. Мне кажется, что наши 19 гласных до того вошли во вкус вершения городских дел, что решительно не могут примириться с мыслью о необходимости уступить свои места другим, хотя бы и более достойным. Эти странные господа просто не могут себе представить, так сказать, внегласного существования... Мы, говорят

они, или гласные, или ничто. Ну что прикажете делать с такими экстравагантными господами?

Эта неодолимая страсть 19 наших гласных к вершению городских дел напоминает нам пагубную страсть к судейству членов суда присяжных в афинянской демократии, выведенную в комедии Аристофана «Осы». Эта страсть доводила почтенных афинских старцев-судей до невменяемости. Завязка и развязка вращается в этой комедии вокруг того, как некий Бделиклеон, сын одного из таких неугомонных старцев судейского ареопага, решил излечить своего папашу от судейской мании и прибегнул хотя и к домашнему, но радикальному средству. Он стал держать своего папашу на привязи в доме, предварительно заделав в нем все отверстия и приставив целый отряд слуг, дабы старец не мог как-либо удрать в суд и начать судействовать. Как было бы хорошо, если бы и у наших 19 гласных оказались такие же заботливые сынки...

Впрочем, читатель, *et altera pars audiatur*. Не все томские обыватели осуждают, подобно нам, наших гласных за их пренебрежение к избирателям и обращение к начальству. Например, коллежская советница Татьяна Бредихина прямо-таки ополчилась на защиту тех же 19 гласных и прислала в редакцию «Сибирских известий» письмо нижеследующего содержания:

Господин редактор!

Грешно Вам придирается к хорошим людям. Я семьдесят восемь лет живу на свете и всегда любила газеты читать.

Только в нынешнем году просто сил нет, – глаза бы не глядели! «Свобода», «право собраний», «конституция» да «резолуция» (почтенная старушка, вероятно, хотела написать «революция». – *Ред.*), «избиратели» да «заседатели» до того пестрят, что нет никакой возможности.

Вдруг, смотрю, слава тебе Господи, гласные хлопочут перед начальством, чтобы их не выбирать, а остаться бы им на своих местах без всяких выборов. Вот эти гласные так гласные! Настоящую цену вольностям знают и синицу в руках держать умеют. Начальство почитают и к нему в нуждах своих прибегают. А еще как нужно мне было в управу деньги заплатить, так меня негодяй племянник пугал, будто там все вольнодумцы сидят, про всякие права говорят и вольностей доискиваются, и до того напугал, что так и не пошла, а ему деньги отдала, а он сдачи не принес. А теперь вижу, что все это вздор и клевета. Таких благонаправных гласных только поискать да поискать. Почтенные люди и... начальство почитают.

А вам, господин редактор, стыдно к ним придирааться с разными вашими избирателями. Похвалить нужно было, коли вы тоже начальство почитаете. А коли нет, так вам бы молчать да добрым людям в спасении отечества не мешать.

Скептик

Настроение дня (1905. № 62)

Широкой волной раскатилась по Руси небывалая смута. Из края в край раскинулась она зловещим потоком и завладела безжалостно умами и сердцем многих россиян.

Ужасное время... безумное...

Еще не успели осушить слез по жертвам несчастной войны с Японией, еще не высохла кровь мучеников на маньчжурских полях, как у нас снова полилась кровь, полилась бесцельно, варварски, дико; у нас задымились города от пожаров, понеслись стоны от насилий и произвола, появились сироты и нищие.

Телеграф приносил вести, от которых веяло смертью и безграничным ужасом; телеграммы представляли из себя дикий, невероятный сумбур и говорили читателю: «насилие»... «кровь»... «огонь»... другие: «патроны»... «тюрьма»... «патроны», потом опять «патроны»... «Манифест»... «патроны»... и т.д. и т.д. Ужас и горе...

Успокоения нет и нет, а настроение крайне тревожное, какое-то тяжелое, подавленное, и что будет дальше – одному Богу известно.

Волнения страшным кошмаром легли на Россию и продолжают душить ее. Необходима помощь и нравственная, и материальная. Нужны люди дела, люди ума, и нужны немедленно. Они должны взяться за работу, должны уничтожить народное настроение, которое разрослось и вылилось в такой некрасивой форме.

Интеллигентные силы должны быть теперь на высоте своего положения, им нужно стать на работу, государственную работу, с честным, открытым сердцем и вести народ к свету. Теперь не время партийной борьбы, не время сведения личных счетов, а чудное, благодатное время весны, время сияния добра, света и справедливости.

Под грубой оболочкой нашего мужика бьется сердце горячего патриота, бьется сердце, не чуждое братства, любви и стремления к свету цивилизации. Нужны только чистая, светлая душа и открытый ум, свободный от узкой партийности, чтобы народ пошел за

этими светочами, пошел доверчиво, смело и без боязни. Общая одушевляющая идея соединила бы тогда темные массы с интеллигенцией, и благо государства было бы обеспечено. Нужно единение, братство и равенство явились бы сами собой, а общее доверие внесло бы желанный порядок в государственном организме.

Но в наши дни напряженной общественной жизни, дни ужасов, крови и пороха, – интеллигенция осталась, к сожалению, верной своим давним традициям. Глубокая пропасть, разделявшая ее с мужиком, не сузилась в эти несчастные дни. На глазах народа, которому она старается указать новые пути жизни, которому она говорит, что у ней в руках немеркнущие светочи знания, что она идет путем добра, правды и справедливости, – на глазах этого народа она попирает его священнейшие чувства, освященные целым тысячелетием. Осмеливается называть себя интеллигенцией истинно русской, следовательно, и православною, но не идет за народом в церковь, не соблюдает постов, не верит в Бога, а это для народа равно отступничеству.

Отступники никогда не были вожжами России. Они говорят о чистоте нравов и совести, а сами явно оскорбляют чувства православных людей. Они беспечно забавляются оперетками, когда во многих местах России народ, может быть, пухнет от голода, когда города не перестали дымиться и жертвы погромов в безумном бреду еще мечутся по больничным палатам.

Они говорят о свободе слова, слова общественного, великого и страшного для потемок, – а сами нередко разражаются публичной бранью, которая летит по адресу государя, веры, религии, и это отражается на народе и порождает негодование.

Они говорят о свободе собраний, но забывают о существовании благопристойности и приличий. Они не умеют скромно говорить и не уважают мнение людей, иначе мыслящих.

Нужно было, например, видеть, как чисто школьнически стаскивался с кафедры или заглушался шумом и гамом оратор, ставший случайно в оппозицию на томских митингах. Малейшее противоречие или особое мнение тотчас влекло на протестанта позорную кличку черносотенника.

Выходило досадно и ... глупо.

Путем всесильной печати «передовые люди» измыслили «черную сотню», разбили Россию на два лагеря и начали громить чернь

разжигающими страсти статьями, не разбирая ни хулиганов, ни народа, жаждущего успокоения.

Это ли вожди России в смутные дни ее, это ли спасители отечества, отшатнувшиеся от темного люда?

Неужели они станут впереди народа и поведут его по новой светлой дороге, они, эти люди, поступившиеся лучшими чувствами народа, люди, которые давно забыли храмы, где мужик водится вторую тысячу лет; забыли религию мужика, в которой он на плечах своих вынес тысячелетнюю историю родины, в которой он вынес Русь на рубеж XX века и выдвинул ее к свету цивилизации?

Неужели заставят мужика ломать убеждения, слагавшиеся веками, и менять чувства, ставшие для него святыми и чистыми?

Зачем записывать в черную сотню всех, кто не сочувствует новым течениям в современной их форме? Это и не честно, и не справедливо. Народ – гигант, воздвигший на свои гроши рассадники знаний – не для себя, прошедший дороги для езды других и отдавший свои руки на работу богатым – низвели на степень дикаря, избивающего все святое и доброе; его чураются и боятся как дикого зверя.

Зачем такое страшное недоверие? Зачем этот неразумный нравственный гнет со стороны будто бы лучших людей?

Дайте свету простому народу, не заслоняйте животворных лучей его и слейтесь с ним вместе.

Идите с ним к счастью. Не через трупы, пожары и порох, а светлой бескровной дорогой, и вы достигнете цели, о которой мечтает наболевшее сердце.

Довольно насилия! К мирной работе, товарищи!

И. Куртамышский

Сибирский наблюдатель

Совещание томских деятелей печати (1905. № 1–2)

27 февраля состоялось собрание редакторов, издателей и сотрудников томских периодических изданий – «Сибирского Вестника», «Сибирской Жизни», «Сибирского Наблюдателя» и «Горных и золотопромышленных Известий». Обсудив нужды и потребности сибирской печати, Собрание пришло, между прочим, к следующим заключениям:

1) Необходима полная и безусловная отмена предварительной цензуры во всех ее видах.

2) Необходима полная отмена системы административных взысканий, налагаемых органами правительственной власти на периодическую печать.

3) Необходима полная свобода обсуждения вопросов общественной и государственной жизни.

4) Преступления печати должны подлежать суду присяжных на точном основании закона.

5) Необходимо установление явочного порядка открытия изданий, на каком бы языке они не издавались, с отменой всякой регламентации условий издания.

6) Нижеследующие меры необходимо осуществить немедленно, не дожидаясь издания нового закона о печати: 1) уравнение подцензурных провинциальных изданий с бесцензурными столичными и некоторыми такими же провинциальными; 2) отмена всех временных правил и ограничительных циркуляров, последовавших после издания закона о печати 1865 г. и 3) допущение полной свободы обсуждения всех вопросов общественной и государственной жизни.

7) Довести до сведения особого совещания о печати под председательством члена Государств. Совета д. т. с. Кобеко выказанные положения и просить председателя этого совещания допустить к участию в его работах представителей Томской периодической печати, имеющих быть избранными для этой цели Собранием.

Эти заключения подписали 34 лица – из редакторов, издателей и сотрудников томских повременных изданий – «Сибирского Вестника», «Сибирской Жизни» и «Сибирского Наблюдателя», за исключением редактора-издателя «Горн. и Золотопр. Известий» горного инженера Э.К. Фреймана, который, хотя принимал участие в прениях, происходивших в Собрании, и, по-видимому, соглашался с вышеизложенными заключениями; но затем, до окончания Собрания, удалился, уклонившись таким образом от подписи под заключением.

Следует отметить, что к вышеизложенным заключениям лица, находившиеся в Собрании, пришли единогласно.

Редак.

Добавление к статье «События дня» (1905. № 1–2)

Общие забастовки начались и в Томске, в том числе забастовали и работники печатного станка.

Выход газет приостановился – задержался и выход нашего журнала.

А события шли быстро, одно за другим. Бастовала вся Москва, бастовал весь торговый люд Москвы. Волнения охватывали всю Европейскую Россию, проникли и в Сибирь. В Томске волнения достигли значительного подъема. Собирались ежедневно сходки, митинги; все учебные заведения были закрыты, кроме низших школ. Забастовали железнодорожные служащие. Забастовка коснулась и служащих окружного суда. Поезда железнодорожные были приостановлены. Одно время бастовали и чиновники правительственного телеграфа, и Сибирь была отрезана от всего цивилизованного мира.

... Бюрократия продолжала делать ошибку за ошибкой; а 18 октября у нас в Томске казаки бросились на безоружную толпу, состоящую не из взрослых, а из детей – учеников местного коммерческого училища и учениц гимназии, – вообще, юнцов и юниц, – и около здания коммерческого училища били их нагайками.

Возмутительная эта картина происходила перед глазами членов и других служащих окружного суда, которые наблюдали ее из окон, так как здание коммерческого училища помещается против суда.

В окружном суде в то время происходило заседание по гражданским делам и находившиеся в нем поверенные тоже были возмущены избиениями, производимыми ретивыми казаками. Некоторые из поверенных выскочили на защиту избиваемых младенцев, и один из них, присяжный поверенный П.В. Вологодский, был избит казаками, а другие два – присяжный поверенный А.П. Васильков и Н.Н. Васильев – получили по удару нагайкой.

Казаки вообще не церемонились.

.....
После того состоялся митинг в помещении городской думы, в присутствии городского головы и некоторых гласных. Народу собралось более тысячи человек.

Господа Вологодский, Васильков и Васильев среди общего волнения рассказали присутствовавшим подробности произошедшего с ними. Говорили и другие ораторы...

А народ все прибывал. В помещении думы не было уже места для всех, желавших участвовать в митинге, и решено было отправиться в театр Королева и устроить там митинг. В театр и двинулась громадная толпа, причем, по требованию ее, ей сопутствовал городской голова и гласные, бывшие в думе.

На митинге в театре собралось до 3 тысяч человек; но порядок не был нарушен.

На другой день, 19 октября, происходили собрания в театре, в общественном собрании, технологическом институте, бесплатной библиотеке (вечером) – и, опять-таки, везде соблюдался должный порядок.

Ораторам аплодировали, – свистали, но все это было в умеренных пределах и не грозило ни для кого опасностью.

18 октября появился манифест, данный от 17 октября. Приводим текст его.

«Божею милостью, Мы Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая и прочая и прочая, объявляем всем Нашим верным подданным: смуты и волнения во многих местностях Империи Нашей великой тяжкой скорбию преисполняют сердце Наше, благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству державы нашей. Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелеваем предржащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга. Мы для успешнейшего выполнения общих предназначаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер признали необходимым объединить деятельность высшего правительства. На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе по мере возможности соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока

те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательного права, вновь установленному порядку, и

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринимать силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий постановленных от Нас властей. Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами наперечь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Этим манифестом действительно обещаны значительные реформы: Государственной Думе предоставляется законодательная власть, как в других конституционных государствах, дарованы неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

И граф Витте объяснил представителям петербургской печати, что под свободой слова манифест понимает свободу печати.

Однако этот манифест, вводящий Россию в состав конституционных государств, не внес полного успокоения в умы.

Волнения продолжались и продолжают в разных местностях; а затем разыгрались страсти и человеконенавистничество вступило в свои права и началось во многих городах разграбление евреев и их имуществ...

Печальную картину представлял из себя и наш Томск 20, 21 и 22 октября.

Толпы простого народа, состоящего преимущественно из чернотенцев и хулиганов, с национальными флагами и портретом Государя Императора собрались на площади около Нового собора. Произошло столкновение толпы с кучкой лиц, избранных городской думой для охраны порядка в городе, и милиционеры, как их здесь называли, укрылись от ярости толпы в помещения, занимаемые службами Сибирской железной дороги. Толпа начала поджигать это здание и, когда явилась пожарная команда, толпа не допустила ее прекратить пожар. Затем началось беспощадное избиение всех тех, кто старался спастись из здания, охваченного пламенем. Никому не давали пощады. Толпа окончательно озверела. Пожар перешел и на соседнее здание театра.

Жертв человеческих, кроме тяжело и легко раненых, насчитывают более 100.

Страшное кровавое побоище...

В числе безвинно погибших укажем на инженеров Клеоновского и Шварца, инспектора Северного страхового общества Яропольского, принимавшего деятельное участие в Томском обществе начального образования, и Дмитрия Дмитриевича Волфсона, молодого человека, талантливого сотрудника местных изданий и работавшего много по истории воскресных школ г. Томска.

21 октября толпа разрушила дом городского головы А.И. Макушина, и затем начался самый возмутительный грабеж еврейских магазинов и лавок и разрушение домов.

В театре сгорела вся мебель, декорации, костюмы и библиотека капельмейстера Апрельского, собранная долготетними трудами и стоящая до 8.000 рублей.

В Службах железной дороги сгорели все дела.

Теперь в Томске, по-видимому, все успокоилось. Город разделен на 13 участков, и каждый участок находится под охраной роты солдат.

В пользу пострадавших составляются подписки, и уже собрано до 10.000 рублей.

После этого погрома озверевшей толпы наступило успокоение...

По поводу прискорбных событий производится следствие, которое возложено на судебного следователя Я.Е. Иващенко.

В местной печати появилось много писем от разных лиц и учреждений с выражением сочувствия к деятельности А.И. Макушина, как городского головы, и негодования против поступка с ним.

21 октября дана амнистия для лиц, осужденных за государственные преступления и военными судами, но – далеко не полная...

В.С.

Время

От редакции (1905. № 152)

В дни, какие переживает теперь вся Россия, вынужденный двухнедельный перерыв в издании газеты с определенным кругом читателей представляется весьма чувствительным. В таких случаях установившаяся было духовная связь между органом печати и его читателями как бы обрывается. Это очень неприятно. Такая именно неприятность постигла и нашу газету и постигла совершенно неожиданно. Типография М.Н. Кононова, в которой печаталась газета «Время», перешла в другие руки, причем продолжать в ней даль-

нейшее печатание не представилось возможным, и номер 18-го июля не вышел. Редакция вошла было в соглашение с владельцем одной из местных типографий, который охотно принял на себя печатание нашей газеты, но тут случилось то, что случается довольно часто в эпоху наших своеобразно понимаемых «свобод», от которых задыхается Россия. Оказалось, что собственник типографии не мог в данном случае распорядиться своим правом собственности так, как последнее определяется в законах всего мира, т.е. как право исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. По словам владельца типографии, господа наборщики набирать статьи для газеты «Время» отказались, о чем, между прочим, поведала и «Сибирская жизнь», вообще хорошо осведомленная в такого рода делах. По ее словам, рабочие этой типографии «затянули хором такие громкие «отыди от нас сатана», что оглушенная редакция опрометью кинулась вон и очнулась только на соборной площади». Действительно, печатать нашу газету согласилась губернская типография. Но до приобретения ею необходимых для газеты шрифтов и пополнения количества наборщиков газета «Время» будет выходить пока в объеме сегодняшнего номера, а с половины августа – в объеме лишь немного меньшем сравнительно с прежним. Подписчики будут удовлетворены выпуском полуторных номеров. С приобретением же новой печатной машины к концу года объем нашей газеты останется прежним.

Фельетон. Беседа (1905. № 203)

Вопреки циркулировавшим у нас в последние дни слухам о всяких ужасах и даже о каких-то «реваншах», которыми должна была ознаменоваться годовщина прошлогоднего «выступления революционного народа», день 20 октября прошел у нас вполне благополучно, и мирное житие мирных граждан, под бдительным оком «человеков с саблями и пистолетами», ничем нарушено не было. В обоих храмах науки было тихо и безмолвно, как так в этот день лекций не читалось.

Словом, все обошлось, как нельзя лучше. Ну и слава Богу, читатель! Все эти революционные выпады и потасовки слева и справа надоели нам до нестерпимости, до тошноты! Безмятежное и мирное житие – вот что должно быть теперь нашим идеалом! А драть горло

на тему: «будет буря – мы поспорим» можно предоставить, в крайнем случае, гимназистам и реалистам, с которыми, как говорят, управиться решительно нет никакой возможности, благодаря родительским комитетам и прочим прискорбным новшествам в порядке управления учебными заведениями или, вернее, предоставления их на волю самоопределяющихся отроков педагогами, некогда даже славившихся своим бесстрашием, а теперь находящимися в постоянном трепетании перед всеми и вся. Эпидемия Виттовой пляски сразила, как видно, и этих когда-то мужественных и суровых людей...

Однако день 20 октября все-таки ознаменовался в Томске одним событием, умолчать о котором было бы непростительно. К счастью, это событие ничего крамольного и бунтовщического в себе не содержит и относится к числу так называемых мирных «культурных приобретений». О нем во благовремени оповестил меня мой «взьерошенный друг», Павлуша Отзывчивый, прибежавший ко мне в 2 часа дня в довольно «приподнятом настроении».

Читателям «с направлением», а пожалуй и без оно, может показаться неправдоподобным, что благородный «взьерошенный друг», Павлуша Отзывчивый, водит какое бы то ни было знакомство со мной, сотрудником «черносотенной» и даже «хулиганской» газеты. На это не решился бы даже ни один «прочный» конституционалист-демократ, как величает г. Зубашева в «Стране» какой-то услужливый корреспондент из Томска. А тем не менее это факт. Невероятно, но факт. Положим, что и я каждый раз, когда вижу перед собою Павлушу Отзывчивого, невольно думаю: *Quis tuierit Gracchos de sedition querentes?*, но это не мешает мне относиться к нему по-приятельски, тем более, что я не теряю надежды переманить его со временем в свой «черносотенный» лагерь. С своей стороны, и он, кажется, питает уверенность, что ему удастся пробить не одну брешь в моей черносотенной броне и даже «революционизировать» меня. «Товарищи» Павлуши Отзывчивого, разумеется, смотрят косо на это его знакомство с «черносотенцем» и не сегодня-завтра произведут его, чего доброго, в «шпионы». О такой вполне возможной для него неприятности я даже неоднократно намекал Павлуше Отзывчивому, но он храбро и кратко отвечал мне каждый раз одно и то же: «наплевать»! Столько редкие в наше время мужество и некоторая независимость от того революционного стада, в котором мой «взьерошенный друг» предпочитает вращаться, невольно располагали меня

в его пользу, и потому все его «освободительные» глупости я выслушиваю в высшей степени терпеливо.

Так вот неожиданное появление в такой день «взъерошенного друга» меня порядком-таки напугало. Настроение у Павлуши Отзывчивого было, как сказано, приподнятое.

– Неужто, спрашиваю, опять выступление революционного народа, штурм губернской бастилии, республиканская гвардия, Drang der Juden и пр.?

– Прошли те времена... – ответил мой собеседник мирным тоном. – Нам остается только «пассивное сопротивление», революционизирование народных масс. В этом смысле и вынесена резолюция на последнем кадетском съезде в Гельсингфорсе. А пока что ерунда с маслом! Реакционеры и мракобесы вроде вас торжествуют... Но...

– Послушайте, Отзывчивый, да ведь вы отлично знаете, что я совсем не мракобес, хотя и не разделяю всей вашей «освободительной» чертовщины...

– А у нас в Томске приятная новость!

– А что?

– Да ведь сегодня вышла новая газета – не чета вашему черносотенному «Времени».

И он торжествующе протянул мне первый номер «Томской торгово-промышленной газеты».

– Несомненно, газета будет иметь успех, так как эта газета во всяком случае прогрессивная.

– Вашего полку, значит, прибыло. Ну, ладно, оставьте ее мне. Прочту.

Павлуша Отзывчивый посидел недолго, выложил весь свой арсенал «святой лжи» по адресу бюрократии, военно-полевых судов, отсутствия «конституционных гарантий», съезда русских людей в Киеве и пр., распрощался и ушел, а я немедленно принялся за чтение новой томской газеты.

Объем и шрифт те же, что были у нашего «Времени» до перехода типографии М.Н. Кононова в другие руки и до того бойкота этой «черносотенной» газеты, о котором в 179 номере «Страны» г. Максима Ковалевского какой-то лгун из Томска наговорил столько «святой лжи», что хоть отбавляй. А теперь, читатель, посмотрим, что именно в новой газете вызвало у нашего взъерошенного друга Павлуши Отзывчивого явно приподнятое настроение.

Благие намерения газеты изложены, как водится, в передовице, в которой или сам редактор-издатель г. В.И. Лянге, или его премьер-сотрудник напустили как раз такое количество туману, какое полагается для большинства писаний современных «прогрессивных» врачей того огромного и сложного государственного организма, который называется Россией.

В общем, лейтмотив статьи тот же, что и в пресловутом «проекте областного сибирского союза», состряпанного мнимыми сибирскими патриотами вкупе с заезжими из метрополии русскими иностранцами. Этот лейтмотив – сепаратизм, а по-кадетски – «автономия»: Сибирь, мол, есть совсем особая статья и как экономически, так и политически должна быть обособлена от метрополии, т.е. от Европейской России, «для которой в течение веков она была – и есть – лишь колонией и тюрьмой». Постройка колоссального железнодорожного пути, обошедшего угнетающую Сибирь метрополии в сотни миллионов рублей, и открытие двух высших учебных заведений, в то время как, например, в центре торгового и промышленного поволжского района не имеется ни одного политехникума, – в счет, разумеется, не идут...

Освободить Сибирь от векового гнета необходимо во что бы то ни стало!

И вот задачу «служить интересам Сибири и ее освобождению от экономического гнета Европейской России, с одной стороны, и освобождению от устаревших форм экономической жизни – с другой» и берет на себя «Томская торгово-промышленная газета» г. Лянге.

Но как служить? *Voilà la question!*

А вот как, объясняет нам г. Лянге:

«Набирая своей задачей вместе с экономической стороною жизни служение промышленности, мы намерены служить не той узкобуржуазной промышленности, основанной лишь на интересах капитала, но той, которая всецело основана на всеобщем благосостоянии, и главным образом – благосостоянии крестьянских и рабочих масс».

Все это очень хорошо, гуманно, демократично, освободительно и пр... но... ах, как темно! Как некогда выразился генерал Куропаткин, прослушав, в бытность свою в Томске, одну из лекций знаменитого профессора Рейснера...

По нашему мнению, последняя тирада представляет собою не более как слова, слова и слова! По-видимому, политическая экономия г. Лянге недалеко ушла от той, с которой мы уже достаточно

успели познакомиться на столбцах «Сибирской жизни» в самый разгар предвыборной агитации. Но экономика и государственность, какие проводились тогда «Сибирской жизнью», были рассчитаны главным образом на уловление голосов, и потому многие из проповедовавших ее политико-экономических и прочих истин едва ли могли признаваться «всурьез» даже самими творцами их. Тут все дело было в достижении победы кадетов на выборах, в сноровке, в тактике. Но если газета г. Лянге преследует более серьезные цели, то и политическая экономия ее должна быть иного и более отборного сорта. Мы сильно сомневаемся, чтобы г. Лянге и в самом деле знал такую промышленность, которая всецело основана на всеобщем благосостоянии, и главнейшим образом на благосостоянии крестьянских и рабочих масс. Но если такую промышленность он действительно знает, и если его газета и будет служить именно такой промышленности, то это значит, что г. Лянге просто чародей, и в руках у него есть такой козырь, о котором никто, кроме него, и не подозревает. К несчастью, такого козыря нет ни у кого, нет его и у г. Лянге. А нет у него этого козыря потому, что пока нет и делаемого г. Лянге разделения промышленности на ту, которая в качестве промышленности «узкобуржуазной» основана на одних интересах капитала», и на ту, которая «всецело основана на всеобщем благосостоянии». Провести такую грань нельзя не только практически, но даже и теоретически, а тем более при условии нынешнего социального строя, не удалось еще никому, и едва ли удастся г. Лянге.

Из сказанного следует, что освободительные мысли могут быть очень хорошими и очень «симпатичными» мыслями, но и только. Высказывать их могут самые передовые и самые «смелые личности»: взерошенные друзья вроде Павлуши Отзывчивого могут отзываться на них всеми фибрами своей отзывчивой души, восторженные пятидесятилетние и даже сорокалетние Джульетты могут полететь им навстречу на крыльях любви; если эти мысли изо дня в день будут проводиться в газете, то они, быть может, завербуют себе миллион триста тысяч подписчиков, а все-таки они, эти мысли, как были, так и будут «святой ложью» и ничем больше...

Будь наша газета «Время» столь же огромного размера, как и газета г. Лянге, я побеседовал бы с вами, читатель, еще об одной стороне «Томской торгово-промышленной газеты», но за недостатком места откладываю беседу до другого раза».

Народные нужды

Томск, 17 января 1906 г. (1906. № 1)

Наша газета называется «Народные нужды». Мы будем писать о том, что нужно народу.

С этого года у нас вводятся новые порядки: государством будет управлять Царь вместе с Государственной Думой, то есть выборными людьми от всего русского народа.

Раз народ будет посылать выборных в Государственную Думу, то ему нужно знать, что такое Государственная Дума? Как выбирать в Государственную Думу? Какие дела будет решать Государственная Дума?

Обо всем этом мы будем писать в нашей газете.

Новые порядки будут состоять не только в том, что у нас будет Государственная Дума. Для того, чтобы лучше жилось русским людям, необходимы и другие перемены. Мы и будем писать, какие именно перемены нужны. Мы будем писать о том, какие нужны суды, чтобы всякий обиженный нашел себе защиту по справедливости, о том, что такое земство, и какое земство необходимо, о том, как нужно изменить законы о податях и налогах, чтобы облегчить бедных людей, о том, как добиться того, чтобы не было темных людей, чтобы все люди получали образование. О том, как улучшить жизнь крестьян, рабочих, мастеровых, служащих и вообще всех трудящихся людей.

Нужно, чтобы народ знал не только о том, что происходит в нашем селе или городе, где каждый живет, а также и о том, что делается в других местностях на Божьем свете. Мы будем писать в нашей газете о том, что делается в Томске, Томской губернии, в других местностях Сибири, и вообще в России, и, наконец, за границей.

Большинство народа в России – крестьяне. Мы думаем, что большинство читателей нашей газеты – тоже крестьяне. А потому мы будем писать о том, что важно и интересно для крестьян.

Вот как мы понимаем народные нужды. Всеми силами будем стараться выяснять их. Но мы понимаем, что, может быть, иногда мы забудем написать что-нибудь важное или же что-нибудь напишем неясно. Мы просим читателей указывать нам, что в нашей газете осталось для них неясным или непонятым, или что им любопытно было бы знать и чего нет в нашей газете. На все такие вопросы читателей мы постараемся давать ответы.

По Сибири. Деревня спит... (1906. № 1)

Пред Рождеством мне пришлось сделать большую поездку по Томской губернии, посетивши селений 30–35. Грустное впечатление вынес я из этой поездки...

Спит сибирская деревня, спит глубоким сном, погруженная всецело в хозяйственные хлопоты и работы. Спит в тайге, окруженная сумрачными елями и пихтами, спит в степи под унылый вой буранов и метелей...

То, что происходит в настоящее время в Европейской России, в крупных городах Сибири, неведомо сибирской деревне. Ни газет, ни писем... Изредка заехавший со стороны торговец-скупщик расскажет о том, что вот-де в городе студенты заявили, что Бога и царя чтить не следует, что мутят подобными речами и простой народ... Приедет свой местный торговец из ближайшего городка, куда ездил за товаром, и расскажет, что железнодорожники товаров не везут, да что – товары: и запасных, возвращавшихся в родные семьи, везти не хотят...

Таковыми нелепыми известиями питается изредка деревня. Так извращенно освещаются пред нею те события, которые потрясают всю Россию.

Большого впечатления, однако, вести на деревню не производят: со студентами расправится же и городской народ... в Томске бунтовали, ну их и проучили... Запасные стали возвращаться, проучивши кое-где и железнодорожников, после чего те поуменьли... Вот товаров дорога не везет, и торговец в своей лавке на все надбавил – это плохо...

Ну, а те, кто ближе всего должен стоять к деревне, кто должен – одни хотя бы по своему служебному положению, другие по долгу совести – передать населению, что происходит в России, осветить происходящее, способствовать пробуждению народа, – что они делают?

– Я читал на сходе манифест 17 октября, – говорил мне волостной писарь, – кроме того, манифест этот у нас везде расклеен – вот извольте видеть. Но манифеста не понимают – народ ведь у нас и так свободен. Третьего дня, для примера укажу, приходят в волостное солдатки. Ты, говорят старшине, зачем пособие нам удерживаешь? Ну и... изнасиловали старшину... и знак сорвали, и по лицу били... Чего же, помилуйте, свободнее?..

Духовенство... Оно ждет указов из консистории с консисторским толкованием, чтобы своим личным не дать какого-нибудь про-

маха. То, что говорит оно с амвона, – темно, непонятно для народа. И как ни горько, но должен сказать, что о свободе совести, свободе религиозного вероисповедания многие батюшки не желают и говорить населению: это против их убеждений.

Народный учитель... Кому живется весело, вольготно на Руси? – Только не народному учителю. О, он жаждет свободы, жаждет всем своим наболевшим сердцем, уставшею измученной душой! И дорогую весть о желанной свободе он на крыльях понес бы народу... Но горькое бесправие связывает его тяжелыми путами...

Пусто, одиноко
Сонное село.
Вьюгами глубоко
Избы занесло.
Тишина немая
В улицах пустых...

Н. Шунин

О хорошей книге (1906. № 3)

Самая большая беда русских крестьян – это их темнота. С темноты знахарей в деревне умирают дети и взрослые, падает скот; чиновники бывают недобросовестны в крестьянских делах потому, что крестьяне темны и не могут вступить за свои права, иные волостные писаря наживаются на счет мира, потому что в деревне некому разобрать их дела. Беда крестьянской тьмы настолько велика, что ее видят и крестьяне, и все русские люди. И многие из образованных ученых русских людей хотят помочь сельскому населению в этой беде. Одни строят школы, другие учат детей грамоте, третьи устраивают чтения для взрослых с хорошими книгами и разумным объяснением.

Много пользы могли бы принести крестьянам эти чтения, но устраивать их трудно: надо дожидаться разрешения от начальства, но и книгу выбрать подходящую и полезную, и написанную понятно. А таких хороших книг попадает в деревню мало: не все из них разрешены начальством; но, кроме того, учителя и священники, выписывая книги из города, не могут прочесть их за-

ранее, приходится выписывать наугад и уже потом выбирать, какая книжка больше подходит для крестьян.

А еще труднее найти хорошую книгу грамотному крестьянину. Перечитает он те немногие, какие найдутся в школе или волости, а больше и нечего читать. Оставаясь без книг, он позабывает и грамоту, а лет через 7 после окончания ученья едва-едва и фамилию свою подпишет. Или книжки попадутся ему плохие, без толку написанные, детские сказки или ложь. Такие книжки чаще всего попадают в деревню, потому что развозят их по ярмаркам необразованные торговцы, не умеющие выбрать в городе дельную книгу для народа. Да и в волостных и школьных библиотеках начальство позволяет держать только те книги, какие оно одобряет. Все эти книги мало просвещают деревенскую тьму; вот почему крестьяне часто избегают книжки и чтение считают пустым занятием.

А между тем хорошая книжка могла бы подружить крестьян с чтением, потому что она ответит ему на многие такие вопросы, на какие не ответит в деревне ни один бывалый человек. Разумная книга укажет крестьянину, как сохранить себя и домашних от заразы и болезни, как судиться с богатым обидчиком и защититься от чиновничьей неправды. Книга, написанная знающим человеком, разъяснит, что такое страна, в которой мы живем, какие люди населяют ее, и где и как землей пользуются. По книге, а не от писаря вы вернее узнаете ваши права и обязанности. Книга покажет вам людей хороших и дурных, научит различать друзей от врагов. Читая хорошую книгу, крестьяне не будут уж темными и слепыми; они уже увидят, как широк и просторен Божий свет, и волю Божью поймут лучше: тогда скорее они устроят свою жизнь так, как следует по правде.

Желая помочь во всем этом крестьянам, наша газета будет называть хорошие и понятные книги, которые им следовало бы прочесть, чтобы лучше понять свою жизнь.

Книжки эти можно будет и присылать вместе с газетой тем подписчикам, кто пришлет в редакцию почтовых марок на столько, сколько книга, которую хотят получить, стоит.

А.Д.Ж.

Чего хочет партия народной свободы (1906. № 3)

Настало время, когда мы, русские люди, должны и можем громко заявить о том, что нам нужно. Мы должны это сделать потому, что дальше так жить, как мы жили до сих пор, нельзя. Мы можем это сделать, потому что теперь важнейшие государственные дела будут решаться не одним Царем, а вместе с Государственной Думой, то есть выборными от русского народа.

Нужно, чтобы в Думу попали такие люди, которые знают, что нужно русскому народу, и которые умеют настоять на том, чтобы все в нашем государстве делалось для блага русского народа.

Что же нужно для блага русского народа?

Одни считают, что нужно одно, другие, что нужно другое; одни думают так, другие иначе; одни хотят одного, другие другого. Те люди, которые одинаково думают и одного и того же хотят, составляют одну партию. За границей, где народ давно уже через своих выборных управляет государством, давно уже есть партии. У нас разные партии появились только теперь.

Есть люди, которые думают, что лучше всего оставаться при старине. Что никаких новых порядков не нужно. Это те, которым и при старых порядках хорошо жилось. Они составляют партии реакционные.

Есть другие люди, которые думают, что при старине нельзя оставаться, что нужны новые порядки, какие уж испытаны другими народами, и что эти новые порядки нужно вводить не сразу и сильно, а постепенно, мирно и без кровопролития. Такие люди составляют партию народной свободы. Каких же именно новых порядков хочет партия народной свободы?

До сих пор русский народ был в неволе у разного начальства. Партия народной свободы хочет, чтобы не было этой тяжелой неволи, чтобы русский народ имел свободу. Партия народной свободы хочет, чтобы ни полиции, ни даже высшему начальству нельзя было посадить человека в тюрьму или под арест без суда и следствия, чтобы всякому человеку позволялось говорить и писать правду, хотя бы эта правда была неприятна начальству или кому-нибудь другому, чтобы позволялось такую иметь веру, какую по совести он считает наилучшей, чтобы всем позволялось, не спрашивая разрешения начальства, устраивать общества, а также сходиться вместе, чтобы толковать о своих делах.

В манифесте 17 октября Царь объявил, что свобода должна принадлежать русскому народу. Теперь дело за выборными людьми: они должны составить законы о том, каким образом обеспечить свободу русского народа. Партия народной свободы хочет, чтобы выборные люди, собравшись в Государственной Думе, прежде всего составили законы о свободе, потому что свобода нужнее всего русскому народу.

Партия народной свободы хочет, чтобы выборные люди изменили законы о выборах в Государственную Думу, а именно, чтобы ввели выборы всеобщие, равные, прямые и тайные. Это значит: чтобы все (кроме несовершеннолетних и опороченных по суду) подавали голоса на выборах, чтобы каждый имел только один голос, чтобы каждый прямо подавал голос за того, кого он желает послать выборным в Думу, и чтобы голоса подавались тайно (так, чтобы никто, кроме меня самого, не знал, за кого я подаю свой голос). Когда будут такие выборы, то в Думу попадут настоящие представители всего русского народа. А значит, нужно добиваться, чтобы был у нас закон о всеобщих, равных, прямых и тайных выборах.

Нужно ввести законы о правах Государственной Думы. Партия народной свободы хочет, чтобы Государственная Дума имела такие права, какие имеют выборные люди за границей в образованных государствах. А именно, партия народной свободы хочет, чтобы выборные люди имели право указывать, какие законы нужно отменить и какие ввести, чтобы ни один закон не мог появиться без согласия выборных, чтобы никакой подати и никакого налога не вводили без согласия выборных, чтобы расходовали казенные деньги так, как выборные постановят, и чтобы высшее начальство держало ответ перед выборными людьми за все свои распоряжения.

Нужно изменить законы о земстве. Теперь в России в некоторых местностях нет совсем земства. Нужно ввести его повсюду, потому что где есть земство, там народу лучше живется: там и школ больше, и больниц больше, дороги исправнее, там помогают людям в случае пожара, голода или какого-нибудь другого несчастья. Теперь в земствах орудуют состоятельные люди, земства подчиняются чиновникам, а некоторые нужные дела решаются не земскими людьми, а чиновниками. Нужно, чтобы все жители волости, уезда и губернии выбирали земских гласных, чтобы земство заведовало всеми местными делами и чтобы оно не зависело от чиновников. Партия народной свободы хочет, чтобы были изданы законы о повсеместном

введении земства, о всеобщих выборах земских гласных, о расширении прав земства и о независимости земства от чиновников.

Много разных людей живет в нашем государстве, и для разных людей у нас разные законы: то, что позволено одним, запрещено другим. Это несправедливо. Партия народной свободы хочет, чтобы не было этой несправедливости, чтобы одинаковые законы были для всех, чтобы перед законом были все равны: мужчины и женщины, дворяне, мещане и крестьяне; русские, поляки, немцы, евреи, татары, киргизы и др.

Но недостаточно иметь хорошие и равные для всех законы. Необходимо, чтобы законы исполнялись. Беда, когда «законы святы, а исполнители лихие супостаты». Необходимо, чтобы законы исполнялись и народом, и всеми должностными лицами, начиная от мелких чиновников и кончая высшими начальниками. Достигнуть этого можно будет тогда, когда будет установлено, что всякий нарушитель закона должен отвечать перед судом, и когда суды будут у нас – справедливые и для всех равные, одинаковые. Партия народной свободы хочет, чтобы все нарушители законов отвечали перед судом и чтобы суд был справедливый и равных для всех.

Мало у нас, на Руси, людей образованных и даже грамотных, в особенности в деревнях; есть деревни, где сплошная темнота – ни одного грамотного человека нет. Темный человек не знает, как ему лучше устроить свою жизнь, всякий его может обидеть. Партия народной свободы хочет, чтобы школ было много, так много, чтобы все дети – и бедных и богатых родителей, и нищие, и сироты, и мальчики, и девочки – могли учиться бесплатно, на казенный счет; она хочет, чтобы и взрослые люди могли читать книги и газеты и узнавать, что на свете делается.

Много приходится податей платить бедному человеку. Многие не в состоянии заплатить все, что полагается. Кто не может заплатить, тому не прощают, а записывают недоимку. За недоимку продают последнее имущество с торгов и делают человека нищим. Партия народной свободы хочет, чтобы все люди платили подати и налоги по своему достатку, чтобы бедные платили меньше, а богатые больше.

Партия народной свободы хочет, чтобы все товары, без которых никто, ни богатый, ни бедный, обойтись не может, – керосин, сахар, спички, вино, железо, сталь и др. – продавались дешевле. Теперь эти товары дороги оттого, что казна на них наложила особенный налог, который называется косвенным. Партия народной свободы хочет, чтобы косвенных налогов на товары, необходимые всякому, совсем не было. А тогда и товары эти сразу подешевеют.

Партия народной свободы хочет, чтобы все трудящиеся люди – рабочие на фабриках и заводах, мастеровые и ремесленники, приказчики и разные служащие в лавках и магазинах – могли жить по-человечески. А для этого нужно, чтобы они получали хорошее жалование и имели отдых после работы. В праздники трудящимся людям нужно дать полезный отдых; в будние дни нужно, чтобы они работали не до изнурения сил, не столько времени, сколько хозяину захочется, а сколько по закону полагается. За границей рабочие на фабриках и заводах добиваются того, чтобы работать только 8 часов в день. Пусть выборные люди в Государственной Думе от партии народной свободы постараются ввести 8-часовой рабочий день.

У многих крестьян земли мало. А рядом у помещика или казны много земли. Казна и помещики сами справиться со всей работой не могут, они для работы на своей земле нанимают крестьян, а платят им мало или же отдают свою землю в аренду крестьянам, и берут за это много. Пусть выборные люди, собравшись в Государственной Думе, потолкуют об этом и постановят, каким образом без обиды, по справедливости, земли помещичьи и казенные передать крестьянам.

Вот чего хочет партия народной свободы. Кто согласен с этим, пусть записывается в члены партии. Писать нужно: в Томск, в редакцию газеты «Народные нужды».

Приближается время выборов в Государственную Думу. Будем выбирать в Думу, а поэтому всякий, кто одобряет программу партии народной свободы, изложенную в этой статье в кратких словах, – пусть выбирает в Государственную Думу только тех лиц, которые нам обещают, что, будучи выбранными в нее, они станут поддерживать желания партии народной свободы и будут добиваться введения в России таких законов и порядков, какие, по-нашему, необходимы.

За всякого рода справками о выборах обращаться в город Томск, Почтамтская улица, дом Семенова, номер 13.

Сибирские отголоски

Воскресенье, 25 июня 1906 г. (1906. № 16)

... Опять погром, – опять кровавая резня в Белостоке.

Когда же конец этим проявлениям членоконенавистничества?

Неужели в истерзанной родине так и не наступит умиротворение?

В Государственной Думе много говорят – очень уж много; а дело не подвигается.

Говорят: «необходимо терпение, запаситесь им». Мы и терпим, мы и ждем; но неужели же не будет конца всем бедам, всем злополучиям, какие выпали на долю несчастной страны.

Неужели нам суждены – только благие порывы, но свершить ничего не дано...

Да и трудно что-нибудь сделать – почти невозможно не только вырвать зло с корнем, но и умалить его значение, пока существуют те условия, о которых недавно узнала вся Россия из речи, произнесенной в Государственной Думе членом ее, бывшим товарищем министра внутренних дел, князем Урусовым.

В этой речи сообщены такие ужасающие факты, которые, если бы они передавались не лицом, стоявшим только что недавно у кормила правления, могли бы показаться сказочными.

Мы приводим отрывки из речи кн. Урусова, освещающие причины погромов и указывающие их авторов-создателей.

«В действиях погромщиков, – сказал он, – усматривается известная планомерность: они действуют в сознании какого-то права, в сознании безнаказанности и действуют лишь до тех пор, пока это сознание не будет в них поколеблено, после чего погром прекращается быстро и легко. В действиях полиции никогда не бывает единства: в то время как некоторые полицейские участки подвергаются сплошному разгрому при наличности значительных полицейских сил, другие участки остаются почти нетронутыми. После арестов начальство, посещающее арестантов, не может избежать впечатления, что перед ним стоят не столько преступники, сколько обманутые кем-то темные люди. Чувствуется какая-то организация, однородная и широко задуманная. В январе 1906 года к одному из лиц, занимавшему в министерстве внутренних дел второстепенное положение, но известному в качестве противника погромной политики (я говорю не о себе), стали поступать в большом количестве образцы воззваний частной работы, широко распространяемые, а также тревожные жалобы с указанием на подготовку погромов в Вильне, Белостоке, Киеве, Николаеве, Александровске и других городах. Гомельский январский погром, подтвердивший основательность высказываемых опасений, и побудил упомянутое лицо употребить все средства к прекращению остальных погромов, что и удалось сделать, благодаря распоряжениям председателя совета министров, по-

степенно знакомящегося с ходом негласного дознания. При этом выяснилась такая картина. Группа лиц, составляющих как бы боевую дружину одного из наших патриотических собраний, в единении с лицами, близко стоящими к редакции одной петербургской газеты, предприняла борьбу с революцией. Причину смуты они усмотрели в инородцах, жителях окраин и черты еврейской оседлости. Русское население, а также особо русские солдаты, призывались к расправе с крамольниками десятками тысяч воззваний самого возмутительного содержания. Получались оригинальные последствия; так, воззвания отвозились членами сообщества на места, вручались верным местным сочленам-союзникам, которые в свою очередь распространяли эти воззвания осмотрительно и с толком: помощник полицмейстера распространяет воззвания без ведома своего начальства, или пристав 1-го участка удостоен доверия, которого пристав 2-го участка был лишен. У кого-нибудь из служащих в жандармском или в охранном появлялись какие-то особые суммы, к нему начинали ходить какие-то темные люди. В городе ходили слухи о каких-то приготовлениях. Губернатор успокаивал напуганных, извещая, однако, что далеко не все спокойно. В министерство летели телеграммы о принятии мер к охране спокойствия, но распоряжениям далеко не все доверяли. Служащие чины полиции совершенно добросовестно полагали, что меры принимаются для вида, для приличия, но что им известна настоящая цель правительства. Шла невероятная путаница, полная дезорганизация и деморализация власти. Между тем в Петербурге еще осенью 1905 года в доме № 16 на Почтамтской заработал *в отдаленной комнате департамента полиции печатный станок, приобретенный на средства департамента, на казенные суммы*. К станку был приставлен жандармский офицер в статском платье Комиссаров, который с несколькими помощниками усердно готовил упомянутые воззвания. Тайна существования этой подпольной типографии была так хорошо соблюдена, так конспиративна, что не только в министерстве, но и в самом департаменте полиции мало кто о ней знал. Работа, очевидно, шла усиленно, так как на вопрос лица, случайно напавшего на следы организации, о ходе дела, Комиссаров ответил: «Погром устроим какой угодно: угодно – на 10 человек, а угодно – на 10 тысяч». К сведению депутатов киевлян добавлю, что в Киеве на 3 февраля был назначен погром на 10 тысяч, но его удалось предотвратить.

Говорят, председатель совета министров испытал сильнейший припадок нервной астмы, когда ему были сообщены изложенные факты. Он вызвал к себе Комиссарова, который доложил ему о своих действиях и о своих полномочиях, а через несколько часов в департаменте не было ни станка, ни воззваний, ни оригинала. Осталась пустая комната. Поэтому министр внутренних дел не будет иметь возможности удовлетворить законное желание Думы узнать имена всех лиц, которые объединили действия организации, обеспечили ей безнаказанность, действовали магически на полицейских и других правительственных чиновников и даже дали возможность добиваться повышения и наград тем из них, которые оказались наиболее деятельными.

В заключении кн. Урусов сказал, что при данных условиях «никакое министерство, даже взятое из состава Государственной Думы, не может водворить в стране порядок, пока какие-то неизвестные люди, стоящие в стороне за недосыгаемой оградой, будут грубыми руками хвататься за отдельные части государственного организма. Депутаты принесли в Думу со всех концов России не только негодование, но и горячую жажду деятельности, самоотверженности и истинного, чистого патриотизма. Все и вся чувствуют, что темные силы вооружаются против нас, подрывают ее доверие к нам, нашей работе не дают протекать в том единении с властью, которое по закону, утвердившему нам новый строй, является необходимым условием успеха, залогом непрестанного развития нашей государственной жизни. Здесь скрывается большая опасность, и она не исчезнет, пока на дело управления, на судьбы страны будут оказывать влияние люди по воспитанию – вахмистры и городовые, и по убеждениям – погромщики.

Разумеется, всякое министерство, даже избранное из среды Думы, ничего не сделает, если все благие начинания и намерения его будут разрушать эта, поистине грозная клика «неизвестных людей», пользующихся каким-то особенным влиянием и стоящих вне всякой ответственности и зависимости от кого-либо...

Повторяем – то, что сделалось известным из речи кн. Урусова и о чем дотоле ходили только смутные колеблющиеся, так сказать, слухи, ужасно. И сколько, благодаря действиям этой клики «неизвестных людей», пролилось невинной крови, сколько погибло народа!..

За человека делается страшно!..

Томский вечерний листок

«Томский вечерний листок» и его программа (1906. № 1)

Создать независимый внепартийный орган с строго прогрессивным направлением – вот задача редакции «Томского вечернего листка». На первое время редакция ограничилась чисто местной программой жизни. Правдиво и беспристрастно освещать местную жизнь, не льстя и не угодничая сильным, называть по имени порок пороком, клеймить, обличать. Более широкие планы впереди. В газете не будет телеграмм, потому что за последние месяцы телеграммы агентств служат только балластом газет. Если Государственная Дума соберется, на время сессии ее «Томский вечерний листок», вероятно, абонируется на получение телеграмм. Может быть, к тому времени редакция из еженедельного летучего листка превратится в ежедневную газету. Все зависит от благоприятных обстоятельств и, главным образом, от сочувствия читателей. С верой в это сочувствие, с верой в «друга-читателя» редакция выступает на усыпанную терниями дорожку, на которой немало погибло честных самоотверженных тружеников слова.

Отчего дорого? (1906. № 2)

Необходимо объяснить. Читатели «Томского вечернего листка» жалуются, что цена номера – 5 копеек – очень высока, ссылаясь в подтверждение своей претензии на дешевизну больших томских газет. Правда, но отчего это происходит? «Томский вечерний листок» выходит в дни послепраздничные. Набор или, вернее, часть набора и печатание производится в праздники за сдельную плату, конечно, двойную. Это раз. Технические затруднения типографии, где печатается «Томский вечерний листок», очевидны для всякого, газета печатается ручным способом и, следовательно, более дорогим. Это два. Если бы редакция гонялась за пятаками с целью наживы, то она выступила бы не с открытыми картами, а с помпой, рекламируясь на страницах газет, на заборах, крича и шумя на всех перекрестках. Дело не в пятаке. Вдумчивый, серьезный читатель, для которого

дорого более всего живое, свободное слово, не позволит бросить упрека в дороговизне, и вот для такого читателя и выходит «Томский вечерний листок».

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

И смех, и горе

Программа издания (1905. № 1)

- 1) Статьи духовно-нравственного содержания, в стряпне которых лица духовного звания участия не принимают
- 2) статьи сокрушительные
- 3) статьи утешительные
- 4) статьи иного свойства
- 5) корреспонденции (бывают даже с того света)
- 6) местная хроника
- 7) фельетон по силе возможности
- 8) русская жизнь
- 9) заграничная смерть
- 10) объявления бесплатно (пользуйтесь случаем и помещайте).

Подписка не принимается: ибо это издателю и при свободе печати возбраняется. Видите ли, мы разрешения на газету не испрашивали. Скучная эта история: туда напиши, сюда подожди, там подложи, здесь доложи, – тьфу! А мы себе издаем, да посмеиваемся... Да ну их, говорим!

От редакции (1905. № 1)

Приступая к настоящему изданию... г-м! г-м! и имея в виду... г-м!.. г-м!.. обещанную нам свободу слова... г-м!.. г-м! г-м! от слова не сбудется... г-м!.. мы, нижепоименованные, будем всегда стоять на страже... г-м! г-м!.. «камуфлетов» нашей обширной окраины, причем никогда на сторону хулиганов не перейдем, ибо мы не какие-нибудь Казначей-Казначевские (*Секретарь, дайте мне новый платок*). Мы твердо верим, что наша отчизна находится на пути прогресса и под усиленную охрану, а потому порто-

франко военного положения не нуждается ни в какой защите. Мы, ваше благородие (*секретарь, зачеркните эти три слова*). Мы божию милостию будем всегда живы и здоровы, чего и вам сердечно желаем, принимая за благо теперь же выдать свидетельства о политической благонадежности всем околоточным надзирателям, приставам, полицмейстерам, ротмистрам и прочим ревнителям охранения основ от их сотрясения, при том, однако, суждении, ежели сии чины не снимали на митингах шашек и вообще не чувствовали пагубной страсти спасти женский и детский пол из огня и пламени.

Вместе с свободою все будут свободны – это ясно как день, и глубоко ошибаются люди, думающие, что по четвергам не бывает дождичка. Он бывает. Пойдет себе, покрапает, покрапает да и перестанет. Так и нужно, ибо по мокрой земле ходить мокро, скользко и опасно.

Наша редакция всегда близко принимает всяческие благие пожелания, умиляется и шлет приславшим воздушнейшие поцелуи.

Итак, вы знаете, что мы шутить не будем.

Читайте!..

Статья душеспасательная (1905. № 1)

Граждане! Аз есмь червь, а не человек (наверное, этого цензура не выбросит). Граждане! Чай, как зелие китайское, не христианское не следует употреблять в питье. Пейте лучше малину или липовый цвет. Кушайте, но не обкушивайтесь и потейте. Граждане! Не курите табак, ибо это растение создано на пагубу человеческую и если допущено у нас в России к продаже, то при исключительном условии наложения на него акцизной бандероли, с каковою, понятно, он менее вреден, нежели без таковой. Не упивайтесь вином, когда заперты винные лавки.

Не бейте ближних своих, как вы бьете самих себя.

Гражданки! Вы знаете, что нам дарована свобода всего чего изволишь. Следственно, вы можете носить какие вам угодно шляпки, а равным образом разрешается вам ходить и без шляпок. Свободно гуляйте с кавалерами, ибо у каждого из них есть оружие.

Граждания! Ходите в школу и ничего не бойтесь, так как в каждой школе стоят городовые и ежели что-то уж – сделай милость – тащи и не пушай. Даже (скажу вам по секрету) ежели кому-либо из вас учитель или учительша отметку дурную поставит, – скажите об этом городовому. Он им задаст, – ей-богу задаст! Это ведь не попечитель какого-нибудь учебного округа...

Все вообще – потеплее одевайтесь и каждый день кушайте.

Осы

Из басен Крылова. Демьянова уха (1906. № 12)

– Соседушка, мой свет!
Пожалуйста послушай...
– Соседушка, оглох я совершенно: – Нужды нет,
Еще статеечку прослушай:
Газета, ей-же-ей, на славу сведена!..
– Я три заметки прочитал: – И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты, –
А то во здравие: читай, брат, до конца!
Что за газета!.. Как черна:
Как будто грязью вся подернута она.
Потешь же, миленький дружок!
Вот телеграммы, объявление, того-сего кусочек!
Еще хоть строчечку! Да кланяйся жене!
Так потчевал сосед-Гурьян соседа-Фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
А с Фоки уж давно катится градом пот.
Однако же еще заметку он берет:
Сбирается с последней силой,
Прочитывает всю. – «Вот друга я люблю!»
Вскричал Гурьян: – «Зато уж чванных не терплю.
Ну, слушай же еще статеечку, мой милый!»
Тут бедный Фока мой,
Как ни любил газет, но от беды такой
Схватил в охапку
Кушак и шапку, –
И с тех пор к Гурьяну ни ногой.
Счастливо ты, коль дар прямой имеешь:

Но, так как помолчать, о «Время», не умеешь,
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои – и проза, и стихи –
Тошнее всем Демьяновой ухи.

Ноль

Из басен Крылова. Мартышка и Очки (1906. № 12)

Одна страна от бедности слаба уж очень стала;
А за границей же слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь конституцию ей стоит завести.
Комиссий и проектов с дюжину достала, –
Вертит законами и так и сяк:
То влево, то направо их положит,
То даст понюхать, то сама погложет, –
Но конституция не действует никак.
– «Тьфу пропасть! – говорит она. – И тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Про конституцию мне все налгали,
А проку в ней – ни на-волос, ей-ей!».
И тут с такой досады и печали
В реакцию ударилась сильней,
Да так, что только пятки засверкали.

Ноль

Из дневника гимназиста (1906. № 12)

2 октября 1905 г. Вызывал по истории. Гонял целый час. Спрашивал: «Что было бы, если бы не было греко-персидских войн?». Ничего не мог ему на это ответить. Получил два.

3 октября. Проклятый Омикрон заметил, как я сегодня на его уроке смотрел на часы и показывал товарищам пальцами, сколько минут осталось до звонка. Омикрон отобрал часы, поставил латински кол и пожаловался. Результатом его жалобы был нагоняй мне от классного наставника, инспектора и директора.

4 октября. Когда сегодня учитель математики по обыкновению обратился ко мне на «ты», я сделал вид, что не понимаю, к

кому он обращается. Как он потом на меня ни кричал, я невозмутимо молчал.

После уроков меня позвал директор и сказал, что выгонит меня в 24 часа, если я позволю себе еще хоть раз такие дерзости, которые позволил сегодня с учителем математики. Вызваны родители.

7 октября. Ничто не вечно под луною! Как это верно! Да, все изменяется. Какие у нас перемены, так это просто удивительно! Директор всех называет на «вы»! Позвал меня сегодня в свой кабинет и просил не сердиться на него за то, что он распекал меня недавно. Говорил, что он меня вполне понимает, но что долг вынуждает его и т.д.

Знаю, мон шеры, забастовочки боитесь!

11 октября. Омикрон сегодня сознался, что несправедливо поставил мне 4 октября единицу и переправил ее на четверку.

12 октября. Не жизнь, а – лафа! Инспектор возвратил часы и разрешил ими пользоваться, только по возможности реже.

Боитесь, мучители? Довольно вам издеваться над нами!

2 марта 1906 г. Часы опять отобраны. Омикрон сказал, что поставит мне двойку в году.

Одним словом, наступила реакция!

Ничего не поделаешь. Исторический закон.

Списал Вл. Ч.

Бич

Что поют на берегах Ушайки (1906. № 2)

«Что день грядущий мне готовит?..» – поют члены различных профессиональных союзов, сжигая свои уставы и программы.

«Только станет смеркаться немножко,

Буду ждать, не дрогнет ли звонок», –

поет обыватель в ожидании непрошенных гостей.

«Пойдем со мной в отдельный кабинет,

Там ждет нас сладкий театр-а-тет», –

поет толстосум-подрядчик, встречаясь с инженером-путейцем.

«Моя мила симпатична –

Ой, ой, ой!

*Одевается прилично –
Боже мой!» –*

горланит один из членов местного отдела Партии 17 октября, идя пошатываясь по улице.

Герцог Корневильский

Объявление (1906. № 2)

Ищу репетитора, чтобы научил меня без азбуки писать три слова «Гласный Псой Пустоплясов» за приличное вознаграждение.

Студентам не ходить.

****** (1906. № 2)***

Вдоль по речке, вдоль да по грязной
Серый селезень плывет,
Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому
Воевода наш идет.
Он со приставами, он с городовыми
Разговаривает:
«Кого мои духи, кого мои верны
Нынче будем забирать?»
Доставалось духам, доставалось верным
Сицилистов забирать;
«Нет, у них есть бомбы, туда надо войска,
Погодим их забирать».
Доставалось духам, доставалось верным
Все кадетов забирать:
«У них одни речи, у них разговоры,
Их мы живо заберем!»

Премудрая крыса Онуфрий

Ограждение (очерк) (1906. № 2)

- Так шевелятся, говоришь?
- Шевелятся, Сила Фомич!
- Что же делать-то?

Сила Фомич грузно сидел в кресле в своем кабинете и от напряжения мысли усиленно потел.

Дело было в том, что на фабрике Силы Фомича за последнее время «шевелились рабочие». В свободное время сходились в кучки и о чем-то шушукались; в обращении с управляющим и даже с самим Силой Фомичем сделались гораздо самостоятельнее и часто, по выражению управляющего, «дерзили» и, вообще, держали себя так, что у Силы Фомича, глядя на них, начинало как-то болезненно сосать под ложечкой. Фабрика была в довольно глухом месте, и в случае «недоразумений» найти новых рабочих было трудно, а между тем была срочная, спешная работа, которой должно было хватить еще на месяц. Как-то пройдет этот месяц?

Вот и теперь, едва только Сила Фомич забылся за вычислением будущих барышей, как управляющий опять разбеспокоил его вконец. Явился и доложил, что рабочие «шевельются» не перестают и что, по его мнению, надо принять какие-нибудь меры, а то как бы хуже не вышло.

– Что же делать? – с душевным томлением вопрошал Сила Фомич, усиленно вытирая лысину клетчатым платком.

– А надо, Сила Фомич, какое ни на есть ограждение сделать от этой самой смуты.

– Да какое же, милый ты человек!

– А я полагаю, что надо послушать как-нибудь, об чем они говорят и что затевают, да уж сообразно с этим и ограждать себя от беды-то.

– Ну, слушай, что ли, да только поскорее, а то, пока слушаешь да думаешь, так они пожалуй... и забастовку устроят!

И Сила Фомич, в полном изнеможении от неприятностей и усиленного мышления, махнул управляющему, чтобы тот оставил его в покое.

На другой день, при окончании работы, управляющий сидел в темном углу и, трясясь от страха, что его заметят, слушал, что будут говорить рабочие. Вот проревел гудок, и вместо однообразного шума машин фабрика разом наполнилась веселым говором кончивших свой трудовой день рабочих. Около машины, за которой сидел в углу управляющий, скоро образовалась порядочная кучка народа. Управляющий знал, что это излюбленное место для импровизированных собраний, потому и залез сюда.

– Так как же, Семенов, придется, что ли, бастовать-то? – спросил вполголоса один из рабочих.

– А кто его знает? – ответил тот, кого назвали Семеновым. – Нам-то ведь не из-за чего, да и хозяин наш знаешь какой! Его только пужни забастовкой, так он тебе не то что прибавку, а хоть жар-птицу достать со страху согласен будет!

Рабочие засмеялись.

– А только, – продолжал Семенов, – ежели кругом прочие по нашей специальности фабрики забастуют, так и нам отставать нельзя. Потому – всему рабочему делу подрыв выйдет.

– Знамо дело! – поддакнул один из рабочих. – Да те-то будут бастовать али нет?

– Говорю тебе – не знаю! Да и сами они не знают! Потому – от переговоров все будет зависеть, как переговоры пройдут.

– А ты нам сказывай!

– Сказывать буду, только вы шибко-то виду не подавайте, а то и так уж управляющий косится на наши сборища. А теперь марш по домам!

На этом разговор кончился, и рабочие разошлись.

Управляющий отсидел себе ноги, но добытыми результатами был доволен. Кряхтя и охая, выбрался он из своего угла и отправился домой, так как Силу Фомича вечером тревожить не полагалось.

Утром, едва только Сила Фомич вошел в свой кабинет, управляющий был уже там.

– Ну, что?

– Слушал, Сила Фомич!

– Да что выслушал-то?

– А они, Сила Фомич, к нам никаких претензий не имеют и на ваш характер очень полагаются, говорят, с вами ладить можно; а только тут, я вам скажу, пропаганда-с!

Последнее слово управляющий произнес почти шепотом, наклонившись как можно ближе к Силе Фомичу. Тот так и обомлел.

– Ка... какая пропаганда?

– Политическая-с! Они говорят, что ежели на прочих фабриках забастуют, то и они тоже, для поддержки!

– Батюшки! Да ведь... ведь это с жандармами не развяжешься... Что же теперь?

– А я полагаю-с, что прекратить это надо. Потому ведь это чистые бараны-с: куда вожак, туда и они. А убери жожака, и стадо никуда-с.

– Да вожак-то где? Кого убирать-то?

– А Семенова-с, да Тимохина, да Колесова. Около них все собираются, они и мущают-с.

– А контракт-то? Ведь за две недели...

– А уж это ваше дело-с, Сила Фомич! На то вы богатый человек, чтобы об этих делах попечение иметь!

– Верно! – обрадовался Сила Фомич. – Сегодня же съезжу к станковому посоветуюсь!

Сила Фомич съездил к станковому «посоветоваться», причем заметно было, что, когда он уезжал, боковой карман его был сильно раздут, а когда возвратился, карман был опять в обыкновенном состоянии. В тот же вечер управляющий не в обычный час был позван к хозяину.

– Был! – встретил его Сила Фомич.

– И что же-с?

– Уладил дело! Теперь, ежели они только вздумают жаловаться, сейчас их за шиворот и на казенные харчи «за пропаганду!» Понимаешь?

– Отлично-с! Так, значит, завтра-с?

– Да уж, чем скорее, тем лучше! Просто сосет у меня вот тут! – и Сила Фомич ткнул себя перстом «под ложечку».

На другой день с утра на фабрику прибежал мальчик из конторы и оповестил: «Семенова, Тимохина и Колесова в контору!» Рабочие переглянулись.

– Ладно! Послушаем, что нам скажут! – громко сказал Семенов, и все трое пошли в контору.

– К вашей милости! Требовать нас изволили? – обратился Семенов к управляющему.

– А... да, да! Вот, получайте расчет!

– Как так? По какому случаю?

– Народ мутите! Нам бунтовщиков не надо!

– Да так вот оно что! А как же контракт-то, господин честной? – спросил Колесов.

– Жалуйся, коли хочешь!

– Ладно! По крайности, знать будем, как русское православное купечество свое слово соблюдает! Айда, ребята!

И все трое повернулись спиной к управляющему, кричавшему им вслед: «Не смей в конторе грубиянить, хамы! Вон!» – и спокойно вышли из конторы.

Через полчаса управляющий, бледный, без шапки, с блуждающими глазами, влетел в кабинет Силы Фомича и, едва переводя дух, прохрипел:

– Забастовка...

Сила Фомич остолбенел.

П.К.

Рабочий юморист

*** * * (1906. № 1)**

В долине, у гор, в наступившей ночи, я видел красивый силуэт женщины, мягкими нежными тонами сливавшийся с ночью. С перебитыми руками, вся окровавленная алой человеческой кровью, она с трудом поднималась по змее-тропинке к горам, к воздуху, свету. На руках она несла ребенка, которого люди с благоговением называли свобода.

Я видел, с каким трудом поднимается она, уходя в туманную даль со скорбным лицом над родным ребенком, измученная и обесиленная тиранами.

Я подошел к ней и, протягивая свои руки, не запятнанные кровью, предложил бережно нести за ней ребенка.

Я не знаю, увидела ли она во мне врага свободы и счастья, но она молча передала мне ребенка.

Путь был длинен. Меня терзала одна мысль – куда неизвестная женщина уходит с ребенком.

– Уносишь ли ты от нас свободу?..

– Да-а... мой сын.

Я узнал ее по блестящим и мрачным глазам.

Печалью звучал ее дорогой и грустный голос, когда она, прощаясь, брала ребенка.

– Я ухожу. Ибо тираны находят все еще удовольствие в крови и кандалах.

Но когда люди придут к сознанию – сбросить с себя гнет неволи, я приду к вам. Я навею человечеству чудную, гордую песню. Я покажу ему другую жизнь, полную яркого стремления к счастью.

Я дам ему возможность искать истину, чтоб озарить весь мир ее красивыми блестками.

Она скрылась в горах, но свой путь весь окрасила кровью, желая спаять ей счастье людей.

К-я 3-в.

Экспромт. (Глядя на вскрытые реки) (1906. № 1)

И наш грядущий путь таков!..
Пример того в самой природе!
Река разбилась от оков,
И мчится бурно на свободе...
Но при «незыблемых» основах
Мы все живем еще в оковах!

Предостережение томским кадетам (1906. № 1)

Победу празднуют кадеты
Под непрерывный левых свист.
Сконфужен, мрачен октябрист:
В нем чувства скверные задеты...
И берегись его, кадет,
Смотри, не быть тебе живому,
Коль, по примеру прошлых лет,
Прибегнет снова он к погрому.

***По поводу двух палат в России (Посвящается первому
российскому парламенту) (1906. № 1)***

Как на рубище заплаты
Вдруг явились две палаты,
Торжествуй же, о храбрый росс!
Только вот один вопрос:
Будет ли ума палата...
Это, кажется, сверх штата.

Ерш

Завещание «Ерша» (1906. № 1)

Когда меня окунь иль щука проглотит, –
Не правьте вы тризну, не правьте по мне.
Скажите лишь только, что плавал я смело,
Свободно я плавал в речной глубине.
Скажите, что я гражданин был свободный,
Что реку родную я страстно любил,
За это сожрал меня окунь, за это
Я буйную голову рано сложил.
Не плачьте! Напрасны и горе, и слезы:
В реке еще много осталось «Ершей»,
Скажите лишь только, что долг свой я честно
Исполнил в защиту, в защиту друзей!
Мне славы не надо, не надо мне лести:
Кто родину любит, тому похвала –
Лишь тяжкое бремя в борьбе со врагами:
От славы так много бесславья и зла!

Ерш-задира (1906. № 1)

Ерш – рыба малая, некрасивая, но вкусная. Живет в проточных водах, а не в стоячей воде, избегает болот и тины и свободно плавает в речной глубине, не боясь зубастых щук и прожорливых окуней. Питается инфузориями и мелкими букашками, а иногда, в тихую прекрасную погоду, выбрасываясь на поверхность воды, ловит мух и комаров, трутней и ос без жала. К пчелам относится сочувственно за их трудолюбие и терпение.

Ерш-задира не принадлежит ни к каким политическим партиям. Он презрительно лавирует между брюхом толстого откормленного буржуйя-окуня и широко раскрытой пастью противной щуки.

– Съем! – говорит щука ершу.

– А ну-ка, попробуй! – ощетиливается ерш. – Наколешься!

Он – прогрессист. К сильным рыбам чувствует глубокую ненависть. Рыб-генералов совсем не признает.

– А ну их, наплевать!..

Свободу считает единственным благом и ведет широкую пропаганду среди идеалистов-карасей, добродушных чебаков и смиренной сороги.

Даже рыбе офицерство прислушивается к его смелым речам о том, что вода принадлежит вообще всем рыбам, которые и должны сами устраивать свою общественную и государственную жизнь.

– Все мы равны! – говорит он. – Долой шук и окуней!

Иногда за такие речи ершу-задире влетает. Недавно рассерженная щука откусила ему кончик хвоста. В другой раз, гоняясь за ним, щука загнала ерша в темную малюсенькую ямку и продержала его в одиночном заточении несколько суток.

Но ерш не унывает.

По своей природе он философ. В его голове создалась цельная философская система о государственном устройстве озер, рек и морей. Он думает весь мир перевернуть вверх ногами, когда его система будет одобрена государствоведами, учеными и профессорами и будет ими принята к исполнению. В чем заключается эта удивительная, справедливая система, пока неизвестно, так как ерш скрытен и осторожен. Ерш-задира немножко хвастовит. Особенно любит похвастаться тем, что из него уха получается жирная, сладкая.

– Только не для генералов и министров! – оговаривается он. – Куда нам! Для бедняка-пролетария, для рабочих вкусна из меня уха. И дешево, и сердито!

Хвастунишка, что и говорить!..

Впрочем, эта отрицательная сторона в характере ерша-задиры искупается его горячностью и энтузиазмом.

– Долой зубастых шук! – выкрикивает он во всю мочь и на все рыбе царство. – Долой откормленных, сытых, самодовольных окуней! Да здравствует ерш со всей своей меньшей братией: чебаками, карасями, сорогами!..

И волнуется рыбе царство, повторяя:

– Долой! Долой! Да здравствует смелый колючий ерш! Виват! Урра!

А щука и окунь насторожились.

- Съем! – грозитя щука.
– Раздавлю! Уничтожу! – кипятится красноперый окунь.
– А ну их, наплевать!

И свободно, с юношеским задором, лавируя между брюхом речных чудовищ, плавает ерш-задира по речной глубине.

Смеется.

Что ему щуки и окуни, когда за ним и с ним такая огромная армия мелких, жизнеспособных, веселых товарищей?

В единении – сила.

М.С. Кларин

Ворона (Басня) (1906. № 1)

Ворона, сидя на суку,
Кукушкой вдруг закуковала:
– Куку! Куку!..
Смотрите, я кукушкой стала...
Хрипит, топорщится, из перьев лезет вон
И хочет удивить подруг своих ворон,
Что и она
Сотворена
Вещуньей быть:
Пророком хочется не нам одним прослыть!..
Я много видел среди людей
Ворон таких, – ей-ей!..
Примером взять хоть наших октябристов...
Кричат: «порядок и свобода!»
Вглядитесь: не воронья ль то порода
Из лагеря капиталистов?
Мораль: наряды одевай по праву,
Ворона, если ты – не превратишься в паву...

Ерш

Опыт словаря «социальных положений» (1906. № 4)

Адвокат, лицо занимающееся ведением чужих дел в судебных установлениях по соглашению и по назначению; в первом случае распинается, в последнем – «сбывает дело с рук».

Адмирал, высший чин в морском ведомстве; русские адмиралы морские сражения обыкновенно проигрывают, зато на суше оказывают чудеса стратегического искусства, например Дубасов в Москве.

Банкир, лицо, обладающее большим капиталом, который дает своему хозяину возможность, не занимая таковой должности от правительства, в вопросах политик быть настолько важнее разных генералов с их карательными отрядами, пулеметами и пушками в своем отечестве, но также наделен большим влиянием и на политику других государств. Например, французские банкиры и русская государственная дума... Можно с большой уверенностью и без ошибки утверждать, что настоящий момент в русской истории создан французскими банкирами.

Бюрократ, замечательная особь человеческого рода, акклиматизировавшаяся главным образом в России. Бюрократов в России ужасно много, и они даже держали ее в своих тисках, причем получали за это награды.

Теперь престиж бюрократии падает, но все-таки она еще сильна, опираясь на карательные отряды с их аксессуарами...

Вышибало. Для занятия этой должности необходимо обладать физической силой; обязанности не из сложных: выгонять в шею. Должность эта учреждается обыкновенно при увеселительных заведениях низшего разряда, но иногда обязанности вышибалы выполняют лица «почтенные». Например, о. Сосунов, «вышибший» Белявского с заседания общества трезвости, и др.

Генерал, одна из высших степеней военной иерархии; генералам поручают высшие должности, а на войне – командование армией и главное руководство при ведении кампании. Наши генералы стратегических способностей в боях с внешними врагами обыкновенно не показывают и в полном боевом порядке отступают (бывают обращены в бегство); зато в борьбе с внутренними врагами они непобедимы. Таковы, например, Трепов, Рененкампф, Меллер-Закомельский или др., стяжавшие славу после войны с Японией.

Городовой, низший чин полиции; на обязанности городского лежит: стоять на посту и не слышать и не видеть, что делается в трех шагах от поста; если попадется «преступник» – «доставить» его в участок и здесь под руководством более высоких чинов избить его и снова идти на пост; на его же обязанности лежит искоренение «крамолы» и «политики».

Депутат, должность по выборам; депутат отправляется выборщиком к какому-либо лицу или учреждению с требованием, с представлением, с поздравлением, с ходатайством или еще кое с чем. Некоторых депутатов принимают и выслушивают, другим отказывают в этом и иногда заявляют, что не желают их выслушать, так как они не исполнили этикета. Так было, например, 6 мая с депутатами Государственной думы...

Дипломат, должность важного государственного значения; дипломат ведет обычно переговоры с представителями других государств, и чем ловчее обойдет их и обманет, тем лучшим дипломатом своего отечества он становится. У нас дипломат был граф Витте...

Еврей, человек, имеющий право жить только там, где ему позволят или разрешат, он пользуется только одним правом: нести все повинности и платить все налоги, остальными правами не пользуется. Иногда в интересах государственного спокойствия евреев выселяют с места их жительства, но они иногда при больших хлопотах и т.п. могут остаться на месте. Лучше всего для еврея иметь много денег.

(Продолжение следует)

Горацио

Вместо передовой (1906. № 7)

Мне, ершу, нанесено чрезвычайное оскорбление.

Смыть оскорбление я могу только кровью.

«Крови жажду, Яго, крови!»...

Судите сами. – Развертываю № 475 газеты «Наша жизнь» и читаю в петербургской хронике:

«Государю Императору рыбаки поднесли в дар живого осетра, весом в 12 пудов, пойманного у Шлиссельбурга. Дар рыбаков государь передал лейб-гвардейскому полку, прибывшему в Кронштадт для несения службы».

Прочел и умилился: хороша уха из ершей, ну а осетер, мягкотелый и жирный осетер, понятно, вкуснее нашего брата будет. Блюдо гастрономическое.

Читаю газету дальше. Что такое?! – Вот так штука! – В отделе писем в редакцию помещено следующее:

«Покорнейше просим вас разместить в вашей многоуважаемой газете наше письмо.

11 июня наш полк, то есть лейб-гвардейский гренадерский был вызван экстренно в Новый Петергоф, так как там забастовал лейб-гвардейский преображенский полк. 11 июня полк прибыл в Новый Петергоф в 12 часов ночи, поместился в казармах каспийского полка; 12 июня изволил посетить полк Государь Император, остался очень доволен полком и за верную службу и преданность полка он подарил полку осетра в 11 пудов. Командир полка генерал-майор Ганефельд привел осетра в полк, показал всем солдатам и обещал на другой день сварить его, то есть 13 июня. Солдаты были в восторге, ожидали вкусного обеда, ну дело вышло наоборот: даруемый нижним чинам осетр исчез, а для солдат сварили вместо осетра дохлых ершей, а где же осетр? Никто не знает, только знаем, что господа офицеры что-то кушали, пили коньяк и играла музыка. Слушали «Ура!». Наверное, они его съели и солдатам вместо порции осетра изделали порцию два раза в день рогного учения, которым измучили совсем солдат. Лейб-гренадеры».

Вот какая скверная история вышла! Осетра, видимо, господа офицеры изволили под музыку скушать, а солдат накормили...

Пожалуйста, не думайте, что я, ерш, оскорбился тем, что мои братья попали в желудок солдата.

Отнюдь нет. Я не протестую, если попадаю в руки пролетария: о том я имел честь поведать читателю в № 1 «Ерша».

Я оскорблен тем, что моих братьев дали солдатам дохлыми.

Это – черт знает, что такое!..

И если солдаты протестуют на страницах «Нашей жизни», то я, располагая своим печатным органом, также протестую изо всех сил моей ершовой души.

И этого еще мало. Я сделаю запрос чрез «трудовую группу» в Государственной Думе военному министру, запрос срочный.

И пусть министр даст отчет мне не через генерала Павлова, которого я и слушать не желаю, а самолично.

В противном случае я вызываю министра на дуэль: я смою оскорбление кровью!

Бубенцы

Вместо передовицы (1907. № 20)

Вызывает меня сегодня редактор и категорически объявляет: если к следующему выпуску «Бубенцов» не будет готова моя передовица, то он вынужден будет отказать мне в сотрудничестве. Что делать?.. Куда пойдешь, кому скажешь?.. И вот, воленс-ноленс, я берусь за перо.

Но что же и об чем писать? Если писать о Государственной Думе – то ее нет, а об отсутствующих этика порядочности запрещает писать что-либо, как о покойниках, – либо хорошо, либо ничего. Писать о Горемыкине, получившем коленкой в то место, где спина переходит в более поэтическое название, – не стоит, ибо жеваное не пережевывают. Писать об эсерах, эсдеках, кадетях – не стоит, ибо всякое писание об них временными правилами (упаси Боже наших потомков от них!) строго воспрещается. Писать о том, как наши сибирские околоточные надзиратели иногда заходят в пивные, не только по долгу службы, и там напиваются до такой степени, что у них отбирают стимул их власти «шашку», – не стоит по одному лишь тому, что обывательские ноги часто застревают в них, а вопрос о них – застрял в зубах отцов города. Писать о том, что местное еврейское общество отложило гулянье в городском саду, назначенное на 16 июля сего года, по непредвиденным обстоятельствам, – не стоит, ибо давно и каждому известно, что все евреи – крамольники. Писать о заседании партии 17 октября, бывшем в помещении городской думы 13 июля сего года под председательством г. Некрасова – не стоит, ибо посланная им благодарственная телеграмма делает всякие комментарии излишними.

Нет темы, нет фактов! – воскликнул один передовик (не только в «Новом времени») и ... настроил статью о финансовом положении России. Я же, не имея возможности сделать и это, ограничусь одним воззванием: «Прошу господ читателей и читательниц сообщать все сенсационное «Гвоздю» в редакцию «Сибирских отголосков» для отдела «Бубенцы», дабы иметь материал для передовиц».

Гвоздь

К аграрному вопросу (1907. № 20)

В вопросах тягостных не надобно спешить.
Считает вся страна в надежде лучезарной,
Что лишь парламенту возможно разрешить
Мучительный вопрос – больной вопрос аграрный.
Такое мнение имеет, правда, вес,
Оно не лишено известных оснований;
Но нужно знать и то, что общий интерес
И вне парламента встречает ряд стараний.
Пример недалеко. «Крамольников» лихих
Переселяют в глушь довольно аккуратно,
Причем с охотою и с радостью для них
Казенная земля отводится бесплатно.
Еще другой пример. Когда «бунтовщиков»,
С судом иль без суда, повесят, расстреляют,
То их с готовностью, без всяких лишних слов,
Церковною землей (6 футов) наделяют.
Таким простым путем уже разрешены
Вопросы о землях церковных и сибирских;
Но, вместе с тем, ведут «отечества сыны»
Речь о владениях земельных монастырских.
В жизнь глубже вдумайся и глубже посмотри:
По каноническим незыблемым законам
«Крамольников»-попов влекут в монастыри,
Где сядят на землю, привязывая к «оним»...
Выходит, значит, так, что дело – «на ходу»,
И ясно для того, кто факты понимает:
Само правительство аграрную беду
Дарит вниманием и «меры принимает»!

Чик

Телеграммы Агентства Ад (1907. № 20)

Иван Грозный три раза перевернулся в гробу: один раз – когда «дали» свободу; второй – когда правил Витте; третий – в продолжение заседаний Думы. Собрался и в четвертый раз да... призадумался.

Все умершие и умирающие звездоносцы в земельном вопросе стоят за переселение; здесь свободных мест масса.

От ожидающегося наплыва «крамольных» душ забронированы: в аду – все черти, старые и малые; все орудия, даже смола. Забастовка чертей подавлена. Есть убитые. Требования политические.

Авторитет Вельзевула незыблемо вложен, при звуках гимна, в количестве 100 плетей каждому.

Фон-Плеве

На заседании (1907. № 20) ***(шутка)***

Я был в заседании гласных...

Но только не томской городской думы, нет!

Ввиду того, что нам почти совсем уже дано право свободы собраний, союзов, совести, слова и печати (бумаги об этом лишь в «исходящий» не занесено), – то русский алфавит – этот главный рычаг обмена мыслей, проведения различных начал в жизнь и прочая, и прочая и т.п. – решил устроить митинг.

Дряхлая фита хотя и доказывала гласным, что относительно митингов существуют особые распоряжения, вследствие которых на оные митинги должны быть приглашаемы трубачи и барабанщики, – но гласные русского алфавита игнорировали предостережение фиты и дали ей понять, что существующие постановления никакого касательства к русскому алфавиту не имеют, ибо всецело созданы лишь для успокоения людских умов и насаждения в них идей благонравных...

Потому – митинг состоялся.

По настоянию большинства гласных в него были допущены шипящие, свистящие, губные и гортанные буквы – что, несомненно, свидетельствует о знакомстве «гласных» с людскими ми-

тингами, на которых вы постоянно услышите и шипящие, и свистящие, и другие звуки...

Вопрос о допущении полугласных был выражен в отрицательном смысле.

«Гласные» заявили, что полугласные – это то же, что лица, ограниченные по суду, нижние воинские чины, малолетки, юнкера и прочие неправоеспособные...

Однако им дозволили во время митинга быть в приличном отдалении и слушать...

Слушать и, конечно, молчать...

Голова «гласных» *Аз* начал речь с заявления, что он есть кит, а китом и вся земля держится.

– Позвольте! – корректно заявила *Земля*, – если бы вы изволили без меня выступить в настоящем собрании, то вас, по меньшей мере, приняли бы за... за... извините за выражение – за курского помещика...

В собрании пронесся звук удивления.

– Я вам объясню, – спокойно продолжала *Земля*: без меня вы только а-а-а... а что такое а-а-а?..

Публика захохотала. *Аз* позвонил. Все смолкли...

– Итак, я утверждаю, что без меня – вы совсем не *Аз*, а какое-то неопределенное междометие... или курский дворянин-звучкоизвергатель...

– Верю! Верю! – послышались голоса.

– Это не важно, – с достоинством заявил *Аз*, – я собрал вас совсем не для того, чтобы разрешать совершенно не важные вопросы. Господин *Юс*! Прошу вас прочесть первый вопрос программы заседания...

Откашлявшись и вытерев нос красным платком, секретарь собрания *Юс* прочел:

По предложению академии наук за № 000.000.00013, относительно изъятия из обращения в российских словах, а поелику и в мыслях числящихся в наличности русского алфавита: *и* с краткой, *і* с точкой, вывороченного *э*, *яти*, *ера*, *ерика*, *фиты* и...и... *юса*...

Последнее слово секретарь произнес невнятно, так как голос его дрогнул и оборвался...

– Госпожи гласные! Прошу высказаться...

– Ж м-м! Чш... Чш... Кха-га, кха-га...

– Молчать! – прикрикнул председатель в сторону «малолетков».

Остальные «гласные» думали...

– Позвольте мне, г. председатель! – сказал скромно э навыворот. – Я хотя и чувствую, что дни мои сочтены и что мне не предстоит никакой роли в будущей русской речи, – однако я прошу почтить мои заслуги вниманием и выдать мне посмертную пенсию. Не забудьте, госпожи гласные, что я долгое время имел местоительство в устах Петра Иванова Бобчинского, занимал видные должности и у высших административных лиц, вскакивая им на язык в то самое время, когда у них с этого готово было соскочить что-нибудь этакое ...э-э-э... либерально-кокетливое... Кроме того, я и до сих пор состою в услужении у многих баронов, графов и других особ...

– Уж если вы, госпожи гласные, назначите пенсию этому э навыворот, то прошу не забыть и нас, нижепоименованных: от лица *фиты* и господина *юса*, я, *ижица*, прошу таковой же пенсии, ибо, ежели бы не мы, то «миропомазание» в самом превратном смысле истолковано было, а если бы не господа юс и фита, то все бы существующие исторические акты доступны были бы пониманию всякого неграмотного бездельника...

– Я прошу возбудить ходатайство об оставлении меня на прежней должности, – твердо заявило «*i*» с точкой. – Ибо если вы меня изъемлете из обращения, то у вас ничего не выйдет. Попробуйте-ка написать без моего присутствия демонстрация, революция, конституция. Что у вас будет? Все будет куцесловие.

Гласные задумались... Некоторые стали перешептываться между собой, но в этот момент случилось нечто невероятное...

Шипящие, свистящие, губные и гортанные подняли такой невообразимый гвалт, что *Аз* вскочил со своего места, как вскакивают с мест министры, и поспешил в полицейский застенок...

Митинг следует считать пока не состоявшимся...

Рефлектор

Нейтралитет (сценка) (1907. № 22)

– Что такое нейтралитет? – спросил горничная у лакея, бывшего унтер-офицера из малороссов.

– Нейтралитет, примерно, значит вот что: если, скажем, я, Петрусь и Федька ляжем втроем спать и закроемся одним одеялом. Ко-

гда станет Петрусю и Федьке холодно, то вони один за другого тянут одеяло и стараются теплоту передвинуть на свою сторону...

– Ну и что же?

– Пожды ты, не мешай. Один в свою, стало быть, сторону тягне, а другой в свою; а я лежу себе посередке, не двигаюсь и держу нейтралитет... Поняла?

– Вот что, а я думала...

– Совсем не то, что думала, а вот это... Вот и я теперь тоже держу нейтралитет: барыня пошла до своей матки с лекарством на барына и приказывала никого не впускать, бо всякий народ шляеца: воры, мошенники...

– Ну, так в чем же тут твой нейтралитет?

– А вот и слушай: пришел барын тай дзвонит и кулаками бьет в двери, а я не отворяю, кажу: не приказывали пущать, бо всякий народ шляеца: и воры, и мошенники. Так и не пустил.

– Ну, а барыню-то, конечно, пустил?

– Ни, и ее не пустил, кажу и ей, что всякий народ шляеца...

– Ха-ха-ха! Ну и что же она?

– Что же? знамо, ругае, каже: «дурак, ведь я хозяйка!», я кажу: а мне какое дело, что хозяйка, – вы с барином ругаетесь и не приказываете никого не впускать, ну, знамо, наше дело лакейское – мы и должны нейтралитет держать.

– Вот потеха-то!.. ну, а все-таки в комнаты-то она попала?

– Попала через окно, бо вони было не заперто.

Икс

Но... то был сон (фантазия пьяного сотрудника) (1907. № 24)

Сладко потянувшись, я поднялся с постели и, быстро надев туфли, подошел к окну. Шаловливый луч солнца, проникнув через занавеску, весело играл на моем письменном столе или, вернее сказать, на просторном кухонном, но волею судьбы играющем роль письменного, страшный хаос царил на нем. Рядом с недоконченной рукописью лежали куски недоеденной колбасы, завернутые, стыдно сказать, в старый № «Время»; рядом с чернильницей стояла баночка початой французской горчицы, в которой одиноко торчал очиненный карандаш. В общем, вид стола был крайне непрезентабелен, и я

невольно поморщился, но, открыв окно, выходящее внутрь двора, я невольно отпрянул от него и стал протирать себе глаза. Да и как было не удивиться. Вместо грязного вонючего двора, в котором свиньи чувствовали себя как в раю, – я увидел ровно вымощенный щебнем двор, обсаженный по краям небольшими деревьями. Ворвавшийся в открытое окно воздух, от которого раньше невольно каждый томич зажимал нос, – был чист и свеж и наполнен чудным запахом цветов. Ощупав себя, дабы убедиться, – не сплю ли я, – я быстро оделся и вышел на улицу и снова остановился в изумлении. Шел небольшой мелкий дождичек, и я, выходя из дому, в душе боялся, переходя через улицу, застрять в томской тине, но... вдруг передо мною оказались чудные бетонные тротуары, с которых капли дождя стекали в водоотводные канавы, и каждый пешеход мог идти, не замочив своих ног. Посреди улицы, на углу Нечаевской и Жандармской, стоял какой-то субъект, одетый в непромокаемый плащ, в руках которого находилась довольно большая книга в футляре, оказавшаяся, по осмотру ее, путеводителем по г. Томску. Глаза мои все шире и шире раздвигались, и ум мой, мое воображение отказывались служить мне. На мой вопрос, – что все это значит, – одетый в непромокаемый плащ вежливо ответил, что он постовой городской и к услугам всех тех, кто к нему обращается. На такой ответ я окончательно вытаращил глаза, ибо не привык, чтобы городской на обращенный к нему вопрос прохожего когда-либо отвечал, не помянув предварительно родственников спрашивающего по восходящей линии, каковая у русских не имеет границ.

На мой вопрос: почему можно ходить в настоящее время по Томску в дождливую погоду, не только не рискуя утонуть в грязи, но даже без галош, – он вежливо ответил, что городского головы Некрасова гласные в настоящее время находятся под контролем выборных людей и не могут чинить всякие безобразия, как было ранее, когда наш лорд-мэр, почувствовав расстройство желудка, без всяких яких прекращал думские заседания и не обращал никакого внимания на нужду обывателей.

Иду дальше. Сворачиваю на Почтамтскую и, о Боже! Останавливаю окончательно изумленный... Навстречу мне идет мой знакомый пьяница Гуничкин и, представьте себе, совершенно трезвый!..

– Что с тобой? – невольно воскликнул я, здороваясь с ним.

– А что? – хитро улыбаясь, в свою очередь, спросил он меня, передернув очки к кончику носа.

– Как что? – воскликнул я, – ты идешь и не пишешь «мыслете»?

– Очень просто, – совершенно спокойно ответил он, – крюгеровские пивные закрыты ввиду ходатайства нашего управляющего, мотивированного тем, что, благодаря им, он еще ни разу, как вступил в должность, не видел ни одного трезвого чиновника своей палаты. И теперь, – с грустью добавил он, – осталась одна пивная Зелихмана, где не дают в кредит не только дюжины пива, но даже и маленькой кружки пива, – сокрушенно закончил он и так посмотрел на меня, что у меня сердце сжалось. В его взоре так и просвечивало: «нет ли у тебя на пару кружек?».

Я машинально полез в карман и, сам удивляясь, вынул оттуда два двугривенных (что у меня случается довольно в редких случаях).

Лицо моего друга сразу прояснилось и он, просительно глядя на меня, предложил пройти в пивную Зелихмана, благо она находилась от нас в двух шагах. Говоря по правде, я только раз был в этой пивной и закаялся, ибо, не говоря уже о плохом достоинстве пива, там такая прислуга, что избавь нас от нее Боже. Но тут я сдался и пошел с другом. И опять изумился. Не успели мы войти, как прилично одетый официант предложил нам совершенно чистый столик и, выслушав наш заказ, быстро и бесшумно исчез, но через минуту вернулся с двумя чисто вымытыми кружками и парой бутылок пива, поставленных на чистый же поднос.

Поставив это на стол, он быстро принес несколько журналов и, положив около нас, так же бесшумно скрылся.

Я взялся за столичные газеты, и первой попалась мне «Новое время», где среди правительственных распоряжений я, полный изумления, прочел следующее:

«1) Генерал-майор Трепов назначается почетным попечителем Гатчинского сиротского института и заведующим приютом имени генерала Кондратенко для престарелых вдов генералов и адмиралов, погибших в войну с Японией.

2) Генерал Орлов назначается брандмейстером Невской части, за услуги оказанные им по тушению пожара, возникшего среди эстляндского и курляндского населения.

3) Бывшие губернаторы Курлов, Азанчевский и Нейгард назначаются попечителями учебных округов: 1 – Виленского, 2 – Сибирского и 3 – Одесского.

4) Генерал-лейтенант Сухомлинов увольняется в отставку с оставлением в звании «язвы юго-западного края».

5) Генерал Линевиц назначается шефом жандармов».

Прочтя все это, я невольно ущипнул себя за нос и... проснулся.

Вскочив с кровати, я бросился к окну и отворил его. На меня пахло всякой мерзостью, и я убедился, что... «то был сон».

Гвоздь

Чепуха (1907. № 28)

Говорят, что на Руси
Дали всем свободу,
И поэтому теперь
Жить легко народу.
Чепуха! Чепуха!
Это просто шутки,
Либо злые языки
Распускают утки.
Говорят, что на Руси
Думу созывали,
И правительство, и все
Ей рукоплескали.
Чепуха! Чепуха!
Это просто шутки,
Либо злые языки
Распускают утки.
Говорят, что октябрист
Лучший друг народный
И что каждый гражданин
Ныне стал свободный.
Чепуха! Чепуха!
Это просто шутки,
Либо злые языки
Распускают утки.
Говорят, что в октябре
Дали нам реформы,
И что ныне цензора

Только для проформы.
Чепуха! Чепуха!
Это просто шутки,
Либо злые языки
Распускают утки.

Миша Буфф

На тему дня (1907. № 40)

Плохо в России живется.
В банках, в торговле застой.
Рушатся старые фирмы,
Тают как льдины весной.
В кризисе общем лишь только
Два предприятия цветут,
И небывалую прибыль
Эти два дела дают.
Чтобы не быть голословным,
Я укажу на пример:
Спрос на веревки – бесспорен,
Спрос на гробы – выше мер.

Дон Валентино

План кампании (1907. № 40)

– Нет, други любезные, теперь дудки-с! Будет с вас, очень даже достаточно! Погуляли! – говорил Филимон Онуфриевич, раздеваясь в своей спальне по возвращении из «частного совещания» воротил местного отделения «истинно-русских людей». – Не все коту масленица: будет! То есть, такую мы, Матрена Ивановна, штуку надумали, какой отродясь на свете не бывало! Теперь уж непременно наша возьмет!

– Какую такую еще штуку? – позевывая, не совсем довольным голосом спросила супруга Филимона Онуфриевича, разбуженная поздно возвратившимся мужем в самый разгар первого сна.

– Распречудесную! Да, вот, слушай. Сошлись это мы, значит, сидим и думаем, как бы это то есть *их* объегорить половчее.

Один говорит: губернатора надо просить, чтобы он *их* сократил.

А другой: хуже будет! Али не знаешь, что ноне народ завсегда за того прет, кого начальство сокращает? Нет, надо свою агитацию усилить! Собраний побольше!

Только скажи он это слово, как вскочит Степан Афанасьевич, да так и ляпнул: Чепуху, говорит, вы все городите!

Как, говорим, чепуху?

А так, говорит. А вот теперь, говорит, я говорить буду, а вы слушайте, да на бороды мотайте! Уж он без прибаутки ни на шаг!

Слушаем, говорим.

Вот он и пошел! На кой, говорит, вам леший собрания? Чтобы дело вконец провалить? Нешто вы, говорит, не знаете, как у *них* языки ловко подвешены? Рожки да ножки от вас останутся на ваших собраниях! Совсем их не надо! А не будете вы собрания делать, и им не разрешат.

Как же, говорим, без собраний-то?

А на то, говорит, есть у нас газета. И не какая-нибудь, самая форменная! И в редакторах не голь беспорточная – ученые!

Да, вишь, говорим, не читают ее, газету-то нашу.

Эх вы, говорит, головы с мозгами! Опубликуют избирателей – мы им всем сейчас газету! Как к выборам статья, сейчас всем! И бесплатно! Бесплатной газетой хоть кого проймешь, из деликатности прочитают! И потом всем им по почте приглашения вступить в союз, да и написать: «ввиду, дескать, безопасности вашей личности и имущества!». Понимаете? С этакого приглашения у всякого спина зачесется, поневоле к нам пойдет, а ежели до суда, у нас ответ самый законный: «как мы, значит, начальством утверждены, то у нас не в пример безопаснее, чем у иных прочих!».

Как сказал он это, тут мы, мать моя, и свет увидали! Точно про-светление какое снизошло! Рывкнули ему ура, да на том и порешили, Теперь уж беспрременно наша возьмет!

– Да вот, и прошлый раз говорили, что ваша возьмет, и тоже совсем обнадеялись, а что вышло? Как бы и ноне.

– Дура, так дурра и есть! – безапелляционно решил Филимон Онуфриевич и повернулся к жене спиной, так что даже кровать за-трещала.

Премудрая крыса Онуфрий

Красный смех

Красный смех (1906. № 1)

Если горе гнетет без пощады людей,
Если ужас холодной рукою своей
Неустанно сжимает людские сердца,
Если смерть сторожит у крыльца
И героев ряды без пощады разит,
И бедой каждый час и минута грозит,
Если в людях от ужаса жизнь замолчит,
Этот смех роковой прозвучит.
Берегись, кто силен, кто обласкан судьбой,
Вызывать у других этот смех роковой.
Этот смех роковой слабым силу дает
И на бой беспощадный зовет.
Всех, кто молод и смел, всех, кто силен душой,
Поднимает на бой этот смех роковой.
И звучит, и растет, красным вихрем идет
И победную песню поет.
Этот смех целый год по России гремит
И народа врагов без пощады клеймит;
Скоро вспомнят они в страшный час боевой
Этот смех, красный смех роковой.

Орудие твердой власти (Фантазия) (1906. № 1)

В этот день швейцар при помещении Совета министров был удивлен. Да и было чему удивляться. Во-первых, еще с утра в зал заседания пронесли какой-то странного вида футляр, в котором, очевидно, заключалась какая-то машина; а зачем быть машине в Совете министров?!.. Но это еще ничего, а удивительнее всего было то, что министры собрались в этот день все, и никто даже не опоздал к началу заседания; это было уж ни с чем несообразно. Лица у министров были оживленные и заинтересованные; это тоже странно.

Долго думал швейцар и ничего не мог придумать. А в зале заседания в это время происходило вот что.

Министр народного просвещения собственноручно запер дверь, затем пошел в дальний угол и принес оттуда на стол, стоявший посреди комнаты, странного вида футляр, так удививший утром швейцара.

«Господа, сказал он, приглашая вас сюда, я писал вам, что в моих руках есть нечто, что радикально изменит наше положение в стране и сделает нас бесспорными господами этого положения. Этот удивительный предмет я и хочу сейчас вам показать».

Министр снял крышку с футляра, и удивленные члены кабинета увидели какой-то странный прибор с приемником вроде тех, какие бывают у аппаратов беспроволочного телеграфа, с рупором и матовым стеклом.

Министры с недоумением посматривали то на аппарат, то на своего коллегу, а тот, чувствуя себя героем дня, снисходительно улыбнулся, крикнул и начал свое объяснение.

«Видите ли, господа, эта штука обошлась мне недешево: я купил ее у одного американца, ученика Эдиссона, за пять миллионов; но она стоит пятидесяти! Это не что иное, как прибор для чтения мыслей на любом расстоянии!»

«Не может быть?!»

«А между тем это так! Видите ли...этот американец нашел, что из мозга мыслящего человека исходят какие-то волны, вроде электрических. Этот вот приемник и предназначен для собирания этих волн. Получаемые в нем колебания передаются через рупор звуками речи, а на матовом стекле в то же время появляется физиономия мыслящего субъекта. По этой табличке мы можем, передвигая стрелку, направлять аппарат на любой пункт земного шара. Надо только знать направление и расстояние. Как видите, благодаря этому прибору, мы можем знать все. Что думают люди где бы то ни было!»

Слушатели этих объяснений, с вытаращенными глазами и открытыми ртами, изображали из себя соляные столпы.

«Так, может быть, сейчас попробовать...» – обрел наконец один из них дар слова.

«Именно за этим я вас и пригласил», – ответил министр народного просвещения.

«Поздравляем, поздравляем! – заговорили все разом. – Теперь мы... Теперь у нас...»

– Одним словом, цари и боги! – решил военный министр.

Когда восторги несколько улеглись, заговорил морской министр:

– Ну, господа, пробовать, так пробовать! Направим-ка для начала на Севастополь! Что-то чувствуют после заданных им уроков черноморцы?

Справились по таблице расстояний разных городов от Петербурга и направили.

Едва только затем министр народного просвещения привел механизм аппарата в действие, как на матовом стекле появилась физиономия в матросской шапке, и как бы из фонографа раздался голос...

Министры вздрогнули и переглянулись.

«Однако, какие там гуси водятся, – сказал, нахмурившись, морской министр. – Переведите-ка на другого!..»

Другая физиономия и другой голос...

– Переведите еще!

Перевели...

– Переведите теперь на Кронштадт, – глухим голосом попросил морской министр.

Перевели...

– Господа, мне необходимо... меня ждет важное свидание! – сказал вдруг морской министр и быстро вышел.

Остальные члены кабинета растерянно переглядывались. «Но, может быть, с армией дело будет лучше? – сказал военный министр. – Направьте-ка на какую-нибудь крепость, на Двинск, что ли». Направили... «А на Свеаборг?» Направили и туда...

– Черт знает, что такое! – воскликнул военный министр и выбежал, хлопнув дверью.

Остальные побледнели. Министр народного просвещения был смущен и обескуражен до крайности. Трясущимися руками начал он переводить аппарат куда попало, и перед слушателями замелькали физиономии крестьян, рабочих, служащих, и слышались голоса то негодующие, то злорадствующие, то озлобленные, то торжествующие... и ни одного голоса искреннего сочувствия!

Один за другим исчезали министры из зала заседания. Наконец, министр народного просвещения остался один. Он неподвижно стоял и тупо смотрел на аппарат. Вдруг он встрепенулся и направил аппарат на Москву. Ему хотелось отыскать редакцию «Московских ведомостей».

Скоро это ему удалось, и на матовом стекле появилась физиономия г. Грингмута; но уввы! Почтенный публицист был в эту минуту

занят расчетом, какую субсидию дадут ему либералы за поддержку их министерства, если оно возникнет.

Тогда министр схватил со стола тяжелое пресс-папье в виде золотого пулемета на мраморной подставке, с бешенством швырнул его в приемник аппарата и бросился вон из залы...

На другой день телеграф оповестил весь мир, что кабинет министров в полном составе подал в отставку по болезни и выехал за границу.

К. Порфирьев

Негативы

От редакции (1907. № 5)

К нам поступают ежедневно как личные, так и письменные запросы: какой программы, направления думает придерживаться журнал «Негативы»?

Редакция отвечает всем интересующимся, что журнал «Негативы» *совершенно беспартийный* орган, для него не существуют никакие политические партии: это исключительно *орган промышленников*.

Вся задача журнала сводится к тому, чтобы масса (потребители производства) была осведомлена о существующих и возникающих различных заводах, фабриках, промышленных предприятиях, разных конторах: технических, посреднических, строительных, транспортных, экспедиторских, частных предприятий и других. Поэтому журнал рассылается и раздается повсюду бесплатно.

В этих же целях – наибольшего распространения журнала – редакция располагает целой сетью агентов-представителей во всех значительных пунктах Сибири и России. Этим безусловно достигаются прямые задачи журнала: он доступен повсюду и каждому, исполняя ту миссию, которая на него возложена: распространению рекламы, как двигателя торговли и промышленности.

Помещаемый же между объявлениями текст юмора, является как бы «оживителем» рекламы, благодаря чему журнал просматривается весь и запоминаются помещенные объявления.

Силуэты жизни родного города

Кризис (редакционный этюд) (1909. № 17)

Никогда заседания редакционного комитета не носили такого торжественного и бурного характера.

Еще накануне пронесся потрясающий слух о том, что редактор отказывается от своего благороднейшего звания, бросает дом, друзей и бежит куда глаза глядят.

В собрание он явился в галошах и с картузом в руках – символах готовности к пути.

«Изуй ногу из сапога», – произнес первый сотрудник, делая тщетные попытки отнять у вошедшего картуз.

Другой заботливо подставил стул к тому месту стола, где лежали, сверкая всеми цветами радуги, результаты 4-месячной товарищеской работы – номера журнала.

Движение не имело успеха...

Редактор отвратил свои взоры от стопки и, хватаясь за часы, с волнением произнес:

– Ребята, право, опоздаю на поезд.

Третий сотрудник в сжатой, но сильной форме выразил порицание его действиям.

Четвертый усилил порицания...

Пятый развил эту тему...

Вплоть до десятого включительно все говорили в том же духе...

Оставалось еще 5–6 ораторов, серьезно готовившихся у стола с закуской к предстоящим филиппикам...

Тут редактор не выдержал...

– Товарищи! – вскричал он. – Вы здесь говорите, что я удираю из страха ответственности... Это – голая неправда... Я готов сидеть сколько угодно, даже с удовольствием... Почему не пострадать за правду... Больше того: я, именно в данный момент, желаю сидеть!.. Пожалуйста, посадите меня!.. Буду сидеть и журнал подписывать... Займусь саморазвитием, изучением какого-нибудь иностранного языка... Теплая квартира, стол, отопление. Освещение, что же еще...

Та сумма, которую я получаю, как вам известно, далеко не может удовлетворить скромных потребностей молодого человека...

Вы рекомендовали мне обратиться в местные учреждения с предложением своих услуг... При этом была выражена твердая уверенность, что мое звание откроет все двери.

Совершенно верно: все двери отворялись, но в обратную сторону, когда я вылетал оттуда, едва успевая подхватывать галоши...

Я обошел местные контрольные, потребительские. Учетные, приходные. Расходные, распорядительные и исполнительные мастерские и, пока дело шло до вопроса «ваш род занятий», все обстояло благополучно и даже великолепно, но едва моя профессия оглашалась, как разговор принимал со стороны собеседника суховатую форму звукоподражательных восклицаний: э... э... кха... хе... хе... гм... н... да... ф... с... и заканчивался обещанием подумать.

Три месяца я штурмовал учреждения и, положив руку на сердце, скажу – закалился в борьбе и тактических приемах...

Если б я брал обратно у японцев Порт-Артур, на крепости, несомненно, вновь развивался б русский флаг... Здесь же дело было значительно сложнее, так как приходилось штурмовать начальников канцелярий и особ еще более высоких.

В трех местах меня уже окончательно приняли, в двух «зачислили», но какой-то Азеф своевременно доносил о моем незаконном занятии, и я мгновенно отчислялся и увольнялся.

Мелкие служащие устраивали мне сочувственные манифестации, в кабинетах же начальствующих я встречал неприязненные демонстрации... Даже чиновные родственники отшатнулись...

Когда я пришел в совершенное отчаяние, попался мне один древний прапрадед, видимо, от лет отупевший и не понимавший, что он готовится совершить преступление...

– Отрекись, – сказал он сурово, – и прокляни их, тогда я тебя где-нибудь устрою.

– Господа, у меня была не оплачена за два месяца квартира и счет по лавке... Искушение превысило силы... Я выторговал себе только свободу от анафемствования.

В силу сделанного распоряжения мне необходимо с этим же поездом покинуть город, иначе я – пропащий человек... Прощайте товарищи...

Он одним прыжком очутился в прихожей, в одно мгновение из 16 пар галош выбрал свои, отыскал пальто и исчез...

– Ну и напрактиковался, – только и могли произнести собравшиеся и перешли к вопросу об обеспечении от побегов будущего редактора.

Галерея томских поэтов (1909. № 24)

- Бахарев Он стоит, право, кой-чего:
Стихи из Питера к нам пишет;
Но только Питер-то его
Едва ль когда-нибудь услышит.
- Вяткин Стихи он критике послал, –
И нету критики печальней...
Вот от чего он, верно, стал
Карамзина сентиментальной...
- Европейцев Он стихотворец преисправный,
Он рецензент, фельетонист...
Но было б лучше, кабы славный
Остался тот, кто есть... юрист.
- Миша Буфф От Миши *солоно* быть может:
Со смыслом, рифмой он в борьбе;
Сатир же десять в день предложит,
Соль оставляя при себе.
- Скептик Он злободневный юморист,
Писать зло эпиграммы может...
Он *скептик*, так насмешки свист
Его нисколько не тревожит.
- Хейсин О правде любит поболтать,
Забывши часто, где и мера...
Пардон. Не буду подражать
Вдове я унтер-офицера.
- Цейнер Над ним смеялись. О, грехи!
Всегда он правды был поборник.
Но все же лучше, что стихи
Он не свои собирает в «Сборник».

Шебеков О нем пишу не без труда;
Здесь шутки, право, не у места;
Ведь он состряпан, господа,
Из элегического теста...

Ося

Несколько теплых слов (от редакции) (1909. № 27)

– Вступая во второе полугодие своего существования, – начал речь председатель редакционного комитета, мобилизованного несмотря на позднее время и дождливую погоду, – мы должны приложить особые старания к привлечению к публичной ответственности всех местных мошенников, «под маской благочестия» обдeldывающих свои делишки.

– Насандалим, – отозвался Иван Иванович.

– В частности, лично вас я бы попросил, Иван Иванович, беседовать с публикой на более литературном языке, так как некоторые критики находят, что вы бываете иногда излишне вульгарны, и желают большего облагорожения языка и чистоты выражений.

– Господа, это совершенно невозможно с естественной точки зрения, – запротестовал Иван Иванович. – Если бы я писал мемуары, я бы мог разные иностранные слова из латинского и немецкого языка допускать, а так как я веду дневник обывателя, то и объясняюсь самым настоящим обывательским языком. Я даже слабое подражание некоторым выдающимся деятелям, например, Евгению Ипполитовичу Ермолаеву, допускаю, только у него иностранных слов более в запасе, а я употребляю родной элемент.

Совещание разрешило Ивану Ивановичу изъясняться на обывательском языке в пределах логики и благоразумия.

– Ивана Максимова пока оставим. Публика протестует: надоед хуже горькой редьки... Если уж выйдет из границ обычных выходов, вспомним...

– Железнодорожное управление прислушивается к нашим советам пока весьма слабо. Комитет железнодорожного единения и прогресса будет обращать неослабное внимание на все факты, совершающиеся здесь, как бы сложны они ни были.

Вообще решено останавливать руку не только тогда, когда она очистила карман ближнего, но и тогда, когда она намеревается это сделать.

– Как только число подписчиков дойдет до 1000, гонорар сотрудников будет увеличен вдвое и стоимость журнала уменьшится на 50%.

– Упадок интереса корреспондентов к почтовому ящику заставляет обратить серьезное внимание в эту сторону и просить уважаемых сотрудников пополнить редакционные корзины.

– Вообще же приходится умолять корреспондентов, сообщающих о материях важных, серьезно относиться к делу и с легким сердцем не подводить сотрудников журнала чуть не под уголовщину.

В финале, разбирая уже галоши, члены комитета решили поприналечь на клубных шулеров и разных «безрогих», чувствующих особое стремление безответственно и беспрепятственно жать масло из своих ближних.

Дневник томского обывателя (1909. № 1)

14 января

Двадцать лет веду дневниковые записи происходящих событий, уповая, что, рано или поздно, они послужат материалом для какой-нибудь истории Российского государства, и вот, ожидания мои сбылись ранее, чем я думал.

Сегодня, когда я еще был в халате и читал «Сибирскую жизнь», посетил меня один молодой человек.

– Имею честь видеть, – спрашивает, – Ивана Ивановича Иванова?

– Я самый, – отвечаю.

– Очень приятно. Сотрудник нового журнала «Силуэты»...

Слышал, что вы пишете мемуары, и пришел к вам с предложением от редакции, не возьметесь ли давать обзор городской жизни за неделю?

– Ошеломили... Позвольте подумать...

Прошли мы в столовую, выпили по два стакана чая со сливками. Я все думал, вспотел даже... Потеею и соображаю.

– Извините, пожалуйста. Почему вы, собственно говоря, обратились ко мне?.. Пишут мемуары очень многие, вот хотя бы г. Естро-

тов. Он всегда, если что-нибудь относительно исторических воспоминаний, ответов или сообщений, приглашается, на всех обедах вблизи важных персон закусывает и высшего образования человек...

Отклонил Естротова. Нам, поясняет, необходим, так сказать, средний человек, бытописец, отражающий в своих записках взгляды большинства населения и, кроме того, не увлекающийся ни вправо, ни влево, объективный человек. Естротов же, получив пристрастие к обедам со знатными лицами, будет клонить туда, куда повлечет его аппетит.

И приятно, и страшно. Удостоверение у меня о политической благонадежности имеется, но зато троюродный племянник за чтение прокламаций в тюрьме сидел. Волнуюсь.

– А со стороны, с разрешения сказать, цензуры никаких препятствий не может возникнуть? Страшно, знаете, даже господина Суворина к суду, изволили читать, привлекли и редактора «Света» Облеухова на тысячу оштрафовали... Дом у меня всего 7 тысяч стоит и заложен.

Успокоил. Говорит, что за сотрудников всегда редакторы и сидят и платят. Очень прекрасное редакционное правило. Согласился...

Сажусь и, благословясь, начинаю делать подборку из дневника. Рука дрожит, так и ходит, словно кур воровал. Бр-р-р. Вот она что значит, пресса-то.

<...>

15-й раз шла оперетка «Ночь любви».

«Кажется, первый раз одно произведение выдерживает подряд 15 представлений при полных сборах», – пишет по этому поводу «Сибирская жизнь».

Был я и жена. С трудом. Но достали билет. Бессмертная вещь! Почаще бы давали такие. Так театр и не пустовал.

В цирке два раза были вместе с детьми. Хотим взять билеты на весь сезон. Народу всегда – полно.

<...>

Слухи о реформах в железнодорожном хозяйстве оправдываются (а все Дума!). Станция «Межениновка» переименована в «Томск 1-й», а «Томск» – в «Томск второй». Таким образом совершенно внезапно Томск утроился. Является вопрос, которым он-то лично должен числиться – нолевым или третьим? Полагают, что от этого значение города сильно увеличится.

<...> Прислали из редакции, требуют отправки в типографию фельетона.

Странно?.. Как же я могу писать «за неделю», когда сегодня всего среда. Придется переменить измерение времени и считать от среды до среды. Не возникло бы только подозрение у Союза русского народа. Но я, ей Богу, из необходимости, а не из желания переменить религию. Теперь уже раскаиваюсь, что взялся. И интересно появиться в печати, и страшно. Вот оно, что значит пресса-то.

Ив. Ив. Иванов

Голос Томска

Труды и плоды прогрессивно-освободительной печати (письмо в редакцию) (1907. № 14)

Широкою волною разлилось по Руси освободительное движение и захватило все слои общества. Небывалому развитию этого движения способствовала так называемая прогрессивная печать. Действуя заодно с подпольными изданиями, прогрессивная печать расшатала вековые устои общества – религию и семью, признала предрассудками нравственность, совесть и честь и освободила от этих предрассудков прежде всего учащуюся молодежь. Появились общества «огарков» и «лови момент», начали действовать организации экспроприаторов. Понятия о добре и зле перемешались: насилие стало называться свободой личности, невежество и неуважение к чужому мнению – свободой слова, безнравственность – свободой совести, разврат – свободой любви, а кражи, грабежи, разбои оказались чуть ли не гражданской доблестью. Не будем говорить о врачах и адвокатах, – просветительное влияние прогрессивно-освободительной печати коснулось даже малограмотных приказчиков: одни записались в социал-демократы, другие признали себя трудовиками, а третьи просто назвались «пролетариями». Взглянули они на хозяев, как на «буржуев-эксплуаторов», и потянули их добро проживать в клубах и проматывать в увеселительных заведениях. Обман, ложь и клевета – вот то оружие, с которым прогрессивно-освободительная печать вышла на борьбу с «предрассудками» и, надо отдать ей справедливость, достигла блестящих результатов.

У нас в Томске с особенным усердием работала и работает на почве освободительного движения прогрессивная газета «Сибирская жизнь»; а между приказчиками нашелся даже писатель, некий Писа-

рев, ретивый социал-демократ и видный деятель приказчичьего клуба. Усвоив направление «Сибирской жизни», Писарев проникся непреодолимым желанием сделать хозяину своей квартиры, как «монархисту-черносотенцу», какую-нибудь пакость. Думал, думал и надумал послать пристава 4 участка г. Томска подложное письмо от имени врача Глузкина. Этим письмом Писарев-Глузкин просил пристава «обязать подпиской домовладельца Завиткова, чтобы он или привязал двух больших рыжих собак на цепь или надел на них намордники, так как мимо его дома в то время, когда эти собаки спущены, положительно невозможно проходить даже мужчинам, не говоря о женщинах и детях, которых один испуг может сделать «калеками». Далее Писарев-Глузкин объяснил, как он был очевидцем, как рыжие собаки чуть не разорвали девочку и не загрызли какого-то околоточного надзирателя и что «подобные вещи около дома Завиткова бывают ежедневно».

Домовладельцев Завитковых в Томске я один. Писарев был моим квартирантом. Он хорошо знал, что у меня нет никаких собак и привязывать на цепь некого. Но он, посылая полицейскому пристава собственноручное подложное письмо, думал, что пристав, не проверив письма, составит протокол о злых собаках и привлечет меня к уголовной ответственности. Таким образом, я буду фигурировать на суде в качестве обвиняемого; а когда обнаружится, что у меня собак не было, то ненавистный представитель «бюрократии», полицейский пристав окажется в глупом положении, я же привлеку Глузкина к ответственности за клевету и сваляю дурака. Мысль казалась Писареву гениальной. Прочитал он письмо своим товарищам в магазине Смирнова и спросил: Ну, что, ладно? – Здорово! Валяй!

Находя несогласными с понятием о чести и добром имени такие действия, как травля прохожих собаками; признавая эти неправильно приписываемые мне действия не соответствующими занимаемому мною общественному положению и имея в виду, что, по разъяснению Сената, клеветой признается не только обвинение в деянии, противном правилам чести, но и в противозаконном поступке, хотя бы в роде неприятия мер к отвращению опасности от домашних животных, я возбудил против Писарева преследование за клевету и просил мирового судью 8 участка г. Томска вытребовать от пристава 4 участка подлинное письмо Писарева-Глузкина, как доказательство клеветы, и приобщить к делу.

При разборе дела, не найдя в нем письма, я просил мирового судью, г. Усаповича, если он не находит возможным требовать письмо сам, выдать мне свидетельство на представление его. Но г. Усапович ответил, что он не знает закона, который бы обязывал его собирать доказательства и выдавать свидетельства на представление их по уголовным делам, которые дозволяется прекращать примирением. А потому и за бездоказательностью обвинения признал Писарева оправданным по суду, а самое обвинение недобросовестным.

Я не стану входить в юридическую оценку понятия о «добросовестности», – это вопрос спорный. При нынешних «свободах» некоторые судьи из партии кадетов усвоили странное понятие даже о равенстве пред судом. Они говорят, что если известный поступок допустил «буржуй», то его надо наказать, а если тот же поступок совершил «пролетарий», то его следует оправдать!.. Не стоит спорить. Перейду лучше к ответу по делу моему с Писаревым, помещенному в № 192 профессорской газеты «Сибирская жизнь» за 1907 год. В этом ответе, написанном в насмешливом тоне, обстоятельства дела искажены, мотивы решения вымышлены. Писарев выставляется в образе угнетенной невинности, а я, названный «почтенным деятелем г. Томска», рисуюсь как человек, «кроме всех своих заслуг, известный по части оздоровления города и стремящийся проявить себя на поприще юриста». В общем, судебный отчет представляет сплошной набор лжи, характеризующий вместе с пошленькой фразой о собаках, опасных «для беременных женщин и девиц», направление прогрессивной профессорской газеты.

«Сибирская жизнь», этот орган партии народной свободы (кадетская тож), не раз обливала меня грязью из ушата профессорских помоев. Пробовал я писать опровержения. Не печатают – «по принципу». Оказывается, что свобода слова, хотя бы в виде лжи и клеветы, допускается только для «умственных интеллигентов» из кадетов. Для монархистов нет свободы и правдивому слову; им надо замазывать рот грязью. Пробовал я жаловаться на профессоров «Сибирской жизни» Томскому окружному суду 23 июня 1906 года. Спросили. Не получали, говорят, опровержений. Лежит жалоба у следователя два с половиной года. Остается одно – обратиться к суду общества путем печати, только не вашей «прогрессивной» печати, господина профессора «Сибирской жизни».

Пусть я буду «почтенным деятелем г. Томска» в ироническом смысле, пусть я буду известен заслугами «по части оздо-

ровления города» – тоже в ироническом смысле. Ну, а вы-то, господа профессора «Сибирской жизни» и товарищества печатного дела, в чем и какую деятельность проявили и какие заслуги оказали обществу? Скажите, кто, воспевая в «Сибирской жизни» весну и свободу, проповедовал забастовки и травил тех несчастных чиновников Томской почтово-телеграфной конторы, которые оставались верными присяге и долгу службы и не хотели бастовать? Скажите, кто проповедью свобод, требованием прав и игнорированием обязанностей развращал учащуюся молодежь? Скажите, наконец, кто, не сморгнув глазом, получал тысячные оклады, чины и ордена в то время, когда бастовала наша учащаяся молодежь и двери высших учебных заведений для ищущих полезных знаний были закрыты? Эх, господа профессора «Сибирской жизни» и товарищества печатного дела, не вам бы глумиться над такими, как я, простыми смертными, – оглянулись бы лучше на себя. Если деятельность моя бесполезна обществу, то и вреда, надеюсь, я не сделал ему, а главное – за свою деятельность я не получал ни жалованья, ни чинов, ни орденов. Вместо борьбы с противниками, не разделяющими ваших убеждений, лучше бы вам, господа профессора, направить свои силы на борьбу с беспорядками, царствующими в высших учебных заведениях, и постараться, чтобы эти храмы науки не были ни семейными, ни революционными очагами.

А. Завитков

P.S. Давая место настоящему письму г-на Завиткова, мы слагаем с себя всякую ответственность за фактическую часть его изложения.

Редакция

Забастовка рабочих Сибирского товарищества печатного дела по словам самих рабочих (1907. № 37)

По объяснению рабочих типографии «Сибирского товарищества печатного дела», освещение причин забастовки товариществом, напечатанное в номере «Сибирских отголосков», не совсем верно.

Ход событий, предшествовавших забастовке и собственно вызвавших ее, происходил в следующем порядке. 31 января, выдавая рабочим плату за полмесяца, правление неожиданно для рабочих:

а) понизило заработную плату газетчикам, рассчитав их из 56 к. за сто строк вместо прежних 60 к. за то же количество строк и б) об- считало их, уплатив в действительности не по 56 к., как выходило по расчету правления, а лишь по 53 к., что само же правление при последующих разговорах с рабочими и признало. Понижение заработной платы газетчикам на 4 к. за сто строк должно было в среднем понизить заработок всех их почти на 10%. Как уже указано, понижение это сделано было правлением неожиданно для рабочих, без всякого предупреждения. Между тем, по установившемуся в типографии обычаю, признанному как правлением, так и рабочими, изменения в распорядке работ, а равно и нововведения в правилах, касающихся нормировки труда и заработной платы, делаются путем переговоров с правлением товарищества и рабочими через особых уполномоченных. Поэтому в указанной сбавке платы за работу рабочие увидели не только нарушение со стороны товарищества существовавших до этого условий относительно цен на работы, но и отступление от принятого способа разрешать подобного рода вопросы. А так как помимо того понижение платы внесло заметный ущерб в материальное положение рабочих, труд коих оплачивается и без того скудной платой, то рабочие не могли оставить без обсуждения поступок правления и решили прибегнуть к тому самому способу, которым правление только что пренебрегло, то есть решили повести с правлением переговоры и добиваться не только уплаты несправедливо сбавленных сумм, но и изменения других вредных для рабочих условий труда. С этой целью они и послали 1 февраля своих уполномоченных в правление товарищества и предъявили через них представителю правления профессору г. Соболеву свои требования.

Профессор Соболев ответил уполномоченным, что до собрания правления, 4 февраля, он ничего определенного сказать не может. Когда же после очередного собрания правления, 5 числа, уполномоченные от рабочих явились за ответом, то тот же Соболев заявил уполномоченным, что он может передать постановление правления с указанием при том мотивов только общему собранию рабочих непосредственно. Рабочие на своем общем собрании большинством 81 против 10 нашли невозможным допустить профессора Соболева на свое общее собрание и, усмотрев в отказе правления товарищества вести переговоры через уполномоченных, как было прежде, посягательство на достоинство представителей от рабочих, постановило настаивать перед правлением товарищества на переговорах с ним об

инциденте через своих уполномоченных. В силу этого уполномоченные в течение утра 6 февраля четыре раза являлись в правление начать переговоры о соглашении по поводу их требований, но ни правление, ни особенно представитель правления г. Соболев не желали говорить с представителями рабочих, причем г. Соболев заявил, что он отказывается вести переговоры с представителями от рабочих, так как они «не граммофон, не стенографы, а потому не сумеют передать его мотивы в точности». После этого рабочие решили производство работ приостановить и тем поддержать свои требования. Таким образом, непосредственным поводом к прекращению работ послужило упорное нежелание правления войти в переговоры с рабочими в лице уполномоченных со стороны последних. Однако и после объявления забастовки рабочие не раз делали попытки прийти к мирному соглашению с правлением, посылая туда своих представителей, но г. Соболев заявил, что «правление не станет вступать в переговоры». Таким образом, забастовка приняла невольную затяжной характер, и главной причиной этого нужно считать крайнюю нетактичность представителей правления товарищества, желающих, очевидно, взять рабочих «измором». Правление делает попытки сорвать забастовку приглашением на работы отдельных рабочих из других типографий, но пока все шаги его в этом отношении оказываются бесплодными.

Так как по городу циркулируют слухи о чрезмерности требований рабочих, то представляется нужным указать основания, по которым рабочие считают свои требования скромными и необременительными для товарищества. Вот цифровые данные, касающиеся прибылей товарищества и заимствуемые из сметы, составленной товариществом на 1908 г.

Товарищество в 1908 году предполагает по смете получить прибыли с типолитографии 15.000 р. при валовом доходе в 100.000 р. и с газеты 14.140 р. при валовом доходе в 113.000 р., а всего 29.140 р. Из общего расхода по типолитографии и газете в сумме 183.000 р. на оплату производительного труда рабочих товарищество предполагает израсходовать 47.730 р., правда, в общей сводке итогов товарищество уменьшает свои чистые барыши до цифры 15.000 р., прибавляя к сумме расходов 19.060 р. на общее ведение дела, но стоит только сопоставить эту цифру с цифрой платы рабочим, чтобы убедиться в ярком несоответствии этой суммы с общим положением дела и с вызываемою им нуждой. Преувеличенная мизерность общей

прибыли особенно бросается на вид при детальном ознакомлении с балансом расходов. Так, на разные мелкие расходы (чай, сахар, канцелярские и прочие расходы) товарищество предполагает истратить ни много ни мало, как 3.760 р., на администрацию типографии – 11.880 р., то есть почти 25% платы, назначенной на оплату производительного труда рабочих и т.д. Если бы товарищество понизило расход на чай, сахар и другие мелкие расходы на одну треть, т.е. до суммы 2.506 р., расходы по содержанию администрации уменьшило бы до одной пятой заработной платы рабочим, то есть до 9.546 р., и не поскупились бы удалить из чистой прибыли 1000 р., то это дало бы экономии 4.587 р., которые без всякого ущерба для дела товарищество могло бы ассигновать на увеличение платы рабочим и тем увеличить производительность их труда. Рабочие же настаивают на прибавлении к их заработной общей плате за сметный год всего лишь 4.200 р.

Томск, 31 декабря (1908. № 278)

С сегодняшнего дня издание «Голоса Томска» прерывается на неопределенное время. Не будем говорить о причинах этого перерыва, которые едва ли интересны для широкой публики. Скажем только, что причина эта, так сказать, внутреннего характера и далеко не зависит, как склонны объяснять многие, от несочувствия читателей. Наоборот, мы с чувством глубокого удовлетворения должны констатировать, что у «Голоса Томска» образовался определенный и немалый контингент читателей, который постепенно возрастает, образовалась живая связь между газетой и читателями.

Обращаясь к прошлому, мы должны сказать, что не розами была осыпана наша дорога. Нам приходилось вести борьбу на два фронта – и справа и слева, приходилось противопоставлять трезвое слово против увлечений левых, восставать против косности и невежества правых реакционеров. Справедливость требует отметить корректность по отношению к нам со стороны левых элементов и беззастенчивые, лживые нападки справа, вызванные бессильной злобой на разрушителей своих скверных замыслов, малокультурным и бессильным желанием хоть выругаться по-извозчичьи...

Нас упрекали в том, что мы изменили своему знамени, знамени беспартийности, и стали органом «Союза 17 октября», это глубокая неправда. Мы всегда были беспристрастны, мы всегда с радостью отмечали все хорошее, что было в тех или других партиях, безразлично – правых или левых, и так же беспристрастно нападали на дурное, вредное, утопическое или ретроградное. И не наша вина, что хорошего-то более всего оказалось именно в «Союзе 17 октября», крепко вставшем на почву Великого Исторического акта 17 октября 1905 года.

Временно расставаясь с нашими друзьями-читателями, мы от души благодарим их за ту нравственную поддержку, которая не раз прибавляла нам сил в тяжелые минуты.

Не говорим «прощайте», но скажем: «До свидания, быть может, в очень близком будущем, на столбцах органа, на знамени которого будет нанесена великая дата – 17 октября...».

От редакции (1908. № 278)

Заканчивая этим номером издание газеты, не можем не сказать несколько слов относительно условий этого издания.

Современный читатель не представляет тех громадных средств, которые приходится затрачивать на ведение газеты.

Многим представляется, что успешная подписка, увеличение числа читателей увеличивает и приход кассы издания. Но это верно лишь относительно. Главная доходность, так сказать, хлеб газеты – это объявления. Ни один самый распространенный орган печати, хотя бы он расходился в миллионах экземпляров, не окупит себя, если в нем нет достаточного количества публикаций. При их недостатке и сравнительном успехе журнала может создасться довольно печальное положение: с каждым прибывающим подписчиком газета вынуждена будет вести лишний расход. Главным образом увеличение подписки неминуемо увеличит и дефицит.

Нам удалось привлечь значительное число подписчиков, поднять на 100% против сметных предположений розничную продажу газеты и даже значительно повысить существовавшую ранее для газеты умеренного направления норму объявлений. Но достичь цифры, которая была необходима для вполне успешного хода дела, все же не удалось.

Читателю небезынтересно знать, какие расходы должна нести газета. Главный и существенный – это типографские расходы за

печатание газеты. В год они достигают суммы 10.000 рублей. Расход на бумагу равняется 3.000 рублей, плата за агентские депеши достигает солидной суммы в 2.500 рублей. Только эти три неизбежные статьи расхода составляют уже цифру, равную почти 16.000 рублей. Существует еще масса рубрик расхода, которые, при всевозможности их сокращения, дают все-таки крупную цифру. Одни неизбежные почтовые расходы достигают почти 1000 рублей, такой же расход падает на квартиру. Остается содержание редакции, конторы, сотрудников, корректоров, разносчиков, отопление, освещение, телефон и масса других, вызываемых ходом дела расходов.

Для успеха необходима была сильная и энергичная поддержка газеты объявлениями. Последних собрано всего около 10.000 рублей, цифра, казалось бы, крупная, но, принимая во внимание указанные выше расходы, все-таки далеко не покрывающая последние. При подобных условиях продолжение издания влечет за собой неминуемое увеличение дефицита. При всей успешности начавшейся подписки и увеличении количества объявлений рисковать возможностью дальнейшего дефицита невозможно. Это обстоятельство и вынуждает редакцию, к сожалению, не возобновлять подписки на будущий год. Лицам, уже внесшим подписную плату, последняя будет немедленно возвращена. В отношении к нам подписчиков мы видим залог успеха умеренного органа печати и вполне надеемся, что в самом недалеком будущем, на основах вполне практических создастся орган умеренного направления, который удовлетворит всех, ищущих в печати не орудие партийной борьбы и раздоров, а правдивого освещения текущей жизни.

Живи дольше! (1908. № 278)

В печальной памяти 1905 году, в дни всеобщей российской разрухи, в Петербурге народилась своеобразная газетка – «Газета Босьяков», в которой принимали участие исключительно горьковские типы – босьяки, «бывшие люди», проститутки, хулиганы и пр. Нетрудно себе представить, что за амбре распространялось от этого своеобразного листка.

Невольно нам вспоминается всегда «Газета Босьяков», когда приходится взглянуть на столбцы органа томского отдела «Союза русского народа», «Сибирской правды», окунуться в этот грязный омут

личных нападок, лжи, инсинуаций, перебивания старого белья, почти площадной брани. По умственному убожеству, по нравственной нечистоплотности «ретираторы» «Сибирской правды» (словечко заимствовано из лексикона последней) действительно недалеко ушли от «литераторов» «Газеты Босяков».

За последнее время своеобразный «орган» союзников особенно много внимания уделял «Голосу Томска», отводя нашей газете, ее сотрудникам и, попутно, томскому отделу «Союза 17 октября» чуть не половину места. Даже в последнем рождественском номере, тотчас после передовой, призывающей к миру и христианской любви, помещена ненавистническая заметка по нашему адресу, озаглавленная «Помирай скорее!».

С своей стороны мы не пожелаем «Сибирской правде» того же, а наоборот, скажем: «Живи дольше!», ибо твое существование полезно...

Мы говорим не шутя.

Орган томских союзников полезен вот в каком отношении.

Многие простые, доверчивые русские люди, прельстившись громким названием, присвоенным томским отделом Союза русского народа – «Общество за Веру, Царя и Отечество!» – могли бы стать в его ряды...

Но, к счастью, их не допустит до этого «Сибирская правда».

Всякий порядочный человек, познакомившись с ароматом ее, отойдет подальше и от газеты, и от той удивительной партии, представительницей которой она является.

Это ли не польза!

Итак, живи подольше, распространяя свой специфический аромат, слышав который всякий постарается отойти подальше!..

Сибирская мысль

Сибирь в 1906 г. (1907. № 59)

Наша задача – показать проявления этой жизни на пространстве Сибири в истекшем году, отметив все ее отрицательные и положительные стороны. И прежде всего остановимся на обозрении повременной печати, этом зеркале жизни, отражавшем малейшие ее проявления. Истекший год был первым годом действия новых правил и ознаменовался необычным развитием газетного дела в Сибири, создавшего и крепко захватившего десятки, сотни новых работни-

ков. Но этот же год был и периодом скорбного мартиролога для изданий, так же быстро погибавших, как и возникавших, как это будет видно из нижеследующего перечня. Начнем последний с крайнего запада Сибири.

В Кургане возникла «Народная Газета», к сожалению, прекратившаяся. В Ялуторовске – еженед. «Крестьянск. Газета» – закрыта; в Тюмени – «Сибирский Голос». В Омске возникли «Степной Вестник», «Иртыш», «Степной Пионер», «Сибирский Приказчик», «Да будет свет», «Сибирская язва» (юморист.), «Язва» (сатирич.), «Степь», «Степной Голос», «Степная Газета», «Степное Эхо», «Омич» и «Сибирский Хозяин»; из них первые шесть закрыты, причем у «Иртыша» закрыта и типография, а редакторы закрытых газет высланы; закрыта и старейшая омская газета «Степной Край», а редактор ее отправлен в тюрьму; о судьбе остальных газет мы не имеем сведений. В Семипалатинске возник «Семипалат. Листок», подвергавшийся полугодовой приостановке и конфискации отдельных номеров. В Ташкенте возникли «Ташкент. Курьер» и «Вперед», в Тобольске «Родной Голос», причем старейшая газета «Сибирский Листок» закрыта. В Барнауле возникли «Барнаульские Известия» и, провлачив жалкое существование, сошли со сцены, в Новониколаевске появилась «Народная Летопись» и погибла. В Томске возник «Вестник Сибири», но после первого же конфискованного номера закрыт, а редактор осужден; здесь же возникло несколько сатирических и юмористических еженед. журналов, как «Осы», «Ёрш», «Бич», «Рабочий Юморист», «Бубенцы» (как приложение к «Сибирским Отголоскам») и «Красный Смех» (теперь закрыт), затем «Народные Нужды» – самая дешевая крестьян. газета, «Торгово-Промышленная Газета» и «Томский Театрал» – все три приостановленные самими редакциями, и, наконец, здесь же появился прославленный на всю Сибирь «орган клеветы и провокации» ежедневная газета «Время». Подверглась каре и старейшая одна из газет, временно приостановленная редакцией. В Красноярске возникли «Голос Сибири», «Народное Дело» (дешевая газета), «Сибирский Край», «Сибирские Вести», «Енисейский Край», «Енисейское Слово», «Сибирь», «Дневник Красноярца», «Красноярец», «Челдон», «Вост.-сибир. сельхоз. Листок», «Православный Сибиряк» и сатирический «Фонарь»; из них первые семь закрыты, причем редакторы подверглись высылке, а следующие

три сами прекратили существование. В Иркутске возникли «Сибирское Обозрение», «Молодая Сибирь», «Восточная Сибирь», «Сибирская Речь» (сначала еженед., затем ежедневн.), «Сибирские Известия», «Новая Сибирь», «Восточная Краина», «Сибирская Газета», «Сибирская Почта», «Дело и Труд», «Сибиряк» и сатирич. «Овод»; из них первые семь и последняя закрыты, причем старейшая газета, основанная в 1882 г. покойным Ядринцевым, «Восточное Обозрение», также закрыто. В Верхнеудинске возникли «Сибирское Слово», «Забайкалец», «Прибайкалье» и «Байкальская Струя», их три первые закрыты. В Чите появились «Даль», «Тайга», «Ингода», «Голос Забайкалья», «Чита» и «Забайкальское эхо», из которых первые пять закрыты. Возникший в Сретенске «Сретенский Листок» закрыт и ничем не замещен. В Благовещенске возникли «Амурский Край», «Амурский Вестник», «Амурский Летописец», «Амурская Жизнь», «Амурский Народник» и «Голос Краины» – из них первые три закрыты. В Хабаровске появились «Приамурье», «Свободное Слово» (обе с генералами во главе) и «Уссурийская Жизнь», в Никольск-Уссурийском – «Край», во Владивостоке – «Молоканский Вестник» и «Краина», в Харбине – «Харбин» и, наконец, в Петербурге – «Сибирские Вопросы» – первый вполне литературный ежемесячный сибирский журнал.

Таким образом, в течение 1906 г. возникло в Сибири 87 новых газет, из которых 43 закрыты «за вредное направление» на время действия военного положения и, кроме того, запрещены 4 старых газеты. Но интересно отметить живучесть и стойкость печати. Газеты не перестают возникать, несмотря на огромный материальный ущерб. Другой интересный факт – это ничтожность реакционных изданий и их полный неуспех. Этот сорт печати представлен, если не ошибаемся, всего тремя органами на всю Сибирь, это – «Время» в Томске, «Православный Сибиряк» в Красноярске и «Сибиряк» в Иркутске. Несмотря на насильственное распространение «Времени», несмотря на массовую даровую раздачу «Сибиряка», газеты эти существуют только субсидиями их вдохновителей и, разумеется, обречены на смерть, – насильственно милым быть нельзя. И все мероприятия на этом направлении, к которым надо отнести назойливую даровую рассылку «Зорьки», «Веча» и т.п. изданий «русских людей», заранее обречены на полнейший неуспех.

Сибирская жизнь

Провинциальное оскудение (1908. № 173)

«Вообще жизнь – я люблю.
Но нашу жизнь, русскую,
уездную, обывательскую
терпеть не могу и
презираю всей душой...»
Чехов

В то время, когда русская художественная литература переживает один из интереснейших моментов своего развития, когда реализм жестоко воюет с модернизмом, а в этом последнем ежеминутно нарастают новые наслоения, – в это самое время русская периодическая печать переживает тяжелую эпоху обесцвеченного, придавленного, молчаливого безвременья.

Это безвременье захватило и столицы, и провинцию, главным образом провинцию. Столичные газеты еще ухитряются давать своим читателям небезынтересный материал, как в хронике текущей жизни, так и в отдельных статьях политического, общественного и литературного характера.

Провинциальная же пресса представляет собою в настоящее время ряд жалких справочных листков за исключением пяти-шести газет лучших центров провинции: Одессы, Киева, Харькова и Саратова.

Обыватель же Симбирска, Архангельска, Уфы, Ставрополя, Житомира, Оренбурга, Пензы, Самары, Костромы, Пскова, Астрахани и многих других городов необъятной русской провинции может с чувством полной правоты сказать:

– «Наша местная газета бессодержательна и совершенно неинтересна».

И, повторяю, он будет прав.

Передо мной в настоящую минуту лежит груда газет: «Уральский край» из Екатеринбурга, «Северо-Кавказская газета» из Ставрополя, «Русская Ривьера» из Ялты, «Народные вести» из Симбирска, «Вестник Воляни» из Житомира, «Оренбургская газета» из Оренбурга, «Поволжский вестник» из Костромы, «Псковская жизнь» из Пскова, «Волжское слово» из Самары, «Северный вестник» из Ярославля, «Астраханский листок» из Астрахани, «Южный край» из Харькова, «Нижегородский листок», «Киевские вести», «Одесское обозрение», «Вятская речь» и др.

Чем же – является вопрос – наполнены эти газеты?

Развернем их и всмотримся повнимательнее.

Прежде всего бросается в глаза почти полное и хроническое отсутствие руководящих передовых статей: этим газеты как бы подчеркивают свою зависимость от различных течений политической и общественной жизни, свое горемычное скитание

«На воздушном океане
Без руля и без ветрил»...

Окраинная пресса (Кавказа, юго-запада, севера) изредка посвящает передовицы местным окраинным интересам, органы же Центральной России прямо-таки блещут отсутствием передовых статей.

Пустота и в нижнем этаже газет – в отделе фельетонов. В большинстве названных изданий фельетоны отсутствуют – на их месте часто встречаются большие перепечатки из столичных газет. Реже беллетристические переводы с французского и немецкого. Еще реже – оригинальная беллетристика, кстати сказать, очень невысокого достоинства; этой беллетристике нередко предшествуют стихи местных поэтов, также невысокого достоинства. «Поволжский вестник» посвятил целый ряд длинных фельетонов «Истории города Костромы», которая, пожалуй, небезынтересна для «Русской старины» или «Исторического вестника», но совершенно неуместна в газете. «Астраханский листок» почти ежедневно печатает бесконечный и скучный роман в стихах «Нефтяные гномы», принадлежащий перу некоего г. Бесприкрасова. Иногда в отделе фельетонов встречаются, как это ни странно, отчеты благотворительных обществ и полемические статьи между какими-нибудь повздорившими обывателями...

Отдел маленьких фельетонов, как самостоятельный, в газетах почти отсутствует и заменяется перепечатками маленьких фельетонов Азова из «Речи», Сергея Яблоновского из «Русского слова», Бой-Кота, Любоша и Чуж-Чуженина из петербургского «Слова».

Отдел собственных корреспонденций поставлен также неудовлетворительно, если не по количеству, то по качеству: в большинстве случаев корреспонденты сообщают о пожарах, грабежах, об антисанитарных условиях того или иного местечка и о прошедших или будущих любительских спектаклях; выше этих сообщений господ корреспонденты не поднимаются.

Мелочами наполняется и отдел местной, городской хроники. Она пестрит сообщениями о том, что чиновник такой-то переводится в другое место, что тротуары около дома № 0 нуждаются в ремон-

те, что г. А. дал в клубе пощечину г-ну Б., что из квартиры мещанки такой-то украдено вывешенное для просушки белье...

Таково общее впечатление от беглого обзора провинциальной журналистики. Впечатление, безусловно, прискорбное, постыдное и в то же время глубоко знаменательное для переживаемого нами исторического момента реакции и безвременья.

Но можно ли вынести провинциальной прессе обвинительный приговор? Можно ли бросить ей в лицо упрек в пустоте и бессодержательности?

Едва ли.

Ибо, во-первых, «неча на зеркало пенять, коли рожа крива», а во-вторых, «лежачего не бьют»...

Очевидно, общественная жизнь в провинции – на точке замерзания, положение прессы жалкое и смешное, писатель и читатель смотрят друг на друга недоверчиво и хмуро...

Опять обывательщина и обломовщина, скука и апатия густыми тучами заволокли воздух провинции. Опять вспоминаются грустные слова бессмертного сатирика: «Серое небо, серая даль, серые гады на сером фоне болота...» Опять по необъятным русским равнинам бродит нелепое, тупое, серое чудище, имя которому – Оскудение...

Г. Вяткин

Томск и Новониколаевск¹
(Перемещение центра экономического тяготения)
(1908. № 237)

С проведением Великого Сибирского рельсового пути нарушен вековой сон огромного Сибирского Царства, таившего в своих недрах мировые запасы неиспользованных богатств.

Прошло с тех пор 10 лет, и вот уже мы присутствуем при разыгрывающейся прелюдии азартного зрелища борьбы за проекты крупного железнодорожного строительства Сибири. Слышится первый трепет разгорающегося сражения.

¹ Редакция, хоть и несогласна с выводами автора, дает место статье ввиду важности всестороннего освещения вопроса об экономической роли Томска и Новониколаевска.

В № 228 «Сибирской жизни» от 25 октября сего 1908 года в статье «Куда примкнут Туркестан-Сибирскую железную дорогу» автор И. Фрейдин, говоря о пункте примыкания проектируемого грандиозного железнодорожного пути к Сибирской магистрали, констатирует, что в этом вопросе только «два серьезных конкурента: Новониколаевск, расположенный непосредственно на р. Оби, и Томск, на реке Томи в 240 верстах севернее»; и далее задает вопрос:

«Кому же стать будущим сибирским Царицыным?»

Настоящая статья будет ответом на поставленный вопрос.

В нескольких словах общий ответ на вопрос будет, очевидно, таков: тот из конкурентов будет «Сибирским Царицыным», который находится в аналогичном с последним географическим положением относительно водной главной магистрали.

Но... пойдем далее.

Очевидно также, что в поставленном обширном вопросе железнодорожного строительства решающее значение будут иметь не соображения лесного сплава и эксплуатации казенных лесов и не спорный вопрос о резиденции управления Сибирской дороги, которому, кстати сказать, целесообразнее находиться на магистральной линии.

В «Экономической записке» Новониколаевского городского общественного управления 1908 года (4 стр.) так описывается экономическая пертурбация, произведенная Великим Сибирским путем в Томской губернии:

«Сибирская железная дорога произвела крупный разлом в экономической жизни Томской губернии, перерезав территорию губернии с Запада на Восток на две почти равные части *географически*, но далеко не равные по современному экономическому положению, а именно: на *Северную*, обнимающую всю болотистую низменность Нарымского края, малонаселенную, экономически слабую, продолжающую тяготеть к своему историческому административному центру – губернскому городу Томску, и на *Южную*, обнимающую Барнаульский, Бийский, Кузнецкий и Змеиногорский уезды Томской губернии, то есть всю территорию Алтайского горного округа, наиболее густо населенную, экономически мощную, с проведением железной дороги нашедшую себе новый, естественный пункт экономического тяготения – станцию «Обь» Сибирской железной дороги, с расположенным при ней городом Новониколаевском».

В этом своем понимании экономического переворота, произведенного Сибирской магистралью, город Новониколаевск не одинок:

Томский биржевой комитет с не меньшей прозорливостью учитывает значение указанного перелома в экономической жизни Томской губернии и, в частности, города Томска, когда в годичном своем отчете (1906 г. стр. 14) признает, и совершенно справедливо, что Сибирская железная дорога, оставив город Томск в 100-верстном расстоянии от магистрали и, что всего хуже, пройдя между ним и Алтайским округом с городами Барнаул, Бийск и др., отделила его от главной, наиболее производительной части коммерческого промышленного района.

Только благодаря своему культурному значению, учреждению университета и технологического института, нахождению в нем управления Сибирской железной дороги и таким случайным причинам, как сокращение и временное прекращение по случаю войны товарного движения на Сибирской железной дороге, заставивши пользоваться водным путем, Томск удерживает *до известной степени* положение крупного коммерческого центра Западной Сибири.

Другой, более компетентный и еще более беспристрастный, чем биржевой комитет, свидетель экономического влияния Сибирской магистрали на г. Томск – Томское городское самоуправление – в июле 1902 года констатирует, что Томск с проведением магистрали Сибирской железной дороги мимо него потерял значение перевалочного пункта (отчет томского биржевого комитета 1902 г., стр.5), уступив эту роль новому коммерческому центру на берегу р. Оби.

Косвенно и автор упомянутой статьи г. Фрейдин также придерживается высказанного взгляда на экономические последствия от Сибирской магистрали для Томской губернии и г. Томска, когда в статье говорит, что «приходится ждать нового электрического или иного тока или толчка жизни, *чтобы проснулся север, и тогда Томск приобретет снова старинное свое значение центра*»...

Итак, центр экономического тяготения на территории Томской губернии за десяток лет существования Сибирской железной дороги круто переместился. Явление это свершилось в таких ярких, конкретных формах, что о нем, мы видим, с одинаковой определенностью высказываются как заинтересованные, так и незаинтересованные свидетели – современники и компетентные наблюдатели из официальных сфер.

Станция Обь Сибирской железной дороги, расположенная на берегу большой судоходной реки Оби, у подножия грандиозного железнодорожного моста, близ северной границы Алтайского округа,

стихийной силой вещей быстро раскинулась в крупный коммерческий город Новониколаевск, который стал для целой области центральным, экономическим и географическим пунктом, всецело господствующим над лежащей к югу территорией Алтайского горного округа, омываемого реками Обского бассейна, направляющего свои воды на север, а крайне благоприятное скрещение в указанном пункте двух могучих торговых путей – водного и железнодорожного – сделало город Новониколаевск естественной, а потому и сильной коммерческой базой, говоря образно, транзитными торговыми воротами для выхода богатств Алтайского горного округа на мировой рынок, может быть, и в ущерб экономическому росту других сибирских городов, таких как Колывань, Томск и др.

С перемещением центра экономического тяготения, то есть центра перевалки и распределения грузов – товаров с берегов реки Томи на берег реки Оби, в течение десятилетнего периода на глазах у всех произошел естественный территориальный сдвиг экономических сил губернии к этому магическому узлу сплетения реки Оби с Сибирской магистралью, и город Новониколаевск стал концентрировать вокруг себя все увеличивающийся район тяготеющих к нему сел и деревень Барнаульского, Бийского, Кузнецкого уездов, входящих в состав Алтайского горного округа.

Но пусть об этом говорят только цифры. В дальнейшем изложении я буду говорить цифрами Статистического отдела Сибирской железной дороги¹, рисуящими картину грузового движения и распределения грузов на территории Западной Сибири по главнейшим станциям сибирской магистрали, а пока мимоходом приведу случайно ставший известным и заслуживающий полного доверия документ – приговор сельского общества села Коуракского, Кузнецкого уезда, следующего содержания: «1908 года октября 5 дня мы, нижеподписавшиеся, Томской губернии Кузнецкого уезда Таромской волости Коуракского сельского общества, состоящего из села Коуракского и деревни Коневои, полноправные домохозяева от 197 человек, имеющих право голоса на сходе, были сего числа на общем собрании на сходе, на коем имели суждение по вопросу о проведении тракта из города Кузнецка к городу Новониколаевску и пришли к следующему решению: ввиду того, что в скором времени в городе Иркутске состоится общесибирский съезд, на котором предстоит суждение об улучшении грунтовых путей вообще в Сибири и о проведении новых трактовых путей, признавая большое

¹ Сборники Статистических Сведений по перевозке грузов большой и малой скорости.

значение хороших путей в деле поднятия крестьянского хозяйства вообще – в частности, находим необходимым провести тракт по местности, лежащей на прямой линии от Кузнецка, через села: Пестерова, Брюхановское, Коурак, Карпысак, к гор. Новониколаевску... так как весь избыток наших сельскохозяйственных продуктов направляется на новониколаевский рынок; затем купечество Кузнецкого уезда, и в частности нашего села, свои товары получает главным образом из Новониколаевска или через его транспортные конторы, а между тем существующие проселочные дороги, ведущие к Новониколаевску, плохи» и прочее.

Эта цитата мимоходом из приговора сельского общества также знаменует, что села и деревни уездов Алтайского округа невольно обращают свое лицо все более и более к молодому городу Новониколаевску. Но пойдем далее.

За 10-летний эксплуатационный период сибирской железной дороги (1897–1907 гг.) станция Обь, расположенная при городе Новониколаевске, стала важнейшим перевалочным пунктом на восток и запад товаров, идущих из богатых уездов Алтайского округа – Барнаульского, Бийского, Кузнецкого, Змеиногорского.

По данным статистического сборника коммерческого отдела Сибирской железной дороги, рост грузооборота станции Обь за десятилетие нормальной коммерческой эксплуатации выражается в такой прогрессии:

Годы	Отправлено частных грузов бол. и мал. скорости	Прибыло частных грузов бол. и мал. скорости	Грузооборот (отправлено и прибыло)
1897	307,326	1,502,400	1,809,726
1898	2,655,397	455,788	8,111,395
1899	3,739,707	664,468	4,406,175
1900	3,630,787	801,329	4,432,116
1901	2,120,591	4,498,382	6,618,173
1902	3,412,578	5,207,079	8,617,657
1903	3,487,962	2,252,861	5,740,823
1904	2,960,759	1,921,245	4,881,974
1905	4,991,401	2,503,879	7,495,280
1906	6,251,414	3,973,384	10,204,808
1907 (за 10 м.)	6,742,835	4,451,762	11,194,597

Полный грузооборот в 1907 году по станции Обь выразился в 16.099.211 пудов.

Заслуживает полного внимания в этой таблице сильный скачок «грузов прибытия» в 1901 и 1902 годах с 800 тыс. пуд в 1900 году на 4,5 миллиона и на 5 миллионов пудов. Этот скачок в цифрах «при-

бытия» грузов всецело относится к миллионам продовольственного хлеба, прибывшего из России в пораженные тогда неурожаем уезды Алтайского округа – Кузнецкий, Бийский, Барнаульский. Станция Обь и город Новониколаевск оказались тогда естественной продовольственной базой по распределению семенного и продовольственного хлеба в пределах Алтайского края. Точно так же в период российской продовольственной кампании 1906–1907 года, почерпнувшей главную массу продовольственного хлеба для России из степей Алтайского округа, главнейшей операционной базой по скупке алтайского хлеба был тот же город Новониколаевск, который весной 1907 года превратился в одно грандиозное хлебохранилище, когда массивные таборы зерна в мешках заполняли не только склады, но и сплошь дворы, где вершины таборов вырастали в уровень с домами своих хозяев; в эти продовольственные годы, как мы видим, наоборот, цифра «грузов прибытия» по станции Обь делает прыжок на 6.251.000 пуд и за 10 месяцев 1907 года на 6.740.000 пуд.

Нелишне добавить, что в 1906 году количество грузов по ст. Обь под рубрикой «сельскохозяйственные» подняло на 5 миллионов пудов (сведений за 1907 год еще нет), а грузооборот новониколаевских паромных пристаней за эти же (1906–7) годы, по сведениям томского округа путей сообщения, достиг до 9 миллионов пудов, из коих значительная доля падает на грузы сельскохозяйственные и, главным образом, хлеб, масло.

Нужно глубоко пожалеть, то Сибирская железная дорога из-за грошовых расчетов в последние два года сократила статистическую работу по грузовому движению дороги, скомкав все в одну книгу, в ущерб ясности и полноте картины порайонного грузового движения, тогда как ранее статистический материал просторно располагался в 3 сборниках: 1) по отправлению, 2) по прибытию и 3) сводный сборник, значительно облегчавших работу желающего ориентироваться исследователя.

Грошовая экономия сибирской дороги *жестко* затрудняет работу экономического познания Сибири и ее отдельных районов со стороны производительности, торгового транспорта, импорта, экспорта и пр.

В интересах документальной обстоятельности ответа на поставленный в начале этой статьи вопрос, ниже приведем хотя несколько цифр, вырисовывающих детали в картине движения и распределения по территории Западной Сибири грузов, стяги-

ваемых к главнейшим железнодорожным станциям Западной Сибири между Курганом и Томском включительно, на протяжении 1388 верст рельсового пути.

Будут взяты 1905 и 1906 годы за невозможностью обследовать 1907 год.

В 1905 году главнейшие грузы (берем рубрики: молочные скопы, хлебные грузы, мясной товар и лесные материалы) распределялись по главнейшим станциям Западной Сибири так:¹

Станция	Молочные скопы	Хлебные грузы	Мясной товар	Лесные материалы	Итого
Курган	539,337	2,173,091	218,820	4,983	2,936,240
Петропавловск	124,028	1,342,547	296,081	9,108	1,771,754
Омск с транспортной конторой	420,672	506,497	99,869	85,190	1,062,228
Обь с транс. контор. Барн., Бийск	896,756	1,025,873	259,003	239,269	3,090,901
Томск с трансп. кон. со ст. Межениновка, Черемошники	143,682	1,077,099	63,564	94,689	1,809,806

Статистические данные коммерческой части сибирской железной дороги за 1906 операционный год еще с большей ясностью и выпуклостью обрисовывают данную картину движения и распределения грузов западно-сибирской территории между указанными станциями:

Станция	Молочные скопы	Хлебные грузы	Мясной товар	Лесные материалы	Итого
Курган	804,796	2,843,099	346,451	116,119	4,112,465
Петропавловск	160,053	2,894,388	587,381	6,466	3,598,288
Омск (с транс. конт.)	488,432	1,661,422	125,628	210,498	2,485,980
Обь (с транс. контор. Барн., Бийск)	1,111,928	4,896,474	366,946	366,587	6,228,935
Томск (с трансп. кон. со ст. Межениновка, Черемошники)	95,316	757,682	158,321	102,419	1,115,688

¹ Статистический сборник сибирской железной дороги.

Общие же итоги по станциям «по отправлению» грузов (хлебных, молочных, мясных, лесных, шерсти, кожи и шкуры, жиры и сало, масла семенные и древесные, лен, куделя и пакля) следующие:

Станция	1905 г.	1906 г.
Курган	3039013	4229460
Петропавловск	2140760	4132442
Омск	1387137	2770408
Обь	3258745	6394296
Томск	1436181	1143363

Таким образом, первое место по количеству грузов на Западно-Сибирском участке дороги принадлежит станции Обь, стягивающей наибольшую массу грузов с территории Западной Сибири.

Заслуживает при этом внимания и то обстоятельство, что станция Омск занимает по грузообороту лишь 4-е место, а это показывает, что Алтайский край и его степи тяготеют не к берегам Иртыша, а к берегам Оби, не к городу Омску, а к городу Новониколаевску, и следовательно, протежируемое Омским биржевым комитетом направление Туркестанской железной дороги Семипалатинск-Павлодар-Омск не будет соответствовать естественному направлению грузового движения из Алтая на Сибирскую магистраль.

И поэтому, если суждено будет городу Омску достигнуть осуществления проектируемых линий железной дороги Семипалатинск-Омск и Тюмень-Омск, то эти новые пути не окажут сколько-нибудь значительного влияния на экономические судьбы Алтайского округа, нуждающегося для своего развития в самостоятельном рельсовом пути, пронизывающем его территорию.

Рискуя выйти из рамок газетной статьи, привожу лишь следующую краткую табличку цифр, иллюстрирующих коммерческий рост и значение города Новониколаевска, и отсылаю за деталями к «Экономической записке Новониколаевского городского общественного управления 1908 г.».

По данным речной статистики Томского округа путей сообщения и статистики железнодорожной, грузооборот города Новониколаевска (грузы железнодорожные, пароходные, сплаваемые плотами) следующий:

Годы	Прибыло	Отправлено	Грузооборот
1904	8,485,861	2,534,987	11,006,848
1905	9,661,448	4,724,306	14,385,754
1906	10,326,114	7,624,005	17,959,479
1907 (за 10 мес.)	13,590,572	8,460,242	22,050,814

Надо добавить, что цифра грузооборота 1907 года – 22.050.814 – исчислена только за 10 месяцев, между тем за ноябрь и декабрь 1907 года станция Обь успела продвинуть от себя массовые залежи хлеба, что в общей сложности повысило цифру грузооборота станции за 2 месяца с 1.194.597 на 16.099.211, то есть больше чем на 4.904.614 пуд.

И таким образом, грузооборот Новониколаевска в 1907 году выразился цифрой – 26.955,428 пудов.

Теперь настал момент ответить на поставленный вопрос: кому стать будущим сибирским Царицыным?

Трудно пророчествовать вообще, но в данном случае ответ ясен без слов.

Не может быть выбора между 12-летним Новониколаевском и городом Томском, хотя и 300-годовалым. Против г. Томска – неумолимый ход экономического прогресса Сибири, созданного сибирской магистралью, и неисповедимые замыслы злых гениев Томска – магов и волшебников инженерного творчества, которые когда-то двумя линейками рельс, словно заколдованными ножами, злорадно перерезали ноги города Томска, которыми он могуче опирался на степи и горы Алтая, и Томск бессильно сел на краю Нарымских и Васюганских болот.

С тех пор через заколдованные линейки рельс уже не переходят южные караваны с богатствами степей и гор Алтая в город Томск.

Итак, сибирским Царицыным станет тот счастливцев из городов-соперников, географическое положение которого аналогично российскому Царицыну как в отношении к главной водной магистрали – Волге, так и в отношении к прилегающему району плодородных степей; а таким счастливцем я бы назвал *только* город Новониколаевск: там – Волга, здесь – Обь; там плодородные степи юга России, здесь – степи благословенного Алтая; там – узел железнодорожной и водной магистралей, здесь – тоже...

Если продолжать рассуждать сравнениями, то я бы сравнил географическое положение города Томска с городами Пермь или Вятка недавнего прошлого. Там – Вятка в преддверии Вологодских болот и лесов, здесь – Томск на краю Нарымских болот и лесов; там – малосудоходная сплавная река Вятка, здесь – малосудоходная пока река Томь – приток Оби, годный для сплава из гор Кузнецкого Алатау; там – город Вятка, пристегнутый к подъездному рельсовому пути, здесь – Томск, прижнутый к железнодорожной ветке, как на

булавке; там – город Вятка нашел выход своим стремлениям, перекинувшись Северным рельсовым путем через Вологодские болота на Петербург и веткой на Котлас, здесь город Томск (я вполне согласен с г. И. Фрейдиным) ожидает (и должен ожидать) толчка жизни в направлении к северу, к естественному району своего влияния, «чтобы проснулся север, и тогда Томск приобретет снова старинное свое значение центра». Туда, на север, г. Томск должен обращать свои опечаленные взоры.

Отныне город Вятка благословляет свою судьбу, сомкнувшись железными объятиями с Петербургом и Котласом через свои северные палестины, почему бы и городу Томску не забыть свои южные вожделения и не простереть свои свободные руки для экономического господства на север, продолжая свою рельсовую ветвь, через Нарымские болота к Енисею и далее, вместо того чтобы проектировать неуклюжие южные костыли к искалеченным ногам города Томска для бесплодной попытки снова опереться искусственными ногами на горы и степи Алтая.

Крайне запутанные железнодорожные проекты города Томска, вдохновленные невыполнимым стремлением исправить непоправимое, уже в самом своем исходном стремлении носят роковую ошибку.

Если обход города Томска сибирской магистралью был крупнейшей ошибкой сибирского железнодорожного строительства, то стремление *во чтобы то ни стало* исправить досадную ошибку целым рядом новых ошибок ради призрачных и сомнительных интересов одного только города Томска было бы слишком дорогой операцией по живому телу Сибири, более дорогой, чем та, которую произвели над городом Томском незабвенные вершители железнодорожных судеб своего отечества.

Г. Жерновков

Сибиряк у декадентов (Письмо из Москвы) (1908. № 104)

Волею судеб попал я прямо из глухой и некультурной Сибири – в великую столицу, в ее пантеон искусства, на выставку картин новейших французских и русских художников-декадентов, где собрана квинтэссенция последнего слова живописи и ваяния.

«Салон Золотого Руна» – так называется эта выставка.

Роскошный дом в центре Москвы.

Шикарный парадный подъезд.

Флаги, декоративная зелень.

Блестящий вестибюль.

Под звуки военного оркестра поднимаетесь по изящной, декорированной цветами лестнице – и вот уже со всех сторон глядят на вас картины, эскизы, портреты, рисунки, наброски, скульптурные произведения из темной бронзы, железного сплава, меди и гипса.

Прежде всего перед вами открывается отдел французской живописи, доминирующий над русским и количественно и качественно. Вы заглядываете в каталог выставок и видите имена Пьера Боннара, Жоржа Брага, Сезанна, Дэрена, Девальера, Гогэна, Лакоста, Поля Серюрье и др.

Переходите от каталога к картинам – и вас сразу поражает обилие кричащих красок, странное сочетание тонов, странные, неестественные, нелепо-уродливые лица и фигуры, – одним словом, полное отрешение от более или менее реального воспроизведения природы и жизни.

Что-то поразительно-смелое и поразительно-рискованное...

Что-то, граничащее с безумием...

Непонятное, невероятное...

Совершенно как будто невозможное...

Представьте себе:

Желто-розово-малиновое небо; на ярко-красном берегу не то лодки, не то башмаки или галоши; по желто-зелено-малиновой воде (нарисованной клеточками и напоминающей паркетный пол) бегут в разные стороны синие парходики, а направо по зеленой дороге несутся фиолетовые автомобили... Это живопись художника Дэрена, к сожалению, не имеющая названия; ведь названием, может быть, и объяснилось бы что-нибудь...

Или вот еще:

Картина художника Ле-Фоконье «Le Petit Ecolier». За письменным столом сидит мальчик, у которого один глаз синий, другого совсем не видно, на правой щеке ярко-красное пятно, часть лба желтая, часть зелено-желтая, часть коричневая...

Или вот еще художник Ван-Риссельберг. Он выставил шесть картин, нарисованных чрезвычайно странным приемом: не штрихами и линиями, а точками, крупными, средними и мелкими точками,

так что в общем картины производят впечатление так называемой вышивки крестиком...

Дальше.

Кое-как примирившись со странностями французской новейшей живописи, вы переходите к русскому отделу, в надежде найти хоть здесь что-нибудь более понятное, более близкое к любимым вами Айвазовскому, Репину, Левитану... Но – увы! – вас ждет здесь еще большее разочарование.

На картине г. Кнобе «Одуванчики» вы при всем желании не можете определить, что это: одуванчики или кочаны капусты, или яйца крупных птиц, или человеческие головы?

Когда смотрите на картину г-на Шитова «Белая ночь», то невольно вспоминается анекдот о том, как в одном балагане вместо картины обороны Севастополя зрители увидели сплошное черное пятно и на свое удивление получили ответ:

– Все в дыму, потому и ничего не видно.

То же самое и на картине молодого русского художника-декадента г. Шитова: сплошное бледно-синее пятно, в котором буквально ничего не разберешь...

Но кто побил рекорд в отношении претенциозности, нелепости и дерзости – так это г. Сарьян.

Картина № 69 изображает какого-то египетского фараона в павлиньих перьях, а называется «Женщины с пестрыми тканями». Картина № 66 изображает какое-то одноглазое существо в желтом балахоне, а называется «Комета».

А то вот еще представьте себе такую картину:

Некто в костюме клоуна, в дурацком колпаке, с весьма глупой физиономией всходит на какую-то возвышенность, за ним идет не то конь, не то коза, не то собака, *на трех ногах*; вокруг – круглые деревья, или грибы, или воздушные шары – право, нельзя определить...

Эта, с позволения сказать, картина называется «Поэт» (?!?). Признаком, мне стало ужасно обидно за всех поэтов прошедших, настоящих и будущих, давших г. Сарьяну тему для его претенциозной мазни.

Манерой писать блещет в русском отделе г. Ларионов. Его картина «Цветущая акация» производит такое впечатление, как будто по ней, – когда она была еще незаконченной и краски сырыми, кто-то провел мокрой шваброй: краски разъехались, размазались, а художник ничтоже сумняшеся отдал картину на выставку...

* * *

Вывод один: или мы, простые, немудрящие интеллигенты, мы, поклонники Рафаэля и Мурильо, Дорэ и Баллестриери, Брюллова и Репина, Левитана и Айвазовского, – или мы ничего не понимаем в истинном искусстве, или слишком отстали от новых течений... Или новейшая живопись – крикливая чепуха, если не в целом, то в значительной доле.

Говорю «если не в целом» потому, что и в навозных кучах иногда отыскиваются жемчужины, и в «Салоне Золотого Руна», только что обрисованном мною, было несколько прекрасных, обаятельных картин. Такова, например, картина П. Кузнецова «Утро», написанная удивительно-прозрачно, нежно, тонко. Таков очень удачный портрет В.Э. Мейерхольда, принадлежащий кисти Н. Ульянова. Такова картина Фон-Визена «Вечер», в которой чувствуется и вечерний воздух, и вечерняя прохлада, и тихое, грустно-ласковое вечернее настроение; картина Лакоста «Lilas blanc devant la glace», картина Сезанна «Nature morte».

В этих, действительно художественных, произведениях ощущается наличность истинного вдохновения, намечены новые прекрасные пути, обещаны новые, широкие, зовущие горизонты, перед раскрывающимся блеском которых померкнут звезды художников прошлого и настоящего...

Но, повторяю, эти положительные стороны новейшей живописи, эти робкие намеки на светлое будущее тонут в бездне бездарности, пошлости и тупости самозванных «talантов», в их кривлянии, манерничаньи, прыжках и ужимках, в их наглom отрицании всех великих авторитетов и образцов...

Г. Вяткин

Москва, 11 мая

Калейдоскоп (По градам и весям) (1909. № 17)

IV¹

Если вы давно живете в Сибири, а особенно если вы родились здесь и жили в ней почти или совсем непрерывно, и если, в то же время, вы не лишены наблюдательности, то едва ли вы будете

¹ См.: Сибирская жизнь. 1908 г. № 140, 164 и 262.

отрицать, что за последние 20–30 лет Сибирь изменилась если и не до неузнаваемости, то во всяком случае чрезвычайно сильно.

Наша память восстанавливает картины прошлого, мы оглядываемся вокруг, осматриваем беглым взглядом знакомое настоящее, и происшедшие перемены представляются нам такими значительными, что мы поражаемся.

– Да, ведь правда, – разве это та Сибирь, которую мы знали 20 лет тому назад?!

– Разве это те же Томск, Барнаул, Каинск, Иркутск и проч., и проч.?!

– Разве это – те же Власиха, Степановка, Карпова, Быструха и т.д., и т.д.?!

Все так изменилось, все представляется нам так резко отличным от тех прежних образов, которые восстановила память.

И это – не только в общем и во внешних обликах, а и в частности, и во внутренних чертах.

Необходимо оговориться, что даже и за 20, и за 30 лет процесс изменения и превращения далеко не в одинаковой степени коснулся всего и везде, нет, конечно. Кое-где и кое в чем он дал весьма мало результатов. Тогда как в иных случаях и местах получились, наоборот, перемены, до неузнаваемости преобразившие прежние черты и облики.

Сибирь так обширна, так разнообразна, что никакой процесс и ни в какой даже крупный период времени не может создать в ней полную однородность, однообразие. Чувствительность, податливость к изменениям и внешним влияниям, сила сопротивления воздействиям новых условий и явлений, вторгающихся в ее жизнь, – чрезвычайно неодинаковы в отдельных частях Сибири и в отдельных областях ее жизни.

Да и самые «воздействия», в форме явлений, условий и проч., далеко не одинаково касались отдельных областей грандиозной страны.

Например, в то время как одни части испытали на себе резкие и разнообразные влияния русско-китайской и русско-японской войн, испытали непосредственно, другие были «задеты» только косвенно, а третьи почти и не почувствовали ничего.

Так же неодинаково было и влияние на отдельные области Сибири и различные стороны ее жизни таких крупных явлений, как

постройка «Великого Сибирского пути», грандиозное переселенческое движение, великие политико-нравственно-физическо-психические встряски, именуемые «днями свобод», и последующие... И много было еще второстепенных влияний и явлений, и велико было разнообразие в степени отражения их.

Но если исключить области, по самому свойству своему особенно нечувствительные и малоподдающиеся вообще всяким внешним влияниям, например, северные тундры, почти не населенные, или дикие горы, до сих пор знакомые только с человеком-пастухом, человеком-путником и человеком-исследователем, если не принимать в расчет такие исключительные местности, то про остальную Сибирь можно с уверенностью сказать, что она, под теми или иными влияниями, изменилась резко, весьма заметно.

Не больше исключений найдем мы и среди различных сторон или сфер жизни Сибири, если, конечно, не будем слишком мелочны, не будем вдаваться в мелкие детали, а брать их – стороны жизни – более широко, более «общо».

Факты, явления, мотивы, запросы, условия – все подверглось значительным метаморфозам.

Помните ли вы те времена, когда Зауралье было для Сибири неведомой страной, о которой изредка приходилось слышать от редких «очевидцев», побывавших там. Да и кто бывал там?

Очень немногие купцы и доверенные их ездили на Нижегородскую ярмарку, а еще реже – в Москву, за товаром. Ограничивалось большинство посещением «своих», сибирских, ярмарок.

Редкий чиновник, из «российских», получая отпуск, ехал на родину или в столицу.

Единицы юношей пробирались в зауральские университеты и другие высшие учебные заведения (томских не было).

Тем более редки, совсем исключительны были поездки за границу «капитальных» людей с целью «освежиться», пожуировать, посмотреть заграничные «диловины» или полечиться на курортах.

Всех этих путешественников можно было по пальцам перечесть. Их знали все обыватели того города, где они жили; про них и их поездки много говорили.

А теперь?

– Неужели вы ни разу не были за Уралом? – восклицает сибирский обыватель, узнав, что его знакомый только по рассказам да по книжкам знаком с «Россией».

– Когда я была в Москве... на Волге видел... Петербург мне показался... Кавказ, по-моему, привлекательнее Крыма... и т.д. – вот что приходится вам часто слышать из уст сибиряка-горожанина теперь.

И даже больше, хотя и реже:

– В Париже я прожил только две недели... Мне не удалось побывать в Цюрихе, потому что я торопился в Берн... От Венеции я ожидал большего... и т.п.

О Европейской России вы можете поговорить с «очевидцами» и во многих селах Сибири, так как и среди сельского населения теперь не такая уж редкость встретить людей, побывавших там.

Я не говорю уже о той многочисленной категории сельского обывателя, которая хотя и живет в Сибири, но «думки» ее все еще там – за Уралом. Это – переселенцы. И они, живя здесь, переносят сюда значительную часть российского жизненного уклада, обычаев, нравов и даже внешнего российского облика.

Если уж говорить о районах, «набитых» густо переселенцами, то можно без натяжки задать вопрос, как в «загадочных» картинках: где Сибирь?

Да, в Сибири вы встретите теперь много пунктов, при обозрении которых невольно напрашивается этот вопрос.

– Где Сибирь?

Перед вами – настоящая малорусская деревня, с ее мазанками, огородами, кучками деревьев, плетнями, костюмами, ленивыми движениями и песнями по вечерам.

Перед вами – настоящая немецкая колония с совершенно иным жизненным укладом и иным внешним видом деревни, построек, жителей! – Пиджачники, женские платья немецкого покроя. Чистота, аккуратность во всем. Всеобщая грамотность и культурность. В воскресный день – вереницы черных мужских и женских фигур, медленно идущих с молитвенниками в руках. Сигары, папиросы, запах жареных сосисок и фруктового супа, отсутствие пьяных, нецензурной брани, породистый скот. – Вот вам совершенно иная картина.

Где же Сибирь?

А там – «вятский» или пермский поселок, там – литва, поляки, белорусы. Там – невообразимая неразбериха, получившаяся от сожительства в одной деревне представителей пятнадцати-двадцати губерний без резкого преобладания одного какого-нибудь элемента.

– Где же Сибирь?

А вот своеобразный поселок арендаторов, среди которых может не найтись ни одного крестьянина: все – мещане, граждане, даже дворяне.

Вот не менее своеобразное селение староверов или раскольников.

Где же Сибирь?

Она осталась здесь в природе – в климате, пейзаже – и только.

Но, подвергшаяся нашествию иноплеменников, измененная ими, преображенная каждым на свой лад во многих отношениях, она потребовала и от них известных уступок и компромиссов. Она отняла у малороссов вишневые и черешневые садоочки, заставила немца одеться в баранью шубу, надевать в сильные морозы и бураны шапку с ушами, защищаться от ветра и снега мрачными крытыми дворами. Но эти уступки несравненно малочисленнее, мельче и не так общи, как уступки ее.

Уступки ей вы заметите только тогда, когда присмотритесь, а уступки ее бросаются вам в глаза сами.

Где же Сибирь – прежняя, нетронутая, типичная? Неужели она исчезла совсем?

Нет, она сохранилась.

Она притаилась в менее доступных, менее привлекательных для переселения местах. Она сохранилась в селениях, упорно отказывавших переселенцам в приеме, выживавших всеми законными и незаконными мерами тех самовольцев, которые пытались «всунуться» как-нибудь, перетерпеть все, чтобы только «укрепиться», «пустить корни», а потом вызвать своих, умножиться и начать победоносную борьбу с туземцами-старожилами.

Сибирь сохранилась, в различных степенях, но постепенно исчезает или, смешиваясь, дает что-то «среднее» и там, где в силу приблизительно равных позиций и количеств два элемента – старожилы и новоселы – находятся еще в процесс борьбы за преобладание, где ассимиляция еще не наступила, или она и не наступит, а вместо нее выработается что-то среднее.

А разве мало «Сибири» уже исчезло в городах? Разве они не потеряли во многих случаях свой специфический сибирский облик, разве нет таких городов в Сибири, которые вы смешали бы с «российскими», если бы не знали, что здесь Сибирь?

В городах нет той однородности, которая встречается в завоеванных «Россией» сельских местностях Сибири – нет малорусских,

немецких и т.п. городов. Нет потому, что города и притягивали неоднородные элементы; но что немало городов, уже потерявших специфические сибирские черты, – едва ли кто будет спорить. Но что среди городов немало и таких, которые весьма бережно сохранили эту специфичность – не буду спорить и я.

А сибирская природа – это другое дело. Ее не так легко поработить, изменить, стусевать. Она, как и всякая природа, более стойка. И, осуждаемая, завоевываемая, гонимая, она не сдастся. То молчаливая, уступчивая, то упрямая, противодействующая, она иногда грубо, жестоко, но властно, с сознанием своей силы разрушает упорный труд нескольких лет, разрушает надежды, парализует влечение к труду, заставляет руки опускаться.

И насмешливо-гордая, сильная, упрямая от времени до времени жестоко, решительно сбрасывает с себя путы «российского» приспособления, встряхивается и насмешливо наблюдает, как борьбу с нею «начинают сначала» эти назойливые пигмеи – люди.

И она молчит, терпит эти новые попытки, опять грубо и жестоко протестует, но эти жалкие пигмеи – люди – упорно делают свое дело и маленькими, но все более верными шагами идут по пути приспособления к ней, а отчасти и порабощения ее.

Помните ли вы скорость сообщения со столицами?

Люди с хорошими средствами доезжали до Петербурга или Москвы от Томска или Барнаула зимой недели в 2. Так же или немного скорее ехали люди с важными казенными поручениями.

Почта – газеты, письма – приходила лет 20–25 тому назад даже в Томске, Барнауле и Бийске дней через 18–20.

А весной, а осенью?

По 5–6 недель не было сообщения с Зауральем, а потом кучами приходили газеты, письма, приносившие старые «новости».

А каково было в Иркутске, Чите, Владивостоке, Якутске? – Целыми месяцами отставали там от жизни.

Естественно, что при таких условиях (надо прибавить, что издание агентских телеграмм было достоянием чрезвычайно немногих городов Сибири) общерусская жизнь весьма мало отражалась на жизни Сибири. Она жила своею особенной жизнью, со своими нравами, порядками, переделывала на свой лад те инструкции, которые ей предписывались из столицы.

Теперь не то.

Сибирь «приобщилась» к общерусской жизни, к ее интересам, злобам дня... Своей жизни, самобытности – далеко меньше. Вести доходят скоро и скоро отражаются на ходе сибирской жизни. «Инструкции» применяются уже с незначительными «поправками», а то и совсем без них.

И общественная жизнь пошла более быстрым темпом, пошла шире, захватила несравненно больший круг обывателей, проникла и за городские черты.

Какая общественная жизнь – другое дело, к лучшему или к худшему привело «приобщение» – другой вопрос, но факт остается фактом.

Есть и хорошее, есть и дурное, очень дурное, но нет уже прежней изолированности, дичи «медвежьего угла».

Нельзя сказать, чтобы метаморфозы, замечаемые по градам и весям Сибири, шли бы только естественным путем. Нет. Помимо того, что совершалось под влиянием времени, меняющего все, помимо свершающегося в силу «хода истории» – многое изменялось толчками, резкими толчками... И, может быть, именно эти резкие толчки извне создавали наиболее крупные метаморфозы...

На происшедшие перемены можно смотреть с двух точек зрения: с точки зрения холодного историка, учитывающего главным образом значение фактов для будущего, для последующих событий, причинность их и общее значение, и с точки зрения современника, которому особенно важно – «во что обошлись» эти факты, что принесли они сейчас.

С первой точки зрения происшедшее будет представляться в более положительном значении: Сибирь сдвинулась с мертвой точки, на которой она так долго пребывала. А всякое движение лучше неподвижности...

Но для современника в этом движении было и есть много отрицательного... Он видит, чувствует и переживает только настоящее. Как бы ни были благотворны результаты движения, ему – современнику – оно дорого обходится, когда при движении колесница истории мнет его, давит своею тяжестью, отрывает его члены...

В массе современник, неспособный провидеть будущее и утешаться историческим значением событий, когда ему приходится

плохо от этой современности, недоволен большею частью тех метаморфоз, которые принесли последние десятилетия.

И он по-своему прав...

Что именно положительного и отрицательного принеси сибирскому современнику эти последние десятилетия, в каких деталях выразились прошедшие метаморфозы и каким историческим значением их можно утешаться, наконец, – чего можно ожидать будущему поколению сибирского населения, – мы постараемся, по мере сил, рассмотреть в следующем очерке.

Bershardt

Молодая Сибирь

Молодой Сибири (1909. № 2)

Мне часто грезится: на Севере утрюмом
Туманной дымкою покрытый край родной,
Еще нетронутый мятежной жизни шумом
И точно преданный неясным, смутным думам
Пред вспыхнувшей вдали желанною зарей...

О, край, придавленный суровым гнетом рока,
Что тенью мрачною мертвящею своей
Повсюду над тобой – страдающим глубоко –
Царил незыблемо, упорно и жестоко,
Лишая радости и солнечных лучей...

О, колыбель моя, Сибирь моя родная,
О край непочатый непробужденных сил,
Когда ж ты расцветешь, красой своей блистая
И засияешь весь от края и до края,
Как небосвод в огне пылающих светил.
Когда же ты войдешь достойною сестрою
В семью великих стран, величия полна?
Когда же, наконец, сольешься с красотою,
И солнце радостно заблещет над тобою,
Моя печальная, любимая страна?

И. Тачалов

На сибирские темы (1909. № 2)

Недавно в газетах промелькнуло извещение о скором внесении в Государственную Думу законопроекта «О сплошном землеустройстве киргиз». Об этом и по поводу этого стоит сказать несколько слов. «Сплошное землеустройство», по законопроекту, должно заключаться в том, что все киргизские земли будут размежеваны на переселенческие участки, которыми «удовлетворят» и киргиз в одинаковом размере с переселенцами. Правда, меру эту предположено пока не распространять на некоторые уезды, занятые киргизами, но только пока.

Оставляя в стороне всевозможные статистические данные, которым место в серьезном исследовании, а не в коротенькой статье злободневного характера, можно указать на одно только соображение, такое простое, что оно будет всякому ясно без доказательств: кочевнику скотоводу на пятнадцати десятинах переселенческого надела делать совершенно нечего. А отсюда вывод, к несчастью, слишком очевидный: «сплошное землеустройство» знаменует собой полное обнищание и вымирание киргизского народа, одного из тех немногих народов Сибири, которые обнаруживают жизнеспособность и подают надежды на дальнейшее развитие.

Конечно, невозможность кочевать на пятнадцати десятинах настолько очевидна, что ее понимают и те, кто составлял этот законопроект; но их мысль давно известна: чтобы освободить земли от кочевников, надо превратить их в земледельцев, а для этого отобрать у них лишнюю землю. В теории это очень просто. Но не все то просто на практике, что просто в теории. Несравненно более простой переход от одной системы земледелия к другой, более интенсивной, служил же непреодолимым камнем преткновения для разрешения аграрного вопроса в благоприятном для дворянства и правительства смысле; а русский крестьянин, при всем своем невежестве, все-таки гораздо культурнее кочевника-киргиза, от которого ждут теперь умения сразу перестроить заново весь свой веками сложившийся быт.

Чего же ради предпринимается это сознательное уничтожение благосостояния целого народа? Да все ради тех же интересов кучки аграриев, ради облегчения давно пугающего их кошмара «черного передела». Ради их благополучия приносятся в жертву нищете два народа: русский и киргизский. Два, а не один, так как и для обни-

щавших, изголодавшихся крестьян переселение при таких обстоятельствах едва ли принесет какую-нибудь пользу; не говоря уже о том, что оно совершенно неспособно разредить население Европейской России и уменьшить там малоземелье. Такое переселение не более как паллиатив, и паллиатив тем более ужасный, что, не принося почти никакой пользы, он несет с собой массу страданий. Это вовсе не значит, что мы против колонизации Сибири русским элементом; Сибирь и теперь сильно нуждается в людях, но в людях, во-первых, крепких, способных сознательно и успешно выдержать перемену условий жизни, и, во-вторых, в таких, которые занимали бы то, что еще никем не занято. Вместо того у нас отбирают земли, уже занятые инородцами, превращая этих инородцев в нищих; и, вдобавок к ним, наводняют страну тоже нищими. Это неизбежное следствие той политики, которая видит в Сибири только громадный отвал для всего ненужного в России и забывает, что и здесь живут живые люди. А когда эти люди осмеливаются напомнить о своих нуждах, им отвечают: «вы и так приносите нам убытки».

Следствием этой политики является и наводнение страны нежелательными элементами, обезземеливание киргиз и многое другое.

Против этой-то политики в целом мы и протестуем, так как, не говоря уже о Сибири, даже и для самой России будет выгоднее иметь возле себя, вместо современного свалочного ящика, страну благоустроенную, богатую и культурную. А такими мерами, которые практикуются теперь, этого достигнуть нельзя.

П. Казанский

Томское Общество изучения Сибири (1909. № 6)

Только с учреждением высших учебных заведений за Томском утвердилось значение умственного сибирского центра. До тех же пор в ряду сибирских городов, по крайней мере губернских, Томск пользовался славой едва ли не самого отсталого в культурном отношении города. Это был перевалочный пункт, в который стягивались товары и затем распределялись по приисковым районам, по городским и сельским лавкам и т.п. Томск пользовался своим естественным положением территориального сибирского центра, к тому же обеспеченным дешевыми водными путями сообщения – и только.

Это был город прасола-посредника, город ямщика, командующего путями сообщения и перевозкой чужих грузов, ибо ни своих товаров, ни своих фабрик и заводов он не имел. Уровень образования господствующего мещанского и торгового слоя оставался здесь всегда поразительно низким, а нравы – грубыми, эгоистическими.

Естественно, что при таких условиях какие бы то ни было ученые, образовательные и вообще культурные учреждения не находили почвы для своего насаждения и развития.

К этому нужно прибавить, что наиболее просвещенный слой общества, состоявший из чиновничества, был количественно и качественно слабее, чем в других крупных сибирских городах, где наиболее видные представители бюрократии, как генерал-губернаторы с их блестящим штатом, старались насаждать и культивировать науку. Нужно прибавить еще и то, что цвет интеллигенции, выброшенный в Сибирь ссылкой декабристов, петрашевцев, поляков-повстанцев и политических позднейшего времени, оставивших в местах ссылки глубокий след, Томска почти не коснулся; напротив, на его долю выпало обогащение интеллигенцией за счет представителей уголовной ссылки.

Вот почему более 50 лет тому назад возник в Иркутске Отдел Русского Императорского географического общества и с течением времени зародились в ряде городов Восточной Сибири его филиальные отделения, затем возник отдел в Омске, стали нарождаться в тех же городах и распространяться в глушь музеи. И отделы Географического общества, и музеи стали единственными светильниками, единственными местами, в которых сосредотачивалось все живое, образованное, культурное, и эту роль и значение они удерживают за собою и до сих пор.

Между тем в Томске, где уже более 20 лет действует Университет, а затем Технологический институт, до сих пор нет музея, до сих пор нет отдела Географического общества, то есть таких учреждений, при помощи которых возможна демократизация науки, распространение знания и просвещения в широкие массы, остающиеся в Томске по-прежнему на весьма низком культурном уровне.

23 апреля нынешнего года в Томске открылось Общество изучения Сибири, и этим открытием заполняется один из указанных нами пробелов. Какова будет культурная роль нового Общества по своим результатам, это в значительной степени зависит от интеллигенции Томска и тяготеющих к нему районов, от ее инициативы

и работоспособности. Устав же Общества дает этой интеллигенции возможность широко развернуть свою деятельность, выгодно отличаясь от Уставов других Обществ такого же характера.

Ввиду этого мы считаем полезным ближе познакомить читателей с наиболее существенными частями Устава Томского Общества изучения Сибири.

§ 2. Общество имеет целью собирание, разработку и распространение естественнонаучных, исторических, экономических, географических и других сведений о Сибири и прилегающих к ней странах.

§ 3. Для осуществления вышеуказанной цели Общество через своих членов и приглашенных лиц: а) собирает материалы и сведения, имеющие отношение к его задаче; б) входит в сношение с лицами, от коих может ожидать нужных ему сведений и содействия; в) производит научные экскурсии, экспедиции и исследования; г) имеет специальное хранилище материалов и учебных пособий, относящихся к кругу его занятий; д) имеет право приобретать необходимое для его цели движимое и недвижимое имущество всеми указанными в законе способами, а равно отчуждать и закладывать недвижимое имущество и ценные бумаги и входить в договорные сделки по предметам своей деятельности на основании общих законов; е) печатает протоколы своих собраний, издает труды и другие исследования и материалы в виде периодических или отдельных изданий; ж) содействует помещению трудов членов своих в других соответственных изданиях; з) организует съезды, выставки, публичные лекции, устраивает музеи, библиотеки, наблюдательные станции, архивы и т.п.; и) при расширении своей деятельности может образовывать в своей среде специальные по предметам своей деятельности Комитеты и открывать в районе своих действий местные отделы.

§ 4. Район действия общества составляют Сибирские губернии и области и прилегающие страны.

§ 7. Членами Общества могут быть лица без различия пола, звания и национальности, занимающиеся или интересующиеся Сибирью, за исключением несовершеннолетних, воспитанников низших и среднеучебных заведений, состоящих на действительной службе низших воинских чинов и лиц, подвергшихся ограничению по суду.

§ 10. Действительные члены вносят ежегодно в кассу Общества к 1 января три рубля, в филиальных же отделениях от 1 р. до 3 р.

Кроме этих основных параграфов Устава, приведенных дословно, передадим вкратце содержание некоторых других параграфов.

Все члены обладают правом на посредничество Общества для сношения с разными учреждениями и лицами по вопросам в сфере компетенции Общества; за неуплатою членского взноса в течение года член считается выбывшим; делами Общества заведует Совет из 7 членов, избираемых ежегодно; обыкновенные собрания созываются по мере надобности или по заявлению не менее 5 членов; посторонние лица могут присутствовать в заседаниях по рекомендации членов или же вполне свободно, если заседания объявлены публичными.

Таким образом, разнообразие задач и простор в их выборе, легкая возможность формирования организаций как в самом Томске в виде Комитетов, так и в любом пункте в Сибири в виде филиальных отделов, простор для вступления в качестве членов лицам обоего пола до учащихся в высших учебных заведениях включительно и, наконец, небольшой размер взноса открывают широкую возможность для проявления инициативы и самостоятельности. Конечно, Устав – только форма, но форма с легальным титулом, и уже от самих членов Общества зависит отлить эту форму в то или иное содержание.

Адрианов

Сибирская правда

Патриотизм, человеконенавистничество и прогресс (1909. № 5)

В настоящей статье я намерен сказать несколько слов о нападках левой печати на правые партии и вообще на монархические организации.

«Но позвольте, – слышу я возражение «освободителей», – какое право вы имеете смешивать понятия патриотизм и правые и монархические организации? Неужели вы думаете, что только они патриотичны, а октябристы или кадеты уже – не патриоты? Ведь и мы любим Россию, да еще больше, чем всякие там правые и монархисты». Конечно, на эту тему много можно писать и по поводу много можно спорить – но, увы! Левых все равно не убедить в том, что они лгут, когда говорят, что любят святую Русь, – скажем лишь – разве они могут любить то, что противоречит их основным убеждениям? Ведь русский патриотизм – это совсем не то, что патриотизм француза и

даже англичанина и немца; это есть любовь к народу, верующему в Бога и почитающему свое святое прошлое и своего Самодержавного Царя. Все это наш народ чтит как святыню, как возвышенный идеал, всему этому он поклоняется и ничего из этого он не желает утратить. А наши «освободители» разве дорожат всем этим? Нисколько, и даже более того – они ненавидят все это.

А если так, то значит, что они не имеют никакого права прилагать к себе благородное название «патриотов», – их игра в патриотизм есть жалкая комедия и грубое фарисейство или в самом лучшем смысле (но едва ли это допустимо) – печальный самообман. Конечно, никто не запретит «левым» называть себя патриотами, но пусть они твердо знают, что их патриотизм не русский: он есть любовь к воображаемой, а не к русской, теперь существующей земле.

Но дело пока не в этом, – у нас должна идти речь о том, справедлива ли левая печать, приписывая правым партиям какое-то человеконенавистничество и отрицание необходимости для России прогресса?

Отвечаем смело, что это наглая ложь, рассчитанная на легковерие и невежество нашей публики.

Мы сказали, что это наглая ложь, и, действительно, это совершенно правильно – без малейшей доли преувеличения, – и на такую ложь способны лишь «освободители», они всегда на лжи едут и ложью погоняют; но пусть они вспомнят пословицу, что неправдой можно весь свет пройти, да назад-то не воротиться.

Правые организации существуют ведь не один год; за последние три-четыре года их деятельность была у всех на виду, и вот несмотря на это и вопреки всякой очевидности им приписывают то, в чем они нимало не повинны. Но разберемся в этом более подробно, и мы придем к совершенно обратным выводам, по которым человеконенавистничество и отрицание прогрессии придется приписать не нам – правым, а нашим левым «друзьям».

Прежде всего спросим их – откуда они ведут свое происхождение и кто их ближайшие родственники! И сами себе ответим на тот же вопрос.

Итак, откуда вы – скажите? Вопрос неприятный, ибо правильный ответ на него обнаружит ваше, несомненно, не русское происхождение. Ваш род идет от участников французской революции, своих предков вы найдете, конечно, и среди русских революционеров, ваши отцы убили Царя-Миротворца; своих друзей и духовных

родственников вы найдете среди современных революционеров. Вот кто вы. Какое же вы имеете после этого право гордиться своим миролюбием, своею гуманностью! Разве мирный гражданин дружит с разбойниками, и разве дети этих последних миролюбивы!

Нет, лжете вы, приписывая себе миролюбие, а нам вражду и человеконенавистничество.

А теперь узнайте, кто мы, откуда ведем свою родословную. Без преувеличения скажу, что наш род от тех русских людей, которые создали величие России, которые за честь и славу ее умирали, а в ближайшем прошлом наши предки – славянофилы, люди науки, люди мира, люди, любившие Россию и желавшие ей мирного развития на национальных основах. И мы верны им во всем – и по роду мирной деятельности, и по убеждениям политическим, нравственным и религиозным.

Но, кроме их, мы имеем гораздо высший авторитет, пред которым мы преклоняемся и который неуклонно ведет нас лишь к мирной деятельности; этот дорогой для нас и всегда обязательный авторитет – христианское учение, а оно, как всем известно, покоится на любви ко всем людям. Это учение мы признаем за высший идеал жизни и им стараемся руководиться в своей деятельности.

А кто ваши учителя и авторитеты, господа освободители? Это – Карлы Марксы, Каутские, Бебели и прочая революционная братия, которую нет надобности перечислять – так уж она всем надоела.

Но чему они вас учат, какие средства рекомендуют для осуществления своих глупых затей! Насилие, вражду, убийства.

Вы хотите возражать! Не пытайтесь, ибо дела ваши обличат вас во лжи прежде, чем вы успеет раскрыть ваш рот, созданный для лжи и обмана.

Кто как не вы убили сотни представителей русской власти?

Кто как не вы убили тысячи верных, но скромных по положению слуг нашего Царя!

Кто как не вы устраивает забастовки? Кто жег помещичьи усадьбы, кто грабил их и убивал при этом, не щадя ни женщин, ни детей? Кто взбунтовал школы, которые должны быть рассадниками просвещения? Кто молчал в государственной Думе, когда был поднят вопрос об осуждении убийств, и кто сегодня рукоплещет, когда пуля попадает в сердце русского человека, верного долгу, присяге и Царю! Все это делали вы, именующие себя мирным гражданами и радетелями народного блага.

А, спрашивается, что полезного вы сделали для народа? Ничего, кроме зла. А еще кичитесь каким-то прогрессом, культурой – ведь все это для вас пустой звук, игра в слова; они только щекочут ваш слух.

Вы говорите, что мы малокультурны, что мы отрицаем прогресс. Ложь и это, если соединять с этими словами правильные понятия, но, действительно, мы отрицаем тот прогресс, который признаете вы и который гордится неверием, развращением народа, убийствами, забастовками, бездельничаньем молодежи и пр. и пр. Да, такого «прогресса» мы не признаем, ибо такого рода дела есть деятельность людей, потерявших всякий стыд, всякую совесть и заглушивших в себе всякое нравственное чувство. Но мы признаем другой прогресс, когда люди верят в Бога, когда они живут по Его заповедям, когда они любят друг друга, свою родину, своего Царя; когда они трудятся для пользы семьи, общества и государства и когда они ради славы и чести Руси жертвуют и жизнью своей. Вот наш прогресс, вот наш идеал.

Итак, «освободители», перестаньте клеветать, перестаньте говорить заведомую ложь.

Впрочем, сколько бы вы не клеветали на нас – это ни на одну йоту не изменит характера нашей деятельности: она по-прежнему остается мирной и преследующей цели только истинного прогресса.

Р.С.А.В.

Религиозно-нравственный орган печати в Сибири (1909. № 17)

В одном из номеров «Сибирской правды» помещена была статья священника, трактовавшая вопрос о необходимости создать в Сибири религиозно-нравственный орган печати. Автор просил откликнуться на его статью. Исполняем эту просьбу, а вместе с тем свое желание побеседовать с читателями на эту интересную тему, давно занимающую нас.

Вопрос о создании религиозно-нравственного органа печати для Сибири – вопрос назревший и давно ожидающий своего решения. Это один из тех жгучих вопросов, которые выдвигаются повелительно самой текущей русской жизнью. Посмотрите на эту

жизнь за последние годы. Какой разлив в нашем обществе идей атеизма, социализма, материализма, даже чистейшего анархизма! Посмотрите на наш книжный и литературный рынок. До какой степени он забит всякой дрянью – сплошь противоцерковной, антирелигиозной и безнравственной! Какие писатели – ходовые, какие брошюры идут нарасхват? Босьяки-Горькие, психопаты-Андреевы, эротоманы-Арцибашевы – кумиры нашей интеллигенции, брошюрки о социализме, коммунизме, материализме – ее любимейшее чтение. А какую омерзительную роль играет в данном направлении наша ежедневная печать, находящаяся сплошь в еврейско-кадетских руках и почему-то именуемая себя прогрессивной? Встречали ли вы здесь хотя слово в защиту религии, церкви, христианства? Разрабатываются ли здесь жгучие вопросы веры и нравственности, уделяется ли внимание этой огромнейшей области – святейших человеческих чувства и возвышенных верований? Увы! В этой печати вы не встретите ни слова в защиту или оправдание идеи обоснования религии, церкви и Христова учения.

Здесь вы можете встретить, но другие слова – слова глумления и порицания, издевательства и наглой насмешки. И эта печать идет в массу, она ежедневно долбит мысль читателя, незаметно, исподволь вливает яд неверия, отрицания в умы и сердца простодушного читателя. И он остается беспомощным, этот читатель. Где он найдет защиту своей веры и своих лучших, заветных убеждений? Кто разрешит ему его недоумения, навеянные безбожной и нравственно растленной печатью? В недоумении оглядывается он вокруг и ищет страстно, напряженно ищет опровержения нелепых учений, разоблачения их, разъяснения. И вот здесь-то печать – религиозно-нравственная русская, патриотическая печать – может и должна прийти ему на помощь. Она должна разъяснить ему все тонкие хитросплетения новых модных теорий, пытающихся вытравить в людях и человечестве высшие и святейшие верования, заменить их пошлым материализмом, повести человека – «разумное Божие создание» – на степень животного. Да, нам – деятелям церкви – особенно непременно нужно озаботиться вопросом о создании ежедневной, доступной народу, религиозно-нравственной апологетической печати, где бы талантливо и авторитетно разоблачали ложь противоцерковных течений в целом и доказывалась незыблемая истинность христианских учений, побе-

дивших мир. Теперь наша церковь находится в особых, новых, исключительных условиях. Свобода печати открыла возможность для людей, утративших веру и позабывших Бога, постоянных и безнаказанных злостных нападениях на нашу церковь, ее учение, ее деятелей. Что же, оставим ли это слово хуления, клеветы и поношения без ответа, без опровержения, без разъяснения его пустоты и лживости? Да не будет! За церковь и истину Христову мы должны и будем бороться до конца! В этом наше призвание, цель и смысл жизни. Изменяются времена – изменяются и методы, способы борьбы. В наше время огромное значение в жизни приобрела ежедневная печать. Тысячами путей она подходит к народному сознанию и, будучи атеистической, антирелигиозной, влияет на это сознание в смысле утраты народом веры, а за ней и чистой нравственности. Было бы непростительным грехом и преступлением оставить народ в таком положении. Надо прийти ему на помощь, утвердить в вере, укрепить в любви к церкви Христовой. Народ православный окружен сектантами, старообрядцами, проникают в его массу безбожные социалисты, дикие и озверевшие анархисты, кровожадные революционеры, и все со словом злобы, ненависти к церкви, со словом отрицания религии. Широко поставленная, дешевая, доступная, живая религиозно-нравственная газета принесла бы нашему народу неизмеримую пользу. Она бы дала ему полезное, приятное, интересное, живое чтение, она познакомила бы его с положением нашей церкви, выяснила ему врагов этой церкви и всех ее учений. Народ мог бы черпать отсюда знания того, как и чем защитить нашу веру, как опровергать заблуждения атеистов, социалистов, материалистов и других многих «истов», так трогательно теперь объединяющихся в деле борьбы с Христом и Его церковью, с религией и религиозной нравственностью. В общественной и частной жизни, через свои газеты, брошюры и книги – они неустанно ведут свою линию, неустанно отвлекают народ от Христа, поселяют в сердцах злобу и ненависть, погашают веру, вытравливают нравственное чувство. Религиозная народная газета могла бы стать на пути этого бурного потока разложения, клеветы на церковь, ненависти к вере. Отсюда могло бы раздаваться мощное слово деятелей церкви, слово обличения по адресу темных дельцов религиозного одичания и нравственного вырождения нашего великого народа. Это печатное слово проникло бы в каждую лачугу, достигло бы слуха последнего из нашей паствы. Сами деятели смуты и разложения народного духа прислушались бы к нему и, быть может,

те их них, у коих сохранились остатки совести и чести, остановились бы, одумались и перестали наносить раны Христу Спасителю и снова распинать Его.

В Сибири много живых религиозных сил, много людей, которые изболелись душой за веру и церковь нашу, ждут ее всемерной защиты и готовы служить посильно этому делу. На очереди теперь стоят и такие большие вопросы церковной жизни, как возрождение приходской жизни и ее организация. Эти очередные вопросы времени также должны быть выяснены и всесторонне разобраны.

Нам скажут, что есть уже специальные религиозно-нравственные издания и в Сибири, каковы, например, «Епархиальные ведомости» в каждой епархии. Но, не говоря уже о том, что издания эти загромождаются чисто официальным материалом, они совершенно нейдут в народную массу. Они служат своим целям и отвечают главным образом запросам пастырской деятельности, имея строго определенный замкнутый круг читателей. Есть еще органы печати, которые с удовольствием помещают статьи по вопросам нашей церкви и религии – это издания «Союза русского народа», например, по Сибири насчитываются всего два – «Сибирская правда» в Томске и «Сусанин» в Красноярске. Со страниц этих газет идет неустанная и живая проповедь в защиту Православной церкви, ее учений и деятелей. Но, прежде всего, этих изданий мало для великой Сибири. А затем, эти органы печати главным образом политические, руководители коих имеют повелительную необходимость вести непримиримую и страстную борьбу с врагами русской государственности, народности, отбивая неустанные штурмы на Православную Русь еврейской печати и всех деятелей левого революционно-разрушительного лагеря. Прекратить эту борьбу нельзя, так как русская национальная печать одна только будит национальное самосознание русского народа и стоит на страже его государственных и национальных интересов. А эти интересы и поруганы, и могут быть унижены еще более, если замолкнут голоса стойких и мужественных просвещенных людей, не считающих возможным служить современному Ваалу дикого и огульного отрицания, а наоборот, считающих нужным разбивать гнусные капища этого Ваала и литературно-публицистическим словом защищать родной народ и его святыни, верования. Здесь уделяется место религиозным и церковным вопросам, но органы не могут всецело отдавать свои страницы этому делу.

Да, эти органы нужны и необходимы, свое дело они делают, и пусть работают во славу Родины и великого народа русского.

Рядом, параллельно с ними, должна и может работать печать специально религиозно-нравственная, посвященная защите, специальной защите церкви и религии. Нам кажется, создать хотя бы один такой орган печати – назревшая задача времени. Враг не дремлет. С дьявольской хитростью он изощряет способы борьбы с православной церковью. Знает он, что если рухнет в великом народе его вера и его нравственность, то падет и его государство. Нравственно сгнивший народ никто и ничто не удержит от неминуемой гибели. И вот идет работа разрушения, – упорная, неустанная, повсюдная. А мы – пастыри и учителя церкви – неужели спокойно-равнодушно будем смотреть на эту адскую работу распинателей, послушных сынов сатаны?!

Вот они расхищают паству, опустошают души и сердца молодых поколений, озверевая, развращают народную массу, отвлекая ее от алтарей и святынь, приучая же к ненависти, злобе, озверению. Не пора ли выйти на работу и религиозно-православным силам? Есть ведь эти живые православные, религиозные силы в нашем народе – «богоносце». Пусть же они воспрянут и откроют свои уста и скажут великое, правдивое, религиозно-нравственное, христианское слово! Народ наш ждет. Так скажем же, будем говорить это слово, и пусть оно пойдет в широкую православно-русскую народную массу! Пора настала!

Священник Илья Фомин

Бухгалтер-практик

От редакции (1909. № 1)

Редакция журнала «Бухгалтер-практик», приступая к продолжению издания в Томске, покорнейше просит своих уважаемых подписчиков извинить ей невольный продолжительный перерыв в выпуске очередных номеров журнала, явившийся следствием крайне неблагоприятно сложившихся обстоятельств при переносе деятельности из Омска в Томск.

В настоящее время, выйдя победительницей из всех обрушившихся напастей, редакция глубоко уверена в том, что внимательным отношением к делу и строгим выполнением плана, намеченного при начале издания, ей вполне удастся загладить свою невольную вину

и сохранить за собою симпатии, письменно выраженные большинством подписчиков.

Полученные в большом количестве благодарности за первые номера нашего издания самым наглядным образом убедили нас, что мы не ошиблись при составлении плана издания, который вполне отвечает назревшим потребностям, являясь незаменимым как для лиц, лишь начинающих изучать бухгалтерию, так равно и для лиц, уже работающих на конторском поприще.

Настоящий № 11 и последующий № 12 посвящаются составлению отчета, то есть самой важной части бухгалтерской работы, о которой до сих пор в практической коммерческой литературе говорилось или очень мало, или же без систематической последовательности.

Второй практической работой в журнале, для закрепления знаний учащихся и развития их кругозора, будет помещен капитальный труд по счетоводству полных товариществ; в состав означенной темы войдут всевозможные случаи операций из действительной жизни торгово-промышленного мира, а именно: обороты ярмарочные, комиссионные, вексельные (не исключая и приятельских векселей) по сношению с банками, а равно приемы записей сумм авансовых и переходящих, сомнительных долгов и т.п.

По богатству счетного материала тема эта явится первой в практической коммерческой литературе, а так как все объяснения, по примеру первой темы, будут изложены общепонятным языком, то редакция не без основания надеется заслужить горячее спасибо своих уважаемых подписчиков и тем гарантировать себе успех широкого распространения издания.

Объявление о подписке на журнал «Бухгалтер-практик» (1909. № 1)

Кто желает основательно знать бухгалтерию и интересуется правильной постановкой конторского дела и отчетности в предприятиях торговых, комиссионных, товариществ полных и акционерных, фабрично-заводских, сельскохозяйственных, банковских и проч., тот должен состоять подписчиком на научный коммерческо-экономический журнал «Бухгалтер-практик», издаваемый учредителем Бух-

галтерских курсов, многолетним практиком торговых предприятий и бывшим старшим бухгалтером главной конторы сельскохозяйственных складов Переселенческого управления Министерства внутренних дел М.И. Ермаковым.

Главная цель журнала – возможно широкое распространение бухгалтерских знаний среди лиц торгового и конторского мира, а равно лиц, готовящихся к бухгалтерской деятельности, но живущих отдаленно от больших городов и, следовательно, не имеющих возможности пользоваться личными советами и разъяснениями специалистов-практиков.

Журнал издается по форме дорогостоящих самоучителей «Лекций-корреспонденций», но объемом превосходит их и по обилию счетного материала является незаменимым руководством для лиц, самообучающихся бухгалтерии и конторскому делу, предлагая все изложенное в нем не прочитывать только, а практически разрабатывать в торговых книгах, изготовленных по указанным образцам лучших современных форм.

Для начинающих бухгалтеров и вообще для лиц, уже знакомых с бухгалтерией, по колоссальному и разнообразному набору торгово-промышленных сделок и бухгалтерских задач журнал представляет собою лучшее справочное издание, являясь источником к пополнению пробелов в их практических знаниях, оказавшихся при исполнении служебных обязанностей.

Далее, журнал настоятельно необходим и каждому коммерсанту, так как, во-первых, даст возможность самостоятельно вырешить вопрос о том, насколько правильно поставлены счетоводство и отчетность его собственного дела, и, в случае надобности, ввести полезные улучшения, а во-вторых, для того, чтобы следить за новостями, нарождающимися в торговой и промышленной жизни.

К сотрудничеству в журнале приглашено много заслуженных бухгалтеров и специалистов-преподавателей.

Объяснения бухгалтерских задач и задач по коммерческим вычислениям излагаются в журнале общепонятным языком и настолько подробно, что они вполне заменяют устное преподавание. Широкое место отведено Почтовому ящику, в котором подписчики получают разъяснения и ответы по всем интересующим их вопросам из области счетоводно-конторской практики, и кроме того, как премия для подписчиков, в журнале будет помещен обзор тройной системы счетоводства с критической точки зрения. <...>

Новониколаевск

Народная летопись

Новониколаевск, 30 марта (1906. № 1)

В ряды работников печатного слова становимся мы при самых тяжелых исключительных условиях, когда чуть ли не всякий естественный и вполне необходимый шаг вперед к светлому будущему, которое близко к нашей Родине, влечет за собой репрессию в той или иной форме.

Мы движемся вперед словно по какой-то тонкой, неустойчивой и жидкой жердочке, не смейте, говорят нам, даже на миг терять равновесие и спокойствие, не смейте останавливаться.

Чтобы перевести дух – чтоб присмотреться к окружающей тьме, к хмурому небу, где все еще блещут яркие и дорогие звездочки, нам говорят, что и легкая потеря равновесия и спокойствия, и мгновенная остановка одинаково грозят неизбежным падением в бездонный поток всевозможных постановлений и распоряжений.

Такое положение вещей лишает нас возможности теперь же осуществлять свободу слова в желаемом объеме, но мы убеждены, что данное положение не вечно, что оно должно быть непременно и скоро изменено, потому что так жить больше ни у кого нет сил.

Родина переживает мучительный кризис болезни, название и сущность которой определены и ни для кого не тайна, что жизнь Родины находится уже вне опасности, силы ее постепенно крепнут и грядущее ее будет светло...

Это убеждение обязывает «Народную Летопись» посильно способствовать скорейшему восстановлению надорванных силы Родины, объединению их в одно могучее целое, в котором редакция видит залог светлого и прекрасного будущего.

В данный момент лучшие силы деятелей освободительного движения удалены одна от другой, и всякая попытка объединения «жертв искупительных просит».

Сознавая всю тяжесть и ответственность предпринятой нами общественной работы, мы не можем скрывать и того обстоятель-

ства, что наша работа может найти сочувствие лишь со стороны читателя – друга, который, хорошо взвесив наше положение, поймет, что теперь, как мы сказали выше, невозможно путем печати иметь непрерывное и тесное общение с более или менее широким кругом граждан и делиться с ними мыслями и впечатлениями по поводу явлений и событий окружающей нас действительности.

Post scribturn (1906. № 1)

Номер газеты готов.

Сильной мускулистой рукой рабочий вертит тяжелое колесо типографской машины, и листы белой бумаги быстро покрываются словами и мыслями.

Еще несколько часов, и эти листы с незасохшей блестящей типографской краской зашуршат в руках разносчика, а от него «выйдут в свет», в широкую публику...

«Ах, Боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!», – вспоминаются мне слова Фамусова, и думы мои неудержимо мчатся вдаль...

К тем временам, когда не важны были «в сорок пуд!»

Теперь...

«Дома новы, но предрассудки стары»...

Да! Словам и мыслям приходится чувствовать на себе гнев «Марьи Алексеевны», до сих пор у них, свободных и могучих, как у сокола, «крылья связаны и пути заказаны», – что ночь кругом непроглядная, еще тьма лежит беспросветная...

Но...

«Чем ночь темней,

Тем звезды ярче!»

Чем опасней путь, тем больше зарождается в душе путника стойкости, мужества...

Вперед!

Ведь впереди у нас все-таки огни!

Редактор-Издатель Н. Литвинов

Корреспонденции (1906. № 2)

С. Усть-Чарышская пристань (Чего-то недостает. 1). Пристань – большое торговое село. С развитием хлебной торговли и частью маслоделия появились со всевозможными товарами лавки, магазины, громадные амбары, склады хлеба, скупщики масла, быстро развивается торговля земледельческими орудиями и машинами. Открыты две ярмарки и ежедневные базары. Среди обычных деревенских домиков появились в Пристани постройки городского типа. Кроме того, есть аптека, волостное правление, и по почину торговцев открыто почт. тел. отделение. Несмотря на большие торговые обороты и завидные доходы сельского общества, у нас в селе – стыдно сказать – нет до сих пор никакого рассадника просвещения, если, разумеется, не считать школы грамотности, которая по прихоти духовенства то закрывается, то вновь возникает. Местное население и торговцы не раз выражали желание открыть министерское училище, и даже один из местных капиталистов А.И. Шестаков высказал готовность построить на свои средства школу и получил давным-давно план, но дело, однако, не двигается вперед только, говорят, потому, что многие стали высказываться за двухклассное училище. Дело не требует отлагательства, а время тянется все год за годом. Богатые от этого ничего не теряют, так как они детей своих отправляют учиться в Барнаул, Бийск, а г. Шестаков выписал гувернантку – француженку.

Несколько лет тому назад два усердных поклонника Бахуса нашли, что без полицейского стражника никак невозможно жить. Сказано-сделано – ассигновали сумму, и стражник не замедлил появиться, а вместе с ним появились и кражи лошадей, принявшие характер организованного промысла. Не буду перечислять случаев, когда стражник Макаров принимал участие в общественных делах (он даже вмешивался в дела церкви и школы), теперь он сбил себе капитал, разошелся еще шире и наконец стал нетерпим. Чтобы избавиться от этого энергичного общественного деятеля, нужно было поднять чуть не крестовый поход. Удаленный было по ходатайству жителей перед исправником, Макаров был возвращен вновь исправником на должность уже по усиленному ходатайству судебных властей. Финал: торговцы отказались платить на содержание стражника, и в м. г. это должность была упразднена. В настоящее время недостающие деньги на содержа-

ние стражника вследствие отказа «благотворителей» взыскиваются под угрозой описи имущества даже с тех мелких торговцев, которым никогда не снилось приглашать стражника.

Такой произвол, очевидно, нисколько не угнетает наших инициаторов; они не опустили руки и вновь выступили с проектом и быстро «сварганили» сельский сход и вместе с купцами, занимающимся покупкой хлеба, постановили 15 февраля: 1) конторы (но не все почему-то), скупающие хлеб, должны были платить обществу по 2 копейки с каждого купленного воза; 2) собранные деньги расходуются исключительно на поправку сельских улиц, взвозов, мостов, на уборку с базарной площади назьма и пр. При этом приговор предоставляет право контролировать конторские книги.

Подобные сборы не только с хлеба, но и со всех других товаров взимаются, по выработанной таксе, с разрешения министра внутренних дел. Считая такое постановление общества незаконным, некоторые отказались платить.

Вероятно, будут платить и этот сбор и не перестанут выступать вновь с проектами, а такие нужды, как школа, остаются без удовлетворения.

Томск. Среди гласных нашей новой думы, оказывается, есть люди очень настойчивые и... мало-самолюбивые. Некоторые, очевидно, поставили себе задачей во чтобы то ни стало присосаться к общественному пирогу и в этом направлении действуют с энергией, достойной лучшего применения.

Новый «лорд-мэр» И.М. Некрасов уже заявил о своих непоколебимых стремлениях подобрать в помощники (в члены управы) людей по собственному вкусу, и хотя на это со стороны одного из видных деятелей прошлого состава думы и последовало недвусмысленное замечание о том, что «члены управы не подмастерья», г. Некрасов, очевидно, остался при своем «купецком» мнении...

Ну, разве не с благословения его г. Ермолаев, бывший секретарь полицейского управления, мечтал пролезть в члены управы и два раза выставлял свою кандидатуру.

К чести нового состава думы, надо сказать, что атаки г. Ермолаева на занятие видного поста в думе и даже в кандидаты на него были отбиты: подавляющим числом голосов г. Ермолаев три раза был забаллотирован. Но с этим обстоятельством г. Ермолаев вряд ли будет считаться: ведь он уже хозяйничает с г. Некрасовым в

обществе взаимного страхования, а потому, надо думать, будет настойчиво стремиться стать помощником г. Некрасова и по делам города. Впрочем, проживем – увидим.

Наброски (1906. № 2)

Новониколаевск – очень молодое, не оперившееся, но уже оперирующее создание.

Он молод, и до совершеннолетия его далеко.

И тем длительнее будет период его несовершеннолетия, его младенчества, чем длительнее будет существование его нянюшек и опекунов.

– Этого не кушай, туда не ходи, не студись, не балуй, – сыплются, как из рога изобилия, со всех сторон советы и распоряжения по адресу «малютки», и он послушно соблюдает диету – кушает только то, что прописывает ему врачебное или иное отделение, идет только туда, куда входить начальством не возбраняется, не студится и не балуется...

Город – дитя бесприютное. Все у него чужое, начиная с колыбели и кончая последней пелёнкою.

Земля – кабинетская, а следовательно, и все, что на ней и при ней, – кабинетское.

Обещали продать землю городу, но – Улита три года едет, все еще не доехала, зато доехала угроза описи имущества за неплатеж аренды и продажи имущества с торгов.

Положение невеселое.

Построй дом, избушку, садик разбей – и все это не твое, не собственное. Кабы земля была Божья, а не кабинетская, – другое дело, а теперь – сиди и помалкивай.

Пиши, пожалуй, слезные грамотки, посылай их «вдоль по Питерской, по дороженьке» и... жди ...

«Веруй, надейся и жди!».

«Не скоро ли наши деды, не скоро и внуки их в Питере кушают...»

Зато скоро растут обывательские нужды и потребности ...

Но... «что нам до шумного света?..».

Было бы «двадцатое», а остальное, будьте здоровы, подождет и потерпит.

Как начинающий коммерсант, Н. Николаевск любит нажать копеечку...

Куда ни оглянись – всюду или магазин, или лавочка, или какая-нибудь контора...

Покупают, продают и перепродают – дело это идет, по-видимому, без заминки...

Здесь не видно ни «ликующих, ни праздно болтающихся», здесь все деловые люди...

И все остальное для Н. Николаевска пока пустой звук...

Влюбленный в копеечку, в «оборотец», он не (завел) себе даже необходимого...

У него нет «калош».

Попробуйте пройти улицей.

Справа лужа, слева канава, посередине непролазная грязь.

Но грязь – традиционная принадлежность российского обывателя. Без нее нет уголка на нашей родине....

– Куда ж ее денешь, не слопаешь, – говорят все и так убедительно разводят при этом руками, что дальнейший разговор лопается.

Вообще, наружность начинающего коммерсанта не из обворожительных.

Пока я не видал, не ощущал здесь биение пульса общественной жизни, мертво и как-то скучно кругом...

Нельзя же считать за жизнь препровождение времени на любительских спектаклях или у какого-то профессора черной и зеленой магии.

Примитивные «упрощенные» развлечения даже и в глуши ничего не могут дать уму и сердцу...

Впрочем, «упрощенного» здесь немало. «Упрощенное» городское положение, «упрощенное» городское хозяйство, «упрощенная» деятельность отцов города.

– «Надо обсудить этот вопрос сегодня же, нельзя тянуть», – это говорят в думе.

Но законного числа уполномоченных не имеется. Уполномоченные, доверием города облеченные люди сидят дома и... кушают чай с устатку.

Иные уже спать собираются, некоторым до заседания думы «недосуг».

А дело спешное...

И его не разрешают, вместе не обсуждают, – полагая, вероятно, что кто-нибудь другой, с помощью Николая чудотворца вызволит...

Что же, в наше время чудеса в моде...

В моде у новониколаевцев и пословица: на охоту ехать – собак кормить...

Напр., по вопросу о пристанях.

В повестку заседания этот вопрос втиснули, но как решили – не поймешь!

Как будто с какой-то пристани денег не получили, забыли обложить вовремя: как будто... «некогда было заняться этим делом»...

Как будто... ровно ничего не разберешь...

– «Надо съездить да посмотреть»...

Ну, конечно!

И опять русское «авось» да помощь Николы угодника чувствуются в заседании, опять каким-то «недосугом» веет кругом....

Но я был бы не прав, если бы юному да еще «упрощенному» городскому самоуправлению имел в виду все это поставить в упрек.

От такой мысли я далек...

Я хотел лишь поделиться с читателем своими впечатлениями, хотел и хочу разбудить дремлющих и ушедших в собственные дела отцов города...

О других впечатлениях – после.

Парус

Городская хроника. Так жить нельзя (1906. № 3)

Убийства, грабежи, пожары, поджоги – все это ежедневно, так сказать, хронически свирепствует над Н.-Николаевском, и страх обывателя за свою жизнь и целостность имущества стали также хроническим его недугом. Каждую ночь с вечера до утра – от зари до зари – слышится револьверная канонада и порой жужжание и свист пуль.

Чувства обывателя притупились так, что все это не вызывает уже острой паники, обыватель, как будто, ждет чего-то еще худшего...

На городскую и уездную полицию никто не претендует, потому что она в данное время отвлечена от прямой обязанности охраны

спокойствия и жизни населения другими заботами, ничего общего с прямыми не имеющими.

Для проявления активности в деле самосохранения у общества отняты все средства. Общество хорошо знает, что если бы оно и пошло на помощь полиции материальными средствами, что только допустимо, то средства эти неизбежно употребятся на усиление тех же гнетущих обывателя условий, созданных военным положением, явно противоречащим основным предначертаниям манифеста 17 октября м. г.

Кто теперь не ждет ежедневно, ежемесячно посещения его квартиры и искания в его имуществе признаков сокровенных тайников его души?

Условия, созданные теперешним положением вещей, имеют громадное деморализующее значение, и обществу долго придется считаться с ним по его минованию.

Крушение поезда (1906. № 3)

В 3 ч. утра местн. вр. 3 апреля, на перегоне Чебула–Ояш воинский поезд № 45, следовавший с эшелонном № 632 (штаб 87 пехотн. Нейшлотского полка), потерпел крушение на 1424-й версте названного перегона. Убитых 9, тяжело раненных 28 и легко раненных 50 нижних воинских чинов: кроме того, убит неизвестный, ехавший в одном из вагонов. Кондуктор получил незначительный ушиб ноги и головы. Убито 23 лошади. Медицинская помощь была подана фельдшером, прибывшим из Болотной, а также находившимся в поезде военным врачом и по прибытии вспомогательного поезда из Оби участковым жел. дор. врачом И.И. Абриным. Транспорт раненных отправлен по окончании перевязок в Обь, где потерпевших поместили в военный лазарет. На место крушения прибыли начальник дороги с начальниками служб, начальн. по передвиж. войск, начальн. жандармск. отделения и комендант ст. Обь; причина крушения до сих пор не выяснена.

Картина крушения, по словам очевидца, производит потрясающее впечатление. Обломки вагонов перемешались с грудой трупов людей и лошадей. Паровоз сполз с насыпи и зарылся в глинистом грунте, за ним высоко нагромодились друг на друга 16 разбитых вагонов. Сила напора задних груженых вагонов на передние – люд-

ские – была настолько громадна, что в один из конских вагонов вошли еще 4 позади находящиеся.

На месте происшествия тотчас же была совершена панихида по убитым, а 6 апреля их похоронили в г. Ново-Николаевске.

Интересная подробность. Потерпевший такое страшное даже для нашей Сибирской ж. дороги крушение поезд был составлен так: за паровозом следовал людской вагон, а сзади груженные. Между тем, согласно существующим правилам, следовало за паровозом прицепить сначала фуражный, дальше конский, а затем уже людской и вагон-микст (офицерский.)

Скорость, с которой следовал пострадавший поезд, не превышала 12 верст в час, такое обстоятельство установлено теперь вполне точно.

Театр (1906. № 3)

«Московская бывальщина» принадлежит к числу тех старинных пьес, которая не могут интересовать современную публику даже и в качестве архивного драматического материала. Смысл пьесы нисколько не пострадает, если мы назовем ее саратовской, нижегородской или, если хотите, даже новониколаевской бывальщиной...

Сюжет «бывальщины» – обыденная судьба молодой, красивой женщины, попавшей в лютые когти дряхлого богача, аксессуары – ревность покинутой любовницы, добродетель в лице пасечника и гордость в образ пропойцы-одногодворца... Центральные фигуры пьесы обрисованы крайне слабо, и артисту трудно сделать их жизненными, естественными... Драма в душе Настасьи, ее старого супруга, его сестры и ее бывшего любовника совершается вне действия, вне сцены, и автор выводит в публику героев, которые уже страдали, жили и мучились за кулисами, – психологический процесс этих мук и страданий, т.е. самая важная, захватывающая сторона драмы, в пьесе отсутствует. Мы недоумеваем, зачем кружку любителей понадобилось знакомить публику с произведением древних «драматических» мастеров, зачем было в продолжение двух с лишком часов томить и артистов, и публику ожиданием, что первые создадут,

а вторые увидят истинно, естественно страдающих живых людей и переживут вместе с героями их драму...

Высказанный нами взгляд на драму г. Пазухина, прошедшую 4 апреля на сцене общественного собрания при довольно большом количестве публики, на этот раз избавляет нас от обязанности говорить об игре артистов, и мы ограничиваемся в этом отношении лишь указанием, что драмы, подобные «московской бывальщине», как неблагоприятные для исполнителя и совсем неинтересные для публики, пора давно позабыть и на обмен им выдвинуть произведения более современные...

Для исполнения этих последних в кружке, бесспорно, имеются достаточно артистические силы в лице участников спектакля 4 апреля, который, в общем, прошел без особенных недостатков.

В.Б.

Дума и министры (1906. № 18)

«Король царствует, но не управляет» – таков в чистом виде основной принцип истинно конституционной монархии. Этот принцип, лежащий в основе всех западноевропейских конституций, должен быть проведен в организации правительства новой России, если бы только самодержавные министры сколько-нибудь считались с «незыблемыми обещаниями», с коронными заявлениями об «искренности и прямоте» в провидении начал манифеста 17 октября.

Но никакие общественные обещания и манифесты не обязательно для самовластных министров, коварно захвативших на себя самодержавные права всех стран.

Как бы ни была велика сила народного мнения, требующая конституционных порядков, силе министерской власти не уступить, ибо когда дело идет о самосохранении, все остальные чувства властолюбивого министерства молчат.

И вот, чтобы при видимой уступчивости сохранить всю силу неограниченной власти, министры затевают конституционную игру с народом и с народными представителями.

Еще не так давно российские министры со своими министерствами представляли из себя семь государств в русском государстве. А к открытию Гос. Думы решили сплотиться как бы в «парламент-

скую семью», желая этим придать себе хотя бы некоторую видимость конституционного министерства. В этих же декоративных видах премьер-министр снисходительно удостаивает Думу ответом на запрос. Все как будто честь-честью.

Но нет... Нельзя вливать новое вино в ветхие мехи. Явившись пред лицом думы в тех же раззолоченных коронных мундирах, министры показали, что не умеют себя держать в новой роли парламентских министров.

Голосом власть имущего премьер Горемыкин, совершенно не отвечая на пункты запроса, настоятельно внушает законодательному органу страны – Думе, что она берется не за свое дело.

Во имя конституционного принципа «король царствует, но не управляет» Дума вполне последовательно требует установления безответственности монарха и ответственного пред Думой министерства, избранного из среды парламентского большинства Думы. Дума желает последовательного устранения от ответственности монарха, который по конституционному праву безответствен и непогрешим, а за него ответственны пред народным представительством советники монарха – парламентские министры.

В ответ на это требование разыгрывается комедийное действие – премьер самодержавного, безответственного министерства внушает законодательному собранию, что его требование незаконно. Исполнительная власть учить законодательную власть исполнять законы. Воистину, конституция поставлена вверх ногами. В роли гувернера Гос. Думы премьер повел себя сразу неприлично, не по-парламентски.

Напрасно Гос. Дума в лице Родичева миролюбиво пыталась звать к «совести правительства». «Если чувство совести присуще нашим министрам, – сказал оратор, – то они должны понять, что им надо уйти и уступить место обновленному правительству».

Но что такое совесть правительства, можно ли говорить о совести власти, которая лишь силой творит право и уступает лишь требованию силы, а не требованию морали и совести. Казалось бы, Дума должна теперь понять эту формулу Бисмарка: «Сила творит право», – теперь, когда политически близорукие кадеты видят даже лица властителей, осязают их холодно-предательские рукопожатия и слышат их оскорбительно властные речи. Пора бы конституционным демократам усвоить азы политического воспитания и отказаться от бестактных взываний к чувству и совести правительства.

Далее Госуд. Дума требует пересмотреть положение о Гос. Совете, деятельность которого в настоящем его виде парализует законодательную деятельность Думы.

Как и следовало ожидать, премьер-министр вместо ответа по существу ограничился привычной канцелярской отпиской, что пересмотр положения о Госуд. Совете «касается коренного изменения основных государственных законов, не подлежащих по силе оных, пересмотру по почину Госуд. Думы».

Другими словами, законодательная Госуд. Дума не вправе касаться тех, так называемых основных законов, которые наскоро и незаконно опубликовали министры за день до открытия Госуд. Думы, дерзко пренебрегая высочайшим манифестом 17 октября, где сказано, что «отныне ни один закон не сможет воспринять силу закона без одобрения Госуд. Думы». Как мы предуказывали в предыдущем № 17 «Нар. Лет.», премьер Горемыкин не упустил случая указать на эти самодельные основные законы, давая понять, что прикосновение Думы к оным законам будет считаться «по силе оным же», революционным шагом, а тогда министерство знает, что делать с Думой: – развязав себе руки, оно будет действовать и по силе оных и без оных – по установившейся практике насилия и произвола. К этому уже все подготовлено – Россия разделена на пулеметные квадраты, на заграничные капиталы оборудованы чудовищные бронированные пулеметные автомобили и по почину Государственного Совета формируются кадры страдников с расчетом по одному на 400 российских обывателей.

В конце концов премьер-министр аккуратно заявляет, в лице Думы, русскому народу следующее: «Правительство выражает готовность оказать Думе полное содействие в разработке вопросов, которые не выходят из пределов предоставленного ей законодательного почина».

Но, спрашивается, – что же «не выходит из пределов» и что предоставлено Думе?!

Кажется, уже отнято все. Отняты на глазах у Думы основные законы, отнято бюджетное право подробного рассмотрения сметы доходов и расходов (см. Нар. Л. № 17), а все остальное обставлено такими препонами и подводными камнями, что среди них невозможно свободно двигаться нашему конституционному кораблю – Гос. Думе.

Пусть же укажут, наконец, наши министры – где те настоящие законные законы, которые не могут воспринять силу без одобрения Думы?

Новоиспеченные бюрократией основные законы, очевидно, не законы, так как они не одобрялись Думой, военные законы – тоже не законы, бюджет государственных доходов и расходов – не закон, положение о Думе и Гос. Совете – не закон.

Да что же тогда назвать законом, не могущим воспрять силу без одобрения Думы! Бедная Россия, где же твои законные законы?

Бедный манифест 17 октября! Остается одно утешение, что та Дума, которую так со всех сторон стесняют, не долговечна. С каждым новым прижимом вероятность распускания Думы увеличивается.

Будем ждать такой Думы, каждое решение которой будет для страны непреложный конституционный закон.

Г. И-вич

Раз и навсегда (1906. № 18)

По поводу статей, корреспонденций, заметок в «Нар. Лет.» так называемого обличительного характера, касавшихся оных или других лиц и учреждений, нам неоднократно уже приходилось объясняться с затронутыми субъектами, причем почти всякий раз эти последние начинали свои речи приблизительно так: «вы бросаетесь грязью... газета травит... выливает помой» и т. п. до требования назвать имя автора включительно, и все это в повышенном, оскорбительном тоне.

Мы думаем, что подобный тон совсем не вызывается обстоятельствами, это прежде всего, а затем, такой способ разговора мы считаем неуместным и недопустимым даже и в беседах людей, не уважающих друг друга.

Если наши обличения не нравятся обличенным, потому что они видят в них свои собственные поступки, которые не всегда привлекательны и похвальны, то в этом, конечно, вина не наша.

Мы не можем черное делать белым и наоборот; мы не оскорбляем, когда кому-либо указываем на его недостатки: мы стремимся действовать на все дурное словом, с тем чтобы это дурное, возможно, перестало быть таковым.

«Народная летопись» руководится исключительным стремлением к беспристрастному правдивому освещению разных сторон общественной жизни, независимо от тех или иных личностей, которых

мы в большинстве случаев не знаем, лично против них ничего не можем, а потому травить их не можем. Если голая правда не всегда красива и изящна, если порой наши замечания строги и категоричны, то во всем этом, без сомнения, никак невозможно найти даже тех намерений – «травить, выливать помой, бросать грязью».

Все такие крылатые словечки обывательского красноречия и «задетой амбиции» достаточно известны не только нам, газетным работникам, но и тому другу-читателю, который, как и мы, хорошо знает всему этому цену и без указки найдет, где правда и кому она колет глаза.

«Юпитер, ты сердишься, значит ты не прав», – заметили еще в древности непреложную истину.

Кроме сказанного, мы должны заявить раз и навсегда, что имена авторов наших заметок о чем и о ком бы то ни было, а также имена наших друзей-читателей, которые делятся с нами впечатлениями и дают нам некоторые темы, – имена эти никому и никогда не будут сообщены редакцией, и в этом никак нельзя видеть, что указанные лица боятся говорить правду под собственным именем.

Нет, они не боятся говорить правду и всегда скажут ее открыто, но лишь при условии, что личность, социальное положение и их слова будут везде и всеми уважаемы и всегда свободны от тех обычных «воздействий» и «недоразумений», которыми полна наша жизнь.

Для сведения лиц, которые после сказанного будут настаивать на выдаче имен авторов наших статей, корреспонденций и заметок, можем указать, что на основании существующих законов о печати имя автора литературного произведения, так или иначе сделавшегося предметом судебного рассмотрения, может быть оглашено редакцией только лишь по требованию суда и ни по чьему больше.

Охранять неприкосновенность мысли и автора – наше право, наша священная обязанность, и в этой области мы прав пока еще не лишены.

Редакция

Корреспонденции. Минусинск (разгром просвещения) (1906. № 18)

Даже щедринскому помпадуру для того, чтобы «упразднить просвещение», требовалось выехать «на белом коне» в пределы подвергаемого разгрому края. В наше постконституционное время для это-

го достаточно лишь росчерк пера, проскрипевшего где-то за 1500 верст от нас.

Слава богу и без того на излишек просвещения мы пожаловаться не могли. Город с громадным будущим, посреди чудесного обширного, богатого края, а между тем высшею школой для мужского населения является в нем городское училище (для девочек – прогимназия). Кроме него, есть лишь несколько начальных училищ. Можете себе представить, что значит при таких условиях увольнение сразу девяти учителей! В городском училище осталось всего лишь 2 преподавателя – самый старший по чину, инспектор, и самый младший во всех смыслах; школа общества попечения о начальн. образовании уже закрыта; на днях в других начальных училищах занятия также прекращены. Это ли не разгром просвещения? В теперешнее приучившее нас ничему не удивляться время не удивитесь, конечно, и вы, когда узнаете, что все это случившееся столь внезапно, по мановению Иркутского волшебного жезла, не имеет себе ровно никакого оправдания. В этом вся соль волшебства.

Поводом послужила жалоба сотни темных, обиженных, просвещенных минусинцев, совершенно выбитых из колеи 17-м октября и всем за ним последовавшим. Несмотря на протесты против этой жалобы другой, более интеллигентной части минусинских жителей, несмотря на личное расследование директором училища, вынесшим, как говорят, полное убеждение в нелепости доноса, – просвещение в Минусинске все же упразднено.

Городская хроника (1906. № 47)

В заседании школьной комиссии. В заседании комиссии, избр. 2 июня для детальной разработки вопроса об открытии в г. Н.-Николаевске средней школы, состоявшемся 4 июня в зале гор.общ.управления, постановлено: поручить члену комиссии М.Я. Софонову собрать необходимый материал, касающийся штата реальных училищ и сумм, потребных на содержание училища; Н.П. Литвинову поручено напечатать и разослать при одном из ближайших номеров «Народн. Летописи» объявление, приглашающее родителей детей школьного возраста заявить городской управе или

в редакцию «Нар.Лет.» о желании поместить своих детей в училище с указанием имени и фамилии ученика, школы, где он получил первоначальное обучение, возраста, класса, в который родители полагают поместить ученика. Кроме того, в заседании была выражена мысль, что в деле обучения детей педагогический совет, с преобладающим большинством родителей, должен иметь решающее значение.

Упомянутые заявления будут разосланы при нашей газете на этих днях.

Для приемки заявлений от родителей редакция «Народ. Летоп.» открыта, исключая праздников, утром от 10 до 1 ч. и вечером от 4 до 6 часов ежедневно.

Нуждающийся. В Новониколаевске начали появляться довольно подозрительные личности, именуя себя «нуждающимися».

4 июля, в 3 ч. дня, в квартиру г. К., проживающего в закаменской части, явился один из таких нуждающихся, калека (нет ступней), высокого роста, в солдатском мундире, и начал просить милостыню. Когда ему вынесли хлеба, то он с презрением отвернулся и заявил, что хлеб выносят на двор только собакам, а не таким господам, как он.

Вы знаете, кто я? – говорил он: я сын поручика! А вы кто? Вы с...сыны...бить вас надо... Далее посыпалась отборная брань, конца которой, по-видимому, скоро бы не дожидаться, если бы в это время на дворе не появился хозяин дома, увидя которого «нуждающийся» поспешил на улицу, где его, оказалось, дожидался атлетического сложения мужчина, видимо, его телохранитель.

Такой случай в закаменской части не единичный. Следовало бы на это обратить внимание. Кстати сказать, что в этой части нет постового стражника.

Маленький фельетон. «И наша земля кровью полита» (Рассказ сибирского крестьянина) (1906. № 50)

Скверный дождливый день, измученные ямщицкие лошади еле плетутся по скользкой дороге. Мой возница, с виду ветхий маленький старичок, сидит, согнувшись, и то и дело, как бы из приличия помахивая кнутом и прикрикивая на лошадей, ободряет их на ход рысью. Но, измороженные тяжелой дорогой, они грузно шлепают по грязи нековаными копытами, и мне стоит больших усилий не выскочить из экипажа и не отправиться пешком до цели поездки.

С большой дороги мы съехали на проселочную и сразу как бы погрузились в волны искрящегося мириадами цветов зеленого моря. Лошадей в высокой траве почти совершенно не видно.

– Ну и благодать Господь послал!.. – указывая на траву, говорил мне возница. – Вот бы теперь ведрышка Бог послал! Травы-то, травы-то сколько, косить не скосить!..

– А что, хлеба как? – спрашиваю я в свою очередь.

– Да и с хлебами благодать, вот только как Господь свершит. Если теперь дожди останятся да тепло будет, то и на хлебушек будет благодать Божья.

Путь был дальний, и, чтобы скоротать время, мы оба охотно разговаривались. Оказалось, что ямщик мой человек бывалый, не только недюжинный. Всю жизнь он живет «на тракту», занимается ямщиной и знает всех губернаторов не только по имени и отчеству, но даже знает, кто из них честно живет и кто брал взятки...

Острый взгляд серых пытливых глаз удостоверял, что старик далек от бахвальства.

О многом переговорили: свернули на урядников, на станowych, на крестьянских начальников. К слову сказать, мой спутник считает последних самым никудышным и бездельным народом.

Очертив в «никудышных людях» несколько характерных черт, Иван Петрович, так звали моего почтенного возницу, повел беседу о земле.

– Вот теперь Дума наша, что же, вырешит ли она, чтобы нам землю-то получить даром?

– Да ведь вы же и так имеете ее даром, возражаю я: дали вам в ваших местах по 18 десятин на душу, работай знай, что же вам еще?

– Да, вишь, говорят, еще ее надо 49 лет выкупать, а тогда уже и бери ее кормилицу.

– Не думаю, утешаю я старика: земля нарезана в ваше пожизненное пользование, и пока живешь, работаешь, то и считай ее своей.

– Да хорошо бы так, да вот, так-то не объявили.

– Ну, объявят, дай время.

– Да и пора уже как бы! – в раздумии говорит старик. – Сколько поту, да не одного поту, да и кровью земля-то наша немало полита.

– Какой кровью? – спрашиваю его в недоумении.

– Мне уже годов-то семь десятков, так много я видал! И не пересказать всего. И все это кончилось только тогда, когда эту волю дали, от барщины освободили.

– Да разве у вас была какая барщина?

– Не знаю, какая там в России барщина была, а у нас – не приведи Бог, что было... Ведь мы заводские все были. Вот ты послушай: приходит время, есть у тебя сын – шли его по расчету на завод, там он и чертопрудит день, а то и ночь, ад – и слова сказать не смей... А то придет время, давай для завода и подвод, и овса, и сена, а то еще того хуже, объявляют, что с семи деревень народ надо согнать: управитель имения требует. Сошлись люди, день ждем – нет, другой ждем – нет, третий – опять нет. Ну, ребята, надо ублажить. Вот и начнем собирать, кто чего может наберем – и денег, и припасу, разного съестного, да к нему старосту и марш.

Приходит староста, докладывают: выходит сам грозный-прегрозный и кричит: ты что сюда залез?

– Да вот, ваше благородие, доложить приехал, что третий день вас ждет народ. Вот и смотри тут, если угодили подарками, то он сейчас кричит: «Яков! (Это его лакей так звался.) Подавай ему чарку водки да вели запрягать лошадей», а если не понравились подарки, то другая речь: «Ты что, распро-с.... сын!.. я тебе лакей что ли, чтоб по первому твоему слову ехать? Яков, веди его на конюшню».

А там уже лозы-то пучочками приготовлены, ну вот и всыпят не за что, не про что штук 20, а то и все 50, смотря каков час найдет...

Так-то и со мной дело было. Отец, вишь, задолжал, да куда-то уехал, а я уже был подростком на 16 году. Таких уже на завод посылали. Вот раз и приехали, без отца-то, да вместо больших-то нас человек 7 собрали. «Нет отцов – пороть этих!» – распорядился учредитель. Когда пороли тех, я думал, меня обойдут, а тут, на поди, «ложись Иван»!

Я это – помню – плачу, ну помогли, разложили, да на первый раз 3 штуки легонько дали... Тем и дело кончилось.

А то вот с Орловым была история... Его тоже за недоимки разложили да и всыпали 200 штук, да так, что на потниках унесли, на силу выздоровел.

Да! Так вот она, земляца-матушка, как нами выкупалась... так что думаю и достаточно бы выкупу-то этого...

Незаметно мы достигли цели нашей поездки. Дождь моросил по осеннему, небо, кругом обложенное тучами, навевало тоску, рассказ деда слился в гармонию с фоном природы, и, чтобы вконец не расстроить нервы, я усиленно начал работать веслом при переправе через великолепную, как жизнь, волнующуюся и пенящуюся бурную реку.

***Барнаульские письма (интересное заседание)
(1909. № 117)***

Это – думское заседание 12 мая. Был поставлен и разрешен целый ряд животрепещущих вопросов. Но наши «отцы» не проявили по этому случаю никакого оживления и «вершили» городскими делами, как обычно – с флегматичностью и легкостью.

Вот, например, вопрос о преобразовании Александрийского женского 2-классного приходского училища в прогимназию и об открытии на место него нового начального училища. Настоятельная необходимость этого шага ощущалась давно, сами гласные это понимали, и еще в декабре прошлого года дума постановила ходатайствовать, где следует, в этом смысле.

Управа тотчас же и исполнила это постановление, причем в представлении учебному начальству указывала такие, например, гадательные средства на содержание прогимназии: устройство концертов, спектаклей, пособие от казны.

Теперь г. Томский губернатор сообщил, что попечитель Западно-Сибирского округа, на заключение которого было передано это ходатайство, не нашел возможным согласиться на преобразование именно по причине гадательности средств на содержание прогимназии.

И что же? Учительная комиссия с доводами попечителя вполне согласилась и предлагает считать вопрос исчерпанным, с тем, однако, чтобы управление учебного округа сделало все возможное в смысле наилучшей и целесообразной постановки учебного дела в этом училище, дабы дать таким образом возможность желающим без затруднения поступать в соответствующие возрасту классы гимназии.

Может быть, и прав г. попечитель округа, может быть, и действительно неразумно пытаться создать школу без кредита, без твердых гарантий отыскать средства на содержание школы, но тогда позволительно нам будет спросить наших «отцов»: из-за чего же было огород городить? Ведь жгучий вопрос о прогимназии остался все-таки открытым, «отцы» отступили перед первым препятствием, дилемма не разрешена... Дума согласилась с заключением школьной комиссии и тем расписалась в своем бессилии разрешить одну из насущнейших нужд города.

Вяло прошел в думе и такой жизненный вопрос, как об открытии воскресных школ. Вопрос возник по инициативе управы. Вообще приходится отметить по этому поводу, что все вопросы исходят от управы, гласные же своей инициативы совершенно не проявляют. Управа, точно надоедливый комар, жужжит над ухом то с тем, то с другим насущным вопросом, и «отцы» с досадой и нетерпением отмахиваются от непрошенного друга.

Управа просила училищную комиссию дать свое заключение по этому вопросу.

Комиссия ответила, что число ремесленников и вообще рабочего класса, лишенного школы, настолько значительно (по последней переписи у нас 60% безграмотных), что со стороны городского управления необходимо безотлагательное открытие воскресных школ. Но характер воскресных школ, двери которых открываются всем: тут же рядом с грамотным может очутиться полуграмотный и вообще неграмотный, сюда потечет широкой волной и стар и млад, – этот своеобразный характер воскресных школ потребует сильнейшего напряжения преподавательских сил. А так как этих сил, указанных в списке инспектора народных училищ, едва хватит на одну школу, если она хочет быть таковой не по имени только, то комиссия постановила обратиться через своего председателя во все учебные заведения города с предложением учителям принять участие в этом деле.

Городскую же управу комиссия просит о докладе в думу об ассигновании на содержание двух проектируемых школ 329 р. Расход этот начислен на покупку учебных принадлежностей, книг для чтения (по 1 р. на ученика, на 200 учащихся – 200 руб.), двум распорядителям по 5 руб. в месяц, на 5 месяцев – 80 руб. и на различные мелкие надобности по содержанию школ.

Дума с доводами управы согласилась и деньги ассигновала. Школы проектируется поместить: женскую – в Александрийском женском училище и мужскую – в зайчанской школе общества попечения о начальном образовании в Барнауле, в случае же несогласия общества – в здании 3-го приходского училища, д. Рулева по Бердской ул.

Такое формальное отношение думы к самому больному вопросу нашей печальной действительности не может не приводить нас в уныние. Ведь открыть предлагается только 2 школы, приютить в них всего лишь 200 человек, ведь это на тысячи безгра-

мотных капля в море. Как же с этим быть? Но наши «отцы» не задаются таким вопросом, им бы только отмахнуться от надоедливового комара.

На хлопоты и депутатии по проведению железной дороги, на земельные депутатии и деньги, и желание, и усердие у нас есть, а на школы, всегда как-то так случается, что ни денег, ни усердия нет.

Отчего бы, вправду, той самой депутатии, которая хлопочет по различным министерствам об уступке кабинетских земель и железной дороге, не похлопотать бы и о субсидии на прогимназию.

Я не хочу этим сказать, что вопросы железнодорожный и земельный не имеют для нас самого жизненного и первостепенного значения, но я склонен в этом предпочтении одних вопросов, затрагивающих главным образом интересы небольшой группы капиталистов, например вопросы о железной дороге, вопросам, затрагивающим широкие народные круги, например вопрос школьный, видеть резко выраженную классовую подоплюку. Бедняк, нуждающийся в школе, не имеет в думе представительства, и, пока он этого представительства не будет иметь, школьный вопрос все будет больным. Об остальных больных вопросах, поднятых на этом заседании, поговорим в другой раз.

Н. Ге

Каинские штрихи и блики. 2 (1909. № 117)

Общественная жизнь каинских обывателей как-то не налаживается: как игра у плохих музыкантов – «Кто в лес, кто по дрова!» По этой причине большая часть общественных начинаний проваливается, падает, не принося благих результатов. Даже местное общественное собрание носит на себе своеобразную печать бедности нелепого уклада местной общественной жизни: буфетчик, торгующий в собрании очищенной и рябиновкой, а также и селедкой по заказу, получает замаскированную субсидию из средств собрания – по титулу: «на отопление, освещение и поддержание чистоты» – по той простой причине, что посетители собрания так мало пьют и закусывают, что держать для таких, с позволения сказать, потребителей целый буфет с выпивками и закусками – слуга покорный! Игра не стоит свеч!.. И

буфетчики бастуют, отказываются от предприятия... Что тут делать? Члены собрания, люди, видимо, стоящие на высоте звания, решили так или иначе поддержать престиж каинского благородного собрания... Без буфета что за собрание?! Это еще без библиотеки можно, но без буфета?.. Посудите сами!.. А потому постановили – noblesse oblige! – субсидировать буфетчика доколь Богу будет угодно благословить собрание такими посетителями, которые будут пить, есть и веселиться в собрании, оставлять в буфете такие дани, на которые буфетчик смог бы безбедно и прилично своему званию жить и поживать.

– Придет ли времечко?.. Эх, приди, приди, желанное!..

Глеб Успенский, проезжавший через Каинск 20 лет тому назад, писал о Каинске: «Само название “Каинск” пришло с того, что здесь Каин убил брата своего Авеля. И до сих пор Каиново дело процветает здесь в таких размерах, о которых мы, великороссийские жители, даже и понятия иметь не можем. Известий о каинских грабежах и грабителях масса... Грабежей, совершенно беззастенчивых, бесцеремонных, совершаемых открыто среди белого дня, такое множество, что нет возможности перечислить их. А жители говорят: «это еще слава богу – теперь зима. Лапотишек и одежонки у жулья нет, многие так, без дела, и сидят в кутузке!».

Так было 20 лет назад по Гл. Успенскому в Каинске. В настоящее время – в добрый час сказать! – ужасная картина Каинской жизни, нарисованная Глебом Ивановичем, к счастью, потеряла свои резкие, бьющие зрителя краски: ныне Каинск, к счастью, уже не такой грабительский пункт, каким он был или казался во времена оны, когда Успенский посещал Западную Сибирь по переселенческому делу... Немало у нас теперь и «бывших людей», немало совершается мелких краж, – были по весне два-три случая уголовщины – убийств с целью грабежа в окрестностях, – но в общем гастролеры уголовного мира избирают для своих операций другие, более значительные пункты, чем Каинск...

Все к лучшему в этом лучшем из миров, и Каинск вот перешел на положение мирного и тихого пристанища, в котором интеллигенция субсидирует своего поильца и кормильца, радеющего о ней в часы всенощных трудов и бдений за зеленым столом...

Ф. и О.

Городская хроника. Проигранная кампания (1909. № 117)

Речь идет о кампании новониколаевских пароходовладельцев против общественного городского самоуправления. Кампания велась долго и упорно: пароходовладельцы ни за что не хотели признавать за городом права распоряжаться городскими землями, прилегающими к бечевнику. Бечевник они обратили в постоянное складочное место всевозможных товаров, а с бичевника, ввиду ограниченной площади, потянулись на городскую землю. На протест со стороны городской управы они не обращали ни малейшего внимания. Пришлось, конечно, обратиться к содействию полиции по ограждению городской земли от самовольного захвата. Тогда парходчики начали писать в «Губернию». «Жалостливо» писали, и на днях получили (собственно не они, а городская управа): «Общее присутствие губернского правления определяет:

1) Жалобу доверенных судовладельцев – *Мельниковой, Ельдейштейн, Плотникова и Фуксмана* и начальника городского участка водных путей сообщения о незаконных действиях Новониколаевского городского общественного самоуправления оставить без последствий.

2) Предписать заведующему полицейскою частью в городе Новониколаевске принять меры к устранению допускаемых некоторыми судовладельцами беспорядков в полосе, прилегающей к бечевнику в гор. Новониколаевске, выразившихся в нарушении 358 и др. статей в уст. пут. сооб., привлекая виновных к законной ответственности.

3) Просить начальника Томского округа путей сообщения сделать с своей стороны распоряжение к скорейшему выполнению ходатайств городского общественного управления об указании судовладельцам границ, о предоставлении им законом прав относительно пользования бечевником и пристанью общего пользования в видах соблюдения интересов всех судовладельцев и города.

4) Предложить городскому самоуправлению оказать со своей стороны содействие речному начальству в настоящем деле.

5) Копию настоящего определения представить министру путей сообщения на благоусмотрение в дополнение к ходатайству городского общественного самоуправления, изложенному в представлении, от 19 января текущего года за № 253».

Заседание городской думы (1909. № 117)

4 июня в 8 часов вечера состоялось заседание городской думы под представительством городского головы В. И. Жернакова. Присутствовали 3 члена управы и 21 гласный.

Представляющим был доложен вопрос об открытии в городе пивных и столовых, оставшихся по решению от 1 июня, и разработанный город. управой, которая в своих соображениях находит нужным вновь открываемые столовые облагать платой по 15 руб. в год, так как владельцы данных заводов высказывались частно, что меньше этого оклад столовых увеличит число предпринимателей и подорвет их торговлю, и они должны будут закрыть свои пивные лавки, что принесет городу ущерб.

Г. Литвинов заявил, что они не верят в угрозы пивников и предлагают думе, открывая столовые, понизить плату за них от 40 до 50 руб. в год. От управы возражают, что там будут торговать всем и туда не пойдет бедный и среднего достатка человек. Литвинов отвечает, что в интересах последних он и говорит, а для самых бедных у города отведены другого рода столовые. Указывая на площадь, он продолжает: «Вот здесь, на площади, столовые для бедных, но они, к слову сказать, платят значительно больше пивников. В распоряжках бывшей думы здесь недочет и при обсуждении г.г. гласными платы я, невзирая на страхи, предлагаю признать цену 40–50 руб. достаточною, но с условием, чтобы она действительно столовым, а не на что другое...»

Большинством голосов вопрос решается: взимать по 50 руб. в год, с условием осмотра помещений совместной санитарно-полицейской комиссией до разрешения торговли; пивных открывать разрешено в нижеследующих районах города: А). в Центральной части: 1) по Кривошековой улице от Николаевского проспекта до Мостовой улицы за исключением выходящих на Кривошековскую улицу усадеб кв. № 0; 2) по Спасс. Колыванской, Каинской, Вознесенской и Воронцовской улицам – от Николаевского проспекта до Александровской ул.; 3) по Гудимовской и Болдыревской улицам – от Кабинетской до Александровской ул.; 4) по Тобезеновской ул. – от Алайской до Логовской ул.; 5) по Асинкритовской ул. – от Алтайской до Логовской ул.; 6) по Барнаульской ул. – от Дворцовой до Каменской ул.; 7) по Бийской ул. – от Дворцовой до Каменской ул.;

8) по Кузнецовской – от Дворцовой до Каменской ул.; 9) по Семипалатинской ул. – от Алтайской до Александровской ул.; 10) по Стевенской – от Алтайской до Каменской ул.; 11) по Ядринцевской ул. – от Алтайской до Николаевского прос-та; 12) по Гуляевской, Потапинской, Журинской и Вагановской улицам – от Кабинетской до Николаевского прос-та; 13) по Каинской ул. – от Бийской до Гудимовской ул.; 14) по Александровской – от Степанской до Колыванской ул.; 15) по Николаевскому про-ту – от Вагановской до Семипалатинской ул., и на выходящих на проспект усадьбах в кв. под №№ 1 и 4-м; 16) по Кабинетской ул. – от Вагановской до Воронцовской ул. и 17) по Алтайской ул. – от Гуляевской до Воронцовской ул.

Б) в Вокзальной части: 1) по Обскому проспекту и Сибирской ул. – от Вокзальной до Енисейской ул; 2) по Межениновской и Переселенческой ул. – от Вокзальной до Бурлинской ул. и 3) по Енисейской, Иркутской, Красноярской, Томской, Омской и Михайловской ул. – от Переселенческой ул. до Обского проспекта; и В) в Закаменской части – по Трактовой ул. до Гавриловской.

На очереди вопрос первый по повестке об избрании подготовительной комиссии для рассмотрения вопроса об оценке недвижимых имуществ. По докладу управы существующая система оценки недвижимых имуществ страдает большими дефектами. Без прений баллотировкой оказались выбранными следующие лица: Б. Желтухов, Мирошников, Гречко, Суриков, Лапшин и А.В. Луканин.

Затем был доложен вопрос 2-й по повестке – об утверждении торгового производства на городские карьеры №№ 5, 13 и кишечно-го заведения. Карьер № 5 сдан с торгов Самушеву сроком на 3 года за оплату 152 р. 50 к. в год; карьер № 13 сдан Жарову на 3 года за плату по 507 р. 25 к. в год. Торги думой утверждаются.

Доложено о произведенной городским управлением в текущем году выдаче наградных служащим городского управления к празднику Пасхи в сумме 1261 руб. 66 коп. без разрешения думы.

По докладу управы такие расходы имеют традиционный характер: наградные к праздникам выдавались и раньше в разных размерах. В текущем году были выданы за несколько дней до Пасхи, так сказать, на страх управы служащих (последние выдали расписки, в случае несогласия думы – наградные вернуть) и не могли совершенно быть доложены город. думе. После выраженного сожаления

некоторых из гласных, что не всем служащим города была награда, баллотировкой расход принимается.

Доложено заявление арендатора городского перевоза г. Козлова о желании его, на тех же условиях, передать аренду перевоза г. Постовалову. Последний здесь же лично объяснял, что он, если ему будет выделена аренда, обязуется через месяц оборудовать одну баржу, через другой – другую и в будущем году приобрести новый пароход.

Гласный *Максимов*. Мы слышали одни слова без всякой гарантии. Между тем перевоз действует плохо – перевозить может не более 15–18 повозок. Необходимо за счет города приобрести баржи, так как от неправильного перевоза страдают городские интересы.

Член управы *Захаров*. Прежде чем купить, надо деньги иметь, а их в городской кассе нет, кроме того, предстоят разные наложенные платежи.

Город. глава. Деньги будут, заем обещан. Касаясь перевоза, говорит, что это большой вопрос, с которым городу необходимо покончить. Здесь нельзя винить ни арендатора, ни город. Существующий контракт не выдерживает критики; арендная плата – не нормальна, а пункт перевозки бесплатного казенного груза крайне обременительно ложится на арендатора. По его мнению, самое лучшее для предстоящего займа, поручить город. управе приобрести 2 посуды не дороже трех тысяч руб. Это останется инвентарем города и принесет большую пользу.

Дума большинством постановила: заявление оратора Козлова о передаче перевоза отклонить и поручить израсходовать из предстоящего займа 3 тысячи руб. на приобретение перевоза.

Докладывается заявление г. Луканина об уменьшении размера причитающейся с него городу арендной платы за участок земли, находящийся под мельницей Алтайской Мукомольной К^о в размере 5044 кв. саж. Этот вопрос отнял у думы ровно 2 часа времени и ни к чему не привел. Со стороны заседание было похоже на крупный гражданский процесс с истцом, ответчиком и свидетелем. Подробности вопроса до окончания его мы пока опускаем.

В первом часу ночи заседание закрылось.

Ю.

Каинские штрихи и блики. 3 (1909. № 119)

Заговорив о каинских штрихах и бликах, нельзя не коснуться и просветительной части. Просвещение! – О, оно всегда стояло и стоит высоко в словесном калейдоскопе интеллигентного гражданина.

– Ученье свет! Да здравствует просвещение! – и т.д.

Лозунги и формулы культурно-просветительного оттенка, часто поднимаемые и ни к чему не обязывающие обывательское сердце, тем не менее украшают носителей в глазах посторонних, и потому к ним тянутся все те, кто некогда погружался в «искусства, в науки», а теперь лишь предпочтительно отдается только «мечтам и страстям»... Каинск имеет свои, увы! далеко не достаточные учебные заведения и просветительные общества. Для женского просвещения имеется 4-классная просветительная прогимназия, прибавляющая в текущем году один пятый класс. Мальчики получают образование в городском 4-классном училище; есть начальные городские школы и, конечно, как необходимая антитеза им, церковно-приходская школа, существующая, как уверяют злые языки, с такой специальной целью, чтобы наглядно показывать:

– Как не надо учить!

Это как существуют в благоустроенных местах показательные станции, нормальные формы, опытные поля. Только у нас наыворот!..

Каинские патриоты мечтают и о полной женской гимназии, и о реальном училище, но все эти благородные мечты разбиваются о тот несокрушимый гранит, имя которому:

– Неимение средств!

Из культурных организаций и ассоциаций не последняя спица в колеснице каинской жизни – общество попечения о начальном образовании. Оно заботится о малых сих, доставляя им, по уставу, пи-мы, рукавицы, сумки, шубы и учебные пособия: перышки, карандашики... Но не скажите, маленькое будто бы с виду обществушко у начальства, говорят, на большом счету. И гражданская власть, и епархиальная власть строго следят, чтобы вообще из таких обществ, созданных с культуртрегерскими целями оппозиционно настроенной сибирской интеллигенцией, как бы чего не вышло. Потому и блюдут за ними, как следует. И наше вот малолетнее общество

покупает себе ребятишкам пимишки и карандашики, а само по сторонам опасно так и оглядывается.

– Как бы чего не вышло! Как бы лишний спектакль противу устава в году не поставить!

Вообще же говоря, общество это в Каинске сосредоточивает в себе весь цвет, всю квинт-эссенцию моральных, социальных и политических стремлений каинских граждан.

Неудивительно, что такой огромной важности вопрос, как вопрос об устройстве катка на реке Оми, прошлой зимой чуть-чуть было не вызвал полного распада общества. Члены разделились на две группы и пошли друг на друга стенкой.

Одна сторона говорит: «Мы каток устроим!». Другая говорит: «Мы пимишки ребятишкам купим!».

Дилемма!.. Быть или не быть?! Только какое-то чудо отвратило кровопролитие, и общество кое-как уцелело от этого страшного внутреннего взрыва. Тем временем подошло лето, и все утихло...

И вот мы, каинцы (живем теперь, слава Богу, тихо, мирно и честно, воды не мутим, как говорится, а не замутим – то по той простой причине, что вода в нашей Оми чересчур мутна по природе. В ней, как говорил нам один химик, суспендировано так много болотной мути, что дополнительно еще взбаламутить ее нет никакой человеческой возможности. Положен предел, его же не преиждешь...

Ф. и О.

Комитет погорельцев (1909. № 119)

6 июня в 7 часов вечера состоялось заседание продовольственного комитета погорельцев. Обсуждая вопрос о порядке выдачи печеного хлеба неимущим погорельцам, процедура которой, по словам председателя, непроизводительно отнимает время у нуждающихся и крайне утомляет дамский производительный кружок; а потому он предлагает заменить раздачу хлеба выдачей денег на руки, при этом добавил, что стоимость хлеба на одного человека не превышает 2 руб. в месяц.

Один из членов просил сообщить число лиц, получающих пособие. Оказалось, по проверенным спискам, нуждающихся 730 человек. (Первое время было до 1000 душ.)

Н. П. Литвинов выразил желание немедленно организовать общественные работы, так как к нему, добавил он, ежедневно являются люди и просят работы.

Напротив, заявляет какой-то из присутствующих, многие не желают работать. Ссылается на несколько примеров.

Один из членов против этих доводов протестует и говорит, что прежде всего надо дать работу, а потому судить о нежелающих.

Присутствующий в заседании городской голова В.И. Жернаков говорит, что он взгляд об организации общественных работ вполне разделяет, но в настоящее время управа не имеет таких работ. Что же касается замощения улиц, то на эти работы потребуется 70–80 тысяч, а с 7–8 тысячами их и начинать не стоит. Кроме того, на все работы необходимо иметь технические планы и сметы, утвержденные думой, а на это надо время. По его мнению, пока один исход – это вместо хлеба выдать нуждающимся на ½ месяца деньги на руки и при выдаче отметить желающих получить работу, озаботившись к тому времени подысканием таковой как от города, так и от частных лиц.

Большинство членов комитета с этим мнением согласилось.

Затем был доложен ряд прошений нуждающихся в разных пособиях.

Ю.

Корреспонденции. Г. Томск (вопросы просвещения) (1909. № 120)

Как это ни странно – нужно сказать, что окончательно завершение «постройки» томского университета не закончилось до сих пор. Действительно, по высочайшему приказу 16 мая 1878 г. повелевалось открыть в Томске университет с 4 факультетами: юридическим, медицинским, историко-филологическим, физико-математическим. В настоящее же время функционируют два первых.

Что касается двух последних, то совет университета несколько раз возбуждал ходатайства, но все они остались без уважения. А в последнее время ходатайство встретило неожиданное препятствие еще с той стороны, что томский технологический институт также возбудил ходатайство об открытии физико-математического отделения. Совет томского университета в своем заключении указы-

вает на полную неуместность открытия факультета как органической части университета при высшей технической школе и настойчиво поддерживает свое ходатайство. При этом указывает на мизерность расходов, связанных с открытием факультета, тем более что университет располагает капиталом имени И.М. Сибирякова в сумме 100 тыс. р., из которого часть может быть определена для нужд нового факультета, этот капитал предназначен исключительно на оборудование недостающих факультетов.

Вообще нужно сказать, что постройка университета совершена в значительной части средствами общества. Именно из общей суммы в 763.923 р., ушедших на постройку, 361.923 р. приходится на долю сумм пожертвованных, а всего было пожертвовано на постройку и оборудование том. университета 660.214 руб. Без малейшей натяжки можно сказать, что томский университет обществу обязан не меньше, чем министерству.

Народно-просветительское дело в Сибири в последние годы сделало огромные шаги вперед – говорят уже об осуществлении всеобщего обучения. Лиц же с высшим педагогическим образованием в Сибири – недостаточно, т.к. из Евр. России сюда едут неохотно, а на месте нет. Значение историко-филологического факультета выходит еще далеко за пределы этой практической пользы. Изучение Сибири, ее населения, языков, быта и пр., археологии, культуры и т.д. и т.д. – все это будет предметом изучения и научной разработки преподавателей томского истор.-филол. факультета.

Скажем несколько слов о томских высших историко-философских курсах, которые предворяли открытие в томском университете истор.-филол. факультета. Открыты курсы осенью 1907 года по частной инициативе. Но последовавшие затем неурядицы в жизни курсов вызвали закрытие их, расстройство академической жизни и т.д. Ныне в этом году курсы перешли в руки проф. технол. института Тихова, и деятельность курсов вошла в обычную колею. Программа представляется так: читаются курсы исторического и общественно-экономического содержания. Со второго семестра последнего акад. года открылось чтение нескольких новых курсов, преподавание новых языков. В будущем программу решено расширить; круг преподавания должен обнять четыре академических года.

Т.к. курсы стоят в ряду высших школ, то поступающие должны обладать дипломом средней школы. Плата – 50 рублей за два семестра.

П. Про--.

***Маленький фельетон. Из речей наших гласных
(1909. № 128)***

Как закусивший удила конь, гласный Слабопотов несется в ярмом приступе негодования на обидевшего его врага Алексея Михеевича Лопухина.

Речь Слабопотова льется, как горный поток, и с лица крупными каплями падает пот.

– Сами посудите, господа гласные: этот самый, так сказать, господин хороший, Алексей Михеевич Лопухин, это, так сказать, такой господин, которого вы еще, господа, так сказать, не знаете, это такой видный господин, самый Алексей Михеевич, он, так сказать, так много в прошлом доставил хлопотать гласным, что тут, так сказать, нечего и думать много...

– Здесь, так сказать, все ясно: он нас, господа, много мучил прошлый год и теперь, так сказать, с тем же...

– Я думаю, господа гласные, что этому, так сказать, господину Лопухину, из этого самого, никакой потачки не давать, доложить и делу конец, пусть, так сказать, убирается, если не нравится...

– Я, господа, так сказать, хотел сказать, обласкасть господина Лопухина, как ни на есть крепче, чтоб он, так сказать, знал...

Так говорил обиженный стародумец.

Голос с хрипотой. – Правильно, рублем его, пусть знает...

Управа вносит предложение обязать домохозяев застроить первую линию по Александровской улице, выходящую на новую базарную площадь, каменными домами.

После каждого обмена мнений гласные склонны принять предложение управы.

Гласный Сурепко просит слова. Ему дают. Тихим, вкрадчивым или, как говорят, сладким голоском он начал:

– Господа гласные, написать обязательное постановление – дело маленькое... Я смотрю на это дело с другой стороны, я смотрю, господа гласные, чтобы не сделать здесь ошибки, чтобы не разорить этим самым бедных людей, которые потом нас проклинать будут... Каменные постройки – дело хорошее, но я думаю, не спешим ли мы, не лучше ли отложить это дело, а впрочем, как знаете, я больше на счет неимущих... Я кончил.

Член управы разъясняет, что в этих кварталах бедных нет, здесь дома Лупандина, Захарова, Сурепко...

– А, а, а... – слышится между гласными.

Постановили: не принимая во внимание бедность названных лиц, предложение управы о постройке каменных зданий в названной линии утвердить.

Невидимка

Корреспонденции. Станция Тайга (1909. № 131)

Поселок при ст. Тайга разрастается не по дням, а по часам. Где несколько лет тому назад был непроходимый бор, единственными обитателями которого были медведи, глухари да рябчики, ныне разбился поселок на пространстве 4–5 верст в диаметре. При постройке Сибирской железной дороги сюда начали стекаться со всех концов необъятной России люди, искавшие счастья в когда-то страшной Сибири. Убогие в два-три окна хаты в беспорядке лепились одна к другой, ясно указывая, что их хозяева – бедняки. Тут растущий кедровник рубили, тут в тайге строились и обзаводились некоторым хозяйством.

С окончанием японской войны в положении поселка видна резкая перемена к лучшему. Стали возникать 2- и 3-этажные дома с 12–15 окнами по улице, крытые железом, с балконами. Если вы спросите – кто же собственники этих домов, то получите ответ: железнодорожные служащие – машинисты, техники, десятники, кондуктора. Многие из них, получая весьма скромное вознаграждение, нажили приличные капиталы и обзавелись ценным имуществом. А как наживаются капиталы на железных дорогах – это всем и каждому известно.

И о ст. Тайга существует много легендарных повествований из области хищений. Здесь, так же как и по всей линии Сибирской железной дороги, пропадали не только товары из вагонов, но и самые вагоны с товарами. Расхищение же казенных денег при постройке дороги было прямо-таки невероятным. Здешние жители рассказывают, например, следующее: когда начальником участка был некто К., крестьяне деревень, отстоящих от Тайги в 25 и менее верстах, живя целый месяц дома, приезжали в Тайгу только «к получке». Получив жалованье как ремонтные рабочие, они снова удалялись

в деревню до следующей полочки. И по сие время восхваляют его, говоря: «Добрейший был человек К»...

В настоящее время железнодорожное начальство, как видно, озабочено в видах экономии сокращением штатов. Если этому суждено осуществиться, то было бы справедливее уволить тех, кто имеет солидные состояния, а потому могут обойтись и без службы.

А таких железнодорожных служащих на линии много. Нельзя, конечно, лишать куска хлеба тех, кто этот кусок получает от службы, не имея никаких иных источников к существованию.

С.А.

Итоги бюджетных работ на 1909 год (1909. № 133)

Газеты всех оттенков, как крайние правые, так и прогрессивные, подводят итоги работам Госуд. Думы за истекший год.

И нужно согласиться, что итог не только за прошедший год, но и за весь период деятельности Думы 3-го созыва получается довольно печальный.

Не станем говорить о таких мелких реформах, которые с большой натяжкой удалось провести Думе 3-го июня, а спросим, что сделали Дума и правительство в области улучшения финансово-экономического положения страны? И увы! – на этот вопрос придется ответить, что сделано очень мало.

Конечно, Дума аккуратно рассматривала и утверждала бюджет, и на 1909 год ей даже удалось сократить дефицит на 24 млн руб., и все-таки расходы превышают доходы на 127 млн руб. Следовательно, опять дефицит, и дефицит очень крупный.

Этот печальный факт нашего «бронированного» бюджета перестал для нас быть новостью.

Вот уже несколько лет подряд, как дефицит стал у нас хронической болезнью, и министру финансов не впервые приходится прибегать к излюбленному средству – недостаток покрывать новыми займами.

Но этот способ, как известно, ведет к истощению народного кармана, не дает возможности улучшить народное хозяйство, которое до сих пор продолжает находиться в положении застоя, и меша-

ет развитию производительных сил страны, на поднятие которых, по заявлению министра торговли и промышленности, требуются затраты огромных капиталов...

Все реформы задерживаются потому, что нет денег. Наш бюджет слишком обременен непосильными чрезвычайными расходами, а доходы очень плохи.

Спрашивается, как выйти из этого заколдованного круга? Как привести в равновесие чрезвычайно сложившийся бюджет?

Министр финансов рекомендовал два средства: первое – это крайне бережливое и осторожное отношение к испрашиваемым ведомствами кредитам; второе – введение новых налогов, хотя бы, по заявлению г. Коковцева, и в очень скромных размерах, а именно: введение подоходного налога, реформа нового обложения наследств, повышение гербового сбора и, наконец, повышение табачных налогов.

Все эти мероприятия могут увеличить государственный доход минимум на 60 и максимум на 80 мил. руб. в год.

Но если принять во внимание, что государственные расходы с каждым годом все увеличиваются, то этих 80 мил. недостаточно не только на проведение некоторых реформ, но даже на покрытие ежегодного дефицита. Тогда «остается надеяться», как говорит «Голос Правды», «что новый заем будет заключен министром финансов на более выгодных условиях, чем это было в январе 1909 г. Государственный заем 4½ % типа был выпущен в Лондоне по 89,25. Несколько же дней тому назад 4½ % русский железнодорожный заем выпущен в Лондоне же по курсу 90. Это заем не государственный, а гарантированный правительством. В декабре прошлого года Гос. Думе было заявлено, что заем необходимо заключить немедленно, так как время для того самое удобное. Между тем оказывается, что не государственный, а гарантированный правительством заем выпущен в Лондоне же по 90. Таково умение нашего финансового ведомства предвидеть конъюнктуру международного денежного рынка!..»

Очевидно, европейские финансисты доверяют больше нашим частным предприятиям, чем министерству финансов.

Таковы печальные перспективы наших финансовых дел, но еще печальнее то, что при таком положении финансового хозяйства, трудно ждать каких-либо реформ, особенно в поднятии экономиче-

ского благосостояния страны. Реформы могут быть проведены только тогда, когда будет произведена полная реорганизация всей бюджетной системы...

Л. Ольгин

О синдикальном движении в Сибири (1909. № 133)

В одном из предыдущих номеров «Народ. Летописи» был вскользь затронут вопрос о синдикатах в Сибири. Располагая по этому вопросу некоторыми данными, попытаемся бросить посильный свет на интересующий нас вопрос.

Синдикальное движение, махровым цветком распустившееся в России, не замедлило вскоре перебраться и в Сибирь, охватив здесь наиболее важные отрасли производства.

Первыми на путь практического осуществления синдикальной идеи стали черемховские углепромышленники, и без того пользующиеся всякими «льготами» из министерства. В этот синдикат вошли Шелкунова, Гришевская, Головинская, Касьяновский, Хорхартская и др. В то же приблизительно время объединились в синдикат забайкальские винокуры – Бутины, Патушинский и др. Вскоре затем наблюдаем целую серию синдикальных объединений: харбинские мукомолы – Дризин, Сунгарийское т-во, мукомольное т-во и др., томские пивовары – Курлянд, Беер, Крюгер и др., барнаульские пивовары – Навьшин, Версин, семипалатинские мукомолы, иркутские крупчатники, забайкальские углепромышленники – Замятин, Забайкальское т-во; амурские и иртышские пароходчики и т.д., и т.д.

Некоторые из этих синдикатов по тем или иным причинам распались, не достигнув той степени доходности предприятий, о которой мечтает всякий синдикат. Так, распались синдикаты томских пивоваров, забайкальских винокуров. Другие, не рассчитавшие трудности соперничества с конкурентами, предпочитают вместо этого уплачивать конкурентам известную мзду с тем, чтобы те или прекратили дела, или облегчили условия конкуренции; такой оборот дела наблюдается у барнаульских пивоваров. Но большинство синдикальных организаций сумели учесть в свою пользу все обстоятельства и захватить рынки потребления в свои руки.

Невозможность конкуренции с синдикатом принуждает отдельных необъединенных предпринимателей уступать позицию синдикатчикам, которые становятся полными хозяевами рынка и диктуют цены по своему усмотрению.

Наиболее успешно захватывают рынки синдикаты углепромышленников и мукомолов.

В Зап. Сибири, как мы уже замечали, в синдикат объединялись семипалатинские мукомолы.

Побуждающим импульсом для объединения в синдикат этих мукомолов (как это было высказано на совещании по тому же поводу омских мукомолов) послужило то обстоятельство, что российские объединенные мукомолы, выступая как одно организованное целое, успешно ограждают свою производственную отрасль от всяких случайных, временных условий, действующих на эту отрасль в неблагоприятном направлении. Простой опыт успешного «отражения» производственной отрасли российскими коллегами толкает на тот же путь «и нас». Во главе объединившихся станет особое представительное учреждение, избранное всеми объединившимися. Это учреждение становится органом руководящим, под указанием и контролем его отдельные мукомолы и ведут свои дела, а оно стоит на страже их интересов и действует их именем.

Вот остов синдикального соглашения семипалатинских мукомолов, и надо отдать дань справедливости: они достигли намеченной задачи – захватить рынок и взвинтить цены – этой скрытой пружины всякого синдикального соглашения.

Впервые для большой массы покупателей синдикат дал себя почувствовать на последней Ирбитской ярмарке, когда он, несмотря на хороший урожай прошлого года и сравнительно низкую цену на зерно при закупке, поднял расценку муки на 20 к. на куль. Для поднятия цен синдикату не помешало и такое обстоятельство, как отсутствие большого спроса, что неизбежно действует на расценку в понижательном направлении.

Конкурентом синдикату явилась лишь администрация по делам Е.А. Жернакова (из Колывани), которая назначила цены на муку ниже, чем синдикат, по 30–80 к. на куль. Весь север Тобольской губ. и часть тоболяков купили муку Жернакова. Но так как Жернаков не в состоянии доставить муку по первому рейсу, то покупателям *plens volens* пришлось покупать муку с марками мукомолов-синдикатчиков, притом по высшей расценке.

П. Прохоров

Городская дума (1909. № 135)

Заседание 25 июня, по обыкновению, было назначено в 7 часов вечера и открылось, опять-таки по обыкновению... без 15 мин. в 9 ч. «Молодая, а ленивая».

Так сами же некоторые гласные подшучивали над думой.

Оно, конечно, как говорится, «все бы это было так смешно, если бы не было так грустно». Как известно, нашей молодой думой установлен порядок – очередному заседанию предшествует частное совещание. В ожидании кворума более деятельные гласные, чтобы не терять даром золотого времени, предпринимая очередные неотложные вопросы городской жизни. И 25 июня официально думскому заседанию предшествовало частное совещание. Совещание тянулось больше часа, а вопрос о перевозе старей. Вопрос в жизни города серьезно больной: в городе и из города очереди на паром приходится ждать чуть не по суткам, о чем не раз нам приходилось говорить на страницах и «Оби», и «Народной Летописи».

Городской голова В. Жернаков. Г.г., так или иначе, а необходимо упорядочить переправу через Обь в нынешнюю же навигацию. Можно иметь два плашкота к 1-му августа. Г. Плотников, к которому обращалась управа, готов их сделать к этому сроку за 14 тысяч руб., причем на каждый из таких плашкотов станет до 60 подвод. Другой же предприниматель согласен доставить городу таких же два плашкота по площади за 6 тысяч руб. Затраты в 14 или в 6 тысяч руб. до известной степени будут предрешать дальнейшую эксплуатацию городского перевоза. Есть предложение и от г. Козлова – арендатора парома – усилить перевозные средства 2 конными паромами и одной баржей, если город даст ему субсидию в 1100 руб.: 500 р. безвозвратно, а 600 р. с уплатой. Так вот, господа, этот вопрос в нынешнем заседании надо решить окончательно. Желаящим предлагаю высказаться по данному вопросу.

Глас. Луканин. Взять две посудины по 60 подвод.

Глас. Сафонов. Упорядочить это дело необходимо. Недавно как-то я приехал на паром в 7 час. утра. Мне пришлось 180-я очередь, и лошади переправились на другой берег только в четверть четвертого.

Член управы Е. М. Захаров. Я наблюдал работу по перевозу через Обь в пятницу, в субботу, когда на берегах больше всего скапливается народа. В пути паром от берега до берега 8–7–10 минут. На рейс

парому достаточно 25 мин., если он не стоит попусту у берега. По моему мнению, достаточно прибавить две баржи, и перевоз будет удовлетворительный.

Долго говорят другие гласные все о том же. Делают подсчеты-выкладки. Говорят, что Козлов может переправлять через Обь в течение 18 часов работы за сутки 800 подвод максимум, он говорит:

– Бывают случаи, что я переправляю больше 2 тысяч. Я переправляю в некоторые дни 240–300 подвод и больше одной монопольки».

В конце концов путем закрытой баллотировки – подачею шаров, 18 голосами против 5, было решено выдать г. Козлову 1100 руб. субсидии (500 руб. безвозвратно и 600 руб. с уплатою по окончании текущей навигации) с тем, чтобы к 15 июля он поставил еще 2 конных парома и баржу. Попутно с вопросом об усилении правоспособности перевоза через Обь выяснилось, что «монополька» исключена из класса привилегированных особ, которых перевозят через реку вне очереди. Раньше ей, как казенному грузу, на паром все дорогу уступали, а теперь губернская администрация, приказом по полиции, отвергла преимущества для нее внеочередной переправы за Обь.

В 8 ч. 45 м. открылось заседание думы. Секретарь читает доклад управы о нужде организовать комиссию по городскому благоустройству.

Секретарь читает... Гласные в это время за чертой присутствия (у входной двери) городские новости друг-другу передают, покуривают... Председатель отчаянно звонит... Но то – духота здесь винувата, истому вызывающая; но то – просто непривычка работать...

В комиссию по городскому благоустройству избраны г.г. гласные: Лапшин, Мирошников, Максимов, Сафонов, Зверев, Жернаков, Гавр. Маштаков, Луканин, который, меж проч., заявил:

– Все равно – ходить не буду.

Дума единогласно постановила обратиться к съезду представителей страховых обществ с просьбою о пособии деньгами в размере 10000 руб. или инвентарем на усиление городского пожарного обоза. Очень много времени взял вопрос об отводе свободных городских участков специально для магометанской слободки. В сентябре и октябре 1908 года новониколаевские магометане через своего поверенного Файзулинова обратились к городскому управлению с просьбою об отводе им 7 свободных кварталов для 84 усадеб по 250 квадр. сажень каждая. Магометане хотят создать свою слободу против кварталов: 102-го, 105-го, 106-го, 113-го, 114-го, 121-го, 122-го. Указанные места магометане хотят заарендовать на 18 лет

с ежегодною платою – 12 руб. за угловые усадьбы и по 8 руб. за средние, но с тем неременным условием, чтобы русских горожан с торгами не допускать; чтобы усадьбы им раздать по жребию, чтобы места под мечеть и под школу город уступил бесплатно. Бывший состав городских уполномоченных согласия на удовлетворение этой просьбы не дал, о чем имеется журнальное постановление. Нынешняя управа, кроме члена Г.М. Кузнецова, считая желание мусульман обособиться в отдельную колонию вполне естественным и законным, считает нужным просьбу удовлетворить.

Г.М. Кузнецов. Протестую. Просимые участки можно уступить под усадьбы, но с торгов на общем основании, т.е. дать право торговаться всем желающим – и татарам, и русским, и полякам...

Голос. Позвольте, а ведь тут, где магометане думают создать свою слободку, и находится ипподром?

Городской голова. Да.

Голос. Его придется убрать?

Городской голова. Конечно.

Литвинов. Из прочитанного доклада не вижу основания концентрировать мусульман, а потому полагаю сдавать им усадебные места на равных условиях для всех – путем свободных торгов.

Максимов. Присоединяюсь к этому мнению.

Востоков предлагает заселять городские земли без интервалов, какие получатся при создании татарской слободы на указанных кварталах.

Член управы *Е. М. Захаров.* Татары живут мирно – дружно. Не знают воровства, и в свою колонию не потребуют добавочной полиции, а если русских пустить среди них, то туда нужно будет полсотню конных стражников.

Гласный *Лапшин.* Сдавать городские участки по порядку, а без скачков.

Гласный *Максимов.* Что мы достигнем, отказав в этой просьбе беднейшей части горожан? Она стремится иметь свой угол, чтобы работать, трудиться.

Член управы *Е.М. Захаров.* Татары стремятся на указанные кварталы не потому, что место там хорошее. Нет, а потому, что они сплочены. Трое-четверо русских между ними создадут неприятности. Указанное место для обособленной слободы татарам надо отнести.

Гласный *Востоков.* Можно отвести, уж если так, но не в этих кварталах, а где-либо за Каменкой. (Окончание завтра.)

М.Ф.

***К вопросу о промышленности в городе Новониколаевске
(1909. № 142)***

Наш город за последние 4 года в промышленном отношении совсем перестал развиваться. Новых предприятий не создается, несмотря на все те преимущества и выгоды, которыми располагает город Новониколаевск благодаря своему центральному расположению.

Если взглянуть с птичьего полета на город, то можно видеть, что кое-где за последнее время создались новые промышленные предприятия, солодовенный завод, новая мельница Пастухова, но все это расположилось, несмотря на некоторые неудобства для предпринимателей, за пределами городских владений. А сколько крупных новых промышленных предприятий пытались основать в Новониколаевске, но, встретивши рогатки, проехали мимо: например, с холодильником англичане, получив отпор у нас, поселились в Барнауле; мешочная фабрика, из-за того только, что костюм и вид хозяина показался на взгляд не заслуживающим доверия у нас, строится теперь в городе Бийске. В самое последнее время Военное ведомство было поставлено в тяжелое условие городом (что можно видеть из переписки Управы с Военным ведомством от 31 января) <здесь в газете пропущена строка> ...заарендовало 20 десятин земли для кирпичного завода у крестьян деревни Илюшки. Говорят, что теперь новому Городскому общественному управлению удалось вернуть кирпичный завод на городскую территорию.

Если взглянуть на промышленные предприятия, крупчатные мельницы, создавшиеся еще во время отсутствия городского самоуправления, т.е. еще при аренде из Кабинета, то можно видеть, что предприятия эти не расширяются и не развиваются, а остановились на точке замерзания. И несомненно, что тормозом к расширению этих предприятий служат арендные условия пользования землей. Стихийные бедствия, как неурожай, пожар, могут явиться причиной для поголовного бегства мукомолен из Новониколаевска, так как сами условия аренды для них не выгодны. Новых же мукомолен заманить на тех же условиях к нам в город не удастся. Мукомолы поедут в Барнаул, Бийск, где городские думы промышленность поощ-

ряют, предпринимателей сами разыскивают и приглашают, продавая земли в собственность, а не в аренду.

Какие принципы и чьи интересы соблюдает наш город? Отчужденное отношение к промышленности есть лучший залог для застоя и упадка города, а то продай землю – и город останется без земли, а какие-то промышленники будут зарабатывать большие деньги.

Вот действительно высшая политика, недоступная для понимания обыкновенному нормальному человеку!

Мы слышали, что новая дума не намерена придерживаться подобной тактики, сидеть на земле, ценить ее на вес золота, собирать гроши за аренду с наивных людей, которых, кстати сказать, теперь стало мало, и уверять себя, что они этим обогатят город. И такое отношение к промышленности возможно только приветствовать.

Если город хлопочет о железной дороге, готов даже на большие денежные затраты, то он должен иметь в виду, что создание промышленности в городе много раз важнее железной дороги. Будет промышленность – будет железная дорога. Будет железная дорога – промышленности в Новониколаевске на арендных началах не будет. Промышленность нужно создавать теперь же; вступать в конкуренцию с другими городами, продавая землю для первых инициаторов промышленников на самых льготных условиях.

На обязанности думы лежит развеять в промышленном мире слух, что город земли не продает, а это доказать на примере. С проведением же Алтайской железной дороги, не говоря уже о выходах на Болотную или Омск, но даже при выходе ее на Новониколаевск, начавшая развиваться промышленность и поддерживаемая самими городами в Барнауле и Бийске будет создавать себе там центры, минуя более удобный центр Новониколаевск.

Говорят, есть постановление уполномоченных старого состава о продаже земель для промышленных целей, но об этом до сего времени почему-то никому неизвестно, кроме составителей постановления. Полезно было бы путем широкой рекламы в сибирских и столичных газетах поставить в известность промышленный мир о продаже городских земель для промышленных целей, и этим самым будет парализовать распространившийся слух о взглядах города на промышленность и вообще на принципы городского хозяйства.

Сибирь (1909. № 149)

Обратные переселенцы. 4 июля с товаропассажирским поездом №11 через Читу проследовала еще партия переселенцев, не нашедших на новых местах ничего хорошего и возвращающихся в свою Полтавскую губернию к разрушенным хозяйствам. Ездили они за Имал, где на доставшихся на их долю участках – лишь тайга да сопки.

– Нехай тому достаются эти участки, кто их отводил, а нам на них жить неспособно, – с грустью говорят они.

– Переселение разорило нас хуже, чем разоряет война, – поясняет рослый хохол-полтавец, принимавший участие в последней войне.

Только один из возвращающихся доволен. Он сын зажиточного отца. Старик-отец, наслушавшись рассказов о Сибири как стране, где хорошей земли непочатые углы, вздумал бросить свое хозяйство и ехать в Сибирь. Но сын отговорил его и вызвался съездить один, посмотреть, что «там» хорошего. Отец согласился, и теперь сын едет обратно.

– Всего 80 руб. истратил, – говорит он весело, – а то бы большого хозяйства лишились. Больше уж сюда меня калачом не заманишь...

Но он – один. Остальные – унылые, грустные, с печальными лицами – едут и не знают, что ждет их на родине, а горячего рабочего времени они потеряли немало.

«З.Н.»

Исчезновение из Читы Московско-Амурского торгово-промышленного и строительного товарищества. Названное товарищество в феврале сего года открыло в Чите свою контору по Большой улице в доме Гофмана. Обставив ее с подобающим приличием для конторы и квартир директоров т-ва, г.г. Петровский и генерал-майор в отставке Подгурский, но не удовлетворив своих аппетитов на подрядах Амурской дороги и других крупных каменных подрядах в Чите, потому что все подряды уже взяты, и пробыв в Чите короткое время, эти г.г. под предлогом поездки в Правление товарищества, уехали в Москву, оставив здесь конторщика, лакея, кухарку и долги по счетам магазинов, и больше не возвращались в Читу.

«Д.В.»

Из Усть-Уды, Иркутск. губ., «Речи» пишут: 21 июня, в волостном правлении был созван сход, на котором писарь, в присутствии крестьянского начальника, мирового судьи и пристава, прочел мужичкам старый циркуляр о вознаграждении пострадавших и их семей при усмирении политических бунтов. Читал с соответствующими комментариями, после которых в головах крестьян остался невообразимый сумбур.

Некоторые крестьяне поняли циркуляр в том смысле, что если политические будут бунтовать, то они должны помогать полиции в усмирении, за что получают 500 руб. награды.

Другие поняли еще проще.

– Вышел, – говорят, – приказ бить всех политических, и за это ничего не будет, кроме награды.

Вообще циркуляр был понят в смысле сильнейшей безнаказанности за все, что они сделают над политическими.

Для чего потребовалось прочесть этот старый циркуляр на сельском сходе, когда за все годовое существование колонии не было ни одного случая столкновения политических ссыльных с администрацией?

Изобретатель золотопромывной машины. Проживающий в Благовещенске техник Черепухин изобрел золотопромывную машину. Устройство ее очень просто. С виду она напоминает «веялку». Кузов (ящик) высотой 2,5 арш. и шириной 1 арш. К машине приделан провод (от землечерпалки), которым подается порода в машину.

Модель эта, по словам Черепухина, говорит «Тор. Пр. Лис.», может обработать в день около 200 пуд. породы (считая рабочий день 8 часов), расходуя при этом очень мало воды. Благодаря последнему приисковые работы новым изобретением можно вести круглый год.

В субботу, 30 мая, в Благовещенске испытывалась работоспособность этой машины. На испытании присутствовали горные инженеры, местные золотопромышленники, управляющий Сибирским торг. банком и представители местной золотосплавочной лаборатории. Порода для испытания была доставлена т-м «Рудник». После промывки части обогащенной породы результат ее, а также и отвал взвезы для исследования в лабораторию.

Машина Черепухина работает исключительно механическим способом.

«Х.В.»

Переселение в Приамурский край. По данным переселенческого управления, за время с 1 января по 15 июня через Челябинск проследовало в Амурскую область 16,902 переселенца обоего пола и 6,333; в Приморскую 16,100 душ перес. обоего пола и 4,465 ходоков: обратно за то же время проследовало из Амурской области 100 душ переселенцев обоего пола и 252 ходока и из Приморской 1,551 переселенцев и 719 ходоков.

«С.С.»

Новониколаевск, 17 июля 1909 г. (1909. № 151)

Не успела еще загладиться в памяти ужасная катастрофа на Рыковских копях, как явилась новая трагедия на копях в Макеевке, где жертвой предпринимательской небрежности и равнодушия сделались 17 человек рабочих, погибших от взрыва газа в шахтах «Итальянка».

Эти два несчастных случая как нельзя более ярко подтверждают то установившееся мнение, что ни одна отрасль промышленности не дает столь ужасных массовых несчастных случаев, как горная, и что ни одна из отраслей промышленности не находится в таком хаотичном и небрежном состоянии, как та же горная промышленность.

Несмотря на целый ряд законов, предусматривающих возможность катастроф и требующих строгого надзора и технических приспособлений, наша горная промышленность, как показывает действительность, функционирует при самых примитивных условиях, не считаясь ни с предписаниями законов, ни с требованием техники. Гнилые подпоры, крайне ненадежные и неудобные спуски, несоразмерность работ, плохая вентиляция – все это составляет самое обычное явление в эксплуатации недровых богатств.

Насколько плохо обставлены в России условия труда в угольной промышленности, лучше всего показывают цифры. Так, например, по сообщению «Торгово-промышленной газеты» – нашего финансового официоза, добыча минерального топлива в России дает 38 несчастных случаев в год на 1000 рабочих и по числу смертельных случаев русское каменноугольное дело занимает первое место. По сообщению той же газеты, в Бельгии на 1000 рабочих, занятых в угольных копях, приходится в среднем в год убитых 1,16; в Англии – 1,33, в Пруссии – 2,24, а у нас – 2,38. Принимая эти данные,

в России только в одном Донецком бассейне, где насчитывается до 1000 человек рабочих, должно пострадать в год не менее 238 человек рабочих, занятых в угольных копах. Такой огромный коэффициент ужасных случаев должен бы послужить уроком на будущее время и необходимым условием реорганизации рудничных работ.

Городская хроника (1909. № 154)

О чем же думает городская управа? 16 июля железнодорожная больница препроводила в городскую местную больницу заболевшего в дороге (от ст. Болотной) пассажира – сидельца казенной винной лавки. Сев в поезд на ст. Болотной, сиделец почувствовал себя нехорошо, и вскоре у него появились рвота, понос и затем судороги. С этими явными признаками холеры его везли через весь город, до тифозного отделения, где через несколько часов больной умер. Таким образом, у нас в Новониколаевске, вероятно, холера, а городская управа не спешит с открытием холерного отделения, и холерных больных приходится класть рядом с тифозными. Почему же управа не открывает холерный барак? Ведь он свободен.

С другой стороны, почему железнодорожная больница не принимает подобных больных с ж.д. в свой холерный, хорошо оборудованный барак, а считает долгом распространять холеру по городу, отправляя их в городской барак. Описанный случай уже не первый; было еще двое таких больных, но их удалось спасти. Следовало бы испражнения и рвоту умершего сидельца отослать для бактериологического исследования, чтобы с уверенностью знать, что это холерный больной или же с каким другим серьезным заболеванием.

К введению суда присяжных заседателей. Городскую управу получено от канцелярии г. Томского губернатора следующее циркулярное разъяснение: «В видах однообразного порядка препровождения общих списков присяжных заседателей, представителей местных комиссий по составлению очередных списков тех же заседателей, считаю необходимым разъяснить, что непосредственное препровождение этих списков мировым судьям вредит необходимости тех должностных лиц, которые составляют общие списки».

Устройство силомера. Городская управа дала разрешение Овчаренко и [нрзб] на устройство ими силомера на углу Александровской и Стевенской улиц.

Запрос. От председателя временной ремонтной комиссии сибирского района военного вед. получен запрос в городскую управу, сколько верст считается по грунтовой дороге от ст. Новониколаевск до паровой пристани.

Отпуск. В понедельник 20 июля выехал в 4-месячный отпуск городской врач М.А. Иволин с целью прослушивания курсов в Петербурге по акушерству, глазным болезням и еще какой-либо специальности. Отпуск дан с оставлением содержания. Замещающим Иволина приглашен доктор А.А. Станкеев.

Новый способ кражи. Новониколаевские воры прогрессируют и изощряются в новых способах кражи; теперь ими придуман такой способ. На хорошей лошади с быстрым бегом, в собственном экипаже, обыкновенно едут два здоровых молодца, одетые в черное. Наметив жертву, они едут издали за нею и, как только наступит момент, когда поблизости никого нет, быстро нагоняют ее, осаживают лошадь, срывают все, что возможно, и так же быстро исчезают. Таких случаев применения нового способа зарегистрировано местным полицейским управлением уже три.

Постройка крытой платформы. Управление Сибирской ж.д. объявляет, что 1 августа 1909 г., на ст. Новониколаевск, в конторе 6 уч. пути, с 10 ч. утра местного времени имеет состояться заседание комиссии по сдаче работ по постройке крытой товарной платформы у самокатки плавучей пристани «Правая Обь». Всего работ предполагается на сумму до 8500 р. К участию в конкурсе будут допущены лица, представившие квитанции о внесении в кассу ст. Новониколаевск залога в сумме 425 руб.

Сторож, поставленный для охраны железнодорожной пристани от пассажиров и обывателей, почему-то, оказывая снисхождение к одним, непреклонен по отношению к другим. Так, например, 19 июля, когда на ж.-дор. пристани стоял пароход «Дедушка», сторожем не были пропущены девочка лет 10 и несколько человек пассажиров из «простых» и в то же время беспрепятственно пропускали публику на пароход и обратно более прилично одетую. Мы не знаем, какими полномочиями снабжен сторож, но во всяком случае в действиях последнего нельзя не усмотреть некоторого произвола.

Неразрешение открытия пивной лавки. Городская управа не разрешила открыть пивную лавку Лапшину на углу Ядринцевской и Логовой улиц.

Корреспонденции (1909. № 159)

г. Бийск

Положение бийского обывателя, принужденного обращаться за юридическим советом или помощью, довольно плачевное. Немного в Бийске юристов – присяжных и частных поверенных, но и из этих немногих большинство довольно-таки своеобразно относится к интересам обращающихся к ним за помощью обывателей. Обилие ли практики и отсутствие конкуренции, глушь ли бийская, внушающая глухим углам «спокойствие духа», создающая взгляд: «сойдет!», «как-нибудь!» – взгляд, при котором дело можно делать «спустя рукава», не боясь общественного мнения, корпоративного и судебного контроля. Факт тот, что бийским обывателям иногда чрезвычайно трудно добиться успешного хода своего дела – оно или будет тянуться несуразно долго, а то и стоять на «мертвой точке», или, довольно быстро подвинувшись, неожиданно принесет плоды не туда, куда следует.

Как пример, рассказывают о мытарствах одного господина, давшего по векселю еще в 1903 году 500 рублей некоему г. Д. Неожиданная смерть г. Д., человека состоятельного, побудила займодавца обратиться к помощи юриста С. для обеспечения векселя имуществом умершего. С. получил деньги, но, не передав их по назначению, вскоре умер. Оставшееся после него движимое и недвижимое имущество обеспечивало займодавца, который обратился к юридической помощи г. М. в Томск. М. принял ведение дела, получил небольшой аванс и ... успокоился. Прошло несколько лет, много бумаги и почтовых марок было издержано, но все напрасно: ни ответа, ни привета. Оригинально и то, что лицо, по своему служебному положению знавшее о получении С-м денег по векселю, не сообщало об этом займодавцу, несмотря на его неоднократные справки еще при жизни С.

Теперь истец обратился опять к другому юристу – авось, хоть этот закончит дело.

Н. П - ий.

Корреспонденции. С. Спирино (1909. № 163)

Многие крестьяне дер. Масли, Бурлинской вол., занимаются перевозкой соли, добываемой на так назыв. Бурлинских солевых озерах. Недавно крестьянами была привезена соль с этих озер, и при разгрузке ее в амбары обнаружилось, что во всех почти возах (около 22–25 пуд. каждый) недостает соли на 1 п. 10–15 ф.

Из расспросов крестьян-возчиков автору этих строк удалось узнать следующее. Весы, на которых вешают соль при нагрузке на озерах, крайне древнего происхождения. «Еще когда наши отцы ходили за солью, так на тех же весах весили», – говорят возчики. Вполне возможно, что подобные весы неправильно учитывают вес грузов. Далее, гири, употребляемые при взвешивании, не менее древние, теперь не могут выполнять своего назначения. Действительно, у многих гирь отломаны ручки, выбиты бока и т.д.: мало того, зачастую вместо гирь при взвешивании пользуются камнем или глыбой соли, все это в большой степени исключает правильность веса.

– И ничего не поделаешь, – говорят крестьяне, – кого просить, когда там и жилья-то русского нет, а все одни киргизы. А если не хочешь весить на этих весах, то поезжай без соли. А ведь чем-нибудь надо же зарабатывать кусок хлеба...

Г-в

Корреспонденции. Из Алтайского округа (1909. № 165)

За последние 5–7 лет конокрадство в Алтайском округе приняло эпидемический характер и по числу потерянных лошадей достигло небывалых размеров. Нужно пожалеть, что пропажа лошадей не регистрируется. Наглость конокрадов при незначительном наказании достигла до того, что они смело угоняют с подножного корма лошадей табунами в несколько десятков голов. Кража лошадей за год в отдельных селениях достигает баснословных размеров: так, например, весной текущего года у крестьян села Камилинского, Барнаульского уезда, было похищено более 300 лошадей; не менее этого потеряно в то же время в селе Усть-Каменный Исток, Бийского уезда. Если в среднем взять ка-

ждую в 35 рублей, то на общество падает сумма более 10500 рублей, или более 20 рублей на годного работника в год.

Это дело у конокрадов так хорошо организовано, что редко приходится находить лошадей, и то случайно и незначительную часть. Известно, что конокрадство – одно из самых страшных народных бедствий, невероятно подтачивающее экономическое состояние населения, и до сих пор против этого ненормального явления нет радикальных средств.

Нужно ли теперь удивляться тому, что среди беспомощного деревенского населения широко применяется жестокий суд Линча.

В половине апреля в селе Вяткино (Барнаульской волости и уезда) и соседнем селе Беловском было убито несколько человек конокрадов: из них 3 трупа, ужасно обезображенных, отрыто. Один труп неизвестного, а два – крестьян Косачевых. Эта компания гнала косяк лошадей из села Курьинского, Змеиногорского уезда. В июне в селе Краснощековском, Змеиногорского уезда, застрелили трех киргиз, пойманных с краденными лошадьми. В селе Паутовском, Бийского уезда, поймали с поличным четырех конокрадов и, по решению крестьянского суда, перебили им курком руки и ноги. Одним словом, теперь крестьянское население пойманных конокрадов не представляет начальству, а по постановлению «мира» в большинстве случаев мучительно казнит.

П. П - ий.

Сибирь (от наших корреспондентов). г. Барнаул (1909. № 166)

Томским окружным судом разосланы копии обвинительного акта по т. называемому делу о «митингах и демонстрациях в Барнауле» во дни свобод 1905 г.

Это дело прокурорским надзором уже было два раза направляемо к прекращению, но по настоянию жандармских властей снова возникало.

Согласно обвинительному акту, по этому делу привлекаются следующие лица: бывший учитель городского Барнаула училища Иван Симанин, Франц Вильковский, Мария Слободская, Екатерина

Рязанова, Михаил Зимачев, Яков Шмаков, студ. Мих. Воскресенский, студ. Ник. Михайлов, Леонид Раювец, Николай Ершов.

Перечисленные лица обвиняются: в организации уличных демонстраций, произнесении речей, призывающих к ниспровержению существующего строя, в сборе денег на милицию, в призыве к беспорядкам солдат и казаков и т.д.

Привлеченные к следствию в качестве обвиняемых – Симанин в организации и руководстве митингами и демонстрациями и в произнесении оных речей, содержащих в себе дерзостное неуважение к Верховной власти в порицание установленного законами образа правления, – а остальные лица – в участии в публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить неуважение Верховной власти и существующему образу правления, и пр.–виновными себя не признали, не отрицая, однако, своего участия в вышеописанных митингах и демонстрациях.

Все эти преступления квалифицируются по 1 ч. 103 ст., 1 и 2 ч. 121 ст. и 128 ст. Угол. Улож., ввиду этого и на основании закона 6 октября 1906 г. все перечисленные лица подлежат суду томского окружного суда и в усиленном составе. Из упомянутых обвиняемых Вильковский в настоящее время содержится в барнаульской тюрьме, Ершов – в ссылке в Якутской области, Зимачев – в Турханском крае, Симанин – в Семипалатинске, а остальные лица на свободе.

Бывший учитель Барнаульского городского училища И.Л. Симанин постановлением томского губернатора от 16 июля высылается из пределов Томской губ. в г. Семипалатинск. Симанин полгода тому назад был возвращен из Восточной Сибири, где отбывал срок административного наказания.

Н.-Николаевск, 9 августа (1909. № 169)

Население Новониколаевска с каждым годом увеличивается как своим собственным ростом, так и постоянным притоком нового элемента из разных концов обширной России. Увеличение населения должно бы вызвать и соответствующее увеличение школ как необходимейшего института нашей умственной и общественной жизни, тем не менее в этом отношении отмечается отсталость.

У нас имеется гимназия, есть реальное училище, городское училище, предполагается открытие еще одной средней школы, и мы, от души приветствуя эти учебные заведения как залог интеллектуального развития молодого поколения, все же считаем уместным отметить тот печальный факт, что начальных школ в городе не достаточно и что известный процент детей ежегодно остается за бортом школ за неимением мест.

Таким образом, пробел в постановке народного образования в Новониколаевске чувствуется как раз в тех школах, которые бы удовлетворяли духовные нужды наиболее широких и беднейших слоев городского населения. Прямая обязанность городского самоуправления – направить свои заботы на расширение и увеличение количества школ.

Но не менее важная нравственная обязанность и для местной интеллигенции – помочь делу народного просвещения путем частного почина. И этот почин прежде всего мог бы найти свое применение в учреждении и открытии воскресных школ.

Воскресная школа, этот народный университет в миниатюре, имеет то преимущество перед другими элементарными школами, что она, одинаково открывая двери для людей всякого возраста, является доступной всем, кто обычно занят во все остальные дни недели. Чернорабочие, мастеровые, прислуга и дети, не попавшие в начальную школу, и масса всякого другого люда, обивающего от скуки пороги пивных и предающегося диким развлечениям улицы, при существовании воскресной школы могли бы найти в ней разумное и полезное пристанище.

В таких культурных центрах, как Петербург, Москва, Киев, Одесса, где существует масса различных учреждений, обществ внешкольного образования, народных театров, воскресные школы пользуются широким распространением, через которые проходят тысячи людей самых разнообразных профессий. Для Новониколаевска же, где нет ни популярных лекций, никаких просветительных обществ, где нет даже разумных развлечений, кроме не всегда удачных спектаклей драматического общества, воскресные школы явились бы тем центром, который служил бы и задачам внешкольного образования, и задачам нравственного воздействия на население.

Конечно, воскресные школы, основанные только на одних принципах безжизненной схоластики, не встретят сочувствия со стороны более сознательной части населения, но школы, преследующие не

одну только цель обучения грамоте, но и любовь к живому слову, любовь к книге, к науке, путем устройства бесед, дискуссий, чтений, литературных вечеров, такие школы, без сомнения, найдут должную оценку и окажут огромное влияние в деле просвещения.

Для организации воскресных школ обыкновенно не требуется значительных денежных расходов – нужна главным образом инициатива и личное участие интеллигентных сил, которые и должны откликнуться на голос жаждущего света и, объединившись, провести борозду на ниве народного образования.

Н.-Николаевск, 8 сентября (1909. № 192)

Мы уже из газет знаем, что думское руководящее большинство к предстоящей осенней сессии выработало общую схему работ. Было бы утопично, конечно, возлагать на октябристов особые надежды на скорейшее проведение в жизнь конституционных начал, но последний взятый ими в весеннюю сессию курс как бы самостоятельного без дирижерской палочки выступления (вероисповедный законопроект) дал некоторым оптимистам основание предположить, что курс этот примет и в дальнейшем постепенное развитие.

Но предположение – одно, а программа – другое. Она ясно говорит, что руководящий думский центр далек от конституционного реализма и не имеет за собою прочной самостоятельности не только в области политики, но и в отношении партийности. Если Гучков и позволяет себе говорить о конституционных иллюзиях, то Гололобов разбивает таковые. И если Гучков как будто отмежевывается от правых и тянет влево, то Гололобов – а за ним большинство октябристов – вплотную подошел к умеренно-правым.

И намеченная программа думских работ – сколок пожеланий умеренно-правых. Она не содержит в себе ни одного гражданско-конституционного вопроса, если не считать вопроса о местном суде, а загромождена вермишелью; правда, в программу еще внесены законопроект о крестьянском землеустройстве, но и только. Остальные большие вопросы современности так и остаются вопросами, будут ждать, быть может, не одну еще думскую сессию, а некоторые из них, вероятно, останутся в наследство четвертому созыву Думы.

Связанные с актом 17 октября вопросы о свободе слова, печати, собраний остаются как бы забыты, о них октябристы не упоминают – точно страна их уже получила или в них нет такой нужды, как нужда в рыболовном законопроекте, которым будет открыта осенняя сессия. А ведь развитие нормальной конституционной жизни много зависит от наличности этих свобод.

Остается также почти нетронутой и область рабочего законодательства... Да мало ли больных для государства вопросов!.. Но руководящий центр нашей Думы находит, очевидно, более предпочтительным перебирать вермишель, чем заниматься гражданско-конституционными вопросами.

Такова сущность октябризма.

Инцидент в театре «Луна» (1909. № 193)

Союзом драматических артистов и московских художников 8 сентября в помещении театра «Луна» ставилась пьеса Герцля «В Новом гетто». Билеты были распроданы, и ожидался полный сбор, но почему-то внезапно пьеса отменяется и ставится уже надоевшая здесь «Московская бывальщина». При поднятии занавеса возмущенная публика стала выходить, требуя обратно деньги.

Распорядители труппы категорически отказались выдавать деньги, оправдываясь тем, что спектакль отменен по болезни исполнителя главной роли, причем позволили себе по отношению публики следующие выражения: «Вы скоты, которым не стоит ставить хороших вещей». Инцидент был прекращен полицией, настоявшей выдать обратно деньги. После этого число проданных билетов оказалось на сумму 6 рублей.

Об открытии новых школ (1909. № 194)

Для удовлетворения школьной нужды в г. Новониколаевске министерство дает ссуду в 6000 р. для открытия новых 12 школ сельского типа. Считая, что в первое отделение может поступить по

30 чел., теперь в новые школы может быть принято 360 чел. Так как с обучающихся в этих училищах мы не можем взимать платы, то получается такое положение: с учащихся, принятых в существующие школы, преимущественно бедных, мы будем взимать плату, а с поступающих во вновь открываемые, детей более состоятельных, не имеем права взимать деньги за обучение. Получается нежелательное положение, которому управа ставит на разрешение вопрос, нужно ли вообще вводить плату. В предыдущее заседание дума эту плату ввела, быть может, теперь при выяснении условий она найдет нужным не вводить. Далее, управа ставит на разрешение вопрос об ассигновании на новые училища 2 тыс. руб. Эти вопросы баллотировкой решаются так: за введение платы 9, против – 15, за ассигнование 2 т. рублей – 21, против 9. Баллотироваются еще оклад жалованья учителям в новых училищах в размере 500 р. и 360 р.: большинством 21 против 3 принимается первая цифра.

По вопросу об организации Об-ва попечения о начальн. образовании решено сдать этот вопрос для детальной разработки в управу.

По вопросу об отводе квартир офицерам местных воинских частей постановлено отклонить и ходатайствовать об освобождении города от этой повинности.

По вопросу о взимании платы за занятие городской земли под лагеря постановило: произвести в законном порядке оценку земли, занимаемой лагерями.

С. Кочнево. Самоубийство учителя (1909. № 194)

На днях здесь застрелился учитель местной ц.-пр. школы, оставил записку следующего содержания: «О, смерть, ты давно меня звала к себе, так возьми!..» Застрелился он, как говорят, из простого длинного ружья, уперев дуло его себе в грудь и спустив курок черенком длинной суповой ложки. Предполагают, что причиной самоубийства была растрата денег 60 р., полученных им для передачи отсутствовавшей учительнице по школе.

Письмо в редакцию (1909. № 195)

Милостивый государь, Господин редактор!

В № 193 вашей газеты читаю заметку «Инцидент в театре Луна» и поражаюсь искажением фактов. Во-первых, отмена спектакля по болезни исполнителя главной роли не есть отговорка, а действительная причина отмены. Артист Б. П. Вартминский, который должен был играть заглавную роль в пьесе, простудился в благоустроенных николаевских театрах и кашлял при малейшем напряжении горла. Скажите, пожалуйста, как при таком страшном кашле играть Якова Самуэля, этого сильного, могучего человека: естественно, что пьесу нужно было заменить другой. Анонсов или летучек выпустить было нельзя по причине праздников и единственное, что у нас осталось, – это анонс со сцены, каковой и был сделан артистом К.М. Мирославским. Пойдем дальше: автор заметки пишет, что билеты были распроданы и ожидался полный сбор, и это неправда! В кассе всего было только 45 рублей, а не полный сбор, как изволил трактовать автор заметки. Музыка была отослана по причине отсутствия сбора. О выдаче денег скажу, действительно, была заминка около кассы; вышла она потому, что я должен был сообщить товарищам о том, что публика уходит и я приступаю к выдаче денег. Относительно же того, что я будто бы сказал: «Вы скоты, которым не следует ставить хороших вещей», так это ложь, возмутительная клевета. Не могло быть сказано это уже потому, что до этого шли хорошие пьесы: «Поцелуй Иуды», «Блуждающие огни», «Слушай, Израиль», так что автор упомянутой заметки не имеет никаких оснований писать подобный вздор.

Председатель союза Горев

От автора заметки. Все точные сведения, а не «вздор» в заметке «Инцидент в театре Луна» получены в полицейском управлении.

Новониколаевск, 13 сентября (1909. № 196)

Основное различие русского и западноевропейских бюджетов состоит в том, что первый питается главным образом косвенными налогами, вторые в общеподоходном прямом обложении имеют одну из основных статей своих доходов. В то время как косвенные на-

логи поражают известные меновые, торговые отношения, прямые налоги облагают собою то, что служит источником дохода. По самой сущности этих двух видов обложения видно, что первые ложатся всей своей тяжестью на беднейшие массовые слои потребителей, вторые распределяются по преимуществу среди наиболее обеспеченных классов страны. Не говоря уже о том, что непосредственное прямое обложение по сравнению с косвенным обладает большей уравнительностью и является актом справедливости и равномерности в распределении государственного тягла, оно отличается еще и большею устойчивостью и постоянством, поскольку тот же характер носят вообще владение и профессия.

Бюджеты западноевропейских стран пользуются широко общеподходящим обложением. Крупнейшим примером последнего служит английский *income tax*, введенный в 1789 году Вильямом Питтом и после некоторых неудач окончательно утвердившийся в английском бюджете с 1842 года. Оклады английского *income tax* невелики, колеблются около 3% дохода плательщиков. В памятную войну с бурами в 1901–1902 гг. повышение обложения поднялось лишь на 2%, между тем сумма поступлений этой статьи дохода удвоилась, дав 330 мил. рублей. Такая эластичность налога, при которой столь необременительно для плательщика осуществляется усиление налога, дала возможность Гладстону назвать общеподходящий английский налог «машиной огромнейшей силы для осуществления великих национальных предначертаний». Я признаю, заявил однажды Гикс-Биг, что в трудный момент якорем спасения для канцлера казначейства может явиться налог на наследство, но кораблем, взявшим на себя вовремя страну, служит *income tax*.

Наши министры финансов в години денежных затруднений, все более и более принимающие хронический характер, не раз обращали свои взоры к подходящему налогу как новому, еще не использованному источнику государственного фиска. Но коль удавалось пополнить ресурсы казначейства чрезвычайными средствами, каковыми являются традиционные займы, с их прогрессивно-увеличивающимися %, мысль о введении подоходного налога оставлялась до следующих затруднений.

Так, голодный 1902 год, повлекший за собой большие осложнения в наших финансах, вызывал министерские предположения о подоходном налоге. Русско-японская война с ее миллионными затратами вновь выдвинула положенный под сукно проект прямого

обложения. Была, как известно, образована особая комиссия, которая и разработала проект. В то же время Государственный Совет высказался также в пользу осуществления в стране подоходного налога. Подняв общий вопрос о нашей налоговой системе, совет принял ее крайне неудовлетворительной и высказался о необходимости преобразования ее «на больших рациональных началах». «В составе доходного бюджета, – говорили тогда в совете, – преобладают преимущественно косвенные налоги». «Главной податной силою остаются по-прежнему беднейшие классы населения страны, по преимуществу крестьянство. Налогосостояние же последнего в общей массе находится, как известно, на очень низком уровне».

Далее Государственный Совет высказался еще определеннее. По его мнению, необходимы меры, имеющие целью привлечение состоятельных лиц к налогу, более соразмерному с прибыльностью их занятий и доходностью принадлежащих им имуществ».

Таким образом, Министерство финансов и Государственный Совет имеют принципиальное различие во взглядах на роль и значение подоходного налога.

А между тем все увеличивающаяся пауперизация крестьянства, некие признаки перенагружения налогового бремени, широкая волна безработицы с общим сложным периодом промышленного застоя ярко говорят о необходимости крутого изменения в направлении нашей финансовой программы. В настоящее время возможность для России покрывать дефициты экстренными чрезвычайными поступлениями все более становится проблематичной, потому проведение таких налогов, как подоходный и налог на наследство, становится неотложным органически.

Местная жизнь. Рыбу удят (1909. № 196)

В мелкой воде рыбу удят...

Летом, когда на р. Оби было много воды, а на наших размножившихся пароходах – малолюдь, билет 3 кл. до г. Барнаула, насколько помнится, стоил 2 р. 50 коп.

Затем возникла конкуренция между пароходствами Фуксмана и Мельниковой, благодаря которой стоимость проезда в том же классе до Барнаула дошла до 1 р. 50 коп.

Но вот наступила осень, а с ней и обмеление реки. Пароходы стали садиться на мель, опаздывать прибытием на несколько суток, на пристанях стало скопляться много серого люда, терпеливо ожидающего прибытия пароходов.

Пароходчики сразу учли момент и начали в мелкой воде рыбу удить.

10 сен. прибыл долгожданный пароход Мельниковой «Бр. Мельниковы», буквально набитый пассажирами и их скарбом; громадная толпа народа сидела также на пристани в ожидании посадки на этот пароход.

Стоя у кассы, я с удивлением услышал, что билеты 3 кл. до Барнаула стоят 2 р. 50 к.!

Интересно знать, есть ли у гг. пароходчиков какой-либо критерий для определения стоимости пассажирского билета или этим критерием служит одиннадцатая заповедь «Не зевай!».

Если гг. пароходчики не будут зевать, то они могут довести свою «таксию» до таких «необычайных» размеров, что бедному пассажиру совсем не вмоготу станет ездить на их пароходах, а придется ожидать, пока Татаринов окончит постройкой свой воздушный пароход... Ждать этого придется, конечно, долго, а потому не лишним было бы кому следует оградить интересы пассажиров от усмотрения пароходной администрации устройством такого порядка, чтобы пассажирская такса на пароходах носила постоянный характер. Ведь постоянная такса обязательна даже для извозчиков, почему же она не обязательна для пароходчиков? А сколько крокодиловых слез проливают гг. пароходчики, жалуясь на свою горькую участь: и железная дорога их стесняет, и город их обижает, и никто не хочет войти в их положение, поддержать «частную инициативу», словом, они несчастные «круглые» сироты, которые... прекрасно округляют свои капиталы за счет счастливого пассажира, поставленного в печальную необходимость платить до Камня 5 р. и ютиться в том клоповнике, который носит название 3 класса!

Итак, гг. пароходчики, утрите ваши щучьи слезы, ибо им никто не верит, и не заставляйте плакать бедных карасей, которых вы ловите на мелководе!

Никодим

Из деятельности местных Саврасовых (1909. № 196)

5-го сентября часов в 8 вечера одна из учительниц возвращалась с думского заседания. На углу Межениновской и Михайловской улиц к ней привязался элегантно одетый субъект с довольно неэlegantными намерениями. Учительница обратилась за помощью к ночной страже. Тут нахал переменял фронт: из положения оборонительного он перешел в наступательное, заявивши, что это он жертва женской коварности, что де это она к нему привязалась и что, защищаясь от нее, он тоже намерен был звать городских, для каковой цели у него имеется свисток (?!).

Этого было достаточно, чтобы по адресу учительницы со стороны городских раздалась ругань, вроде того:

«Ты что шляешься по ночам, такая-сякая! В часть ее!»

Когда же потерпевшая, пришедши, наконец, в себя от этой «милой» оценки, заявила, что она учительница, и стала приглашать стражу в училище для выяснения личности и когда грозная стража стала склоняться на ее сторону, субъект, воспользовавшись минутным замешательством, постарался скрыться с чувством, вероятно, оскорбленного достоинства «порядочного человека»...

Не мешало бы выяснить личность этого «порядочного, оскорбленного» нахала и познакомиться с его подлежащим местопребыванием. Сделать это, пожалуй, возможно, если полицейские власти опросят ночную стражу, которая могла заметить этого негодяя, тем более что дело происходило при стечении любопытной публики. Потерпевшая никогда не забудет эту мерзкую личность.

И. О – вь.

***От наших корреспондентов. Г. Колывань
(Обойденный и обездоленный) (1909. № 200)***

С проведением железной дороги через Сибирь народилось много новых селений и местечек. Некоторые из них необыкновенно быстро разрослись и сделались значительными торгово-промышленными центрами. Особенно замечательны в этом отношении местечки, лежащие при скрещении путей сообщения с магистралью железной

дороги – железнодорожных веток или водных путей. Такие местечки теперь так бойко живут, такие крупные обороты делают, что другому старому городу подобное и во сне не снится. Для примера можно привести Новониколаевск, Тайгу и ж. д. поселок Каинск. Все старые селения, прилегающие к линии железной дороги, значительно поднялись в экономическом отношении. Это объясняется тем, что жители таких селений имеют возможность продать продукты своей промышленности по более высокой цене, чем это было раньше, до проведения железной дороги, когда они продавали их в руки целого ряда мелких кулаков-барышников и обыкновенно за бесценок.

С другой стороны, с проведением железной дороги многие старые торговые селения и даже города, обойденные и оставшиеся в стороне от нее, стали падать, а жизнь в них постоянно замирает. К таким обойденным и обездоленным городам принадлежит Колывань. В былое время она была бойким торговым городом. Она делала значительные торговые обороты хлебом, мясом, салом, кожами и другими сырыми произведениями добывающей промышленности. Были в нем солидные торговые фирмы, держащие в своих руках округу верст за полтора. Пульс общественной жизни города бился довольно заметно. Был, насколько помнится, порядочный кружок интеллигенции, создавшей общественное собрание, драматический кружок, дававший частенько спектакли и устраивающий литературные утра. Словом, был город, как городу подобно быть.

Но вот наступили и для Колывани дни тяжелых испытаний. Сначала пронеслись только слухи о проведении через Сибирь железной дороги, а потом инженеры начали осматривать, измерять, ставить вехи, столбы. Жители города были уверены, что более подходящего места и более удобного места в окрестности Колывани нет для проведения железной дороги. Купцы потирали от удовольствия руки, мечтая о том, какие барыши схватят они, как только пройдет дорога. Интеллигентный радовался предстоящему возведению города. Ликованиям не было конца. Вдруг пронесся слух, что найдено более удобное место для проведения дороги, а главное – постройки железнодорожного моста через р. Обь. Сначала этому не придавали значения, но позже, когда увидели, что началась уже постройка дороги, то от удивления и развели руками.

Между тем на берегу Оби возник Новониколаевск. Многие жители Колывани переехали туда и занялись кто торговлей, кто ремес-

лами. Колывань быстро пустела: оставшиеся в нем жители были главным образом земледельцы, которые и до настоящего времени занимаются обработкой земли. Когда по железной дороге началось движение грузов, Московский тракт потерял всякое значение: движение товаров по нему прекратилось. Тракт пролегал через Колывань, благодаря чему жители имели хороший заработок. Железная дорога отняла их заработок.

В данное время Колывань представляет из себя небольшое безжизненное село с упрощенным городским положением. Благополучие его жителей зависит от урожая хлеба, это видно от того, что в 1900 и 1901 годах, не имея возможности прокормиться на это, заколотив дома, выехали на заработки в г. Томск и Новониколаевск. Город был совершенно пуст и производил очень тяжелое впечатление. Только после хороших урожаев в 1902 и 1903 годах он снова немного оправился и выехавшие жители вновь вернулись домой.

Между тем при благоприятных условиях Колывань могла быть хорошим торговым пунктом: к нему прилегают многочисленные селения, богатые хлебом, скотом и т.д. Пройдись железная дорога – и Колывань возвысилась бы и стала бы неузнаваемой. На днях происходило заседание глав. Предметом суждения их был вопрос о проведении через Колывань железной дороги, которая должна пройти на Томск. Решено было командировать старосту в Томск на совещание о проведении дороги. Чем все кончилось, покажет будущее...

Однако не стоит слишком надеяться на успех. Дело вот в чем. Колывань отделена от р. Оби низкими лугами, имеющими в самых узких местах до шести верст ширины. В длину они тянутся до Новониколаевска в одну сторону (30 верст) и до села Красный Яр в другую сторону (40 верст). Если бы железная дорога пошла через Колывань, от нее до р. Оби пришлось бы сажать насыпь длиной до 10 верст и столько же сажень высотой. Постройка такой насыпи с целым рядом мостов через р. Чарусь и озера, с укреплениями, которые защищали бы ее от размыва водой во время весенних затопов, стоила бы десятки миллионов рублей, да постройка моста через Обь обошлась бы колоссальных денег.

Сомнительно, что строители дороги решатся на такую колоссальную затрату для того только, чтобы осчастливить Колывань. Скорее всего они предпочтут построить мост через Обь, обойдя

верст на 40 Колывань, или же постараются совсем избежать постройки моста, направив вторую колею на Новониколаевский железный мост. И в том и в другом случае Колывань нисколько не выиграет.

Свой.

***От наших корреспондентов.
Колывань (Смешанное городское училище) (1909. № 202)***

С быстротою молнии Колывань облетела радостная для населения новость о том, что разрешен прием женского пола в местное городское 4-кл. училище. Таким образом, девочки по окончании начальной школы получили возможность продолжить образование. В настоящее время уже откр. прием прошений, который будет производиться до 28 сентября. Так как содержание в Колывани очень дешево, а за учебу всего 3 руб. в год, то в городское училище имеют возможность поступить девочки из соседних деревень, а также и из города Новониколаевска, где потребность в средних школах оч. велика, городское же училище по своей программе близко подходит к средней школе. Вакантных мест для девочек имеется до 300.

Поступающие должны предоставить свидетельство об окончании начальной школы; возраст их должен быть в 1-й класс до 14 лет, не меньше.

Общество попечения о нач. образовании получило уведомление об откр. женской школы, о которой оно ходатайствовало. На новую школу выдано из сумм министерства 500 руб., остальные средства дает об-во.

***Дер. Антонова (Верх-Алеусс. вол., Барнаул. у.)
(1909. № 211)***

В нашей деревне уже довольно продолжительное время свирепствует эпидемия тифа, унося в могилы немало людей. В деревне насчитывается едва ли больше ста дворов, а тиф унес уже до 30 человек.

Медицинская помощь отсутствует. В д. Спирино есть лечебница, при которой находится врач, но у последнего болят глаза, что очень затрудняет обслуживание им населения врачебной помощью.

Что касается фельдшера, то он тоже не в состоянии удовлетворить всей нужды. В довершение всего при пользовании лечебницей крестьянами подчас возникают недоразумения с канцелярией Чулымского имения, которые, конечно, не приносят делу никакой пользы.

***Сибирь. От наших корреспондентов.
Г. Томск (1909. № 213)***

За последний год Томск обогатился несколькими новыми обществами ученого и культурно-просветительного характера, из которых первое место и по времени, и по значению для Сибирского края должно иметь Томское общество изучения Сибири, устав которого утвержден 20 февраля, т. н. учредительное собрание состоялось, если не ошибаемся, в конце апреля.

Томское общество изучения Сибири – это в перифразе сибирское географическое общество и открыто взамен Среднесибирского географического отдела Русского Географического о-ва. Начавшиеся было хлопоты об открытии отдела по разным, не зависящим от местных деятелей, причинам не были доведены до благополучного их завершения и, таким образом, намеченный пробел был восполнен открытием названного выше общества, поставившего своей целью «собрание, разработку и распространение естественнонаучных, исторических, экономических, юридических, географических и др. сведений о Сибири и прилегающих к ней странах» (§2 Устава).

Томское общество от географического отдела отличается включением в свою программу сведений исторического характера, в отношении же внешнего распорядка оно является совершенно самостоятельным обществом, стоящим особняком как от географического общества, так и от одноименного с ним петербургского общества изучения Сибири. Петербургское общество изучения Си-

бири есть общество с задачами политическими, а томское о-во является ученым обществом, учрежденным в видах всестороннего изучения края.

Членский взнос установлен в 3 рубля в год. Члены общества имеют право: 1) участвовать в собраниях его, 2) пользоваться посредничеством о-ва при выполнении задач и целей, преследуемых о-вом, 3) бесплатно получать труды, периодические издания, протоколы и отчеты о-ва, а отдельные монографии по льготной цене.

Председателем о-ва состоит проф. Обручев, товарищем председателя Гр. Ник. Потанин, секретарем А. В. Адрианов. Кроме названных лиц, в состав входят три члена и казначей.

Другое новое общество в Томске – это Общество народных развлечений, задавшееся целью облагородить способы проведения досужего времени средне-низшего класса населения. Предположено устройство сети народных аудиторий, постановка народных чтений и народных спектаклей.

Затем открылись и приступили к делу два однородных о-ва: литературно-музыкально-драматическое и второе – литературно-артистическое. Последнее открывает свою деятельность чествованием памяти А. В. Кольцова.

Накануне открытия находится новое симпатичное О-во народного образования. Оказавшее незабвенные услуги городу Общество попечения о начальном образовании, к глубокому сожалению, закрыто администрацией, и все хлопоты о восстановлении его до сего времени успехом не увенчались. О-во народного образования призвано возместить утрату, восполнить ту пустоту, которая образовалась с закрытием о-ва попечения.

Весьма своевременным кажется нам возникновение в Томске О-ва избирателей и обывателей г. Томска. В лице этого общества чуть ли не впервые мы видим организацию, члены которой берутся разрешать с общественной точки зрения свои непосредственно обывательские вопросы и нужды. О-во это находится в периоде организации, и для нужд Томска было бы весьма важно, чтобы это о-во как можно скорее сорганизовалось и открыло свои действия, чтобы предстоящие городские выборы прошли сознательно и поставили во главе городского самоуправления таких лиц, за деятельность которых большому университетскому городу не пришлось бы краснеть...

Сибирь. Г. Томск (1909. № 215)

Большинство учащихся в высших учебных заведениях – преимущественно лица малосостоятельные, и если не малосостоятельные, то старающиеся прожить собственным трудом.

Легко себе представить, какая конкуренция возникает в Томске, когда сюда съезжаются осенью несколько тысяч студентов. Целые вагоны томской ветки бываюи набиты студентами весной, когда студенты разъезжаются, и осенью, когда студенты съезжаются.

Студенческая волна в 3–4 тысячи, хлынувшая в Томск, жадно ищет какой-нибудь работы, какого-либо труда. Традиционные уроки не могут удовлетворить всех. Студенчество кинулось на жел.-дор. службу, в частные казенные учреждения и пр., и пр. И этого недостаточно; стали браться за другие способы: появились студенческие артели, переплетные, кухмистские, столовые, магазины и пр.

В Томске есть два студенческих погребка с кавказскими винами, две кондитерских и булочная, в которых хлебопеками состоят студенты, несколько переплетных, даже один студент занимается извозом, наконец, нынче летом организовалась студенческая артель, которая договорилась с томской управой о косьбе сена на городских лугах.

С некоторой части общества посыпались обвинения:

– Студенты занялись коммерцией!

– Студенты – купцы...

Немногие, очевидно, сознавали, что это лучше, чем объявления о «молодом студенте, жалающем быть секретарем у пожилой богатой дамы» и пр.

Заслуживает быть отмеченным один факт: энергия учащейся молодежи в борьбе за существование, за возможность продолжать учение.

Студенты технол. института на местные капиталы купили за бесценю старую паровую машину, где-то завалившуюся. Приведа ее в порядок, студенты решили пустить ее в дело и отстроить пароход. Вскоре пароход был отстроен и спущен на воду. Благополучно выдержан инспекционный смотр, пароход взял груз и доставил его в Кузнецк. Рейс дал этой артели чистого дохода до 400 руб.

Нечто вроде рецензии (1909. № 216)

Не так давно в редакцию были присланы стихотворные вирши при письме следующего содержания: «Могу не только стихи писать, а и разные пьесы для театра сочинять». Я не знаю, может ли г. Овчаренко писать стихи, но для театра «сочинять» пьесы может. Так сочинил он пьесу «Новониколаевский пожар 11 мая 1909 г.», имеющую одно действие и ровно двадцать пять явлений.

Прежде всего, драматург несомненно обладает куропаткинским терпением.

Судите сами: у меня еле-еле хватило терпения прочесть оное сочинение, а у г. Овчаренко хватило терпения написать. А это что-нибудь да значит! И сочинитель вправе гордиться.

– С нетерпением-де начал и с нетерпением кончил!..

У американцев есть поговорка: «Гений составляется из двух процентов идей и 98-ми процентов пота». А г. Овчаренко составил свою пьесу из ста процентов пота, не уделив своему таланту ни одного процента. Впрочем, я предоставлю о таланте г. Овчаренко судить самому читателю, предоставив ему для этого две нижеследующие из пьесы выдержки:

«...Звони, все равно воду не пойду качать. Мозоли накачаешь, потом к доктору... Поглядеть, этак... оно, правда, интересно. Это огонь, дым, пожарные на трех колесах, иллюзия (!), нечего сказать, полнейшая идиллия (!!). Впрочем, это не редкость: в каждом доме бывает пожар, когда жене на сороковой десяток перевалит». Так рассуждал главный герой пьесы Акакий Силонович Равнодушнов, домовладелец лет 50-ти, с красным носом.

«...Страшная буря. Землю рвет. Набат в собор. Народ бежит. Стон. Крики. Все смешалось. Ад настоящий». А домовладелец Акакий Силонович, которому угрожает пожар, «снимает со стены гитару и лежа играет, напевает:

А молодость не вернется,

Не вернется она».

Смею заверить и от себя, и от автора пьесы, что эти процитированные места – самые «сильные» места и самые «художественные».

Что еще сказать о «произведении» г. Овчаренко? Кажется, больше нечего: вся пьеса построена на полной бессмыслице. Ставлю точку и советую «драматургу» перед тем, как писать пьесу, вспомнить сапожника и пирожника...

Гном

***Сибирь. От наших корреспондентов.
Усть-Чарышская пристань
(Нужда в библиотеке-читальне) (1909. № 217)***

Столь богатое, торговое село, насчитывающее до 15 тыс. жителей, не имеет ни одного культурно-просветительного учреждения. И обыватель, освобождающийся от трудов праведных в воскресные и праздничные дни, проводит время по трактирам и пивнушкам, ибо больше ему идти некуда.

Функционировавший не так давно драматический кружок в настоящее время почил на лаврах.

В умах некоторых передовых обывателей давно таится желание создать библиотеку-читальню, нужда в которой очень большая. Но, к сожалению, нет инициатора. Возможно, что вопрос не может принять реальное значение еще и потому, что нет средств, нет подходящего помещения.

Но нам кажется, что важно проявить инициативу, и средства, и помещения найдутся – вряд ли вопросы настолько серьезны и не осуществимы.

Местное общество уже не раз шло навстречу своей материальной помощью полезным начинаниям, и, вероятно, в данном случае оно также не откажется.

Что касается помещения, то это также вполне вопрос устранимый. Вольно-пожарное общество, не думаем, чтобы отказало во временном приюте библиотеке-читальне.

Повторяем, важно проявить инициативу, а там видно будет.

Надеемся, что пристанское общество откликнется к этому начинанию, тем более, что Пристань – коммерческий пункт, где масса молодежи, жаждущей развития. Итак, в добрый путь, инициаторы.

Игла

Местная жизнь. Из школьного мира (1909. № 227)

Учителями городских начальных школ на собрании 21-го октября, происходившем в помещении городской управы, решено было, ввиду наступающих зимних холодов, оказать пособие одеждою нуждающимся ученикам городских школ из имеющихся у учителей 130–150 рублей, оставшихся от концерта и лекций профессора Сапожникова, читанных весной настоящего года.

При вынесении того, каким образом распределить данную сумму – пропорционально ли количеству школ или же пропорционально количеству бедных учеников в школах, учителя констатировали вопиющие факты бедности учеников и факты не одиночные, а многочисленные: в некоторых школах есть настолько бедные ученики, что являются в школу в совершенно рваной, расплзшейся одежде, чуть не босиком, – один вид этих учеников бьет по нервам не только учителя, но и учеников.

Так как количество нуждающихся учеников в школах оказывается значительным и удовлетворение нужд всех их становится положительно невозможным из имеющейся скромной суммы, учителями решено удовлетворить нужды только абсолютно бедных учеников, сведения о которых учителя должны получить не только путем личного опроса учеников, но и путем обхода их квартир, знакомства с их семейной обстановкой и пр. К 24 числу все собранные сведения об учениках должны быть представлены в избранную на этом же собрании комиссию, которая, окончательно установив степень крайней бедности учеников, будет определять и размер необходимой суммы для удовлетворения нужды того или другого ученика.

Нуждающихся детей погорельцев решено выделить в особую группу и о них войти с ходатайством к председателю комитета по оказанию помощи погорельцам, тем более что этот комитет, по имеющимся сведениям, располагает солидными суммами и может оказать детям нуждающихся погорельцев более существенную пользу, чем учителя.

Вместе с этим был выдвинут вопрос об учениках 4-классного гор. училища и учениках вновь открывшихся школ, среди которых также найдутся бедные и нуждающиеся в пособии ученики, и выделять их нет никаких оснований. Но этот вопрос отпал сам собою, так как оказалось, что нуждающиеся 4-кл. училища уже обеспечиваются

всем необходимым самими учителями этого училища из имеющихся у них пожертвованных средств, а в новых же школах фактов вопиющей бедности пока не наблюдалось, да и не могло быть, так как в эти школы городская управа зачислила по преимуществу детей домовладельцев и вообще лиц обеспеченных.

Довольно оживленно и страстно дебатировали второй вопрос – вопрос о введении географии в III отделении начальных городских школ.

Одной из учительниц 2-классного женского училища было выражено желание о введении специального курса географии во всех 3 отделениях одноклассных школ, которое, отчасти, мотивировалось тем, что в соответствующем отделении 2-класс. женск. уч. преподавание этого предмета введено еще с прошлого года с разрешения г. инспектора, раньше же география начиналась с 4-го отделения, где дети в течение учебного года должны были усваивать два учебника географии, составленных Смирновским, что для них, принимая во внимание и др. новые предметы, являлось безусловно затруднительным.

Принципиально учительство высказалось за желательность преподавания географии в начальных школах, но из того положения, что в настоящее время нет еще ни одного такого учебника географии, который бы не загромождал детский ум учеников ненужными, совершенно излишними перечислениями названий всевозможных городов, островов, полуостровов и т. д. и который бы мог поднять и развить самостоятельность ребенка, – к преподаванию специального курса географии в начальных школах, да еще по схоластическому учебнику Смирновского, отнеслось отрицательно.

Но для того, чтобы сохранить некоторую гармонию в географических познаниях учеников III отделений одноклассных и 2-классных училищ, собрание решило просить корпорацию учителей 2-классн. женск. уч. отменить преподавание географии как специального предмета и ограничиться в 3-м отделении преподаванием общих географических сведений до III части Вахтерова, где эти сведения изложены, хотя и отрывисто, но довольно живо и достаточно для детского понимания; кроме того, это еще может служить серьезным препятствием при поступлении в 2-классное жен. учил. учеников одноклассных школ, которые, не зная специального курса географии, не могут быть приняты в 4-е отделение.

Вполне основательно подчеркнуто было еще и то, что, кроме географии, есть еще и другие предметы, которые, безусловно, мо-

гут быть полезнее для учеников как в смысле знаний, так и в смысле пробуждения детской любознательности и развития их самостоятельности.

В случае отказа корпорации учителей 2-классного женск. учил. исполнить заявление всего учительства, последнее вынуждено будет обратиться по этому поводу в инспекцию, так как на этой почве в будущем возможны довольно серьезные недоразумения.

Между прочим, одним из учителей было выражено благое пожелание о составлении учебника географии самими учителями, который бы подбором своего материала и характером изложения шел навстречу развитию пытливости детского ума и эстетических чувств, получаемых при созерцании картинок местной природы. Пособием для составления такого учебника могут быть различные статьи, касающиеся вообще Сибири, а в частности и г. Новониколаевска с его окрестностями, а также те сведения, которые можно будет получить из Томского отделения географического общества.

Нельзя не пожалеть, что собрание порой принимало страстный и бурный характер, благодаря чему некоторые повторяли свои доводы по три и четыре раза и, бестолково затягивая прения, дали возможность собранию решить только два вопроса в течение пяти часов и оставить нерешенными до следующего собрания такие интересные вопросы, как, напр., организация ученических библиотек, учительской библиотеки и др.

Приходится, по нашему мнению, пожалеть также и о том, что для более рационального решения первого вопроса, учителя не обратились с призывом к местному обществу о помощи бедным ученикам, хотя бы через редакцию местной газеты, а также и не организовали самого сбора пожертвований в пользу этих учеников.

Это еще не поздно!.. А то – нужда так велика, а помощь же – жалка и ничтожна!

№.

***Сибирь. От наших корреспондентов.
Инюшка (1909. № 229)***

Несмотря на большое движение через речку Иню, перевоз через последнюю обставлен крайне примитивно, что особенно дает себя знать во время распутицы. Арендатор перевоза местный кулак

Ж. плату с пассажиров назначает совершенно произвольно, причем, смотря по обстоятельствам, повышает ее до размеров настоящего обирательства. Так, напр., во время нынешнего ледостава, чтобы перевезти через Иню на протяжении 10–15 сажень, взималась плата по 2–3 рубля с дуги и по 50 коп. с пешего.

Самая же переправа совершалась при помощи досок, положенных поперек реки. А так как эти доски были положены только в ширину телеги, то и переправа оканчивалась не всегда благополучно.

В конце прошлой недели, во время такой импровизированной переправы партии матросов, возвращавшихся с зимовок, случилось даже целое несчастье. Лошадь сорвалась в воду и увлекла за собою целых двух человек, бывших в телеге. Один из упавших был спасен, и отделался только холодной ванной. Другой же был вытасен из воды мертвым. Правда, матросы были сильно пьяны, и возможно, что один из упавших от излишне выпитой водки был уже мертв до падения в воду, но тем не менее этот случай характеризует обстановочную сторону этой переправы. История с вышеописанным случаем не менее характерна в том отношении, что козлом отпущения в происшедшем несчастье явился не содержатель перевоза, а ямщик, который был задержан и посажен в катажную местную камеру. Чем кончится вся эта история, пока остается во мраке неизвестности, но во всяком случае на будущее время не мешало бы обратить внимание на упорядочение Инской переправы.

Случайный

Местная жизнь. Руки вверх (1909. № 231)

Стражник Зимин благополучно нес свои обязанности и не был ни разу замечен ни в чем с точки зрения служебной дисциплины.

Прошлой зимой он зашел к одному из обитателей «Нахаловки» выпить «с морозу» водки.

Долго ли коротко ли распивали молодцы, но к 2–3 часам полночи «Нахаловка» была взбудоражена, – оказывается, «городовой с понятиями» ходили «руки вверх». Говорили, будто бы городской Зимин вместе с другим обитателем «Нахаловки» ходили по некоторым домам и производили обыски, причем вымогали деньги.

На суде свидетели-«потерпевшие» в один голос обвиняли стражника и его «понятого».

На вопросы же защитника обвиняемых и суда относительно продажи водки все отвечали полным незнанием, невинно изумляясь возможности продать водку.

Во всем деле в значительной степени сквозило, что одним из крупнейших элементов дела была именно водка, пьянство, причем в пьяном виде и произошло все дело. Некоторые свидетели отказываются полным незнанием обстоятельств дела.

В своем слове прокурор говорит, что показаниями свидетелей устанавливается новая форма преступления – грабеж, и поэтому просит направить дело к дополнительному следствию. Суд так и решает.

—Ъ—

Сибирь (от нашего корреспондента) (1909. № 237)

1 ноября. Зимы всё ещё не бывало, хотя наступил уже ноябрь, идут дожди. В 7 часов вечера температура воздуха 4 градуса по Реомюру. В атмосфере творится что-то из ряда вон выходящее и настолько непредвиденное, что опрокидывает всё расчёты. На днях в Каинске имеет состояться Михайловская ярмарка, на которой обыкновенно продаётся много прочих товаров, домашней птицы, дичи. В расчёт на распродажу подобных товаров подгоняются к тому сроку разного рода платежи. И вот установившаяся в необычное время теплынь расстраивает подобные коммерческие расчёты, наносит материальный ущерб всем, кто так или иначе связывает свои интересы с зимней каинской ярмаркой.

В текущем зимнем сезоне Каинск ожидает сюрприз: Малорусская труппа Вольского предполагает на святках прибыть в Каинск и давать представления в течение месяца с конца декабря. В настоящее время труппа подвизается в Мариинске.

Наш драматический кружок на днях повторит свой «Кольцовский вечер», на котором присутствовало много учащихся, с платою за вход 25 копеек. Довольно странно то обстоятельство, что наши учебные заведения обошли совершенным молчанием памятную годовщину певца, песни которого вошли навеки в историю русской словесности и изучаются в школах.

Маленький фельетон (1909. № 239)

Цена жизни

Шел по тротуару мещанский староста Облецов... Упал и получил увечья. Это было в Барнауле.

Вот она, жизнь наша, человечья...

Идете вы по тротуару, например,

Конечно, осторожно, не во весь карьер –

Вдруг – трах! – и получаете увечья.

Упавши ж в тротуарный ров,

Вы умираете без покаяния и даров.

О, города отцы! вы можете предупредить несчастья,

Чтоб обыватели не умирали в одночасье.

Запрещение

Начальник станц. Сокур запретил служащим брать воду из водогрейки, а свой скот поит...

Мысль запрещения проста,

Вот в чем она:

Вода нужна

Поить его, начальника, скота.

Коснись меня такой запрет,

Не заберись мне в сердце оробь –

Уж дал бы должный я ответ,

Послав скота поить на прорубь.

Крендельная школа

В крендельной мастерской Сорябина грязно и душно. Мальчики (числом 18) спят на чем попало и т.д.

Искусства крендельного школа:

Не отличить стола от пола.

Не воздух – смрадный чад, угар!

Живут мальчишки без протеста

И попадают часто в тесто...

Где санитар? О, санитар!

Ваня Сумбурный

Объ

Театр и музыка. Концерт капеллы В.Г. Завадского (1907. № 30)

19 июня в помещении летнего театра в саду общественного собрания состоится концерт художественной капеллы В.Г. Завадского, пользующегося в России известностью популяризатора народной русской песни и идейного представителя существующего уже более 30-ти лет в России русского народного направления в музыкальном творчестве.

Несмотря на ненастную погоду, публики собралось сравнительно много, что надо приписать отчасти и хорошим отзывам «Сиб. Жизни» о концертах г. Завадского.

Небольшая капелла в 30–40 человек предстала перед публикой в художественных, русских национальных костюмах, дополнив художественное впечатление от прекрасно исполненных народных песен.

В. Г. Завадский в высшей степени тщательно отделяет исполняемые пьесы, не упуская ни одного музыкального эффекта, ни одной выразительной музыкальной фразы.

Чтобы достигнуть этой тщательности, много тяжелого труда и нервно-напряженного внимания полагают поющие, которые, нам кажется, подают глазами каждое едва замеченное движение дирижерской палочки – и это портит цельность художественного впечатления.

Самые простые, знакомые по мотиву русские песни: «Вниз по матушке, по Волге», аранж. Славянского «Буря мглою» муз. Завадского, «Вдоль по Питерской» в исполнении скромной капеллы Завадского дают чарующе-художественное впечатление – это не песни, а целые художественные картины знакомой нам русской жизни.

Русские песни – как они чарующе хороши: родные равнины, широкое раздолье, родные реки, поля, леса, безысходная грусть русской действительности, тоска шемящая, горе обездоленного русского народа – в этой русской заунывной песне родное, знакомое.

Слушая эти песни, то плакать хочется, то подмывает на порыв отчаяния, тотчас же с необходимыми от слез глазами броситься на отчаянную борьбу против обидной, горькой доли русского народа. Не здесь судить, почему русская песня у нас в забвении – несправедливом, незаслуженном. А жаль...

В наших школах преподавание пения самое элементарное, учителя пения невежественны. Как мало мы видим среди молодых людей умеющих сносно владеть голосом, петь. Часто среди большого общества собравшихся нельзя сымпровизировать мало-мальский хор. А если что и поют, то как ничтожен их выбор песен, какой скудный репертуар.

В Сибири, напр., когда-то проехавший капеллан Голдовский пропел много малороссийских песен. Некоторым из этих песен почастливилось: до сих пор еще компании даже самых безголосых певунов могут во всякую минуту рискнуть спеть «Засвисталы казаченки», «Ой у лузи».

Но и только.

А русские? Бесчисленные русские песни! О, как редко, редко мы их слышим! Это печально, это тяжелый укор русской школе, русским педагогам. Прекрасное педагогическое средство в пренебрежении у русской школы. Благодарное, хорошее общественное развлечение – хоровое пение – в крайне незаслуженном пренебрежении.

Виновата школа, да и многое еще...

Но тем большая благодарность немногим русским деятелям музыкального мира и г. Завадскому, охраняющим музыку и поэзию русских песен от вымирания.

Г.И.

Городская хроника (1907. № 61)

Город чистится. Палящий зной, клубом пыль и в довершение всего невыносимое зловоние стояло вчера на Н. Николаевском проспекте, начиная от собора и до моста через р. Каменку. На этом протяжении по дороге вылиты несколько бочек клозетных нечистот, в некоторых местах лежащих целыми кучами. Обыватели, проезжая и проходя на всем этом расстоянии, зажимали носы и шли на подветренную сторону, чтобы не чувствовать носившейся в воздухе нетерпимой вони, а многие, не уяснив себе причины, шли зажав нос и ругали домовладельцев, полагая, что эти ароматы несутся с их дворов.

Позволим себе спросить, где вчера весь день был санитарный надзор и принял ли он какие-либо меры, чтобы оградить обыватель-

ские носы и легкие от зловония, могущего продолжаться еще несколько дней на самой главной и людной улице.

Проезжий

От редакции. Проезжему простительно не знать, что в нашем городе о санитарной комиссии еще только серьезно думают.

Библиография. Потанин. Областническая тенденция в Сибири. Томск. 1907 г. (1907. № 67)

«Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустынное в культурном и духовном отношениях. Единственное спасение окраин от опустошающего действия централизации заключается в учреждении областных дум с передачей им распоряжения местными финансами» (стр. 61).

Предлагаемая вниманию брошюра «Областническая тенденция в Сибири» принадлежит перу одного из первых культурных носителей сибирской областной идеи.

Знакомясь по первоисточнику, из первых уст, с идейным содержанием сибирского областничества, приходится изумляться тому, что столь скромные стремления и думы первых областников были официально окрещены названием «политического сепаратизма» и зачислены в разряд административно гонимых идей.

В идейное содержание сибирского областничества входило: стремление к отмене ссылки в Сибирь, культурная борьба с абсентеизмом сибирской молодежи и в связи с этим агитация за Сибирский университет, за сибирское земство как первые шаги по пути насаждения гражданственности в азиатском крае.

Мы видим, что часть указанных задач сибирского областничества осуществлена, другая готовится к осуществлению, и тем не менее пионеры сибирского областничества, в том числе и автор настоящей брошюры, в свое время были обречены на вынужденное знакомство с тюрьмами Сибири и Финляндии.

Но... то – были.

В настоящее время сибирское областничество стремится взять под свою защиту новые органически жизненные интересы Сибири: экономические интересы окраины, интересы сибирского хозяйства

и в связи с этим вопрос о введении в Сибири земства, а далее упорядочение переселенческого дела, интересы морской торговли Сибири с границей, охрану естественных богатств Сибири от расхищения метрополией, охрану труда и сибирской торговли от эксплуатации в пользу московских фабрикантов и проч.

У Сибири многое-множество насущнейших, жизненных нужд, можно сказать, непочатый угол, откуда сибирское областное течение черпает и без конца будет черпать источники для своей жизнедеятельности.

Вместе с развитием гражданственности в Сибири будет развиваться и областной гражданский патриотизм населения к своему краю – это естественно.

Жизнеспособность сибирского областничества вне сомнения. Оно умрет разве только со смертью Сибири исторической и гражданской, что – явно невозможно.

Но здесь мы натываемся на новый повод для изумления.

Правительственная власть за последнее время вполне справедливо успокоилась относительно политической благонадежности сибирского областничества: его нет оснований бояться – это вопрос об организации самоуправления на окраинах; но зато, к крайнему нашему изумлению, из общественного лагеря и партийных кругов несетя суровое подозрение, что областничество чуть ли не ретроградное явление, идущее наперекор веянию времени и направлению века.

Мы говорим о том существующем мнении, которое гласит, что, как всякое иное обособление, местный патриотизм, эгоизм и проч. противоречат идее международного объединения, взятой под преимущественную защиту партий левого фланга.

По-видимому, противоречие есть и для чисто теоретического мозга, этого достаточно, чтобы произнести безапелляционный приговор в том смысле, что во имя интернационального братства пусть лучше погибнет областническая тенденция, противоречащая тенденции интернациональной.

Но в действительности противоречия здесь нет, оно кажущееся, способное занимать только односторонне теоретический мозг.

Мы попытаемся доказать, что даже с теоретической точки зрения – с точки зрения партийного интернационализма – сибирское, например, областничество ни в каком смысле не помеха международному единению.

Для правильности и продуктивности суждения, а тем более спора, необходимы некоторые методологические предпосылки, то есть прежде всего необходимо определить теоретически предмет суждения, то есть родовые и видовые признаки понятия областничества. Отсутствие этого методологического условия в суждениях об областничестве и создает, на наш взгляд, вышеуказанное недоумение.

Спросим себя, что такое – областничество? Оно есть, прежде всего и главным образом, вопрос организации самоуправления на окраинах, в обособленных провинциях. Областничество – это одна из форм стремления к децентрализации власти. Проще говоря, областничество централизованную власть, сгущенную в столицах, рассиропливает, распределяя на местах подобно земствам, оно стремится исправить недостатки слишком централизованной власти в интересах удобства управления и распоряжения хозяйственной жизнью областей на местах.

Следовательно, мы должны признать, что областничество не затрагивает социальные идеалы далекого будущего, а лишь отвечает на ближайшие запросы политического момента.

Не пугаясь слов, мы должны сказать, что областничество по своим общим признакам есть вопрос не социалистического строительства в тесном смысле, а вопрос политический, политико-экономический, подобно вопросу о земском самоуправлении, о котором по весьма понятным соображениям, мы не будем задаваться праздным вопросом – соответствует ли земство интернациональным идеалам.

Областничество – вопрос политического момента, вопрос сегодня поставленных, достижимых целей общежития, если хотите, это – вопрос и программы-минимум, а не вопрос конечных максимальных целей.

Областничество так же относится к интернациональной идее, как, например, буржуазная конституция к социальной республике. В том и другом случае, если угодно, есть теоретическая противоположность, но есть и социально-историческая логика. Чужаком будет тот теоретик, который не примиряется с буржуазной конституцией, потому что она противоречит его высокому идеалу. Столь же несообразно давать очную ставку областничеству с интернациональным идеалом, – явление из одной оппортунистической области расценивать масштабом другого, высшего порядка или, что одно и то же, земные микроорганизмы рассматривать через телескоп.

Полагаем, что теперь становится яснее тот теоретический ляпсус, который часто выдается за окончательное партийное мнение по областническому вопросу.

Поверхностное указание на противоречие областнической тенденции с тенденцией интернациональной, нам думается, результат методологической оплошности, пренебрежение обычными приемами теоретического мышления и в то же время результат непродуманного увлечения кажущейся, на первый взгляд, внешней противоположностью.

Рамки газетной библиографии не позволяют распространиться на затронутую тему, вызванную прочтением лежащей перед нами книжки Г. Потанина «Областническая тенденция в Сибири».

Мы несколько злоупотребили размерами библиографической заметки, имея в виду определенную цель.

Брошюрка Г.Н. Потанина – редкий повод говорить на интересную сибирскую тему, находящуюся в непростительном пренебрежении сибирского общества. Об областническом хотя бы теоретическом течении в Сибири можно говорить лишь с большой осмотрительностью. На книжном рынке Сибири две-три публицистические брошюры на местные темы. Пресса повседневная питается перепевами старых мыслей, оставшихся в наследство от времен Словцова и Ядринцева. Журнальная публицистика «Сибирских вопросов» доселе малодоступна широкой публике. В известной доле отсутствие широкого интереса к областническим вопросам объясняется также и указанным теоретическим недоразумением по поводу областничества, недоразумением, к сожалению, выдаваемым за строго принципиальное мнение, а потому трудно преборимое.

С удовольствием приветствуем появление на книжном рынке популярной брошюры Г.Н. Потанина по областническому вопросу и желаем ей самого широкого распространения в публике, мало знакомой с трактуемым предметом, имеющим жизненный для Сибири интерес.

Г. Иванович

С лучом света (1907. № 124)

Открытие наукой икс-лучей (рентгеновских) дало сотруднику газет могущественное средство проникать сквозь стены и видеть с помощью тех икс-лучей то, что другие не видят.

Мы приобрели громадный прибор с икс-лучами и, не выходя из редакции, направили их в разные места нашего города.

Какие виды, какие сцены?!

Вот первая из них.

4 часа вечера, мы освещали одно, другое, третье училище. Никого нет, впрочем, в одном сторож, убирая парты, шевелил губами, очевидно, что-то напевал. Смотрим в 4-е училище и видим: весь класс детей сидит и еще занимается.

Всматриваемся.

У некоторых заплаканные глаза, у некоторых такой бледный усталый вид, что невольно встает вопрос: Почему здесь дети долго засиделись?

Наводим лучи по всем углам – ищем учительницу.

Ее нет.

Направляем лучи в ее квартиру – находим.

Она кушает и с видимым волнением что-то рассказывает. Приставляем ухо к телефону.

Ах, да...

Какой у нас чудный телефонный аппарат, только приставьте к нему другой микрофон (?) – и вы слышите все, что бы и где бы не говорили; есть у него и другое свойство, но это к делу не относится...

Так, слушаем, что волнует наставницу сидящих там, в классе, детей.

– Представьте, – говорила попечительная наставница, – сегодня пропали деньги у одной из девочек-учениц, а неделю тому назад, представьте, пропала кружка. Как же я должна поступать?

Естественно, оставить их и в тот, и в этот раз всех без обеда...

Неприятное свойство у нашего телефонного аппарата: его в редакции слышат все; как назло, в редакции сидел Мишенька-юморист и разговор весь слышал, а потому не успел я отнять трубку телефона от уха, он уже высказал параллельное сопоставление.

– В городе Новониколаевске, – говорил он, – каждый день грабят, и убивают, а преступников иногда разыскать не удается. Что бы было, если бы всех жителей, а в том числе и мудрую наставницу, заковали в кандалы и засадили в тюрьмы до отыскания преступника?

Вся редакция, конечно, обрушилась на вольнодумца, но что с ним поделаешь – слово уж сказано и все его слышали... (Все же на

этот раз присудили и ему наказание, год не принимали его писаний, а теперь усугубили на два).

Мы поинтересовались, как очищаются граждане в ожидании холеры, и направили лучи свои по дворам и задворкам. Увиденное нами превосходило всякие ожидания, всевозможный подбор навоза был так великолепен, что Мишенька от удивления при грандиозном зрелище потерял способность словопроизношения, а только издавал однородные звуки, похожие на рычание медведя.

Луч света с сих тучных мест мы навели на здание Городской Думы, но через минуту лучи наши погасли. Мы долго не могли найти причины такому явлению, но Мишенька, знакомый с думскими порядками вообще, убеждал нас, что это естественное явление. «В Думе, – говорил он, высоко подняв палец, – света не нужно, ибо всякая мысль зарождается в черепе, то есть в темном месте, а потому от Думы свет далеко».

Письмо (1907. № 128)

М.Г. Г. Редактор!

Не откажите поместить на столбцах редактируемой Вами газеты нижеследующее:

В № 124 г. в «Объ» помещена статья, озаглавленная «С лучом света». Автор этой статьи познакомил общество с возмутительным случаем, который якобы имел место в одном из городских училищ. В училище потеряны в разное время школьная кружка и деньги у одной из учениц. Заподозрены учащиеся. Для отыскания присвоившего эти вещи, учащие оставили весь класс до 4 часов вечера, а сами со спокойной совестью разошлись по домам.

Училище, в котором произошел этот инцидент, не указано, но мы, учительницы 2-классного городского женского училища, заявляем, что нечто подобное описанному автором было в нашей школе, но... но прибавляем, что Рентгеновские лучи и все те усовершенствованные технические приспособления – все, чем руководствовался он для оглашения этого неумного вздора, – не годятся для сотрудничества газеты, или, быть может, надо уметь с ними обращаться. Дело было так: учительницы были взволнованы потерей вещей: воровство в школе крайне нежелательное и чревато последствиями. Увещание, беседы и доказательство – как нехорош этот поступок – не привели к положительным результатам, не помогла также и речь,

сказанная законоучителем на эту тему, так что озадаченные тщетностью разбудить чувство раскаяния в присвоившей преподаватели (к счастью, у них не было икс-лучей автора) предложили одному из подозреваемых классов поискать самим потерянное, занимаясь в это время с остальными, еще не окончившими занятия отделениями. По окончании уроков, в половине 2-го ч., т.е. вместе с остальными отделениями ушел домой и задержанный для розысков класс.

Из вышесказанного читатели видят, что утомленность учениц от пятичасового ареста и благодушествующая в это время дома учительница – плод не в меру разыгравшейся фантазии автора статьи. Мы, учащие, а быть может, с нами будут согласны и все интересующиеся школой, считаем школьное дело делом серьезным, требующим серьезного же и отношения к себе, а потому попросили бы «сотрудников газеты» во избежание подобных, мягко выражаясь, неприятных недоразумений, быть ближе к действительности при передаче фактов, для чего необходимо более добросовестно проверять их и менее полагаться на сообщения «досужих кумушек».

Заведующая училищем *А. Адамович*

Законоучитель священник Енис. полка *Василий Переверзев.*

Учительницы *Ледовская, А. Шибанова, Х.Занковская, Агафонова, Троицкая.*

От редакции. Письмом г.г. педагоги заявляют, что нечто подобное описанному автором в заметке «С лучом света» было в нашей школе.

Охотно верим. Не сказано лишь, сколько раз это было – один, два, три раза или больше.

Учительницы взволнованы потерей вещей: были увещания (?), беседы и доказательства (?), как нехорош этот поступок! Беседы... Увещания... Доказательства... Очевидно, что «нечто подобное» было не один раз, но сколько – мы не знаем. Из письма видно одно, что учащиеся дети признаны за нераскаявшихся грешников, а потому, потеряв надежду разбудить сознание и чувство раскаяния присвоившей, педагоги предложили одному из подозреваемых классов поискать (?) самим потерянное. Но поискать (насчет сыска у нас ничего не было написано). Что под этим подразумевается?

Как поискать? Каждая ученица друг у друга или каждая ученица должна поискать их в своей сумке? Или еще как. В высшей степени важно осветить эти вопросы. Система «поискать» (?), быть может,

и не новый педагогический прием, но, во всяком случае, не всем родителям известный.

Приятно слышать, что учительницы на школьное дело смотрят серьезно; приветствуем это, в чем мы не сомневались и не сомневаемся, но допускаем со стороны их возможные ошибки, людям свойственно ошибаться. И в данном случае, говоря об инциденте в одной из школ, мы указывали как на великое заблуждение оставлять весь класс «без обеда». Своим письмом опровергатели подтвердили, что они серьезно заблуждаются – больше, чем им кажется.

В заключение, чтобы бесплодно не пестрить страницы газеты полемическими заметками, редакция предлагает обидевшимся учительницам третейское рассмотрение вопроса о практикующихся мерах наказания, их целесообразности и о результатах представить через печать вниманию родителей.

По поводу (1907. № 131)

5 декабря выборы депутатов в Государственную Думу от Томской губернии. Выборы будут производиться в г. Томске. Дело выборов для выборщиков есть уже дело не новое, имеется некоторый опыт. Так как на стороне крестьян выборщиков по численности при голосовании является перевес, то естественно, что три-четыре места они оставляют за собой, дабы иметь представителей деревни в Думе, а остальные два или три места дают горожанам. Их дело, конечно, заботиться о своих нуждах и решать их, но несомненно то, что при всем желании сделать это правильно, едва ли это им под силу, так как необходимо знать не только свои ближайшие нужды, но и общие всей страны или всего края, что возможно при условии известной степени образования, известной степени знания края, нужды которого депутат должен освещать.

Крестьяне в минувшей сессии Думы оставляли место для двух кандидатов от городов Томской губернии и выбирали людей, отвечающих их взглядам. Надеемся, что и в настоящем году традиционные два-три места будут предоставлены депутатам от городов. Цель нашей статьи дать биографическую справку об одном из выборщиков, который сам по независящим обстоятельствам отсутствует.

Мы говорим о Василии Константиновиче Штильке.

В.К. Штильке окончил Томскую гимназию в 1869 или 70 году, два года был преподавателем в Томском духовном училище при смотрителе П.И. Макушине. Затем поступил в Петербургскую военно-медицинскую академию, но по расстроенному здоровью оставил ее с третьего курса.

Из Петербурга он скоро приехал на родину в Барнаул и здесь занялся частной педагогической деятельностью и литературным трудом. Его обличительные статьи в «Сибирской газете» и других изданиях способствовали раскрытию хищений и злоупотреблений в алтайском хозяйстве и вызвали внезапную из Петербурга ревизию. Благоденствие барского Барнаула было прекращено с прекращением заводов и многочисленных хищений. В.К. был основателем в 1884 г. барнаульского Общества попечения о начальном образовании, которое имеет в окраинах города две хорошо обставленные обширные школы для бедных детей. С основанием общества В.К. был самым деятельным его работником и частью всю тяжесть труда нес на своих плечах. Он был членом и одним из инициаторов общества по исследованию Алтая. В 1894 г. по поручению начальника Алтайского округа Болдырева им составлен доклад об экономическом положении населения всего Алтайского округа. С 80-х г. В.К. был преподавателем в окружном училище до преобразования его в реальное, состоял некоторое время в статистике Алтайского округа и потом переведен был в землеустройство, где и работал в качестве производителя работ до увольнения его в настоящем году в отставку. Несколько четырех-летней состоял главным городской думы.

Из короткого биографического очерка видно, что В.К., как общественный работник, весьма желателен и вверить его ходатайству судьбу края возможно.

Сказки жизни (1907. № 91)

III

Станция жел. дороги.

Книготорговец получает книжный товар. Тюки распарываются, и унтер внимательно рассматривает каждую книгу. Он читает обложки: «География», «История», «Кругом Света»... «Алгебра»... Это что? Вопрошает цензор. Учебная книга, разъясняет торговец, тут все учебники.

Педаго-ги-ка... – читает унтер. А что это? – спрашивает он.

Книготорговец: – Устав о школьной дисциплине.

Подходит станционный служащий.

Букварь, – читает унтер.

Станционный служащий: «Истинно вредная книга, всякому злу корень».

Унтер развернул букварь и долго читал разные слова. Наконец он неприязненно взглянул на станционного служащего, бросил книгу в кипу и пробурчал: «Туда же лезете смеяться. Что я не знаю что ли, что букварь допущен во всех учебных заведениях...»

Он ожесточенно сплюнул и отдал распоряжение везти книги.

Книготорговец быстро сложился и стал отъезжать, а унтер со станционным служащим увлеклись спором, и, далеко отъехав уже, книготорговец слышал еще отдельные выкрики споривших.

– Букварь – причина всякому несчастью.

– Допущен – значит, одобрен.

– Это-то и есть беда всех бед.

– Про это начальство знает. Смотри не ошибись!

– Спроси, кто умнее...

– Букварь, что ты споришь, я хорошо знаю.

– Ну и вреден ты через это знание... Не знай ты букваря, ты бы землю пахал, а то вот небо коптишь...

– Глупости... за это можно и в каталажку...

Оба спорившие направились в ближайшую пивную...

Рыбак

Письма в редакцию (Объ. 1907. № 91)

Милостивый Государь, Г. Редактор!

По поводу заметки в вашей уважаемой газете относительно недовольственности помещения моей мастерской имею честь сообщить, что до появления заметки закончено новое специальное помещение для мастерской, светлое и просторное.

В подвале она была помещена временно, т.к. мои мастера главным образом работают на отдельных работах на стороне и только теперь они проводят целый день в ней. Упрека в негуманности от рабочих я еще никогда не слышал за всю мою довольно долгую и обширную практику.

Но так как редакция позволила себе затронуть вопрос и с принципиальной стороны, то я полагаю уместным обратить внимание на свою типографию. Насколько мне известно, временного характера она не носит, но к ней абсолютно приложимо то картинное описание, как изложено в упомянутой заметке о моей мастерской.

С совершенным почтением.

Верезубов

От редакции. Помещалась мастерская г-на Верезубова в темном подвале?

– Помещалась.

Удушливые газы там копились?

– Копились.

В них рабочие проводили время?

– Было это дело.

Кажется ясно: чего бы тут? Нет, надо кивнуть на других, от этого положение кивающих как бы улучшится.

Так ли? Подземелье с удушливым чадом инженера Верезубова едва ли можно сравнить с помещением типографии. Помещение типографии не идеально, но оно же не подземелье – не кротовая нора; свету в типографии много, так как помещение имеет 17 больших окон, хорошо освещающих площадь в 40 квад. саж. Кроме запаха от скипидара, в типографии других нет.

В этих условиях одинаково с мастерами работает и хозяин.

Что касается временности, то что можно назвать в Новониколаевске постоянным?

Письмо в редакцию (Объ. 1908. № 94)

Группа местных профессиональных артистов обратилась ко мне с просьбой предать огласке их безвыходное положение. Дело в том, что бывшая у Чиндорина труппа распущена, и так как у артистов не было никаких письменных условий и требовать с Чиндорина поэтому они ничего не могут, то они очутились в страшно стесненном материальном положении. Часть артистов уехала в другие города, а человек 7–8 за неимением средств принуждена была остаться здесь. Единственный выход из такого положения они надеялись найти в том, чтобы обратиться к местному драматическому кружку с

предложением принять их услуги за маленькое вознаграждение, которое было бы достаточно для поддержания их существования.

Но надежды их не оправдались. Правление любительского кружка посмотрело на их просьбу с принципиальной точки зрения и решило отказаться от поддержки, так как любительский кружок не благотворительное учреждение.

Как это странно и непонятно!

Если бы это было и так, то неужели во имя принципа можно не протянуть помощи, тем более, что помощь временная и нуждающиеся в ней предлагают свои труды?

Ведь дают же любители спектакли в пользу и яслей, и пожарного общества, и нуждающихся учениц. Разве это не благотворительность?

Более странным и непонятным покажется всякому постановление правления кружка, которое советует своим членам не принимать участия в спектаклях, даваемых артистами, тем более, что последние часто безвозмездно принимали участие в любительских спектаклях.

Чем объяснить подобное отношение к артистам?

Неужели некоторый успех так опьянил любителей, что они в погоне за славой и в стремлении к «чистому искусству» забыли человека? А ведь часто даваемые любителями спектакли так или иначе связаны с лишением заработка тех, которые считают это занятие своей профессией. Что же таким людям? Где искать им выход из такого печального положения? Дамский персонал принужден в силу необходимости искать какого-либо постороннего заработка. Но как найти выход мужскому персоналу? Ведь они просто-напросто голодают, некоторые из них принуждены питаться одним чаем; они лишены самого необходимого для человека. Неужели это нисколько ни трогает «человеколюбивых» (какими они себя во всяком случае считают) членов правления? Почему они хотя бы не уступают артистам помещения театра в праздничный день, когда наиболее гарантирован хороший сбор?

К чему это странное оповещение, похищенное «с полной руки» в № 85 «Оби» и кричащее, что «доводим до сведения публики, что спект. «Чужие» Потапенко, идущий 4 декабря 1908 года в театре Чиндорина, ставится не Н.-Николаевс. муз. драм. кружк.»? Ведь имена участников в спектакле известны из афиш. А то, что артисты продавали билеты от имени кружка, абсолютно неверно и голословно. Подобно всякой кричащей рекламе, она предупреждает публику от какой-то фальсификации, подтасовки и косвенно как бы намекает, не ходите мол на этот спектакль.

Неужели в такой форме может выразиться их антагонизм к людям, занимающимся одним и тем же делом и могущим отменить несколько их успех?

Жалко и больно, что люди в погоне за громкой славой так забываются и «не ведают, что творят».

Я не намерен войти в какие-либо пререкания с Правлением и навряд ли буду опровергать их «опровержение», если оно будет. Никаких личных счетов у меня нет с ним. Я с большим удовольствием отмечаю, если любители успешно проводят спектакль, но не могу отказаться и от упрека по их адресу, когда люди чуть ли не со слезами на глазах жалуются на свое безвыходное положение и не получают поддержки.

А. Соломоник

Местная хроника (1908. № 97)

Бешеная гоньба по улицам Новониколаевска. До сих пор нами указывалось на многочисленные случаи быстрой и неосторожной езды извозчиков и кучеров, следствием чего было сбивание с ног и калечение пешеходов. Теперь приходится указать на еще более прискорбный и потому нежелательный факт – на превращение некоторыми местными интеллигентами улиц города в ипподром для гоньбы.

Так, в воскресенье 14 декабря в 1 ч. дня мировой судья V участка и акцизный чиновник устроили, по словам пострадавшего, состязание в гоньбе по Барнаульской улице. По улице шел в это время Александр Хитев и, увидя бешено мчавшиеся на него два экипажа, бросился к одной стороне дороги в снег. Несмотря на это лошади мирового судьи, гнавшего на паре, сбили Хитева с ног, и сани промчались мимо, проехав по его ногам.

При осмотре в городской больнице у Хитева оказались обе ноги сильно помятыми; левая зашиблена в самом колене, правая ниже колена в двух местах. Обе ноги покрыты кровоподтеками и сильно запухли.

Местная хроника (1908. № 99)

Поправка. По проверенным сведениям, отмеченным в газ. «Обь» № 97 о случае быстрой езды мирового судьи V уч. по улицам,

редакция вносит поправку в свое сообщение. На раскате, несмотря на то, что лошади шли почти шагом – трусцой, несмотря на окрики седоков, лошади наехали на шедшаго посередине дороги и не желавшего свернуть в сторону человека, при чем пристяжка задела его и грудью сбила с ног, но под сани он не попал; так что это не случай неосторожной езды, а печальный случай, вызванный отсутствием тротуаров.

Алтай и железные дороги (1908. № 95) ***(Полярная и Алтайская железные дороги)***

Две насущно необходимые железные дороги нужны для Западной Сибири и Алтая – это: Полярная дорога и Алтайская дорога, идущая из глубины Горного Алтая.

Полярная дорога увеличивает транзитную ценность Обского бассейна, омывающего Западную Сибирь; Алтайская дорога пробуждает сказочно колоссальные ценности Горного Алтая.

Полярная дорога отвечает насущнейшей нужде Алтая в своевременном вывозе массовых грузов алтайского предгорья чрез порт Северного океана на заграничные рынки; Алтайская дорога, отвечая современным интересам вывоза всех родов грузов из Алтая, в то же время гарантирует интенсивный ввоз в Алтай.

Отсюда экономическое соотношение этих двух взаимно дополняющих железных дорог таково, что Полярная и Алтайская железные дороги только нераздельно, вместе могут создать наиболее яркий момент экономического расцвета в Алтайском крае: однако только Полярная дорога будет способствовать выкачиванию природных богатства края – хлеба, масла, а это одностороннее выкачивание рано или поздно истощит соки алтайского плодородия, которые не вечны, и почва Алтая откажется родить. Это неминуемая участь всех земледельческих стран, ведущих экстенсивное земельное хозяйство примитивно, безыскусственно, без интенсивной культурной обработки.

Полярная дорога – это только кровососная банка на теле богатыря – Алтая. Еще образнее такое сравнение: Полярная дорога – это левая рука богатыря – Алтая Селяниновича, которой он щедро наотмашь бросает свои природные, сырые богатства на мировой торговый рынок, при этом отвернувшись демонстративно спиною к землевладельцам метрополии, к их ломаным тарифам, боевым заставам

в войне с сибирским земледельцем. Но... богатырь Алтай Селянинович был бы просто безумным расточителем, если бы без расчета расточал свои сырые богатства. Не задумываясь о будущем, не вспоминая про собрата российского – Микулу Селяниновича, который ныне зачах, питаюсь корою, желудью, мякиною.

Припомним здесь глубоко справедливое экономическое положение Д.И. Менделеева, что страны с земледельческой культурой обречены на экономическое рабство и отсталость, пока в них не возникнет самостоятельная обрабатывающая промышленность.

Нетрудно отсюда догадаться, что правая рука богатыря-Алтая должна насаждать в Алтайском крае самостоятельную обрабатывающую, фабричную промышленность, чтобы добывающая и обрабатывающая промышленность, взаимно питая и поддерживая друг друга, дружно встали на защиту Алтая против экономического порабощения более сильными, экономически развитыми странами с высокою фабричною культурой.

Правая рука богатыря-Алтая – это Алтайская железная дорога, идущая от сердца Горного Алтая – г. Бийска. Алтайская железная дорога, углубившись до Бийска, немедленно всколыхнет дремлющие недра Алтая, первый крик паровоза, как магическое слово, распахнет двери Сибири к таинственным сокровищам земных глубин. Если взглянуть на карту Алтайского округа, она испещрена сплошными площадями золотоносных, серебряных, медных, минеральных богатств, где уже сыздавна имеются заявочные грани, стоят заявочные столбы. Но полною невозможностью провозить в Алтай громоздкие машины для рудничных работ и фабрик создается непреодолимое препятствие горной промышленности в Алтае.

Итак, когда правая и левая рука будут работать равномерно и дружно, тогда для Западной Сибири настанет эра самостоятельного экономического развития независимо от российских соловьев-разбойников, которые засели на всех путях к свободному развитию Сибири: и с востока и с севера в устьях могучих сибирских рек, и с запада на Челябинском переломе; засели и поют эти соловьи на всех сибирских дорогах прямоезжих: запевают они и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в прессе, в правительственных законодательных учреждениях, и в г. Омске пощелкивают из торговых рядов, а иногда свистят и зловеще шипят о сибирском сепаратизме, да так сильно свистят, что подчас властные заправила железнодорожного строительства окорач пред ним ползают.

Город Новониколаевск с правдивостью Давида против кичливого Голиафа отстаивает выпавшую на его долю трудную задачу защитить насущные интересы Западной Сибири против коварных интересов всех калибров.

Положение г. Новониколаевска в центре экономической жизни Западной Сибири дает ему право представительства интересов Западной Сибири и возможность беспристрастного диагноза настоящих и прогноза будущих задач Западной Сибири. С другой стороны, центральное положение Новониколаевска в пункте пересечения водной и рельсовой магистрали, в пункте разлома графика Сибирской железной дороги в связи с рельефом местности абсолютно равнинной до и предгорной за Обью, в пункте разлома водной магистрали – Оби, доступной крупным, глубоко сидящим судам до города Новониколаевска, в пункте ближайшего выхода грузам Алтая, так как г. Николаевск – самый южный пункт уклонения Сибирской магистрали к югу и проч. и проч. – все это создает молодому городу естественные шансы быть узловым пунктом будущих железных дорог Западной Сибири.

И город Новониколаевск за два года кипучей работы по отстаиванию проекта Алтайской железной дороги на г. Новониколаевск сумел поставить этот вопрос на рельсы, заинтересовав командующие железнодорожные сферы.

И однако чем ближе надвигается момент обсуждения вопроса железнодорожного строительства в Западной Сибири, тем сильнее разгораются страсти и тем неразборчивее становятся приемы борьбы за отдельные железнодорожные проекты, доходящие до передергивания, до подтасовывания интересов края и даже государства (!) в пользу плохо скрытых стыдливых вожделений отдельных городов, как это мы видели в затянном томскими львами «Томском увещании» представителей городов в том, что все города Западной Сибири желают железную дорогу обязательно на Тайгу, и что 50 процентов грузов Алтая в 1904–1905 годах наперекор стихиям, перепрыгивая через рельсы магистрали, устремились в г. Томск.

Грузы из Тюмени водой депутат Гос. Думы трактует как грузы из Алтая, чтобы только доказать невозможное – доказать необходимость железной дороги на Тайгу.

Теперь правительство, как известно, отказывается от постройки Алтайских рельсовых путей за счет казны, и борьба за проекты входит в новую стадию борьбы частных концессионеров, а в дальней-

шем приближается борьба в представительных учреждениях – Думе и Государственном Совете.

Скажем еще несколько слов о своих местных делах по железнодорожному вопросу. Энергией немногих лиц, при поддержке городских уполномоченных, железнодорожный проект на г. Новониколаевск достаточно популярен и имеет за себя некоторые шансы, несмотря на то, что против Новониколаевска открыт стихийный поход.

Впереди предстоит сложная работа по отстаиванию проекта Алтайской дороги на Новониколаевск, несмотря на то, что достоинства и преимущества проекта бесспорны и очевидны. Против бедного правдивого Давида идут Голиафы в золотых бронях.

Борьба – не из легких, и Новониколаевское городское общественное управление, несомненно, нуждается в помощи извне и средствами, и опытом, и знаниями.

Городское управление в лице настоящего состава господ уполномоченных делает все что может для успеха дела, но городское управление не может и не должно идти одиноко в этом общегородском деле, которое должно быть делом всего городского общества.

С особым удовольствием мы будем приветствовать открывшееся Биржевое общество и Биржевой комитет, которые первые шаги своей деятельности ознаменуют крупным почином в животрепещущем железнодорожном деле Алтайского края, торгово-экономические интересы которого Новониколаевский Биржевой комитет призван представлять и обслуживать.

Первый шаг Новониколаевского биржевого общества в этом крупном железнодорожном деле высокой культурно-экономической важности будет первой заслугой перед Алтайским краем, первую крупную страницу в истории Биржевого комитета города Новониколаевска.

Г.И.

Обская жизнь

Новониколаевск, 15 ноября (1909. № 1)

С проведением Сибирской железной дороги, связавшей одним нервом две огромных территории, Сибирь вступила на новый путь экономического развития. Мелкое хозяйство, носящее полунатуральный характер и удовлетворявшее нужды только ограничен-

ного круга лиц, заменилось более крупным хозяйством, оборудованным уже на принципах современной техники.

Если фабрично-заводская промышленности в Сибири пока еще не нашла достаточного применения и масса богатств эксплуатируется только в виде старого, необработанного материала, тем не менее сама по себе сибирская промышленность вышла из пределов кустарного производства и, вступив на общий путь политической эволюции, связала себя с условиями внешнего и даже мирового рынка.

Огромная перемена в хозяйственной жизни страны вызвала глубокие изменения и в сфере общественных отношений.

Патриархальные традиции сибирского города, развивавшегося в атмосфере своей специфической жизни, с проведением великого железного пути рухнули в вечность. Пульс общественной жизни забился сильнее и вызвал новые запросы и новые требования. Усилившаяся жажда интеллектуального развития со стороны всей массы населения и выступление на сцену сибирской интеллигенции как целого сословия, находившегося в условиях общественной жизни, свидетельствуют о том, что Сибирь приобщилась к мировой культуре и, несмотря на разнообразие населяющих ее народов, имеющих каждый свои индивидуальные черты, в своем целом несет на себе следы общего прогресса.

Поэтому сибирская пресса и обращает прежде всего свое внимание на эти стороны общественного развития и прогресса, одновременно содействуя делу народного образования и воспитания, а также способствуя выяснению задач экономического благосостояния страны.

И «Обская жизнь» намерена присоединить свой посильный труд к общему труду работающих товарищей.

Такова цель нашего издания.

Новониколаевск, 26 ноября (1909. № 9)

На днях закончился четвертый всероссийский съезд представителей торговли и промышленности. На съезде участвовало свыше 200 представителей наиболее крупных торгово-промышленных предприятий и организаций, биржевых комитетов, советов, отдельных съездов, совещательных палат и т. д.

Сам по себе съезд носил весьма торжественный и официальный характер и происходил в присутствии министров и целого ряда административных лиц.

Помимо массы вопросов, имеющих непосредственное отношение к экономической и промышленной жизни страны, как, например, организация торговых палат, казенные подряды и поставки, финансово-экономическая политика России и т.п., на съезде был затронут весьма существенный и давно назревший вопрос в России о рабочем законодательстве. Однако, затрагивая вопросы рабочего законодательства, четвертый съезд так же, как и предшествующие съезды представителей торговли, проявил себя крайне нерешительно и весьма односторонне. Признавая положительное влияние улучшения экономического состояния рабочих на промышленность, тем не менее представители съезда остались верными традициям своего класса и всякий раз проявляли твердое упорство при обсуждении тех вопросов, которые касались нужд рабочих. Особенно сильно затронуло промышленников рассмотрение вопроса о праве рабочих на лечение за счет владельцев предприятий.

Чего только не говорилось по поводу этого весьма важного для массы населения проекта. Так, например, бар.Тизенгаузен, участник съезда и в то же время председатель рабочей комиссии в Государственной Думе, произнес целую громовую речь в защиту интересов владельцев предприятий. Узаконение права рабочих на лечение, говорил бар. Тизенгаузен, ляжет чрезмерно тяжелым бременем на русскую промышленность.

«Наука такого права не знает, и нет ни одной страны, где гражданин обладал бы таким правом».

Полагая, что понятие о лечении рабочих за счет работодателей может быть растянуто до бесконечности, бар.Тизенгаузен находит, что если бы промышленники и согласились принять на себя такое тяжелое бремя, то все-таки с точки зрения общегосударственных интересов это не может быть допущено.

В заключение этот вопрос был признан вне компетенции съезда и после продолжительных дебатов по предложению в редакции члена Государственного Совета, представителя общества петербургских фабрикантов и заводчиков Триполитова передан на разрешение законодательных учреждений в связи с общей постановкой вопроса о врачебной помощи в России всему населению.

Так же нерешительно участниками съезда было высказано мнение и относительно проекта Министерства торговли и промышленности о страховании рабочих от несчастных случаев и болезней. Хотя принципиально этот проект и принят, тем не менее с значительными изменениями и отклонениями в пользу интересов гг. предпринимателей.

Вообще деятельность четвертого съезда в вопросах рабочего законодательства не имела существенного результата, и за исключением принятия некоторых пунктов министерского проекта все прежние намеченные до съезда благие намерения были отодвинуты на неопределенный, но, несомненно, на отдаленный срок.

К вопросу о применении кинематографии в науке (1909. № 10)

Несмотря на недавность изобретения живой фотографии, последняя завоевала себе целую эпоху.

В больших и малых городах, в торговых и промышленных центрах кинематограф встречается всюду широкое распространение, вызывая значительный интерес как со стороны зажиточного класса, так и беднейшей части населения.

Доставляя огромное удовольствие как для всех доступный и дешевый театр, кинематография за последнее время приобретает еще большее значение в приложении к науке.

На последнем международном конгрессе по прикладной химии, происходившем в Дрездене, как сообщает столичная печать, были представлены весьма интересные данные, предвещающие огромную и несомненно недалекую будущность по применению кинематографии в научных целях.

Как известно, живая фотография основывается на моментальных снимках многочисленных, следующих друг за другом отдельных фаз движения какого-нибудь предмета; благодаря этому получается возможность анализа движения. Субъективное суммирование этих отдельных снимков на сетчатке глаза, происходящее при быстрой смене этих снимков на экране, дает синтез отдельных фаз движения, воспроизводя движение предмета.

Каких результатов достигла в этом направлении кинематография, можно судить по следующим данным.

Lendenfeld фотографировал полет насекомых с выдержкой 1/42090 секунды. Sranz исследовал посредством кинематографа действие орудийных выстрелов, причем продолжительность каждой отдельной съемки равнялась только одной десятиллионной доле секунды. Такая краткость выдержки дает обширное поле для самых подробных анализов движений. С другой стороны, Kohler произвел снимки с помощью рентгеновских лучей грудной клетки живого человека за несколько приемов, причем продолжительность каждой съемки продолжалась 15 секунд. Из этих уменьшенных впоследствии снимков составлена была, путем кропотливой работы, кинематографная лента. При репродукции снимков на экране получается изображение процесса дыхания.

Это последнее применение кинематографии в области науки имеет огромное значение, так как многие тончайшие наблюдения и открытия, делавшиеся достоянием до сего времени только одних специалистов ученых, становятся доступными для наблюдения и практического изучения при помощи экрана для самого широкого круга лиц.

Университеты, специальные учебные заведения и вообще люди науки в системе живой фотографии приобретают новое экспериментальное средство, которое содействует не только научным целям, но и облегчает и упрощает самое изучение науки.

Таким образом, кинематография в своем последнем приложении является таким же величайшим изобретением XX века, как и рентгеновские лучи, аэропланы и целый ряд других гениальных открытий и изобретений, делающих человеческую жизнь похожей на сказку из «Тысячи и одной ночи».

В.В.

Местная жизнь. Заседание городской училищной комиссии, 2 декабря (1909. № 17)

Заседание открылось около 8 часов. Секретарь читает протоколы предыдущих заседаний – 25 и 29 ноября. Дальше много времени занял вопрос об избрании секретаря ввиду настойчивого отказа со стороны Е.И. Плотникова от обязанностей последнего. После настойчи-

вых просьб Е.И. Плотников согласился продолжать секретарствовать в комиссии, с чем комиссию от души можно поздравить. Следующим вне очереди разбирался вопрос об организации праздничных развлечений школьников. В этом вопросе приняли живое участие учащиеся в городских приходских училищах. В некоторых школах будут елки и детские спектакли... В других только елки, а в третьих, б.м., ограничатся одними литературными вечерами.

Здесь председатель собрания опять подчеркнул необходимость возможной экономии в средствах на устройство развлечений. «Все будут веселы, – сказал он, – когда все бедняки будут сыты и одеты».

Одни школы предполагают устраивать праздники самостоятельно. Другие по две-три школы вместе, но все за развлечения детям во время Рождества, и только пять школ решили праздновать Рождество во время Масленицы (!)

– Почему? Ваши соображения?

– Мы уезжаем домой, – заявляют «масленницы».

– Все будут праздновать, кроме детей пр. 5 школ. Что они за пацанки? Зачем их обижать? Они завидовать будут.

– Теперь они будут завидовать, а на Масленицу они вызовут зависть: мы устроим им развлечения, а другие нет...

– Нельзя создавать такое положение, которое способно породить зависть в душе ребенка: непедagogично в высшей степени.

– Да они и не будут (!?) завидовать; мы их спрашивали...

Учитель. Когда устраивать праздник детям – личное дело учителей. Насиловать их нельзя... Наша «мотивация» не причем.

Председатель. Училищная комиссия является в школьном деле до известной степени авторитетом, и ей желательно знать вполне педагогически обоснованные соображения за перенос рождественских праздников на Масленицу. Не скажет ли кто? Прошу, г.г. ...

Абсолютное молчание. Путем вставания комиссия высказалась единогласно за праздники на Рождество для всех школьников, и те 5 школ, учительницам которых необходимо домой, рассеятся между другими школами. Словом, места детской зависти не будет, но... и полного удовольствия не получают ребята без своих учительниц. На самом деле, что за праздник в роли пришлых... чужих...

Закончилось собрание рассмотрением нужд учеников и назначением пособий в той или другой форме.

Современное искусство и босоножки (1909. № 36)

Не человек живет для того,
чтобы быть артистом или ученым,
а наука и искусство должны служить
для блага человека.

Н.Г. Чернышевский

Индивидуалистический характер современного общественного строя, опирающегося на принципы личной жизни, дал огромный толчок индивидуалистическому направлению в искусстве и литературе.

Неумолимая действительность все более и более обнаруживает, что общество несет на себе след разложения. Каждый день приносит известия о все новых крахах, кризисах и столкновениях, нарушающих гармонию человеческой жизни. Нравственная порча захватывает собою все новые и новые круги и придает всему характер какой-то дикой вакханалии вокруг всемогущего золотого тельца.

Литература и искусство, ослепленные фетишами буржуазной современности, утратили свое утилитарное значение и, не видя стройного и мощного хода социального развития, со стороны новых и свежих сил народных низов, занялись изображением и воспеванием тех душевных эмоций, которые ближе всего к требованиям данного общества.

Утилитаристы, реалисты и певцы народной скорби заменились символистами и декадентами, для которых литература сделалась иллюстрацией к жизни, путем освещения ее в тех красках, какие сочетаются и комбинируются в исключительном их воображении.

Беря за исходную точку субъективные переживания и настроения личности, литература, с одной стороны, унеслась в высь загадочного мистицизма и богоискательства, а с другой – повернула обратно к идеалам прошлой истории, находя вдохновение к тем формам бытия, какие свойственны были человеку первобытной эпохи.

То же самое произошло и в искусстве, и особенно в танцах, как наиболее восприимчивой функции, при помощи которой люди легче всего могут выражать свое настроение и мироощущение.

Символизируясь и преклоняясь перед иллюзией жизни, современные танцы, как и литература, все более и более уклонились

в подражание прошлого и наконец завершились полнейшим «прощением» в лице выступившей целой плеяды «босоножек».

Исходя из того положения, что каждому данному классу нравятся именно то эстетическое направление, которое выражает его потребности, его интересы и воззрения, и принимая во внимание настоящее состояние общества, искусство босоножек встретило огромное сочувствие и, несмотря на свою новизну, нашло массу своих апологетов среди «аристократов духа».

Лишь только появились босоножки, как буржуазная пресса, поклонники и ценители женской красоты заговорили о танцах как о том давножданном искусстве, которое способно, наконец, разрубить гордиев узел условностей, стоящих между человеком и природой и мешающих эмансипации тела.

Под флагом уже достаточно избитого девиза «назад к природе» апологеты нового искусства придали ему окраску особой трансцендентальной философии, скрывающуюся в его символической пластике. Постигать через внешность внутреннее – стало лозунгом нового искусства.

«Нет для меня сомнения в том, – как пишет один из поклонников современного балета, г. Евреинов («Театр и искусство», № 48), – что всякий склад души, не говоря уже про выражение эмоций, представляется во всей желанной полноте только через нагое тело. Мужественность, дряхлость, злость, сентиментальность, целомудрие, невинность – любой характер станет явственнее на сцене, лишь только демаскируется тело».

Назад к временам прекрасной и целомудренной Эллады, к культуре красоты и пластики нагого тела – вот истинная цель эстетики.

Но, делая этот призыв к эллинской культуре и указывая на красоту и целомудрие женской наготы, поклонники ее совершенно упускают из вида, что в Элладе пластика нагого тела существовала как раз в период падения амфитеатра и эксплуатировалась развращенной публикой в сексуальных целях.

Функционируя как свободное искусство, сексуальная мимика господствовала сравнительно недолго и подвергалась порицанию «Сенек», затем гонению, запрещению и, наконец, искоренению аскетической властью христианства, так кстати подоспевшего на выручку морали.

После этого целых два тысячелетия нагое тело в качестве сценического средства не находило применения, и вот только теперь, ко-

гда общественная жизнь вступила на путь нравственного разложения, вновь заговорили о «путях злой одежды», мешающей наслаждаться красотой тела.

Первая, разорвавшая ненавистные цепи социальной этики и выступившая на открытой сцене в своей голой красоте, явилась Изадора Дункан.

С гордостью новаторши, открывшей новые глубины эстетики, и опьяненная успехом, Дункан поведала миру, что «во всяком искусстве нагое в то же время и самое прекрасное».

«Художник, скульптор, поэт – все руководствуются ею». «Конечная цель моего искусства, – отвечает Дункан, – показать, что «свет», льющийся на белые цветы, это танец, который чутко передал бы свет и белизну цветов; передал бы так чисто, так сильно, что люди, видевшие его, сказали бы: вот движется перед нами душа, душа, увидевшая свет, душа, почувствовавшая белизну белого цвета».

Не будем спорить о том, какие побуждения руководили И. Дункан в определении танцев как эстетической функции по передаче «света и белизны цветов» и какими невинными глазами вообще смотрит новая богиня на голое тело, но нельзя не видеть того, что последнее, хотя бы и в символических формах, все же остается телом, способным будить и вдохновлять не одни только возвышенные и прекрасные чувства. Конечно, искусство должно развиваться свободно и независимо от традиций морали, но оно не может быть абсолютно свободным, ибо самое искусство, как и всякая другая деятельность человека, до известной степени подчинено объективным атрибутам материального мира.

Человеческие вкусы индивидуальны, но эта особенность и различие каждого складываются под влиянием имманентных законов и не зависящих от людской воли объективных условий.

Так, например, эстетические вкусы пролетария значительно отличаются от вкусов буржуа. Но это различие зависит не от особенности конструкций мозгового вещества того и другого, а от различия тех социальных условий, которые их окружают.

Если бы представителям натуралистической и декадентской школ в живописи надлежало высказаться об искусстве малайцев, то их мнение и вкусы, как людей одной эпохи, сошлись бы. Но в то же время при оценке искусства своей эпохи натуралистическая и декадентская школа не могут быть тождественны, как школы, отражающие разные стороны общественной жизни.

Таким образом, искусство в одно и то же время в зависимости от наличия причин объективного свойства может выражать и высокие стремления, и стремления самого низкого пошиба.

Все народы, начиная от дикаря до самого культурного и сознательного человека, пользуются танцами как одной из форм чувственных выражений, но самое значение танцев, так же как и техники их, применяются не в одинаковых целях: для одних танец является культом божества, для других он только средство выразить свою радость, свое настроение. Но есть танцы, которые служат удовлетворению низменных побуждений человека.

В данное время мы переживаем период страстей, которые под влиянием соответствующих условий развернулись во всей своей силе. Литература, живопись и самая психология людей устремились на личное счастье, независимо от того, при каких условиях может быть достигнуто это счастье.

Вместо здорового утилитаризма, альтруизма на сцену выступило чувство эгоизма и индифферентизма к общему благу людей. Лишение интересов к коллективной общественной жизни и пренебрежение интересами других вызвали естественное желание как можно больше схватить наслаждений, усилить свои ощущения и впечатления и возбудить в себе те глубоко лежащие чувства, которые требуют постоянной новизны и остроты. Вот при наличии всех этих условий и безусловно нездоровой обстановки буржуазного распада появились танцовщицы, всевозможные куплетисты и куплетистки, вдохновленные цинизмом поэты и писатели, поклонники и поклонницы культа нагого тела.

Таким образом, появление босоножек с их культом «прекрасной Эллады» составляет не эволюцию эстетики, зависящей от интеллектуального и морального совершенствования вообще человечества, а эволюцию извращенных эстетических воззрений того класса, который несет на себе все признаки нравственного упадка и вырождения.

Каким целям служит современное хореографическое искусство в лице босоножек, позволим себе в качестве крайне интересной иллюстрации сделать следующую выписку из статьи бывшего профессора томского университета г. Р., высказавшего весьма верную точку зрения о гастролях г-жа Изадоры Дункан.

«В Берлине и во многих других городах, – как пишет почтенный профессор, – производила особенный фурор некая Изадора Дункан, танцовщица будущего. Причина этого фурора была совершенно

своеобразная: г-жа Дункан танцевала нагая. Правда, она не была совершенно обнажена: на голое тело она надевала или легкую тунику до колен, или длинную, но совершенно прозрачную рубашку. Танцевала она не особенно блестяще, это было скорее мимическое представление, чем танец. Но надлежащее действие производила, вся суть была не в танцах, не в особенно грациозных или красивых движениях, даже не в красоте самой танцовщицы, а в чем-то совершенно другом. Публика каждый день ожидала «скандала». И в самом деле, обнаженная женщина в одной тунике или коротенькой рубашке прыгала и вертелась, нагибалась и извивалась, все время на границах приличия: одно неловкое движение – и скандал бы произошел. И этого движения ждали. Вся загадка успеха была именно в этом ожидании. Публика, преимущественно мужская, каждый день наполняла театр с единственной надеждой увидеть скандал. И г-жа Дункан совершала свое священнодействие с поразительным умением. Она держалась совершенно свободно, вертелась, прыгала и бегала голыми ногами, но именно скандала-то и не учиняла. Она останавливалась всегда вовремя на самом рубеже. Зрители уходили разгоряченными, несколько разочарованные, но назавтра шли опять смотреть голую даму с голыми ногами и снова ждали скандала...».

История, как видим, пишет далее Р., самая обыкновенная. Звезд, подобных Дункан, много на кафешантанном небе; и у всех у них одна цель – как можно более раздражить страстишки пресыщенного горожанина и таким образом заработать деньгу. И прекрасная Изидора по существу занимается тем же ремеслом, несмотря на свое лицо страдающей невинности, несмотря на свою наружность хлыстовской богородицы... Важно тут другое... Важно то, что г-жа Дункан действует под знаменем возвращения к природе (прекрасной Эллад), природу и безыскусственность проповедует она при электрических лампочках, великими именами Дарвина и Геккеля прикрывает свои танцевальные подвиги; «назад к природе» – девиз прекрасной и скорбной Изидоры и не более и не менее как к молитве и священнодействию перед алтарем природы и «шопенгауэровской воли» призывает г-жа Дункан, когда она объявляет в афишах о номерах представления путем своего голого тела.

Статья, откуда мы сделали вышеизложенную выписку, была напечатана в журнале «Русское богатство» за 1903 год, то есть в то время, когда Изидора Дункан только начала подвизаться на сцене в качестве танцовщицы будущего.

Как надо полагать, чувствуя себя новичком, Изидора, несмотря на всю откровенность костюма, с рассчитанной ловкостью умелой артистки избегала «скандала», которого с таким любопытством ожидала немецкая публика. Но то, что служило границей для первой босоножки, было нарушено ее ученицами, как, например, Аддой Корвил, для которой скандал явился как раз дальнейшей традицией пластики.

Куда пойдет еще дальше искусство, в чем завершится «язык тела» босоножек, но так или иначе самая идея опростительства до положения эмансипации имеет под собою столько же почвы, сколько имеет ее класс, породивший данное искусство.

Возвращение к природе человечества провозглашают далеко не в первый раз, и не в первый раз фигурирует природа в качестве обосновательницы старого или законодательницы нового. В эпохи кризисов и переходов от старого к новому особенно любят обращаться к ее великодушной и широкой помощи. У нее заимствовали свои едкие и крамольные рассуждения эллинские нигилисты в виде Протагора. Из ее вечных и незыблемых законов выходились и необходимость рабства, и закон свободы в античные времена, к ее богатому арсеналу прибегали позднейшие стоики для обновления умирающего Рима, в ее лесах искал Тацит тех диких, но прекрасных в своем величии германцев, которых противопоставил миру развращенных вольноотпущенников и куртизанок.

На исходе XVIII века, когда на развалинах феодализма создавался новый строй, великий властитель душ г. благородный Жан-Жак Руссо апеллировал к той же природе, у которой искал он спасение человечества. И вот теперь к этой же самой природе обращаются современные эстеты, которые, не умея создать на развалинах гнилого отживающего общества новых, более совершенных форм жизни и мироощущений, тянут человечество назад, рассчитывая только там, в глубине варварства, найти личное удовлетворение.

Но в чем бы ни выразалось это стремление: в литературе, в мысли или в искусстве, – поворот назад невозможен, как нельзя возвратиться из состояния взрослого человека в детство, так нельзя жить теми формами, которые существовали при иных условиях хозяйственной и общественной жизни, и сколько бы современные опростители не апеллировали к прошлому, они только показывают свое бессилие, исковерканную психологию больного человека, для которого нет места в будущем, так как будущее всегда принадлежит только здоровым и сильным элементам.

Безработица в Сибири (1909. № 36)

Оговоримся: рабочий рынок в Сибири совершенно не исследован. Профессиональные организации, которые обычно берут на себя эту задачу в странах с нормально протекающей общественной жизнью, не могли существовать в Сибири в атмосфере общественного разложения. Они погибли медленной, бесславной смертью. Вместе с ними погибли надежды если не урегулировать, то хоть более или менее подробно, с цифрами на руках изучить вопрос о безработных в Сибири.

Приходится по отдельным случаям, зарегистрированным той или иной сибирской газетой, определять лишь общую форму, в которую вопрос этот вылился. Попытке сделать это и посвящена настоящая статья.

Капиталы, мобилизованные для экономической эмансипации Сибири государственным казначейством и частными предпринимателями, привлекли к нам вслед за собою массу безработных.

Со своей стороны рабочий рынок Сибири, вследствие сокращения производства в промышленных предприятиях, и особенно уменьшения штата мелких служащих Сибирской и Забайкальской жел. дороги, выделил несколько тысяч безработных. На одной Заб. дороге число их определилось, по сведениям газеты «Сиб.», в одиннадцать тысяч!?

Однако несмотря на наличность огромной армии безработных, предприимчивые дельцы, приехавшие брать подряды на постройках новых жел.-д. линий, заманчивыми рекламами зазывали в Сибирь все новые и новые толпы безработных. Так, «Сиб. Тор. Газ» отмечает, что «в Тюмень приехали несколько больших артелей рабочих для земляных, плотничных и др. работ, направляющихся на постройку новой тюменской железной дороги. Артели скомплектованы подрядчиками, преимущественно в черноземных губерниях – Калужской, Курской, Рязанской, Тамбовской и других».

О том же сообщает «Амур. Кр.» с постройки амурской дороги: «Подрядчики выписывают рабочих из населенных пунктов большими партиями. Среди безработных встречается много таких, которые имели хорошие места на жел.-дорогах в Евр. России, но бросили их, благодаря только заманчивым, широко распространяемым рекламам».

К этому «Приамурье» сообщает, что к весне будущего года проектируется доставить в Сибирь до 15000 рабочих. Партия будет сор-

ганизована из безработных внутренних губерний России при помощи общеземской организации.

При таком положении ясно, что предложение рабочих рук далеко превысило спрос на них.

Для иллюстрации газета «Сибирь» приводит убедительный случай в Иркутске: на местном участке службы тяги, говорит газета, был назначен конкурс на замещение вакансий 10 истопников и 1 чистильщика. В день конкурса, на соискание этих должностей явилось свыше *двухсот* (курсив мой. – Гл.А.Н.) челов., из которых многие – люди с приличным образованием. В этот день принято на службу только трое, причем преимущество отдавалось лицам, имеющим образовательный «ценз».

Управление Забдороги воспользовалось «выгодной конъюнктурой, чтобы повысить образовательный ценз, а подрядчики Амурской дороги, по словам «Ам. Кр.», создают эту конъюнктуру «с специальным расчетом, что при скоплении безработных явится дешевый и даровой труд только за пропитание».

По тем же условиям оплата труда подрядчиками из Тюмень-Омской жел. д., по словам «С.Т.Г.», назначена очень низкая, в особенности на земляные работы. К характеристике положения газета прибавляет: «Кроме заранее нанятых рабочих, на ту же постройку едет много вольных. Последние рассчитывали на месте поднять плату на работы, но ввиду большого наплыва туда рабочих рук на повышение платы трудно рассчитывать».

Итак, безработная армия налицо. Всей силой давит она на работающих сотоварищей, являясь для них вечной угрозой, парализуя их стремление к организации, их способность противиться чрезмерной эксплуатации предпринимателей.

Последние это прекрасно учитывают. Так, «Даур. Вол.» пишет, что рядчики на «Амуре» надолго задерживают уплату заработанных денег, а некоторые совсем ничего не платят при расчетах. Много рабочих и служащих проживают без дела от 1-го до 4-х месяцев в ожидании расчета от рядчиков, и некоторые из них вынуждены были обратиться к мировому судье. Однако мировой судья очень мало помог обратившимся к нему рабочим. Он предложил им обождать несколько месяцев до судебного разбирательства или поехать, оставив ему адреса. Рабочие предпочли не ждать, распродали свои пожитки и двинулись, наполняя приморские города. Волна безработных с Амурской дороги встретила в Хабаровске с не менее

сильной волной рабочих с рыбалок. «Усс. Окр.» сообщает, что «с закрытием навигации по р. Амуру в Хабаровск с рыбалок наехала масса рабочих, которые, не находя работы в Хабаровске, едут в Никольск, Владивосток, Харбин и др. города. Поезда, идущие из Хабаровска, переполнены рабочими. Многие из них заработали гроши, зима на носу. Общественных работ, организации помощи безработным нет. Очутившись в тисках нужды, они снова разбредутся по городам и снова... обивание порогов, просьбы о помощи и т.д.».

Куда рассосется эта масса измученных людей, когда даже из такого местечка, как Троицкосавск, Читинскому «Утру Сибири» пишут: «В ожидании постройки жел. дор. от Троицкосавска до Байкала город наш наполняется рабочими различных профессий. Явившись сюда в надежде отыскать заработок, они на самом деле попали в критическое положение: работы по постройке жел.-дор. линии предполагают начать только с весны. Что будет делать в маленьком городишке вся эта безработная масса, мы решительно отказываемся сказать».

Отказываемся сделать это и мы. Быть может, они двинутся на Камчатку, куда недавно, по словам «Харб.», проехала большая партия чернорабочих. Большинство из них с Амурской железной дороги, куда они ехали на заработки и не нашли их там. Теперь они идут на Камчатку, где надеются найти кусок хлеба.

Но едва ли они найдут его и там. Во всяком случае рабочие ищут выхода. Ищут страстно, мучительно, как может искать отчаявшийся, изголодавшийся человек. Совет дать – некому, предпринять что-нибудь организованно – не в силах. Но медленно жизнь сама намекает три выхода.

Отчаянное положение рабочих учли своеобразные «агенты», вербующие в Австралию, на сахарные плантации Гавайских островов штрейк-брехеров из русских рабочих. Им удалось уже отправить несколько сот, но, по словам «Приамурья», они думают завербовать 10 тысяч. «Кабала» явилась одним из выходов от голодной смерти.

Другому выходу корр. «Дал. Окр.» посвящает следующие строки: «Убийства делаются у нас повседневным явлением, которое никого уже не возмущает, нагоняя лишь панику на жителей, прячущихся по домам в вечерние часы. Убивают зря, из-за нескольких рублей, рискуя собственной головой. Масса пришлого люда, необеспеченность жизни и заработка, разочарование и нищета – вот благодарная почва для преступлений, растущих со сказочной быстротой, и, наконец, третий выход отмечает увеличивающаяся изо дня в день хроника самоубийств.

Из всех газетных отзывов с несомненной ясностью можно заключить, что эмансипация рабочей силы в Сибири, как и прочих ее богатств, совершенно не урегулирована. Убивая ее носителей способами, которыми характеризуются первоначальные стадии развивающегося капитализма, общественное развитие Сибири оправдывает слова марксистов: мы страдали не от развития капитализма, а от недостатка его развития.

Гл.А.Н.

Сибирские очерки (1910. № 31)

Сибирские инородцы являются в большинстве случаев обитателями суровой неприветливой тундры, где наш крестьянин почти не в состоянии акклиматизироваться. А, как известно, север Сибири хранит в своих недрах громадные богатства. Например, недавно в Тухуранском крае – в «гиблом крае» – англичане открыли залежи прекрасного каменного угля. О пушных и рыбных богатствах севера говорить не приходится: они слишком хорошо известны даже из учебников элементарной географии. Эксплуатировать отмеченные богатства с наибольшим размахом возможно при помощи инородцев, как обитателей тундры. Следовательно, «господствующая» народность, отбрасывая все чувства и соображения альтруистического характера, в своих чисто фискальных целях должна любовно, бережливо относиться к инородцам, должна содействовать их росту всеми мерами, всеми средствами как в материальном, так и в интеллектуальном отношении.

На самом же деле, мы видим совершенно другую картину. Инородцы вымирают. Не одно инородческое племя, как говорят немногие исследователи севера Сибири, окончательно ушло с лица земли. Вымирание продолжается ускоренным темпом. Если не изменятся условия быта инородцев или не изменится отношение «господствующей» народности к чукчам, камчадалам, юкагирам, осякам и т.д., то в конце концов инородцы погибнут. Погибнут целыми племенами. Необходимо поддержать инородческие племена. Необходимо их приобщать к культуре, благами которой пользуются жители просвещенных стран. Действительные свет и знания нужно нести к ним, а не пресловутую «русификацию».

Блюстители же черного духа, каким «пахнет» так разительно от союзников, ничего знать не хотят, кроме «русификации».

Например, журналом Комитета министров, от 10 мая 1905 года, опубликованном в № 136 «Правительственного вестника» (см. № 1 «Сибирских вопросов» за нынешний год) право поступления в учительские семинарии было предоставлено юношам буддийской и шаманской веры, наравне с православными юношами. Несколько молодых бурят воспользовались желанным правом. Поступили, проучились 4 года и кончили курс. У них в руках установленные свидетельства на звание начального учителя. А так как они «неправославные», то директор народных училищ Иркутской губернии мест им не дает. Не дает, хотя закон им предоставляет право учительствовать в инородческих школах. Не дает в то время, когда десятки бурятских школ стоят без учителей: когда в бурятские школы назначаются учителя, не знающие ни слова по-бурятски.

Что это такое?

Да все та же «русификация». Прелести ее становятся вполне очевидными, если представим себе школу, где учитель, как говорится, ни бе ни ме по-бурятски, а ученики по-русски.

В наилучших условиях, чем инородцы Восточной Сибири, по отношению к начальному образованию находятся инородцы Алтая. На Алтае отцы-миссионеры захватили монополию просвещения. В высшей степени характерную картину их деятельности на этом поприще дал корреспондент «Сибирской жизни» в корреспонденции из села Чемал, Бийского уезда. Он пишет:

«Бийские отцы-миссионеры очень встревожены слухами, будто бы население первой алтайской дючины, штаб-квартира которой находится в селении Ускезю (в 14 в. от Чемала, вниз по Катуню) собираются хлопотать перед губернским начальством об открытии в пределах дючины светского училища ведомства Министерства народного просвещения. В селениях этой дючины существуют только миссионерские школы, в которых, кроме грамоты, учат только читать наизусть тропари и никаких понятий не дают о природе, о физических явлениях, о жизни органического мира и о явлениях человеческой, личной и общественной жизни. С этой программой обучения инородцы легко бы примирились, потому что все-таки миссионерские школы научают читать и писать, но беда в том, что в миссионерские школы принимают только крещеных инородцев. Некрещеных детей миссия в школы не принимает в ущерб ее собствен-

ному делу, такое отношение миссии к детям некрещеных инородцев делает вполне понятным появление у последних мыслей о светской министерской школе. Но миссионеры разобижены таким поворотом мыслей у инородцев. Они думали, что монополия обучения инородцев будет вечно монополией миссии и вдруг... Недавно из Улалы приезжал в Чемал о. Петр Бенедактов, помощник начальника миссии, и, ввиду будто бы вышеуказанных планов инородцев, распорядился прикрыть миссионерскую школу в селении Аносе. Учителя И.И. Чевалкова, старательного и деятельного малого, из Аноса перевели в деревню Ташту, где население большей частью русское. На том же основании предполагается закрыть школу в с. Ускезю. Теперь жители Аноса плачут, что им негде учить своих детей; тот же плач раздастся скоро и в Ускезю.

О несурзности этой «политики» со стороны отцов-миссионеров говорить не приходится. Живым примером в этом отношении нам может послужить политика «обучения» западных губерний, где контингент населения все более и более отпадает от православия. Но печально для государства, когда просвещение хотя бы тех же инородцев попадает в монополию отцов-миссионеров.

М. К-ов

Сибирь. Удивительные порядки (1910. №44)

Говорят, что железнодорожное начальство за последнее время усиленно принимает меры к тому, чтобы поезда всех категорий, не исключая и товарных, следовали бы своевременно, строго придерживаясь расписания или даже раньше времени расписания (товарные).

– Слава богу, хватились! – остается только воскликнуть, узнав про такие меры против этого старого, издавна привившегося уже среди железнодорожников вредного порядка не обращать внимания на опоздания поездов, в особенности товарных, которым – как говорится – опаздывать и «Бог велит».

В самом деле, перевозка грузов товарными поездами производится на наших железных дорогах прямо-таки черепашьим шагом. Помимо того что дороги терпят громадный убыток от такого медленного передвижения грузов, и по тем же причинам появляются еще невероятные залежи всяких грузов на станциях, дороги платят

еще громадные деньги на просрочку грузов, так как оказывается, что они и при такой медленной перевозке грузов не выдерживают законно установленного минимального срока для доставки грузов. Значит, увеличение скорости движения поездов и, главное, уничтожение их долгих непроизводительных стоянок и задержек по станциям являются насущной потребностью в железнодорожном хозяйстве, так как эти явления – одни из главных причин приносимого железными дорогами дефицита.

Беда, однако, в том, что, как и во всех железнодорожных расписаниях, железнодорожное начальство принимается за эту назревшую реформу не с того конца, с какого именно следовало бы. Как и во всех железнодорожных неустроениях, так и в этом, козлом отпущения является пресловутый «стрелочник», т.е. «маленький человек». Если какой-нибудь дежурный на глухом, безлюдном разъезде, просяживая длинную зимнюю ночь, случайно задремал, и товарный поезд остановится на 5 мин., имея даже по расписанию несколько минут стоянки, то бедному дежурному достается: во-первых, его тут же обругает самой отборной бранью машинист, а во-вторых, достанется выговор от начальства, если машинист донесет. Но если поезда задерживаются на несколько часов по недосмотру начальства, то это сходит совершенно гладко, без ругани и выговоров. Для иллюстрации небезынтересно привести характерную картинку с натуры.

8-го февраля, на ст. Новониколаевск, сборный поезд № 62 был составлен и готов к отправлению к 6 часам вечера петерб. времени. Около 6 1/2 час. был подан паровоз, который оказался неисправным и ушел назад в депо. Около 9 часов веч. приготовили и подали другой паровоз, и этот оказался негодным и ушел в депо. Пока готовяли третий паровоз, прошло еще несколько часов, и поезд отправился только в 11 час. с минутами, простояв непроизводительно 5 часов.

Кто же теперь будет виноват в том, что под поезд подавались негодные паровозы? Я думаю, машинисты этих паровозов или никто, но во всяком случае только не деповское начальство, которое обязано следить за исправным состоянием паровозов...

Нет, видно, не скоро отойдет в область преданий анекдот о том, что одна старушка, спешившая к обедне, отказалась сесть в товарный поезд, заявив кондуктору, предлагавшему ее подвезти, что ей некогда, что ей «скоро нужно», и она боится опоздать...

Барон Монте Фейль

Барнаул

Барнаульские известия

К выборам в Государственную Думу (1906. № 49)

В скором времени предстоят выборы членов в Государственную Думу.

Город Барнаул должен выбрать из среды избирателей трех выборщиков. Эти выборщики в назначенное время должны прибыть в Томск на губернское собрание, на которое должны собраться выборщики со всей губернии, и там из своей среды выбирать членов в Государственную Думу.

Может быть, многие из барнаульских избирателей желают быть избранными в выборщики, а может быть, и никто не желает. Это пока неизвестно, так как никто своей кандидатуры или желания попасть в выборщики гласно не выставлял. Но тем не менее выборы должны быть проведены, и должно быть выбрано трое выборщиков.

Кого выбирать? Вопрос чрезвычайно важный и сложный.

Но прежде чем говорить о производстве выборов, мы приведем некоторые небезынтересные примеры. Например, в барнаульскую городскую думу на 4 года выбирается 40 гласных и 20 кандидатов к ним. Дума настоящего состава действует четвертый год, и осталось всего гласных 38, а кандидатов ни одного, так как все они перешли в гласные вместо отказавшихся. В 3-й год отказались от звания гласных 22 человека. В Томске, в январе 1906 года из выборного состава гласных в Городскую Думу двое отказалось до приведения к присяге нового состава Думы. А ведь все эти лица изъявили желание быть гласными, изъявили желание послужить городу, потому их и выбрали, а они потом отказались от почетного звания гласных. А подумайте-ка, сколько раз не могла состояться Городская Дума за неприбытием законного числа гласных, сколько вопросов из-за этого оттягивается разрешением. И в земских собраниях зачастую бывает то же, они не могут быть открыты за неприбытием законного числа гласных. Даже на разных всероссийских съездах, срок которым неделя, они приезжают к открытию и в половине съезда уезжают домой. Другие приезжают дня на два, на три. До закрытия съездов многие разъезжаются. А ведь как в гласные городских дум и земских собраний, так и в делегаты съездов выбираются лучшие люди, на

которых избиратели надеются, полагая, что они будут защищать их интересы. Но лучшие люди, хоть и согласились на выборы, а затем отказались.

И в Государственную Думу надо выбирать таких людей, которые бы все время сидели в Думе, а не отказывались бы, прослужа немного времени, вместе с тем надо выбирать таких людей, которые бы всегда были в Думе, чтобы она могла всегда состояться, а не так, как наши городские думы. – Это первый вопрос. Второй вопрос: кого выбирать? То ли богатого, то ли тароватого? Этот вопрос тоже сложный и требует большой разборчивости и соображений. По нашему мнению, этот вопрос можно разрешить исключительно только одним – «меркою». Присмотритесь кругом к окружающим вас людям и сообразите, кто из них что сделал для города полезного, истинно полезного, а не проводил только в народ одни несбыточные утопии, того и можно спросить, желает ли он баллотироваться в выборщики или нет. Раз он городу сумел принести пользу, то и Государству Российскому сумеет принести пользу, каков бы он не был – богатый или тароватый, или ни то ни другое. И в священном писании говорится: «В малом был верен, над многим ты поставлю».

Да! Надо смерить каждого и оценить его дела и тогда только выбирать. А без мерки выберем случайных людей, и стыдно нам будет, когда Государственная Дума будет заседать, а наш выборный член Думы в это время будет дома сидеть или другими делами заниматься.

Житель-Сибиряк

Раскрепощение (1906. № 114)

Барнаул, 25 мая

«Некоторые люди почитают себя патриотами потому, что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке», заметил когда-то А.С. Пушкин про русский «патриотизм». Эта «любовь к ботвинье» преследует русских и по настоящее время. В силу этой «ботвиньи» у нас в России, например, нашли возможным создать знаменитую «черту еврейской оседлости», столкав в один котел почти 5 миллионов евреев. В этом «котле», главным образом Юго-Западном крае, евреи кипят в собственном своем соку. Это кипение, говорят, необходимо для предохранения неокрепшего для культур-

ной борьбы за существование коренного русского населения от эксплуатации испытанного в жизненной борьбе еврейского народа. В силу этого квасного патриотизма у нас до 28 мая 1904 года существовал закон, осуждавший на вечное безбрачие разведенных супругов. Закон о безбрачии, правда, отменили, но оставили «троянскую стрелу» в виде епитимии от 2 до 7 лет. Но как бы то ни было, все же сделан громадный шаг вперед на пути к раскрепощению в области большого в России семейного вопроса.

Ныне другие времена, другие сразу явились и нравы. У нас действует первый в России парламент – Государственная Дума для «прочистки» обветшалого государственного строя. В русском церковном организме скопилось столько больных мест, так много вопросов, что решили, наконец, созвать церковный собор и приступить к капитальному ремонту обветшалого здания. Школа наша тоже открывает глаза после глубокого и продолжительного сна. Уже успели получить автономию высшей школы, и эта автономия сказывается «чреватыми» событиями. До автономии, например, в храм науки – Университет – пускали лишь получивших аттестат зрелости, хотя часто и безграмотных гимназистов. От реалистов, а особенно семинаристов, отрешивались, требуя сдать экзамены на «получение зрелости». Впрочем, странное дело! Для семинаристов делали исключение; их пускали в окраинные университеты – Варшавский, Юрьевский (Дерптский) и Томский, как будто университетская наука не во всех университетах одна и та же, как будто в одном университете обязательно нужно быть зрелым, а в другом можно обойтись и без вывески о зрелости... Так делали в силу все той же «любви к ботвинье», своеобразного русского патриотизма, и родной сестры последнего – политики русификации, довольствовавшейся до сих пор для своих русско-патриотических манипуляций даже и «незрелыми» семинаристами. Но теперь, слава Богу! – снята печать отвержения; теперь «каторжники» выпущены на волю. Бесправные получили права, раскрепощены... Реалисты получили право поступать во все русские университеты, а не в одни свои специальные высшие учебные заведения. А на днях телеграф сообщил, что Новороссийский университет гостеприимно раскрыл свои двери семинаристам, Казанский университет прислал в Самарскую семинарию правила о приеме семинаристов в Казанский университет. По этим правилам окончившие курс 4 классов семинарии с баллом 4 по теории словесности, истории, литературе, латинскому и греческому языкам, все-

общей и русской истории принимаются без экзамена. Не имеющие таких билетов держат дополнительный экзамен при университете. На юридический факультет окончившие курс 4 класса семинарии принимаются без экзамена. На медицинский факультет принимаются окончившие 4 класса семинарии с поверочными экзаменами по усмотрению факультета, причем испытание по математике обязательно. Отныне, таким образом, снята с семинаристов своего рода «черта оседлости», семинаристы перестают быть пасынками.

А сколько выиграет русский-то народ, избавившись от пастырей, забиравшихся в рясу часто только потому, что «деваться больше некуда», что пить-есть все хотят!

П.С.

Отголоски Алтая

Памяти Василия Константиновича Штильке (1908. № 1)

Простые слова простого сердца достались на долю общественно-го деятеля г. Барнаула. На его похоронах не было произнесено пышных ораторских речей. Молча шла громадная толпа барнаульцев за гробом своего начальника, подымая барнаульскую «копоть» по улицам, но на душе у многих было чистое чувство признательности за пройденный недаром для всего Барнаула земной путь. Вереница венков с надписями молча указывала на это чистое чувство, приподнятое далеко за пределами Барнаула. Далекий Томск досылал последнее прости «Гражданину Сибири» от своей прессы; попутный Николаевск проводил его светлым алюминиевым венком от интеллигенции «Члену Государственной Думы» и другим от деятелей по народному образованию. А в Барнауле встретили и проводили его «и стар и мал». Особенно трогательна была цепь малышей-школьников, ограждавших место у народного дома во время литии и еще скромный крестик из искусственных незабудок от воскресных школ с надписью нашего поэта «Сеял – разумное, доброе, вечное... Скажем спасибо сердечное...».

Мы не будем перечислять всех венков и их надписи. Скажем только, что их было больше тридцати.

Чем же заслужена была такая почеть?..

Василий Константинович был сыном земского заседателя, занимал сначала скромную должность учителя Горного училища в Барнауле, а потом младшего производителя работ землеустройства.

Его общественное положение было не выше среднего чиновника, и при всем том он сумел личной своей энергией и храбростью далеко продвинуть вопрос начального образования в Барнауле.

Это не была храбрость воителя, отважно идущего на смерть, это был подвиг культурного человека, спокойно стремящегося к намеченной цели в силу своего убеждения.

«Ни одного неграмотного!» – вот девиз, под которым он прожил четверть века, борясь с тьмой барнаульского невежества. И не столько с тьмой невежества бедняков, сколько с такою же тьмой состоятельных классов, забывающих за повседневными заботами и в погоне за наживой свои обязанности к просвещению масс.

Значение заслуг Василия Константиновича не исчерпывается учреждением в Барнауле двух школ и народного дома. Они неизмеримо выше.

Силой напряжения его воли девиз «Ни одного неграмотного!» проникал все глубже и глубже в сознание барнаульцев, вырастал и крепнул, и Василий Константинович был награжден доверием не только барнаульцев, но и выборщиков Томской губернии, пославших его отстаивать право на свет всей России в Государственную Думу.

Теперь уже не только для барнаульцев, а для всей России девиз, провозглашенный Василием Константиновичем 25 лет назад, становится ясным и необходимым.

Вносится и принят законопроект в Государственной Думе о всеобщем образовании «Ни одного неграмотного во всей России». Министерства, земства, школьные общества и частные лица принимают за составление школьной сети. Эта громадная сеть просветительных учреждений, конечно, не может быть создана сразу. Работа кропотливая, частичная, и в будущем должна ждать еще своего объединителя для полного своего расцвета. Но и этот объединитель будет работать под тем же девизом...

Мир праху твоему, труженик, не знавший светобоязни.

Мы оканчиваем заметку обещанием служить заветам Василия Константиновича и открываем широко страницы газеты всем желающим работать на ниве народного просвещения.

Пророк алтайцев Чет (1908. № 11)

С искони века калмыки Горного Алтая исповедовали идолопоклонство. Трудами миссионеров в настоящее время больше половины Алтая – новокрещенных. В последние годы стало заметно, что вера в шаманство некрещеных калмыков пошатнулась и окончательно рухнула в 1904 году, когда на горизонте появился новый пророк Чет Челпанов Кебеков, называвший себя «царь и бог Ойрот». Калмыки твердо верили в шаманство, с большим почтением относились к своим абысам (шаманам), которым приписывали чудодейственную силу и считали их посредниками между шайтаном и народом. Рассказывали про абысов легенды, что во время камлания (обряда богослужения) они, придя в экстаз, силою шайтана могли без вреда для здоровья втыкать в свою грудь до рукоятки нож, выскакивать из юрты чрез дымник (отверстие для выхода дыма) на высоту 12–15 аршин и т.п.

Случалось у калмыка какое-нибудь горе, хворал ли кто, падеж на скот, приглашают абыса для камлания и принесения жертвы. Самый же обряд камлания происходил следующим образом: выбирается для жертвоприношения где-нибудь неподалеку от айлов место, украшается березками и лентами и зверковыми шкурками. По приезде абыса собираются в юрту родственники и соседи, абыс облачается в фантастические одежды, сшитые из разных шкур и лент, обвешивается бубенцами и колокольчиками, берет громадного размера бубен, где посередине на особых пружинах приделан вертящийся идол. Ударяя колотушкою в бубен, начинает дикий танец вокруг костра, разложенного посередине юрты. При этом с пеною у рта выкрикиваются непонятные для окружающих таинственные слова, плещет по сторонам на идолов и на присутствующих аракой (водка, вырабатываемая калмыками из молока). Случается, что барабанная колотушка вырвется из рук абыса, упадет к кому-нибудь на колени или же ударит кого-нибудь по голове: тот берет ее с благоговением, целует и смиренно с поклонами возвращает абысу. И это кривлянье, крик, барабанный бой продолжают до тех пор, пока абыс, обливаясь потом, не придет в исступление, кончающееся обмороком. В заключение абыс объявляет хозяину, что шайтан на него разгневался, нужно его умиловить и во избежание новых несчастий нужно принести жертву, которую он просит, т.е. самую лучшую из табунов лошадь.

Наконец лучшая лошадь поймана, приведена к приготовленному заранее и украшенному березками месту, и тогда с ней расправляются прямо-таки по-зверски: к ногам жертвы привязывают арканы (веревки из волоса) и моментально разрывают на 4 части. Содранную с лошади шкуру вместе с головой вешают на жердь, поставленную одним концом на высоте 6–7 аршин, а другой конец жерди упирается в землю, где она и остается навсегда. Во избежание же кражи кем-либо жертвенной кожи последнюю предварительно нарезают ножом. Мясо с четверованной лошади поедается присутствующими, а кости сжигаются на жертвеннике. Этим и кончается обряд камлания. И абыс, одаренный щедрыми подарками и деньгами, возвращается восвояси. По верованию калмыков, абысом быть может не всякий. Им нужно родиться. Следовательно, не за ученость и ум определяются в абысы, а сам шайтан еще с рождения младенца назначает его своим преемником, абыс, будучи еще в колыбели, проявляет первые признаки своего назначения тем, что будто бы выскакивает из колыбели, перевертывается всегда вниз лицом и т.п. Абыс – юноша, и тогда уже шайтан заставляет его приступать к камланию. Напускает на него болезни, истерику, является в разных видах и грозит смертью. Одним словом, мучит до тех пор, пока мучимый не исполнит волю шайтана. И тогда под руководством старого опытного абыса ученик начинает учиться исполнять обряды камлания, а затем, пройдя школу абысства, приглашается нуждающимися.

Шаманство в настоящее время в упадке, благодаря, как я уже сказал, появившемуся в 1904 году пророку Чету Челпанову. Последний внес в среду алтайцев новый дух веры, новое учение, указал им бессмысленность шаманства, ложь и обирательство их шаманами. Чего-либо положительного утвердить в умах калмыков новому пророку не пришлось: он вскоре был арестован по распоряжению властей. Но семя, брошенное им, попало на плодородную почву, дало ростки и не заглохло до настоящего времени. Какое новое учение проповедовал Чет, осталось неясно для калмыков, но шаманство между алтайцами прекратило уже свое существование. Некоторые предполагают, что между ними свивает гнездо себе вероучение буддийское, которое и нес им пророк. Незыблительной личностью был и сам Чет Челпанов Кебеков: алтаец лет тридцати, типичный алтаец с широким скуластым желтым, смеющимся лицом, небольшого роста, крепкого телосложения и

объясняется будто бы на нескольких азиатских языках. Кто он и откуда, калмыкам неизвестно, и они не припомнят, чтобы он ранее проживал где-нибудь среди них. Говорили некоторые, что лет двадцать тому назад был мальчик-пастух Чет и потом скрылся неизвестно куда. И вот бывший пастух в настоящее время явился грозным обличителем лжи, насилий и обмана шаманства в тяжелой жизни алтайцев. Религиозная революция алтайцев произошла совсем неожиданно, быстро, так что в самое короткое время пророк сумел своими проповедями привлечь на свою сторону почти что все население Алтая. В короткое время алтайцы, несмотря на их низкий уровень мировоззрения, не приняв еще нового учения, по приказу пророка Чета с позором изгнали своих лжеучителей абысов, сожгли их бубны, принадлежности священнослужения и даже самих идолов. Не признающих нового учения нововерцы-калмыки заставляли признать насильно. В данном случае, конечно, не обошлось без жестокостей.

Появление между алтайцами пророка произошло так: в связи с Русско-японской войной между калмыками стало происходить «брожение умов», к тому же богатые легендами калмыки имеют между прочим одну из них, будто бы совпадающую с русско-японской войной, которая и гласит, что в давние времена у них было свое царство и свой царь. Но вот пришли русские. Покорили калмыкское царство и народ сделали своими подданными. Но придет время, сдвинутся две горы в одну, будет война между азиатами и русскими – тогда-то к ним явится свой царь Ойрот.

Вышеприведенная легенда и способствовала быстрым успехам новоявленного пророка Чета Челпанова, который и назвал себя «Я царь, я бог Ойрот!». Появился она на Алтае в долине урочища Ябаган. С первых же дней своей проповеди он нашел себе приверженцев в лице самых богатых и влиятельных калмыков. На его сторону перешли, во-первых, Зайсан (калмыкский старшина), Маньджи – популярнейший и богатый калмык, Кыйтык и много других. Прошел слух между калмыками, который с быстротой телеграфа распространился по всему населению Алтая, что появился новый царь и бог Ойрот, который творит чудеса, учит новой вере и новой жизни, появляясь в разных местах на белой лошади, в белой шубе. Затронутые любопытством и не желая послушаться своих начальников – зайсанов, перешедших уже на сторону пророка, калмыки, без различия пола и возраста, начали

стекаться из всех ущелий дикого Алтая в урочище Ябаган. Там их собралось около трех тысяч человек. Жилище нового царя и бога Ойрота обставлено таинственно, вход в юрту простым смертным строжайше воспрещен; и тогда уже ойрот стал появляться к собравшимся в белом облике (шубе). В такой же одежде появлялись народу две его помощницы: женщина лет 25 и девушка лет 12. Начались проповеди нового учения, посыпались проклятия на идолов и их служителей абысов с приказанием изгнать последних, предать сожжению их бубны, жертвенники и идолов. Что и стало приводиться сразу в исполнение. Нашлись, как я уже говорил, и непослушные, но и те, ввиду произведенного над ними насилия, сдались. С ними поступали самосудом: драли плетьюми, сажали под арест наподобие тюрем, сложенных на скорую руку из дикого камня, где морили голодом и т.п. Вот при каких условиях начал свою деятельность в среде алтайцев новый пророк Чет Челпанов Кебеков. Скоро начал, скоро и кончил. Он был более года изолирован от своих питомцев, но его труды не пропали даром, и его последователи продолжали начатое дело.

Теперь же он, после гонения, живет замкнуто, не подает о себе никакого слуха, да и сами алтайцы стараются избегать разговоров о нем. При таких условиях жизни его русскому трудно узнать местожительство Чета Челпанова. Ходят слухи, что калмыки в известное время собираются к Чету на «моление», как они говорят, но собираются уже не гласно, а стараются скрыться от всех. Странствуя по Алтаю, разговаривая с калмыками, я, между прочим, спрашивал: Чему они теперь веруют? «А Бог знает! Старую веру бросили, новой не научились, и живем так себе». На вопрос, где живет теперь Чет? – всегда получается один и тот же лаконический ответ: «Не знаю». Но в их ответах так и слышится, что они очень-то о многом умалчивают и что-то скрывают. Да и как не скрывать от русских те тайны, которые для них дороги. Ведь русские достаточно уже показали себя калмыкам. Как только русский войдет в их монотонную, тихую жизнь, так и приносит безобидному алтайцу горе и несчастье.

Барнаульский листок**«Блоха» № 10 (1909. № 92)****1-й год издания.****Газета еженедельная, выходить будет по воскресеньям,
если не помешают обстоятельства***К лесному кризису*

В прошлом году в Новониколаевске поднята такса на лесные материалы, вследствие распоряжения об общем в Алтайском округе повышении таксы, а в частности потому, что доходы Новониколаевской лесопилки упали будто бы вдвое ниже обычных.

Цены на распиловочные материалы оказались в нынешнем году настолько высокими, что пароходчики, как мы слышали, рассчитывали еще с весны заняться доставкой лесных материалов из Тюмени, то есть с Урала из Верхотурских лесов.

Теперь с открывшейся громадной потребностью на отстройку Новониколаевска после пожара намерение это будет, вероятно, осуществлено. Если это случится, то из сборника русских пословиц жители Алтайского округа могут вычеркнуть ту, которая говорит о странности случая, когда «в лес дрова возят». Доставлять в Новониколаевск лес из Верхотурья придется против воды, приблизительно столько тысяч верст, сколько сотен верст и придется плыть ему в Новониколаевск вниз по Оби из Алтайских лесов.

На перевозе

Пеших скопилось до 20 человек.

– Стой! Равняйся в линию, – требует управитель перевоза, чтобы всех было удобнее вогнать в один талон.

– Эй, баба! С тебя два пятака. У тебя на руках пассажир.

– Да этому пассажиру всего другой годок.

– Правило – тебе говорят. Давай деньги.

– Тетка! У тебя ящик с товаром, ты должна платить за воз товару.

– Родной мой, да в ящике-то всего две сотни яичек везу на базар!

– Правило! Плати.

– Ты, дядя, плати по таксе за повозку.

– Эка, парень! Два прута загнул, да пологом прикрыл от дождя, а ты уж – и повозка.

– А ты сперва таксу на столбе посмотри, да и толкуй. Плати, знай правило!

Около суда

– Ну что, Ломтиков, оправдал тебя суд?

– Нет, брат, в тюрьму законопатили.

– Что ты? Да разве тебя не защищал адвокат?

– Да защищать-то он точно защищал и доподлинно доказал, что я не виноват, а суд осудил-таки.

– Вишь ты! Да как же это так?

– А вот как? Адвокат-то доказал, что я не поджигал, – оно и действительно я не поджигал, да только...

– Что, только-то?

– А только я не в поджоге обвинялся, а в убийстве.

– Выходит, значит, что ты ошибся: не то преступление совершил. Так что ли?

Редактор-издатель Консерватор

***Редкое и дорогое (к 25-летнему юбилею Барнаульского
Общества попечения о начальном образовании)
(1909. № 201)***

Въехав в малоизвестный мне Барнаул и отыскивая глазами его достопримечательности, я невольно уронил свой приятно удивленный взгляд на одну из витрин.

Скромно, но солидно оттиснутая афиша сообщила мне, что в «театре общества попечения о начальном образования» идут и, видимо, идут периодически – довольно порядочные драматические произведения.

Тем не менее мне показалось странным, что общество имеет собственный театр, и желание немедленно увидеть этот театр собственными глазами было вполне естественным.

А когда мне сказали, что общество существует уже четверть столетия и на днях намерено праздновать двадцатипятилетний юбилей

своей жизни, я загорелся еще большим желанием ознакомиться поближе с таким оригинальным обществом.

Именно «оригинальным», так как в наше время, во время общего упадка сознательных сил и оскудения здравого смысла, когда чистый идеализм сменяется импрессионалистскими капризами и крикливым состязательством в искательствах истин, уцелеть и, уцелев, приносить пользу может что-либо исключительное, в своем роде оригинальное.

И вот, когда после довольно продолжительных мытарств по Барнаулу, я заручился целым ворохом довольно веских данных и личных наблюдений, я счел своим долгом поделиться своими беглыми впечатлениями с местным читателем.

Оказалось, что история деятельности общества настолько интересна, что имеет о себе целую литературу.

Перед нами, между прочим, очерк Баитова о пятнадцатилетней деятельности общества, который довольно обстоятельно знакомит нас с первыми шагами общества, с его постепенным развитием, ростом и процветанием, но то было десять лет назад, а за последнее десятилетие жизни утекло больше, чем за целую четверть века, если подвести итог тем переживаниям, брожениям и сотрясениям, душливый дым которых еще не растаял на родных горизонтах.

Если к этому прибавить, что подобные просветительные учреждения не могли пережить тяжелых годин нашего безвременья даже в таких крупных центрах, как Томск и Омск, где уже и память о них покрыта плесенью, то существование и прогресс Барнаульского общества объясняется или каким-то чудом, или, что вернее всего, – какой-то исключительной любовью к свету тех его руководителей, деятелей и ревностных тружеников, которые сумели путем ли своей тактики, путем ли других почти непосильных стараний, уберечь свое любимое детище от всяческих хищников и напастей...

Но для того чтобы не дать повода к упрекам меня в узости или пристрастии, я постараюсь изложить свои впечатления, только что полученные от личного ознакомления с теми плодами деятельности общества, какие являются достойным украшением Барнаула и славным примером для любого из его собратий.

С чувством искреннего благоговения окинул я взглядом фасад массивного Народного Дома.

Людам, не знакомым с терниями, какие всегда украшают путь фактических руководителей почти всякого доброго начинания, чуждо чувство такого умиления, и нередко, пользуясь плодами этого доброго, они не знают, как трудно было бы им исполнить хоть долю того, что сделали бескорыстные служители «разумного, доброго, вечного», и потому грустно мне стало при мысли, что велика еще грубая косность всесибирского большинства, не понимающего, не умеющего ценить «для них открытые сердца».

Вспомнился Василий Константинович Штильке, сердце которого было полно любви к меньшему брату, сердце которого неугасимо пылало лозунгом «света больше, света!»...

И вспомнилась трагическая расплата с ним сынов холодного мрака...

Но вот я вхожу и в самое здание. В бельэтаже огромный зрительный зал в два света с большой сценой и поместительным балконом; отличные фойе, целая анфилада комнат в верхнем и нижнем этаже, где помещена большая библиотека, читальня, параллельный класс одного из начальных училищ, помещение для предполагаемого ремесленного училища и великолепная галерея.

Здание это, преобразованное из полуразрушенной тюрьмы в прекрасный театр, обошлось в полсотни тысяч рублей, из которых около 40 было добыто силами и старанием общества.

А кто не знает условий, при которых устраиваются любительские спектакли, благотворительные вечера и всяческие изыскания средств, да еще почти десять лет тому назад, когда Барнаул был меньше настоящего почти вполнину.

В то время как в большинстве таких обществ обычно, помимо дефицитов, рождаются неизбежные дразги и взаимные сплетни, Барнаульское Общество не только не знает убытков, но и несет огромные ежегодные затраты на содержание своих двух школ, о которых скажем ниже, оно имеет хорошо сплоченный кружок драматического искусства и даже содержит платного режиссера.

Обе школы Общества обслуживают противоположные беднейшие кварталы города и находятся в цветущем состоянии.

Нагорная школа в своих довольно просторных классах в данное время обучает 230 детей обоего пола, да Зайчанская около

220. Всего, таким образом, обучается в школах общества около 450 человек, среди которых всегда и несомненно встречаются талантливые и нужные родителям будущие деятели-самородки. Притом одна из этих школ, Нагорная, существует 25 лет, то есть с момента открытия общества, и этот же срок проработала в ней старшая учительница А.А. Юферова, у которой за период тяжелой двадцатипятилетней учительской работы давно уже посеребрились волосы, несмотря на то, что она приняла школу еще в цветущей поре своей юности.

«Мои ученики давно уже приводят в эту же школу ко мне и детей своих, – с кроткой, но грустной улыбкой рассказывает Александра Алексеевна. – Нелегко на своих плечах нести этот ответственный труд, – продолжает она, – но становится еще тяжелее, когда сплошь и рядом приходится сталкиваться с царством глубокого невежества».

По словам А.А., с некоторых более состоятельных учеников была назначена плата в виде членского взноса в общество, но это вызвало со стороны многих родителей учеников подозрение, что эти рубли «берут учительши себе»...

И добрые учительницы терпеливо глотают эти оскорбительные подозрения вместе со слезами обиды и продолжают так же любовно и терпеливо работать.

Но что наши школы! Это только слабый фонарик в огромном пространстве тьмы, где нужно тысячи фонарей, чтобы люди не бились один о другого в исканиях выхода. А выход труден. С каждым годом все больше и больше приходится выбрасывать желающих учиться, ибо нет мест.

В Зайчанской школе, основанной с 1896 года, очень многие бедные ученики пользуются бесплатно учебниками и учебными принадлежностями, и даже бесплатным завтраком. При этой же школе имеется народная бесплатная библиотека имени В.К. Штильке и, кроме того, имеется детская библиотека, в которой есть 1176 названий детских книг.

Только одного жалованья учительскому персоналу и служащим при этих двух школах ежегодно выдается обществом свыше шести тысяч рублей.

Все это свидетельствует нам о том, что это исключительное по своей энергии и жизнеспособности общество оригинально тем, что

сплочено из живых людей с отзывчивым сердцем и чуткой, вполне человеческой душой.

Ясно, что люди, невидимо для большинства копошащиеся на пользу общества, работали и работают с искренней бескорыстностью, так как плоды этого бескорыстия слишком очевидны и не поддаются учету.

Отдавая должное славному юбиляру-обществу, барнаульцы, несомненно, поймут, как велика заслуга местной интеллигенции в деле единственного возможного в наше время двигателя культурно-народного образования и, поняв, будут всячески содействовать еще более широкому пробуждению общественного самосознания, дабы жестокостью индифферентизма не охладить горячего сердца столь необходимого и редкого просветительного учреждения.

Г. Гребенищikov

Часть 4

ТОМСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 1910-х годов

ТОМСК

Сибирская жизнь

Какой-то Ташкент (1910. № 82)

В одной из самых почтенных петербургских газет один из пользующихся доброй репутацией сотрудников при первом известии о смерти В.Ф. Комиссаржевской в Ташкенте начал свою статью словами: «Получено нелепое известие о том, что в каком-то Ташкенте умерла» и пр. Почему в «каком-то» Ташкенте? Почему Ташкент «какой-то», а Петербург не «какой-то»? Эпитет «какой-то», прилагаемый к предмету или лицу, означает, что этот предмет или это лицо не заслуживает уважения порядочных людей. Все, что исходит из Петербурга, прекрасно, умно и благородно, все не петербургское – безобразно, глупо и подло. Другого вывода из этого эпитета провинциал сделать не может. И он не может не почувствовать себя обиженным этим эпитетом.

И место, где помещена эта статья, и литературная физиономия автора, как она обрисовалась предыдущей деятельностью писателя, заставляют высказываться по его поводу с необходимой осторожностью. Едва ли можно обвинять его в глубоком органическом презрении и недружелюбии к провинции. Можно его выражение объяснить исключительно неосмотрительностью. Петербуржец воспитывается, растет, живет и действует в такой благоприятной общественной атмосфере, что провинция может ему только завидовать. Эта атмосфера дает петербуржцу большие умственные преимущества над провинциалом, но это не дает петербуржцу повода заноситься над провинциалом. Он должен знать, что эти благоприятные условия в очень малой степени обязаны своим появлением его самодеятельности, что они скорее счастливый результат исторических обстоятельств и отчасти созданы искусственно мерами

правительства. Но может ли он не заноситься над провинциалом, чувствуя свое превосходство?

Может ли англичанин, свободный гражданин своего отечества, не смотреть свысока на жителя азиатского государства? Только отдельные, высококультурные личности способны не злоупотреблять своим превосходством, для среднего же человека заносчивость перед менее культурной средой – дело естественное. Петербуржец не может не чувствовать неравенства, существующего между ним и обывателем «какого-то» Ташкента и «какого-то» Томска. Обыватели провинции по сравнению с петербуржцем – кто же этого теперь не сознает – люди, ограниченные в правах.

Сознание, что провинциалы принижены в своих правах сравнительно с петербуржцем, отражается и в языке последнего. Ташкент, Томск, это все «какие-то», все не настоящие города. Настоящий город в России – насколько русской фантазии дозволено мечтать об идеальном городе – только Петербург. Все, что вне Петербурга, все «какое-то». Все петербуржцы так думают, потому и петербургский литератор пишет: «какой-то Ташкент», несколько не смущаясь и не задумываясь над вопросом, не обидел ли он кого-нибудь на пространстве Российской империи этим выражением, не наступил ли на ногу и не следует извиниться, – подобно тому, как Половцев и Пуришкевич высказывают свои унижительные, пошлые мнения о женском поле, не краснея, потому что среда, окружающая их, имеет о женском поле совершенно такое же пошлое мнение.

«Какая, однако ж, разница», говорит петербуржец, глядя свои артистически выбритые щеки и подбородок, «между цивилизованным человеком и обывателем «какого-то» Ташкента»?

Такое отношение к провинции столь распространено, что петербургскому писателю нужно иметь большую независимость, чтобы не подпасть под влияние господствующих манер.

Г. Потанин

О лице сибирской печати (1913. № 36)

Одновременно появление статей по вопросу принципиальной важности в трех больших иркутских газетах вызвало во мне чувство большого удовлетворения.

Именно своим единодушием, страстностью, исчерпывающей полнотой и быстротой, с какою она реагировала на новое в жизни провинциальной печати явление.

Явление это каждая из иркутских газет окрестила, сообразно со своим темпераментом, совершенно правильно. «Сибирь» назвала его «Походом на провинциальную печать», «Сибирские вести» – «Фабрикацией (фальсификацией) общественного мнения», а «Новая Сибирь» – «Публицистикой распивочно и на вынос».

Прежде чем сказать, почему именно меня удовлетворило появление этих статей, и поговорить по поводу их на тему, обозначенную в заголовке настоящей статьи, считаю необходимым познакомить читателей «Сибирской Жизни» с содержанием указанных статей в иркутских газетах, большинству наших читателей, наверное, незнакомых.

Происшедший в 1905 году сдвиг русской жизни с мертвой точки застоя вызвал в широких массах населения потребность в самообразовании, в выработке политического мирозерцания, в приобщении к тем знаниям и пониманию, какие были достоянием верхов культурных стран, аристократов мысли.

Удовлетворение этого спроса, предъявленного, главным образом, провинцией, вызвало к жизни массу местных органов печати. Но готового кадра видных местных сил в качестве влиятельных руководителей и знатоков по различным вопросам не доставало, а привлечь их со стороны не хватало средств.

Этот явный пробел восполнялся провинциальной печатью путем заимствований, извлечений и перепечаток статей из столичных органов, но эта крошка, часто неумелая и беспорядочная, не удовлетворяла читателя.

На помощь провинциальной печати стали появляться различные бюро «печати», заказывавшие специалистам статьи по различным вопросам и представлявшие их в распоряжение желающих за недорогую плату. Эти «бюро» приспособлялись, совершенствовались, ломались и вновь возникали, стремясь удержать за собой позицию поставщиков для провинциальной печати руководящих статей по наиболее капитальным вопросам русской жизни.

Наконец, в самое последнее время, в январе настоящего года, родилось новое информационное «бюро» «усовершенствованного» типа, солидно обставленное капиталом.

Это бюро «Пресса», финансируемое конторой Метцля, «объединив все оттенки русской прогрессивной общественной мысли», ста-

вит своей обязанностью «доставлять провинциальным газетам статьи выдающихся специалистов по всем отраслям русской политической и общественной жизни», за 100 руб. в месяц, в количестве 10 тысяч строк. Бюро, действительно, объединило лучшие силы из числа руководителей и постоянных работников таких периодических органов печати, как «Речь», «Русс. Богатство», «Заветы», давая статьи Милюкова, Пешехонова, Петрищева, Огановского, Слонимского и т.д.

Вот эта-то организация и вызвала страстный протест иркутских газет, увидевших в ней серьезную опасность для провинциальной печати вообще, а для сибирской в частности.

«Сибирь» называет предприятие бюро фабричным производством мысли, возникшим на почве безвременья, пользуясь которым столичные гробовщики явились на выручку провинциальной печати и предлагают ей «немножко подержанный гробик».

В положительный результат предприятия газета не верит, так как услугами бюро воспользуются прежде всего зашибающие на прогрессивности газеты копейку разные гешефтмахеры, обслуживающие интересы углепромышленников, строителей жел. дорог и т.п.

Не верит потому, что корифеи литературы, отдавшие бюро свои имена, будут очень редко выступать, вследствие недосуга, да и то с материалом наименее ценным, так что газетам придется питаться преимущественно суррогатами предпринимателей, каков стоящий во главе бюро «Пресса» г. Бич-Томашевский, «подрядчик по устройству благотворительных вечеров».

Не верит и потому, что яркие статьи крупных писателей будут вызывать репрессии со стороны местных администраторов в виде конфискации и штрафов (чему, напр., «Сибирская Жизнь» подверглась за первый же номер с информацией), так что сами редакции ограничат пользование таким материалом. Но зато вредное влияние этого предприятия на местную печать для «Сибири» стоит вне сомнений. Местные сотрудники вытесняются, свобода их суждений не только по крупным общим вопросам ограничивается, а даже на темы местного значения, так как бюро и по этим национальным и окраинным вопросам предлагает своих специалистов.

В результате провинциальная газета лишается собственной физономии и перекраивается по столичному шаблону, а кадр местных работников мысли хиреет и распадается, а вместе с тем иссыкает и тот колодец, из которого до сих пор всегда черпала столица.

Поэтому «Сибирь» призывает провинцию дружно встать на борьбу за свое существование. «Ставка слишком крупна, – говорит она, – чтобы дать разыграть ее под сурдинку».

«Сибир. Вести», анализируя процесс формирования общественного мнения, устанавливают, что деятельный работник местной печати, чтобы отражать это мнение, неизбежно должен жить атмосферой местных настроений, впитать в себя нечто из суммы местных мнений, имеющее свой собственный, подлинный букет. Всякая замена местной статьи по любому вопросу будет поэтому фальсификацией общественного мнения, да вдобавок еще фальсификацией запоздалой. Получив, например, телеграмму о каком-нибудь событии, газета, вместо того, чтобы реагировать на него немедленно и удовлетворить вызванный интерес читателя, будет ждать, пока почта доставит столичную информацию.

Приводя, как и «Сибирь», различные соображения о вреде бюро печати, «Сиб. Вести» особенно останавливаются на последствиях этой «капитализации прессы», на конкуренции в борьбе за рынок, конфликтах с издателями и штрейкбрехерстве.

Газета приводит характерный эпизод из жизни сибирской печати с газетой «Омуль» в Чите, которая наряду с перепечатками из «Веча» и др. черносотенных изданий, в целях получения казенной субсидии, пользовалась дешевым материалом из прогрессивного «бюро печати», погибла под штрафами именно за него.

В бюро печати «Сиб. Вести» видят угрозу бытию местных писателей в случае их конфликтов с издателями – к услугам последних готовая штрейкбрехерская организация.

Газета обращается к крупным писателям, давшим свои имена бюро «Пресса»: «Остановитесь, не надрубайте тот сук, на котором сидите, не губите нарождающуюся общественность, не подменяйте настоящее общественное мнение фальсификацией, не покрывайте своими именами предприятия, по существу своему глубоко антиобщественные...»

«Новая Сибирь» встретила новое бюро печати с беспощадной суровостью, как «торговлю публицистикой распивочно и на вынос», как капиталистическое предприятие, разрушающее «то хорошее культурное дело, которое по мере сил и разумения делали провинциальные работники пера», разрушающее нравственные связи между местными писателями и их органами и между этими последними и читателем.

Газета подчеркивает силу капитала в создании «противоестественного блока народничества и кадетов» и с негодованием заключает свою статью словами: «И бездушная, поглощенная капиталом, подчиненная пятаку, лживая и продажная, – хоть и безукоризненно грамотная – провинциальная печать будет в тысячу раз хуже того, что мы имеем теперь».

К этому я должен прибавить, что все три газеты с одинаковым единодушием поставили «Сибирской Жизни» в дебет то, что она воспользовалась услугами бюро «Пресса».

Лично я буду искренно рад, если в семье сибирской печати «Сиб. Ж.» будет и последней из подписавшихся. Это будет одно из тех следствий выступления иркутской печати, которое заставляет меня переживать чувство удовлетворения. Но не следует переоценивать значение этого факта.

Самая старая в семье сибирских органов периодической печати, с сложившимися традициями, с прочно сформировавшимся кадром работников, каким бы частичным изменениям его состав не подвергался, «Сиб. Жизнь» своего лица не потеряет. Поэтому подписка на информационный материал бюро «Пресса» никаким духовным порабощением столичному производству мысли для «Сибирской Жизни» не угрожала, в худшем случае лишь в незначительной степени суживая работу местных сотрудников.

Не следует преувеличивать и вообще опасности от предпринимательского бюро и доводить предположение о ней до такой крайности, как полное обезличение печати и распад кадров местных работников.

Прошел уже с лишком месяц, как бюро «Пресса» разослало во все провинциальные захолустья свои предложения, а однако, за исключением «Сибирской Жизни», мы не знаем ни одного сибирского органа, который бы на этот «соблазн» польстился.

Очевидно, предложения бюро оказываются не очень заманчивыми для громадного большинства сибирских газет; очевидно, далее, что сибирские газеты не обнаружили неодолимой склонности поступиться своим материалом.

Не следует также обвинять и лучших представителей нашей литературы, как это сделала «Нов. Сиб.», в том, будто они «продают свое перо и свое имя», участвуя в крупнокапиталистическом производстве. Это крайность. Эти имена все-таки остаются тем чистым

источником, тем живым родником, из которого всем нам и всегда придется черпать.

Крупные имена, которыми литература по справедливости гордится, объединились с чистыми намерениями в бюро печати, чтобы расширить свою аудиторию, усилить свое, всегда желательное и нужное, влияние на нее.

Но необходимо обратить внимание и на обратную сторону медали. Необходимо выяснить принципиальное значение таких бюро вообще для местной областной печати: несомненно, что практика пользования материалами бюро, представляющая интерес для больших провинциальных газет, угрожает бедной средствами и силами областной печати серьезной опасностью утратить свою самостоятельность.

Честь этого разъяснения принадлежит иркутской печати, так чутко реагировавшей на появление бюро «Пресса».

Благодаря этим разъяснениям я острее почувствовал необходимость той связи, которая должна объединять сибирскую печать, со всеми ее оттенками и разномыслием, в одну семью.

Из дружных выступлений иркутской печати сам собою выдвигается вопрос огромного значения об определении своего лица, об укреплении своей собственной позиции, о самостоятельной разработке основных вопросов областной жизни и о такой дружной работе в этом направлении, чтоб сибирская печать в целом, при всем разнообразии ее в своих частях, представляла нечто оригинальное и влиятельное своей компетентностью.

Над этим вопросом нужно поработать всем органам печати, большим и малым. Пусть лица отдельных членов этой семьи будут корявые, захудалые, калмыковатые и т.д., но пусть это будут собственные лица со всеми их родимыми пятнышками, которые лица не портят, как не портят воздушные пузырьки в массе стекла самого дорогого объектива.

Я не то, что думаю, предполагаю, – нет, я уверен в том, что сибирская печать уже имеет свое лицо, может быть, не совсем определенное, как у подростка, не достигшего зрелого возраста, но все-таки это подлинное лицо, а не маска. Моя уверенность в этом покоится на знакомстве с несколькими десятками сибирских газет, и оно, это знакомство, приводит меня к заключению, что у сибирской печати органически заложена потребность, пусть даже несознанная и не

являющаяся результатом размышления, потребность быть самим собой, а не надевать чужой облик.

Вот почему у меня нет и страха иркутских газет за утрату собственной физиономии, за обезличение.

Тот факт, что сибирские газеты до сих пор не соблазнились «перспективой иметь Милюкова на копейку», только подтверждает наличие инстинктивного чувства даже маленьких и бедных средствами газет – во что бы то ни стало сохранить свое лицо.

Думаю поэтому, что наша сибирская (*при наборе в газете пропущена строка*) и впредь, особенно после того, как иркутские газеты с такой горячностью встретили угрозу при самом ее появлении.

Думаю поэтому, что наша сибирская печать, пользуясь живой водой различных родников мысли, не дает обезличить себя информацией различных бюро печати.

Выдвинутый ими вопрос я готов отметить как крупнейшее явление в жизни сибирской печати в наступившем году. Несомненно, отдельные органы печати откликнутся на него и почувствуют свою связь друг с другом, отчетливее признают себя членами одной семьи, перед которой лежит огромная и ответственная задача, налагаемая родиной.

Сибирь необъятно велика и богата – и разнообразными дарами природы, и духовными силами ее крепкого населения. Но она обездолена и лишена таких элементарных благ, каковы, например, земские учреждения, отсутствие которых задерживает ее нормальное развитие.

На обязанности печати прежде всего лежит веско обосновать это положение, организовать общественное мнение и энергично добиваться своего, не смущаясь никакими препятствиями.

Задача огромная, но она исполнима при условии, если печать будет иметь свое лицо.

А. Адрианов

Интеллигенция и печать Сибири (1913. № 40)

Две иркутские газеты «Сибирь» и «Сибирские вести» забили тревогу по поводу учреждения в столице грандиозного бюро для снабжения провинциальных газет передовицами. Эти газеты увидели в столичном предприятии грозную опасность для умственного

труда провинции; «они боятся», что петербургские журналисты заполнят столбцы провинциальных газет, вытеснят из них провинциальных работников пера и убьют всякое творчество в провинции; иркутские газеты приглашают своих собратий по газетному делу не принимать предложения вновь основанного столичного бюро и протестовать против захвата страниц сибирской прессы столичными публицистами.

Следует признаться, что первые случаи вторжения столичных литераторов в провинциальную прессу не были с их стороны насильем; этот путь им был проторен самой провинциальной прессой. Русская интеллигенция вся сосредоточена в столицах; провинция обезлюжена, и провинциальная газета не может быть оборудована местными средствами; местной производительности никогда не хватало, не хватает и в настоящее время; провинциальная газета в значительной степени наполняется вырезками из столичных газет. В 90-х годах прошлого столетия в существовавшем тогда союзе писателей некоторыми сотрудниками петербургских газет был поднят вопрос о запрещении провинциальным газетам бесплатно перепечатывать из столичных газет статьи петербургских публицистов; против этого предложения сильно запротестовало большинство союза, горячо защищал интересы провинциальной прессы г. Лемке, его поддержал Н. Ф. Анненский. Говорили, что это запрещение совершенно обесцветит провинциальную прессу и что право перепечатывания оказывает громадную услугу всему русскому обществу, расширяя в нем идеи о политической свободе. Предложение сотрудников сибирских газет было отвергнуто.

Теперь положение провинциальной прессы, может быть, улучшилось, но все-таки появление столичных литературных имен в местной газете встречается местным обществом с удовольствием. Конечно, если столичное бюро, так напугавшее Иркутск, в самом деле угрожает сибирской производительности и сибирскому творчеству, если оно грозит изгнать из сибирских газет не только статьи сибирских публицистов, не только памфлеты, но и произведения сибирских беллетристов и поэтов, так что вместо Вяткина и Тачалова мы будем читать только Бальмонта, вместо Гребенщикова и Шишкова только Леонида Андреева, – то всеми силами нужно протестовать против этой меркантильной затеи столицы. Может быть, специальным соглашением можно установить правильное отношение между предложением столичного товара и спросом провинции на столичные мысль и соль.

Протест иркутских газет может только порадовать истинных друзей Сибири; необходимо встать на защиту местных тружеников пера; нужно поднять вопрос о поднятии творчества во всех областях искусства. Желательно, чтобы увеличилась производительность сибирских беллетристов и сибирских художников; нужно, чтобы появились свои сибирские музыкальные композиторы, словом, нужно представить Сибирь в беллетристике, и в поэзии, и в живописи, и в музыке, и на театральной сцене. Но главным препятствием к стремлениям провинции в этом направлении служит централизация умственных сил в столицах, а потому и главный протест наш должен быть направлен против этой централизации. Сравнительно с другими провинциями государства Сибирь находится в особом положении: она не только беднее других провинций интеллигентными силами вообще, но она еще отличается от других провинций тем, что в ней чрезвычайно мало интеллигентных уроженцев края, громадное большинство ее интеллигенции пришлое, не местное. Не говоря уже о высших чиновниках края, учителя, врачи, техники, инженеры, коммерсанты, приказчики – все это по большей части уроженцы Европ. России. В том же положении находится и пресса; в редких случаях издателем или редактором сибирского печатного органа является сибиряк. В Омске, Красноярске, Иркутске, Чите, на Дальнем Востоке – почти везде пресса в руках уроженцев Европейской России; последние стоят во главе изданий, они же, главным образом, составляют и контингент сотрудников.

Разве же это не есть такое же заполнение сибирской прессы не местными силами, как и то заполнение ее, которым угрожает новое столичное бюро и против которого протестуют иркутские газеты? Отбивая натиск петербургских литераторов, мы не поправляем дело в корне; ведь сотрудники и главари сибирской прессы те же столичные литераторы; ведь есть даже газеты, фактические редакторы которых живут в столице и оттуда руководят их направлением. Какое же существенное изменение внесет отпор против бюро? Приведет ли он к тому, что в сибирской прессе будут поставлены на первый план интересы Сибири, что сибирские газеты будут заполняться разработкой местных сибирских вопросов, будут заполняться известиями из сибирских сел и деревень, сообщениями о нуждах сибирской деревни, о течениях во внутренней жизни сибирского крестьянства? Сибирские редакции получают иногда письма из уездных городов, в которых подписчики жалуются, что газета много дает места мест-

ным известиям, между тем, им было бы интереснее знать, что делается в метрополии. И это понятно; пишущие эти строки, конечно, уроженцы Европейской России, они временные гости в Сибири и поздно или рано думают ее оставить. Что ему рассказы из быта сибирских крестьян, что ему статья сибиряка-публициста о неравноправии сибирского обывателя? Что ему сибирский крестьянин? И, по всей вероятности, большинство «сибирской интеллигенции» готово предъявить к сибирским газетам то же требование. И на это она имеет юридическое право. Она главный, многочисленный подписчик на сибирские газеты; деньги этой «сибирской интеллигенции», т.е. пришедшей, не местной интеллигенции, поддерживают существование сибирской прессы. Эти протесты против местного материала в сибирской газете лучше всего свидетельствуют о ненормальном составе сибирского общества. «Сибирской интеллигенции» скучно читать о сибирском крестьянине. Ввиду подобных рассуждений придется немножко разойтись с иркутскими газетами. Главный контингент подписчиков у иркутских газет – члены пришедшей интеллигенции. Они диктуют сибирской прессе свои вкусы. Поэтому программы, лозунги у лучших сибирских газет совершенно те же, что и у столичных. И если страшное бюро кому угрожает, то только современным руководителям сибирской прессы, а не всходам сибирского общественного самосознания, которые еще не взошли как следует. Если наплыв столичных статей в сибирскую прессу пугает тем, что заглушит ростки местной мысли, то почему не опасаться того же от нынешних руководителей местной прессы, которые, в сущности, только верные сыны петербургской прессы?

Надеюсь, что читатель не заподозрит меня в намерении отвергнуть доброе значение деятельности современных руководителей сибирской прессы. Я признаю ее заслуги и думаю, что впоследствии сибирское общество признает их. Задачи центральной и провинциальной прессы не совсем одни и те же. Столичная пресса разрабатывает общегосударственные вопросы; у провинциальной две задачи: одна – пропагандировать в провинции результаты столичной работы, другая – разрабатывать местные вопросы, в особенности те, которые вызываются экономическим или правовым неравенством области по сравнению с целыми государствами. Настоящая сибирская пресса в лучших своих представителях первую половину этой программы исполняет добровольно. Но они должны согласиться, что главная задача местной прессы – местные вопросы, и самый важный

сибирский вопрос – о составе местной интеллигенции. Другие вопросы поднимаются о неравенстве в материальных условиях, а это – о неравенстве в духовном отношении. Совершенно дико, что интеллигенция не вырастает в крае из местного крестьянства, а край снабжается интеллигентными силами из-за Урала.

Г. Потанин

Сибирская новь

Идея новой критики (1910. № 2)

(Примечание редакции. Давая место настоящей статье, редакция с некоторыми выводами автора не вполне согласна)

Есть что-то красивое в какофонии настраивающегося оркестра. Нет ни мелодии, ни гармонии... Каждый играет свое, отрывки, кусочки... Вдруг залилась смехом трель, загрустила скрипка, зарыдала виолончель... Хаос звуков, только вырванные из какой-то музыки речи.

В них есть что-то красивое!

Прислушиваешься к ним, ловишь, они прячутся, обрываются внезапно, смешиваются. И вдруг что-то цельное, характерное...

Наше новое творчество производит впечатление настраивания какого-то гигантского оркестра. Везде чувствуются только вырванные звуки той музыки, к которой готовится новый художник. И он, и критик – музыкант грядущей музыки творчества.

И хочется уловить доминирующие аккорды этой музыки – что они поют? – куда зовут? В данном случае хочется схватить то новое, что несет на своем знамени наша молодая критика. – Какова ее партия в общей музыке того колоссального оркестра, который символизирует новое творчество?

Прежде всего заметно искание в творчестве художника его личности.

Айхенвальд рисует силуэты наших писателей, тонкие, нежные, кристальные в своих извилах, какие-то симфонические.

Чуковский пробивается в душу писателя и ищет там мотивы его творчества. Он подглядывает, подслушивает художника. Ловит каждое его слово, смотрит все время в глаза писателю и потом говорит, что он видел, чувствовал и слышал.

Измайлов своими критическими пародиями, художественными, смелыми, порою глубокими, подчеркивает творческие контуры.

Мережковский, Белый, Кранихфельд, Горнфельд...

Все они в творчестве ищут творца, воплощающую душу и рисуют. Им не рассказ, не повесть, не стихотворение, не картина дорога, а тот, кто сотворил этот рассказ, эту картину. Каждое произведение – это только палитра, красками которой они рисуют творческое лицо художника.

И художнику это близко и дорого.

– Важно не то, о чем пишет писатель, не те истины, которые он якобы открывает, а его собственная личность, – говорит Михаил Арцыбашев.

– По прочтении книги нужно забыть все слова автора и только помнить его лицо, – заметил Лев Шестов одному критику.

Или в своих бесконечно-загадочных «Замыслах» Оскар Уайльд говорит:

– Меня всегда забавляет глупое самомнение тех писателей и художников нашего времени, которые воображают, что главная задача критика болтать об их посредственных произведениях.

Не «Фауст» велик, а Вольфганг Гете; не «Also sprach Zarathustra», а Фридрих Ницше; не «Остров мертвых», а Беклин. Велик и дорог тот, кто дал нам эти творения.

Произведения велики творцами, как творцы – произведениями.

Открыть лицо творца в произведении, в творчестве – вот задача критика, одна из важных доминирующих идей новой критики.

Не Раскольников дорог новому критику, нет! Ему дорог Достоевский.

– Тварь ли я дрожащая или право имею?...

Критику дороги эти слова не потому, что ими мучился и горел Раскольников, но дороги тем, что ими Достоевский выразил свое искание человека, «имеющего право дерзнуть». Достоевский чувствовал, что эти дерзающие нужны жизни, и он их ждал и искал. «Преступление и наказание» для критика только зеркало, в котором отразился вечно ищущий, вечно возмущенный и страдающий Достоевский.

И не то важно, что «Анатэма» молит открыть ему вечность и истину. Андреев молит, Андреев мучится, Андреев ищет.

– Где истина?..

Представьте себе «Анатэму» без этого вопроса, и все великое и красивое, все, что делает «Анатэму» большим, ярким, выдающимся, перестанет быть большим и ярким. Перестанет потому, что мы отняли

душу «Анатэмы», отняли то, чем волновался Андреев, что поднимало его на мировой бунт перед таинственными воротами, закрывшими человека от вечности и истины. Вся красота «Анатэмы» в искании Леонидом Андреевым его истины, и потому мы никогда не пойдем ни «Анатэмы», ни Андреева, если не сольем творение с творцом.

– Где истина?

Эти два слова – уже контуры для авторского портрета. Их теперь только зарисовать, оттенить.

Выявить то, что мучит художника, открыть его мятущуюся душу, его мысль, изобразить колорит творчества – это значит изобразить творца.

И это стало лейтмотивом новой критики, ее идей.

Искание личности художника рисовалось еще В. Белинскому, этому чуткому психологу художественного творчества.

– Приступая к изучению поэта, – писал он, подразумевая под поэтом вообще творца, – прежде всего должно уловить в многообразии и разнообразии его произведений тайну его личности.

Тайна эта – развивает далее критик свою мысль, – в «характерной самобытности», «оригинальности духа».

Но это осталось только творческой мечтой, которую не удалось осуществить Виссариону Григорьевичу. Смерть заглушила его великие речи и безжалостно вырвала перо из творческих, бледных рук. Мечта родилась и, не успевши реализоваться, умерла. И только теперь из этой мечты Белинского новый критик создал путь, идею, задачу.

Предшествующая критика, как уже многие указывали, играла какую-то служебную роль, она почти исключительно занималась оценкой чужого творчества. Даже Белинский, Писарев и Добролюбов... Но эти гиганты уже и тогда чувствовали, что быть оценщиком чужого творчества слишком мало, что есть и иные дали, иные задачи, к которым должен идти критик, именно творческие дали. Они сознавали, что критик должен быть сам творцом. Так, Белинский, оценивая общественное значение пушкинских «Цыган», в то же время создает свою философию индивидуализма; Дмитрий Писарев, воспевая гимны красавцу жизни Базарову, – творил философию реализма. Еще тогда, в первые дни расцвета нашей критической мысли, зажигалась мысль о том, что творчество художника для критика поле, фон, полотно, где он сам творит свои творческие узоры, где он сам являет себя как творец.

В новой критике эта мысль выросла, развилась дальше и глубже, новая критика поставила точку над і.

Критика как самостоятельное творчество.

Новая критика обратилась в философию, она слилась с философией, она трактует теперь те проблемы, которые прежде были монополией философии. Еще ступень, и философия и критика станут синонимами, равносильными понятиями.

Таков путь, таковы идеи новой критики.

Из критики-оценки родилась критика-творчество. Она уже не служит, она сама господин, свободный и неограниченный. Ее не дают рамки произведения, ибо она сверх них, над ними. Выходя из рамок произведения как основы, она в творческом шествии своем безгранична.

И в общую песню творчества новая критика вплетает свою свободную песню.

И. Савченко

Театр и музыка. «Сын народа»: Драма-поэма в 5 актах, соч. Г. Гребенщикова (1910. № 3)

Типичная сибирская крестьянская семья. Беднота. Вечная работа без усталости, вечная борьба за существование, рождающая в человеке злость. Самсоныч бьет свою жену Маланью. Его сын, Савелий, бьет также свою жену Акулину, и мать, и младшего брата Федора. Федор у них – «незадашливый»: все разные книжки читает, берет их у сельской учительницы, Нины. Жизнь его, положение в семье, побои, упреки, насмешки – невыносимы. Он уходит из родительского дома и в городе поступает в кучера к одному богатому господину. Но дочь хозяина, Люба, сказала как-то отцу, что кучер целые ночи читает книги – и Федора рассчитывают. Ему удастся путем энергии найти интеллигентный труд. Служит и учится. Снова начинает встречаться с Любой, но уже как с равной. Затем Федор уезжает в Петербург, в университет, и они переписываются. Но Петербург, университет, наука не удовлетворили, а скорее разочаровали Федора, а когда из деревни пришло известие о смерти отца, Федор бросает университет и уезжает на родину, в Сибирь. Последнее действие переносится вновь в тот сибирский город, где Федор начал свою карьеру кучером. Но общество отнеслось к нему холодно: ведь все

знали, что он был кучером... Даже о Любе, относящейся к Федору хорошо и старавшейся ввести его в общество, стали создаваться нехорошие сплетни. Федора все это глубоко оскорбляет – и он покидает город и общество, расстается с любимой и любящей Любой, уезжает в деревню.

Воздерживаясь от детального критического разбора пьесы, я должен, однако, заметить, что у автора чувствуется большое знание быта сибирской деревни, и этот быт, кроме нескольких неудачных штрихов, передан им в первых двух актах очень недурно. Хорошо написан и 3-й акт. Два же последних действия гораздо слабее, чем первые.

Исполнена пьеса была литературным музыкально-драматическим обществом удовлетворительно... и только. Некоторые из участвующих были очень хороши и серьезно и строго отнеслись к своим ролям. Прекрасно изобразил мужичонка Климентия г. Мамонтов. Очень хороши были г-жа Дальская в роли сельской учительницы Нины и г-жа Невская (Люба). Г. Хрисанфов не дал полного типа Федора. Его Федор временами был непростительно изящен в мимике и жестах. Г. Хрисанфов – хороший артист, но бытовые роли – не его роли. Г-н Саввич был средним Самосонычем. Слабовато вела роль его жены г-жа Фомина, плохо к тому же ее выучившая. Г-н Кондратенко переигрывал Савелия, изображая его каким-то злодеем. Типичны были г-жа Квятковская в маленькой роли Арины и г. Богданович (Перекатов). Г-жа Познанская (Ольга) была недурна в 3-м акте.

Публики было много. Артисты и пьеса принимались хорошо. После 2-го акта вызвали автора. Эти вызовы возобновлялись после каждого из следующих действий.

А. Петров

Библиография. К. Шрейбер «Тихие кануны. Первая книга лирики». Москва, 1910 г. (1910. № 7)

Красивая обложка, прекрасная бумага, высокая цена книги (1 р.) – и на протяжении 110 страниц – бледные, неуклюжие, подчас до приторности сентиментальные стихи о «родном Христе», об ангелах с белыми крыльями, о рыдающих матерях и умирающих безгрешных детях. Встречаются в книжке и модные нынче выражения, вроде: «голубая сказка», «слепые шумы», «светлость небес»...

Автор – литературно молод и совершенно неизвестен. Обращение его с рифмой и – в особенности – с размером стиха довольно-таки смелое. Оно показывает либо игнорирование автором элементарных правил стихосложения, либо простую неопытность автора в стихосложении. И отсюда – полное отсутствие музыкальности и красоты почти во всех стихотворениях, помещенных в книжке. Однообразие же содержания и мотивов делает эту «первую книгу лирики» ужасно скучной: ее трудно прочесть до конца.

А. П-в.

Сибирская брачная газета

От редакции (1910. № 1)

Выпуская в свет первый номер нашей газеты, редакция считает нужным указать читателям на тот путь и те задачи, какие будут преследоваться нами.

В последнее время, не говоря уже о Западной Европе, даже у нас в России периодические органы печати достигли своей полнейшей дифференциации, так что казалось бы, что нет уже больше такой сферы в социально-общественной жизни человечества, которая не была бы освещена тем или другим органом печати, которая не явилась бы предметом горячих дебатов и обсуждений на страницах современной прессы.

Если, однако, в Западной Европе пресса действительно затрагивает все, даже мельчайшие проявления социальной жизни, не допуская игнорирования ни одного из них, то по отношению к нам этого пока сказать нельзя. В самом деле, у нас даже такой весьма важный вопрос, как вопрос о браке, не получил еще в современной печати своего полного освещения, и поэтому целые громадные группы населения, в особенности наше малограмотное и малосознательное крестьянство, нередко не знают тех условий, соблюдение которых необходимо при заключении брака и тех гражданско-правовых положений, которые вытекают из брачного союза.

Какой материальный ущерб несет нередко тот, кто не знает условий заключения брака и его юридической структуры. Даже высшим слоям общества и тем в большинстве случаев неизвестны и представляют *fibula gasa* такие институты, как институт усыновления и узаконения.

Поэтому наш орган в ряду других задач ставит также своей задачей всестороннее освещение института брака как такового, для чего, помимо специальных статей, вводит отдел правительственных распоряжений и узаконений и отдел юридический. В юридическом отделе мы будем давать обстоятельные, юридически обоснованные ответы по вопросам, касающимся брака.

Итак, первая задача нашего органа, это всестороннее освещение такого важного социального фактора, каким является брак.

Содействовать заключению брака – является предметом нашей второй задачи. Эту задачу будет обслуживать специальный отдел, а именно – отдел брачных объявлений.

В нашем обществе до последнего времени доминирующим является взгляд, что главным условием, предшествующим заключению брака, должно быть предварительное и нередко долговременное знакомство и что только при этом условии единственно возможны счастливые браки. Сторонниками этого взгляда выводится, между прочим, тот аргумент, что только при этом условии желающие вступить в брак могут до вступления в него узнать характер друг друга, интеллектуальные способности, наклонности, привычки и т.д. Нам кажется, что этот взгляд слишком утопичен. В самом деле, если мы верим, как в непреложную истину, в изречение древнего греческого мудреца, сказавшего, что нет ничего труднее, как познать самого себя, то где же данные к тому, что мы за сравнительно короткий период времени сумеем узнать характер другого, объять его душу и подметить мельчайшие движения души. Вот почему в Западной Европе привился так быстро обычай прибегать к содействию при заключении брака к специальным органам печати.

Жизнь с каждым днем предъявляет все новые и новые требования и уже самый факт существования на Западе специальных брачных органов печати красноречивее всяких слов говорит за то, что они жизненны, что в них явилась потребность, что общество вполне оценило их достоинства. Если на Западе, где население городов уплотняется с каждым годом со сказочной быстротой, где существует масса публичных мест, способствующих к сближению членов общества между собою, где совершенствуются пути сообщения, также способствуя к тому же, несмотря на все это явилась потребность вызвать к жизни более совершенный способ для заключения браков, то о необходимости специальных брачных органов в России вообще и в частности в Сибири не может быть и речи.

Оставляя в стороне Россию, скажем несколько слов о Сибири. Никто, конечно, не станет спорить, что жизнь холостяка-провинциала в Сибири, независимо от его материальной обеспеченности, далеко не приглядна. Отсутствие удобных путей сообщения, отдаление от крупных культурных центров, недостаток интеллигенции и много других причин обрекают сибирскую провинциальную интеллигенцию на монотонную, скучную жизнь. Наконец, и самые города так мало развиты в культурном отношении, что в сравнении с городами Запада являются рассадниками только еще нарождающейся у нас культуры.

Если на Западе, повторяем мы еще раз, при условиях социальной жизни гораздо более благоприятных, чем у нас, в то же время назрела необходимость в специальных брачных органах печати, то такая потребность, несомненно, существует и у нас.

Надеемся, что намеченная нами программа удовлетворит читателя и что предлагаемый нами новый способ заключения браков путем объявлений в специальном органе, способ, получивший, так сказать, права гражданства на Западе, окажется жизненным и способным удовлетворить назревшим потребностям нашего общества.

Сибирское слово

О необходимости журналистики в Сибири (Открытое письмо к сибирскому обществу и литераторам) (1910. № 1)

За последние 10–15 лет с проведением железной дороги развитие и рост Сибири идут усиленными темпами. Народилось и требует того или иного решения много экономических и политико-общественных вопросов. Одним словом, жизнь проявилась в крае во всем своем сложном и интересном многообразии.

Какие-нибудь три-четыре года тому назад на такую губернию, как Томская, существовало всего две газеты. Теперь же мы видим газеты в городах Новониколаевске, Барнауле, Бийске, и недалеко то время, когда газета появится в г. Каинске.

Аналогичное явление наблюдается и в других губерниях Сибири – это, с одной стороны. С другой – о пробуждении края и его духовном росте свидетельствует тот факт, что почти в каждом городе Сибири появились книжные магазины и в некоторых даже не по од-

ному. Не так давно от нас ушло то время, когда на всю Томскую губернию, да, пожалуй, и на всю Западную Сибирь был только всего-навсего один книжный магазин. Теперь в одном г. Томске их 4! Обеспеченные спросом, все они существуют и продают каждый год 10 тысяч томов печатного слова. С увеличением числа их следовало ожидать, что материальные дела в отдельности каждого должны ухудшиться, но в действительности все они растут, процветают, развивая и увеличивая свои дела с каждым годом. Это очевидным и наглядным образом свидетельствует о духовном росте Сибири наряду с общим культурным ее развитием.

Но, наблюдая быстрый и отрядный прогресс края во всей его совокупности, с болью в сердце приходится констатировать непропорциональный и несоответственно медленный, малый рост вообще сибирской литературы, в частности же, местных литературных дарований, талантов. Очень и очень скудна и немногочисленна литература сибирская и о Сибири на книжном рынке. Всего каких-нибудь десятка полтора-два можно приобрести вполне приличных книг о таком громаднейшем крае, как наша Сибирь. Да, впрочем, и то, что есть теперь, или устарело, или недоступно по своей высокой цене и слишком специальному изложению для широкого пользования. Между прочим, как ни странно, например, это обстоятельство, но до сих пор нет доступного и популярного учебника хотя бы по географии Сибири. Широкие слои населения, учащиеся, подрастающее поколение, живущие в Сибири, имеют о своей родине очень смутное представление, черпая все касающиеся ее познания из учебников общероссийских, устарелых и составленных в высшей степени небрежно (В очень многих учебниках географии российских, например, вот: с. Колывань на р. Оби, гранильная фабрика и пр., тогда как гранильная фабрика есть в с. Колыванском, Змеиногорского уезда, и от р. Оби очень далеко. Встречается много и других «курьезов», об них здесь не место распространяться. – *Г.Кр.*)

О беллетристике, как таковой, и о художественных произведениях специфически сибирских, с местным колоритом – говорить нечего: тут в жизни Сибири почти совсем пустое место. Но в 1889 г. господин И. Бруг, выпуская под своей редакцией сборник «стихов», писал, что «если у Сибири пока нет своего цельного поэта, то есть, несомненно, свои поэтические проблески, свои светлые брызги той поэтической волны в жизненном течении, без которой не обходится

ни один народ, ни один уголок земли. Сибирь вдохновляла и своих родных поэтов, и невольных жителей Сибири».

С тех пор Сибирь в своем культурном развитии ушла далеко и изменилось в ней очень многое. Но неужели за этот довольно значительный промежуток времени в ней все еще не находился мало-мальски «цельный поэт»?

Причину отсутствия и популярно-научной литературы сибирской, и о Сибири, причину непоявления таланта на фоне сибирской жизни я лично склонен видеть не в отсутствии литературно-научных сил, знакомых с краем, не в отсутствии творческих дарований, а в отсутствии органа, лиц, которые проявили бы инициативу вызвать к жизни, объединить и поддержать.

Хотя еще в 1884 г. Ядринцев писал, что «периодическая печать в областях и провинциях живет накануне появления местной журналистики», но журналистика в Сибири, к большому сожалению, все еще не появилась.

Существующие сибирские газеты, обслуживая текущий момент, реагируя исключительно на злобу дня, известно, сплошь и рядом не принимают прекрасные произведения или из-за их размеров, или из-за отсутствия в них злободневного элемента. Но если же случайно и попадает на страницы их что-нибудь важное, не имеющее скоропроходящий интерес, то как-то остается малозамеченным и редко достигает желаемого значения.

Немалую в этом играют роль и редакторские карандаши, уродующие статьи до неузнаваемости, после чего они, действительно, иногда теряют свой первоначальный характер и ценность.

Собственно, газеты в этом строго и нельзя винить, их область действительности – злоба дня.

Столичные журналы мало уделяют места или, вернее, совсем не уделяют областной литературе. Это вполне понятно.

Единственный сибирский журнал «Сибирские вопросы», издающийся в Санкт-Петербурге, носит почти исключительно публицистический характер злободневного органа и, главное, далек от Сибири, поэтому органически слабо с ней связан и не может явиться полным отражателем многосложной сибирской жизни и ее сил.

Было здесь в Томске несколько неудачных попыток издавать журнал. Но начинающие издаваться журналы скоро закрывались, так сказать, от «худосочия» после выпуска нескольких номеров.

Строго говоря, гибли они не потому, что не находили себе сочувствия среди читающей публики, а гибли просто вследствие того, что за это брались люди, у которых, кроме благих желаний, ничего не было. Главное – не было опытности и средств.

Разве можно издавать более или менее приличный орган, имея на это дело, требующее весьма значительных затрат, в кармане рублей 300–400.

Итак, до сих пор в Сибири нет органа, где могли бы находить себе приют и пристанище творческие и научные силы.

Упомянутый выше И. Брут писал, что «в минуты усталости и тягости житейской приятно (даже и полезно! – Г.К.) иметь под рукой несколько понятных, родных поэтических строф».

Трудно против этого сказать что-либо.

То немногое, чему удалось увидеть свет через газеты, являлось тем случайным суррогатом, скоро забывается или проходит совершенно незамеченным. «Между тем, кое-что из разбросанного, таким образом, положительно жаль обречь на забвение; жаль как ради его поэтической ценности, так и ради того, что все это – отголоски Сибири, интересные, даже дорогие для многих» («Отголоски Сибири», сибирские стихотворения, – предисловие; изд. Томск, 1889 г.).

Но для того, чтобы не разбрасывались эти «брызги» и не оставались незамеченными, для того, чтобы все творческие силы Сибири стекались в одно место и находили радушный прием, поддержку и руководство, для того, наконец, чтобы как сами сибиряки, так и лица, интересующиеся Сибирью, могли иметь под рукой материал, своевременные и правдивые сведения о крае, его прозу и поэзию, – для всего этого необходим орган под авторитетным руководством в культурном центре, куда бы собиралось все с необъятных пространств даровитое, ценное. Все равно, каким он будет по внешности: журнал ли ежемесячный большого формата, с широкой программой, или периодический сборник по типу ядринцевских, выходивших по мере накопления материала. Но необходимо, чтобы он был.

Потребность в таком органе несомненно есть и ясно чувствуется как среди литераторов, так и среди читающей, широкой публики Сибири. Нужны лишь организаторские силы, нужна энергия и, главное, деньги.

Но нужно ли останавливаться перед этим, следует ли «сидеть у моря да ждать погоды», ждать того момента, когда бы все само собой совершилось «по щучьему велению»?

Индифферентность в данном случае – по меньшей мере вредна и преступна.

Культурная роль такого органа в развитии страны будет несомненна и значительна и вскоре была бы оценена широкими слоями по достоинству.

Только нужно начать.

Г. Крекнин

***Недуги сибирской печати (Доклад В.И. Анучина)
(1911. № 233)***

В субботу под председательством С. Н. Мая состоялось заседание литературно-артистического кружка, посвященное заслушиванию доклада В. И. Анучина: «Недуги сибирской печати». Свой доклад г. Анучин начал указанием, что ему не нужно уверять присутствующих в том, что сибирская печать подвержена серьезному недугу – бледной немочи.

От содержательной и критической оценки событий перешли к информации, притом бессистемной, не объединенной никакой общей руководящей идеей. Причины бессодержательности и безличности сибирской печати докладчик видит в том, что в сибирскую журналистику вторгся, или, выражаясь фигуральным языком докладчика, «попер» «чумазый», невежественный и малокультурный элемент, часто из подонков и отбросов общества, перед которым сибирские издательства, перейдя от кустарничества к коммерческой постановке дела, гостеприимно открыли двери. С этой поры в газеты стал проникать дух шантажа, уличной сенсации и дешевого критиканства. Появляется желтая пресса, служащая целям улицы и удовлетворяющая ее вкусам. В союзе с «чумазыми» она ведет разрушительную работу литературных нравов. В газетном мире начинается разруха, и коллективные выходы сотрудников из редакции становятся явлением обычного порядка. «Чумазый» и здесь вносит свое деморализующее влияние. Опираясь на его преданность, а главным образом, дешевизну его труда, издатели идут по линии наименьшего сопротивления и вверяют судьбу газет в его цепкие лапы. Выход из такого ненормального положения докладчик видит в сотруднической кооперации.

– Необходимо, – говорит он, – противопоставить таким изданиям независимые органы сибирской прессы, для чего все сотрудники должны объединиться в артели, а артели – в один общий союз по примеру союза сибирских маслодельных артелей.

Существенным злом сибирской печати является еще и отсутствие здесь более солидных периодических изданий – журналов. Попробуйте, – говорит он, – дать в любую редакцию сибирской газеты статью больше 1000 строк, ценную не размером, конечно, а содержанием, и вам негде будет ее пристроить. При таких условиях, конечно, и думать нечего о правильной работе сибирской журналистики. Материальная необеспеченность работника, полная зависимость его от издательства усугубляет положение.

Последнее обстоятельство наводит докладчика на мысль о необходимости, хотя бы и в отдаленном будущем, оплаты труда журналиста государством. Исходя из всех этих положений, для целения недугов сибирской печати докладчик предлагает следующие меры:

1) организацию издательских артелей сотрудников и объединение их в общий союз; 2) организацию недостающих органов печатного слова – журналов, одного – в виде еженедельника и другого – в форме месячника. К идее съезда сибирских писателей докладчик отнесся отрицательно.

После незначительного перерыва начались оживленные прения, носившие на этот раз страстный характер.

И. П. Гавровский указывает, что он никак не может уяснить основной мысли доклада – в чем, собственно, заключаются недуги сибирской печати? Ведь бессодержательность и безличность – общая черта всех провинциальных изданий; это объясняется отсутствием достаточного контингента способных газетных работников. Большинство провинциальных газет рассчитывает не на профессионалов, а на добровольцев, обуреваемых писательским зудом. Из кого же в таком случае будут формироваться проектируемые докладчиком артели? Оппоненту по тем же причинам непонятен рецепт издания журнала.

– Ох, боюсь я, – говорит оппонент, – чтобы и после этого докладчик с поля реформы не погнал тощую фараонову корову, которая, поглотив толстую, не стала тучной.

Г. Петров, не соглашаясь с рецептами докладчика и не понимая оппонента, все зло сибирской прессы видит в отсутствии «юридиче-

ского лица у журналиста» и в неопределенности общественного положения журналиста.

М. Р. Бейлин (3) выступает с беспощадной критикой общих положений доклада. Разбирая наиболее слабые места и утрируя существенные тезисы о бессодержательности и безличности сибирской прессы, о редакционной разрухе и проч., оппонент указывает, что докладчик не любит сибирскую печать, что он просто сердит на нее.

Разве можно десятилетиями определять роль и значение литературы. Такого отношения от литератора, каковым является докладчик, нельзя было ожидать.

В общем, все меры, рекомендованные докладчиком, оппонент считает не заслуживающими внимания, т.к. он совершенно не допускает возможности даже самого отдаленного их применения. Общий недостаток доклада оппонент видит в преобладании размера слов над размером мысли.

Проф. Соболев указывает, что бледный облик сибирских газет зависит от отсутствия работников, компетентных в вопросах сибиреведения. Общество не должно пугаться тем, что издательское дело в Сибири принимает капиталистический характер. Таков закон общественного развития, ибо в настоящее время даже социалистические органы имеют капиталистическую оболочку. Беда не в этом, — лишь бы идейное руководство газеты было в руках интеллигентных и идейных людей. Оппонент не согласен, что в Сибири нарождается тип желтой прессы. Такой прессы Сибирь еще не знает, и это положение докладчика является «густо намазанным».

А.И. Макушин бессодержательность сибирской печати видит в отсутствии на местах культурной интеллигенции. Такая интеллигенция, по мнению оппонента, создастся с введением в Сибири земства.

Г. Буткевич полагает, что корень зла кроется в слабой дифференциации сибирского общества и в том, что вокруг газет группируются люди с противоположными убеждениями политическому кредо редакции.

Г. Коток указывает на исключительное положение сибирской печати. Не сегодня-завтра острые вопросы сибирской жизни станут на очередь перед законодательными учреждениями. А газет для правильного освещения этих вопросов нет, потому что нет достаточно подготовленных газетных работников. С этой целью оппонент высказывается за организацию общества литераторов.

После небольшого заключения докладчика и послесловия М.Р. Бейлина заседание, затянувшееся далеко за полночь, закрывается.

В. Валентинов

Недуги сибирской печати.

По поводу доклада В.И. Анучина (1911. № 246)

Сибирская печать начинает обращать на себя внимание. О сибирской прессе стали говорить, отмечать ее достоинства и недостатки и, вместе с этим, прописывать ей соответствующие пониманию каждого рецепты.

В течение 1911 года сибирской прессе было посвящено несколько статей и, если не ошибаюсь, то и несколько докладов.

Оставив в стороне все, что сообщалось по поводу сибирской прессы вообще, мы остановимся пока на докладе В.И. Анучина, прочитанном 22 октября в местном общественном собрании.

Доклад Анучина, малосодержательный по существу, в то же время затрагивает целый ряд вопросов, имеющих огромное значение для истории сибирской журналистики, а поэтому мы нашли необходимым и со своей стороны высказаться по поводу некоторых положений, выдвинутых докладом.

Сибирская печать, говорит Анучин, больна общим недугом «бледной немочи». Сибирские газеты, по его мнению, страдают отсутствием анализа, который заменяют они дешевым критиканством. Не умея определить своего отношения к местным вопросам, сиб. газеты начинают читателя общими информационными известиями, обильно черпаемыми ими в виде вырезок из столичных газет.

К огорчению, нельзя не согласиться с мнением докладчика, что сибирская печать страдает немочью, что даже самые большие и уже упрочившиеся сиб. газеты живут общими информационными известиями и до крайности мало уделяют внимания основным вопросам края. Все это верно, как и справедливо то, что сибирская печать в массе страдает отсутствием анализа и ограничивается дешевым критиканством. Но почему сибирская печать страдает недугом «бледной немочи», что за причина мешает развитию нашей несчастной журналистики? По заявлению докладчика, дело объясняется до-

вольно просто: в сибирскую печать «попер чумазый», бездарный и невежественный журналист, часто только что вышедший из тюрьмы за мелкую кражу, или провокатор из охранного отделения. Этот «чумазый» принес и свои нравы, и свою этику. Издатели в интересах большей дешевизны издания пошли по линии наименьшего сопротивления и широко распахнули перед ним двери редакций.

Кроме того, как говорит г. Анучин, сибирская печать, изжив кустарный способ издания газеты и перейдя к неизжитому коммерческому типу, начинает обогащаться органами «желтой прессы», преследующей лишь дело наживы путем «шантажа». Итак, по словам Анучина, главнейшее зло сибирской прессы заключается в «чумазом» и в переходе от кустарничества к капиталистической постановке дела.

Соглашаясь до известной степени с характеристикой газет, мало уделяющих внимания вопросам местной жизни, мы в то же время решительно протестуем против обвинения, брошенного Анучиным работникам пера. Что в сибирскую газету «попер чумазый» – это факт общего явления, свойственный не только для Сибири, но и для России, и не только наблюдаемый в печати, но и во всяком другом культурном начинании.

Общественный прогресс и интеллектуальное развитие народных низов выдвинули «чумазого» и приобщили его к культуре. И этот «чумазый», как символ будущей жизни, сидевший ранее за прилавком, теперь потянулся к свету и – нельзя не отдать ему должное – с честью и с необычайной настойчивостью приспосабливается к условиям времени. «Чумазого» теперь можно найти всюду: и в высшем учебном заведении в студенческой фуражке, и в народной школе в качестве учителя, и в трудовом союзе, и было бы крайне непонятным, если бы его не оказалось в редакциях газет. Но допустим, что Анучин говорит о «чумазом» журналисте как определенном лице, вышедшем из каталажки и из охранного отделения, который якобы и внес свою этику и свои нравы. Но что это за характеристика труженика пера? На что опирается она? Сказать, что сибирская печать находится в руках исключительно «чумазого», отбывшего наказание за мелкую кражу, никто не может, за неимением на то ни права, ни основания; сказать же, что среди сибирских журналистов встречаются с отрицательными качествами типы – этим самым не сказать ровно ничего. На все бывает свое время. Мы пережили период духовного

подъема, теперь переживаем эпоху общественного разложения и морального распада. Но разве это явление составляет специфическую особенность сибирской прессы и не отражается в печати вообще. Бесконечные литературные процессы, всевозможные недоразумения среди писателей, шерлокхолмщина, наводнившая рынки, и потоки порнографии – разве все это не говорит за то, что сибирская печать является только одной ячейкой огромного организма, потрясенного одним общим недугом. Но если это так, то при чем тут «чумазый» и «бледная немочь». Почти такое же досадное непонимание недугов сибирской печати проявил докладчик и в отношении способа ведения газеты. Кустарничество, в чьих бы руках ни находилось, хотя бы даже и в руках артелей, всегда останется кустарничеством неспособных к широкой постановке дела. По нашему мнению, сибирская печать как раз и страдает, главным образом, от того, что она все еще находится в руках мелких кустарей, которые, выпуская газету сегодня, не знают, как они будут ее выпускать завтра. Чтобы поставить газету на широких началах, чтобы обеспечить ее полным комплектом профессионалов-сотрудников, мало одного только желания и умения подобрать идейных людей; необходима наличность и других не менее сложных условий. Сибирь страна молодая, в ней не родился еще предприниматель-издатель, который бы смотрел на газетное дело как на свое любимое детище, для которого он не пожалел бы не только своих сил, но и своего достояния. Сиб. газеты в массе случаев возникают случайно и чаще всего без денег, и поэтому – как быстро и совершенно неожиданно появляются они, так же неожиданно и быстро исчезают. Бедность и неустойчивость большинства сиб. газет создают неуверенность и у работников пера, которые, не чувствуя себя более или менее прочно, переливаются из редакции в редакцию и, помимо своего желания и воли, зачастую нарушают идейную выдержанность издания.

Радикальным средством в лечении «бледной немочи» Анучин рекомендует очистку авгиевых конюшен от «чумазых» и объединение сибирских журналистов наподобие маслоделов. Со своей точки зрения Анучин прав.

Если только смотреть на сотрудников сибирских газет как на людей, запятнанных прошлым, то само собой ясно: чтобы поставить газетную прессу на идейную высоту, необходимо прежде всего очистить ее от негодного элемента.

Но ведь так только думает, надо полагать, В.И. Анучин, а потому и самый рецепт, прописанный им, носит слишком упрощенный и наивный характер.

И на самом деле, если допустить существование артелей сибирских журналистов, наподобие только маслоделов, то где гарантия того, что в эту артель не придет тот самый «чумазый», которого так боится Анучин. Где набрать талантливых и преданных работников пера, спаянных одной общей мыслью, одним общим делом, одним желанием служения родине, если вся пресса заражена разрухой. Не будет ли такая артель жалкой кустарнической затеей, члены которой для обеспечения своего существования принуждены будут продавать свой труд на стороне, а газете отдавать только свои досуги.

Признавая в принципе артели или, лучше сказать, коллективную работу журналистов, объединившихся возле издания газеты, мы все же думаем, что при условиях настоящего момента коллектив в духе В. И. не излечит прессу от недугов «бледной немочи».

Напрасно думает докладчик, что сиб. пресса переживает организационный кризис только теперь. Коллективные выходы бывали и раньше, и кто знаком с историей сибирской журналистики, тот знает, что даже первая частная газета в Сибири – «Амур», редактируемая известным писателем Загоскиным, пережила два раза коллективный уход сотрудников.

Анализируя сибирскую печать и рассматривая ее недуги, Анучин отнесся к ней не как беспристрастный критик или любящий ее историк, для которого действительно дороги интересы сибирской прессы. Анучин просто выругал печать, и, запинав ее ногами, совершенно не обратил внимания на то, что сибирская печать, несмотря на худосочие и слабость организма, все же имеет живую искру и, насколько хватает сил, честно и самоотверженно служит интересам края. Напрасно Анучин указывает на то, что с переходом от кустарничества к капиталистическому типу сиб. печать обогащается органами желтой прессы. Такой прессы в Сибири еще не народилось, да она и не может родиться, так как для нее не создано еще подходящих условий. Если на фоне сиб. журналистики и появлялись органы с оттенком желтизны, то их кратковременное существование само служит доказательством, насколько прав В.И.

Вообще доклад Анучина носит до крайности тенденциозный характер, полный самых несправедливых выпадов по адресу печати, где негодование берет перевес над объективностью изучения предмета.

Когда какие-нибудь гг. Ишимские и прочие «веховцы» из прекрасного далека стараются лягнуть сибирскую печать, то это до известной степени понятно. Незнание условий сибирской журналистики, незнание среды, в какой развивается она, – это обстоятельство дает еще некоторое основание предполагать, что люди просто приятно заблуждаются. Но чтобы г. Анучин не знал Сибири и, в частности, истории сибирской прессы, на которой, если не ошибаюсь, воспитался сам, допустить, конечно, трудно. Но как бы ни рисовали сиб. печать, сколько бы ни бросали по адресу ее упреков, ее история – славная история, и будущее ее впереди, которое придет вместе с возрождением Сибири и с пробуждением более глубоких слоев народа.

Ежегодник пчеловодов

К читателям! (1911. № 1)

Выпуская первый номер нашего «Ежегодника», считаем долгом предпослать несколько слов с целью ознакомления с характером издания и, отчасти, его историей.

Полная неорганизованность сибирского пчеловодного дела, стеснения в земле под пасеки и другие неудобства вызывают необходимость подробного их изучения, а следовательно, и громадную переписку; масса запросов и жалоб нуждаются в более легком способе разъяснения, чем почтовые корреспонденции с каждым лицом в отдельности; своеобразные условия технической постановки пчеловодного дела в Сибири, почти не затрагиваемые в российских пчеловодных журналах, требуют подробной местной разработки – все это уже с самого начала говорило в пользу необходимости иметь для Сибири свой пчеловодный журнал.

Однако на первых порах, не обладая средствами и будучи обременено массой других крайне насущных работ и начинаний, Общество должно было отказаться на время от выполнения этой задачи, но решило наиболее необходимый материал, в связи с подробным отчетом о деятельности Общества, выпускать раз в год (а если окажется возможным, то и чаще) под названием «Ежегодник», который и явится зародышем будущего журнала.

Кроме отчета о деятельности Общества, «Ежегодник» будет включать в себе материал по исследованию пчеловодства, советы и указания по разным наиболее наболевшим в жизни сибирского

пчеловода вопросам, справочный материал и объявления, а если представится возможным, то и статьи технического характера.

Ввиду новизны дела Совет Общества просит сибирских пчеловодов прийти на помощь своими указаниями и личным участием и тем самым ускорить дело создания сибирского пчеловодного журнала.

Всякие указания на необходимость введения того или иного отдела или материала, сообщения по разным вопросам и пожелания будут приняты с вниманием и благодарностью.

Совет Томского общества пчеловодства

Томский вестник

Наша программа (1912. № 1)

Томск, 21 августа

Приступая с благословения досточтимого Иерарха, высокопреосвященнейшего Архиепископа Макария к изданию ежедневной газеты «Томский вестник», редакция ставит себе девизом драгоценные слова ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, сказанные представителям печати: «Надеюсь, что русская печать окажется достойной своего призвания служить выразительницей чувств и мыслей Великой Страны и воспользуется своим большим влиянием на общественное настроение, чтобы вносить в него правду и только правду».

К великому прискорбию, эти слова Монарха нашей прессой соблюдаются крайне редко. Мы опутаны тенденциозной и часто сознательной газетной ложью. Читатель такой литературы, читатель поневоле, конечно, чувствует ложь и тенденцию прессы, но бессилён разобраться в фактах, вследствие искаженной ее передачи. Среди населения всегда имеется много лиц, чуждых партийным интересам и желающих знать правду без прикрас. Предпринятое редакцией издание и ставит своей целью отвечать на эти запросы общества.

Правда сильна сама собою. Поэтому редакция ставит своей задачей давать читателям спокойные, в пределах человеческой возможности, строго отвечающие действительности изложения фактов – избегая полемических резкостей и крайних выпадов, столь унижающих человеческое достоинство и претящих чувству интеллигентного читателя.

Газета «Томский вестник» по направлению будет *правая*, и по взглядам *умеренная*.

Соответственно своему направлению газета наша будет составлять оппозицию левой, или «прогрессивной», прессе. Так как последняя подтачивает три главных устоя русской государственности: православную веру, царское самодержавие и целостность русского государства, то редакция «Томского вестника» решила посвятить свои силы на служение этим трем историческим факторам русской государственной жизни.

Вера православная с начала государства легла в основу русской культуры, на ней зиждутся народные праотческие обычаи, она в годы тяжелых испытаний давала воодушевление народу; поэтому она должна оставаться господствующей в государстве и, как таковая, пользоваться необходимыми преимуществами. Прочие же исповедания, огражденные в своем существовании Высочайше дарованною им свободой веры, не должны вредить православию своей пропагандой, как развращающей, вносящей смуту и раздоры в среду исконного православного населения.

По заветам веры нужно бога бояться, а это обязывает и Царя чтить, как Помазанника Божия. Поэтому повиновение Царю и от Него поставленным властям должно быть не только за страх, но и за совесть по силе приносимой нами верноподданнической присяги, так как в единодержавной власти Государя залог правильного развития русской государственности.

Державные права в русском государстве должны принадлежать Великому русскому народу, сковавшему его мощь своим трудом и своей кровью.

Прочие народности, покоренные или добровольно принявшие русское подданство, пользуются в государстве правами наравне с коренным населением, если в своих стремлениях и поступках согласуются с ним в выполнении идей государственного строительства. Если же некоторые народности действуют в ущерб интересам государства и державного русского народа, то власти правомочны применять к таковым меры ограничений и репрессии.

В духе изложенных принципов редакция «Томского вестника» будет отстаивать и душевно приветствовать проведение в жизнь мер, содействующих развитию и укреплению идеи местного самоуправления; мер к улучшению путей сообщения, развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности; мер к усилению народного

просвещения; мер улучшения быта сибирских инородцев и приобщения их к общерусской культуре.

Желая защищать высказанные взгляды, редакция сознает, что становится на путь тяжелой борьбы с левой прессой, которая, в лице газеты «Сибирская жизнь», поторопилась уже осмелеть еще не родившуюся газету. Но зная это, редакция заботится в настоящую минуту о подсчете не врагов, а друзей своих. С верой в сердечное участие и в сознательное соучастие здоровых общественных сил редакция станет выше мелкой злобы врага и будет игнорировать его недобросовестные выпады.

Много, много людей, которые еще не преклонили колен пред живой прессой!

Памяти А.С. Суворина (1912. № 1)

С небосклона русской публицистики скатилась крупнейшая звезда. Погас старик Суворин.

Сошел в могилу человек громадного организаторского таланта, создавший первую в Россию газету по богатству и разнообразию материала, выпустивший в свет не одну сотню произведений изящной словесности, в виде книжек Дешевой Библиотеки. По личному почину и при материальной поддержке Алексея Сергеевича возник в Петербурге литературно-художественный кружок с собственным театром и образцовой при нем драматической школой. С именем Суворина связан и могучий русский журнал «Исторический вестник».

Крупнейшим делом Алексея Сергеевича было издание газеты «Новое время». Приобретя перед освободительной войной 1877 года влачившую жалкое существование газету «Новое время», Суворин силой своего таланта и большой коммерческой предприимчивостью поставил свою газету на первое место среди органов русской повременной печати.

Он умел привлечь в ряды своих сотрудников все, что было наиболее талантливого в русской журналистике. В его газете принимали участие и нежный и задумчивый Чехов, и язвительный Салтыков, и исключительный по своим познаниям и трудолюбию Сергеевич. В остроумных статьях Скальковского и очерках Сергея Атави рисовалась русская жизнь в причудливом разнообразии ее проявлений.

Из-под пера самого издателя Алексея Сергеевича выливались строки редкой силы и красоты. Несомненно, многие еще помнят те превосходные «Маленькие письма», автором которых был сам Суворин. Среди блестящей плеяды своих сотрудников автор «Маленьких писем» выделялся, как алмаз необыкновенной игры. К сожалению, с течением времени талантливые помощники Суворина постепенно отправлялись в то далекое путешествие, откуда еще никто не возвращался. На смену им пришли люди меньшего таланта, да и сам автор «Маленьких писем» все реже и реже украшал страницы газеты своими заметками. Современное «Новое время» по сравнению с прежним есть лишь слабая копия с превосходного оригинала, колокол уже надтреснутый.

Ни специалист по всем специальностям М.О. Меньшиков, ни то богослов, ни то порнограф Розанов, ни ядовитый Буренин, ни шаловливый Столыпин не вернут славы прежних дней.

Только в статьях Смирновой и талантливого сотрудника, скрывающего свою фамилию под инициалами «С.К.», чувствуются сила и блеск прежних дней.

Умное перо Смирновой убедительно и красиво изобличает ту фальшивую позолоту, под которой таится грязь освободительного движения.

Острое, как бритва, перо С.К. вскрывает до самого дна тот гнойник, который вырос на нашем высшем образовании при благосклонном содействии некоторых бывших министров народного просвещения, мирно дремавших в покойных креслах своих кабинетов.

Несомненно, при всех исключительных заслугах А.С. Суворина найдется и на его совести немало грехов. У культурных людей не принято, однако, над свежей могилой танцевать кек-уок. У людоедов, действительно, тризна заканчивается отвратительной пляской. Их примеру последовала «Сибирская жизнь», проплясавшая в день поминаения А.С. Суворина, перед открытым его гробом, танец апашей.

С.Л.

Торжество в редакции (1912. № 1)

19 августа в 12 часов дня в помещении Биржи состоялось скромное торжество открытия издания газеты «Томский вестник». К началу молебствия прибыл г. Томский губернатор П.К. Гран, вице-

губернатор А.Г. Загряжский, городской голова И.М. Некрасов, а также сотрудники и сочувствующие изданию лица. Пред началом молебна настоятелем церкви при Учительском институте священником Г.А. Ливановым было сказано слово:

«Мы собрались попросить у Господа Бога благословение на предстоящий ответственный труд по редактированию и изданию новой газеты «Томский вестник».

Предстоящий труд я называю ответственным, потому что газеты в наше время приобретают громадное общественное значение: они создают настроение, являются руководительницами в жизни; чтение газеты становится такой же необходимостью и привычкой, как привычка утром умываться, и, что особенно важно, распространяются не только среди более-менее просвещенных, нижесказанных слоев общества, но спускаются вглубь народной жизни. Теперь в самой захолустной деревеньке можно найти какую-нибудь газетку, зачитываемую до грязи.

И если опытный читатель знает цену газетным сообщениям, относится к ним с значительной долей сомнения, верит десятому слову, то простой деревенский грамотей по старой традиции уважает печатное слово, большую часть газетных сообщений принимает за чистую монету и верит им вполне.

Отсюда само собой вытекает указание, какую ответственность принимают на себя редакторы, сотрудники, издатели газеты; как они должны быть осторожны, осмотрительны в своем писательстве. Слово Божие говорит, что за всякое праздное слово, сказанное людьми, они воздадут ответ в день суда.

Какова же будет ответственность газетных работников? <...> К великому прискорбию, этого угождения ближнему во благо не замечается в большей части современной как российской, так и сибирской прессы. Относительно современной прессы можно сказать то же, что было сказано ап. Петром Симону волхву: «Вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды» (Д. 8 23).

Слишком также часто иезуитский прием «цель оправдывает средства» применяется на страницах нашей печати.

Позволю надеяться, что «Томский вестник» будет стремиться к правдивому изложению и освещению событий жизни. Не избежит он и горечи, но пусть его горькое слово будет горьким словом пр. Иеремии на развалинах Иерусалима, когда он восклицал: «горьким словом своим посмеюся», или каким оно было у нашего велико-

го писателя Н.В. Гоголя, у которого чрез видимый миру смех слышались невидимые слезы.

Верю, если не Господь созиждет дом, все будут трудиться жаждущие, если Господь не сохранит, напрасно ставишь стражу.

Поэтому призываю всех присутствующих и будущих читателей просить на великое трудное газетное дело Божия благословения».

После молебствия присутствующим был предложен чай, во время которого начальником губернии П.К. Граном был провозглашен тост за здоровье Державного Хозяина Русской земли, Государя Императора. Мощное «Ура» огласило зал собрания, а затем С.Л. Лаврентьев произнес следующее приветствие:

«Простите, господа, если несколько минут я задержу ваше внимание.

Обычно я доверяю свои мысли и чувства перу и бумаге; но в сегодняшний радостный для нас день я позволил себе отступить от своих правил.

Мне бы хотелось поделиться с вами моими наблюдениями над причинами неуспеха правых газет.

Это будут не случайные впечатления путешественника, запускающего свои глазенки во все уголки незнакомого ему города. Это будет голос загорелого машиниста, стоящего у рычага своей машины; это будет опыт рулевого, правящего кораблем.

Причин неуспеха правых изданий два: одна лежит в вас, господах писателях; другая в нас, господах читателей. Вы, господа читатели, народ капризный – вы требуете, чтобы писатели непременно держались прямой линии, не давая никаких уклонений ни вправо, ни влево.

А что если бы какой-нибудь инженер предложил вам провести железнодорожную линию без извилин, уклонов и загибов. Вы бы, несомненно, сказали, что такому инженеру место не на железной дороге; что ему лучше стать преподавателем, может быть, даже профессором одной из технических школ эпохи прежнего режима.

Вы, господа читатели, требуете, чтобы газета всегда фронтальной кавалерийской атакой била врага; вы не допускаете отступлений с целью завлечь неприятеля; вам не нравятся те обходные движения, которые наносят врагу удары в самое сердце.

Другая причина неуспеха правых изданий заключается в нас, господах писателях.

Газеты, как и те стаканы чая, что сейчас стоят перед нами, должны отличаться чистотой – что бы сказали вы, господа, если бы вам в железнодорожном буфете подали бы стакан мутного чая. Несомненно, вы выразили бы свое негодование в тех звучных выражениях, которыми столь богат русский язык; если же вы предварительно прикоснулись к графинчику, то весьма возможно, что физиономия услуживающего ознаменовалась бы тем выразительным жестом, который, к сожалению, знаком некоторой части пишущей компании.

Муть и грязь в правые газеты попадают двояким путем: оба эти пути я вам сейчас покажу.

Некоторые правые редакторы столь усердно кадят кадиллом лести и столь усердно воскуряют фимиам правительствующему синклиту, что редакция газеты превращается в коптилку для копчения сигов.

Человек с тонким носом и слабым сердцем задыхается в такой коптилке; он желает уйти на зеленеющий луг, на золотистое хлебное поле, в сине-дымчатую даль дубрав и лесов.

Другие правые редакторы муть и грязь подпускают с другого конца. С особенным удовольствием они начинают травить инородцев, прибавляя к былям тучи небылиц.

Я сам не люблю евреев за то, что они смеются и оскорбляют наши святыни, они хотят быть нашими господами, строят алтари своему золотому тельцу и красоту и чистоту женщин выносят на рынок житейской суеты.

Однако правая газета должна помнить, что в душе русского и еврея, татарина и немца теплится та лампада, которую Церковь Святая называет образом и подобием Божиим.

Кроме чистоты, как газета, так и чай должны быть горячими.

Между тем, почти все правые газеты отличаются большой дозой холодности.

Настоящий газетный работник должен, как горное эхо, отзываться и на громовой раскат, и на робкий ропот поцелуя первой любви.

Настоящий газетный работник должен подниматься ввысь к темам важным и высоким с пафосом и воодушевлением лучших проповедников; спускаться вниз на дно человеческой совести с спокойным бесстрашием полицейского врача.

Эмблемой настоящей печати в глазах моих является амазонка с натянутой у лука тетивой.

Так и настоящий газетный работник должен в женственно-мягких рисунках своих бить в цель без промаха.

Итак, успех нашей газеты лежит, господа, в вашей снисхождении, в нашей чистоте и горячности.

Я поднимаю свой стакан чая, господа, за успех нашего предприятия».

В 2 часа дня присутствующие разошлись.

Утро Сибири

Первая мусульманская газета в Сибири (1912. № 39)

Передовая статья из 1-го номера

(Перевод с магометанского для «Утра Сибири»)

Сибирь является колыбелью наших предков. На ее обширной территории в настоящее время живет около 500 000 мусульман обоюго пола. И если раньше Сибирь была только местом ссылки, куда из центральной части России отправлялся на поселение и в тюрьмы преступный элемент, то теперь ее можно считать житницей метрополии, ценной жемчужиной в короне русского государства. Скованная с центром великим сибирским путем, она ежегодно отправляет по нему на зауральские и заграничные рынки миллионные богатства, добытые на ее территориях и в недрах. Девственные земельные пространства, куда еще не ступала нога человеческая, разрабатываются и культивируются, заселяясь выходцами из-за Урала.

Правительство, затрачивая огромные суммы, спешит приобщить далекую заброшенную окраину к общеимперской культуре.

Среди сибирского общества уже образовался кадр энергичных деятелей, которые всеми силами и способами содействуют лучшему процветанию края и с верою всматриваются в его грядущие судьбы.

Сибирь не только быстро населяется, но и развивается экономически, привлекая не только русские, но и иностранные капиталы. Сибирь покрыта сетью школ, библиотек, просветительных обществ.

Три храма высшей науки открыты для сибирской молодежи.

Словом, жизнь бурной волной бьется о берега «гиблых мест», и они быстро преображаются. Острые грани окраинной действительности постепенно сглаживаются. Как-то особенно, в стороне от остальных сибиряков, стоят мусульмане, точно их не касаются судьбы сибирской окраины, и вся русская жизнь проходит стороной.

Правда, несколько лет тому назад и в нашу инертную среду проникло некоторое оживление, выразившееся в поднятии интереса к вопросам национального образования, организации просветительских учреждений и женской эмансипации. Параллельно с этим зародилась мысль об издании специального органа, посвященного нуждам сибирского магометанства. Последнее обстоятельство вызвало резкое осуждение со стороны приверженцев традиционного, обветшалого уклада.

Со всех сторон на головы новаторов сыпались насмешки, осуждения и даже угрозы.

Местное мусульманское общество как бы раскололось на два лагеря: сочувствующих и несочувствующих.

Прошло три года, и первые взяли перевес над последними.

Вначале предполагалось издавать еженедельный журнал «Меденет», но впоследствии было решено печатать пока еженедельную газету «Сибирья». 22 апреля 1911 года было получено разрешение от томского губернатора и приступлено к оборудованию типографии. Сегодня выходит в свет первый номер «Сибирьи».

Редакция знает, что пока дело станет на прочную почву и сибирское магометанство в массе оценит все великое культурное значение печатного слова, ей придется пережить еще много неприятных минут, встретить попреков со стороны ретроградов, но ее поддерживает твердая вера в то, что и у нее среди мусульман найдутся искренние друзья, которые помогут и личным трудом, и денежными средствами укрепить делу на пользу родного народа в его стремлениях к лучшему будущему.

В женском мире

(Эта статья принадлежит интеллигентной мусульманке, состоящей учительницей в одной из местных мусульманских школ)

28 января сего года в зале общественного собрания на вечере в пользу высших женских курсов был прочитан доклад о развитии русской женщины. В этом докладе была обрисована жизнь русской женщины в ее историческом прошлом и настоящем. За длинный период своей истории русская женщина пережила время сравнительной свободы и рабства, тяжелой и грубой эксплуатации.

Было время, когда женщина по выходе замуж считалась собственностью мужа, который мог продать, убить ее, не неся за это нака-

зания. Но это прошло, и русская женщина по примеру Западной Европы начинает мало-помалу выходить из-под опеки мужа и пробивать себе самостоятельно дорогу к свету.

В России начинают открываться высшие учебные заведения для женщин, которые ставят русскую женщину почти на одну плоскость с мужчиной.

И вот, если теперь сравнить мусульманскую женщину с русской, то развитие и условия жизни нашей покажутся в очень плачевном состоянии. Особенно безотраднo положение татарки, развитие которой настолько слабо, что она не знает даже, что такое религия. В силу традиционной косности и невежества татарская женщина поглощена заботами о доме, о нарядах, не желая ни о чем думать, кроме мелочей собственной жизни.

В то время как женщина других, более культурных народов стремится к свету и пробивает дорогу к высшему образованию, сбрасывая цепи, наложенные на нее мужчиной, татарская женщина пребывает во мраке, даже не проявляя признаков недовольства своим униженным положением.

И особенно обидно то, что мусульманская религия как раз учит, что женщина должна получать такое же образование, как и мужчины. Правда, до ислама у арабских народов существовал взгляд, что появление в семье девочки являлось позором, но этот взгляд изменился в благоприятную сторону с укоренением ислама, по учению которого лучше воспитывать одну дочь, чем двух мальчиков.

И действительно, в первый период развития ислама мусульманская женщина пользовалась этим правом, данным ей новой религией, и не отставала от мужчины. Среди мусульман того времени было много женщин, которые понимали «Коран», «Хадис», знали и понимали изречения Магомета, знали литературу, музыку и проч.

Но этот период продолжался недолго: мусульманская женщина подпала под исключительное влияние мужчины и не только отстала в отношении интеллектуального развития, но даже разучилась понимать религию. Вместе с этим изменился и самый взгляд на женщину со стороны мусульман, которые, открывая медресе для мальчиков и отправляя последних за границу, для девочек закрывают двери начальной школы. Муллы же идут даже против элементарного обучения, высказывая тот взгляд, что обучение женщины грамоте только будет служить соблазном для сочинения любовных писем.

При таких условиях естественно, что татарская женщина занята только узкими интересами домашнего очага.

Но если о нас так мало заботятся мужчины, то мы сами должны стремиться к тому, чтобы пробить себе дорогу.

Газета «Сибирья» является защитником наших интересов, которая отводит целый отдел по женскому вопросу. Надеемся, что мои сестры не откажутся принять участие в нашем общем деле.

Материнская школа

От редакции (1912. № 1)

Томск, 5 октября

В настоящем межипорье, если можно так выразиться, в педагогических течениях современной мысли, когда устои старой школы окончательно расшатаны, а в новой только намеки и зачатки строительства новых начал, редакция не берет на себя смелость давать беспепелляционные указания к положительному строительству, а только делает попытку пойти по новому пути. Одно несомненно для нас, что «школа и жизнь есть одно неразрывное целое» и эволюция жизни вызывает эволюцию школы. Несомненно, что школа в своей эволюции всегда отстает от жизни, на это указывают примеры Запада и истории. Но вера в то, что нашим детям принадлежит будущее, что они строители новой жизни, дает нам смелость взяться за решение столь трудной задачи: помочь будущему формированию человека. Опираясь на убеждение: чем ближе к природе, тем больше правды, – мы постараемся дать указания и материал для наблюдения самим ребенком окружающей его природы и, признавая за ребенком право на его будущее и настоящее, как строителя своей жизни, мы открываем страницы журнала для произведений юных читателей, полагаясь на их чувство меры и непосредственную связь с природой. С своей стороны, мы приложим все старания, чтобы ранние всходы творческой работы мысли появились в свет в вполне литературной и художественной обработке.

Сознавая трудность взятой на себя задачи, мы приглашаем всех сочувствующих лиц сплотиться в одну семью и давать указания, наблюдения, не стесняясь формой изложения, хотя бы сырой материал.

Дело воспитания детей есть дело общества, и потому мы вправе ожидать общественной поддержки.

С верой в то, что брошенный призыв найдет отклик, журнал «Материнская школа» вступает на новый и трудный путь.

Что такое материнская школа (1912. № 2)

Внимание и уважение к правам детского возраста настолько характерны для современного направления прогрессивно-педагогической мысли, что некоторым мыслителям, как «Эллен Кей», грядущий век кажется веком ребенка.

В ребенке стали видеть не только продукт окружающих условий или материал для построения будущего, но прежде всего самоценную личность с особыми, только ей принадлежащими свойствами и своими неотъемлемыми правами.

Теперь оказывается, что психофизическая организация ребенка существенно отличается от организации взрослого человека. Работа органов чувств у детей, особенности их восприятия, характер и содержание представлений, степень их стойкости, детские рисунки, детские игры – все это в своем необыкновенном своеобразии составляет предмет изучения.

Современное возникновение психофизических лабораторий дает возможность новым педагогическим академиям заняться пересмотром вопросов о воспитании детей – физическом, эстетическом, религиозном, понятен пересмотр и перерешение вопроса о наградах и наказаниях и других воспитательных средствах.

Наконец, странно было бы, если бы педагогика оказалась чуждой капитальнейшего орудия современного научного исследования – экспериментального метода.

Открывается широкий простор для творческой работы по указанию путей к познанию учениками внешнего мира. Завет бурсы Помяловского «С этих – до сих!» давно уже оставлен и оказался несостоятельным. Теперь работа ребенка должна сосредотачиваться на материале, подкладываемом учителем – наблюдения и выводы ребенок должен делать сам, воспитатель только направляет и поправляет работу.

В этом направлении и должна идти работы материнской школы.

И вот в настоящее время идеал единой школы с свободным преподаванием заставляет искать новых путей преподавания, устанавливать новые принципы техники обучения и новые горизонты наглядности.

Старая ржа схоластики стирается временем и уступает место творческой работе воспитателя и самостоятельности ребенка.

Теперь уже достаточно твердо установился принцип, по которому знания из области опытных наук дети должны не заучивать со слов учителя на уроках, а добывать сами опытным путем.

И здесь для воспитателей широкий простор для творческой работы.

Обновление преподавания, начиная с самого фундамента – принципа преподавания, – в настоящую минуту необходимо. Перерождение духом, завещанное Христом в беседе с Никодимом, – вот краеугольный камень фундамента материнской школы.

«Место ребенку, наследнику всех великих работ человечества!» – заканчивает Горький свой доклад в Брюсселе на третьем международном конгрессе «Семейное воспитание».

А мы должны начать с этого, закладывая новый фундамент начального образования на основах свободного преподавания.

Съезд учителей и деятелей средней школы в Петербурге в 1906 году на первом же своем заседании установил директивы идеальной, желательной, единой, непрерывной, общеобразовательной школы, от обучения грамоте до университета, необходимые каждому русскому гражданину.

Съезду были доложены два мотивированных взгляда по этому поводу. Вопрос о возрасте, с какого следует начинать обучение в общественной школе, разработан был в таком виде.

Первое: «**Следует начинать обучение с 6 лет**».

И второе: «**Раньше 8 лет не может быть начато обучение в общественной школе**».

Защитники второго мнения признают неизбежность для среднего воспитателя **внешней дисциплины**. «А раз это так, – говорят они, – то хорошо ли насиловать детей в таком раннем возрасте и лишать их влияния двух великих учителей – свободы и природы».

Но, оставаясь последовательным, нужно признать вред от внешней дисциплины и опасность лишения двух великих стимулов обучения свободы и природы, и для более позднего возраста» (До следующего №).

Синдетикон

Наша платформа (1912. № 1)

Почему наша газета называется «Синдетикон»?

Вы можете спросить:

– Что здесь остроумного?

– Где смысл?

Это ваше право. Вы даже можете пожать плечами и удивиться:

– Юмористическая газета и вдруг какой-то «синдетикон».

Но если вам когда-нибудь придется самим издавать газету, тогда вы поймете нас.

Дело будет обстоять так:

Вы решите издавать газету и, наверное, сразу придумаете название:

Сатирическая газета «Бич», или что-нибудь еще громче.

Посоветуйтесь с опытными людьми, пойдете просить разрешение на газету «Кнутик».

Вам разрешат издавать «Хлыстик».

Тогда вам придет идея назвать свою газету «Рожки да ножки».

Но уважая ножки, вы из деликатности не будете говорить о рожках.

И вы никогда не заведете тесную связь с читателем.

Мы поставили себе задачу слиться с читателями, стать необходимыми для него, как воздух, и обязательными, как взнос платы. Мы поставили себе целью объединить различные слои общества, сплотить их в одно целое, как на этапе, и «смеяться» общему слезою.

И вот мы искали подходящее название.

Назвать себя «Пластырь» и прилипнуть к обществу, по меньшей мере, не эстетично.

Назвать себя «Смола», «Деготь» – рискованно – не во всякое общество пустят.

Предлагали назвать «Гуммиарабик» – неприлично.

Во-первых, и без того в каждой газете гуммиарабик в большом ходу, а тут еще на заглавие тратить.

Во-вторых, что это за «арабик»... двойственная политика арабов в итальянской войне известна.

Но это еще полбеды.

А вдруг за русского араба примут – ложись и умирай. Мы искали благородное незапятнанное слово и остановились на «Синдетиконе».

«Син-де-ти-кон!»

Не слово, а музыка!

Вы чувствуете южное небо, классический профиль, журчащий фонтан и т.д.

Вы переноситесь в далекую Грецию и смотрите на жизнь из глубины веков.

А главное – слово «без прошлого», не с подложной репутацией.

На что уж ходок по древней части г. Иловайский, а и от того ускочило.

Перелистайте всю историю и не найдете там «Синдетикона».

Мы остановились на этом слове потому, что оно чисто, как предметная книжка первокурсника, древне, как учебник Боголепова, прочно, как минимум, и ясно, как бутерброд!

Сегодня первый день, когда в первый раз выходит первый номер «Синдетикона».

Мы не думаем, конечно, что с этого дня начнется новое летоисчисление.

Нет.

К чему это? Бросать в Лету целые тысячелетия – это непростительное мотовство.

Пусть себе идет все по-старому.

В сущности – не все ли равно жить ли в 6666 году, считая от сотворения мира, в третьем ли году, считая от введения «минимума», или в первом году, считая от выхода «Синдетикона».

Скромность – величайшая добродетель.

И мы это знаем.

Один из наших сотрудников семь раз был в Америке.

И мы рады, что никто не знает.

А то, как несчастный Колумб, попадет на зуб г. Иловайскому и останется весь век под проклятием.

Мало того, что тебя так изуродуют, что в приличное общество глаз показать нельзя, детей тобой на экзамене пугать будут.

Нет. Прав Цезарь, который сказал: «Лучше быть безграмотным по Гроту, чем умным по Иловайскому!»

Сибирский врач

От редакции (1913. № 1)

История врачебной прессы в Сибири очень коротка. 1 декабря 1902 года вышел первый номер и с 1903 года начала издаваться в Красноярске, выходя два раза в месяц, первая медицинская газета в Сибири – «Сибирские врачебные ведомости». В 1907 году эта газета прекратила свое существование и с апреля 1908 года стала выходить в Иркутске еженедельная вторая газета – «Сибирская врачебная газета». Эта газета до сих пор несет нелегкое бремя единственного на всю Сибирь общественно-медицинского органа, если не считать 1) «Известий Императорского Томского университета», журнала чисто научного характера, выходящего не периодически и служащего для помещения работ персонала университета и 2) «Врачебно-санитарной хроники», издающейся в некоторых городах (Томск, Иркутск, Омск, Владивосток) и имеющей специальное назначение. Следует упомянуть о попытке группы врачей в Томске в 1907 году приступить к изданию газеты под названием «Сибирский врач», не разрешенной администрацией.

Мысль об издании в Томске медицинской газеты уже давно лежала томскими врачами, но до сих пор не могла осуществиться.

В настоящее время составился кружок врачей для издания газеты.

Выпуская первый номер газеты, редакция считает нужным сказать следующее.

Просматривая за все годы издание медицинских газет в Сибири, можно сделать вывод, что дело издания настолько же нужное и полезное, насколько трудное и ответственное. Нет необходимости доказывать значение медицинского органа, издающегося в Сибири: целый ряд вопросов научного и практического характера может и должен найти место, освещение и разработку на его страницах; но это возможно лишь при том условии, если сибирские врачи сочувственно отнесутся к этому органу и примут в нем то или иное посильное участие; без такого отношения сибирских товарищей газета, можно сказать заранее, не в состоянии выполнить свое назначение. Наша газета будет издаваться в Томске, и смеем думать, что издание в Томске будет обеспечено большим числом постоянных сотрудников и газете не придется испытать того недостатка как в научном материале, так и в сообщениях из разных мест Сибири, которое пришлось, к сожалению, испытать нашим предшественникам.

Надеемся, что господа профессора и младшие преподаватели Томского университета не откажут в поддержке нашего органа своими научными работами, от врачей сибирских, следящих за общественно-медицинской работой, будем ждать, помимо сообщений научного характера, статей по общественно-медицинским вопросам.

Не скрываем от себя, что с подобными надеждами приступали к изданию и наши предшественники; но... как ни грустно сознаться, одни из этих надежд совсем не оправдались, другие – осуществились лишь частично.

Мы, как новые люди в этом деле, начинаем наше дело с надежд на товарищеское сочувствие и помощь...

«Сибирский врач», само собой понятно, прежде всего должен обращать внимание на вопросы, касающиеся врачебно-санитарного дела в Сибири.

Врачебное дело в Сибири представляет немало недостатков и неблагоустройства. Многие из этих недостатков неоднократно указывались и разбирались в медицинской и общей печати, но многие остается еще выяснить и обсудить, как их устранить.

Да послужат страницы «Сибирского врача» для обсуждения тех вопросов, которые связаны с улучшением врачебно-санитарного дела в Сибири, и привлекут они к взаимному обмену мнений и сообщению всякого рода материала по этим вопросам всех врачей, работающих на разных поприщах общественной медицины – сельской, городской, железнодорожной, переселенческой.

Редакция, с своей стороны, примет все меры к тому, чтобы ее призыв к разработке вопросов, наиболее жизненных и близких сибирскому врачу, не остался пустым звуком и нашел отклик.

Как ни близки эти вопросы сибирскому врачу, но **сибирский** врач есть прежде всего врач, и все врачебное должно его интересовать. Вот почему «Сибирский врач» не должен замыкаться в узкие рамки **местных** интересов и вопросов; все главнейшие завоевания врачебной мысли, вопросы врачебного быта и этики, профессиональные запросы и нужды, требования врачебной корпорации... все это не может не найти отзвука и места в нашем органе.

Идеалом медицинской газеты в Сибири было бы такое издание, которое давало бы практикующему сибирскому врачу все главнейшее, что может его интересовать, без необходимости выписывать еще **подобную** газету из Европейской России. Но это лишь идеал, осуществление которого в будущем в зависимости от многих условий.

В ближайшее время редакции была бы удовлетворена, если бы ей удалось придать «Сибирскому врачу» такое содержание, которое отвечало бы хотя бы скромным требованиям своих товарищей-читателей.

Сибирский студент

Передовая (1914. № 1)

Светает, товарищ!
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край...
И.В. Омуревский

Все течет, все изменяется. Новые времена, новые песни слышатся. Освободительное движение 1905 года выбросило на гребень общественной жизни новых людей, разрушило старые жертвенники, среди пожаров революции свергнуты были прежние кумиры, под гром боевых выступлений общественное целое – передовая, радикальная интеллигенция раскололась в самой толще своей, создались новые настроения, жизнь выдвинула доселе неведомые запросы, народились новые теории, пролагались сквозь тернии революции новые пути практической деятельности, иначе ставится и в ином смысле решается вопрос «Что делать?».

С этого исторического момента общественное целое дифференцировалось на ряд резко отграниченных социальных групп. Это расслоение радикальной интеллигенции по мере усложнения жизни и обострения ее противоречий все нарастало и нарастало именно в тот момент, когда на арену политической борьбы во всеоружии выступили трудовые массы и с этого момента интеллигенция и начинает сдавать свои позиции, слагать свои идеологические знамена, оставляя за собой роль культурного строительства.

Какое место занимает студенчество как таковое во всем этом процессе переустройства, где на развалинах обветшалого строя создаются устои молодой жизни?

Студенчество как таковое всегда было и есть отражение общественного целого, оно его барометр, в высокой степени чуткий к малейшим колебаниям жизни этого общественного целого.

И как нет теперь передовой, радикальной интеллигенции, как общественного целого, так нет и студенчества в том смысле, как русское общество привыкло понимать его в дореволюционное время.... И как в революционный период происходило расслоение общественного целого и после того в процессе ломки прежних устоев его разложение, так и среди студенчества та же группировка, то же временное духовное обнищание, та же растрата прежних идеалов, то же искание новых путеводных огней.

Но годы разрухи, годы полного духовного обнищания уже проходят, и на общественно-политических горизонтах загораются новые путеводные звездочки, там и здесь пробивается толща общественной апатии и взамен «никчемности» жизни пробуждаются новые силы, слышатся властные призывы, забурлили вновь источники неиссякаемой, вечной энергии народного духа. Среди сумерек общест-венности светлым полымем вспыхивают дали...

И вновь студенчество, несмотря на упрочившееся уже в нем рас-слоение, чуткое, идеально отзывчивое с «барометрической» по-спешностью и точностью не только зафиксировало эти колебания, но и пошло здесь и там впереди нарождающегося общественного подъема. Учащаяся молодежь с большой энергией, нетерпением, большой смелостью мысли и дерзостью чувства ринулась по новым путям, стряхивая с себя общественную апатию.

В этом процессе нарастания нового самосознания студенче-ских масс создаются новые духовные силы, причем этот процесс, конечно, органически связан с славным прошлым русской обще-ственности вообще, времен Герцена, Михайловского, Чернышев-ского и студенческой жизни эпохи Грановского, Пирогова и дру-гих в частности.

Эта органическая связь настоящего момента с героическим про-шлым русской общественности, разумеется, обязывает современную учащуюся молодежь к очень и очень многому. «Сурово и скорбно смотрят из мрака прошлого на протекающую жизнь лица погибших вождей... и в их взглядах напоминание «заветов», требование про-должать ту же борьбу, идти тою же дорогой».

Отсюда понятно и желание, и стремление, чтобы на страницах журнала нашли место не только молодые силы, но и «старшее поко-ление», дабы таким путем происходило боевое скрещение мечей «отцов» и «детей» – этих вечных двух ступеней развития челове-ческого духа.

За последнее время в жизни всего русского студенчества замечается тенденция к коренному изменению всего уклада студенческих организаций. Стремление к обеспечению себе материальной независимости от общественной благотворительности – отсюда нарастание различных экономических организаций и трудовых артелей. Эти тенденции в общем ходе переустройства студенческой жизни в переживаемый переходный ее момент занимают едва ли не доминирующее значение, по крайней мере, для студенческих масс.

Далее характером переживаемого момента текущей студенческой жизни обуславливается зарождение и нарастание студенческой прессы, причем органы ее не чужды и общих вопросов политической и общественной жизни, что говорит за несомненный подъем общественности среди студенчества.

Сибирское студенчество, кроме общих моментов с жизнью и идеологией всего русского студенчества, имеет свои особые, обусловленные местными бытовыми условиями, правовым положением окраин, экономическим укладом, культурным уровнем и этнографическим составом Сибири – как отдельной области.

Культурный уровень общества определяется известным его отношением к лучшим своим членам, уже сошедшим с жизненной арены. Сибирское общество в прошлом имеет целую плеяду достойных граждан Сибири, ратовавших за ее светлое будущее, болевших за окраину и на служение ей отдавших все силы своего ума и сердца. Самые светлые, широкие надежды возлагали истинные граждане Сибири на Сибирский университет.

И вот эти граждане Сибири, выносившие в уме и сердце своем идею Сибирского университета, завещали ему великую миссию, те же требования повелительно выдвигает и живая действительность, а именно: разработку научных знаний в области этнографии, географии, естествознания, экономики окраины и проч., развитие культурного уровня сибирского общества, развитие в нем областного самосознания и гражданской доблести, сплочение разбросанного по тундрам и лесам туземного элемента в одну культурную семью путем приобщения его к началам науки и гуманизма и воплощение в общественных формах истины и справедливости. Такова миссия Университета (вообще высшей школы) молодой Сибири!

Учащаяся сибирская молодежь стремится объединяться на почве подготовки к работе в указанном выше направлении.

Но прежде чем выступить на арене общественной деятельности, необходимо сознание долга перед родиной, развитие любви к ней, сознание целей своего служения и его планов, а для этого надо изучать «среду», где предстоит работа.

Начало же всему этому должно быть положено еще на университетской скамье, так как в это именно время создается «личность», намечаются вехи дальнейшего жизненного пути.

Поэтому необходима пропаганда организации разрозненных студенческих сил на почве приготовления к будущей общественной деятельности и посильного изучения родины, выявления ее нужд, потребностей широких народных масс и изыскания путей и способов устроения жизни родного края.

Выявить нарастание нового самосознания студенчества, связь этого нарождающегося духовного «я» молодого поколения с славным прошлым русской общественности, обсудить, наметить те практические пути, по которым должны пойти молодые силы вообще и в частности определить роль сибирских студентов как настоящих участников и будущих строителей жизни именно Сибири, – вот те ближайшие задачи в общих чертах, которые ставит и при деятельном участии широких студенческих масс надеется разрешить журнал «Сибирский студент».

В частности же, исходя из того положения, что высшая школа не может быть привилегией богатых, что она должна быть доступна широким демократическим слоям, что в ряду факторов, влияющих на доступ в школу широких масс, является фактор экономический, что высшая школа не может быть вне течения общественной жизни, что она должна быть органически связана с общественной жизнью страны и быть во главе работ передовых ее элементов в направлении полного раскрепощения человеческого духа, что достоинство, смысл и значение высшей школы требуют полной ее автономии, журнал ставит своей задачей проводить идеи демократизации высшей школы и знаний вообще, связи высшей школы с общественным целым как в смысле приближения работы школы к жизненным интересам широких народных масс, так и в смысле укрепления в этих последних сознания высокого значения школы в общей прогрессивной работе человеческого духа, пропаганду идеи автономии высшей школы и наиболее полную самодеятельность студенчества, как подготовительную ступень к широкой общественной деятельности, а равно и экономическую самопомощь студенчества. В этом послед-

нем отношении журнал имеет в виду проводить идеи организованной самопомощи студенчества в виде насаждения организаций потребительных, производительных и т.п.

Соответственно с характером переживаемого момента, когда, с одной стороны, распалось студенчество как общественное целое на целый ряд социальных групп и в нем продолжается еще дифференциация, а с другой – при общем упадке общественности, когда требуется мобилизация всех прогрессивных сил и некоторые резкие углы социальных групп до известной степени сглаживаются, в журнале могут найти выражения все течения студенческой общественной мысли, раз это не роняет достоинство святого звания «человек», на страницах этого журнала найдут место все, кого влекут и правдистина и правда-справедливость – «синие птицы» мечты человечества, кто мечтает о правде-красоте, о светлом храме будущей свободно-могучей, полнозвучной и ярко-красочной жизни.

И мы верим, что студенчество, как герой красивой легенды М. Горького – легенды о горящем сердце Данко, вырвет из груди свое трепещущее сердце, ярко горящее любовью к своему народу, и понесет его высоко над массой, и далеко кругом осветит оно путь, и далеко вокруг полетят искры от горящего пламенного сердца. И массы народные двинутся за «молодым Данко», выйдут из темных низин и увидят новые горизонты и горящее ярким, животворным огнем Вечное Солнце!

Редакция

Сибирский кружок. Очерк деятельности сибирского кружка томских студентов (Доклад, прочитанный в общем собрании 7 марта 1914 г.) (1914. № 1)

Одному из замечательных людей Финляндии, главному руководителю и вдохновителю большого народного дела – изучения страны общими силами, Роберту Больдту принадлежат прекрасные слова: «Нужно знать то, что любишь, и нельзя любить как следует то, чего не знаешь, и нельзя научиться ничему без внимательного изучения».

Дело изучения Финляндии настолько широко развилось, что почти каждая мелкая сельская ячейка принимает самое деятельное и живое участие в изучении своей страны, сознавая, что изучение родины укажет путь к богатству и расцвету ее.

Славная плеяда сибиряков 60-х годов осознала, что первый долг сына родины – это изучение ее во всех проявлениях и что первый залог развития страны – это знание ее.

Настойчиво и упорно звала она сибирское общество к изучению страны.

Особенно много потрудился в этом направлении и долго будет памятен сибирякам Н.М. Ядринцев, уже в то время горячо проповедовавший, что, не изучая Сибири со всеми ее историческими, этнографическими, культурными и экономическими особенностями, чего можно единственно достигнуть открытием Сибирского университета, могущего поднять культурный уровень страны, дать культурных работников на ниве народной, вызвать к жизни природные, таящиеся в глубинах страны богатства, создать центр научного изучения страны во всем ее великом многообразии – не изучая, повторяю, нашей окраины, нельзя сделать страну богатой и счастливой.

Разрешение университетского вопроса было вопросом жизни и смерти для пробуждающейся Сибири; в нем сосредотачивались все ее надежды и идеалы. Но открытие неполного сибирского университета многого не разрешило.

Единичные научные сибирские силы также не могли, да и не могут изучить такую огромную страну – для этого нужны работники самого широкого круга населения; необходимо участие самого общества, чтобы страна сбросила с себя кличку «непечатого края».

И первыми работниками в этой области должно быть сибирское студенчество, памятуя заветы лучших сибирских людей.

Оно не имело средств удовлетворить эти потребности посредством какого-либо научного центра местного характера, ибо университет не разрешил этой нужды.

Назрела насущная необходимость объединения сибирского студенчества в целях научного изучения Сибири во всех направлениях, научного выяснения реальных потребностей страны и путей осуществления их.

И вот семь лет тому назад – 28 января 1907 года, – сибирское студенчество объединилось под флагом «Сибирский кружок томских студентов».

Казалось бы, что единственный Сибирский университет должен пойти навстречу инициативе студенчества, но спустя только год (24 ноября 1908 г.) кружок был легализован, и много хороших начинаний, благодаря такому положению, не могло осуществиться.

На первых порах в жизни кружка занял центральное место вопрос о программе его, разработка которой заняла несколько собраний. На практической же почве для работ кружка сразу же возник вопрос об источниках и научных материалах для исследования, так как в наличии почти не было ничего, и, кроме того, чтобы сконцентрировать материалы, кружком был организован «Архив сибирской прессы», с каковой целью и обратился кружок к сибирским газетам и организациям. Многие сибирские газеты и научные общества откликнулись, это дало возможность организовать в течение короткого времени библиотеку (насчитывающую в настоящее время свыше 400 экземпляров) и при ней читальню.

Кружок считал необходимым для пользы дела организовать при университете «Сибирский кабинет», выделив в него все материалы и книги по сибирским вопросам при университетской библиотеке, обладающей огромными материалами, которые находятся не только в хаотическом состоянии, но многие и до сих пор лежат под спудом (например, Строгановская библиотека, хранящаяся в подвалах университета).

Не мудрено, что при всем своем богатстве библиотека с трудом может обслуживать нужды сибиряков, ведь нет ни специального сибирского отдела или отдельного каталога и пр. При возбуждении своего ходатайства, поданного 13 апреля 1907 года в совет профессоров о создании «Сибирского кабинета», кружок имел в виду: 1) создание условий, наиболее благоприятных для изучения Сибири студенчеством еще на школьной скамье, и через это культивирование в них научного интереса к своей родине, любви и чувства долга к ней, проявления наибольшего внимания к своему краю и 2) создание научного центра местного характера, который бы следил за всеми научными работами, изысканиями, экспедициями по Сибири, был бы всегда в курсе научно-культурных интересов ее.

Кружок твердо верил, что его начинание встретит теплый отклик, но совет профессоров отклонил это ходатайство, мотивируя отсутствием помещения, и предложил кружку принять участие в составлении каталога «сибирских книг».

Для более широкой постановки изучения и исследования Сибири кружок предполагал устроить отдел корреспонденций из различных мест Сибири: с этой целью им были выработаны и изданы программы по губерниям и областям, которые вручались членам кружка, и проявилось желание завязать сношение с лицами, занимающимися изучением Сибири, и, таким образом, привлечь к работе кружка как

можно большее число участников и сосредоточить материалы в сибирском кружке. Программы рассылались учителям, священникам, сельской интеллигенции, сельскохозяйственным обществам и пр. При рациональной постановке этого дела можно было бы добыть богатейшие материалы.

Следующим очередным, самым важным и самым жизненным вопросом в жизни кружка является организация коллективных работ. Сознавая всю важность и значение секционных работ, кружок наметил несколько секций по разным вопросам – секции: колониальной политики, по инородческому вопросу, географическая, этнографическая, историческая, археологическая, торгово-промышленная, финансовая, сельскохозяйственная, по рабочему вопросу, земская, юридическая, городского хозяйства и самоуправления, по народному образованию и секция сибирской библиографии.

Из всех намеченных секций приступили к работам только некоторые – это секции по разработке вопроса о безработице в Сибири и по изучению экономического быта в Сибири (1909 г.) под руководством проф. М.И. Боголепова. В 1910 г. под руководством проф. Н.Я. Новомбергского работали 2 секции по переселенческому вопросу и по земскому, последняя секция была самой деятельной и многочисленной (20 человек). Для библиографической секции, которая должна была быть продолжением известного труда В. Межова «Сибирская библиография по 1892 г.», были отпечатаны анкетные листы.

Сознавая значение единственного сибирского университета, первого культурного центра, сибирский кружок в 1908–1909 годах нашел возможным поднять вопрос об учреждении в университете кафедры по сибиреведению. Для разработки этого вопроса была избрана особая комиссия (из двух профессоров: Богаевского и Боголепова, 2 почетных членов – Г.Н. Потанина и А.В. Адрианова и 2 членов кружка). Разработав вопрос, комиссия обратилась с соответствующим ходатайством по этому вопросу к сибирской фракции в Государственной думе, которая организовалась в 1907 году. Сибирский кружок, приветствуя фракцию, выразил надежду, что между ним и фракцией будет поддерживаться живая связь. Вскоре сибирский кружок от депутата Н.Л. Скалозубова получил предложение собрать для сибирской фракции материалы по вопросу о портофранко в Сибири. При содействии почетного члена Г.Н. Потанина были собраны материалы по вопросу о северном морском пути.

Многие материалы (например, германской фирмы Гартог и Станг) до этого не были опубликованы в печати. Материалы были обработаны по форме записки «О порто-франко в Сибири в связи с сельскохозяйственным положением Сибири и водными путями» и пересланы в сибирскую фракцию. В 1908 году было приступлено также к разработке материалов биржевых комитетов о направлении Ташкентской дороги (соединение с Сибирской магистралью).

В течение первого же года были организованы рефераты и доклады на собраниях кружка, из которых первым по времени был доклад Гр.Ник. Потанина «Областническая тенденция в Сибири», явившийся для кружка как бы программным. Доклад прочитан проф. Н.Я. Новомбергским и затем был издан кружком. Далее был прочитан ряд докладов членами кружка студентами: Пономаренко «История местного управления в Сибири в XVII в. (воеводский период)», М.Б. Шатиловым «Культурно-экономическое будущее Сибири в связи с вопросом о свободе торговли», Г.В. Серковым «Из жизни киргиз Бель-Агачской степи», Е.И. Васильевским «Иностранные капиталы в Сибири», Л.Я. Буткевичем «О безработице в Сибири» и ряд других. Последним был в 1910 году доклад профессора И.А. Малиновского «Изучение живой старины и архивов в Сибири» (доклад напечатан в «Сибирских вопросах» за 1910 г.), в котором докладчик указывал роль и задачи кружка в изучении богатейших сибирских архивов.

Кружок пользуется, в первые годы, у студенчества симпатиями и привлекает товарищей к участию в совместных, коллективных работах по изучению родного края: секции довольно удачно выполняют свои задачи, собрания и заседания кружка проходят при довольно многочисленной аудитории. Число членов растет и достигает 70 человек. В заключение отчета за первый год деятельности правление, окрыленное успехами кружка, говорит: «Кружок считает отчасти выполненной ту задачу, что сибиряки начинают с большим интересом следить за течением сибирской жизни... теперь, когда дело поставлено на рельсы, останется членам кружка только прилагать свои силы на благо Сибири. В заключение можно выразить надежду, что при сочувственной поддержке сибиряков из маленького семени со временем вырастет ветвистое дерево, а при дружной работе нескольких «Сибирских кружков» дело изучения нашей родины – Сибири – и выяснения ее нужд будет поставлено на достойную высоту».

Некоторые из членов под влиянием работы кружка вошли в ряды общественных деятелей и исследователей (укажу, например, на Ни-

кифорова, Молотилова и пр.), посвятивших свои силы на изучение страны и служение ее нуждам.

Так продолжалось до 1910 года – с этого времени замечается упадок интереса к кружку – в правлении начинает подниматься вопрос о привлечении студенчества к работе.

Но все-таки в Сибирском университете не может не найти сочувствия у сибиряков такая идейная организация, как Сибирский кружок, где каждый сибиряк по долгу своему должен способствовать укреплению идейной организации. Такой абсентеизм товарищей более чем странное явление! Наступает 1911 год, когда все студенческие организации прекратили свою деятельность, благодаря известному министерскому циркуляру, наступает и в жизни кружка тяжелый кризис.

Сибирский кружок остается в руках немногих товарищей, подерживавших его существование. И несмотря на тяжелое положение, кружок в 1912 году издает работу молодого, безвременно погибшего исследователя, студента – члена кружка А.Н. Молотилова, издает совместно с Обществом естествоиспытателей и врачей ценную в научном отношении работу – «Очерки природы северо-западной Барабы». В 1912–1913 годах с большим трудом удалось устроить рождественскую экскурсию в столицы.

Со стороны сибирского общества кружок пользуется вниманием и симпатиями: купцом Суховым из Барнаула пожертвовано 200 рублей, П.И. Макушин на несколько десятков рублей пожертвовал книг, ряд лиц и научных учреждений высылают свои труды и издания.

Такова деятельность кружка, и при таких условиях совершалась работа в тяжелое время, особенно за последние годы.

Пусть многое из его начинаний рухнуло, не осуществилось – первые шаги сделаны, путь найден, и наше дело, наш долг продолжать работу сплоченной, дружной семьей, где каждый из нас найдет то, что всякому гражданину необходимо. Это наш долг перед родной, наш долг перед предшественниками.

От вашего окружения, товарищи, зависит судьба кружка.

Жизнь выдвинула вопросы, требующие немедленного разрешения. Некоторые явления сибирской жизни требуют немедленной разработки и изучения, не терпит отлагательств, например, вопрос инородческий. Сибирские инородцы исчезают с лица земли с невероятной быстротой, и пройдут десятки лет, даже меньше – пройдут годы, и от некоторых племен не останется никаких следов. Вопрос

переселенческий – с его сложным вопросом о земельном фонде, с его сложными последствиями, вносящими перестройку в уклад сибирской жизни, с вопросом о взаимоотношении старожилов и новоселов и проч.

Уклад жизни Сибири принимает иные формы – нарождаются новые классы населения и пр. Острый и очередной вопрос о земстве, волнующий Сибирь в течение долгого времени и являющийся первым и насущным вопросом дня. Сибирское кооперативное движение, влившее новую струю в жизнь Сибири, рабочий вопрос и много, много других вопросов разнообразной жизни Сибири требуют скорейшего разрешения и всестороннего изучения.

На всех крупных начинаниях и работах кружка я остановился более подробно потому, что они являются программой деятельности кружка.

Пути намечены – их нужно разработать.

Теперь предоставлена более или менее полная возможность начать совместную работу – работу в секциях под руководством опытных и знающих Сибирь людей.

Знание родины – величайшая ценность, и мне невольно приходят на память слова одного из одиночек-исследователей давнего времени, каких у нас в Сибири насчитывается весьма немного. Отдельные путеводные звезды светят ярко, и чем чище небо, тем ярче разгораются, и как граненые алмазы играют переливным, теплым, манящим светом – и вот один из немногих на заголовке своей рукописи, хранящейся в Тобольском музее, начертал простые, но мудрые слова:

Любить отечество – велит природа, Бог,
А знать его – вот честь, достоинство и долг.

И. Зинштейн

Студенческая пресса (1914. № 2)

В последние 4–5 лет появилась и местами окрепла особая студенческая печать. Почти во всех университетских городах возникли студенческие журналы и газеты.

Многие из них были недолговечны, выходили в количестве нескольких номеров и вдруг, как и возникали, прекращали свое короткое существование вследствие недостатка средства и сил или обстоятельств, не зависящих от редакции. Несмотря на такое

непрочное положение органов студенческой прессы, они, в конце концов, все-таки завоевала свое, правда скромное, место в общей русской печати. На место погибших возникали новые студенческие издания, причем постепенно сглаживался их непримиримо оппозиционный тон и в результате создавалась специальная студенческая печать со своим кругом интересов, с одинаковой, в общем, тенденцией, чем, собственно, она и обособилась от общей печати.

Еще во времена возникновения студенческой прессы Изгоев в газете «Речь» посвятил ей статью, в которой между прочим писал: «Студенческая журналистика свидетельствует, что в студенчестве происходят любопытные и серьезные процессы». Надо заметить, что 1911 год, когда Изгоев писал эти строки, был бурным годом студенческой жизни, и эти «любопытные и серьезные процессы» протекали у всех на глазах, о них говорили всем очевидные факты, а студенческая журналистика только подтверждала их.

Совершенно в иных условиях находится сторонний наблюдатель студенческой жизни в наши времена полного затишья, когда жизнь учащихся протекает незаметно, не обнаруживая резко настроений студенчества, и если происходят какие-либо «процессы», то с удивительной постепенностью и совершенно незаметно постороннему наблюдателю. Вот поэтому-то студенческая печать, как единственное средство ознакомления с интересами и вопросами жизни учащихся, не может не интересоваться широкими общественными слоями.

Общим и, пожалуй, главным мотивом всех студенческих изданий служит вопрос о разрозненности студенчества, констатирование, правда, с оттенком грусти, того факта, что в наши времена студенчества как целого нет, а есть только студенты. И этот факт констатируется как неизбежный – о борьбе с разрозненностью, о воссоздании студенчества как целого никто и не думает.

Сознавая расслоение студенчества на отдельные группы, студенческие издания исходят из этого положения как основного при обсуждении всех вопросов студенческой жизни.

Много места в любой студенческой газете или журнале уделяется вопросам о студенческих кооперативах. Этот вопрос стал излюбленным, и перспективы в этом направлении часто создаются широкие, если не фантастические. Здесь мы находим и студенческие книгоиздательства, и потребительские лавки, и особые студенческие банки с большими капиталами, и кредиты Государственного банка

и т.п. Правда, много из этих планов осуществляется (например, студенческие издательства).

К жизни студенческих организаций, конечно, проявляется в студенческой прессе живейший интерес, что, несомненно, оживляет издания и сближает их с широкими студенческими массами.

Что касается информационного материала, то в этом отношении студенческие издания оставляют желать много лучшего. Несомненно, причинами этому служат молодость студенческой печати, недостатки прочной организации, их неопытность, а главным образом крайняя скудость средств, не позволяющая оплачивать не только телеграммы, телефон, корреспонденцию, но часто доходящая до невозможности разослать издания иногородним подписчикам.

Не чужды студенческим изданиям и вопросы чисто научные – на их столбцах часто появляются и специальные статьи, больше, конечно, компилятивного характера.

Новые литературные течения, социальные вопросы, события общей жизни – все, что находит живой посильный отклик учащихся в их органах.

Средства для издания студенческих журналов и газет собираются обыкновенно на паевых началах, причем почти всегда среди пайщиков находятся студенческие общества, а иногда пайщиками состоят исключительно эти общества.

Из всех существовавших и существующих органов студенческой прессы самым живым, интересным надо считать закрытый в 1911 году «Голос студенчества» (Москва), недолго существовавший, но оставивший по себе прочный след. Эта газета сумела привлечь к себе и объединить около себя всех московских учащихся в лице землячеств, самых различных по задачам студенческих обществ, союзов и т.д. «Голос студенчества» был детищем московских учащихся, к нему текли средства, стремились живые силы; к его нуждам относились внимательно, и благодаря этому он смог стать тем, чем и должна быть студенческая газета. Конечно, во многом этому содействовало то настроение, тот подъем, который создан в 1910 году, благодаря целому ряду событий того года.

Вообще нужно признать, что студенческая газета или журнал достигают успеха лишь тогда, когда они становятся действительно студенческими: привлекают к участию широкие слои учащихся, обслуживают жизнь студенческих организаций и создают около себя своего рода центр жизни студенчества.

В. Прейман

Отрадное явление (1915. № 7–8)

6 апреля сего года в Томске Студенческим бюро по приисканию средства для оказания помощи семьям запасных была издана однодневная газета «Студенческий день», чистая прибыль с которой пошла в пользу жертв войны.

Много устраивалось сборов под всевозможными названиями – тут были и «сапог», и «вербочки», «красный крест» и «яичко» и многое другое. Во всех этих случаях жертвователю награждался ничем не стоящим жетончиком. Во всех этих сборах студенчество принимало самое живое участие. Нельзя, конечно, оставаться равнодушным зрителем, когда вокруг тебя зывают о помощи, и студенчество отзывалось и помогало устраивать благотворительные сборы. Собирая с одних, студенчество давало возможность помочь другим. Роль, которую играло во всем этом студенчество, можно назвать несколько пассивной. Это получало характер какого-то любительского благотворительствования, с некоторым оттенком благотворительности за чужой счет.

С изданием «Студенческого дня» характер участия несколько изменился: здесь с начала до конца видно непосредственное личное участие студенчества. Вся довольно сложная организация по изданию газеты выполнена самими студентами: они собирали, просматривали, систематизировали материал, они сами работали в качестве сотрудников, писали о своих делах и нуждах, вели корректуру и, наконец, сами распространили. Здесь студенты – активные работники, которые принесли свой посильный труд, чтоб хоть несколько облегчить страдание семей тех, кто проливает кровь на поле брани.

Это безусловно ценно, и нельзя этого не отметить.

Ф.М.

Сибирский свет

Первая в Сибири вечерняя новая газета (1916. № 1)

«Сибирский свет»

Первая в Сибири вечерняя новая газета

*Ежедневная, общедоступная, литературно-политическая,
будет выходить в г. Томске с 17 декабря 1916 г.*

Газета будет выходить ежедневно, кроме дней праздничных.

Самостоятельная в своих суждениях, чуждая тенденциозного извращения фактов газета «Сибирский свет» будет, безусловно, неза-

висимым органом печати. Ярко освещая все явления общественной жизни, справедливо и беспристрастно отмечая их, она явится наиболее полным выразителем нужд местного края, далекая от узких партийных, односторонних взглядов. В программу ее войдут отделы политический, общественный и литературный, руководящие статьи и всякого рода фельетоны, рассказы из жизни сибирского крестьянства, инородцев Алтая, этнографические очерки, внутреннее и иностранное обозрение, хроника местной жизни, духовная и еженедельный сатирический отчет «Задушевные беседы неунывающего сибирского обывателя», в котором читатели найдут интересный, злободневный материал для чтения. В сжатом, но живом изложении газета даст систематический обзор всех важнейших новостей в области политической и общественной жизни за день. Изданию будет придана серьезная постановка в расчете на доступность его для широкого круга читателей, в особенности для лиц, не имеющих возможности следить за недоступными дорогами для него периодическими изданиями. В этих видах будут приложены особые заботы, чтобы газета была интересная и удовлетворила читателей всех условий разнообразием и богатством даваемого материала.

С первых же номеров в газете «Сибирский свет» будет печататься большая новелла из жизни новых людей местной сибирской окраины и доставит читателям Томска и Новониколаевска большой интерес и удовольствие, так как действующие лица описываемой трагикомедии известны почти всякому обывателю и не изгладилась из памяти их темная, ужасная история недавних дней. Соч. Г. Могуч, «Герои Сибирского Чикаго». <...>

Издатель Р.М. Копылов

Ответственный редактор В.В. Невский

Г. Томск, 17 декабря 1916 года (1916. № 1)

Одним светочем более,
одним преступлением менее.

Кетле

Есть ли у нас живое слово! – спрашивал когда-то корифей русской литературы В.Г. Белинский – и спрашивал, как известно, не без основания. Можно ли повторить этот вопрос в наше время? Конечно, нельзя; это было бы оскорблением здравого смысла, все

равно, что спросить у профессора, знаком ли он с предметом, о котором читает с кафедры. Но если мы станем говорить о представителе живого слова – газете, не о русской газете вообще, а о газете настоящего времени, данной минуты, то вопрос едва ли покажется таким нелепым и неуместным. Жалобы на упадок газетного слова в наше время до такой степени сделались избитым общим местом, что донельзя всем надоели, нет ни одной газетной статьи, в которой не повторилась бы старая погудка на новый лад; на доказательства и опровержения этой мысли изведены горы бумаги и пролито море типографской краски, заслуживающие иной, лучшей доли; а все-таки мы до сих пор не решимся сказать утвердительно, существует ли у нас в настоящее время «живое газетное слово» или оно замерло, остановилось до лучшего будущего и газета и самое дело обогащаются только количественно, новыми пудами газетной бумаги...

Едва ли кто станет отрицать, что у нас лучшим показателем газетного движения и верным барометром «живого слова» служит периодическая печать. Самой последней, самой свежей литературной новостью является в обиходе читателя не книга, а именно ежедневная газета – неразлучный друг каждого мыслящего и живущего по-человечески гражданина, в газете печатается огромное количество животрепещущих злободневных новостей, произведений беллетристики, которая только впоследствии, да и то далеко не всегда, появляется отдельными книгами, в газете всегда найдутся самые свежие известия внутренней и иностранной жизни. Словом, газета – пульс «живого слова»: бьется он сильно, отчетливо, полно – значит, жизнь слова идет правильно; неровно и чуть слышно его биение – значит, в газете упадок сил; малокровие, бледная немочь. Вспомните для примера нашу газетную деятельность недавно минувших лет: какое лихорадочное оживление, какой подъем юношески полных сил, какое богатство и разнообразие содержания! Право, даже теперь, спустя десять – пятнадцать лет, можно зачитаться иными статьями, имевшими, по-видимому, чисто временной интерес. Последующие годы были уже далеко не так оживлены; жизнь пошла тихо, а «живое слово» стало ровнее, хотя, может быть, не так жизнерадостнее, как шло дело до последних лет, газета не переставала являться светлым явлением в жизни, возбуждать новые интересные вопросы, выработать более или менее самостоятельное отношение к умственному движению европейскому... но все это понемножку затихало и

к началу последнего времени любая из наших ежедневных литературно-политических газет уже являла собой периодическую «отписку» о том, что все обстоит... скучно. Заскучало «живое слово», стала громче и громче слышаться зевота; а зевота в обществе – известное дело – заразительна, и скоро все слилось в один общий хор,

– «Я сплю – мне сладко усыпленье!..».

Возьмите газету того времени какого угодно направления, с ее столбцов повеет на вас этим успокоительным духом, клонящим ко сну; за очень редкими исключениями, вы в ней не найдете ни малейшей попытки дать что-нибудь оригинальное, типичное, интересное по идее и по духу времени. Хорошо еще, если у вас хватит терпения просмотреть до конца, и, дочитавши до конца, вы тотчас забудете, потому что газета не оставила вам ни одного отрадного факта, вы не нашли в ней ни одного «живого слова» – ничего, что бы выходило за пределы заурядности. – Нам говорят, откуда же газете взять нового и интересного, если его нет в самой нашей жизни, – серой и будничной, день за днем, нынче как вчера? «Не сыщем в селе, не сыщем и в себе». Полноте, господа, Бога гневить, жизнь, какая бы она ни была, всегда интересна, надо только уметь к ней присматриваться; а нет этого умения, так ничем горю не поможешь.

Вспомните, какова была наша жизнь полвека тому назад, а какие были витии и как жгло человеческие серьезные сердца живое слово с газетных строк, производя переворот в наших суждениях и взглядах на жизнь. –

Газетное слово, живое, проникающее в душу, – это рычаг, которым возможно повернуть землю. Нужно только с любовью и за дело приниматься... Будет «живое слово», если мы будем действовать правдиво, с энергией, с верой в дело, по слову поэта, глаголом жечь сердца людей.

Таково наше скромное желание, по возможности, доставить читателям наше «живое слово», которое бы было светлым облачком на их горизонте. Мы будем всячески стараться давать в нашей общедоступной скромной газете материал такого содержания, чтобы он оправдывал минимальные пожелания великого печальника Земли Русской.

От нашей святой церкви представляются новые запросы. Обязанности наших пастырей, проповедников слова Божия, становятся ответственнее и сложнее по мере проникновения христианских

принципов в области мировой культуры. Постараемся же поработать на этом поприще и в беспристрастном, свободном от партийной односторонности «живом слове» поднимем вопросы современности церкви – этого фундамента православия.

Мыслитель

Барнаул

Алтайская газета

Барнаул, 9 февраля (1910. № 1)

Выпуская нашу газету с новым названием «Алтайская газета», расширяющим круг обзора нашего на весь район Алтайского округа, издание наше остается при том же направлении, с той же программой и с тем же составом постоянных сотрудников. Если «Алтайская газета» будет крепнуть и расти в той же прогрессии, как креп и рос «Барнаульский листок», то лучшего желать мы не дерзаем.

Тепло, с чувством дружбы, прощаемся с читателями «Барнаульского листка» и приветствуем их как читателей «Алтайской газеты».

Фельетон. На золотых приисках (1910. № 1)

Расчет

Ранее утро.

Ульянинский прииск оживлен.

Сегодня 1 октября – расчет.

После годового каторжного труда сброшены оковы обязательного, тяжелого контракта, и рабочие чувствуют себя «сами себе хозяева».

Бабы и девки, разодетые по-праздничному в яркие платья, хлопчуг у «кашеварок» и плит и готовят горы разной незатейливой снеди.

Рабочие толпами ходят из казармы в казарму, громко и весело разговаривают, хохочут и поют песни.

Слышны разухабистые звуки гармоники, бандурки и бубна.

Толпа около «оркестра» делается все больше, зовут каких-то Ваську и Фильку, и вскоре к звукам «музыки» присоединяется топот отчаянного трепака.

Толпа довольно гудит.

– Э-эх, чорт его подери, ну и дьявол – Васька! У-ух, как чешет! – восторженно орет красный от удовольствия, приземистый мужичонка. – У-ух!

– Ходи хата, ходи печь!

– Вот язва-то, прости Господи, ух-ты, шило тебе в ноги! – удивляется другой.

В середине кружка двое молодых парней с расстегнутыми воротами, в цветных рубахах, в плисовых шароварах и в сапогах «гармошкой» стараются перещеголять друг друга, выделывая ногами самые затейливые выкрутасы.

Рабочие гуляют.

Не обходится и без водочки.

Порция – обязательное угощение хозяина – выпита, и рабочие угощаются на свои.

«Петухи» уже «уоставили рога в землю», по меткому приисковому выражению, и тупо поглядывают на товарищей, выпрашивая угощение.

Они пропили свою скудную додачу, а многие и «задаток» на новую операцию.

«Материальный» (служащий по материальной части) торгует всюю.

Он то и дело разливает в бутылки из бочек разведенный водой спирт и продает гулякам.

Прииск имеет праздничный вид.

Яркие цвета костюмов, довольные, веселые лица, пляска, песни, угощение.

В воздухе стоит бодрый и радостный гул.

Солнце ярко светит и грустно улыбается с неба редкому веселью свободных рабов.

Оно знает, чем это кончится.

Суровые горы, желтые осенним лесом, спокойны и неприветливы.

Они видят эту картину из года в год.

Рабочие гуляют.

В «хозяйском доме», то есть в помещении, где живет хозяин-золотопромышленник, в зале стоят громадные столы.

На столах лежат груды мясных и сладких продуктов и разных закусок, и целая батарея бутылок.

За столом сидит жена золотопромышленника.

Недалеко от нее на диване развалился и «сам».

Они ждут.

Согласно обычаю, принятому у некоторых (к счастью, не у всех) золотопромышленников, каждый рабочий, получив в конторе расчет и додачу, входит в «дом» и прощается с хозяевами перед уходом с прииска в «жилое место».

В зал входит плотный и широкоплечий рабочий с добродушным, улыбающимся лицом.

– Здравствуйте, Александра Ляксеич, обращается он к хозяевам, – здравствуйте, Агафья Ивановна!

– Здравствуй, здравствуй, Трофим Степаныч! – приветливо улыбаясь, говорят хозяева и встают навстречу гостю.

– Выпить на дорожку пожалуйста! – угощает «сам».

– Посошок, – шутит «сам».

– Закусить милости просим, – говорит хозяйка.

– Ну-ка по другой. После первой, говорят, не закусывают, – шутит «сам».

Гость отказывается.

– Нет, Александра Ляксеич, я че-то не хочу пить, надо в деревню к бабе отправляться теперича.

– Разлюбезное дело, иди, брат, иди! Хвалю! Вот выпей и иди с Богом!

– Ну разве еще одну только.

Пьют.

– Я, брат, всегда тебя хвалю. Мужик ты правильный, смирный, тверезый... работник хороший, – говорит хозяин.

Рабочий млеет.

– Одну-то еще рази.

Пьет.

Хозяин продолжает:

– Одно слово скажу: мужик ты беспримерный, люблю таких.

– Я, Александра Ляксеич, для тебя всегда готов...

– Да я знаю, знаю, друг, ты прямо... ну давай-ка еще по одной, на дорожку-то.

– Да не надо бы, однако?

Пьют.

Рабочий сильно кашляет.

– Какая крепкая она у тебя, Лександра Ляксеич, никак, это спирт?

– Ну пошто спирт-то будет?

Рабочий хмелеет.

– Выкушайте еще одну?

Пьет.

– Ну, до свиданья, – говорит хозяин и ловко выпроваживает гостя.

Он знает, что бедняга не уйдет в деревню.

«Затравился».

Он теперь пойдет к материальному и... оставит весь свой заработок в конторе.

«Сам» довольно потирает руки.

– Не уйдет.

* * *

Рабочий пошатываясь выходит из «дома».

– Эге. Трофим, ты никак того? – встречает его товарищ.

– Н-нет, я н-ничего...

– Како там ничего! А говорил, что в деревню пойдешь, не будешь пить ноне?

– И н-не буду... Вот рази т-только б-бутылочку.. Почем она ноне у него?

– Да дерет, холера, по-старому. Два рубли лупит!

– У-у, язви его, дорого, ну пойдем, в-выпьем...

– Пойдем.

* * *

Хозяин идет в кабинет, зовет туда конюхов.

Являются.

– Вы чего это, язви вас, «затравляете» плохо? А? Все ко мне лезут?

– Што вы, Лександро Ляксеич, почитай уж полкоманды пьет.

– Да эти и без вас бы запили, а вот твердые-то пошто не пьют?

– Да не пьют, аспиды, што хошь делай, говорят, «знам мы вас».

– Г-м, не пьют, говоришь? Ишь, сволочи.

– Одно слово, не знаем што делать. Лаются. Григорий и к вам прощаться идти не хочет. Знаю, говорит, чем это прощанье-то пахнет. И с вами, говорит, прихвостнями, пить не буду.

– Это который Григорий-то?

– Да Безруков. Узиков-то уж готов, свалился...

– А много додачи-то у Безрукова?

– Сто рублей, язви его, получит!

– Ну, ладно, я сам выйду. Ступайте, черти полосатые, да старайтесь! Знаете, ведь в накладе не останетесь.

– Да мы, Лександра Лексеич, сам знаешь...

* * *

Григорий вышел из конторы.

В кармане у него побрякивали серебряные рубли, и он, довольно улыбаясь, шел к себе.

– Ну што, Гриша, выпьем что ли?

Григорий оглядывается.

Перед ним стоит хозяйский конюх и, улыбаясь дружелюбно, показывает ему бутылку.

– Э-эх, брат, не винцо, а малина!

— Сказал не буду пить и не буду! Пошел к черту, сволочь! А то как звездану...

– Пошто серчаешь-то, Гриша. Я, как перед Богом...

– Да что ты пристал, ровно банный лист к...

К ним подошел «сам» и здоровается с Григорием «за руку».

– Ты что же, мил-человек, и проститься не желаешь?

– Што ж, Ляксея Ляксандрович, наше дело маленькое, рабочее...

– Нет, брат, проститься-то следует. Ведь ты, поди, не первый год у меня робишь. Я всегда был тобой доволен, и, скажу тебе прямо, полюбился ты мне.

– Да я все равно пить-то не буду, – откровенно заявляет Безруких.

– Так кто ж тебя заставляет-то? Что ты, Бог с тобой! Не хошь, не пей, твоя воля, а проститься-то с хозяевами надо.

Оба идут в «дом».

Конюх и другие свидетели смеются.

– От него, брат, не вывернешься!

– Корачун, значит, гришкиным деньгам!

– Пропала Катя!

Другие жалели.

- Пропал парень. Э-эх.. ну и язва же.. одно слово...
– Д-да, жалко.. Баба у его больная, сказывал... ребятишек пятеро... жалко.
– Все крепился... не пил... домой хотел...

* * *

– Угощай, Агаша, дорогого гостя, пусть выпьет хоть стакашек на прощанье.

«Агаша» угощает.

– Пожалуйте сладенькой, она слабенькая.

Наливается крепкий ликер.

Хозяин и Агаша целуются с отъезжающим.

Наливается еще ликер.

– И хват ты, Гриша, я тебе скажу, одним словом всем взял.

– Я, Ляксандра Ляксеич...

– Нет ты послушай, я тебе скажу... (угощай Агаша)... нет, ты послушай..

– Милости просим еще сладенькой.

Пьет.

– Че-то будто разбирает меня?

– Ну что ты, с бабьего-то напитка?! Ха, ха, ха! Этакой-то мужичина?! Ха, ха, ха! Вот, шутник!

– Милости просим.

* * *

Рабочие гуляют и... пропивают «задатки» по новым контрактам.
Шум, драка, бежит урядчик.
Солнце скрылось за тучей, спряталось, не хочет смотреть на «весьелье» свободных рабов.
Спокойны, презрительно-спокойны желтые горы.

А. Семенов

В городской Думе (впечатления) (1910. № 177)

Заседания нашей Думы производят впечатление самого недисциплинированного схода.

Обыкновенно и естественно, что всякий гласный, желающий говорить по тому или иному вопросу, записывается в очередь.

Но так делается обыкновенно, но не в Барнауле.

Здесь гласные говорят, когда им вздумается.

Кончил или не кончил предыдущий оратор – для барнаульского гласного все равно. Раз у него появилась какая-нибудь мысль, он не любит откладывать ее в долгий ящик: выкладывает ее немедленно.

Само собой разумеется, что при таком порядке вы не услышите связной и, более или менее, значительной речи.

Речей нет, есть только отрывочные отдельные реплики.

Сам председатель ежеминутно перебивает пытающегося говорить своими возражениями.

И потому получаются разговоры председателя с отдельными гласными.

Тянется, тянется иногда такой разговор, и, кажется, не будет ему конца.

Уж и тему-то забудут разговаривающие – остается одна мирная, любезная беседа.

Так вот и кажется, что один из беседующих возьмет да и спросит вдруг:

– А как здоровье вашей супруги?

– Ничего, спасибо... Анна Ильинишна как?..

Полная картина недисциплинированного деревенского схода.

А в результате поразительная неработоспособность собрания.

От 7 с половиной и до 10 часов вечера дума успела рассмотреть только 5 вопросов.

Но не подумайте, что это были какие-нибудь большие, сложные вопросы, требующие действительно много времени и внимания.

Нет, как раз большие-то вопросы и не останавливают на себе продолжительного внимания думы.

Дебатируются больше мелочи, дебатуются долго, нудно и даже курьезно.

Долго говорили, например, о том, убрать или не убрать скамейки, поставленные на тротуарах около больших магазинов, ибо кто-то из гласных сказал, что скамейки эти – причина развития в городе... хулиганства.

Тут, дескать, собираются хулиганы и не дают обывателям прохода.

Одни доказывают, что в больших городах скамеек на тротуарах около магазинов нет.

Другие говорят, что в южных городах и за границей скамейки имеются почти около каждого дома.

В конце концов относительно скамеек не пришли ни к какому решению.

На усиливающееся же хулиганство постановили обратить внимание полиции.

При этом голова предлагал отправить депутацию к губернатору, а кто-то из гласных предложил рекомендовать полиции ставить около скамеек переодетых городовых.

Однако ни то, ни другое предложение дума не приняла. Первое потому, что это будет носить характер жалобы на местную полицию, а второе – рекомендация шпионства, что вряд ли удобно брать на себя городской думе...

Много времени отнимает затем баллотировка вопросов шарами.

Баллотируют между прочим вопросы, которые могут быть приняты только к сведению, как, например, вопрос об устранении из состава гласных привлекающегося к суду г. Клярнера.

Думе нужно было в данном случае установить только факт привлечения. Устранение же наступает после этого без всякого решения думы, за силой статьи закона...

Так идет все шумно, беспорядочно, скомканно...

В.Н.

Алтайская торгово-промышленная газета

Барнаул, 3 апреля 1911 г. (1911. № 1)

Излишне указывать, какое громадное значение во всей совокупности общественной жизни и правовом укладе играют экономические отношения, складывающиеся в процессе естественного развития нужд того или иного края.

И по мере того как современные нервы – пути сообщения – связывают все ближе и ближе далекие территориально районы, экономическая жизнь начинает пульсировать внятно и проявлять силы, скрытые в ее недрах.

Экономическая мощь Сибири была бы немыслима без великой сибирской магистрали, которая до неузнаваемости изменила не только внутренний, но и внешний облик наших городов и всех населенных пунктов окраины.

Создался новый тип торговли и промышленности: скованные дальностью расстояний богатства нашли, наконец, выход на российский и внешний рынки.

Однако слабое развитие подъездных путей не могло проявить сколько-нибудь полно все жизненные силы, равные, быть может, в количественном и качественном отношении американским богатствам.

Хлеб, масло, сырье, пушнина во многих миллионах пудов тянутся на мировой рынок. И несомненно, что весь этот экспорт – одна из незначительнейших долей того, что может дать Сибирь в более или менее близком будущем, так как большая часть ее колоссальных богатств лежит нетронутой, приковывая лишь вождедения европейского капитала.

Алтайский округ – один из наиболее ценных, но в то же время наименее затронутый пульсом современной жизни пункт Сибири. Только за последние годы экспорт сырья, масла и хлеба достиг здесь огромных размеров, компенсируясь, быть может, не менее значительным ввозом предметов обрабатывающей промышленности.

И это несмотря на относительную отдаленность от сибирской магистрали.

Предстоящее прорезывание округа Алтайской железной дорогой обещает выдвинуть новые и широкие перспективы: в связи с ростом торгово-промышленной жизни, установлением большей связи с Монголией и развитием вообще торгового баланса для горных богатств Алтая дан будет, быть может, надлежащий выход.

Рост экспорта сырья и других предметов потребления, а равно и ввоз – сами по себе выдвигают вопрос об улучшении внутреннего рынка, повышении покупательной способности населения. Это же может лишь создаваться путем развития самодеятельности последнего и главным образом путем введения земского самоуправления.

И развивающаяся местная торговля и промышленность более чем кто-либо другой заинтересованы в этом, как точно заинтересованы они и в укреплении гражданского правопорядка, который до известной степени обуславливает нормальную эволюцию экономической жизни края.

Алтайский кооперативно-профессиональный листок

Г. Барнаул, 29 января (1912. № 1)

Хлынувшая с Запада широкая волна кооперативного движения увлекла своим бурным потоком и наш отдаленный, обширный Алтайский край.

Она нашла себе здесь просторное русло, и кооперация, пользуясь благоприятными экономическими условиями жизни населения, проявилась в различных формах. Однако наше население в своем большинстве благодаря социальному положению еще далеко не усвоило принципы кооперации и для продуктивной кооперативной работы еще не обладает достаточным практическим опытом, который имеют наши западные товарищи, и поэтому кооперативы у нас развиваются сравнительно слабо.

Наилучшим проводником кооперативных принципов и знаний является кооперативная пресса. Она дает возможность живущим в разных условиях, но объединенным стремлением содействовать огромной важности делу кооперации работникам на местах обмениваться сведениями о своей деятельности, заимствовать друг у друга все достигнутые улучшения в общем деле, устранять дефекты и тем самым постоянно обновлять свой личный опыт.

Отмечая слабое развитие наших кооперативов, приходится констатировать отсутствие у нас профессионального движения. Наш рабочий класс не получил того политического воспитания, при котором возмужал его западноевропейский товарищ, и этим объясняется у нас отсутствие профессиональных союзов, выступающих на защиту интересов своих членов на Западе. А интересы рабочего класса с каждым днем все более и более нарушаются капитализмом, победоносно шествующим из страны в страну, не считаясь с государственными границами. Вместе с ухудшением условий жизни и труда рабочих масс широко развилась у нас хозяйская эксплуатация, которая охватила тесным кольцом различные отрасли торговли и промышленности и всей своей тяжестью давит на широкие слои потребителей и трудящихся, предприниматели по отношению к рабочим проявили себя организованным ухудшением условий труда, а в отношении потребителей – повышением цен, и как рабочий, так и потребитель совершенно являются беспомощными против объеди-

ненного шествия капитала. Эта беспомощность будет продолжаться до тех пор, пока трудящийся класс населения не будет проникнут сознанием своих интересов и необходимостью противопоставить объединенной эксплуатации свои собственные организованные силы, направленные к созданию человеческих условий жизни.

Выпуская в свет «Алтайский кооперативно-профессиональный листок», редакция имеет цель содействовать этому идейному объединению, надеясь встретить в выполнении такой трудной задачи поддержку в лице кооперативных и профессиональных работников, будучи уверенной, что они и всякий сочувствующий кооперативно-профессиональному движению придут к ней на помощь, памятуя, что только в дружном единении и взаимодействии заключается несокрушимая мощь и успех в неизбежной борьбе за лучшее существование.

Голос Алтая

Барнаул, 17 июня (1912. № 1)

Полоса переживаемого нами безвременья слишком мрачна для того, чтобы рассчитывать на скорый желанный рассвет. Мрачно-черные тучи безвременья окутали всю общественную жизнь и дают ее... Дают душу и мозг. Дают с такой сокрушительной силой, под диким напором которой рушатся все те немногие приобретения в общественно-правовых нормах русской жизни за ближайшие последние годы к нам. Свободно и громко в сгустившейся тьме раздастся только человеконенавистнический гам «Компании валяй Маркова», той самой компании, которая с циничной откровенностью ратует за возврат к «старому доброму времени». Шумят творцы зоологического национализма. Шумят, разумеется, небескорыстно, а в надежде на то, что так или иначе усердие их в свое время оплатится за счет тех многомиллионных трудящихся масс, которые, являясь главными виновниками накопления всех богатств, от колыбели до могилы живут в позорной нищете, в крайнем невежестве и в непосильном труде, которые сплошь и рядом каплей крови покупают крошку хлеба. Вся эта бесстыдная вакханалия из лагеря зубров делает атмосферу общественности крайне удушливой, но тем не менее все приспешники, все выкормки доконституционного строя не могут и на миг остановить поступательного движения жизни:

к прошлому возврата нет. Лишь с неодинаковым темпом – ныне медленнее, завтра быстрее и наоборот, но вся наша общественная жизнь неудержимо тянется к новым более совершенным формам во всех ее проявлениях. Старые формы, господствовавшие до 17 октября 1905 года, господствующие пока и теперь, изжили себя. В этом не сомневается даже господствовавшая в покойной третьей Государственной Думе партия министерских передних, другими словами – партия гучковских молодцов. Правда, в своем холопском угодничестве она не посмела вступить на путь коренных реформ. Все пять лет своей бесславной «работоспособности» она возилась, как говорится, с вермишелью. Она не дала стране закона о неприкосновенности личности, о свободе печати... не дала ничего существенного, но тем не менее – сам по себе факт пятилетнего существования Государственной Думы сыграл громадную роль в деле политического воспитания страны. За пятилетний промежуток думской «работоспособности» трудовые массы уяснили себе до несомненной очевидности то бесспорное обстоятельство, что те «богатыри мысли», в руках которых, благодаря закону 3 июня, оказалась наша юная Государственная Дума, не могут быть защитниками их насущных интересов. Теперь обездоленная деревня, не говоря уже о городском пролетариате, на предстоящих выборах в 4 Государственную Думу пойдет к урнам более сознательно и отдаст свои голоса тем кандидатам, которые, действительно, хотят полного осуществления всех свобод, обещанных Манифестом 17 октября, которые будут бороться за всеобщее избирательное право, за полное равноправие всех народностей перед законом. Факт всюду констатируемого проснувшегося народного самосознания значительно расширяет и усложняет задачу периодической прессы, делает ее более ответственной, чем когда-либо в другое время. И редакция «Голоса Алтая», выпуская сегодня свой орган, <...> будет честно служить делу обновления нашей родины на самых широких демократических началах. «Голос Алтая» внимательно будет следить за всеми явлениями общегосударственной жизни у нас и за границей и будет посильно освещать их с точки зрения интересов широких трудящихся масс. В то же время мы с исключительным вниманием будем относиться к общественно-экономическим и культурным нуждам Сибири вообще, Алтайского края в частности. Пусть с проведением железной дороги, с хлынувшей сюда волной капитализма Сибирь стала на общие рельсы капиталистического прогресса, но она в то же время имеет массу своих

специфических краевых нужд, которые там, за Уралом, благодаря земству в значительной своей части разрешены уже, например, народное образование, народная медицинская помощь, агрономическая помощь, народная ветеринария, которые в сибирской деревне почти отсутствуют. Так что будущие народные представители от Сибири в Государственной Думе прежде всего должны добыть Сибири земство, хотя бы в том далеко не совершенном виде, в каком его спроектировали кадеты Третьей Думы. При глубокой вере в то, что «времена позорные не вечны», что ночь мертвящей реакции дрогнула, и с самыми лучшими отношениями ко всем трудящимся, ко всем обиженным, ко всем униженным, мы просим всех так или иначе помогать нам в нашем глубокоответственном деле и пользоваться страницами «Голоса Алтая» для строго объективного освещения всех краевых нужд общественного характера.

Алтайский телеграф

Барнаул, 1 ноября (1913. № 1)

Возникновение всякого печатного органа возбуждает прежде всего вопрос о целях издания, обуславливающих его направление, а в связи с тем вызывает необходимость и определения слоев населения, в которых данное издание намерено искать опору своей практической деятельности.

При слабом проявлении общественности в крае и отсутствии зародышей политических организаций, задача печатного органа сводится, в первую очередь, к развитию правового самосознания, к освящению теневых сторон нашей общественности и укреплению учреждений, содействующих культурному росту и экономическому прогрессу.

Исходя из данных положений, наша газета, по мере сил своих, будет уделять внимание общественной жизни России, останавливаясь преимущественно на фактах современности и деятельности законодательных учреждений.

Сибирь, с ее многообразными нуждами, и в особенности пробуждающийся к культурно-экономической жизни Алтайский край требуют к себе наиболее серьезного отношения. Но местные, краевые вопросы не представляют из себя самодовлеющей ценности, в защите нужд Сибири, в частности Алтайского края, мы видим

лишь поощрение развития форм, сочетающих интересы демократии с нормальным экономическим прогрессом.

Об обособленных интересах края говорить не приходится. Процесс капиталистического развития уже захватил Сибирь, разбил ее на районы с разрозненными интересами и в самих районах создал новые, хотя еще и слабые, элементы классовой борьбы. Поэтому в освещении и изучении краевых вопросов наша газета, отмечая противоречие классовых стремлений и поддерживая культурные начинания, откуда бы последние ни исходили, будет защищать интересы труда и содействовать естественному росту духовной и материальной культуры.

Сказанное предreshает ответ на вопрос, поставленный в начале, – в каких слоях населения будет искать опору наша газета: в передовых слоях населения, неустанно идущих по пути духовного и экономического прогресса.

Сибирь и земство (1913. № 1)

...Все местные городские самоуправления и общественные организации должны единодушно и громко поднять свой голос за введение у нас действительно земского самоуправления, а не его видимости, прикрывающей всю ту же старую бюрократическую сущность.

*Из докладной записки
Иркутского биржевого комитета*

Есть вопросы, касаться которых – значит ломиться в открытую дверь. К таким вопросам относится именно сибирское земство. За десять последних лет исписаны горы бумаги, составлены сотни проектов и докладных записок, доказывающих, что общественная самодеятельность ценнее бюрократического попечения. Но... эпоха политического безвременья не дает воплотиться в жизнь даже малейшей доле благих пожеланий. И до сего дня ждут своего выполнения слова Высочайшего рескрипта на имя Иркутского генерал-губернатора графа Кутаисова от 3 апреля 1905 года:

– Назревшим потребностям не отвечает более действующий в Сибири порядок заведывания земским хозяйством, и я признал за

благо заведывание это в пределах Иркутского генерал-губернаторства и в губерниях Тобольской и Томской образовать на плодотворных началах общественной самодеятельности, обеспечивающих своевременное удовлетворение непрерывно возрастающих запросов жизни.

За восемь с лишком лет, протекших со дня опубликования рескрипта о земстве, хозяйственная жизнь Сибири изменилась в достаточной мере резко; произошло значительное уплотнение населения, улучшились пути сообщения, создались новые запросы, возникли культурные требования и проч. Сибирь, одним словом, определила свой курс в направлении общественного и экономического развития. Между тем, вопреки Высочайшему рескрипту, порядок заведывания земским хозяйством стоит далеко в стороне от «плодотворных начал общественной самодеятельности». Под углом казенно-канцелярской точки зрения рассматриваются наболевшие местные вопросы, микроскопическими дозами проникает в гущу деревенской жизни медицинская, агрономическая, ветеринарная и школьная помощь. Культурные порывы и слабые признаки общественности не могут получить законного удовлетворения.

Принято говорить, что Сибирь – страна богатства. Громадные неиспользованные земельные площади, золото Лены и Забайкалья привлекли в Сибирь частную предприимчивость, развили горячку, хищнические аппетиты и проч. Из страны выкачивались естественные соки, и в возмездие она получала лишь жалкие отбросы капиталистической культуры. Золото, хлеб, масло потекли иностранцам, развились ажиотаж и спекуляция. Расцвет хозяйственной жизни, вызванный проведением Сибирской железнодорожной магистрали и обилием денег, сменился кризисом. От Маньчжурии до Западной Сибири жалуются на упадок дел, торговля не дает уже старых «сибирских» процентов. Видеть в наступающем упадке дел лишь следствие переменяющихся урожаев – значит закрывать глаза на сущность хозяйственного развития Сибири. Урожай, действительно, приносит деньги деревне, от покупательной способности которой зависит нормальное развитие торгово-промышленной жизни края. Но деревня настолько уже втянута в процесс денежного хозяйства, что не только урожай или недород определяют в конечном итоге

ее покупательную емкость. Своевременная реализация урожая, положительная агрономическая помощь, высокий уровень скотоводческого хозяйства, при обеспечении последнего ветеринарией, медицинская помощь в широких размерах и, наконец, удовлетворение культурных запросов населения путем организации школьных сетей, библиотек и проч., – все это в первую очередь требует современная сибирская деревня, определяющая своей количественностью характер хозяйственной жизни.

И действительно, только «на плодотворных началах общественной самодеятельности», то есть при введении земского самоуправления в Сибири, может быть поднят культурный и экономический уровень последней.

Российское земство, несмотря на свои узкие рамки и зависимость от благорасположения попечительного начальства, сыграло свою высококультурную роль. И чему как в значительной мере не земству обязана Россия своим относительно культурным уровнем по сравнению с Сибирью?

Для иллюстрации приводим несколько примеров: грамотных в Европейской России 23%, в Сибири – 13%, на одного ветеринарного врача в России приходится 10 тыс. лошадей, в Сибири – 19 тыс. Какова роль земских учреждений в России, можно видеть по одному небольшому факту: из 2248 ветеринарных врачей, практиковавших в 1907 г. во всей Европейской России, 1045, то есть до 50% (!) работали у земства.

Подъем хозяйственной жизни Сибири немислим без введения земства. Принятый 30 января 1912 г. законопроект, при бойкоте со стороны правительства, провален Государственным Советом, и теперь, почти два года спустя, в Петербурге созывается особое совещание по вопросу о введении земства в Западной Сибири.

В тиши казенных канцелярий готовят для частей Сибири пародию на земское самоуправление. Местные городские самоуправления и общественные организации именно теперь должны протестовать и присоединиться к призыву Иркутского биржевого комитета, предлагающего поднять голос против готовящейся жалкой видимости самоуправления, «прикрывающей всю ту же старую бюрократическую сущность».

В. Ник-в

Жизнь Алтая

Первый шаман. Легенда. (1915. № 70)

«Видишь ли тот утес? Я расскажу тебе про него татарскую сказку», – говорил проводник из кондомских татар.

«Это было давно. За утесом жил народ – катайцы. Раз катайцы услышали страшный шум и звон в середине горы. Испуганные, выбежали из своих жилищ и не знали от страха, что делать, а в середине горы шумит и гремит все громче. Решили они, наконец, утес, нависший над Кондомой, отделить от горы и сбросить в реку. Дружно взялись за работу и начали рыть глубокую канаву. Гора гремит, наводит ужас на народ. И днем и ночью в продолжение 7 суток гремела гора, а народ все рыл и рыл... Из пещеры утеса вышел первый шаман на земле и попросил народ сделать ему такой же бубен, как тот утес, о который он бил колотушкой. Сделали бубен большой, не такой, как у теперешних шаманов, и стал он камлать. Всюду шамана к больным приглашали, и все получали от него выздоровление. Далеко раскинулась тайга, не всякий мог сам к нему приехать, но только подумает он про шамана, тот садится на бубен и по воздуху летит-торопится на помощь. Он все знал, даже знал то, что про него думали. Триста лет жил первый шаман среди людей, много народу лечил, и кто бы в нем ни нуждался, он всюду попевал, летая на бубне. Умер шаман на высокой горе Тегри-хан, и где его могила, никто не знает. Ты не слыхал ли о такой горе?»

Мы подъезжали к улусу Подкатунскому на берегу р. Кондомы, и, пока разводили костер, грели чайник, татарин продолжал рассказывать о первом шамане и о той пещере, откуда он вышел.

«Татары искали эту пещеру, нашли, но когда полезли туда, испугались: по стенам пещеры ползало много змей. Змеи шипели, высывали длинные жала, как будто охраняли пещеру. Говорят в той пещере есть много плиток золота. Но никто там не был – все боятся.

Вот видишь утес, похожий на бубен шаман? Первый, второй, третий. Третий от края?»

Форма утеса издали имеет что-то общее с бубном.

Из юрт и изб вылезали татары, подходили к костру и жаловались на переселенцев, поселки которых только застраиваются.

«Отобрали у нас луга заливные, хорошие луга. Нам и пахать негде; всюду горы и камень».

Мой проводник из улуса У. Тельбеса рассказывает, как он еще до землеустройства звал подкатунцев в улус У. Тельбес – жить там, но они не пошли: «Боялись, что у нас протекают три большие реки – Мандыбаш, Тельбес и Кондома». Там, говорили они, живет шайтан у трех речек. Я уверял их, что и в Кузнецке тоже есть три реки, а люди там живут не хуже нашего, магазины большие. Но они не пошли, потому что у нас протекают три равные речки, и все боялись, что счастья не будет. А теперь и остались ни с чем – камень да горы.

Яркий солнечный день. Горы, сплошь заросшие густым хвойным лесом, слабо окутаны синей дымкой. Внизу извивается прозрачная Кондома с зеркальной поверхностью, окаймленная лесом. Чуть двигается плот леса с маленькой фигурой человека. Мы стоим на вершине утеса, с северной стороны которого ясно видна канава, «которой катаи хотели отделить утес». Что тут действительно было старинное жилье, не приходилось сомневаться: находили стрелы, ножи и т.п.

Привязав лошадей и оставив рабочего, я с проводником отправился искать камень-бубен первого шамана и побывать в пещере, а так как вдоль берега реки утес тянется с небольшими разрывами больше двух верст, то пришлось «обследование» начинать с краю. Спустились с утеса, мелкий камень под ногами движется, приходится цепляться руками за мелкую траву, колючий кустарник, спускаться вниз, подниматься вверх. А раскаленный воздух жжет и печет. Во рту пересохло. Спускаешься с больших камней, не всегда верно считаешь высоту, висишь в воздухе и болтаешь ногами, ища точки опоры, и снова напрягаешь все силы, чтобы подняться вверх. На одном из таких спусков я сорвался и стремительно понесся вниз... С окровавленной рукой, еле держась на ногах от усталости, забыв о пещере и бубне, я с трудом поднялся наверх к лошадям. Около меня проползли черные змеи – они грелись на раскаленных камнях и, испуганные, торопились спрятаться.

«Наши опять скажут, что в эту пещеру никому не пробраться», – говорит мне проводник.

Черный

Старые картины (1915. № 75)

Ничего нового... Нет новых впечатлений. Все старые, давно примелькавшиеся картины. Все та же чудная местность. Роскошные домики новейших стилей, живописно разбросанные вперемешку с массивными зданиями оригинального древне-польского стиля. Многолетний сосновый бор. Березовые рощи и плодовые сады, расположенные в шахматном порядке, правильными квадратами. Всюду, перекрещиваясь, вьются тропинки, посыпанные желтым песком. Когда мы прибыли сюда в первый раз, глаз приятно отдыхал. После ужасных картин всеобщего разрушения на местах минувших боевых столкновений эта местность казалась нам уголком рая. Прошли первые восторги, и теперь впечатления сгладились, вся эта красота стала явлением обыкновенным.

В сентябре прошлого года здесь были немцы, но все осталось в целости. Взорвали только железнодорожные мосты, теперь они давно уже исправлены. В стороне от полотна железной дороги огромными кучами свалены железные массивы взорванных мостов. Лежат они, как скелет какого-то сказочного чудовища, – это единственные в здешней местности следы немецкого нашествия. Дальше бесконечной извилистой линией тянутся «полевые сооружения» – окопы и проволочные заграждения. Это сделано за зиму, еще ни разу не использовано, да, вероятно, и надобности в них не будет. По слухам, полученным сегодня, немцы добровольно начали отступать с этого фронта. Верны ли эти слухи, покажут ближайшие дни.

Второй месяц стоим на одном месте – явление для полевых подвижных госпиталей весьма редкое. Обычно бывает так: стоим неделю, много две, а то и 2–3 дня, затем спешным порядком кочуем на другое место в зависимости от боевых операций той части, которой принадлежал госпиталь.

Установилась хорошая погода. Весна входит в свои права.

Набухают почки деревьев; скоро появятся молодые листочки. Утро... Выходит солнце, и дружный хор пернатых певцов восторженно поет ему свой утренний гимн. А вот летит уже и первый визитер «Царь-птица». Ребята, «ветроплан» идет! – восклицает санитар, высоко подняв голову вверх. В прозрачном чистом воздухе слышится характерный шум мотора. Это первый... Настанет день,

и не проходит часа, чтобы в недоступной выси лазурного неба не раздавался знакомый гудящий звук «стального орла».

Чей он? Наш или немецкий? Высоко, простым глазом не определишь. С наблюдательных постов заметили отличительные признаки немецкого «Таубе», и заговорили пушки, специально поставленные для угощения незваных гостей. Высоко, высоко взлетают шрапнельные снаряды, с оглушительным треском рвутся они в воздухе. Качнуло аэроплан, он накренился и подался вниз, но опять быстро выровнялся и лихорадочно метнулся еще выше за облака. Вот снова его видно. Взял направление на В., где, несомненно, и сегодня выполнит свой ежедневный номер – бросит свои бомбы в мирных жителей. В воздухе, на месте разорвавшихся снарядов долго еще стоят, как крошечные облачка, белые дымки, точно сожалея, что их смертный свинцовый дождь не уничтожил дерзкого воздушного разбойника.

М. Устинов

13 марта 1915 г. Действующая армия.

Новониколаевск

Обский вестник

Новониколаевск, 19 февраля (1911. № 111)

Знаменательный день!... День 50-летней годовщины освобождения крестьян от крепостной зависимости! Поворотный пункт в истории русской государственности и русской общественности, положившей прочный фундамент в будущее развитие Российского государства. Тогда было стерто позорное клеймо, так долго лежавшее на миллионном трудовом крестьянстве России, рабского крепостного состояния его. Его результаты, мы не скажем, что оно было плодом искреннего высокого творчества, могут быть учтены только в настоящий момент по истечении 50 лет существования «Положения 19-го февраля 1861 года».

Тогда была поставлена грань, резко очертившая Россию крепостническую, Россию подневольного труда от России настоящего, России будущего, России правды и свободы.

Это «Положение» было необходимым условием дальнейшего процветания, дальнейшего поступательного хода нашего государства по

пути прогресса, и насколько это был крупный шаг, свидетельствует история, новейшая история России, России конституционного порядка.

Прошло лишь 50 лет с момента введения 19 февраля, а мы уже у грани правового строя нашего государства.

В истории развитии народа 50 лет – один миг, а мы уже так далеко ушли.

Достигли того, что было мечтой декабристов, чего добивались петрашевцы, за что они чуть было не заплатили смертью и испытали все ужасы каторжного состояния.

Мы – граждане свободной России. Мы плоть и кровь освобождения крестьян! Мы наследники этого великого акта. Можем ли мы отказаться от участия в этом торжестве.

Нет!.. и нет!..

Теперь момент подвести итоги!.. Ученье и выяснить, как глубины этого акта, так и грубые дефекты его, чтобы впредь не грешить!..

Прожито пятьдесят лет...

Много воды утекло, много сделано, но еще больше нужно сделать.

Празднуя эту годовщину, нужно помнить, что нам предстоит трудный путь впереди, что дефекты этого акта были следствием разобщенности трудящихся масс от передовой интеллигенции – носительницы будущего России, истинной и великой свободы.

Будем же камень за камнем сносить в общую сокровищницу культурного достояния нашего великого народа. Будем же работать над окончательным раскрепощением его. Добьемся же тех гражданских свобод, которые служат великим залогом на пути к прогрессу каждого народа. Без них – не будет правового государства, без них не будет Великой России.

***Местная жизнь. На помощь голодным братьям
(1911. № 111)***

Родная земля! Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не встречал, где бы сеятель твой и хранитель,
где бы русский мужик не стонал.

На одной из улиц города, на днях, встретились мне двое переселенцев. Мужчина и женщина. Они просили о помощи. Я хотела пройти мимо, как проходим мы почти всегда мимо чужого горя; но, взглянув на них, я инстинктивно остановилась.

На меня смотрели глаза, полные тупого отчаяния и немой мольбы.

Это были глаза переселенца. Женщина же, тетка его, старуха лет 65, плакала, кланялась в ноги, прося о помощи (какое унижение человеческого достоинства!). Я спросила, в чем дело, Переселенец скуп, в двух словах, рассказал о своем горе. Фамилия его Чечаев. Он – крестьянин Пензенской губернии (показал билет).

«Землицы у нас мало, негде сеять хлеб, нечем семью кормить, – сказал он, и горькая слеза скатилась с его ресниц. Дальше он не мог говорить. Остальное продолжала его тетка. По письму из Сибири они приехали сюда искать счастья, но оно им и здесь не улыбнулось.

Хотел записаться в Д. Ояши, но там тоже нет лишней земли. С разбитыми надеждами возвращаются они на родину, но на проезд денег нет, просили меня достать им бесплатный билет, но я затруднилась...

Семья Чечаева состоит из 6 человек, из них трое малых детей. И вот в то время, когда мы торжественно готовились к празднованию 19 февраля, те, кому бы больше всех надлежало радоваться, плачут скорбными, ничем не оправдываемыми слезами. Кому нужны они в этот великий день 19 февраля! Раскроем же наши сердца и поможем нашим братьям, кто чем может, не стесняясь размером (у переселенца Ч. от голодухи опухло все лицо).

И так поможем им, осушим хоть одну крестьянскую слезу в день 19 февраля!

Хорошо было бы ознаменовать 19 февраля учреждением общества пособия переселенцам.

Не одна переселенческая слеза окропила улицы Новониколаевска, их много, этих «невидимых миру» слез.

С.С.

P.S. Пожертвования принимаются в редакции «Обского вестника» и в библиотеке Софоновой (Воронцовская ул., д. № 13).

Сибирская речь

Граф О.Л. Медем в роли насадителя «национализма» в Сибири (1913. № 22)

В печати уже сообщалось, что сенаторская ревизия графа О.Л. Медема Сибирской железной дороги не принесла таких желательных результатов, которые ожидало общество. Из сотни дел, воз-

бужденных графом против железнодорожных начальствующих лиц, дошли до суда 57 дел. Остальные прекращены судебными следователями за отсутствием улик и состава преступления.

Для сибирского общества, на глазах которого происходила сенаторская ревизия, такой исход работы графа Медема несколько не удивителен. Он явился логическим завершением приемов расследования о неполадках на Сибирской железной дороге, положенных О.Л. Медемом в основу ревизии.

С первых шагов работы членов ревизионной комиссии было ясно, что петербургский сановник самым серьезным образом насадил «национализм» в Сибири.

На это указывают характер приемов ревизоров, входящих в состав ревизии. Большинство старших и младших подручных графа Медема состояло в основном из «союзников».

Сам граф, посещавший крупные города, расположенные по линии Сибирской железной дороги, – Омск, Красноярск и другие, – первым долгом навещал руководителей «союза русского народа». С ними он имел дружеские продолжительные беседы, совещания и пр.

По указанию «радетелей отечества» проводились проверки у тех или иных подрядчиков и агентов, проверялись подозрения почти только тех лиц, фамилии которые оказывались на «ц», «ский», «с».

В беседах О.Л. Медем жаловался, что Сибирскую железную дорогу и Сибирь заполонили «инородцы».

В разгар ревизии граф даже стал подозревать в «красноте» некоторых своих чинов.

На станции «Красноярск» служил конторщиком Д., который тайно следил за приезжавшими в Красноярск чинами ревизии, о каждой «неисправности» чиновника, с его точки зрения, докладывая О.Л. Медему.

На этой почве было даже много недоразумений.

Однажды старый чиновник ревизии г. Иодловский проходил по двору красноярских главных железнодорожных мастерских. Увидев на заборе надпись мелом о «союзниках», г. Иодловский усмехнулся. Об этом «преступлении» чиновника немедленно было доложено графу. Тот сделал соответствующее внушение г. Иодловскому. Бывший весовщик ст. «Красноярск» Саров разоблачил миллионное хищение грузов, злоупотребление и мошеннические проделки на этой станции. По приезде на Сибирскую железную дорогу графа Медема он дал ему весь ценный и важный материал, раскрывающий

панораму. Но впоследствии этот материал был игнорирован. О.Л. Медему донесли, что г. Саров «неблагонадежен», он в 1906 г. участвовал на делегатском съезде служащих Сибирской железной дороги, разрешенном начальником дороги. Этого было достаточно для того, чтобы взять г. Сарова и его важные данные под «сумнение».

На этой же станции чинами ревизии Иодловским и Барашковым было установлено колоссальное злоупотребление с казенными дровами. Между прочим, в этом злоупотреблении оказался замешанным один из крупных станционных начальствующих лиц. Чтобы выпутаться из этой неприятной истории, это лицо является к О.Л. Медему и со слезами на глазах заявляет, что оно – жертва интриги «инородцев»...

Дело заглохло.

Вообще нужно сказать, что лица, заподозренные графом в «красноте», не пользовались у него никаким доверием. Больше того, сенатор смотрел на них как на виновников непорядков на Сибирской железной дороге.

Иными глазами граф смотрел на «спасителей отечества». Они у него пользовались уважением, доверием и благосклонностью.

Управление Сибирской железной дороги уволило от службы за подлог и мошенничество начальника ст. «Иланская» Протопопова. Протопопов, смекнув, в чем дело, заявляет себя «спасителем отечества» и делается одним из ценнейших сотрудников графа Медема. Но после отъезда из Сибири сенаторской ревизии Протопопов за указанные преступления был приговорен на 3 года в арестантском отделении иркутской судебной палатой. В томском сыском отделении служил сыщиком Иван Жилинский, привлекавшийся неоднократно к уголовной ответственности. Состоя сотрудником графа, он разъезжал по линии Сибирской железной дороги и учинил несколько преступлений, за которые и был заключен в тюрьму в бытность еще графа в Томске.

Интересный был также сотрудник и у старшего чиновника О.Л. Медема г. Сидаренского, деятельного «союзника». Это бывший кладовщик по переустройству горных участков Сибирской железной дороги Андрей Крутуха, уволенный от службы за различные проступки. Район деятельности этого сотрудника был Красноярск и ст. «Красноярск», «Енисей» и «Минино».

Чтобы добыть нужные для его патрона сведения, Крутуха прибегал к таким способам. Например, он явился на квартиру старшего рабочего главного материального склада ст. «Красноярск» Ивана

Лебедева и предложил ему дать г. Сидаренскому данные о злоупотреблениях в названном складе.

Если передашь эти сведения, говорил Крутуха Лебедеву, ты будешь числиться нашим сотрудником и получишь 300 рублей в месяц жалованья. После того как ты дашь свои указания моему патрону, мы тебе дадим фальшивый паспорт и отправим для работ на ст. «Иннокентьевскую».

Будучи уволен со службы и не имея куса хлеба, Лебедев с радостью ухватился за это предложение и отправился к Сидаренскому, которому и давал показания в течение трех дней. После этого Лебедев обратился за обещанным ему Крутухой к Сидаревскому. Но он заявил Лебедеву, что Крутуха «слишком увлекся своей ролью и ввел его в заблуждение».

Конечно, что из себя представляют показания соблазненного Лебедева, – может судить каждый.

А таким путем Крутухой было доставлено Сидаревскому несколько свидетелей.

Из всего здесь указанного читатель может понять, почему столь плачевными результатами окончилась сенаторская ревизия Сибирской железной дороги.

Алтайское дело

По губернии. От наших корреспондентов. ст. Сокур Сибирской железной дороги (Поборы за письма) (1912. № 23)

Крестьяне деревень Емельяновка, Барлак, Грибово и др., находящихся вблизи ст. Сокур, получают всю свою корреспонденцию через станцию Сокур. Шкафом, в котором хранятся письма, заведует станционный сторож В., у которого хранится от шкафа ключ. В установленное время крестьяне указанных деревень приходят на станцию за справками и получением корреспонденции. Но не так-то легко отыскать «заведующего письмами» (так В. называют крестьяне), и на это тратится немалое время. Мало того, хранитель писем взымает за каждое выданное письмо от крестьянина по 8 коп., тогда как местным богатым, к примеру, да печнику поселка Сокур выдача производится без всякой оплаты. И крестьяне платят «письмовную подать», не зная, к кому обратиться с

жалобой на незаконные поборы. Прежде всего, на подобное явление, нам кажется, должен обратить внимание начальник станции «Сокур» и далее почтовое ведомство.

Д-нь

Хроника (1915. № 184)

К постройке трамвая. В бытность городского головы Беседина в Петрограде им наводились справки в Министерстве торговли и промышленности о сроке утверждения договоров и планов по постройке трамвая в Новониколаевске. Рассмотрение трамвайного вопроса обещано в самом ближайшем времени; возможно, что таковое уже состоялось. На днях ожидается получение результата.

Места для беженцев. Нас просят поставить в известность прибывающих в город беженцев, ищущих канцелярского труда, что в 4 уч. Барнаульского уезда имеется свободные места сельских писарей и помощников волостных писарей с окладами от 15 до 50 рублей в месяц. Лица (исключительно из беженцев), желающие занять свободные места, должны представить по почте имеющиеся у них документы о личности и о прежней службе: село Берское, Барнаульского уезда, крестьянскому начальнику IV участка.

Недоразумения с извозчиками. Начальник станции Новониколаевск сообщает городскому управлению, что ежедневно приходится наблюдать ругань и крики между извозчиками и пассажирами из-за таксы. Ввиду этих обстоятельств начальник станции просит о присылке нескольких экземпляров для помещения их на стенах здания вокзала для сведения пассажиров.

Врачеватель. Как нам сообщают, в городе проживает некий Ш., он же Ли-ю-синь, китаец-выкрест, именующий себя доктором. Доверчивой публике он заявляет, что может вылечивать от всех болезней в очень короткий срок.

На самом же деле происходит следующее: одно доверчивое лицо лечилось у этого «доктора» в течение четырех месяцев, снабжая его за визиты, в результате больной не только не получил облегчения, а нажил катар желудка.

Пациент остерегает публику от подобных «врачей».

***Георгий Гребенщиков. В просторах Сибири.
Т.Н. Изд-во писателей. Пг., 1915. (19016. № 6)***

С отзывом о петербургском томе сборника «В просторах Сибири» мы несколько запоздали, впрочем, произошло какое-то странное совпадение: отзывы дали почти все газеты почему-то очень поздно. А может быть, уже самое это запоздание является в некотором роде отзывом о книге? В самом деле, Георгий Гребенщиков не новичок в беллетристике – он давно уже известен широкому кругу читателей, мы, можно сказать, уже привыкли к нему – что же удивительного, что появление сборника его сочинений не вызвало никакой «суеты» ни в прессе, ни среди читателей.

Сборник принят, как нечто должное, нужное; в сборнике помещено все, что мы уже знали ранее, – значит, в этом отношении он не делает нового крупного события. Вот, мне кажется, те причины психологического порядка, которые объясняют запоздание отзыва о сборнике.

Общее впечатление от сборника такое, что перед нами книга, написанная серьезным, вдумчивым писателем, любящим Сибирь, глубоко грустящим о тех грубых, жестоких явлениях, которые нарождает переход вольных киргизских просторов в новые экономические и правовые условия.

Свободными сочными мазками писатель отмечает штрихи – изображает ли он быт, рисует ли природу, говорит ли он о вере. Всюду он умеет найти и ярко представить красивое или сильное, буйно-радостное или грустное.

Георгий Гребенщиков – певец просторов Сибири. Но певец – печальник. Может быть, это определение несколько тяжеловато, но оно, мне кажется, определяет творчество писателя. Георгий Гребенщиков не просто восторгается просторами, не просто восхищается величием и красотой степей, Алтайских гор и таежных дебрей. Как чуткий, сторожко любящий их певец, он где воочию видит, а где сердцем чувствует, что в этот мир ворвалась жуткая проза с ее отталкивающими явлениями, с ее уродствами. И писатель не стремится закрывать на это глаза. Берет он куски жизни, как они есть, с их величием, с их темными и светлыми пятнами, пятнами, быть может, иногда и не заметными для рядового человека, и с этих кусков с любовью и грустью рисует целую картину просторов Сибири.

Георгий Гребенщиков – сибирский писатель. Уже поэтому он должен быть своеобразным. К нему, как к бытописателю Сибири, не всегда приложимы общероссийские литературные мерки. В этом пункте сибирская критика неизбежно разойдется с столичными критиками.

Очень много пришлось бы говорить в защиту этого положения, но здесь не место отвлекаться в эту сторону.

Что касается, собственно, величины художественного дарования, то и на этот счет второй том «В просторах Сибири» дает материал, позволяющий сделать окончательный вывод.

Георгий Гребенщиков как художник вполне определился. Не прибегая к рискованным сравнениям, я сказал бы, что этот писатель – писатель «милостию Божьей». Он обладает всеми теми данными, на основании которых его можно причислить не просто к «настоящим» писателям, но к писателям «большим». И не в обиду будет сказано иным сибирским беллетристам, а в Сибири в прошлом и в настоящее время – едва ли не самый крупный писатель.

Однако такое определение не обязывает закрывать глаза на те недостатки, которые замечены нами в отдельных произведениях, помещенных в рассматриваемом сборнике.

И, как это ни странно, как раз самый красивый, помещенный первым рассказ «В горных далях» обладает досадными слабыми местами. Художественное чутье не мирится, например, с такими выражениями... «Вместе *точно* в *легком танце*, перепрыгивали через старые заваленные деревья... На снегу не оставалось даже *оттисков копыт*... Вдруг *осердился*, бросился на человека, *хотел выбить ему глаза* и ...*Стройным* хором поет птичье и насекомое царство».

В особенности примитивно звучит «осердился» и «хотел выбить ему глаза». «Стройный хор» – это, надо полагать, просто опечатка. Ведь и красоты и правды было бы больше, если бы автор сказал: нестройным хором и т.д.

Неприятное впечатление производит часто повторяющееся местоимение «он» (марал), «она». Этого можно было избежать.

Затем чувствуется потребность в изображении марала в те первые мгновения, как его только что заперли в маралий «сад».

Рассказ «В горных далях», судя по тому, что помещен первым в сборнике, и по связи, в какой следуют и другие произведения, – есть не просто красивый по форме рассказ о марале, жившем вольной красивой жизнью, а затем пойманном и запертом жестокими людьми ради пользы, но не мирящемся с этим и жадно рвущемся на волю и в конце концов выбегающем в леса, в горы; но, увы, одиноком, потерявшем семью, длительно поющем свою песню печали.

Это – символ, символ, проникающий главную часть произведений писателя.

За этим рассказом идет уже повесть, правдиво и отчетливо рисующая жизнь, сначала вольную, красивую, а потом душимую над-

вигающейся новой суровой действительностью, жизнь, разрушенную тоже «ради пользы». Я говорю о повести «Ханство Батырбека», являющейся самой значительной в сборнике.

Мы не будем подробно говорить о достоинствах этой повести. Скажем только, что автор в общем совершенно свободно и талантливо справился со своей задачей. Он, как и подобает настоящему художнику, сумел удержаться от пылких фраз и слезливых слов возмущенного и жалостливого человека, предоставив все это читателю. А в повести нет недостатка в описании таких явлений, которые вызывают все это.

Из остальных произведений едва ли не самым интересным являются «Лесные короли», оставляющее сильное впечатление. Содержателен и красив рассказ «В бору».

Живые правдивые типы и штрихи нарисованы автором в бытовых рассказах «Дело одинокое», «Грех», «Царь Максимилиан». Хороший рассказ «Всходы» испорчен неестественным надуманным концом.

К числу наиболее слабых нужно отнести ординарный рассказ «Незнакомец».

Интересным по замыслу является рассказ «Степашкина любовь»; к сожалению, нельзя сказать, чтобы он был выдержанным.

Место не позволяет останавливаться на каждом произведении более подробно, и я заканчиваю свой отзыв следующим замечанием.

Вообще нужно сказать, что там, где автор имеет дело с темами, собственно сибирскими, – там тон интереснее, сильнее. И значительно слабее, когда он затрагивает чуждые его творчеству темы, вроде тех, которые использованы им в рассказах «Незнакомец», «Дорога», «Гость» и др. Сокровищница, из которой свободно и пронзительно Георгий Гребенщиков черпает вдохновение и силу, – Сибирь с ее природой, зверями, людьми и жизнью прежде и теперь; здесь для творчества открыты широкие просторы.

М. Забирамник

***Библиография. Н. Ф. Чужак. Сибирские поэты
и их творчество. Вып. I. Изд. 2-е. Книгоизд-во Ирисы.
Иркутск. 1915 г. Ц. 40 к. (1916. № 7)***

За последние 10–15 лет в Сибири создались довольно обширные кадры писателей, в частности поэтов. Не считая «случайных» поэтов, то и дело появляющихся в печати, уже «профессионалов»-поэтов пришлось бы сейчас исчислять не одним десятком. В сибирских условиях

при отсутствии журналов, достаточного количества газет и т.п. изданий – это уже немало. Но все они в силу тех же сибирских условий распылены и не общеизвестны, если, скажем, поэт Х. пребывает в Иркутске, то о нем и будет знать только иркутский читатель, но иркутский читатель, наверное, мало знает о каком-нибудь даровитом поэте, находящемся в другом конце Сибири.

Вот почему нам еще совершенно неизвестно лицо поэтической Сибири, вот почему мы не знаем, что же, бедна или богата поэтическая сокровищница Сибири.

И было бы своевременно и нужно составить какую-нибудь «галерею сибирских поэтов», подвести итоги того, что у нас уже было и есть в данное время.

По-видимому, этой потребности стремится ответить книгоиздательство «Ирисы», выпустившее небольшой, в 64 стр., сборник Н.Ф. Чужака, посвященный характеристике творчества сибирских поэтов.

Помещенные в I выпуске очерки Н.Ф. Чужака, помнится, почти все были напечатаны в разное время в иркутских газетах до 1911 года; некоторые – позднее; часть из них дополнены и несколько изменены на основании позднейших данных. В рассматриваемый выпуск вошли характеристики следующих поэтов: И.В. Федорова-Омулевского, П.Л. Драверта, Ф.Ф. Филимонова, И.И. Тачалова, Степана Байкалова, Г.А. Вяткина и Н.Л. Янчевского.

Н.Ф. Чужак является сторонником того взгляда, что понятие о красоте есть вещь относительная. – Прекрасно то, что «заражает», вызывает соответствующую эмоцию, что говорит хоть не уму, так сердцу.

Автор прежде всего констатирует отсутствие или слабость у сибирских поэтов (после Омулевского) подлинного творчества, серьезного искания своего собственного коллективного «я», своих собственных, не взятых напрокат у метрополии, а выношенных в собственной душе художественных образов.

«Придет, – говорит он, – один «сибирский» поэт и – дурно переложит «своими словами» Никитина; придет другой и, обретаясь в явном конфликте с грамматикой, ухватится за самые верхушки модернизма; третий повторит замызганный мотив из Надсона; четвертый бросит две-три банальные мертвые фразы о величии Байкала, – таково, в общих чертах, творчество большинства новейших сибирских поэтов».

И с этим довольно верным замечанием нельзя не согласиться.

Труднее, а порой и, безусловно, нельзя согласиться с заключениями автора в отношении остальных поэтов. Например, совершенно неожиданной нужно признать характеристику творчества Н.Л. Янчевского. Не в том дело, конечно, что стихи Н.Л. Янчевского, как сам Н.Ф. Чужак отмечает, «печатаются мало» и потому его имя «мало кому известно».

Г. Чужак преувеличивает степень дарования этого поэта и без всякого основания приписывает ему не выявленный еще совершенно характер творчества. То, что совершенно случайно зафиксировано в форме стихов, в общем довольно слабых, а главное, не дышащих искренностью, автор почему-то счел за подлинное творчество. Н.Л. Янчевский, по степени дарования, конечно, не ниже весьма многих молодых сибирских поэтов, однако из его стихов не видно, чтобы он был похож на того «юношу», которого изобразил Н.Ф. Чужак.

Неприятное впечатление производит странный выпад Н.Ф. Чужака против поэта И.И. Тачалова. Отзываясь положительно о творчестве последнего, он в конце очерка обрушивается на поэта, как известно, в свое время лишенного права въезда в Сибирь и занявшегося мелочной торговлей вблизи Самары.

Ему кажется, что поэт уже променял свою поэзию на мелочную лавку, и он обличает И.И. Тачалова с его заботами о шинкованной капусте, о хлебопекарне и т.п.

Не ошибается ли Н.Ф. Чужак в данном случае, полагая, что эта жизнь поэта имеет «кровную связь с творчеством», не преждевременно ли усматривает тут гибель всех проблесков таланта?

М. Забирамник

По Сибири (Нарымский корреспондент) (1916. № 57)

Административные ссыльные супруги В.В. и Д.Н. Безпрозванные, живущие в дер. Алатаевой, Нарымского края, обратились к министру внутренних дел с прошением следующего содержания: «Я сапожник из Минска, имел мастерскую, где, кроме меня самого, работало четверо подмастерьев. Работали на русскую армию, сдавали работу в городскую управу.

Случай, повлекший за собой высылку меня и моей жены в Сибирь, имел место 24 декабря 1914 г.

Я русский человек, ваше высокопревосходительство, и выпить люблю, так уж сызмальства воспитан, да вряд ли найдется в России хоть один непьющий сапожник.

А тут война началась, торговлю спиртными напитками закрыли, и пьющему человеку совсем трудно жить стало.

На Захарьевской улице, в Минске была казенная винная лавка. С момента объявления мобилизации лавка эта была закрыта и опечатана, но вино из нее пока еще не было вывезено на склад. Сиделец этой лавки потихоньку поторговывал казенным вином. Как он умудрился добывать вино из опечатанной лавки, этого я, ваше превосходительство, в точности не могу сказать, но добывал и торговал им. Слух об этой торговле вскоре разошелся по прилегающим к этой лавке кварталам. Узнал об этом и я.

Соблазн был большой. Судите сами, ваше превосходительство, полгода ведь до этого рюмки водки во рту не было.

Пошел я в казенную лавку, с черного хода конечно.

– Можно? – спрашиваю сидельца. – Можно, говорит. – А что будет стоить? – спрашиваю. – 5 р. четверть.

Я торговаться не стал, взял четверть казенной водки и домой понес. Это было в самый сочельник. Жена моя поставила на стол ужин, я разлил водку себе и подмастерьям в стаканы, собирался праздник встретить, как – околоточный надзиратель с городовыми. Ну, конечно, праздник мне испортили. Я-таки успел выпить полстакана, а подмастерья и не попробовали. Жену мою в тот же вечер взяли, а меня несколько позже выдержали по 3 месяца в тюрьме, а затем в Сибирь сослали. Наказание слишком суровое за наше преступление.

Торговли водкой мы не производили, а купил я ее в казенной лавке исключительно для собственного потребления.

Годичным пребыванием в ссылке мы с женой, смеем думать, вполне искупили нашу вину и теперь покорнейше просим ваше высокопревосходительство, освободить нас из ссылки и тем самым вернуть меня в первобытное состояние, т.е. из нахлебника казны сделать самостоятельным работником и дать мне возможность по-прежнему работать на русскую армию, так нуждаются в хорошей обуви.

Вне всякого сомнения, казенная водка из лавки по Захарьинской улице в Минске уже вывезена на казенный склад и, таким образом, соблазн для меня, выпивающего сапожника, сам собой устранился.

Покорнейше прошу, ваше высокопревосходительство, в просьбе нашей не отказать».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть 1. Первая томская газета «Томские губернские ведомости» (1850–1870-е гг.)	5
Статейка для немногих (1858. № 13).....	5
Кое что о Семипалатинске (1858. № 42).....	8
Несколько слов о воспитании (1862. № 42)	11
Томск, 18 сентября (1864. № 37).....	13
Сибирь в 1-е января 1865 года (1865. № 1)	18
Сибирь перед судом русской литературы (1865. № 9).....	22
Гражданское увлечение Сибири (1865. № 16).....	30
Желать ли в Томске театра? (1868. № 17)	37
Первый книжный магазин в г. Томске (1873. № 20).....	40
О состоянии женщин между инородцами Томской губернии. Этнографический очерк (1873. № 24).....	41
Часть 2. Зарождение частной журналистики в Томской губернии (1880–1890-е гг.)	46
ТОМСК	
«Сибирская газета»	46
От редакции (1881. № 1).....	46
Центр или провинция? (1881. № 40)	48
Выбор улусного головы (Картинка из якутской жизни) (1882. № 3)	53
Ночь на Новый год (Новогодний фантастический рассказ) (1884. № 1).....	55
Томск, 26 мая (1885. № 21)	64
Томск, 16 февраля (1886. № 7)	72
Томск, 22 марта (1886. № 12)	74
Фельетон «Сибирской газеты». В толпе (1886. № 9).....	77
Томск, 4 мая (1886. № 18)	83
Театральные итоги (1887. № 9)	87
Томск, 21 мая (1888. № 38)	92
Томск, 22 июля (1888. № 55)	95
«Сибирский вестник»	97
Томск, 15 мая (1885. № 1)	97
Сыльный еврей-контрабандист в тоге сибирского патриота (1887. № 23)	103
Фельетон «Сибирского вестника». Чем мы живы. В Томске (1888. № 54)	107
Отношение столичной печати к внутренним делам (1888. № 79).....	110
Сон газетчика конца века (1892. № 150).....	113

«Томские губернские ведомости».....	118
Наши задачи (Необходимое объяснение) (1882. № 39).....	118
Сибирские служебные привилегии (1882. № 42)	122
«Томский справочный листок»	126
От редакции (1894. № 1).....	126
Библиография (1894. № 1).....	127
«Томский листок»	129
Сибирь в прошлом и настоящем (1896. № 1).....	129
О блудных детях прессы (1896. № 268).....	132
Память Императрицы Екатерины II Великой (1896. № 238)	135
«Сибирская жизнь»	137
От редакции (1897. № 235).....	137
Осип Осипович Незеваев (1898. № 44).....	139
«Дорожник по Сибири и Азиатской России»	144
От редакции (1899. № 1).....	144
Часть 3. Журналистика Томской губернии в 1900–1909 гг.	146
ТОМСК	
«Вестник Сибирской железной дороги»	146
Зачем? (1903. № 11).....	146
Томск, 10 апреля (1903. № 15).....	148
«Сибирский вестник»	151
Фельетон «Сибирского вестника». Быть или не быть сибирскому областничеству? (1905. № 177, 178).....	151
«Томские губернские ведомости».....	169
От редакции (1905. № 43).....	169
Страшные дни в Томске (1905. № 43).....	170
Томск, 10 июня (1907. № 43)	175
«Сибирские известия»	178
От редакции (1905. № 1).....	178
Маленькие письма о маленьких делах. Письмо 1. (1905. № 15).....	180
Настроение дня. (1905. № 62).....	184
«Сибирский наблюдатель».....	186
Совещание томских деятелей печати (1905. № 1–2)	186
Добавление к статье «События дня» (1905. № 1–2).....	188
«Время»	191
От редакции (1905. № 152).....	191
Фельетон. Беседа (1905. № 203).....	192
«Народные нужды»	197
Томск, 17 января 1906 г. (1906. № 1).....	197
По Сибири. Деревня спит... (1906. № 1)	198
О хорошей книге (1906. № 3)	199
Чего хочет партия народной свободы (1906. № 3).....	201
«Сибирские отголоски».....	204
Воскресенье, 25 июня 1906 г. (1906. № 16).....	204
«Томский вечерний листок».....	208
«Томский вечерний листок» и его программа (1906. № 1).....	208
Отчего дорого? (1906. № 2).....	208
Сатирические журналы:	209
«И смех, и горе»	209
Программа издания (1905. № 1)	209

От редакции (1905. № 1).....	209
Статья душещепательная (1905. № 1).....	210
«Осы»	211
Из басен Крылова. Демьянова уха (1906. № 12)	211
Из басен Крылова. Мартышка и Очки (1906. № 12).....	212
Из дневника гимназиста (1906. № 12).....	212
«Бич»	213
Что поют на берегах Ушайки (1906. № 2)	213
Объявление (1906. № 2).....	214
Вдоль по речке, вдоль да по грязной... (1906. № 2)	214
Ограждение (очерк) (1906. № 2)	214
«Рабочий юморист»	218
В долине, у гор... (1906. № 1).....	218
Экспромт (1906. № 1).....	219
Предостережение томским кадетам (1906. № 1)	219
По поводу двух палат в России (Посвящается первому русскому Парламенту) (1906. № 1)	219
«Ерш»	220
Завещание «Ерша» (1906. № 1)	220
Ерш-задира (1906. № 1)	220
Ворона (Басня) (1906. № 1).....	222
Опыт словаря «социальных положений» (1906. № 4)	223
Вместо передовой (1906. № 7).....	224
«Бубенцы»	226
Вместо передовицы (1907. № 20).....	226
К аграрному вопросу (1907. № 20)	227
Телеграммы Агентства Ад (1907. № 20).....	228
На заседании (шутка) (1907. № 20).....	228
Нейтралитет (сценка) (1907. № 22).....	230
Но... то был сон (фантазия пьяного сотрудника) (1907. № 24)	231
Чепуха (1907. № 28)	234
На тему дня (1907. № 40).....	235
План компании (1907. № 40)	235
«Красный смех»	237
Красный смех (1906. № 1).....	237
Орудие твердой власти (Фантазия) (1906. № 1)	237
«Негативы»	240
От редакции (1907. № 5).....	240
«Силуэты жизни родного города»	241
Кризис (редакционный этюд) (1909. № 17).....	241
Галерея томских поэтов (1909. № 24)	243
Несколько теплых слов (от редакции) (1909. № 27)	244
Дневник томского обывателя (1909. № 1).....	245
«Голос Томска»	247
Труды и плоды прогрессивно-освободительной печати (письмо в редакцию) (1907. № 14)	247
Забастовка рабочих Сибирского товарищества печатного дела по словам самих рабочих (1907. № 37)	250
Томск, 31 декабря (1908. № 278).....	253
От редакции (1908. № 278).....	254
Живи дольше! (1908. № 278)	255

«Сибирская мысль»	256
Сибирь в 1906 г. (1907. № 59).....	256
«Сибирская жизнь»	259
Провинциальное оскудение (1908. № 173).....	259
Томск и Новоиколаевск (Перемещение центра экономического тяготения) (1908. № 237)	261
Сибиряк у декадентов (Письмо из Москвы) (1908. № 104).....	270
Калейдоскоп (По градам и весям) IV. (1909. № 17).....	273
«Молодая Сибирь»	280
Молодой Сибири (1909. № 2)	280
На сибирские темы (1909. № 2).....	281
Томское Общество изучения Сибири (1909. № 6)	282
«Сибирская правда»	285
Патриотизм, человеконенавистничество и прогресс (1909. № 5).....	285
Религиозно-нравственный орган печати в Сибири (1909. № 17)	288
«Бухгалтер-практик»	292
От редакции (1909. № 1).....	292
Объявление о подписке на журнал «Бухгалтер-практик» (1909. № 1)	293
НОВИКОЛАЕВСК	
«Народная летопись»	295
Новоиколаевск, 30 марта (1906. № 1)	295
Post scribitum (1906. № 1)	296
Корреспонденции. (1906. № 2).....	297
Наброски. (1906. № 2).....	299
Городская хроника. Так жить нельзя (1906. № 3)	301
Крушение поезда (1906. № 3)	302
Театр (1906. № 3)	303
Дума и министры (1906. № 18).....	304
Раз и навсегда (1906. № 18).....	307
Корреспонденции. Минусинск (разгром просвещения) (1906. № 18)	308
Городская хроника (1906. № 47)	309
Маленький фельетон. «И наша земля кровью полита». (Рассказ сибирского крестьянина) (1906. № 50).....	310
Барнаульские письма (интересное заседание) (1909. № 117).....	313
Каинские штрихи и блики. 2 (1909. № 117).....	315
Городская хроника. Проигранная кампания. (1909. № 117).....	317
Заседание городской думы (1909. № 117).....	318
Каинские штрихи и блики. 3 (1909. № 119)	321
Комитет погорельцев (1909. № 119).....	322
Корреспонденции. Г. Томск (1909. № 120)	323
Маленький фельетон. Из речей наших гласных (1909. № 128)	325
Корреспонденции. Станция Тайга (1909. № 131).....	326
Итоги бюджетных работ на 1909 год (1909. № 133).....	327
О синдикальном движении в Сибири (1909. № 133)	329
Городская дума (1909. № 135)	331
К вопросу о промышленности в городе Новоиколаевске (1909. № 142)	334
Сибирь(1909. № 149)	336
Новоиколаевск, 17 июля 1909 г. (1909. № 151)	338
Городская хроника (1909. № 154)	339
Корреспонденции. Г. Бийск (1909. № 159).....	341

Корреспонденции. С. Спирино (1909. № 163).....	342
Корреспонденции. Из Алтайского округа (1909. № 165).....	342
Сибирь (от наших корреспондентов). Г. Барнаул (1909. № 166).....	343
Н.-Николаевск, 9 августа. (1909. № 169).....	344
Н.-Николаевск, 8 сентября (1909. № 192).....	346
Инцидент в театре «Луна» (1909. № 193).....	347
Об открытии новых школ (1909. № 194).....	347
С. Кочнево. Самоубийство учителя (1909. № 194).....	348
Письмо в редакцию (1909. № 195).....	349
Новониколаевск, 13 сентября (1909. № 196).....	349
Местная жизнь. Рыбу удят (1909. № 196).....	351
Из деятельности местных Саврасовых (1909. № 196).....	353
От наших корреспондентов. Г. Кольвань (Обойденный и обездо- ленный). (1909. № 200).....	353
От наших корреспондентов. Кольвань (Смешанное городское училище) (1909. № 202).....	356
Дер. Антонова (Верх-Алеусс. вол., Барнаул. у.) (1909. № 211).....	356
Сибирь. От наших корреспондентов. Г. Томск (1909. № 213).....	357
Сибирь. Г. Томск (1909. № 215).....	359
Нечто в роде рецензии (1909. № 216).....	360
Сибирь. От наших корреспондентов. Усть-Чарышская пристань (1909. № 217).....	361
Местная жизнь. Из школьного мира (1909. № 227).....	362
Сибирь. От наших корреспондентов. Инюшка (1909. № 229).....	364
Местная жизнь. Руки вверх (1909. № 231).....	365
Сибирь (от нашего корреспондента) (1909. № 237).....	366
Маленький фельетон. Цена жизни. Запрещение. Крепдельная школа (1909. № 239).....	367
«Обь»	368
Г.И. Театр и музыка. Концерт капеллы В.Г. Завадского (1907. № 30).....	368
Городская хроника. Город чистится (1907. № 61).....	369
Библиография. Потанин. Областническая тенденция в Сибири (1907. № 67).....	370
С лучом света (1907. № 124).....	373
Письмо (1907. № 128).....	375
По поводу (1907. № 131).....	377
Сказки жизни (1907. № 91).....	378
Письма в редакцию (1907. № 91).....	379
Письмо в редакцию (1908. № 94).....	380
Местная хроника (1908. № 97).....	382
Местная хроника. Поправка (1908. № 99).....	382
Алтай и железные дороги (1908. № 95).....	383
«Обская жизнь»	386
Новониколаевск, 15 ноября (1909. № 1).....	386
Новониколаевск, 26 ноября (1909. № 9).....	386
К вопросу о применении кинематографии в науке (1909. № 10).....	389
Местная жизнь. Заседание городской училищной комиссии, 2 декабря (1909. № 17).....	390
Современное искусство и босоножки (1909. № 36).....	392
Безработица в Сибири (1909. № 36).....	398

Сибирские очерки (1910. № 31)	401
Сибирь. Удивительные порядки (1910. № 44)	403
БАРНАУЛ	
« Барнаулские известия »	405
К выборам в Государственную Думу (1906. № 49)	405
Раскрепощение (1906. № 114)	406
« Отголоски Алтая »	408
Памяти Василия Константиновича Штильке (1908. № 1)	408
Пророк алтайцев Чет (1908. № 11)	410
« Барнаулский листок »	414
«Блоха» № 10 (1909. № 92)	414
Редкое и дорогое (1909. № 201).....	415
Часть 4. Томская журналистика 1910-х гг.	420
ТОМСК	
« Сибирская жизнь »	420
Какой-то Ташкент (1910. № 82)	420
О лице сибирской печати (1913. № 36).....	421
интеллигенция и печать Сибири (1913. № 40).....	427
« Сибирская новь »	431
Идея новой критики (1910. № 2)	431
Театр и музыка. «Сын народа»: Драма-поэма в 5 актах, соч. Г. Гребенщикова (1910. № 3).....	434
Библиография. К. Шрейбер «Тихие каноны. Первая книга лирики». Москва, 1910 г. (1910. № 7)	435
« Сибирская брачная газета »	436
От редакции (1910. № 1).....	436
« Сибирское слово »	438
О необходимости журналистики в Сибири (1910. № 1)	438
Недуги сибирской печати (Доклад В.И. Анучина) (1911. № 233).....	442
Недуги сибирской печати. По поводу доклада В.И. Анучина (1911. № 246)	445
« Ежегодник пчеловодов ».....	449
К читателям! (1911. № 1).....	449
« Томский вестник ».....	450
Наша программа (1912. № 1)	450
Памяти А.С. Суворина (1912. № 1).....	452
Торжество в редакции (1912. № 1)	453
« Утро Сибири »	457
Первая мусульманская газета в Сибири (1912. № 39)	457
« Материнская школа »	460
От редакции (1912. № 1).....	460
Что такое «Материнская школа» (1912. № 2).....	461
« Синдетикон ».....	463
Наша платформа (1912. № 1).....	463
« Сибирский врач ».....	465
От редакции (1913. № 1).....	465
« Сибирский студент ».....	467
Передовая (1914. № 1).....	467

Сибирский кружок. Очерк деятельности сибирского кружка томских студентов (1914. № 1).....	471
Студенческая пресса (1914. № 2).....	477
Отрадное явление (1915. № 7–8).....	480
«Сибирский свет»	480
Первая в Сибири вечерняя новая газета (1916. № 1).....	480
Г. Томск, 17 декабря 1916 года (1916. № 1).....	481
БАРНАУЛ	
«Алтайская газета»	484
Барнаул, 9 февраля (1910. № 1).....	484
Фельетон. На золотых приисках (1910. № 1).....	484
В городской Думе (впечатления) (1910. № 177).....	489
«Алтайская торгово-промышленная газета»	491
Барнаул, 3 апреля 1911 г. (1911. № 1).....	491
«Алтайский кооперативно-профессиональный листок»	493
Г. Барнаул, 29 января (1912. № 1).....	493
«Голос Алтая»	494
Барнаул, 17 июня (1912. № 1).....	494
«Алтайский телеграф»	496
Барнаул, 1 ноября (1913. № 1).....	496
Сибирь и земство (1913. № 1).....	497
«Алтайская жизнь»	500
Первый шаман. Легенда. (1915. № 70).....	500
Старые картины (1915. № 75).....	502
НОВО-НИКОЛАЕВСК	
«Обский вестник»	503
Новониколаевск, 19 февраля. (1911. № 111).....	503
Местная жизнь. На помощь голодным братьям (1911. № 111).....	504
«Сибирская речь»	505
Граф О.Л. Медем в роли насадителя «национализма» в Сибири (1913. № 22).....	505
«Алтайское дело»	508
По губернии. От наших корреспондентов. Ст. Сокур Сибирской железной дороги (1912. № 23).....	508
Хроника Места для беженцев (1915. № 184).....	509
Георгий Гребенщиков. В просторах Сибири (1916. № 6).....	510
Библиография. (1916. № 7).....	512
По Сибири (Нарымский корреспондент) (1916. № 57).....	514

Научное издание

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1857–1916):
СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ
И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ

АНТОЛОГИЯ

Редактор Н.А. Иванова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 25.09.2015.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 32,3; усл. печ. л. 30,4; уч.-изд. л. 30,8. Тираж 500. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1